

**РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР: ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ

**Том 2
Часть 2**

Сборник материалов X Конвента РАМИ

8–9 декабря 2016 г.
МГИМО–Университет

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Российская ассоциация международных исследований (РАМИ)

«25 ЛЕТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ»

Сборник материалов X Конвента РАМИ

(Москва, 8–9 декабря 2016 г.)

В пяти томах

Том 2

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР: ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ

В двух частях

Часть 2

Под общей редакцией А.В. Мальгина

Москва
Издательство «МГИМО–Университет»
2017

УДК 327(470+571)

ББК 66.4(2Рос)

Д22

РАМИ не несет ответственности за содержание статей.
Мнение авторов не обязательно совпадает с точкой зрения
Исполнительной дирекции и Руководящего совета РАМИ

Со всеми материалами X Конвента можно ознакомиться
на сайте Ассоциации www.risa.ru

Научные редакторы:

*А. А. Великая, О. В. Лебедева, А. Г. Глинчикова, Г. Л. Мурадов,
Т. А. Сеньюшкина, Ю. А. Караулова, В. И. Добросоцкий, М. Ю. Мاستушкин*

Д22 **«25 лет внешней политике России»**: сб. материалов X Конвента
РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.). В 5 т. Т. 2 : Россия и современный
мир: политика и безопасность. В 2 ч. Ч. 2 / под общ. ред. А. В. Мальгина ;
[науч. ред.: А. А. Великая и др.] ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений
(ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Рос. ассоциация междунар. ис-
следований (РАМИ). — Москва : МГИМО–Университет, 2017. — 599, [5] с.
ISBN 978-5-9228-1744-8 (т. 2, ч. 2)
ISBN 978-5-9228-1743-1

Издание представляет собой сборник статей, подготовленных модераторами и
участниками секций X Конвента Российской ассоциации международных исследо-
ваний (РАМИ), а также участниками пленарного заседания. Публикация отражает
спектр проблем, которые обсуждались в ходе Конвента.

УДК 327(470+571)

ББК 66.4(2Рос)

ISBN 978-5-9228-1744-8 (т. 2, ч. 2)
ISBN 978-5-9228-1743-1

© МГИМО МИД России, 2017

Оглавление

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ В МИРОВОЙ ПРАКТИКЕ

Вертикальные преимущества интернационализации как фактор вовлеченности университетов в мировые процессы <i>А. В. Барсукова, М. С. Осокина</i>	9
Из истории становления советской «публичной дипломатии»: особенности дипломатической деятельности посла СССР А. М. Коллонтай в Швеции в годы Второй мировой войны <i>Л. А. Будаева</i>	26
Использование послом Российской Империи в Великобритании графом С. Р. Воронцовым механизмов публичной дипломатии для разрешения Очаковского кризиса 1791 года <i>О. Ю. Захарова</i>	44
Применение публичной дипломатии как инструмента мягкой силы на территории Сербии: подходы России и США (на примере деятельности фонда им. А. М. Горчакова и центра публичной дипломатии Эдварда Мюррея) <i>Д. Д. Крыканов</i>	55
Экспертно-аналитическое знание во внешней политике России <i>О. В. Столетов</i>	76
Наследие президента Б. Обамы в области публичной дипломатии США <i>Н. А. Цветкова</i>	95
СЕМИНАР «„МЯГКАЯ СИЛА“ КАК ФАКТОР МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ: ТЕОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ»	
Роль Китая в формировании глобальной интеллектуальной среды как фактора «мягкой силы» <i>В. Р. Вакилова</i>	115
Общественный договор в России как фактор «мягкой силы» <i>Н. В. Деева</i>	134
«Мягкая сила» России на постсоветском пространстве: возможности и ограничения <i>Д. Э. Летняков</i>	148
«Мягкая сила» в формировании новой идеологии в России: апоритивный синдром и перспективы его преодоления <i>М. А. Майстат</i>	166

Оглавление

Особенности проявления «мягкой силы» во внешней политике Венгрии <i>Р.И. Мусина</i>	181
Потенциал российского высшего образования для формирования факторов «мягкой силы» внешней политики РФ <i>А.В. Очкина</i>	200
Русскоязычные сообщества как фактор «мягкой силы» на Ближнем Востоке <i>Н.В. Сухов, М.Ю. Дубовикова</i>	219
Политика памяти в контексте политики мягкой силы <i>М.М. Федорова</i>	240
Внешняя пропаганда КНР как важный элемент «мягкого» воздействия, реалии и проблемы <i>А.И. Харитонов</i>	255

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ФАКТОР ПРЕОДОЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЛОКАДЫ КРЫМА

От Босфора до Боспора: экология, культура, экономика <i>Т.А. Барaboшкiна</i>	275
Международное сотрудничество регионов и бизнеса Италии с Крымом как проявление публичной дипломатии <i>А.В. Баранов</i>	289
Имидж Крыма как аргумент публичной дипломатии <i>С.П. Барматова</i>	303
Воссоединение Крыма с Россией и внешняя политика стран Балканского полуострова и Восточной Европы <i>Г.И. Коларов, В.И. Сегуру-Зайцев</i>	317
Международные связи национально-культурных объединений Крыма <i>В.Ю. Парахина</i>	333
Публичная дипломатия в качестве единственного разрешения кризиса в Крыму <i>В. Рашкович-Талович</i>	345
Уровень социальной тревожности в связи с последствиями присоединения Крыма <i>Н.А. Романович</i>	362
СМИ Крыма как акторы публичной дипломатии <i>О.С. Сардановская</i>	377

Роль социального капитала в преодолении международной блокады Крыма <i>Т. А. Сеньюшкина</i>	389
--	-----

Коммуникативные механизмы и практики реинтеграции крымско-татарского народа в российский социум <i>П. В. Тарусин</i>	408
---	-----

АКТОРЫ ВЛИЯНИЯ И ВЫЗОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНИЮ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Группа БРИКС как новый актер влияния в мире в условиях глобализации <i>О. Е. Дрегнин</i>	425
---	-----

Глобальное управление: причины, механизмы и угрозы <i>М. В. Дудаева</i>	437
--	-----

Государственное управление в цифровую эпоху <i>С. Г. Камолов</i>	449
---	-----

Эволюция экономических конституций <i>И. В. Левакин</i>	461
--	-----

Международное сотрудничество в сфере противодействия коррупции и его эффективность <i>Е. В. Охотский</i>	479
---	-----

Государственное регулирование экономики Российской Федерации в условиях экономических санкций <i>А. В. Павлюк</i>	496
--	-----

Актуальные аспекты международных усилий по противодействию транснациональной организованной преступности в рамках Совета Европы <i>Д. Д. Шалягин</i>	509
---	-----

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО МЕХАНИЗМА РЕАГИРОВАНИЯ НА НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Сущность государства: новые вызовы для исследователей и уроки прошлого <i>В. Э. Березко</i>	537
--	-----

Совершенствование правового регулирования государственного управления в бюджетной сфере как средство реагирования на новые вызовы национальной безопасности <i>А. Г. Гуринович</i>	555
---	-----

Оглавление

Евразийское сотрудничество в области АПК как инструмент формирования продовольственной безопасности <i>В. И. Добросоцкий</i>	572
Трансграничные угрозы в постконфликтном миростроительстве в Центральноафриканской Республике: проблемы построения эффективного механизма реагирования на национальном уровне <i>И. Р. Ютяева</i>	586

**Публичная дипломатия
и политические коммуникации
в мировой практике**

Модераторы

А. А. Великая, О. В. Лебедева

ВЕРТИКАЛЬНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ КАК ФАКТОР ВОВЛЕЧЕННОСТИ УНИВЕРСИТЕТОВ В МИРОВЫЕ ПРОЦЕССЫ¹

А. В. БАРСУКОВА, М. С. ОСОКИНА

***Аннотация.** Статья посвящена интернационализации университетов как фактору вовлеченности в мировые процессы. В современных условиях именно интернационализация определяет лидерство университетов. Соотношение горизонтальных и вертикальных преимуществ определяет степень вовлеченности университета в мировые процессы. Именно вертикаль развития процесса влияет на построение новой успешной модели университета, способной к выстраиванию партнёрских отношений в любых модельных конструкциях политики в области образования и науки.*

***Ключевые слова:** университет, мировые процессы, акторность, публичная дипломатия, модели университетов, интернационализация, вертикальная интернационализация, публичная политика.*

Современное кружево мирового поля представляет собой многослойную матрицу, в которой университеты играют немаловажную роль. Негосударственные акторы оказали влияние на Вестфальскую систему международных отношений и внесли новое измерение в методы взаимодействия. Научно-технологический прогресс как атрибут включенности в мировые процессы упрочил позиции академического и научного мира.

В условиях начавшейся глобальной конкуренции в области знания у университетов появляется собственная траектория участия в мировых процессах. Актуальным становится вопрос о выборе успешной модели университета и модели научной и образовательной политики, которая смогла бы соответствовать новым условиям мирового разви-

¹ Авторы выражают благодарность Институту планирования образования ЮНЕСКО за помощь в поиске источников и литературы и лично Антону де Гро за экспертное интервью.

тия. «Мягкая сила» становится той сферой партнерства для реализации взаимных интересов государства и университета. В этих условиях интернационализация образования и науки, которая в настоящее время достигла сложных форм и количественным показателям предпочитает качественные, становится инструментом вовлеченности университета в мировые процессы.

Рассмотрение основных тенденций в модельном построении успешных образовательных политик, условий успешного выстраивания сферы взаимных интересов государства и университета в повышении степени акторности в мировых процессах, а также значение вертикальных преимуществ современного процесса интернационализации важно для понимания контура вовлеченности вузов в мировые процессы. Всё это касается и современной российской системы высшего образования и науки, которая, безусловно, вовлечена в мировые тренды развития и, сохраняя свои особенности, ищет пути для закрепления позиций.

Основные тенденции в моделировании лидирующих университетов и образовательной политики

История формирования университетов показывает, что запуск новых моделей происходил в период смены эпох и, соответственно, роли университета. Созданная в X–XII вв. теологическая модель, сменилась в XIX в. университетом исследовательского типа, а затем и индустриального в XX в. В конце XX в. начались большие мировые дискуссии о смене модели университета, которые сводились к рассуждениям о смене схемы управления².

В этом контексте очень долго на повестке дня была идея о децентрализации управления в университетах. Несмотря на долгие обсуждения и приверженность, прежде всего, США и Европы, к горизонтальному выстраиванию системы, уже в 1970-х гг. стало ясно, что «децентрализация не успевает за реалиями роста»³, что это не самый до конца понятный и предсказуемый процесс, а главное — далеко не единственный способ эффективного управления университетом, поэтому в современных условиях необходимо сохранять «баланс между автономией, профессионализмом и ответственностью»⁴.

² Стоит упомянуть классические работы Бёртона Кларка (Burton R. Clark) и других авторов. Подробнее о дискуссиях: Kogan, M., & Bleiklie, I. (2007). Organisation and Governance of Universities. Higher Education Policy, 20, 477–493.

³ Shattock, M. (1983). The Structure and Governance of Higher Education. Leverhulme Programme on the Study of the Future of Higher Education (Ed.), SRHE, 210.

⁴ Гро Антон, де, руководитель направления, Международный институт планирования в образовании ЮНЕСКО: <http://www.iiep.unesco.org/en/de-grauwe-2595?language=en> Из личного интервью. 06.01.2017.

В начале XXI в. в новых комплексных условиях мирового развития были предложены (как правило, исследователями англо-саксонской школы) и обсуждались (в том числе и в отечественном дискурсе), идеи сетевого университета⁵, «предпринимательского университета»⁶, «квази-рыночной» модели⁷ и т.д. В отечественной дискуссии новую модель университета определяют как «транзитивный университет нового типа»⁸, подразумевая под ним, прежде всего, возможность создания знания в быстроменяющихся условиях.

Модельное построение университета, учитывая комплексность современных процессов, находится в прямой зависимости от политики в области образования и науки, в которой принимают участие рынок, государство и академия. Именно они лежат в основе сложившихся моделей образовательных политик:

- Рыночная — управляется рынком (прежде всего, Великобритания и США);
- Социальная — управляется государством (как правило, Северная Европа);
- Центрально-европейская — смешанное управление (Франция и Германия)⁹.

Каждая из этих моделей имеет свою «внутреннюю логику, глубокие корни порядка и изменений»¹⁰. Однако, именно рыночная модель выступала на глобальном поле как лучшая практика образовательной политики.

Один из ведущих специалистов в области высшего образования, который сейчас является членом Совета российского проекта «5 топ 100»,

⁵ Например: Лупанов В. Н. Сетевая модель управления университетом в условиях глобализации и регионализации образования // Университетское управление: практика и анализ. — 2009. — № 2. — С. 63–68.

⁶ Например: Коннов В., Эволюция моделей университетского управления: от “studium generale” до «предпринимательского университета» / М. Репина // Международные процессы, Т. 13. — №1. — С. 35–47.

⁷ Например: Agasisti, T., & Catalano, G. (2016). Governance models of university systems — towards quasi-markets? Tendencies and perspectives: A European comparison. *Journal of Higher Education Policy and management*, 28 (3), 245–262.

⁸ Волков А. Е. Нерешаемые задачи как основа высшего образования — интервью [Электронный ресурс] // Вопросы образования. — 2013. — №1. — С. 273–277. Режим доступа: <https://vo.hse.ru/2013--1/97717458.html> (дата обращения: 10.01.2017)

⁹ Подробно, например: Шпаковская Л. Политика высшего образования в Европе и России. — Санкт — Петербург: Норма, 2007. — 128 с.

¹⁰ Shattock, M. (1983). *The Structure and Governance of Higher Education*. Leverhulme Programme on the Study of the Future of Higher Education (Ed.), SRHE, 210.

Филипп Альтбах в своих работах в конце 1990-х гг. озвучил идею о том, что глобализация добавила «новое измерение в неравенство в высшем образовании» и стала новой версией неокOLONIALИЗМА в мировой политике. Он констатировал наличие центра и периферии в образовании. Однако, самым важным, с его точки зрения, является необходимость признать этот факт неравенства, а потом уже попробовать построить мир, который его устранил, что будет «достаточно сложно сделать в условиях возрастающей маркетизации образования»¹¹.

И отчасти Альтбах был прав, подводя итоги распространения в 1980–1990-е гг. в глобальном масштабе рыночной модели образовательной политики. Он также описал причины и результаты этого распространения: самым распространённым в образовании и науке является не только английский язык, но и англо-саксонская методология научного общения, интернационализируются и глобализуются учебные планы образовательных программ по модели планов государств Севера, в мировых рейтингах топовые места принадлежат вузам США и Великобритании¹².

Однако, второе десятилетие XXI в. показало заметный сдвиг в «новом измерении». Успех азиатских вузов приблизил их к статусу университетов мирового класса. Такой вариант развития позволил профессору Гонконгского политехнического университета Вильяму Ят Ват Ло в статье «Мягкая сила, университетские рейтинги и производство знания: различия между гегемонией и самоопределением в высшем образовании» заявить о «построении центров на периферии» в высшем образовании. В этом контексте автор вступает в дискуссию с Альтбахом относительно обоснованности тезиса о неокOLONIALИЗМЕ через сферу высшего образования и говорит о необходимости «разделять гегемонию и самоопределение» государств, активнее использовать понятие «мягкой силы» и инструмент мировых рейтингов.

Ло подчеркивает тот факт, что университеты мирового класса глобализуют «мягкую силу» государства и открывают его национальные границы. Мировые рейтинги выступают средством равенства в постколониальную — как подчеркивает автор — эпоху в образовательном мире. Поэтому, заключает он, «развитие системы производства знания

¹¹ Эти идеи были озвучены и в более ранних статьях, в настоящем исследовании использовалась эта: Altbach, Philip G. (2004). Globalisation and the university: Myths and realities in an unequal world. *Tertiary Education and Management*, 10:1, 3–25

¹² Исключение составляют лишь гуманитарные науки, в которых (как, например, в истории) доминирует региональная и / страновая интерпретация, видение и методология.

в развивающихся странах может выиграть от активного и глубокого погружения в глобальное академическое сообщество через интернационализацию»¹³.

Подобного рода диалог хорошо отражает тенденцию, которая сложилась в настоящее время в системах моделирования университетов и образовательных политик. Пример азиатских вузов, где сочетается участие рынка и государства в определении политики высшего образования и результаты, которых они достигли, еще раз подчеркивает возможность и даже необходимость поиска новых моделей партнерства государства, рынка и академии в реализации образовательных политик. Этот же тезис подтверждает и успех скандинавских вузов в образовательном и исследовательском поле, который наблюдается в последнее время и всё чаще относится к примерам лучших практик.

Сложившиеся модели политики высшего образования в последнее десятилетие претерпевают изменения под воздействием процессов глобализации университетов и смене роли участников мирового взаимодействия. Рынок, государство и академия в условиях мировой конкуренции в борьбе за знания выстраивают новые формы сосуществования. Научно-технологический прогресс и необходимость большой финансовой поддержки утвердил роль государства как одного из партнеров в развитии науки и образования.

Сферы взаимных интересов государства и университета в повышении степени акторности в мировых процессах

С момента образования первых университетов их основной чертой являлось сосредоточение знания, которое затем конвертировалось в атрибут прогресса и развития. Идея о знании — силе и, как следствие, форме осуществления власти активно развивалась французским исследователем Мишелем Фуко¹⁴. Желание обладать знанием, с одной стороны, предопределяло «учредителей» университетов на протяжении исторического развития: церковь, государство, экономика, идеология, научно-технологический прогресс, а, с другой, стало причиной борьбы за автономию университетов.

В исследованиях мировой политики университет часто выделяется как самостоятельный актор и «звено, «соединяющее» процессы образовательной интеграции, основывающейся на межгосударственных

¹³ Например: Коннов В., Эволюция моделей университетского управления: от «studium generale» до «предпринимательского университета» / М. Репина // Международные процессы, Т. 13. — №1. — С. 35–47.

¹⁴ Фуко М. Археология знания / пер. с фр. С. Митина, Д. Стасова.: Киев, 1996 Ника — Центр. — С. 207.

соглашениях, и глобализации, которая таких соглашений не требует»¹⁵. Как правило, его акторность проявляется в следующем¹⁶:

1. Транснационализация университета (заключает договоры вне государств и самостоятельно выстраивает двустороннее и сетевое сотрудничество);
2. Переплетение функций университета (занимает нишу и в области аналитики, и науки, и образования, и культуры, и мягкой силы и т.д.);
3. Расслоение ресурсного потенциала государства (университет выступает в качестве самостоятельного представителя образовательных услуг);
4. Участие университета в формировании элит (и как результат — влияние на современную систему коммуникаций и принятия решений).

Однако критерии акторности университета сложно поддаются четкому определению. К тому же, научно-технологический прогресс и инновационное развитие делает государство одним из партнеров в процессе достижения образовательных и научных результатов. Ключевыми сферами такого сотрудничества всё чаще выступают политика «мягкой силы» государства, а также публичная дипломатия.

В классическом понимании *soft power* Джозефа Ная как одном из неполитических способов реализации внешних интересов государства, университеты играют значительную роль. Однако отмечается несколько особенностей «мягкой силы», которые стоит особо подчеркнуть в контексте данной статьи. Во-первых, «мягкая сила», в которую зачастую вовлечены университеты, — это гораздо более комплексная конструкция, потому что в её ареал входит очень много источников, не подвластных правительствам, а эффект во многом зависит от принятия или непринятия этой силы целевой группой. Во-вторых, на выстраивание политики «мягкой силы», получение и сохранение результатов, уходит гораздо больше времени по сравнению с «жесткой силой»¹⁷. Поэтому включение инструментов этой политики как постоянного механизма внешней концепции государства, а также устойчивая стратегия внеш-

¹⁵ Лебедева М. М. Интернационализация высшего образования: вызовы и возможности для университетов / М. М. Лебедева // Императивы интернационализации / отв. ред. М. В. Ларионова, О. В. Перфильева — М.: Логос, 2013. — С. 244–261.

¹⁶ Лебедева М. М. Акторы в международных отношениях и мировой политике [Электронный ресурс] // РСМД: электрон. портал, 2016. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7780#top-content (дата обращения: 07.01.2017).

¹⁷ Nye, Joseph S. (2004). *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. Chapter 4 — *Wielding Soft Power*, Public Affairs, 208. Retrieved from: http://www.belfercenter.org/sites/default/files/legacy/files/joe_nye_wielding_soft_power.pdf

них связей университета становятся атрибутом сохранения и развития позиций на мировой арене обоих участников.

Международное позиционирование университета покрывает и публичная дипломатия государства. Вместе с тем, очень часто университет оказывается вовлеченным и в вопросы геобрендинга или позиционирования территории. Разницу и соотношение между публичной дипломатией и брендингом государства подробно в своих работах рассматривает исследователь Сзонди¹⁸. В самом широком смысле к одной из главных черт первого понятия он относит политический интерес и, соответственно, экономический интерес — чертой второго понятия. В оба эти процесса вовлечены и современные университеты.

Определяя, вслед за Бардосом, публичную дипломатию как «старое искусство, но новую профессию», Сзонди описывает атрибуты профессии публичного дипломата в XXI в.: 1. Владение знаниями и техниками, применяемыми в работе 2. Готовность к обучению, которое необходимо для шлифовки знаний и тестирования компетенций 3. Наличие самоуправляемого профессионального органа, в котором концентрируется «производство» публичной дипломатии 4. Профессиональные нормы (этика), которые регулируют практику 5. Определённый социальный статус и профессиональное признание.

В этом случае, продолжает исследователь, публичная дипломатия XXI в. приобретает характеристики полноценного самостоятельного инструмента внешней политики, целью которого является продвижение политического и экономического интереса и создание принимающей среды (*receptive environment*) и позитивной репутации страны за рубежом. Этот инструмент способен к самоанализу через отслеживание результатов и налаживание обратной связи от сегментированной и четко-определенной общественности, а также вовлекает государственные и частные источники финансирования.

Такая публичная дипломатия может успешно сосуществовать с процессом брендинга государства — сфера, которая четко завязана на экономику и использует соответствующие методы достижения эффективности. Возникшая синергия может придать ей более стратегический подход, таргетированную визуализацию, большую креативность и динамизм. Наиболее успешным объектом брендинга в этом процессе могут стать университеты как центры передовых техноло-

¹⁸ Szondi, G. (2008). Public diplomacy and Nation Branding: Conceptual Similarities and Differences. Netherland Institute of International Relations "Clingendael", 11. Retrieved from: https://www.clingendael.nl/sites/default/files/20081022_pap_in_dip_nation_branding.pdf

гий, точки притяжения международной мобильности и коллаборации, а также как объекты покрытия и политики, и экономики государства.

От того насколько современное государство может выдерживать баланс между мягкой и жесткой силой, сочетать продвинутую публичную дипломатию и брендинг государства как способы реализации политических и экономических интересов зависит степень эффективности сотрудничества с университетами и скорость вовлеченности обоих в мировые процессы в условиях конкуренции знания.

Интернационализации университетов: от количества к качеству

Своего рода *lingua franca* вовлеченности разных моделей современных университетов и политик в области образования и исследований в мировые процессы выступили сразу несколько факторов: интеграция (преимущественно, в рамках Болонского процесса), сетевое сотрудничество и интернационализация. Если первые два явления на сегодняшний день являются уже практически *fait accompli*, то процесс интернационализации как процесс «внедрения международного, межкультурного и глобального измерений в цели, функции и реализацию образования и исследований»¹⁹, до сих пор вызывает много споров.

Если применять метафору индустриального / экономического мира, то развитие университетов прошло несколько фаз интернационализации: 1. Внутренняя (преимущественно внутренняя конкуренция) 2. Частично-внутренняя (с активным процессом зарубежного образования и исходящей мобильности) 3. Мультинациональная (развитие международных бизнес школ и формирование профессиональных образовательных организаций) 4. Глобальная и транснациональная²⁰.

Принято выделять пять основных компонентов глобальной интернационализации²¹:

1. Лидерство университета;
2. Международная активность преподавателей и исследователей;

¹⁹ Chan, W.W.Y. & Dimmock, C. (2008). The Internationalisation of Universities: Globalist, Internationalist and Translocalist Models. *Journal of Research in International Education*, 7, 184.

²⁰ По: Bartell, M. (2003). Internationalisation of universities: A university culture-based framework. *Higher Education*, 45, 43–70.

²¹ Ellingboe, B. J. (1998). Division strategies to internationalize a campus portrait: Results, resistance, and recommendations from a case study to a U.S. university". In J. A. Mestenhauer & B. J. Ellingboe (Eds.), *Reforming the higher education curriculum: Internationalizing the campus*, 198–228. Washington, DC: American Council on Education.

3. Доступность и гибкость международных образовательных программ как для входящей, так и для исходящей мобильности;
4. Наличие и интеграция иностранных студентов и преподавателей в жизнь университета;
5. Международное необразовательное сопровождение входящей мобильности.

В докладе американского совета по образованию было заявлено о шести ключевых активностях, описывающих интернационализацию в университете: озвученное намерение, академическое предложение, организационная инфраструктура, внешнее финансирование, инвестиции в преподавателей, международные студенты и студенческие программы²².

В 2013 г. при участии Национального фонда поддержки кадров и ведущих российских и международных специалистов вышла монография «Императивы интернационализации»²³, в которой был проведен анализ изменений, произошедших как в самом понимании процесса интернационализации, так и в национальных практиках ее развития. В монографии отражены основные тренды, подняты спорные вопросы и обозначены результаты, которых достиг процесс к первому десятилетию XXI в.

Авторы монографии справедливо утверждают: в современном мире стало очевидным, что интернационализация вузов не может быть самоцелью, но является одним из важнейших механизмов отвоевывания позиций в глобальном мире. Она может быть и «пусковым механизмом» для важных качественных изменений университетов в сторону мирового лидерства, и дополнительной возможностью государства в виде повышения национального участия в глобальной экономике знания. Однако авторы подчеркивают и то, что современная интернационализация с трудом поддается определению качественных характеристик или направлений, в которых она происходит²⁴, в то время как именно эти моменты могут быть индикаторами её эффективности и инструментом включенности в мировые процессы.

Если выстроить все характеристики процесса интернационализации, которые развивались и формировались с течением времени, то

²² Phani k. Adapa (2008). Strategies and factors effecting internationalisation of uniueristy research and education. University of Saskatchewan. Retrieved from: <http://homepage.usask.ca/~pka525/Documents/Internationalization.pdf>

²³ Императивы интернационализации / Отв. ред. М. В. Ларионова, О. В. Перфильева — М.: Логос, 2013. — 420 с.

²⁴ Элспет Дж. Глобализация интернационализации: размышления об устоявшейся концепции / Ханс де Вит // Императивы интернационализации / Отв. ред. М. В. Ларионова, О. В. Перфильева — М.: Логос, 2013. — С. 21–53.

можно разделить их на две крупные категории: горизонтальные и вертикальные. Обладание такими характеристиками превращается в преимущества, а их отсутствие — в недостатки²⁵.

Горизонтальные конкурентные преимущества, к которым можно отнести такие тяжеловесные составляющие как размер национальной экономики, ресурсы правительства, масштабы системы образования, международное признание исследований и инноваций, лучшие условия в глобальной конкуренции за таланты и ресурсы и, как результат, место в рейтингах, во-первых, являются совокупностью для мирового лидерства университета, а, во-вторых, относятся к тем сферам, в которых университет вступает в активное внешнее взаимодействие с партнёрами и основными участниками развития образования и науки и очень часто в современных условиях таковым выступает государств.

Во время как вертикальные конкурентные преимущества относятся к внутреннему процессу интернационализации университета. Совокупность таких факторов как геолокация университета, степень популярности в мире языка и культуры, которые университет представляет; складывающееся устойчивое партнёрство, роль университета как площадки для международных встреч, международный продукт, который создает университет; а также выстроенный по горизонтали административного устройства университета менеджмент интернационализации ведет к возможностям качественного международного маркетинга и PR образовательной структуры.

Эти критерии могут определить на какой стадии находится вуз: международного образования или интернационализации²⁶. Грань перехода из одного состояния в другое находится на отметке 5, поскольку качество современной интернационализации, а, соответственно, и лучшие условия в глобальной конкуренции за таланты и ресурсы, можно измерить качеством продукта, который университет производит.

График 1 отражает ситуацию с процессом интернационализации в российских вузах. Пройдя несколько этапов развития, российские университеты вступили в четвертый этап внутренней интернационализации университетов²⁷, который сопровождался реформированием системы

²⁵ Представлено на графике 1

²⁶ Подробно о разнице терминов: Элспет Джонс. Глобализация интернационализации: размышления об устоявшейся концепции / Ханс де Вит // Императивы интернационализации / Отв. ред. М. В. Ларионова, О. В. Перфильева — М.: Логос, 2013. — С. 21–53.

²⁷ Филиппов В. М. Внутренняя интернационализация в российском высшем образовании // Императивы интернационализации / Отв. ред. М. В. Ларионова, О. В. Перфильева — М.: Логос, 2013. — С. 200–213.

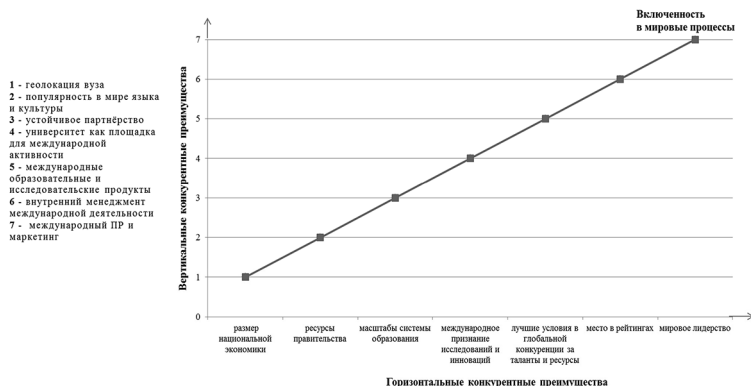

График 1. Горизонтальные и вертикальные преимущества интернационализации университета как факторы степени вовлеченности в мировые процессы

образования и науки, вливанием внушительных государственных средств на внутреннее и внешнее развитие. В оценке состояния этого процесса, которая была сделана на базе метода многомерного ранжирования в вышеупомянутой монографии по императивам интернационализации говорится о необходимости наращивания, прежде всего, тех преимуществ интернационализации²⁸, которые в нашей схеме относятся к вертикальным.

Частично эта зависимость была проанализирована в научно-исследовательском проекте «Формирование системы привлечения иностранных студентов как фактор повышения международной репутации университетов-участников проекта повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров»²⁹. В частности, в отчете по апроба-

²⁸ Многомерное ранжирование как инструмент оценки многообразия функций университетов. И. В. Аржанова, М. Ю. Барышникова, В. М. Жураковский, Л. В. Заварыкина, И. В. Лазутина, М. В. Ларионова, А. С. Лопатина, В. А. Нагорнов, О. В. Перфильева // Императивы интернационализации / Отв. ред. М. В. Ларионова, О. В. Перфильева — М.: Логос, 2013. — С. 342–368.

²⁹ Научно-исследовательский проект ФГАНУ «Социоцентр» «Формирование системы привлечения иностранных студентов как фактор повышения международной репутации университетов-участников проекта повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров». Координатор — Казанский (Приволжский) федеральный университет. 2016 г. Режим доступа к информации о проекте: <http://kpfu.ru/international/proekty-i-granty/formirovanie-sistemy-privlecheniya-inostrannyh/o-proekte>

ции комплексной методики создания и внедрения в российском университете системы привлечения иностранных студентов была озвучена необходимость перехода в менеджменте международной деятельности в российских вузах от концепции «единственной точки входа» с ограниченным количеством прямых участников международной кооперации к концепции «первой точки входа» в университете и множественности акторов системного внешнего сотрудничества.

Современное глобальное академическое и научное развитие требует усовершенствования системы интернационализации университета, превращая количественные показатели международного взаимодействия в качественные, затем переформатируя последние в систему «лучших практик». Именно вертикальные преимущества интернационализации, которые в большей степени отражают внутреннее развитие университета, способны усилению его включенности в мировые процессы.

Выводы

Таким образом, в современных условиях именно интернационализация определяет лидерство университетов. Соотношение горизонтальных и вертикальных преимуществ определяет степень вовлеченности университета в мировые процессы. Именно вертикаль развития процесса влияет на построение новой успешной модели университета, способной к выстраиванию партнёрских отношений в любых модельных конструкциях политики в области образования и науки.

Литература:

1. Волков А. Е. Нерешаемые задачи как основа высшего образования — интервью // Вопросы образования. — 2013. — №1. — С. 273–277. Режим доступа: <https://vo.hse.ru/2013--1/97717458.html> (дата обращения: 10.01.2017)
2. Гро Антон, де, руководитель направления, Международный институт планирования в образовании ЮНЕСКО: <http://www.iiep.unesco.org/en/de-grauwe-2595?language=en> Интервью. 06.01.2017.
3. Императивы интернационализации / Отв. ред. М. В. Ларионова, О. В. Перфильева — М.: Логос, 2013. — 420 с.
4. Коннов В., Эволюция моделей университетского управления: от “studium generale” до «предпринимательского университета» / М. Репина // Международные процессы, Т. 13. — №1. — С. 35–47.
5. Кортунов А. От постмодернизма к неомодернизму, или Воспоминания о будущем. 30.01.2017. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8641#top-content (дата обращения: 30.01.2017)
6. Лебедева М. М. Актеры в международных отношениях и мировой политике [Электронный ресурс] // РСМД: электрон. портал 09.06.2016. Режим досту-

па: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7780#top-content (дата обращения: 07.01.2017)

7. Лебедева М.М. Интернационализация высшего образования: вызовы и возможности для университетов / М.М. Лебедева // Императивы интернационализации / отв. ред. М.В. Ларионова, О.В. Перфильева — М.: Логос, 2013. — С. 244–261.
8. Лупанов В.Н. Сетевая модель управления университетом в условиях глобализации и регионализации образования // Университетское управление: практика и анализ. — 2009. — № 2. — С. 63–68.
9. Отчет о проведении апробации комплексной методики создания и внедрения в российском университете системы привлечения иностранных студентов. Научно-исследовательский проект ФГАНУ «Социоцентр» «Формирование системы привлечения иностранных студентов как фактор повышения международной репутации университетов — участников проекта повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров». Координатор — Казанский (Приволжский) федеральный университет. 2016 г.
10. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. С. Митина, Д. Стасова.: Киев, 1996 Ника — Центр. — С. 1996–207.
11. Шпаковская Л. Политика высшего образования в Европе и России. — Санкт — Петербург: Норма, 2007. — 128 с.
12. Элспет Дж. Глобализация интернационализации: размышления об устоявшейся концепции / Ханс де Вит // Императивы интернационализации / Отв. ред. М.В. Ларионова, О.В. Перфильева — М.: Логос, 2013. — С. 21–53.
13. Agasisti, T., & Catalano, G. (2006). Governance models of university systems — towards quasi-markets? Tendencies and perspectives: a European comparison. *Journal of Higher Education Policy and Management*, 28(3), 261–278. Dizambourg, B. (2007). Transformations universitaires: un modèle international? *Revue internationale d'éducation de Sèvres*, 45, 17–25. Retrieved from: <http://ries.revues.org>
14. Altbach, Philip G. (2004). Globalisation and the university: Myths and realities in an unequal world. *Tertiary Education and Management*, 10:1, 3–25
15. Bartell, M. (2003). Internationalisation of universities: A university culture-based framework. *Higher Education*, 45, 43–70.
16. Burton, R. C. (1986). *The Higher Education System: Academic Organization in Cross-national Perspective*. University of California Press, 315.
17. Chan, W.W.Y. & Dimmock, C. (2008). The Internationalisation of Universities: Globalist, Internationalist and Translocalist Models. *Journal of Research in International Education*, 7, 184.

18. Ellingboe, B. J. (1998). Division strategies to internationalize a campus portrait: Results, resistance, and recommendations from a case study to a U.S. university". In J. A. Mestenhauser & B. J. Ellingboe (Eds.), *Reforming the higher education curriculum: Internationalizing the campus*, 198–228. Washington, DC: American Council on Education.
19. Kogan, M., & Bleiklie, I. (2007). Organisation and Governance of Universities. *Higher Education Policy*, 20, 477–493.
20. Nye, Joseph S. (2004). *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. Chapter 4 — Wielding Soft Power, *Public Affairs*, 208. Retrieved from: http://www.belfercenter.org/sites/default/files/legacy/files/joe_nye_wielding_soft_power.pdf
21. Phani k. Adapa. Strategies and factors effecting internationalisation of university research and education. P. 4. University of Saskatchewan, Retrieved from: <http://homepage.usask.ca/~pka525/Documents/Internationalization.pdf>
22. Shattock, M. (1983). *The Structure and Governance of Higher Education*. Leverhulme Programme on the Study of the Future of Higher Education (Ed.), SRHE, 210.
23. Szondi, G. (2008). Public diplomacy and Nation Branding: Conceptual Similarities and Differences. *Netherland Institute of International Relations "Clingendael"*, 11. Retrieved from https://www.clingendael.nl/sites/default/files/20081022_pap_in_dip_nation_branding.pdf
24. Tendencies and perspectives: A European comparison. *Journal of Higher Education Policy and management*, 28 (3), 245–262.
25. William, Y. W. Lo. (2011). Soft power, university rankings and knowledge production: distinctions between hegemony and self-determination in higher education. *Comparative Education*, 47(2), 209–222.

VERTICAL ADVANTAGES OF INTERNATIONALIZATION AS A FACTOR OF INVOLVING UNIVERSITIES IN WORLD PROCESSES

Anna V. Barsukova, Maria S. Osokina

Abstract. *The article is devoted to the internationalization of universities as a factor of involvement in world processes. In modern conditions, it is internationalization that determines the leadership of universities. The ratio of horizontal and vertical benefits determines the degree of university involvement in world processes. It is the vertical of the development of the process that influences the construction of a new successful model of the university, capable of building partnership relations in any model constructs of the policy in the fields of education and science.*

Key words: *University, world processes, actor, public diplomacy, university models, internationalization, vertical internationalization, public policy.*

References:

1. Volkov A. E. Nereshayemye zadachi kak osnova vysshego obrazovaniia — interv'iu // *Voprosy obrazovaniia*. — 2013. — №1. — S. 273–277. Rezhim dostupa: <https://vo.hse.ru/2013--1/97717458.html> (data obrashcheniia: 10.01.2017)
2. Gro Anton, de, rukovoditel' napravleniia, Mezhdunarodnyi institut planirovaniia v obrazovanii IuNESKO: <http://www.iiep.unesco.org/en/de-grauwe-2595?language=en> Interv'iu. 06.01.2017.
3. Imperativy internatsionalizatsii / Otv. red. M. V. Larionova, O. V. Perfil'eva — M.: Logos, 2013. — 420 s.
4. Konnov V., Evoliutsiia modelei universitetskogo upravleniia: ot "studium generale" do «predprinimatel'skogo universiteta» / M. Repina // *Mezhdunarodnye protsessy*, T. 13. — №1. — S. 35–47.
5. Kortunov A. Ot postmodernizma k neomodernizmu, ili Vospominaniia o budushchem. 30.01.2017. Rezhim dostupa: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8641#top-content (data obrashcheniia: 30.01.2017)
6. Lebedeva M. M. Aktory v mezhdunarodnykh otnosheniakh i mirovoi politike [Elektronnyi resurs] // RSMD: elektron. portal 09.06.2016. Rezhim dostupa: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7780#top-content (data obrashcheniia: 07.01.2017)
7. Lebedeva M. M. Internatsionalizatsiia vysshego obrazovaniia: vyzovy i vozmozhnosti dlia universitetov / M. M. Lebedeva // *Imperativy internatsionalizatsii / otv. red. M. V. Larionova, O. V. Perfil'eva* — M.: Logos, 2013. — S. 244–261.
8. Lupanov V. N. Setevaia model' upravleniia universitetom v usloviiakh globalizatsii i regionalizatsii obrazovaniia // *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. — 2009. — № 2. — S. 63–68.
9. Otchet o provedenii aprobatsii kompleksnoi metodiki sozdaniia i vnedreniia v rossiiskom universitete sistemy privlecheniia inostrannykh studentov. Nauchno-issledovatel'skii proekt FGANU «Sotsiotsentr» «Formirovanie sistemy privlecheniia inostrannykh studentov kak faktor povysheniia mezhdunarodnoi reputatsii universitetov — uchastnikov proekta povysheniia konkurentosposobnosti vedushchikh rossiiskikh universitetov sredi vedushchikh mirovykh nauchno-obrazovatel'nykh tsentrov». Koordinator — Kazanskii (Privolzhskii) federal'nyi universitet. 2016 g.
10. Fuko M. *Arkheologiiia znaniia* / per. s fr. S. Mitina, D. Stasova.: Kiev, 1996 Nika — Tsentr. — S. 207.
11. Shpakovskaia L. *Politika vysshego obrazovaniia v Evrope i Rossii*. — Sankt — Peterburg: Norma, 2007. — 128 s.
12. Elspet Dzh. Globalizatsiia internatsionalizatsii: razmyshleniia ob ustoiavsheisya kontseptsii / Khans de Vit // *Imperativy internatsionalizatsii / Otv. red. M. V. Larionova, O. V. Perfil'eva* — M.: Logos, 2013. — S. 21–53.

13. Agasisti, T., & Catalano, G. (2006). Governance models of university systems — towards quasi-markets? Tendencies and perspectives: a European comparison. *Journal of Higher Education Policy and Management*, 28(3), 261–278.
- Dizambourg, B. (2007). Transformations universitaires: un modèle international? *Revue internationale d'éducation de Sèvres*, 45, 17–25. Retrieved from: <http://ries.revues.org>
14. Altbach, Philip G. (2004). Globalisation and the university: Myths and realities in an unequal world. *Tertiary Education and Management*, 10:1, 3–25
15. Bartell, M. (2003). Internationalisation of universities: A university culture-based framework. *Higher Education*, 45, 43–70.
16. Burton, R. C. (1986). *The Higher Education System: Academic Organization in Cross-national Perspective*. University of California Press, 315.
17. Chan, W.W.Y. & Dimmock, C. (2008). The Internationalisation of Universities: Globalist, Internationalist and Translocalist Models. *Journal of Research in International Education*, 7, 184.
18. Ellingboe, B. J. (1998). Division strategies to internationalize a campus portrait: Results, resistance, and recommendations from a case study to a U.S. university". In J. A. Mestenhauser & B. J. Ellingboe (Eds.), *Reforming the higher education curriculum: Internationalizing the campus*, 198–228. Washington, DC: American Council on Education.
19. Kogan, M., & Bleiklie, I. (2007). Organisation and Governance of Universities. *Higher Education Policy*, 20, 477–493.
20. Nye, Joseph S. (2004). *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. Chapter 4 — Wielding Soft Power, *Public Affairs*, 208. Retrieved from: http://www.belfercenter.org/sites/default/files/legacy/files/joe_nye_wielding_soft_power.pdf
21. Phani k. Adapa. Strategies and factors effecting internationalisation of university research and education. P. 4. University of Saskatchewan, Retrieved from: <http://homepage.usask.ca/~pka525/Documents/Internationalization.pdf>
22. Shattock, M. (1983). *The Structure and Governance of Higher Education*. Leverhulme Programme on the Study of the Future of Higher Education (Ed.), SRHE, 210.
23. Szondi, G. (2008). Public diplomacy and Nation Branding: Conceptual Similarities and Differences. *Netherland Institute of International Relations "Clingendael"*, 11. Retrieved from https://www.clingendael.nl/sites/default/files/20081022_pap_in_dip_nation_branding.pdf
24. Tendencies and perspectives: A European comparison. *Journal of Higher Education Policy and management*, 28 (3), 245–262.
25. William, Y. W. Lo. (2011). Soft power, university rankings and knowledge production: distinctions between hegemony and self-determination in higher education. *Comparative Education*, 47(2), 209–222.

Информация об авторе

Барсукова Анна Владимировна, к. ист. н.

Доцент БФУ им. И. Канта, г. Калининград

E-mail: anna.barsoukova@gmail.com

Anna V. Barsukova, PhD in History

Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad,
Russia

E-mail: anna.barsoukova@gmail.com

Осокина Мария Сергеевна

Магистр 2 курса, специальность «Политология», направление «Государственная политика и управление», БФУ им. И. Канта, г. Калининград

E-mail: mariaosokina555@gmail.com

Maria S. Osokina

Master Student, programme «Public policy and administration», Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

E-mail: mariaosokina555@gmail.com

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ «ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ»: ОСОБЕННОСТИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОСЛА СССР А. М. КОЛЛОНТАЙ В ШВЕЦИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ³⁰

Л. А. БУДАЕВА

Аннотация. В центре внимания статьи — особенности дипломатической работы советского посольства и личный вклад посла СССР А. М. Коллонтай в Швеции в годы Второй Мировой войны по созданию правдивого образа нашей страны в мире и противостоянию немецко-фашистской идеологической пропаганде в 1939–1945 гг. Особый акцент делается на методах и способах проведения советской контрпропаганды, организованной посольством СССР в Швеции: ежедневном выпуске новостного бюллетеня советской дипломатической миссии, усилении культурного взаимодействия между Швецией и Советским Союзом, публичных выступлениях сотрудников посольства, постоянных встречах с деятелями науки и культуры Швеции, показе кинофильмов и военной хронике тех лет и др. В основе статьи — дневниковые записи и личная переписка первой в мире женщины посла А. М. Коллонтай и различные воспоминания современников тех лет.

Ключевые слова: Александра Коллонтай, история дипломатии, Вторая Мировая война 1939–1945 гг., советско-шведские отношения, контрпропаганда.

*Дипломат, не давший своей стране новых друзей,
не может называться дипломатом.
Александр Михайловна Коллонтай*

Накануне и в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг. большое внимание в повседневной работе советских дипломатических представительств уделялось вопросам скорейшего открытия второго фронта

³⁰ Пользуясь случаем, автор выражает искреннюю благодарность кандидату исторических наук, доценту Ольге Николаевне Барковой за помощь в подготовке статьи.

в Европе и не допущения сепаратного сговора союзников по антигитлеровской коалиции с агрессором, срыва планов Германии по вовлечению Турции и Швеции в военные действия и продвижения различных торгово-экономических интересов СССР и др. [1].

Особое значение в это сложное для системы международных отношений время приобретала целенаправленная работа по идеологическому противостоянию и противодействию фашистской пропаганде в Европе и созданию правдивого образа СССР в мире с активным использованием механизмов так называемой «публичной дипломатии», направленной, адресно и адаптированно, на конкретный социум той или иной страны с учетом ее социокультурных условий и традиций.

Среди советских дипломатов, твердо и последовательно отстаивавших интересы нашей Родины в военные годы, была и первая в мире женщина-дипломат, Александра Михайловна Коллонтай, возглавлявшая с 1930 по 1945 гг. посольство СССР в Швеции. В это тяжелое для нашей страны время именно советский полномочный представитель А. М. Коллонтай оказалась практически единственным «персональным» воплощением контактов СССР со шведским обществом [2]. Именно она, женщина-политик, вносила некую теплоту и человечность в непростые сугубо государственные взаимоотношения между советской и шведской стороной на различных переговорах, акцентировав общность интересов Советского Союза и Швеции на международной арене, шаг за шагом помогая нашей стране завоевывать новых друзей и союзников по антифашистской борьбе в мире. Необходимо отметить, что, как опытный политик и талантливый дипломат, Александра Коллонтай сыграла значимую роль в укреплении дипломатических и торговых отношений страны Советов с различными европейскими государствами в годы Второй мировой войны.

У посла Советского Союза в Швеции были две главные цели. Во-первых, удержать Швецию на позиции нейтралитета, не допустив ее вступления в войну на стороне Германии. А. М. Коллонтай особо подчеркивала: «Роль Швеции при военном конфликте велика: существенная база снабжения, база транзитная, база политическая. При военной нейтральности Швеции ослабевает военная активность Финляндии, усиливается нейтральность Норвегии и Дании» [3]. Во-вторых, попытаться «побудить» Финляндию выйти из войны против СССР, в которую финны вступили на стороне Германии 26 июня 1941 г.

Как известно, Германия постоянно пыталась вовлечь Швецию в военные действия против СССР, что делало дипломатическую миссию Коллонтай весьма сложной. Советский посол в Швеции прилагала неимо-

верные усилия для противостояния и борьбы с немецко-фашистским влиянием на эту европейскую страну. По мнению посла В. И. Ерофеева, начинавшего свою дипломатическую карьеру в качестве стажера миссии СССР в Стокгольме в 1942 г., «Коллонтай и все советское посольство в этот сложный период опирались в своей деятельности на сильные антивоенные настроения шведского народа, на его демократические традиции и неприятие нацизма, на его дружбу и солидарность с норвежскими и датскими патриотами, поддержку других антифашистских сил» [4]. Он отмечал, что Александра Михайловна настоятельно рекомендовала сотрудникам советского посольства «расширять круг друзей и знакомых, чаще встречаться и беседовать с людьми» [5].

Условия работы советских дипломатов в Швеции были достаточно тяжелыми. В Стокгольме активно действовали сотрудники посольства нацистской Германии. Так, только численность дипломатических сотрудников посольства Германии насчитывала свыше 200 человек, в то время как в посольстве СССР работало всего 10 дипломатов. О дефиците кадров в советском посольстве неоднократно в своих воспоминаниях об Александре Коллонтай упоминает и ее внук Владимир, который вместе со своими родителями — сыном Александры Михайловны — Михаилом и его женой Ириной — с 1940 по 1944 г. жил в Стокгольме: «Война началась летом, когда многие советские граждане, работавшие в Швеции, находились на родине в отпусках. Возникла острая необходимость срочно заполнить вакансии недостающих сотрудников и соответственно реорганизовать работу советских учреждений в Швеции — посольства, торгпредства, печатных агентств, русской школы и т. д. В этих сложных условиях А. Коллонтай, как посол, должна была мобилизовать все силы находившихся там советских граждан и членов их семей для нормализации работы вверенных ей учреждений и выполнения новых чрезвычайных, возникших в связи с войной, задач. Это напрямую коснулось и нашей семьи» [6].

Советский посол Александра Коллонтай весьма подробно и образно рассказывает о начале Второй мировой войны, заставшем ее в Швеции. «Жуткие, темные дни декабря 1939 г. Немцы активизируют шведских нацистов. Город полон слухов. Одни боятся нас и видят спасение в Германии. Другие уверяют, что Германия отдаст нам Финляндию, чтобы получить более выгодную добычу после войны. Шведы полны страхов, и на этом играют шведские нацисты: «Исконный враг Швеции — сосед с востока. После Финляндии Москва захочет Швецию» [7], — писала Коллонтай в своем дневнике.

Описывая будни советского представительства в Швеции военного времени она вспоминает: «В Стокгольме проводилось затемнение. Мне кажется, я никогда не забуду этих ночей. Эти злобные крики — «Агрессоры — большевики, вон отсюда!» — доносившиеся из темноты. Хулиганствующая толпа стремилась прорваться к зданию полпредства, но наряд полиции загородил улицу с обоих концов. Толпа шумела, кричала, но полиция постепенно ее разогнала. Улица опустела, однако сотрудники полпредства решили установить ночные дежурства. «Что полиция разогнала хулиганов — нацистов, это еще не значит, что вся демонстрация не подстроена правительством, уж очень скоро появилась конная полиция», — сказал военный атташе Никитушев. Мы с ним созвучны в оценке событий и как на них реагировать.

Наутро я позвонила министру внутренних дел и выразила ему признательность за охрану здания полпредства и разгон хулиганов. Он ответил мне, что я могу спать спокойно: «Правительство Ханссона бдительно следит за порядком и не даст повода к инцидентам, обостряющим и без того накаленную атмосферу». Больше нас враждебные толпы не беспокоили, между тем как в Париже и Лондоне толпа билась у окон в наших посольствах» [8].

Строго следуя своей цели, А. М. Коллонтай пользовалась любой возможностью, чтобы активной немецкой пропаганде и массовой клевете на СССР — противопоставлять действенную советскую пропаганду, открывавшую всему миру реальную ситуацию на советско-германском фронте и в тылу, тем самым изменяя негативное представление населения Швеции о Советском Союзе. Ее внук Владимир вспоминал об этом так: «правда о положении дел на фронтах, особенно в период наступления наших войск, доходила до шведского читателя в совершенно искаженном виде. Поэтому для советского посольства было чрезвычайно важно наладить работу по распространению последних новостей непосредственно из Советского Союза. Чтобы правдивая информация доходила до шведского населения, приходилось использовать различные формы ее доставки. Сама посол Коллонтай и другие дипломаты выступали на многочисленных встречах и многолюдных собраниях в городе. Я хорошо помню, как бабушка в своих публичных выступлениях и перед сотрудниками советских учреждений, а также в частных разговорах и беседах всегда вселяла уверенность в нашей неминуемой и полной победе, как бы ни развивались в тот момент события на фронте. В этих же целях также широко использовались советские публикации в местной прессе и других средствах массовой информации» [9].

Советская разведчица Зоя Ивановна Воскресенская так описывала в мемуарах свою работу в качестве пресс-атташе посольства СССР в Стокгольме: «Швеция наводнена фашистскими газетами, книгами, листовками и брошюрами, постоянно крутят кинофильмы и ведут радиопередачи, которые прославляют так называемую «великую миссию» нацистской Германии. На центральной улице Стокгольма Кунгсгатан германское посольство в огромной витрине каждый день помещает устрашающие шведов военные фотографии и карту мира, на которой они старательно закрашивают все новые и новые территории, отошедшие к «непобедимому» «третьему рейху» [10].

Именно поэтому советский посол Коллонтай считала, что для противостояния фашистской пропаганде в Швеции и информирования населения этой страны о действительном положении дел на фронтах Второй мировой войны, необходимо было «наладить регулярный выпуск информационного бюллетеня, чтобы сообщать шведам сводки Совинформбюро. «Ловить» радиосводки нужно было по ночам, когда Москва передавала их для районных и областных газет. Несмотря на то, что фашисты глушили эти передачи, их было возможно разобрать. Так как посольство имело право использовать собственный множительный аппарат, печатать информационный бюллетень Александра Михайловна решила собственными силами и издавать его на трех языках: «на русском — для советской колонии, на английском — для наших союзников и иностранных посольств и, конечно, на шведском» [11]. Для этого ей был привлечен широкий круг людей. Так, например, дети школьного возраста, находившиеся в посольстве, должны были отслеживать по радио и записывать новости, передаваемые из Москвы. Сын Коллонтай — Михаил, инженер по образованию, нашел техническое решение для увеличения тиража издания, реконструировав имевшиеся в распоряжении посольства оборудование. Хорошо знавшие шведский язык сотрудники посольства — делали переводы различных сообщений Совинформбюро и ТАСС [12].

Зоя Воскресенская вспоминала о начале выпуска «Информационного бюллетеня» советского посольства в Швеции: «Рассылаем его в редакции газет, журналов, информационным агентствам, видным политическим и общественным деятелям, союзным посольствам. Придумали как распространить его среди населения — закупили телефонные справочники городов и поселков и стали рассылать наугад каждому пятому, десятому. Бывало, бюллетень возвращался с ругательным письмом обратно, но появились и первые подписчики: «Мой сосед Свенсон получает, а мне почему-то не присылают». В большом количестве шли письма — приветствия, в которых шведы выражали свою поддержку

сражающемуся Советскому Союзу, желали ему скорейшей победы над захватчиками. Писали шахтеры из Кируны, священнослужители, жители провинциальных городов. На первых порах тираж бюллетеня не превышал тысячи экземпляров, но скоро возрос до двадцати, потом и до тридцати тысяч» [13].

Однако не обошлось и без проблем. В январе 1942 г. советское посольство получило текст ноты советского правительства, адресованной послан и посланникам стран, с которыми СССР имел дипломатические отношения. В тексте, по воспоминаниям З. Воскресенской, говорилось о «повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных злодеяниях германских властей в захваченных ими советских городах и поселках» [14].

Поскольку газеты Швеции информации о зверствах гитлеровцев на территории СССР не давали, советское посольство решило ознакомить шведскую общественность с текстом этой нотой. Было напечатано и упаковано для транспортировки 200 тысяч экземпляров бюллетеня — «тираж неслыханный по шведским меркам» [15], над чем сотрудники посольства работали двое суток. Для перевозки бюллетеней из пресс-бюро на почту потребовалось два грузовика.

В советском посольстве с нетерпением ждали реакции шведских читателей. «Прошло несколько дней, и в пресс-бюро ко мне пришел посетитель — мужчина, отказавшийся назвать, кто он и откуда. Сказал лишь, что немецкое посольство прознало о нашей работе, заявило протест шведскому Министерству иностранных дел и, по указанию властей, все наши пакеты свалены в подвал и, как приказано, «подлежат уничтожению». Я позвонила нескольким знакомым шведам и спросила, получили ли они наш бюллетень с нотой. Никто не получал.

Помчалась в посольство к Александре Михайловне и рассказала ей об этом. Действия почты незаконны: ведь каждое письмо оплачено в тройном размере, поскольку пакеты довольно увесистые, — нота занимала больше десяти страниц. Александра Михайловна была крайне возмущена. Она позвонила министру Гюнтеру. Тон у нее был необычный — приказной, командирский. Она потребовала немедленной рассылки нашей почты. «Оплачено все по существующим нормам, конверты, перевозка, и притом это почта советского посольства, неприкосновенная. Как можно было так распорядиться? Надеюсь, — заключила Коллонтай, — господин министр проконтролирует и пресечет беззаконие чиновников почты». В разговоре с министром она дала понять, что эта беспрецедентная акция совершена под давлением германского посольства» [16], — вспоминала З. И. Воскресенская.

Она особо подчеркивала, что звонок посла СССР возымел действие: «вскоре к нам посыпались письма. Были они разные. Большинство корреспондентов с чувством гнева отзывалось о фашистских злодеяниях и выражали свое искреннее сочувствие пострадавшим. Пастор из Северной Швеции написал благодарность от его прихожан и сообщил, что он ежедневно молится и просит Господа Бога о даровании победы Красной Армии.

Самое любопытное то, что министр Гюнтер пригласил нашего посла к себе и заявил протест против распространения среди населения этой ноты, которая «наносит ущерб здоровью, расшатывает нервную систему людей, и, что самое страшное, эту ноту читают дети» [17].

По мере роста популярности данного издания и изменения ситуации с материальными и издательскими возможностями в посольстве СССР, «бюллетень превратился в красочно оформленный иллюстрированный журнал» [18]. Коллонтай писала об этом в апреле 1942 г. И. М. Майскому [19] так: «Наш бюллетень имеет огромный успех. Шлют запросы на него со всех концов Швеции, и даже попы просили прислать им бюллетень (на шведском языке), благословляя Красную Армию за то, что она спасает мир от фашизма». Важно отметить, что именно посол СССР в Великобритании И. М. Майский первый выдвинул инициативу печатать подобный бюллетень — «Советские военные новости», посредством которого европейские читатели могли узнать о первых победах советских войск, потерях и трудностях Красной Армии на советско-германском фронте и многом другом. Выполняя свою агитационную функцию, бюллетень стал одним из наиболее эффективных механизмов распространения пропагандистских материалов среди английских читателей и формирования «правильного» взгляда на борьбу СССР с Германией [20]. Такие же цели ставила перед собой и советский посол в Швеции.

Коллонтай была твердо намерена создать в шведском обществе правдивый образ Советского Союза, поэтому она давала следующие поручения пресс-секретарю посольства: «договоритесь с кинотеатрами о демонстрации наших кинофильмов — будем заказывать их из Москвы с диппочтой. Установите связь с прогрессивными газетами. Подумайте, каких советских писателей и журналистов привлечь. Нельзя терять ни одного дня. Недавно вечерняя газета «Афтонбладет» оглушила шведов известием, что «Москау ха фаллит» («Москва пала»), и шведский нейтралитет сразу дал крен в сторону фашистской Германии» [21]. Она всегда подчеркивала, что «служба пропаганды Германии распространяет слухи о «зловещих» планах СССР в отношении Швеции, сеет панику. Нацистские клеветники из германского посольства публиковали фото-

графии, «видетьствующие о зверствах Красной Армии». Фотографии были действительно ужасающие, но изображена на них была «работа» самих фашистов на Восточном фронте, на временно оккупированных территориях» [22].

В противовес немецкой витрине с фальсифицированными фотографиями — советское посольство устроило свою информационную витрину в здании «Интуриста» на Вокзальной площади, где ежедневно размещали сводки Совинформбюро, фотографии советских солдат и матросов, защищавших свою Родину и др. Советская витрина сразу же стала популярной у жителей и гостей Стокгольма. Зоя Воскресенская с гордостью вспоминала, как вагоновожатые трамваев, чьи маршруты пролегли мимо этой витрины, останавливались перед «Интуристом», чтобы пассажиры могли познакомиться с новой информацией из СССР [23].

В тоже время, определенные трудности у советского посла А. М. Коллонтай возникли с попытками демонстрации для шведского зрителя ряда советских фильмов, военной хроники и др. материала информационного характера, поскольку владельцы кинотеатров отказывали в этом советскому посольству под предлогом того, что этот показ не носит коммерческий характер. Но выход был найден — Александра Михайловна порекомендовала Зое Воскресенской подыскать для пресс-бюро помещение с собственным кинозалом. Сотрудники советского посольства арендовали такое помещение, занимавшее целый нижний этаж в здании, и оборудовали в нем зал для демонстрации кинолент. Подобное помещение обладало теперь статусом «экстерриториальности», поскольку считалось собственностью советского посольства. Таким образом, жители Стокгольма получили реальную возможность «регулярно знакомиться с советским киноискусством» [24]. З. Воскресенская делилась своими воспоминаниями об этом: «Начали мы с трилогии Марка Донского, запечатлевший языком кино автобиографические повести Максима Горького «Детство», «В людях», «Мои университеты». Желающих получить приглашительные билеты на советские кинофильмы было много и мы устраивали по несколько сеансов» [25].

Более того, работникам советского посольства удалось даже организовать в Стокгольме концерт, на котором лучший в Швеции — Гётеборгский оркестр впервые исполнил в Европе знаменитую Седьмую («Ленинградскую») симфонию Дмитрия Шостаковича: «Публика сидит замороженная. Женщины смахивают слезы. Язык музыки интернационален. Заключительные аккорды симфонии собравшиеся выслушивают стоя. Министру иностранных дел Гюнтеру пришлось выслушать протест германского посольства против «нарушения шведского нейтралитета».

И никто не знал тогда, в каких условиях Дмитрий Дмитриевич писал это свое сочинение — в нетопленной квартире, с огарком догорающей свечи на рояле. Блокадный Ленинград...» [26], — писала об этом Воскресенская.

Советские дипломаты смогли также договориться с рядом шведских газет о публикации в них очерков, статей и рассказов ведущих советских писателей и журналистов. Так в шведской периодике появляется острая, емкая, полная драматизма художественная публицистика А. Н. Толстого — «Рассказы Ивана Сударева» и др., благодаря которой по мнению советского пресс-атташе Зои Ивановны Воскресенской «шведы постигали русский характер. Клеветнической геббельсовской пропаганде противостояла суровая, убеждающая правда советского русского мастера слова. Одновременно Александра Михайловна обращается к своему другу Илье Эренбургу с просьбой присылать специально для шведов статьи, написанные «так ярко, как Вы умеете» [27].

В годы Второй мировой войны продолжало свою активную работу и Шведско — советское общество, объединявшее друзей Советского Союза по всей этой европейской стране. Общество было создано в Швеции в 1935 г. по предложению Александры Коллонтай известным в Швеции профессором — химиком Пальмером. Искренне любивший нашу страну ученый помог развернуть филиалы этого общества во всех крупных городах Швеции. Шведско-советское общество действительно служило установлению культурных и научных связей с СССР, в его работу были вовлечены многие видные деятели культуры, представители интеллигенции Швеции и др. Общество объединяло писателей, учёных, артистов, художников, журналистов, общественных деятелей Швеции и СССР, организовывало их дружеские встречи и др. Регулярно устраивались выставки скандинавских и советских художников. По случаю каждого советского праздника в нем проводились торжественные мероприятия, на которых часто выступала Александра Коллонтай [28].

При непосредственной поддержке этого общества в Швеции возникли различные клубы, в которых шведские женщины шили и вязали теплые вещи для советских людей, главным образом для детей Ленинграда и советских партизан. Таких клубов в Швеции было более трехсот. Советско-шведское общество дружбы проводило благотворительные вечера, на которых знатные дамы из влиятельных слоев шведского общества сервировали столы, угощали гостей чаем, за стакан которого приглашенные платили крупные суммы денег. Известно, что один видный судостроитель заплатил за чашку чая с русским бубликом пятьсот крон. На эту сумму можно было тогда купить пять — шесть детских

меховых комбинезонов [29]. Кроме этого, через советское посольство в Фонд обороны СССР поступали деньги и вещи от шведских и европейских антифашистов. Советский посол Коллонтай лично принимала людей, вносящих свой посильный вклад в это благое дело борьбы с фашизмом [30].

О трудностях, возникавших в работе с общественностью в Швеции, Коллонтай записывала в своем дневнике: «Травлю нас ведут не одни открыто пронацистские газеты, соревнуется вся шведская, датская и норвежская пресса, и не только социал — демократическая печать, но, что посерьезнее, даже солидный и популярный орган торгово — финансового мира — «Гетеборг — Хандельстиднинген», известный своим антигитлеровским направлением, включился в общий хор клеветников на нас.

ТАСС все эти враждебные высказывания, сгущенные в сжатой передаче, направляет Москве, что дает неверную картину. Швеция не заинтересована вступить в войну в защиту финнов. Пер Альбин Ханссон и даже король за нейтральность. Это Швеции выгоднее. Веду беседы с новым сотрудником ТАСС, спорю с ним, разъясняю ему действительное положение. Его стоит учить. Досадны веяния, идущие из Лондона. Они задают тон гетенбургской газете. Англичане стали яркими защитниками Финляндии, хотя они ведут войну с Гитлером, но забывают, что это война финнов против нас затеяна по наущению нацистов и в угоду Гитлеру» [31].

Несмотря на то, что, по мнению Коллонтай «широкие слои шведского населения все больше боятся, как бы через финнов самим не быть вовлеченными в мировую войну» [32], советский посол продолжала вести активную работу среди представителей правящих кругов и общественности Швеции. Она убеждала их в неизбежной победе СССР над фашизмом в будущем. Эту же мысль она активно проводила в переписке со своими друзьями и знакомыми в других европейских странах.

Коллонтай умела, как она выражалась, «плести кружева», то есть вести упорную, подготовительную работу за чашкой чая, за обедом, на званом ужине, во время какой-нибудь частной беседы [33]. Она блестяще устраивала и проводила дипломатические приемы в советском посольстве в Стокгольме [34], подчеркивая то, что советские дипломаты даже в военные годы «радушные хозяева и русское гостеприимство у нас не вывелось» [35]. О том, как искусно Александра Коллонтай использовала свои дипломатические приемы для формирования правдивого образа СССР в Швеции и реализации внешнеполитических задач, которые стояли перед ней как послом, Зоя Воскресенская пи-

шет так: «Я была свидетелем, как Александра Михайловна указывала хозяйственнику развесить в столовой тарелки, которые она получала в подарок в первые годы революции от рабочих фарфоро-стекляных заводов. «Повесьте, пожалуйста, — говорила она, — вот эту». «Тарелка будет висеть, — продолжала она, — как раз напротив американского посланника Джонсона». На тарелке были изображены серп и молот, а по краю написано: «Кто не работает, тот не ест». «Он поймет намек, что давно уже пора открыть второй фронт». А напротив английского посланника сэра Виктора Маллета она распорядилась повесить тарелку с надписью: «Царствию рабочих и крестьян не будет конца». И при этом с усмешкой добавила: «Говорят, Маллет принялся изучать русский язык. Если не поймет, я ему переведу» [36].

Коллонтай поддерживала личные связи с членами правительства и парламента Швеции, с политиками, известными банкирами и другими представителями шведской элиты. Так, 7 мая 1939 г. на встрече Коллонтай с наследным принцем Швеции во дворце, кронпринц, опасаясь сближения СССР с Германией, высказал мнение, что у Советского Союза и Германии «есть нечто общее: вы не признаете демократии, а управляете диктатурой» [37]. Тогда Коллонтай была вынуждена объяснить ему принципы внешнеполитической доктрины Советского Союза: «Тут я не выдержала и прочла ему популярный курс о том, что такое Советское государство, каковы его задачи и что оно уже достигло, противопоставил себя военно — агрессивной политике немцев. Кронпринц слушал меня внимательно, не перебивая» [38].

Описывала Коллонтай и свой разговор со шведским политиком и писателем Фридрихом Стремом: «Беседовала со Стремом. Но эти „левые“ социал-демократы такие рыхлые, нечеткие... Стрем будто понял, согласился со мной, что опасность нападения на Советский Союз надо, во что бы то ни стало, предотвратить, но идея образования оборонительного Союза стран севера засела у этих господ в голове. Не инспирирует ли их Таннер, а значит Берлин? Спорили. Я убеждала, разъясняла, напоминала Стрему учение Ленина в 1915–1916 гг. и нашу общую работу. Но повлияла ли — не уверена. Доводы мои все же дойдут до Ханссона, это важно» [39].

Политический авторитет А.М. Коллонтай, ее твердая уверенность в том, что враг будет разбит и победа будет за нами, оказывали большое влияние на шведскую общественность и в значительной мере удерживали шведские правящие круги от ошибочных оценок и опрометчивых шагов по отношению к СССР [40]. Всякий раз она последовательно старалась обращать внимание шведских министров и других ответствен-

ных лиц на допущенные ими случаи отступления от позиции шведского нейтралитета, таких как — пропуск шведской стороной отдельных германских военных эшелонов в сторону Норвегии и Финляндии или перелеты через территорию Швеции самолетов с немецкими солдатами и офицерами и оружием и др. В этой работе Коллонтай опиралась на свою хорошую информированность и свои личные, дружеские связи со многими деятелями шведской Социал-демократической рабочей партии, которая в 1932 г. пришла к власти в стране. Она писала, что «приходилось делать многое, чтобы напоминать местным властям, как они обещали по-настоящему соблюдать нейтралитет и не поддаваться на провокации нацистов его нарушить». В итоге, несмотря на сильное давление немцев, случаи нарушения Швецией политики нейтралитета в пользу Германии были в целом достаточно ограниченными [41].

Второй важнейшей целью, которую ставила себе А. М. Коллонтай в годы Второй мировой войны было вывести Финляндию из участия в войне на стороне Германии с помощью своих политических связей и дружеских контактов в Швеции. Она писала, что «эту навязанную нам нацистами войну надо пресечь. Работаю во всю со шведской ответственностью. Постоянные встречи с влиятельными и видными шведами. Даже съездила на день в Гетеборг для беседы с профессором Сегерстедтом, редактором антинацистской гетеборгской газеты. Разъясняла ему, что финскую войну нельзя рассматривать оторвано от мировой войны и планов Гитлера. Он понял мою мысль и, кажется, я подкрепила его антифашистскую позицию. Но он слишком проангличанин» [42].

Для достижения этой цели в 1944 г. она пригласила к себе на встречу крупного шведского банкира Маркуса Валленберга. В беседе с ним она выяснила, что он озабочен судьбой своих капиталов, вложенных в финские банки. Коллонтай на это заметила, что он может потерять их, если война Финляндии с СССР будет продолжаться. Ее доводы были настолько убедительны, что Валленберг полетел в Хельсинки и стал склонять финское правительство к выходу из войны. Ему удалось убедить Ю. К. Паасикиви, занимавшего тогда пост посла Финляндии в Швеции, приехать в Стокгольм — официально, чтобы погостить у него, а неофициально для встречи с советским послом Коллонтай [43]. Паасикиви стал и ее другом, и она высоко ценила его реализм и трезвый ум.

Их секретные переговоры имели успех. Она убедила Паасикиви, что финны напрасно упорствуют, поскольку, чем дольше продолжается война, тем хуже будут для них условия мира. По поручению Советского правительства Коллонтай передала ему условия перемирия. 4 сентября 1944 г. Финляндия приняла эти условия СССР и разорвала отношения

с Германией, осуществив вывод немецких войск со своей территории. После войны, уже будучи президентом Финляндии, Паасикиви в письме к Коллонтай тепло вспоминал их сотрудничество в военные годы, в том числе и на их переговорах 1944 г. [44].

Сегодня очевидно, что дипломатические успехи Коллонтай в Швеции были достижениями профессионала высочайшего класса. Ее работа на дипломатическом поприще была заслужено отмечена государственными наградами и присвоением ей ранга Чрезвычайного и Полномочного посла СССР. Дипломатическую службу Коллонтай в Швеции высоко оценили и иностранные дипломаты и государственные деятели. Неслучайно группа финских политиков, в числе которых значился Паасикиви, выдвинула кандидатуру советского дипломата номинантом на Нобелевскую премию мира в 1946 г. за ее вклад в достижении перемирия Финляндии с СССР.

Идеологическая борьба А. М. Коллонтай с фашистской пропагандой в Швеции имела значительные успехи. Александра Михайловна сумела противопоставить антисоветской фашистской пропаганде правдивый образ СССР, используя для этих целей многие механизмы так называемой «публичной дипломатии», адресно ориентируемой на шведский социум. Коллонтай смогла организовать выпуск ежедневного бюллетеня советской дипломатической миссии с целью правдивого информирования шведской общественности о военных успехах СССР. Она наладила культурный диалог Советского Союза и Швеции, вела постоянные беседы с представителями шведской элиты и регулярно публично выступала перед населением страны для разъяснения внешнеполитического курса СССР, активно используя в государственных интересах Советского Союза свои дружеские контакты в политических кругах этой страны. Советский посол Коллонтай проводила огромную работу среди политиков и общественности Швеции, убеждая их в неизбежной победе СССР над фашизмом и др.

А. М. Коллонтай была великим мастером установления и поддержания контактов с самыми разными людьми, она умела склонить собеседника на свою сторону. Поэтому, обладая даром собирать вокруг себя единомышленников, она на протяжении всей своей дипломатической карьеры завоевывала для своей страны новых друзей и союзников.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что первая в мире женщина — посол Александра Михайловна Коллонтай своими достижениями на дипломатическом фронте в Швеции внесла весомый вклад на пути к нашей победе над фашизмом, наглядно продемонстрировав своим примером роль личностного фактора в истории дипломатии XX в.

Рис. 1. Сотрудники НКВД СССР после церемонии вручения государственных наград в связи с Указом Президиума Верховного совета СССР о награждении орденами и медалями дипломатических представителей и сотрудников НКВД СССР. 1 ноября 1945 г. (Источник: Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002. Т. 2. М., 2002.)

Литература

1. Тихвинский С.Л. Из опыта советской дипломатии в годы Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. М., 1997. No 4.
2. Кен О.Н., Рупасов А.И. СССР, Швеция и коллективная безопасность: 1934–1939 гг. // Исторические записки. М., 2005. С. 223.
3. РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 3. Д. 54.
4. Ерофеев В.И. В советском посольстве в Швеции 1942–1944 гг.// Новая и новейшая история. М., 1996, No 1.
5. Там же.
6. Коллонтай В.М. Воспоминания внука об Александре Михайловне Коллонтай // Северная Европа: проблемы истории. Вып. 8. М., 2015. С. 323–324.
7. Коллонтай А.М. Дипломатические дневники, 1922–1940.: Т. 2. М., 2001. С. 473.
8. Там же.
9. Коллонтай В.М. Воспоминания внука об Александре Михайловне Коллонтай // Северная Европа: проблемы истории. Вып. 8. М., 2015. С. 325–326.
10. Воскресенская З.И. Под псевдонимом Ирина: Записки разведчицы. М., 1997.
11. Там же.
12. Коллонтай В.М. Воспоминания внука об Александре Михайловне Коллонтай // Северная Европа: проблемы истории. Вып. 8. М., 2015. С. 325–326.

13. Воскресенская З. И. Под псевдонимом Ирина: Записки разведчицы. М., 1997.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же.
18. Тихвинский С. Л. Из опыта советской дипломатии в годы Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. М., 1997. No 4.
19. См.: Козленкова А. С. Дипломатическая деятельность И. М. Майского (Яна Ляховецкого) в Великобритании в 1941–1943 гг. // Власть. 2015. № 1.
20. Козленкова А. С. Ежедневный бюллетень «Советские военные новости» («Soviet War News»): из истории периодики периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // История Отечественных СМИ. Ежегодник — 2016. Выпуск 1. Т. 1. М., 2016. С. 55.
21. Воскресенская З. И. Под псевдонимом Ирина: Записки разведчицы. М., 1997.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же.
27. Там же.
28. Воскресенская З. И. Под псевдонимом Ирина: Записки разведчицы. М., 1997; Коллонтай В. М. Воспоминания внука об Александре Михайловне Коллонтай // Северная Европа: проблемы истории. Вып. 8. М., 2015. С. 357.
29. Воскресенская З. И. Под псевдонимом Ирина: Записки разведчицы. М., 1997.
30. Тихвинский С. Л. Из опыта советской дипломатии в годы Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. М., 1997. No 4.
31. Коллонтай А. М. Дипломатические дневники, 1922–1940: Т. 2. М., 2001. С. 474.
32. Там же. С. 486.
33. Иткина А. М. Революционер, трибун, дипломат. М., 1964. С. 116.
34. См.: Будаева Л. А. Дипломатические приемы советского посла А. М. Коллонтай в королевствах Норвегии и Швеции в 1923–1945 гг. // Сборник материалов II Международного Симпозиума «Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира». М., 2016.
35. Коллонтай А. М. Дипломатические дневники, 1922–1940: Т. 2. М., 2001. С. 415.
36. Воскресенская З. И. Под псевдонимом Ирина: Записки разведчицы. М., 1997.
37. Коллонтай А. М. Дипломатические дневники, 1922–1940: Т. 2. М., 2001. С. 434.
38. Там же.
39. Там же.
40. Ерофеев В. И. В советском посольстве в Швеции 1942–1944 гг. // Новая и новейшая история. М., 1996, No 1.

41. Там же.
42. Коллонтай А. М. Дипломатические дневники, 1922–1940: Т. 2. М., 2001. С. 474.
43. Лоренсон Э. Г. А. М. Коллонтай в Швеции // Новая и новейшая история. М., 1966. С. 110–111.
44. Рымко Е. П. Мадам Коллонтай // Современная Европа. М., 2003. С. 104.

**FROM THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE SOVIET
“PUBLIC DIPLOMACY”: PECULIARITIES OF DIPLOMATIC ACTIVITY
OF THE AMBASSADOR OF THE USSR ALEXANDRA KOLLONTAI
IN SWEDEN DURING THE SECOND WORLD WAR**

Lina A. Budaeva

Abstract. *The focus of the article is on the peculiarities of the diplomatic work of the Soviet embassy and the personal contribution of the USSR ambassador Alexandra Kollontai in Sweden during the Second World War to create a true image of our country in the world and confront the German-fascist ideological propaganda in 1939–1945. Particular emphasis is placed on the methods of conducting Soviet counter-propaganda organized by the Soviet embassy in Sweden: the daily issue of the news bulletin of the Soviet diplomatic mission, the strengthening of cultural interaction between Sweden and the Soviet Union, public statements by embassy staff, regular meetings with Swedish science and culture figures, and the military chronicle of those years, etc. The article is based on diary entries and personal correspondence of the first woman-ambassador in the world Alexandra Kollontai and various memories of contemporaries of those years.*

Key words: *Alexandra Kollontai, history of diplomacy, World War II, 1939–1945, Soviet-Swedish relations, counterpropaganda.*

References

1. Tikhvinskii S. L. Iz opyta sovetskoï diplomatii v gody Velikoï Otechestvennoï voïny // Novaia i noveishaia istoriia. M., 1997. No 4.
2. Ken O.N., Rupasov A.I. SSSR, Shvetsiia i kollektivnaia bezopasnost': 1934–1939 gg. // Istoricheskie zapiski. M., 2005. S. 223.
3. RGASPI. F. 134. Op. 3. D. 54.
4. Erofeev V. I. V sovetskom posol'stve v Shvetsii 1942–1944 gg. // Novaia i noveishaia istoriia. M., 1996, No 1.
5. Ibid.
6. Kollontaï V. M. Vospominaniia vnuka ob Aleksandre Mikhaïlovne Kollontaï // Severnaia Evropa: problemy istorii. Vyp. 8. M., 2015. S. 323–324.
7. Kollontaï A. M. Diplomaticheskie dnevniki, 1922–1940: T. 2. M., 2001. S. 473.
8. Ibid.

9. Kollontaĭ V. M. Vospominaniia vnuka ob Aleksandre Mikhaĭlovne Kollontaĭ // Severnaia Evropa: problemy istorii. Vyp. 8. M., 2015. S. 325–326.
10. Voskresenskaia Z. I. Pod psevdonom Irina: Zapiski razvedchitsy. M., 1997.
11. Ibid.
12. Kollontaĭ V. M. Vospominaniia vnuka ob Aleksandre Mikhaĭlovne Kollontaĭ // Severnaia Evropa: problemy istorii. Vyp. 8. M., 2015. S. 325–326.
13. Voskresenskaia Z. I. Pod psevdonom Irina: Zapiski razvedchitsy. M., 1997.
14. Ibid.
15. Ibid.
16. Ibid.
17. Ibid.
18. Tikhvinskiĭ S. L. Iz opyta sovetskoĭ diplomatii v gody Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭny // Novaia i noveishaia istoriia. M., 1997. No 4.
19. Sm.: Kozlenkova A. S. Diplomaticheskaia deiatel'nost' I. M. Maiskogo (Iana Liakhovetskogo) v Velikobritanii v 1941–1943 gg. // Vlast'. 2015. № 1.
20. Kozlenkova A. S. Ezhednevnyi biulleten' «Sovetskie voennye novosti» («Soviet War News»): iz istorii periodiki perioda Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭny 1941–1945 gg. // Istoriiia Otechestvennykh SMI. Ezhegodnik — 2016. Vypusk 1. T. 1. M., 2016. S. 55.
21. Voskresenskaia Z. I. Pod psevdonom Irina: Zapiski razvedchitsy. M., 1997.
22. Ibid.
23. Ibid.
24. Ibid.
25. Ibid.
26. Ibid.
27. Ibid.
28. Voskresenskaia Z. I. Pod psevdonom Irina: Zapiski razvedchitsy. M., 1997; Kollontaĭ V. M. Vospominaniia vnuka ob Aleksandre Mikhaĭlovne Kollontaĭ // Severnaia Evropa: problemy istorii. Vyp. 8. M., 2015. S. 357.
29. Voskresenskaia Z. I. Pod psevdonom Irina: Zapiski razvedchitsy. M., 1997.
30. Tikhvinskiĭ S. L. Iz opyta sovetskoĭ diplomatii v gody Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭny // Novaia i noveishaia istoriia. M., 1997. No 4.
31. Kollontaĭ A. M. Diplomaticheskie dnevniki, 1922–1940.: T. 2. M., 2001. S. 474.
32. Ibid. S. 486.
33. Itkina A. M. Revoliutsioner, tribun, diplomat. M., 1964. S. 116.
34. Sm.: Budaeva L. A. Diplomaticheskie priemy sovetskogo posla A. M. Kollontaĭ v korolevstvakh Norvegii i Shvetsii v 1923–1945 gg. // Sbornik materialov II Mezhdunarodnogo Simpoziuma «Traditsionnaia kul'tura v sovremennom mire. Istoriiia edy i traditsii pitaniia narodov mira». M., 2016.
35. Kollontaĭ A. M. Diplomaticheskie dnevniki, 1922–1940.: T. 2. M., 2001. S. 415.

36. Voskresenskaia Z. I. Pod psevdonimom Irina: Zapiski razvedchitsy. M., 1997.
37. Kollontaĭ A. M. Diplomaticheskie dnevniki, 1922–1940.: T. 2. M., 2001. S. 434.
38. Ibid.
39. Ibid.
40. Erofeev V. I. V sovetskom posol'stve v Shvetsii 1942–1944 gg. // Novaia i novejšaia istoriia. M., 1996, No 1.
41. Ibid.
42. Kollontaĭ A. M. Diplomaticheskie dnevniki, 1922–1940.: T. 2. M., 2001. S. 474.
43. Lorenson E. G. A. M. Kollontaĭ v Shvetsii // Novaia i novejšaia istoriia. M., 1966. S. 110–111.
44. Rymko E. P. Madam Kollontaĭ // Sovremennaia Evropa. M., 2003. S. 104

Информация об авторе

Будаева Лина Андреевна

соискатель аспирантуры кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

E-mail: linabudaeva7@yandex.ru

Lina Budaeva

PhD student,

Faculty of History,

Moscow State University

E-mail: linabudaeva7@yandex.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОСЛОМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ ГРАФОМ С. Р. ВОРОНЦОВЫМ МЕХАНИЗМОВ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ ДЛЯ РАЗРЕШЕНИЯ ОЧАКОВСКОГО КРИЗИСА 1791 ГОДА

О. Ю. ЗАХАРОВА

Аннотация. В статье раскрываются непростые взаимоотношения Российской империи времен Екатерины Великой и Великобритании в период русско-турецких войн и Французской революции. Отражено активное личное участие в их выстраивании и деятельном предотвращении назревавшего военного конфликта между двумя державами выдающегося российского посланника в Лондоне графа С. Р. Воронцова. В статье также содержится критический взгляд на состояние публичной дипломатии в современной России и рекомендации по изменению сложившейся ситуации.

Ключевые слова: государство, общество, публичная дипломатия, имидж, коммуникации, культура, внешняя политика, общественное мнение, политическая элита

В настоящее время в России, как и во всем мире, значительно возрос интерес к публичной дипломатии как к одному из эффективных средств решения внешнеполитических проблем мирным путем, что является особенно актуальным в условиях постбиполярного мира. В России не существует однозначного мнения о целях и средствах публичной дипломатии, которая, с точки зрения ряда политиков, не имеет своей истории в нашем Отечестве.

Цель исследования — доказать, что в Отечественной истории, особенно в её имперский период существовали методы, направленные на формирование политического имиджа страны на мировой арене.

В истории российской публичной дипломатии особое место занимает деятельность российского посланника в Лондоне графа С. Р. Воронцова, во многом содействовавшего ликвидации Очаковского кризиса 1791 года.

Установление английской гегемонии в Европе — этой главной цели подчинялись действия Британской империи в конце XVIII века. Мешала тому Россия, и ее нужно было одолеть, ослабить, заставить отказаться

от проведения активной внешней политики. К 1791 году возникла непосредственная угроза войны между Россией и Англией. Ее причины возрастали годами ранее.

В 60–70е годы XVIII века большинство английских политиков, включая крупнейшего из них — В. (Уильяма) Питта старшего, считали Россию и Англию «естественными союзниками» по целому ряду экономических и международных причин. Россия поставляла на английский рынок лен, пеньку и мачтовый лес. Ввоз пеньки в Англию (без Шотландии) составлял в 90-х годах 70–75 процентов всего ввоза. Русские товары занимали в те годы первое место в английском импорте [9. С. 106].

Во внешней политике обе страны стремились к изоляции Франции, в которой назревала пугающая европейских монархов революция. Однако в борьбе России против Турции, против наступления последней на христианский европейский континент английские политические деятели увидели опасность для своих морских интересов. Победы российской империи в русскотурецкой войне 1768–1774 годов (разгром П. А. Румянцевым турок при Ларге и Кагуле, их флота Ф. Ф. Ушаковым в Чесменском сражении, занятие Крыма), которые завершились Кючук-Кайнарджийским миром, укрепляли ее позиции на Черном море и обеспечивали возможность проникновения в Средиземное море. Но замена на Ближнем Востоке французского влияния на русское не входила в планы британских политиков. Англия активно выступала против независимости Крыма, Молдавии и Валахии, против передачи России одного из островов в архипелаге, против свободного прохода ее флота через Дарданеллы.

Ослабевшая на тот момент Франция уже не являлась для Англии серьезным соперником на международной арене, и Турция становилась открытой для английского влияния. Но начавшаяся в 1787 году русскотурецкая война изменила соотношение сил на Востоке.

Не сомневаясь в победе России над Турцией, российский посол в Лондоне граф Семен Романович Воронцов (1785–1806) в дипломатической переписке с императорским двором напоминал Петербургу, что в течение шести лет Франция отправляла туда «канонеров, инженеров, строителей кораблей и... офицеров» [5. С. 209] существенно повысив ее военные возможности. Правда, сама Франция не желала, чтобы Турция воевала с Россией, памятуя, что «сии шалуны скорее могут быть двигнуты, нежели удержаны в начатом движении» [5. С. 209] Когда же военные действия начались (поощряемая европейскими «доброжелателями» Турция в 1787 году в ультимативной форме потребовала от России возвращения ей Крыма и ряда территорий, утраченных в предыдущей войне), Франция обвинила Англию в желании поссорить ее с Россией.

Будучи высокообразованным человеком, граф С. Р. Воронцов надеялся, что императрица Екатерина Великая не пошлет российскую морскую эскадру в Архипелаг, оставит Грузию, а на Дунае и Черном море нанесет «наичувствительный вред врагам нашим. Лучше в двух частях тела бить дубиною, нежели палками щекотать по разным частям онаго. Разделяясь, мы везде будем слабы» [5. С. 210]. Отправляя депеши в Петербург, он предлагал запретить пребывание в Севастополе иностранных консулов, купцов и торговых судов, как это делается в военных портах Англии, Франции, Испании. По его сведениям, там под видом купцов и негоциантов были свиты целые «гнезда шпионов» [5. С. 211].

Во время беседы с английским королем Георгом III граф Воронцов лично убедился в том, что британцы подробно информированы о численности и командном составе русских армий. И даже высказали удивление, что «князь Потемкин имеет превеликую, а граф Румянцов весьма пред оной малую» численность войск [5. С. 212]. По сведениям посла, Англия активно вооружается, но при этом не собирается воевать с Францией, что для России было бы весьма выгодно. Воронцов предупредил Петербург в мае 1789 года, что при всех достоинствах премьерминистра В. (Уильяма) Питта младшего, его уме, красноречии, бескорыстии и твердости, он человек с двумя сильными пороками — лукавством и необузданной жаждой власти. Чтобы удовлетворить свое властолюбие, он пожертвует всем, даже интересами Англии. Главное для него — сохранить дружбу королевы, а для этого нужно поддерживать Берлин. Русский посланник ратовал за нейтрализацию, смягчение негативного отношения англичан к России, вызванного так называемыми правилами вооруженного нейтралитета.

Однако политическая ситуация изменилась в результате успешных военных операций А. В. Суворова на суше (Рымник, Измаил и др.), Г. А. Потемкина (Очаков), Н. В. Репнина (Мачинское сражение) и на море Ф. Ф. Ушакова (Керченское и др. сражения). Еще более она обострилась после того, как Лондон узнал о планах примирения России с Турцией и о возможном создании союза России, Австрии, Франции и Испании в противовес союзу Англии, Голландии и Пруссии. В Лондоне версию о вероятности такого политического сотрудничества усиленно распространяла Пруссия, подчеркивая при этом значимость установления тесных взаимоотношений между Россией и Испанией. Подпитывали ее, скорее всего, сведения о том, что в начале мая 1790 года из Петербурга уехала греческая делегация, члены которой намекали на возможность поднять восстание и с помощью России изгнать турок из Европы.

В письме от 4 января 1791 года вице-канцлер И. А. Остерман сообщал С. Р. Воронцову, что английский посланник в России Ч. Витворт получил

из Лондона распоряжение повторить предложение о примирении России с «Портою Оттоманскую... и подкрепить оное уведомлением, что британский двор согласен на учинение равного» [3. Л. 4]. Однако выдвинутые при этом условия были абсолютно не приемлемы для России. Но, не желая усиливать политическое противостояние, Петербург уже в начале февраля просит своего посла в Британии выступить везде, где это возможно, с разъяснениями и заявлениями, что Россия не собирается посылать флот в Средиземное море и что подобную информацию распространяют те, кто желает поссорить Россию с Англией [3. Л. 13–13 об.].

В переписке с царским двором С. Р. Воронцов предлагал опубликовать документы, отражающие позиции Петербурга и Лондона по вопросу мира с Портой, с целью доведения их содержания до членов парламента и простых англичан. Императрица одобрила предложение русского посланника, согласившись, что нужно выводить английскую нацию из «ослепления» [2. Л. 15]. И в июне 1791 года И. А. Остерман действовал С. Р. Воронцову в опубликовании копий дипломатических документов по русскоанглийским отношениям, начиная с 1788 года.

При этом несколько ранее, в письме от 15 (26) февраля 1791 года вице-канцлер сообщил, что Екатерина II объявила Ч. Витворту о невозможности согласиться с английским предложением о примирении с Турцией. А Остерман при встрече с английским посланником говорил, что Турция на «умеренные» условия не согласна, и виновницей продолжения военных действий, скорее всего, будет не Россия [2. Л. 52–53]. В то же время послы Англии, Пруссии и Голландии буквально атаковали Русский Двор с предложениями своих правительств о примирении воюющих сторон. В одной из таких бесед с голландским посланником вице-канцлер был вынужден заметить, что если бы «другие не препятствовали, то давно сей мир был бы» [2. Л. 47]. Действия В. Питта младшего в это время показывали, что правящий кабинет Англии ни при каких условиях не собирался прекращать давление на Петербург, требуя незамедлительного (но на условиях, выдвинутых Британией и ее союзниками) прекращения войны с Турцией. Отправленный в марте 1791 года в Берлин проект британского ультиматума о прекращении войны с Турцией предусматривал, к примеру, отказ России от Очакова и района между Бугом и Днестром. Чтобы сделать Екатерину II более сговорчивой, премьер министр решил даже отправить английские боевые корабли в Черное и Балтийское моря и просил палату общин предоставить военные кредиты для усиления флота.

Однако российская императрица не думала отступать от своих планов. В случае объявления Англией войны с Россией она намеревалась

запретить ввоз английских товаров и приказать подданным Британии выехать из страны.

Английское правительство было уверено, что война с Россией неизбежна, и собрало огромные морские силы: 36 линейных кораблей, 12 фрегатов и столько же бригов и скутеров [1. С. 47]

В этой ситуации С. Р. Воронцов совершил весьма дерзкий для дипломата поступок. Он открыто заявил министру иностранных дел Британии герцогу Ф. Лидсу, что сделает все, чтобы помешать «несправедливой и вредной для обеих стран войне». Обращаясь к нему, российский посланник говорил, что он слишком хорошего мнения об английском здравом смысле и потому не может «не надеяться, что громкий голос общественного мнения заставит вас отказаться от этого несправедливого предприятия» [1. С. 47].

С. Р. Воронцов активно посещал лидеров оппозиции, некоторых членов нижней палаты, влиятельных представителей торговых кругов. В беседах с ними объяснял, что Англия, ее торговля, банки понесут огромные убытки как от войны, так и от прекращения торговли с Россией.

Настроение широких кругов английского общества нашло отражение в деятельности партии вигов, выступавшей против захватнических войн. В лице своих блестящих ораторов и публицистов Ч. Д. Фокса, Р. Б. Шеридана, Ф. Фрэнсиса она постоянно разоблачала в парламенте воинственную политику В. Питта младшего и его кабинета. Особенно доставалось правящей партии за ведение территориальных захватов в Индии и за направленность против России англо-прусского союза.

Один из видных представителей оппозиции Грей, внесший в палату общин запрос о подготовке к войне с Россией, говорил: «Наша торговля с Россией всегда была наиболее выгодной. Она снабжала материалами наши мануфактуры и была отличным питомником для наших моряков. Наш экспорт в Россию доходил ежегодно до 2 миллионов фунтов стерлингов, а наш импорт — 1 миллиона. Пошлины на экспортную торговлю составляли ежегодно 300 тысяч фунтов стерлингов. В этой торговле было занято свыше 350 кораблей, почти сплошь за исключением четырехпяти, британских. Спросим: мудро ли, осмотрительно ли прерывать такую торговлю» [10. С. 37].

С просьбой воздействовать на представителей английского кабинета министров и реально оценить негативно складывающуюся обстановку С. Р. Воронцов обратился к одному из наиболее влиятельных представителей партии вигов, великолепному оратору Ч. Д. Фоксу. «Господин Фокс говорил, как ангел, — писал Воронцов брату после парламентских дебатов в марте 1791 года. — Он доказал, что этот проклятый вооружен-

ный нейтралитет, из-за которого здесь так озлоблены против России, был делом рук берлинского двора, что и шведский двор принял в этом большое участие, и, однако ж здесь упорно поддерживают оба эти двора и лишь к России все время придираются». [4. С. 190]

Посол отправил в Петербург текст одной из речей Фокса. В ответ Екатерина II попросила заказать бюст политика из белого мрамора, чтобы установить его в своей колоннаде между бюстами Де-мосфена и Цицерона. В своей переписке с Петербургом С. Р. Воронцов старался быть очень осторожным, ибо письма из России вскрывались в Лондоне, о чем он предупреждал и канцлера А. А. Безбородко. Так, весь Лондон обсуждал желание Екатерины II иметь бюст господина Фокса, хотя подобная просьба русской императрицы содержалась в личном послании Безбородко к Воронцову.

Английский премьер-министр, оскорбленный подобным вниманием Екатерины II к своему политическому сопернику, стал распространять слухи о якобы имеющихся тайных отношениях Фокса с Россией. Один из друзей Питта младшего даже передал доктору С. Р. Воронцова совершенно невероятное предположение о том, что «если господин Фокс сожжет Аглицкий флот, то императрица Российская сделает ему еще... отличность» [5. С. 235].

В то же время число оппонентов Питта и их давление на общественное мнение возрастало в Англии с каждым днем. И премьер-министр был вынужден срочно отправить спецпосланника вдогонку курьеру, отправленному в Петербург с нотой, в которой России объявлялась война в случае, если она немедленно не заключит мира с Портой и не возвратит ей всего завоеванного в турецких пределах. Однако, даже отозвав курьера, он продолжал вооружать флот в Портсмуте.

Понимая, что праздновать победу еще рано, С. Р. Воронцов рассылает по мануфактурным центрам Англии записки и брошюры, в которых разъясняет гражданам, что прекращение торговли с Россией приведет нацию к разорению [1. С. 49]. Как отмечает в своем исследовании А. М. Станиславская, «используя богатый статистический материал, подобранный С. Р. Воронцовым и его сотрудниками, авторы брошюр «Состояние народное» и «Обращение к английскому народу» доказывали исключительную выгодность для Англии торговли с Россией... На первый план выдвигались особые трудности войны с Россией, неуязвимой вследствие своего географического положения; указывалось, что английский флот окажется бессильным против укреплений Ревеля и Кронштадта, а русские солдаты стоят несравненно выше прусских» [9. С. 117].

Личный секретарь Воронцова — швейцарец Жоли и член Королевского общества, доктор церковного права Оксфордского университета, лингвист и литератор Дж. Пэрадайз имели прямое отношение к сбору фактических и цифровых данных для российского посла и к войне памфлетов. Так, по просьбе С. Р. Воронцова Жоли подготовил французский текст, а Пэрадайз перевел на английский язык текст, имевший название «Серьезное рассмотрение причин и последствий нашего теперешнего возмущения против России», который получил широкое распространение. Пэрадайз, имевший обширные связи в литературных и научных кругах Лондона, помог русским дипломатическим работникам обзавестись нужными знакомствами в британской столице.

В этот тревожный период заслуга графа С. Р. Воронцова заключалась в том, что подготовленные им в большом количестве брошюры увидели свет раньше изданий, пропагандировавших политику правительства. И в апреле посол с удовлетворением сообщал своему брату графу А. Р. Воронцову, что в Лондоне нет еще ни одной брошюры, защищающей политику Питта.

Российский посланник сумел весьма результативно воздействовать на общественное мнение Англии. 10 апреля в Манчестере состоялось собрание (митинг), созванное «по требованию многих значительных негоциантов, мануфактуристов и других». Основные пункты его резолюции сводились к тому, что Великобритания, будучи страной с тяжелыми налогами и огромным долгом, не должна включаться (без особой на то необходимости) в военные действия. Все союзные договоры, которые вовлекают страну в конфликты с народами континента, вредны для Великобритании. Участники собрания пришли к выводу, что для участия страны в войне с Россией нет достаточных оснований, и потому представители графства в парламенте должны выступить против возложения на народ нового военного бремени. 19 апреля участники очередного митинга приняли резолюцию, требующую от представителей Манчестера в парламенте голосовать против военных кредитов.

28 апреля манчестерская резолюция была поддержана участниками митинга в Вексфильде. При этом отмечалось, что вывоз шерсти в Россию из графства Йорк достигает 200–300 тыс. фунтов стерлингов. И потеря русского рынка нанесет серьезный удар по интересам графства [9. С. 111–112]. В Нориче, Лидсе, Манчестере проходили публичные собрания, печатались прошения к парламенту, выражающие протест против деятельности министерства в отношении России. Избиратели обращались к своим представителям с требованием сместить Питта с поста премьер-министра. В Лондоне на стенах домов появились надписи:

«Не хотим войны против России». Ежедневно более 20 газет печатали антивоенные статьи, негласными авторами которых были помощники Воронцова, работники посольства, объяснявшие британцам крайнюю невыгодность конфликта с Россией [1. С. 49]

Несколькими днями ранее, 15 апреля того же года, Ч. Д. Фокс заявил в парламенте, что для Англии рост влияния России не представляет никакой опасности, так как «обширность ее территории, незначительность ее доходов и не большая плотность населения делают ее могущество для нас совершенно не опасным». Используя подобранные Воронцовым для выступления документы, он доказывал, что Очаков — это не повод к войне с Россией. А будущий лидер оппозиции Грей отметил, что взятие русскими Очакова не обеспечивает России господства над днестровской навигацией.

Нараставший как снежный ком политический кризис вынудил Питта отступить и пойти на уступки оппозиции. На заседании кабинета было решено не отправлять британские корабли в Черное море и на Балтику, а также не предъявлять ультиматум России. Подписавший его герцог Лидс 21 апреля ушел в отставку.

На следующий день российский посол писал в Петербург: «Все сие происхождение, имевшее вначале столь неприятный вид, взяло оборот, весьма счастливый для наших интересов» [9. С. 118].

Как справедливо отмечает в своем исследовании профессор Э. Г. Кросс, русская дипломатия при С. Р. Воронцове была весьма «зрелой» [8. С. 39]. В 1791 году посол так энергично работал и так умело выстраивал взаимоотношения с английскими политиками и торговыми компаниями, что сумел серьезно повлиять на прессу, издательства и главное — на общественное мнение. Все это и яркие выступления в парламенте членов оппозиции породили недоверие к политике правящего кабинета даже у сторонников Питта.

Несмотря на то, что при Екатерине II большая часть международных проблем по-прежнему разрешалась силовыми методами, именно в её правление впервые были предприняты действия, направленные на создание положительного имиджа России, будь то переписка с французскими просветителями или приглашение коронованных особ Европы и дипломатов в путешествие по стране.

Конечно же, имидж государства во многом зависит от имиджа её правителя. Внук Екатерины Великой Александр I достойно продолжил начатое ею возвеличивание России, а если говорить о личной популярности в Европе, то, пожалуй, и превзошел её. Первыми указами 24-летнего императора, которые сделали его одним из самых популярных

европейских лидеров, стали указы об освобождении заключенных, уничтожении тайной канцелярии, предоставлении права свободного выезда за рубеж, снятии ограничений в торговле за границей, запрете на применение пыток. Во время Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии в 1813–1814 годах он представлял страну, армия которой не только не поджигала и не грабила европейские города, но и помогла их восстанавливать.

Так, князь Н.Г. Репнин-Волконский, назначенный в 1813 году генерал-губернатором Саксонского королевства, менее чем за год восстановил его экономику. При этом русский губернатор потратил значительные собственные средства на благотворительность. В стране возобновили деятельность инженерная, артиллерийская, лесная, горная академии. В Дрездене был построен каменный мост через Эльбу, открылись места общественных гуляний, отстраивались разрушенные общественные здания, исправлялись дороги. Для прямой помощи населению Репнин учредил специальную комиссию, передав в её распоряжение 300 000 талеров. Бесплатно или на льготных условиях она выдавала пострадавшим от войны гражданам продовольствие, зерно, скот и т.д. Многие пошлины были отменены. Все распоряжения генерал-губернатора и сведения о бюджете королевства публиковались в специальной газете.

В ноябре 1814 года, примерно через год после начала своей деятельности в Дрездене, Репнин получил приказ покинуть город. В прощальной речи, обращенной к магистрату, он сказал: «Вас ожидает счастливое будущее. Саксония остается Саксонией; её пределы будут не нарушены. Либеральная конституция обеспечит ваше политическое существование и благоденствие каждого. Саксонцы! Вспоминайте иногда того, который в течение года составлял одно целое с вами...» [4. С. 240]. Н.Г. Репнин-Волконский не только доносил информацию до граждан Саксонии, но и вступал с ними в диалог, используя его как один из главных методов публичной дипломатии начала XXI века. Подобной тактики (и практики) придерживались также губернатор Парижа в 1814 году барон Ф. В. Остен-Сакен и командующий русским оккупационным корпусом во Франции (1815–1818 гг.) граф М. С. Воронцов, сын С. Р. Воронцова.

Важно отметить, что, начиная с XIX века, Россия ассоциируется не только с именами выдающихся военных и государственных деятелей, к примеру, таких, как М.С. Воронцов, Н.Г. Репнин-Волконский, Ф.В. Остен-Сакен, Ф.И. Тютчев, А.М. Горчаков, С.Ю. Витте, но и с именами великих ученых, литераторов, композиторов, художников, архитекторов.

По аналогии с «золотым веком» период конца XIX — начала XX веков стал «Серебряным веком» русской культуры. Создатель «Русских

сезонов» за рубежом С. П. Дягилев в течение ряда лет организовывал выставки и балетные гастроли в Париже, Берлине, Лондоне и Риме. Именно тогда достижения русской культуры и науки получили широкую известность и привлекли к себе пристальное внимание международного сообщества.

В настоящее время одной из проблем российской публичной дипломатии является отсутствие европейски образованных и воспитанных политиков, отстаивающих интересы России, но при этом нацеленных на сотрудничество с Европой, умеющих признавать ошибки и открытых к диалогу с ней.

Новая политическая элита, безусловно, не может возникнуть ниоткуда. В Российской империи в дворянских семьях существовала система подготовки молодых людей, прежде всего, к военной, а впоследствии и к гражданской службе. В советский период будущие государственные деятели проходили школу ВЛКСМ, высших образовательных учреждений КПСС. В современной России я системного подхода в деле подготовки будущей политической элиты не существует.

Образ России не привлекателен для мирового сообщества прежде всего из-за отсутствия открытости, низкого уровня жизни большей части населения, коррумпированности современной российской элиты. Сегодня как никогда актуальны слова генерал-губернатора Новороссийского края и Бессарабской области, наместника на Кавказе М. С. Воронцова: «Люди с властью и богатством должны так жить, чтобы другие прощали им эту власть и богатство». [7. С. 685]

Литература

1. Автобиография графа Семена Романовича Воронцова // Русский Архив, 1876.
2. Архив Внешней Политики Российской Империи. Историкодокументальный департамент МИД России (АВПРИ ИИД МИД России). — Ф. 36, О. 1. Д. 405.
3. АВПРИ ИИД МИД России — Ф. 36, О. 1. Д. 453.
4. Архив Князя Воронцова. — Кн. 9.
5. Архив Князя Воронцова. — Кн. 16.
6. Глинка В. М., Помарницкий А. В. Военная галерея Зимнего дворца. — Л., 1981.
7. Из записной книжки «Русского архива» // Русский архив 1910. Кн. III.
8. Кросс Э. Г. У темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. — СПб., 1996.
9. Станиславская А. М. Англорусские отношения в конце XVIII в. // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. Выпуск 12 М., 1957.
10. Штейнберг Е. С. Р. Воронцов и англорусские отношения на рубеже XVIII и XIX веков // Исторический журнал, 1943. — Но 11–12.

**USE BY THE AMBASSADOR OF THE RUSSIAN EMPIRE
TO THE GREAT BRITAIN COUNT VORONTSOV
OF PUBLIC DIPLOMACY FOR THE RESOLUTION
OF THE OCHAKOV CRISIS OF 1791**

Oxana Y. Zakharova

Abstract. *The article reveals the difficult relationship of the Russian Empire under Catherine the Great and Great Britain during the Russian-Turkish wars and the French Revolution. It is focused on active personal involvement of the Russian envoy in London, Count S. R. Vorontsov in prevention of the imminent military conflict between the two powers. The article also contains a critical look at the state of public diplomacy in modern Russia and recommendations for changing the current situation.*

Key words: *state, society, public diplomacy, image, communication, culture, foreign policy, public opinion, political elite*

References:

1. Avtobiografiia grafa Semena Romanovicha Vorontsova // Russkii Arkhiv, 1876.
2. Arkhiv Vneshnei Politiki Rossiiskoi Imperii. Istorikodokumental'nyi departament MID Rossii (AVPRI IID MID Rossii). — F. 36, O. 1. D. 405.
3. AVPRI IID MID Rossii — F. 36, O. 1. D. 453.
4. Arkhiv Kniazia Vorontsova. — Kn. 9.
5. Arkhiv Kniazia Vorontsova. — Kn. 16.
6. Glinka V. M., Pomarnitskii A. V. Voennaia galereia Zimnego dvortsa. — L., 1981.
7. Iz zapisnoi knizhki «Russkogo arkhiva» // Russkii arkhiv 1910. Kn.III.
8. Kross E. G. U temzskikh beregov. Rossiiane v Britanii v XVIII veke. — SPb., 1996.
9. Stanislavskaiia A. M. Anglorusskie otnosheniia v kontse XVIII v. // Doklady i soobshcheniia Instituta istorii AN SSSR. Vypusk 12 M., 1957.
10. Shteinberg E. S. R. Vorontsov i anglorusskie otnosheniia na rubezhe XVIII i XIX vekov //Istoricheskii zhurnal, 1943. — No. 11–12.

Информация об авторе

Захарова Оксана Юрьевна

доктор исторических наук, профессор факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова.

E-mail: yevseyeva.mariya@yandex.ru

Oxana Y. Zakharova

Doctor of History, Professor of the Department of World Politics of the Moscow State University named after M. V. Lomonosov.

E-mail: yevseyeva.mariya@yandex.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ КАК ИНСТРУМЕНТА МЯГКОЙ СИЛЫ НА ТЕРРИТОРИИ СЕРБИИ: ПОДХОДЫ РОССИИ И США (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФОНДА ИМ. А. М. ГОРЧАКОВА И ЦЕНТРА ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ ЭДВАРДА МЮРРЕЯ)

Д. Д. КРЫКАНОВ

***Аннотация.** Отношения России и Сербии отличаются сложным историческим наследием. Вплоть до 1991 г. экономические и культурные отношения определялись текущими отношениями между лидерами государств (в то время СРЮ/СФРЮ и СССР). В периоды политических разногласий объемы внешней торговли и культурного обмена доходили до нулевых значений, что невозможно представить в современном мире. Теперь средства влияния действуют отдельно друг от друга, и их комплексное применение определяет успешность общей политической стратегии (явление известно в академических и политических кругах как концепция «умной силы» — грамотное сочетание средств и методов «мягкой силы» и традиционного экономического и силового воздействия).*

«Цементом» всех мер воздействия является публичная дипломатия как частное явление общего концепта «мягкой силы» — она позволяет сформировать комплексное представление о стране в глазах и умах иностранного общества. Публичная дипломатия стала инструментом перехода от применения «мягкой силы» к увязыванию ее с иными методами воздействия, что приводит к эффекту синергии.

Можно утверждать, что становление института публичной дипломатии и организаций, обеспечивающих диалог между субъектами публичной дипломатии и иных мер воздействия является фактором становления в государстве максимально эффективной формы внешнеполитического воздействия. Примечательно, что проведенный анализ показывает, что в России сформировалось собственное понятие публичной дипломатии, отличное от американского. Более того, под-

ходы к реализации публичной дипломатии также разнятся. В рамках данного исследования проводится анализ подхода России к определению стратегии публичной дипломатии в Сербии, так как каждый кейс требует проведения прикладного политического анализа в целях выявления точек воздействия.

Ключевые слова: мягкая сила; умная сила; публичная дипломатия.

Введение. Публичная дипломатия становится неотъемлемой частью современной внешней политики великих держав и крупных государств. Для ее успешного функционирования требуется закрепление основных концепций, позволяющих эффективно направлять ее воздействие — мягкой и умной сил. В то же время формировать политику и направления публичной дипломатии следует в прикладном формате — принимая во внимание специфику нужного региона или страны. В данной статье исследуется применение публичной дипломатии как инструмента мягкой силы с позиции организаций, ответственных за формирование концепции публичной дипломатии в стране на примере Российской Федерации и США. Необходимо не только понимать особенности воздействия в рамках конкретной страны, но и политику стран-соперников в этом регионе.

Актуальность темы исследования определена возрастающей ролью «мягкой силы» (Дж. С. Най) в современных международных отношениях (МО). Изучаемое явление относится к новым способам воздействия как на государственных, так и негосударственных акторов посредством непрямого влияния. Наряду с политической наукой, концепция «мягкой силы» исследуется и в области военных наук, является компонентом так называемой «информационной войны».

Степень разработанности. Теоретической основой для разработки темы исследования послужили работы Дж. Найа, Р. Кеохейна, Я. Ватанабэ и Я. Мелиссена, каждый из которых сделал свой вклад в формирование общей концепции «мягкой силы» и публичной дипломатии.

В российском пространстве как в теоретическом, так и в прикладном измерениях основы данной концепции формировали и переосмысливали Г. А. Арбатов, А. В. Будаев, С. В. Лавров, М. М. Лебедева, Е. Г. Пономарева, Е. М. Примаков, Г. Ю. Филимонов, П. А. Цыганков, А. Д. Шутов и другие. Работы отечественных исследователей имеют особое информационное значение для изучения возможностей использования «мягкой силы» Россией на балканском пространстве ввиду необходимости изучения специфики межрегионального взаимодействия. Также большое значение имеют диссертации, защищенные преимущественно в МГИМО МИД РФ и в Дипломатической академии МИД РФ.

Также важная роль принадлежит изучению публикаций политологов и специалистов по международным отношениям и дипломатии по балканскому региону. Особый интерес представляют публикации, посвященные собственно проблемам «мягкой силы» и публичной дипломатии.

Кроме того, в работе были использованы материалы и публикации по заданной проблеме, опубликованные в печатных изданиях, а также сети Интернет.

Теоретические основы исследования. Методологическая основа исследования определяются характером объекта и предмета изучения, страновой спецификой формирования публичной дипломатии России в балканском регионе, а также сложностью и недостаточной изученностью проблемы.

Теоретический базис диссертации составили работы представителей системного (Г. Алмонд, С. Верба, Д. Истон), конструктивистского (А. Вендт, Д. Грин, Ст. Гуззин), а также институционального и неоинституционального (М. Вебер, Дж. Гелбрейт, М. Дюверже, С. М. Липсет) подходов.

Главным методом при раскрытии темы стал системный подход, который посредством основных свойств и функций системы, «погруженной в среду» позволил исследовать роль и значение факторов публичной дипломатии России.

Особое место в работе занимает конструктивистский подход, т.к. посредством конструкторов, возникающих в процессе социального действия, позволяет исследовать многие явления не как индивидуальные акты, а как «интерсубъективную» структуру, то есть систему взаимодействий людей, интересы и цели которых также являются социальными конструктами. Кроме того, этот подход, ориентированный на «точную историческую реконструкцию», на поиск «малых истин» и объяснение, «почему политический мир является таким, а не другим...» позволяет изучить конкретные факторы публичной дипломатии современной России.

Роль институтов (формальных и неформальных), а также деятельность лидеров в процессе выработки и реализации публичной дипломатии России изучены в рамках институционального и неоинституционального подходов. Если для исследования процесса принятия политических решений конкретными институтами государственной власти важен институциональный подход, то неоинституционализм позволяет выявить определенную систему норм и правил общения долгосрочного характера, регулиующую поведение акторов в конкретной сфере —

сфере публичной дипломатии. Кроме того, в работе были использованы сравнительный, корреляционный методы анализа и метод case study.

Таким образом, теоретико-методологическую основу данного исследования составили фундаментальные теории, признанные научные методы и подходы, что позволило выстроить многоуровневую систему анализа публичной дипломатии России как инструмента «мягкой силы».

Исследование: основная часть. Гипотеза. Важной составляющей успеха развития отношений Россия — Сербия является применение технологий «мягкой силы», способствующих укреплению двухсторонних связей. России выгодно строить диалог с Сербией на основе культурного партнерства и обмена, делая акцент на культурно-исторической идентичности наших народов. Ценности российского общества позитивно воспринимаются сербами, что определяет эффективность применения «мягкой силы». Также необходимо учитывать то, что Сербия сама способна выступать в роли регионального центра «мягкой силы». В этом плане Сербия нуждается в поддержке России, посредством которой может быть достигнут синергетический эффект в пространстве «мягкой силы», что определит зависимость Белграда от сотрудничества с Москвой и создаст более прочную основу для дальнейшего экономического, политического и военного взаимодействия. Успешное использование инструментов «мягкой силы» и прежде всего публичной дипломатии в Сербии означает завоевание союзника в ключевой точке балканского пространства, что станет шагом к восстановлению роли России как глобального лидера.

Методология исследования. В работе использованы методы теоретического исследования (сравнительный анализ, типологизация, метод аналогий), а также анализ эмпирических данных (контент-анализ).

Процедура исследования. Концепция мягкой силы, разработанная Дж. Наем и Р. Кохейном, возникла в парадигме неолиберальной теории международных отношений. Однако наличие особых (политико-информационных, социально-экономических и культурных) механизмов и способов влияния в международных отношениях признавалось еще в 1970-х годы даже такими приверженцами школы политического реализма, как Г. Киссинджер. В 1975 году он писал: «Мы вступаем в новую эпоху. Наступает крах традиционных путей международного политического взаимодействия. Мир становится взаимозависимым в сфере экономики, коммуникации и человеческих устремлениях».

Однако тенденция к доминированию в внешней политике «мягкой силы» прервалась с исламской революцией в Иране и вводом советских войск Афганистан, что привело к возвращению политического реализ-

ма. Уже при Р. Рейгане возобладали традиционные ресурсы жесткой силы — рост военных расходов, отказ от контроля над вооружением. В конце 1980-х годов ситуация вновь изменилась. Как отметил Джозеф Най в журнале *Foreign Policy*, с крахом биполярной системы в 1991 году резко изменилась ситуация с влиянием акторов на международной арене, что и обусловило резко возросший интерес к «мягкой силе». Одним из факторов роста внимания к МС является уменьшение значимости прямых военных угроз, так как их место отчасти заняли экономические, экологические, энергетические, информационные и киберугрозы. Одновременно сильно возросла стоимость обеспечения современной армии, что побуждает не-сверхдержавы сконцентрироваться на иных способах влияния и продвижения своих интересов.

Экономическое сдерживание развитых стран в условиях глобализации может негативно влиять на социально-экономическое развитие сдерживаемой страны. Так, для экономики Франции невыгодно экономическое сдерживание Германии, так как их системы взаимозависимы. Най в своей статье приводит наглядный пример трансформации властных ресурсов в МО. В 1740 году Фридрих II завоевывал австрийскую провинцию с простым расчетом — конвертировав средства государственной казны в армию посредством последней можно вернуть средства путем военных завоеваний и получить территории. В наше же время конверсия экономического ресурса в военный даже для достижения задач оперативного уровня может оказаться слишком затратной.

Таким образом, выдвиганию МС как приоритетной внешнеполитической силы способствуют следующие факторы: экономическая взаимозависимость, транснациональные акторы (в первую очередь ТНК), националистические тенденции в слабых государствах, распространение технологий и меняющиеся политические акценты. На данный момент МС оказала существенное влияние на формирование политической ситуации на Ближнем Востоке, в Центральной Азии, Восточной Европе и Африке, в странах Карибского бассейна. «Мягкая сила» обеспечивает реализацию положений «демократического мира» и осуществление «гуманитарных интервенций».

Формальным стартом реализации концепции МС в современной России можно считать создание Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) в сентябре 2008 года. Официально понятие «мягкой силы» впервые было использовано в Концепции внешней политики России в 2013 году. Однако при изучении трактовок термина становится

очевидно, что недостаточная концептуализация явления не позволяет провести границы между «мягкой силой», гуманитарной политикой и публичной дипломатией. Более того, популярность калькирования оригинального термина *soft power* как «мягкая сила» (МС) указывает на то, что российские исследователи все еще не пришли к консенсусу относительно концептуального наполнения данного термина, одновременно активно критикуя указанный вариант перевода и продолжая использовать его в своих работах. Кроме того, сама концепция МС требует ее приспособления к российским политическим реалиям и внешнеполитическим целям, так как, подобно экономическим механизмам, для России (как и для любой другой страны) неприемлемо копирование политических паттернов, что приведет к потере выгод использования МС.

Концепция МС для балканского региона не заложена в параметрах внешней политики в ее «чистом виде», но выражается посредством концептов «славянского единства» (или европейского в случае стран северных Балкан), общей исторической судьбы. Однако сразу следует оговориться, что в данной работе понимается самая широкая трактовка МС, которая включает и модели экономического развития, и гуманитарного сотрудничества. Это представляется альтернативным способом применения МС, который отличается от концепции Дж. Най, но стоит отметить, что она эффективна только в региональном масштабе ввиду узкой направленности культурно-социальных ценностей. Поэтому для сравнения МС России в странах балканского региона необходимо опираться на иные концепции, более близкие к традиционным, открывающие путь к межрегиональному воздействию.

Профессор Публичной административной Школы им. Дж. Кеннеди в Гарвардском университете, член американской Академии искусств и наук и Дипломатической академии Джозеф Сэмюэль Най является основоположником концепции и создателем термина «мягкая сила» (*soft power*). Най определяет термин следующим образом: «*soft power is the ability to influence the behavior of others to get the outcomes you want*».

Принципиально важным для данного исследования является определение концепта «публичная дипломатия». А. Долинский указывает на то, что ключевым отличием публичной дипломатии (ПД) от классической дипломатии является актер — непрофессиональные дипломаты (подразумеваются под профессионалами сотрудники МИД, политиков и сотрудников спецслужб). Тем самым, публичная дипломатия становится уникальным явлением внешней политики, так как ее акторы не относятся к так называемой «внешнеполитической триаде» — МИД, военные, спецслужбы.

Вторым ключевым отличием является объект публичной дипломатии. Классическая дипломатия подразумевает обмен мнениями в единой плоскости (на уровне представителей МИД, политиков, военных и сотрудников спецслужб). Публичная дипломатия воздействует на общество с другой стороны — через неправительственные организации и иные институты гражданского общества, а не на профессиональных акторов внешней политики. В свою очередь общественное мнение формирует внешнюю политику демократических и транзитных стран.

В то же время ошибочно уравнивать публичную дипломатию с пропагандой. Важным отличием является цель применения этих методов воздействия. Если в случае пропаганды конечной целью является формирование нужного общественного мнения, то публичная дипломатия используется также в целях создания новых эффективных каналов обмена мнениями на многих уровнях, что указывает на большую сложность феномена. К тому же, публичная дипломатия исключает дезинформацию. На ее место встает грамотное преподнесение выгодных фактов и возвеличивание заслуг иностранного общества/государства. Различие данных явлений подчеркивается также тем фактом, что пропаганда не может производиться иным актором кроме государства. Особенность различия кроется в понимании понятий англоязычной публикой. Термин *propaganda* относится прежде всего ко времени Третьего Рейха и тесным образом связана с пропагандой Й. Геббельса, включая и все инструменты того времени. В этом же виде термин *Soviet propaganda* подразумевает использование заведомо ложной или искаженной информации. *Public diplomacy* — это искусство быть правдоподобным в изложении правдивых фактов в нужном свете. Содержанию ПД лучше всего подходит концепт информационно-разъяснительной работы — информирование о стране, ее культуре, ценностях и политике в целях большей заинтересованности общества и пресечения попыток пропаганды, направленной против государства.

К сожалению, в современном российском научном и политическом дискурсе публичная дипломатия часто приравнивается к «мягкой силе», а то и определяется как один из этапов развития МС. Джозеф Най указывает на то, что источниками «мягкой силы» являются политические действия, культура и ценности. Примечательно то, что ни один из этих источников не вписывается в традиционный спектр МС.

Термин публичная дипломатия был введен в 1965 году деканом школы права и дипломатии Флетчера при Университете Тафта Эдмундом А. Галлионом. Оригинальная трактовка феномена представлена следующим образом: «Публичная дипломатия влияет на общественное

мнение и тем самым формирует и способствует курсу внешней политики. Она включает в себя сферы международных отношений, идущих дальше классической дипломатии; формирование общественного мнения правительствами в других странах; взаимодействие частных групп и заинтересованных лиц в нескольких странах; освещение текущего положения дел в МО и их влияние на политический курс; коммуникация между теми, кто работает в этой сфере профессионально — дипломатами и журналистами-международниками; процесс межкультурного общения... Центральным звеном публичной дипломатии является поток информации и идей на международной арене».

Эксперты школы Флетчера признают, что концепт публичной дипломатии меняется в динамике. В марте 1966 г. Эдмунд Галлион описывал феномен ПД как средства, посредством которых государства, частные группы и лица влияют на отношения и мнения других людей и правительств таким образом, чтобы получить канал влияния на внешнюю политику другой страны.

Профессор школы Флетчера Карнес Лорд добавил в 1998 г. к этому определению новую роль общественного мнения в проведении военных кампаний.

Джил Шукер в июле 2004 г. ввела иное определение: публичная дипломатия — эффективная коммуникация с обществами по всему миру с целью понимания, оценки и даже перенятия мировоззрения и идей страны. Она также отметила, что публичная дипломатия — самый эффективный инструмент американской внешней политики за всю историю страны.

Профессор истории дипломатии в школе Флетчера Алан К. Хенриксон указал на диверсификацию субъектов ПД — это политические партии, корпорации, торговые ассоциации, профсоюзы, образовательные учреждения, религиозные организации, этнические группы и так далее вплоть до влиятельных индивидов в отдельности.

Концепт «умной силы» (УС) был сформулирован создателями Центра Стратегических и Международных Исследований (CSIS) Джозефом Наем, Ричардом Эрмитейджем и Джоном Хармом.

Смысл УС, по мнению Ная, в следующем: применение ресурсов как «мягкой», так и «жесткой» силы приводит к большему эффекту, нежели применение только «мягкой» или «жесткой» силы, а распределение степени воздействия каждой из представленных «сил» в каждом определенном случае приводит к эффекту синергизма. Изначально Най и Эрмитейдж исследовали вопрос как максимально оптимизировать применение силы США в мире (в контексте жесткой и мягкой силы). Также задачей было

установить, какой из видов силы наиболее эффективен на фоне текущей мирополитической ситуации. Най пришел к выводу, что жесткая сила, в основе которой лежит военное и экономическое сдерживание и влияние является необходимым элементом современной политики, но не во всех случаях удастся конвертировать этот ресурс во влияние. Тем самым УС — это продукт исследования, как сочетать различные ресурсы силы США, включая мягкую силу, чтобы привлекать другие страны и общества.

Цель «умной силы» — создать такие условия, чтобы другие страны разделяли устремления США, при этом не прибегая к сдерживанию, что имеет много отрицательных последствий и огромные издержки. Более того, «жесткая сила» просто неспособна в одиночку решить часть современных проблем внешней политики США — терроризм, изменение климата, возрастающая роль Азии в мире. Тем самым, задача УС — комбинировать военные и гражданские инструменты внешней политики и добиться эффекта синергии. Комбинирование двух сил позволяет избежать морально-ценностных потерь имиджа страны при ярко выраженном применении жесткой силы.

Концепт УС, по мнению Джона Харма, является отражением исторического устремления внешней политики США сочетать элементы идеалполитик и реалполитик. Най уверен, что именно эта комбинация и привела к победе США в холодной войне и является инструментом успешной внешней политики США. «Умная сила» кроется в использовании реалполитики — мощном военном присутствии Штатов по всему миру — в сочетании с идеалполитикой, выраженной в распространении ценностей либерализма. В своем взаимодействии они и образуют мощный ресурс наступления и обороны во внешней политике. Тем самым Най указывает на то, что не следует мыслить дихотомией «идеалполитик против реалполитик», а комбинировать их, искать оптимальную плоскость их соприкосновения.

Лидеры великих держав в свою очередь злоупотребляют «жесткой силой» по причине того, что она легко осязаема и справляема, она легко поддается анализу, она — четко направленный, прямой способ воздействия. Причиной, почему классическая и публичная дипломатии не получают такого финансирования и внимания, как военные, является невозможность их применения *ad hoc* и в кризисной ситуации. Однако большинство политиков мыслят категориями краткосрочных действий. Более того, бесспорна эффективность размахивания оружием (ресурсами жесткой силы), что часто невозможно в случае мягкой силы, так как, в отличие от монополии на насилие, государство не обладает монополией на мягкую силу, так как она распространена среди

частных компаний, НКО и НПО и частных лиц, по всему гражданскому обществу. Условие действенной МС — двусторонний альянс институтов гражданского общества и государства. Проблема, которую выделяет Най, заключается в отсутствии институтов, которые выступают в роли взаимосвязывающего звена жесткой и мягкой сил.

Это является современной проблемой для США, но в случае России слишком преждевременно говорить об отсутствии таких институтов, так как еще не пройден этап становления МС России как таковой.

В 2006 году CSIS провел исследование развития «мягкой силы» США как инструмента глобального присутствия. Исследование позиционируется как *policy paper* по использованию «умной власти» для президента США Барака Обамы. Ключевая идея — инвестирование в те блага, которые Штаты могут предоставить другим странам. Осознав пользу этих благ, государства не захотят отойти от политики США, чтобы сохранить за собой и своим народом возможность пользования ими. Это позволит сохранить доминирующее положение державы. Данная политика должна выражаться в следующих видах:

- альянсы, партнерства и международные институты;
- глобальное развитие;
- публичная дипломатия;
- экономическая интеграция;
- технологии и инновации

Особенность концепта УС заключается в том, что это не просто научное обоснование, а официальная стратагема: исследовал УС Джозеф Най, а представлен он был Государственным Департаментом США, активистом Сьюзан Носсел и Хиллари Клинтон. Официальная трактовка Государственного Департамента: «умная сила — грамотная интеграция и взаимодействия дипломатии, военной силы, экономического развития и других инструментов мягкой и жесткой силы».

Принимая во внимание вышеизложенное, «умную силу» можно определить как определенную комбинацию ресурсов мягкой и жесткой силы, взаимодействие которых нивелирует негативные последствия применения «жесткой силы» и одновременно образует эффект синергизма путем изменения морально-ценностного восприятия объектами внешней политики субъекта «умной силы».

Формирование концепции «мягкой силы» в России

Согласно Концепции внешней политики РФ 2013 г. основным приоритетом применения «мягкой силы» является постсоветское пространство или ближнее зарубежье. Ресурс МС предполагается нарабатывать в сфере сотрудничества в области науки, культуры, искусства, массовых

коммуникаций, спорта, туризма, работы с молодежью. Тем самым планируется отойти от, по выражению К. И. Косачева, «баянно-застольного» представления о мягкой мощи» к более эффективным средствам. Конкретные примеры реализации концепции: студенческие обмены, международные форумы, школы, фестивали кино и музыки, концерты. Однако даже на этих этапах выявляются ошибки в стратегии использования каналов гуманитарного сотрудничества:

Единственный рынок в Сербии, где Россия может чувствовать себя уверенно — рынок энергоносителей. Сербия является удобным с географической точки зрения пунктом каналов обеспечения энергоносителями, располагаясь между основными поставщиками энергии — Россия и страны каспийского региона и потребителями (Турция и ЕС). Это сыграло роль в блокаде России в ходе украинского кризиса. Сербия поддерживает нормы Третьего энергопакета, которым противоречит проект «Южный поток». В соответствии с этим ЕС рекомендовал Сербии в июне 2014 г. отказаться от участия в проекте.

США также имеют интересы в нефтегазовой политике региона. Однако интересы американских компаний охватывают преимущественно залежи сланцевого газа Болгарии и Румынии. В 2010–2015 гг. на Балканах происходит борьба за сферы влияния в нефтегазовой отрасли между Россией, США и ЕС. Отказ России в декабре 2014 г. от проекта «Южный поток» показал, что современные конфликты в регионе перешли на уровень энергетической конкуренции. Вполне вероятно, что и дальнейшие разногласия крупных держав будут основываться на энергетической политике и дипломатии в балканском регионе.

Определение внешнеполитических интересов Республики Сербия (сравнительный анализ)

Формулирование стратегии «мягкой силы» в Сербии затруднено искаженным восприятием интересов страны и ее внешнеполитических императивов. Часто искаженно и дезинформировано воспринимаются экономические, политические, военные, идеологические и гуманитарные интересы государств. Для грамотного конструирования интересов наиболее подходящим способом видится сравнение указанных пунктов, опираясь на официальные документы (стратегии внешней политики и национальной безопасности), официальные и неофициальные заявления лиц, принимающих решения (policy makers) (президенты, премьер-министры, министры иностранных дел, финансов, экономики и обороны, депутаты законодательных собраний), их статьи в СМИ. Анализ проводится по методике М. А. Хрусталева с применением его матрицы совместимости интересов (см. табл. 1).

Экономические интересы стран характеризуются амбивалентностью, так как стремление к сотрудничеству в целях повышения показателей национального экспорта и новых рынков сбыта происходит одновременно с четко обозначенной целью европейской интеграции. Активное государственно-частное партнерство в рамках международных компаний (NIS Gazprom-Serbia) происходит на фоне принятия положений третьего энергопакета ЕС. Он обязывает крупные компании диверсифицировать свои энергетические нити сообщения среди третьих компаний, что приводит к делению мощностей трубопровода. Ввиду того, что российская компания «Газпром» являлась единственным пользователем и спонсором нити, его реализация оказалась невозможной. В то же время в рамках государственно-частного и b2b (business to business) партнерств был выкуплен и преобразован ряд нефтяных компаний на территории Балкан и Италии. В итоге экономическое сотрудничество стран находится в процессе деградации.

Политическое сотрудничество также характеризуется нестабильностью внешнеполитического курса Сербии. С одной стороны, стратегия национальной безопасности Сербии определяет отношения с Россией как исторически тесные и выражает стремление страны к их сохранению. С другой стороны, в стратегии не указаны сферы интересов Сербии в сотрудничестве с РФ. Более того, отсутствует указание на дальнейшую интенсификацию сотрудничества. В то же время партнерство с США определяется как «важное, несмотря на трудные исторические отношения». Этот пункт в очередной раз отражает сербскую дихотомию «народ-элиты». Однако для России позитивным фактором является приоритет Сербии в развитии отношений со странами группы БРИК, что позволит открыть дискуссионную площадку в условиях отсутствия в них ЕС и США, модулирующих сербскую внешнюю политику. Акцент на верховенство международного права во внешней и внутренней политике соответствует интересам России. Сербия также уважает роль ООН в урегулировании кризисов, ссылаясь на необходимость регулирования данным органом любых кризисных ситуаций, наличие арбитража. Стремление Сербии к реформированию Совета безопасности ООН не выражено в государственных стратегиях.

С 2008 г. Россия имела однозначную международно-правовую позицию по статусу Косово, не признавая его в качестве прецедента. После присоединения Крыма возникла неоднозначность в политической трактовке статуса Косово со стороны России. Можно предположить, что вопрос самоопределения с 2014 г. стал параллельной линией интересов России и Сербии.

Стратегия национальной безопасности Сербии определяет скорость европейской интеграции страны степенью ее внутренней демократизации, ослабление государственного контроля. В условиях текущей политической ситуации Россия не может разделять с Сербией данное положение. Более того, обвинение России в возрастающей авторитарности властных элит указывает на процесс, обратный указанному в Стратегии.

Опираясь на все указанные источники, можно указать, что основной целью правительства Сербии является подготовка страны для вступления в ЕС до 2020 года. Следовательно, все внешнеполитические инициативы Сербии должны быть согласованы с внешней политикой ЕС.

Военные интересы, за исключением меняющегося отношения сербской элиты к программе НАТО «партнерство ради мира», сходятся в аспекте противодействия радикальным группировкам. Это обосновано деятельностью парамилитарских ячеек албанцев (ОАК и пр.), активизировавших свою деятельность с 1990-х гг. Поэтому вопрос безопасности в сфере не прямых угроз остается приоритетным для Сербии. С другой стороны, отлично отношение балканской республике к ядерному оружию. Стремление к сокращению наступательных вооружений обусловлено позицией ЕС.

Значимый пункт в идеологических интересах заключается в поддержке Сербией концепции многополярного мира. Стратегия внешней политики определяет Россию, США, Китай и Бразилию как региональные и глобальные державы современных МО.

Стратегия национальной безопасности Сербии указывает на процесс демократизации как необходимый для интеграции Сербии в европейское пространство и улучшению взаимодействия с соседними государствами. Тем самым Сербия официально опирается на принцип теории демократического мира, что в находится в разрезе с концепцией политического мироустройства России.

Гуманитарные интересы Сербии основываются на восприятии гражданами культуры иной страны в ее совокупности, включая политическую культуру, массовую культуру и пр. В случае Сербии особенность интересов заключается в том, что социокультурное влияние России имеет большой потенциал ввиду заинтересованности граждан Сербии. В то же время оно не желательно для политических элит в условиях евроинтеграции.

Фонд поддержки публичной дипломатии им. Горчакова как инструмент «мягкой силы» России

Фонд поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова осуществляет развитие российской публичной дипломатии в каче-

стве неправительственной организации. Каналами «мягкой силы» России являются также организации Российский общественный совет по международному сотрудничеству и публичной дипломатии, фонд «Русский мир» и Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству «Россотрудничество». В свою очередь цель последних двух заключается в основном в продвижении имиджа России за рубежом, а НПО Фонд Горчакова занимается формированием каналов публичной дипломатии. Основные геополитические направления деятельности Фонда — ближнее зарубежье России (страны-бывшие союзные республики СССР), Центральная и Юго-Восточная Европа. Основные программы по реализации публичной дипломатии в Сербии осуществляются в рамках ежегодного «Балканского диалога». Косвенно канал публичной дипломатии «Россия — Сербия» осуществляется также посредством программы «Российская школа политики», в рамках которой иностранные студенты и молодые политики приглашаются в Москву для изучения политической системы и политической культуры России, также предоставляя площадку для международных дискуссий. Проект «Балканский диалог» состоит из круглых столов, конференций и открытых лекций экспертов в Сербии. На интернет-странице Фонда отмечается: «Проект реализуется в формате дискуссионной площадки для молодых специалистов в области международных отношений, международной журналистики, а также представителей научного сообщества приглашенных стран». В рамках Диалога для совместной работы привлекаются силы балканских НПО и государственных учреждений. В случае Сербии, в работу включен Белградский центр евразийских исследований.

Фонд Горчакова ведет свою деятельность с 2010 года, и до сих пор является единственным эффективным органом публичной дипломатии России. Однако уже на столь раннем этапе заметны отличия российских НПО публичной дипломатии от американских.

В рамках данного исследования и его условий в целях понимания различия функций и особенностей российской публичной дипломатии следует провести сравнительный анализ базовой организации Фонда Горчакова в России и Центра публичной дипломатии Эдварда Мюррея на базе Флетчеровского университета в США. Наглядно сравнительный анализ приведен в таблице (см. табл. 2).

Изучив темы конференций и круглых столов ЦПБ Мюррея, становится понятно, что основная тема деятельности этого рода — формирова-

ние нужных концептов и образов для их дальнейшего транслирования. Например, в 2006 г. состоялся Форум «Создание супергероев в исламском мире», «Пропаганда, публичные отношения или публичная дипломатия: кейс Индонезии». В свою очередь Фонд Горчакова акцентирует свою деятельность на разъяснении внешнеполитического курса России. В российском кейсе транслируется не видение и восприятие концептов во внешней политике, а формирование взглядов иностранцев на внешнюю политику страны под нужным углом.

Результаты исследования

Во многих ключевых положениях интересы России и Сербии нельзя назвать схожими. При этом важным этапом в выработке ПД как инструмента МС России в Сербии является определение интересов. Однако часто российские лица, принимающие решения, пренебрегают данным аналитическим этапом;

Публичная дипломатия России отличается от исходного американского варианта, и способы ее реализации также различны.

Анализ результатов. Практическая задача работы была выполнена посредством анализа применения инструментов «мягкой силы» в Сербии и внешней политики как России, так и основных геополитических конкурентов в регионе — США и ЕС. Была оценена перспектива применения публичной дипломатии Россией в Сербии и ожидаемые эффекты воздействия с учетом текущих стратегических интересов Сербии, позиции элит внутри страны и воздействия ЕС на политику региона.

Исследование показало ошибочность установки России в балканском регионе позиции конкурента ЕС, так как в действительности РФ не способна предложить странам региона, в частности Сербии, более эффективные ценностные установки, чем ЕС. Поэтому России следует занимать нишевую позицию в культурно-ценностной ориентации региона: не стоит пытаться прервать евроинтеграцию региона, но стоит сделать упор на доказывании эффективности торгового и военно-промышленного сотрудничества, занять позицию конкурирующей с европейской культуры, совсем не чуждой Сербии.

Таким образом, на основании проведенного исследования была подтверждена выдвинутая научная гипотеза. Публичная дипломатия является эффективным инструментом «мягкой силы» России в Сербии. Публичная дипломатия служит основой для развития отношений стран в таких ключевых сферах, как энергетическое сотрудничество и сотрудничество в сфере ВПК, а в стратегическом плане — создание культурно-ценностной альтернативы пространству ЕС в Сербии. Поэтому изучение методов публичной дипломатии, расчет их эффективности

и выбор сфер деятельности имеет не только научную, но и практическую ценность.

Заключение. В современных международных отношениях и внешней политике «мягкая сила» играет существенную роль, так как в ходе усложнения международных процессов, усиления взаимозависимости государств и развития асимметричных угроз ведение конвенциональной войны больше не представляется оптимальным способом воздействия во внешней политике. Создание крупных интеграционных организаций и расширение военных блоков сокращают возможность какого-либо явного принуждения государства в рамках организации или блока. Поэтому инструменты МС приобретают особое значение ввиду их высокой эффективности в долгосрочной перспективе, а также того факта, что «мягкая сила» не действует «напролом», а, подобно воде, проникает в государство, избегая конфронтации.

В то же время стоит понимать, что «жесткая сила» не ушла с внешнеполитической арены — она лишь уступила позиции силе «мягкой», сочетаясь с ней. Поэтому оптимальная стратегия для современного государства — использование так называемой «умной силы» — комбинации жесткой и мягкой силы в нужном соотношении. В рамках данной работы исследовались возможности использования «мягкой силы» России в Сербии, так как развитие этого подхода — актуальный вопрос современной российской политики.

Один из наиболее значимых инструментов МС — публичная дипломатия. Проблема российского дискурса заключается в сложности определения отличий публичной дипломатии от пропаганды. В ходе работы было произведено исследование концепта, которое позволило определить особенность публичной дипломатии, способы ее применения и отличия от пропаганды.

Необходимым видится интенсификация публичной дипломатии в стране не только на уровне политических дискуссий, но и экономических, а также обсуждение возможностей сотрудничества в области ВПК. При этом следует увязывать публичную дипломатию с экономическими действиями, международной торговлей и экономическим сотрудничеством Россия-Сербия. Тем самым будет реализована концепция «умной силы» — соединение потенциалов жесткой (экономика в данном случае) и мягкой (публичная дипломатия в данном случае) сил, ведущее к эффекту синергизма — повышение эффекта воздействия выше суммарного значения. В ходе работы было установлено, что этот подход не нов — похожие действия применялись США в регионе еще

Таблица 1

Матрица совместимости интересов России и Сербии
(по методу М. А. Хрусталева).

Интересы	Экономические	Политические	Военные	Идеологические	Гуманитарные
Общие	Увеличение национально-го экспорта	Роль международных политических институтов и международного права в урегулировании кризисов; сотрудничество со странами БРИК	Борьба с сепаратизмом	Признание многополярности; борьба с радикальными движениями	Социокультурное сближение славянских народов
Параллельные		Аспекты МП по праву на самоопределение	ДНЯО; сокращение вооружений		
Расходящиеся	Энергетическая диверсификация	Роль демократизации во внутриполитическом процессе		Демократизация политического процесса	
Антагонистические	Интеграция в торговое право ЕС, неофициальное принятие Третьего энергопакета	Интеграция в ЕС и НАТО/Евразийский союз и ОДКБ			

столетие назад, но тогда осуществлялась комбинация экономика-пропаганда.

Можно сделать вывод, что публичная дипломатия России находится лишь на начальном уровне, несмотря на высокую актуальность этого инструмента мягкой силы во внешней политике.

Исследование показало ошибочность установки России в балканском регионе позиции конкурента ЕС, так как в действительности РФ не способна предложить странам региона, в частности Сербии, более

Таблица 2

Сравнение структуры Фонда поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова и Центра публичной дипломатии Эдварда Мюррея

	Фонд поддержки общественной дипломатии имени А. М. Горчакова	Центр публичной дипломатии Эдварда Мюррея
Форма организации	НПО	НПО
Финансирование	Преимущественно государственное	Частное
Миссия	Способствовать развитию публичной дипломатии; продвигать внешнеполитические интересы России; формировать за рубежом благоприятный для страны общественный, политический и деловой климат; вовлекать во внешнеполитический процесс институты гражданского общества.	Изменение концептов, установок и мнений публики иностранных государств
Основные принципы деятельности	Предоставление грантов на осуществление проектов развития публичной дипломатии; проведение открытых лекций, конференций как инструмент трансляции требуемого имиджа России; круглые столы как инструмент формирования взаимопонимания проблем; поддержка русскоязычного СМИ и информационных ресурсов за рубежом.	Восприятие культуры иного общества; проецирование своих интересов; культурная дипломатия; обмен экспертами; трансляция информации за рубеж

эффективные ценностные установки, чем ЕС. Поэтому России следует занимать нишевую позицию в культурно-ценностной ориентации региона: не стоит пытаться прервать евроинтеграцию региона, но стоит сделать упор на доказывании эффективности торгового и военно-промышленного сотрудничества, занять позицию конкурирующей с европейской культурой, совсем не чуждой Сербии.

Литература

1. Будаев А. В. Роль «мягкой силы» во внешней политике России (на примере российско-бразильских отношений). М.: дипломатическая академия МИД РФ, 2014.

2. Долинский А. В. Практические вопросы оптимизации российской публичной дипломатии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruskiymir.ru/ruskiymir/ru/analytics/article/news0004.html> (дата обращения: 09.01.2017).
3. Зонова Т. В. Публичная дипломатия и ее акторы. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=681 (дата обращения: 15.01.2017).
4. Лебедева М. М. «Мягкая сила» России в развитии интеграционных процессов на евразийском пространстве / М. М. Лебедева, М. В. Харкевич // Вестник МГИМО. 2014. № 2. С. 11.
5. Определение термина «публичная дипломатия» [Электронный ресурс]. URL: <http://fletcher.tufts.edu/Murrow/Diplomacy> (дата обращения: 11.01.2017).
6. Finnemore M. Taking Stock: The Constructivist Research Program in International Relations and Comparative Politics / M. Finnemore, K. Sikkink // Annual Review of Political Science. 2001. № 4. P. 394.
7. Keohane R. O. After Hegemony. — Princeton University Press. — New Jersey, 1984.
8. Kissinger H. American Foreign Policy: Three essays. — W. W. Norton & Company, New York, 1969, 134 p.
9. Nye S. J. Papers and Articles. Retrieved 05.01.2017 from <http://joenye.com/papers>.
10. Nye S. J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. — New York: Public Affairs, 2004. — 192 p.
11. Watanabe Y. McConnell D. Soft power superpowers: cultural and national assets of Japan and the United States. — New York: Routledge, 2008, 296p.

**THE USE OF PUBLIC DIPLOMACY
AS A TOOL OF SOFT POWER IN SERBIA: THE APPROACHES
OF RUSSIA AND THE USA (ON THE EXAMPLE OF ACTIVITY
OF THE ALEXANDER GORCHAKOV PUBLIC DIPLOMACY FUND
THE EDWARD MURROW CENTER OF PUBLIC DIPLOMACY)**

Dmitry Krykanov

Abstract. *Political relations between Russia and Serbia are characterized by a complicated historical legacy. Until 1991 economic and cultural relations between the states were determined by current relations between the national leaders (former SFRY and the USSR). In periods of political tensions the volume of foreign trade and cultural exchange came to zero rates, which is unacceptable in the modern world. Today the means of influence act separately from each other, but a complex use of them determines the successfulness of a common political strategy (this phenomenon is known in academic community as a concept «smart power» — a smart use of*

means and methods of «soft power» and traditional economic and power actions).

Public diplomacy is the basis for all the instruments of influence as a part of a common concept of soft power — it helps to form a complex picture of a state in minds of the members of foreign societies. Public diplomacy has become the instrument of transit from mere soft power to its complex use in conjunction with other means of influence, which leads to the effect of synergy.

It can be stated that the establishment of the institute of public diplomacy and supporting organizations that help to build a dialogue between the subjects of public diplomacy is a crucial factor of making a sophisticated form of foreign policy. It is remarkable that the conducted analysis shows that Russia has formed its own model of public diplomacy that is different from an American one. Moreover, there are different approaches towards public diplomacy. The research analyzes Russian approach towards the strategy of public diplomacy in Serbia.

Keywords: *soft power; smart power; public diplomacy.*

References

1. Budaev, A. V. (2014). Rol' «mjagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii na primere rossijsko-brazil'skih otnoshenij [The Role of Soft Power in Russian Foreign Policy on the Example of the Russian-Brazilian relations]. Moskva: diplomaticheskaja akademija MID RF.
2. Dolinskij, A.V. (2016). Prakticheskie voprosy optimizacii rossijskoj publichnoj diplomatii. [Practical Issues of Optimization of Russian Public Diplomacy]. Retrieved 09 January, 2017 from <http://www.ruskiymir.ru/ruskiymir/ru/analytics/article/news0004.html>.
3. Finnemore, M. (2001). Taking Stock: The Constructivist Research Program in International Relations and Comparative Politics. *Annual Review of Political Science*, 4, 394.
4. Keohane, R. O. (1984). *After Hegemony*. New Jersey: Princeton University Press.
5. Kissinger, H. (1969). *American Foreign Policy: Three essays*. New York: W. W. Norton & Company.
6. Lebedeva, M.M. (2014). "Mjagkaja sila" Rossii v razvitii integracionnyh processov na evrazijskom prostranstve [Soft Power of Russia in Development of Integration Processes in the Eurasian space]. *Vestnik MGIMO [MGIMO Magazine]*, 31 (2), 11.
7. Nye, S.J. (2015). *Papers and Articles*. Retrieved 05 January, 2017 from <http://joenye.com/papers>.
8. Nye, S.J. (2004). *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs.

9. Opredelenie termina «publichnaja diplomatija» [The Definition of public diplomacy]. Retrieved 11 January, 2017 from <http://fletcher.tufts.edu/Murrow/Diplomacy>.
10. Watanabe, Y. (2008). Soft power superpowers: cultural and national assets of Japan and the United States. New York: Routledge.
11. Zonova, T.V. (2016). Publichnaja diplomatija i ee aktory. [Public Diplomacy and its Actors]. Retrieved 15 January, 2017 from http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=681.

Информация об авторе

Крыканов Дмитрий Дмитриевич

магистрант программы «Государственно-частное партнерство»,
Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Российская
Федерация

dmitry.krykanov@yandex.ru

Dmitry Krykanov

candidate for a master's degree in business, Moscow State University
for International Relations, Russian Federation.

dmitry.krykanov@yandex.ru

ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

О. В. СТОЛЕТОВ

Аннотация. В условиях возрастания значимости информационно-интеллектуальной составляющей в международно-политическом влиянии ведущих государств мира, Россия стремится стимулировать становление национальной системы «фабрик мысли».

В статье определяются и анализируются ключевые тенденции развития российских «фабрик мысли», участвующих в экспертно-аналитическом обеспечении внешней политики России на современном этапе. К числу данных тенденций отнесены интернационализация и медиатизация.

В работе автор использует разработки зарубежных и отечественных исследователей, профессионально занимающихся проблемами изучения «фабрик мысли» в качестве участников политической коммуникации.

В теоретическом плане в работе автор опирается на политологические подходы к изучению «мозговых центров» и «публичной дипломатии». В исследовании автор использует следующие методы: изучение материалов средств массовой информации, анализ научной литературы, анализ документов, медиаметрия.

Для работы были отобраны ведущие российские «мозговые центры», ориентированные в своей деятельности на анализ и экспертизу современной мировой политики и внешней политики России. Непосредственными материалами исследования являлись официальные сайты данных «фабрик мысли», а также аккаунты соответствующих экспертных структур в социальных сетях в интернете.

В статье исследуется представленность отечественных экспертно-аналитических структур на международном уровне, рассматриваются основные международные коммуникативные ориентации национальных «фабрик мысли». Внимание в работе уделяется рассмотрению экспертной кооперации в рамках приоритетных для России форматов международно-политических отношений — Евразийский

экономический союз, БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества, США, Великобритания, ведущие страны Европейского Союза. Автором выявляются зарубежные «мозговые центры», выступающие партнерами российских экспертных структур в рамках совместных проектов информационно-интеллектуального взаимодействия.

В работе изучаются коммуникативные возможности российских «фабрик мысли» в области осуществления трансляции экспертно-аналитического знания за рубежом. Особое внимание уделяется изучению форматов презентации и технологий трансляции российского международно-политического экспертного знания в современном глобальном информационном пространстве. В результате автор устанавливает, что «мозговые центры» России стремятся к расширению своего присутствия в Интернет-пространстве. В исследовании выявляются сильные и слабые стороны коммуникативного потенциала российских внешнеполитически-ориентированных «фабрик мысли» в международном контексте, даются рекомендации по развитию национальной системы «мозговых центров».

В качестве перспективной тенденции развития международно-политического экспертно-аналитического знания России в условиях расширения пула национальных «фабрик мысли» автор рассматривает дальнейшую специализацию их деятельности. Указанный тренд, по мнению автора, будет означать последовательную ориентацию «мозговых центров» России на определенную систему идей и продвижение ими определенной информационной повестки. Параллельно «фабрики мысли» будут стремиться к расширению спектра используемых ими форматов и каналов коммуникации.

Российское международно-ориентированное экспертно-аналитическое знание последовательно организационно и структурно оформляется, интегрируется в современную систему международных политических коммуникаций. Следствием этого становится увеличение количества национальных «мозговых центров», рост эффективности их деятельности, а также постепенное повышение их адаптивности к новым информационно-коммуникативным вызовам.

Ключевые слова: российское экспертное сообщество, экспертно-аналитическое знание, «фабрики мысли», информационно-интеллектуальное влияние, внешняя политика России.

Введение (англ. Introduction)

Актуальность темы исследования (англ. Topicality)

В условиях возрастания значимости информационно-интеллектуальной составляющей в международно-политическом влиянии веду-

щих государств мира, Россия стремится стимулировать становление национальной системы «фабрик мысли». Следствием этих усилий является интенсивное развитие инфраструктуры экспертно-аналитического обеспечения международно-политического позиционирования страны. В ходе этого процесса национальная система «фабрик мысли» становится более разветвленной и многомерной.

В данном исследовании представляется актуальным рассмотреть основные тенденции развития организованного экспертно-аналитического знания России, имеющего международно-политическую ориентацию. К такого рода тенденциям мы относим интернационализацию и медиатизацию. Данные тенденции принципиально важны для наращивания российскими «фабриками мысли» интеллектуально-информационного влияния на международной арене в контексте решения Россией своих внешнеполитических задач.

Важно подчеркнуть, что задача наращивания влияния российскими «мозговыми центрами» получает особую значимость в связи с тезисом, сформулированным в Концепции внешней политики России 2016 года, в соответствии с которым «Россия отстаивает право каждого человека на доступ к объективной информации о событиях в мире, а также к различным точкам зрения на эти события» [Концепция внешней политики РФ, 2016].

Степень разработанности темы исследования (англ. Literature Review)

В работе автор опирается на разработки зарубежных и отечественных исследователей, профессионально занимающихся проблемами изучения «фабрик мысли» («think tanks») в качестве участников политической коммуникации. В числе западных исследователей интересующего автора феномена «мозговых центров» («эпистемических сообществ») необходимо выделить П. Хааса, в числе отечественных авторов следует отметить Балаяна А. А., Сунгурова А. Ю., Войнова А. С., Волынкина Л. А., Зайцева Д. Г., Иванова Д. Ю., Медушевского Н. А., Нувахова Т. А., Чихарева И. А.

В указанных исследованиях, в частности, отмечается, что организационная и деятельностная специфика «фабрик мысли» зависит от их национальной принадлежности, источников их финансирования, особенностей руководства, профиля деятельности и ряда других оснований. Исходя из этого, мы полагаем, что российские «мозговые центры», ориентированные на проведение экспертно-аналитической работы в области международных отношений и внешней политики, с одной стороны, участвуют в выработке внешнеполитических решений, а, с другой стороны, выполняют коммуникативную функцию, связанную

с трансляцией значимой для российского руководства международно-политической повестки за пределы страны.

Теоретические основания исследования (англ. Theoretical Background)

В работе используются положения концепции «публичной дипломатии», разрабатываемой, в частности, такими отечественными авторами как Долинский А. В., Нейматова А. Я. и другими. В числе значимых моментов данных исследований следует назвать тезис о появлении так называемой «новой публичной дипломатии», характеризующейся двусторонней коммуникацией с зарубежной аудиторией. В этой модели принципиально важное место занимает вовлечение во взаимодействие зарубежных акторов³¹. В этом процессе активно используются самые современные информационно-коммуникативные средства³². В соответствии с этим положением российские экспертно-аналитические структуры рассматриваются в качестве активных участников публичной дипломатии, реализующейся как в реальном, так и в виртуальном пространстве.

В исследовании автор исходит из теоретического положения о том, что развитие отечественного сообщества политических экспертов на современном этапе происходит под влиянием трех ключевых факторов: 1) изменение каналов коммуникации; 2) расширение пространства публичных коммуникаций; 3) обострение международно-политической конкуренции и необходимость противостоять деструктивному информационно-интеллектуальному влиянию со стороны иностранных государств и межгосударственных объединений³³.

Исследование: основная часть (англ. Study)

Методология (англ. Methods)

В ходе исследования автором применялись следующие методы: изучение материалов средств массовой информации, анализ научной литературы, анализ документов, экспертные интервью, медиаметрия.

Материалы исследования (англ. Materials)

Для исследования были отобраны ведущие российские «мозговые центры», ориентированные в своей деятельности на анализ и экспер-

³¹ Долинский А. В. Современные механизмы сотрудничества в рамках публичной дипломатии // Дисс. к.полит.н. — М., 2011. — 212 с.

³² Нейматова А. Я. Роль дипломатии в формировании имиджа России на современном этапе // Дисс. к.ист.н. — М., 2013. — 203 с.

³³ Чихарев И. А., Заславский С. Е., Столетов О. В. Российское экспертно-политическое сообщество: структура, коммуникации, поиск самобытности // Поиск. Альтернативы. Выбор. — 2016. — Т. 2. — №2. — С. 242–252.

тизу современной мировой политики и внешней политики России. Непосредственными материалами исследования являлись официальные сайты данных «фабрик мысли», а также аккаунты соответствующих экспертных структур в социальных сетях в Интернете.

На основе анализа открытой информации, размещенной на указанных Интернет-ресурсах, автор устанавливает степень представленности российских экспертно-аналитических структур на международном уровне, определяет зарубежные «мозговые центры», выступающие партнерами российских экспертных структур, дает характеристику коммуникативным возможностям российских «фабрик мысли» в области осуществления трансляции экспертного знания в глобальном информационном пространстве.

Процедура исследования (англ. Procedure)

Тенденция интернационализации проявляет себя в расширении контактов российских «фабрик мысли» с зарубежными экспертно-аналитическими структурами. Формы международной экспертной коммуникации становятся все более многообразными. Это могут быть подписание соглашений о сотрудничестве российских «мозговых центров» с зарубежными структурами, формирование международных экспертных клубов, создание аналитических центров на базе международных организаций, подготовка совместных аналитических докладов российскими и зарубежными экспертами.

На протекание процесса интернационализации отечественных «мозговых центров» оказывает существенное влияние международно-политическая ситуация, характеризующаяся конфликтностью взаимодействия России и стран Запада, значительным разворотом российской политики на Восток, а также участием России в развитии интеграционных процессов в Евразии.

Значимым шагом в рамках процесса интернационализации российского экспертно-аналитического знания стало создание в 2010 году Российского совета по международным делам (РСМД). Одним из ключевых направлений деятельности РСМД является исследовательская работа в области международной экспертизы, целью которой является анализ и прогнозирование глобальных рисков и возможностей в интересах российской дипломатии, бизнеса, образовательных центров, общественных организаций и их международных партнеров³⁴. Партнерами РСМД сегодня выступают известные международные организации и ас-

³⁴ Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/about-us/activity/-1> (дата обращения 10.01.2017).

социации, а также ведущие зарубежные «мозговые центры», представляющие государства как Запада, так и Востока.

Все более активную роль в международно-политической экспертизе сегодня начинает играть Международный дискуссионный клуб «Валдай», который с 2014 года перешел от формата «рассказа миру о России» к «практически ориентированной работе по формированию глобальной повестки дня, к квалифицированной и объективной оценке мировых политических и экономических проблем»³⁵. За 2016 год Клуб опубликовал 17 аналитических докладов, авторами, либо соавторами большинства которых выступили зарубежные специалисты.

Российские «мозговые центры» в настоящее время не только продолжают работать, но, несмотря на возникшие политические трудности, стремятся к расширению присутствия в ведущих государствах Европейского Союза.

В 2012 году по инициативе Экономического совета Франко-российской торгово-промышленной палаты был создан Франко-российский аналитический центр «Обсерво». В качестве своей миссии центр обозначает представление углубленной экспертизы по России, а также донесение до российских лиц, принимающих решения, реалий и текущей повестки дня современной Франции. Директором Центра «Обсерво» является член Международного дискуссионного клуба Валдай А. Дюбьен³⁶. На базе центра «Обсерво» функционирует Научный совет, экспертами которого являются, в частности, ведущие французские и российские исследователи. С российской стороны в Научный совет входят, в частности, председатель Совета по внешней и оборонной политике Ф. А. Лукьянов, декан факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ С. А. Караганов.

В июле 2016 года в Берлине состоялось открытие исследовательского центра «Диалог цивилизаций». На презентации «фабрики мысли» выступил соучредитель центра, президент-основатель одноименного мирового общественного форума В. И. Якунин. Новый исследовательский институт ставит перед собой задачи объединения международных экспертов, представляющих научные, политические, а также бизнес-круги в целях выработки рекомендаций в сфере предотвращения развития конфликтов и снижения напряженности в мире. Предполагается, что в деятельности нового института будет использоваться 15-летний

³⁵ Международный дискуссионный клуб «Валдай» [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.valdaiclub.com/about/valdai/> (дата обращения: 12.01.2017).

³⁶ Аналитический центр при Франко-российской торгово-промышленной палате «Обсерво» [Электронный ресурс]. URL: <http://obsfr.ru/o-centre.html> (05.01.2017).

опыт работы мирового общественного форума «Диалог цивилизаций», созданного в 2002 году индийским предпринимателем Дж. Капуром, В. И. Якуниным и американским бизнесменом греческого происхождения Н. Папаниколау³⁷. Экспертный состав берлинского центра «Диалог цивилизаций» весьма представительен и включает главным образом иностранных академических ученых. В числе последних представляется возможным выделить, в частности, С. Амина, Ф. Далламайера³⁸, П. Дуткевича, Й. Галтунга, Р. Сакву.

Ряд российских «фабрик мысли» имеет достаточно разветвленную систему представительств за рубежом. Например, русские центры, действующие на базе Фонда «Русский мир», в настоящее время открыты и функционируют в 45 государствах мира. Большинство таких центров размещено в странах, имеющих особую значимость для России: в Китае — 8, в Германии — 5, в Италии — 4, в Болгарии — 4, в Молдове — 4, в Польше — 4, в Таджикистане — 4, в Великобритании — 3, в Южной Корее — 3, в Казахстане — 3, в США — 2, в Испании — 2, в Австрии — 2, в Бельгии — 2, в Венгрии — 2³⁹. Другой характерный пример — Российский институт стратегических исследований (РИСИ), имеющий постоянные представительства в странах Северной Европы, в Сербии, в Польше. Кроме того, РИСИ имеет представителя во Франции, а также Днестровско-Прутский информационно-аналитический центр в Приднестровской Молдавской Республике.

В ноябре 2013 года на базе Организации Договора о коллективной безопасности была образована Аналитическая ассоциация информационно-аналитических структур. Ассоциация была создана в целях практического укрепления информационно-аналитического взаимодействия и информационно-аналитического потенциала ОДКБ. В ее состав, наряду с ведущими российскими экспертными структурами, вошли ведущие «мозговые центры» государств-членов организации: Информационно-Аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь, Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, Национальный институт стратегических исследований Кыргызской Республики, Центр

³⁷ Якунин: «Диалог цивилизаций» не связан с будущими выборами в Германии // Россия сегодня. — 01.07.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20160701/1455870611.html> (дата обращения: 13.01.2017).

³⁸ The Dialogue of Civilizations Research Institute. [Электронный ресурс]. URL: <https://doc-research.org/en/experts/> (дата обращения: 02.01.2017).

³⁹ Информационный портал фонда «Русский мир». [Электронный ресурс]. URL: <http://russkiymir.ru/rucenter/catalogue.php> (дата обращения: 05.01.2017).

стратегических исследований Республики Таджикистан и ряд других. Российская сторона в Ассоциации представлена, в частности, Институтом международных исследований МГИМО, Институтом экономических стратегий РАН, Российским институтом стратегических исследований⁴⁰.

Интернационализации российских «фабрик мысли» способствует расширение интеллектуально-информационного взаимодействия по линии БРИКС. Системную работу по изучению внешней политики России в контексте развития БРИКС ведет созданный в 2011 году Национальный комитет по исследованию БРИКС, председателем правления которого является В. А. Никонов. Российская структура осуществляет коммуникацию с коллегами, представляющими государства-партнеры России по объединению по линии образованного в 2013 году Совета экспертных центров БРИКС (BRICS Think Tank Council — ВТТС)⁴¹. Новой авторитетной площадкой для презентации идей экспертов, представляющих страны неформального объединения, выступает также Академический форум БРИКС.

Тенденция интернационализации «фабрик мысли» занимает особое место в контексте развития экспертно-аналитических коммуникаций на евразийском пространстве. В декабре 2015 года был создан Российско-казахстанский экспертный IQ-клуб, в заседании которого принимают участие представители экспертного сообщества (политологи, экономисты, социологи) России и Казахстана. Инициаторами создания Клуба с российской стороны выступили — Политологический центр «Север-Юг» (г. Москва, РФ), Информационно-аналитический центр «Евразия-Поволжье», (г. Саратов, РФ), с казахстанской стороны — Библиотека Первого Президента Республики Казахстан — Лидера Нации (г. Астана, РК). В числе основных направлений деятельности клуба: подготовка открытых и закрытых экспертных докладов, заключений и рекомендаций, организация учебных тренингов для молодых политологов из регионов России и Казахстана, поддержка в реализации их собственных аналитических проектов⁴².

Представляется, что в условиях возрастания интереса к обсуждению актуальных вопросов развития интеграции на евразийском пространстве и перспектив формирования так называемого Большого Евразий-

⁴⁰ В ОДКБ создана Аналитическая Ассоциация информационно-аналитических структур. [Электронный ресурс]. URL: www.odkb-csto.org/news/detail.php?ELEMENT_ID=1710 (дата обращения: 28.12.2016).

⁴¹ Национальный Комитет по исследованию БРИКС. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nkibrics.ru/pages/about-cse> (дата обращения: 10.01.2017).

⁴² Казахстанско-российский экспертный IQ-клуб [Электронный ресурс]. URL: <http://iq.expert/> (дата обращения: 10.01.2017).

ского партнерства в контексте реализации стратегии сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза, активизация экспертных контактов на этом направлении будет расширяться. Так, в октябре 2016 года генеральный секретарь Шанхайской организации сотрудничества Р.К. Алимов заявил о поддержке высказанного на Конференции по вопросам торгово-экономического сотрудничества на пространстве ШОС предложения КНР о создании так называемого «мозгового центра ШОС» по экономике⁴³.

В качестве важного шага на пути активизации экспертных контактов по линии Россия — государства Юго-Восточной Азии представляется возможным рассматривать тезис, сформулированный в докладе Группы видных деятелей России — АСЕАН, в соответствии с которым рекомендовалось укреплять сотрудничество в области «научных исследований посредством развития партнерских отношений и регулярного диалога между университетами и научно-исследовательскими центрами АСЕАН, в том числе входящими в Университетскую сеть АСЕАН (АУН) и сеть Институтов стратегических и международных исследований АСЕАН (ИСМИ), и соответствующими российскими учреждениями» [Доклад Группы видных деятелей России — АСЕАН, 2016, с. 8].

Мобильность российских экспертов является важным условием для получения благоприятных результатов от процесса интернационализации. Следует отметить, что программу по поддержке мобильности российских экспертов реализует созданный в 2010 году Фонд поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова.

В последние пять лет наметилась динамика активизации присутствия российского экспертно-обществоведческого сообщества в глобальном информационном пространстве. Проанализируем эффективность работы официальных сайтов нескольких ведущих российских «фабрик мысли».

Сайт берлинского Исследовательского института «Диалог цивилизаций» запущен и достаточно динамично функционирует. Портал ведет работу на двух языках: немецком и английском. Институт представлен в социальной сети Facebook и на канале YouTube, где по состоянию на январь 2017 года имел небольшое количество подписчиков — 439 человек.

Сайт Российского совета по международным делам двуязычен и функционирует на русском и английском языках. Кроме того, сайт

⁴³ Китай предложил создать «мозговой центр ШОС» по экономике // ТАСС, 20.10.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/ekonomika/3719893> (дата обращения: 11.01.2017).

РСМД оснащен ссылками на аккаунты организации в таких социальных сетях как Facebook, Twitter, Flickr, Вконтакте, Telegram. РСМД имеет канал на YouTube. Тем не менее, популярность канала невелика — его аудитория в январе 2017 года составляла всего 486 подписчиков.

В настоящее время с доступностью для зарубежной аудитории начал интенсивно работать РИСИ. Сегодня сайт «мозгового центра» представлен как на русском, так и на английском языках. РИСИ имеет русскоязычный канал на YouTube, количество подписчиков которого в январе 2017 года составляло 7511 человек. При этом «фабрика мысли» не имеет полноценных страниц в иных социальных сетях и предлагает пользователю единственную форму коммуникации с Facebook, Twitter и Вконтакте — опцию «Поделиться ссылкой».

Достаточно технологически продвинут информационный портал Фонда «Русский мир». Информация, размещаемая на портале, доступна на русском, английском, немецком, испанском, французском, итальянском и китайском языках. Портал подключен к социальным сетям: Вконтакте, Facebook, Twitter, Livejournal и YouTube. Число подписчиков видеоканала на YouTube в январе 2017 года составляло, однако, всего 675 человек.

Созданный в 2011 году Институт внешнеполитических исследований и инициатив В. Ю. Крашенинковой характеризуется присутствием в ключевых социальных сетях: Facebook, YouTube и Вконтакте. Однако, в связи с тем, что и сам сайт организации и ее страницы в социальных сетях являются исключительно русскоязычными, аудитория соответствующих социальных медиа незначительна. Например, количество подписчиков Института на канале YouTube в январе 2017 года составляло всего 458 человек.

Анализ сайта парижского отделения возглавляемого Н. А. Нарочницкой Института демократии и сотрудничества показывает, что аналитический центр достаточно консервативен в вопросах работы с интернет-аудиторией. На сайте Института имеется несколько ключевых категорий информации: «Исследования», «Публикации», «Новости», «Фотоленты», «Видео». Значительное число публикаций, которое размещается на сайте организации, принадлежат Н. А. Нарочницкой, а также известному британскому журналисту, ученому, писателю, директору исследовательских программ Института Дж. Локленду. На сайте размещается видеoinформация, однако, в большинстве случаев это видеозаписи ключевых публичных выступлений самой Н. А. Нарочницкой⁴⁴. Сайт Института крайне слабо работает с социальными медиа. В разделе

⁴⁴ Институт демократии и сотрудничества. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.idc-europe.org/ru/video.html> (дата обращения: 18.12.2016).

«Ссылки» содержится информация исключительно о других русскоязычных сайтах («Фонд исторической перспективы», «Столетие», сайт Наталии Нарочницкой), при этом отсутствуют какие-либо ссылки на ключевые международные социальные сети. Сайт функционирует на трех языках: русском, французском и английском, тем не менее, информация в основных разделах обновляется достаточно редко и несвоевременно.

На сайте упомянутого нами выше Центра «Обсерво» размещено несколько ключевых категорий информации: «Наши эксперты», «Актуальный комментарий», «Аналитика», «Ежегодный доклад», «Мероприятия», «Спецпроекты», «Новости», «Обсерво в прессе». На данный момент сайт функционирует исключительно на двух языках, французском и русском, однако никак не представлен в пространстве социальных медиа.

В целом российские «фабрики мысли» на собственных сайтах достаточно часто рассказывают о публичных выступлениях своих руководителей и экспертов в различных средствах массовой информации и дают ссылки на вырезки видео соответствующих новостных сюжетов и телепередач. В качестве примера представляется возможным назвать использование этого формата Институтом внешнеполитических исследований и инициатив, а также Институтом мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова (ИМЭМО РАН). У данного формата есть как плюсы, так и минусы. В числе плюсов следует назвать экономию средств — «фабрике мысли» не приходится разрабатывать собственный видео-контент, достаточно использовать готовый. Однако есть и минусы — существенно снижается уникальность контента.

Рассмотрим более подробно форматы позиционирования экспертного знания и технологии его трансляции, наиболее активно используемые российскими внешнеполитически-ориентированными «фабриками мысли» сегодня.

Развивающимся в России форматом позиционирования деятельности национальных «фабрик мысли» является формат «дискуссионных клубов». В настоящее время он проявляет себя как в международном, так и во внутривнутриполитическом пространстве. Важным каналом трансляции такого рода формата становятся новые медиа. Например, Совет по внешней и оборонной политике (СВОП) в 2013 году зарегистрировал канал на YouTube (по состоянию на январь 2017 года — 1371 подписчик) и использует его для трансляции мероприятий Лектория СВОП, который начал регулярно проводить заседания с сентября 2014 года. Сам по себе данный формат достаточно перспективен, однако, представляется, что для продвижения его за рубеж необходимо активизировать работу по переводу соответствующего экспертного контента на иностранные языки.

Для публикационных материалов российских «фабрик мысли» сегодня все чаще становится нормой привлечение в качестве авторов не только академических ученых, но также представителей других профессиональных сфер политической деятельности, причем как из России, так и в существенной степени из-за рубежа. В этом контексте показателен пример издаваемого Фондом исследований мировой политики журнала «Россия в глобальной политике», редакция которого в целях популяризации своей интеллектуальной продукции активно привлекает к публикации не только академических ученых, но также журналистов, дипломатов, политических деятелей.

Российские научные и научно-популярные журналы, посвященные социо-гуманитарной проблематике в целом и международным вопросам, в частности, сегодня все более активно издаются на иностранных языках. Например, журнал «Международная жизнь», учредителем которого выступает Министерство иностранных дел России, начиная с 2010 года приступил к публикации и размещению в свободном доступе своих номеров на английском языке, начиная с 2011 года — на французском, немецком, китайском, испанском, арабском языках, начиная с 2012 года — на польском и португальском языках.

Российские академические «фабрики мысли» стремятся развивать форматы международных исследований. Достаточно активно в этом направлении действует ведущая российская «фабрика мысли» ИМЭМО РАН. В качестве примера представляется возможным привести прогнозистический доклад «Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности» («Global System on the Brink: Pathways toward a New Normal»), подготовленный совместно ИМЭМО РАН и американской неправительственной организацией «Атлантический совет», посвященный основным тенденциям развития системы международных отношений и ее региональных подсистем, социальным, экономическим и политическим проблемам мирового развития в период до 2035 года⁴⁵. Данный доклад был презентован в апреле 2016 года в ходе международного семинара, состоявшегося в Москве, и стал очередным этапом в научном сотрудничестве, осуществляемом ИМЭМО РАН и Атлантическим советом. Впоследствии, 28 сентября 2016 года, в Москве был презентован еще один доклад ИМЭМО, подготовленный совместно с Международным институтом стратегических исследований (IISS) «Россия и США

⁴⁵ Презентация совместного доклада ИМЭМО имени Е. М. Примакова РАН и Атлантического совета [Электронный ресурс]. URL: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=2297 (дата обращения: 20.12.2016).

в Азиатско-Тихоокеанском регионе», ставший результатом двухлетнего сотрудничества российских и американских экспертов по АТР⁴⁶.

Привлечение зарубежных экспертов к кооперации — важная задача, которую решают российские «фабрики мысли». Как правило, такие проекты реализуются во взаимодействии с академическими кругами, бизнес-сообществом и медиа-структурами. Привлечение зарубежных экспертов требует от российского экспертно-обществоведческого сообщества активной работы в сфере выработки перспективных форматов коммуникации и взаимодействия. В качестве примера одного из возможных форматов является присуждение премии за достижения в определенной области. Так, Зиновьевский клуб, учредивший в 2016 году три премии — две философские и одну литературную, наградил одной из премий шотландского профессора русского языка, автора монографии и многочисленных статей об А. А. Зиновьеве, М. Кирквуда⁴⁷.

Важным каналом трансляции научных и экспертных позиций российского интеллектуального класса продолжают оставаться международные форумы и конференции. В качестве примера представляется возможным назвать уже упоминавшийся нами Международный дискуссионный клуб «Валдай», организуемый Фондом Горчакова форум «Диалог во имя будущего», Евразийский экономический форум молодежи и целый ряд других. Например, в декабре 2016 года в Анкаре состоялась организованная Российским советом по международным делам в сотрудничестве с Центром стратегических исследований Министерства иностранных дел Турции международная конференция «Углубление турецко-российских отношений»⁴⁸. Сегодня в проведении таких мероприятий все чаще используются технологии skype-связи, что создает возможности активизации коммуникации в этой сфере: зарубежные исследователи могут принимать участие в российских научных и экспертных мероприятиях, также как российские эксперты — в зарубежных мероприятиях. Представляется возможным говорить о том, что данная технология коммуникации между

⁴⁶ Презентация совместного доклада ИМЭМО РАН и IISS. [Электронный ресурс]. URL: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=2567 (дата обращения: 15.12.2016).

⁴⁷ Ольга Зиновьева: «Антидемиурги» видят главную угрозу для себя в России // Сайт Зиновьевского клуба, 26.10.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--h1aeinpb9d.xn--p1ai/prochee/zinovevskij-klub/item/1991> (дата обращения: 18.12.2016).

⁴⁸ Международная конференция РСМД и SAM «Углубление турецко-российских отношений» // РСМД, 16.12.2016. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8500 — top-content (дата образования: 30.12.2016).

российскими и зарубежными экспертами в настоящее время развита не в достаточной степени и требует актуализации.

Необходимо отметить, что на сегодняшний день важнейшим каналом трансляции точек зрения российского экспертно-обществоведческого сообщества за рубежом выступают медиа-структуры «Russia Today» и «Sputnik». Сильная сторона данных структур состоит в том, что они имеют возможность работать с целевыми аудиториями в различных странах. Например, основанное в 2014 году информационное агентство «Sputnik» к настоящему времени имеет свои подразделения в десятках стран. Для каждой страны существуют свои версии сайта «Sputnik». Набор информационных категорий на сайтах компании «Sputnik» существенно шире, нежели это характерно для «фабрик мысли», что позволяет привлекать существенно более широкую аудиторию. Например, на сайте «Sputnik International» представлены следующие категории — «Мир», «Политика», «Бизнес», «Мнение», «Жизнь», «Техника», «Радио», «Мультимедиа», «Мультифильмы», «Блоги»⁴⁹. Портал «Sputnik International» плотно интегрирован в пространство социальных медиа: Facebook, Twitter, Instagram, Pinterest, YouTube. Следует отметить, что агентство Sputnik на YouTube осуществляет вещание как на русском, так и на английском языке, причем англоязычная версия канала существенно популярнее русскоязычной. Новостной контент «Russia Today» также отличается крайне высокой адаптивностью и способен подстраиваться под платформы наиболее распространенных сегодня операционных систем: Android, iOS, Windows phone, Windows 8.

Представляется возможным говорить о том, что активное использование системы международных теле- и радиоканалов для продвижения экспертного знания будет продолжаться. Как отмечено в национальной Концепции внешней политики 2016 года, Россия «содействует усилению позиций российских и русскоязычных средств массовой информации в мировом информационном пространстве, предоставляя им необходимую для этого государственную поддержку» [Концепция внешней политики РФ, 2016].

Результаты исследования (англ. Results)

Проведенное исследование позволяет нам получить следующие результаты.

Интернационализация российских «фабрик мысли» главным образом происходит за счет реализации различных форм кооперации с «мозговыми

⁴⁹ Sputnik International [Электронный ресурс]. URL: <https://sputniknews.com/docs/about/index.html> (дата обращения: 18.12.2016).

ми центрами» зарубежных стран, выступающих значимыми внешнеполитическими партнерами России. Кроме того, большое значение в развитии информационно-интеллектуальных контактов по линии «фабрик мысли» имеют приоритетные для России форматы международно-политических отношений — ЕАЭС, БРИКС, ШОС, США, Великобритания, ведущие страны Европейского Союза и ряд других. Наглядным проявлением интернационализации российского экспертного сообщества является создание все большего количества исследовательских центров и «фабрик мысли» с привлечением зарубежных ученых, экспертов. Особенно значимо это для России становится в ситуации нарастания международных вызовов, предполагающих более эффективное участие представителей экспертно-аналитического сообщества в решении национальных и международных политических задач.

Представляется необходимым отметить, что российские «фабрики мысли» до настоящего времени недостаточно внимания уделяют работе с технологией Web 3.0 (Интернет «с пользователем»): блоги, социальные сети, RSS, wiki, потоковое видео, подкасты и т.д. Кроме того, российские «мозговые центры» сегодня достаточно слабо используют иные форматы позиционирования своих исследований, например, распространенные в практике западных «фабрик мысли» форматы индексов и рейтингов. Те исследования в этой области, которые существуют, рассчитаны главным образом на внутреннюю аудиторию. Глобальные же сравнительные исследования с выходом на количественную операционализацию в отечественной практике «фабрик мысли» чрезвычайно редки. Успешным отечественным проектом в этой сфере можно считать исследование, проведенное МГИМО совместно с Институтом общественного проектирования и журналом «Эксперт» в середине 2000-х годов, результатом которого стал доклад «Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа и политических систем современных государств». На русском языке работа была опубликована в 2007 году, а на английском — в 2009, после чего получила определенную известность за рубежом (в целом ряде англоязычных научных работ можно встретить ссылки на данное исследование). Однако в настоящее время столь же масштабные исследования, проводимые отечественными «фабриками мысли» на регулярной основе, отсутствуют.

В целом же можно сделать вывод о том, что российские «фабрики мысли» сегодня все более активно выходят в пространство новых медиа. Это проявляется, в частности, в создании каналов на популярных видео-хостингах, таких как YouTube. В среднесрочной перспективе

можно прогнозировать технологическое совершенствование визуализационного позиционирования российского аналитического продукта, его системную адаптацию под восприятие зарубежной аудитории.

Анализ результатов (англ. Discussion)

Проведенное исследование показало, что продвижение российских «фабрик мысли» в глобальном информационно-коммуникативном пространстве в настоящее время сталкивается с определенными ограничениями. Следовательно, самим «фабрикам мысли», а также российским государственным институтам, осуществляющим их поддержку, необходимо принимать меры по дальнейшему повышению качества коммуникативного позиционирования национальной системы «think tanks».

Установленное нами крайне незначительное количество подписчиков на аккаунты внешнеполитически-ориентированных «фабрик мысли», с нашей точки зрения, может объясняться не только нехваткой актуального и уникального содержания предлагаемой информации, но и чрезмерной академичностью подачи предлагаемого контента, а также его однообразием. С этими достаточно рутинными для современного глобального информационного пространства проблемами сегодня сталкиваются многие российские медиа, производящие аналитическую продукцию различного типа. В случаях, когда «фабрика мысли» целенаправленно стремится работать над преодолением данных проблем, мы видим лучшие показатели, а где таких попыток нет — интерес аудитории существенно ниже.

Важно подчеркнуть, что недофинансирование ведущих российских «фабрик мысли», по сравнению, например, с американскими, приводит к отставанию в технологическом плане⁵⁰. Так, российские «мозговые центры» в меньшей степени оснащены компьютерными информационно-аналитическими системами (системы медиамониторинга, агрегирования статистической информации, а также наукометрические системы). В этой связи представляется необходимым говорить, как о подключении отечественных «мозговых центров» к зарубежным компьютерным аналитическим системам, так и о разработке российских аналитических систем как о важнейшей перспективной задаче развития внешнеполитически-ориентированных российских «фабрик мысли».

⁵⁰ Ваганов А. Фабрика мысли №34 // Независимая газета, 27.02.2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/science/2013-02-27/9_fabrica.html (дата обращения: 20.12.2016).

Представляется, что в условиях дальнейшего развития пула российских «фабрик мысли» будет происходить их дальнейшая специализация. Для «мозговых центров» ведущих работу на базе государственных и международных структур, занимающихся проблемами мировой политики в контексте обеспечения национальной, региональной и глобальной безопасности, таких как Научный совет при Совете безопасности России, Российский институт стратегических исследований, Аналитическая ассоциация информационно-аналитических структур ОДКБ, будут оставаться актуальными исследования в области противодействия новым вызовам и угрозам, в первую очередь, таким как международный терроризм, «цветные революции», «гибридные войны». В свою очередь, более интернационализированные и в большей степени ориентированные на зарубежную аудиторию «фабрики мысли», такие как Российский совет по международным делам, ИМЭМО РАН, МГИМО, исследовательский центр «Диалог цивилизаций», Национальный комитет по исследованию БРИКС, в большей степени будут продолжать акцентировать свое внимание на повестке международного взаимодействия и интеграции. Вновь создаваемые экспертные структуры, ориентированные на евразийскую проблематику, по-видимому, будут сочетать в своей экспертной коммуникации разработку и трансляцию проблематики кооперации на пространстве «Большой Евразии» с повесткой обеспечения комплексной национальной, региональной и трансрегиональной стабильности.

Заключение (англ. Conclusion)

Российское международно-ориентированное экспертно-аналитическое знание последовательно организационно и структурно оформляется, интегрируется в современную систему международных политических коммуникаций. Следствием этого становится увеличение количества национальных «мозговых центров», рост эффективности их деятельности, а также постепенное повышение их адаптивности к новым информационно-коммуникативным вызовам.

Литература

1. Доклад Группы видных деятелей Россия-АСЕАН «Россия — АСЕАН: обращенное в будущее многоплановое стратегическое партнерство» // Саммит Россия — АСЕАН. Сочи, 19–20 мая 2016. — С. 8. [Электронный ресурс]. URL: <http://russia-asean20.ru/documents/> (дата обращения: 09.01.2017).
2. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г.). [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/53384> (дата обращения: 06.01.2017).

EXPERT KNOWLEDGE IN RUSSIAN FOREIGN POLICY

Oleg V. Stoletov

Abstract. *In conditions of increasing importance of information and intellectual component of the international political influence of the leading countries in the world, Russia is seeking to stimulate the formation of a national system of «think tanks».*

This article identifies and analyzes the key trends in development of Russian «think tanks», which participate in the expert-analytical support of Russia's foreign policy. The author considers internationalization and mediatization as major trends.

The author uses the scientific results of foreign and domestic researchers dealing professionally with the study of «think tanks» as members of political communication.

In theoretical terms, the author relies on political science approaches to the study of «think tanks» and «public diplomacy», uses the following methods: study material of the media, scientific literature analysis, analysis of documents, mediametry.

The author selects the leading Russian «think tanks» which are focused in its activity on the analysis and expertise of contemporary world politics and Russian foreign policy. The study materials are the official sites of «think tanks» and there accounts in the social networks.

The article explores the representation of national expert and analytical structures at the international level, the basic international communicative orientations of national «think tanks». The paper focuses on expert cooperation in the framework of the priorities for the Russian formats of international political relations. The author identifies foreign «think tanks», which work together with Russian expert structures.

The paper investigates the communicative possibilities of Russian «think tanks» in the implementation of broadcasting its expert and analytical knowledge abroad. The author identifies the strengths and weaknesses of the communicative potential of Russian foreign policy-oriented «think tanks» in the international context, provides recommendations for the development of a national system of «think tanks».

The author thinks that the development perspective of Russian expert knowledge in the conditions of the expansion of the national «think tanks» pool manifest itself in further specialization of their activities. Specialization will be linked with a focus of «think tanks» on a certain ideological and information agenda. In parallel «think tanks» will seek to increase the use of different communication forms and channels.

Russian expert-analytical knowledge is gradually formed and integrated into the modern system of international political communications. The conse-

quence of this process is the increase in the number of national «think tanks», the growth of their performance and the quality improvement of their adaptability to new information and communication challenges.

Keywords: *Russian expert community, expert-analytical knowledge, «think tanks», information and intellectual influence, Russia's foreign policy.*

References

1. Doklad Gruppy vidnyh dejatelej Rossija-ASEAN «Rossija — ASEAN: obrashhennoe v budushhee mnogoplanovoe strategicheskoe partnerstvo» [Report of the ASEAN-Russia eminent persons group «ASEAN and Russia: a future-oriented multidimensional strategic partnership»] // Sammit Rossija — ASEAN. Sochi, 19–20 maja 2016 [ASEAN-Russia Summit, Sochi, May 19–20, 2016]. — S. 8. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://russia-asean20.ru/documents/> (data obrashhenija: 09.01.2017).
2. Konceptija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii [Concept of Foreign Policy of Russian Federation] (utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 30 nojabrja 2016 g.) [Presidential Decree of the Russian Federation, November 30, 2016]. — <http://kremlin.ru/acts/news/53384> (data obrashhenija: 06.01.2017).

Информация об авторе

Столетов Олег Владимирович

Кандидат политических наук

Старший преподаватель

МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия

E-mail: Oleg-Stoletov1@yandex.ru, Oleg.Stoletov1@gmail.com

Oleg V. Stoletov

Candidate of political sciences, Senior lecturer

Lomonosov Moscow State University

Russia

E-mail: Oleg-Stoletov1@yandex.ru, Oleg.Stoletov1@gmail.com

НАСЛЕДИЕ ПРЕЗИДЕНТА Б. ОБАМЫ В ОБЛАСТИ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ США

Н. А. ЦВЕТКОВА

Аннотация: статья анализирует итоги реформ и инноваций в публичной дипломатии США в 2009–2016 гг. Администрация Барака Обамы осуществила фундаментальный поворот от концепции мягкой силы к стратегической коммуникации; создала цифровую дипломатию для мобилизации либеральной оппозиции в мире; вернула пропаганду в информационное противостояние с Россией и политику отрыва Русского Мира от влияния Москвы; и развернула кампанию против пропаганды террористов в социальных сетях. Эти трансформации являются радикальными, но и противоречивыми, отражая разрыв между идеализмом президента Б. Обамы и вызовами, которые потребовали развития жестких инструментов влияния.

Ключевые слова: публичная дипломатия США, стратегическая коммуникация, пропаганда, мягкая сила, Русский Мир, Россия, ИГИЛ (запрещенная в России организация), цифровая дипломатия, социальные сети, месседж.

Введение.

Администрация Барака Обамы оставила существенный и противоречивый след в развитии такого инструмента внешней политики США как публичная дипломатия. Американская публичная дипломатия включает в себя такие механизмы воздействия на зарубежные общества как информационные программы, образовательные обмены, проекты в области культуры и спорта, а также цифровую дипломатию. Публичная дипломатия не только активно использовалась демократической администрацией на всех направлениях внешнеполитической деятельности, но была основательно видоизменена.

Элементы политических технологий, пропаганды, политической коммуникации, масштабное использование социальных сетей навсегда изменили традиционный и малоповоротливый механизм публичной дипломатии. Влияние личности президента и его экспертов, новых вызовов на международной арене, новых информационных технологий

оказались настолько сильным, что термин «публичная дипломатия» стал заменяться таким термином как «стратегическая коммуникация» в официальных документах США, что подразумевает приоритет пропаганды, краткосрочных информационных кампаний, ответную информационную реакцию на наступательную пропаганду со стороны противников над такими традиционными программами публичной дипломатии как обмены, выставки, формирование лояльной элиты и пр.

Цель данной статьи — выявить новые черты, методы и концепции публичной дипломатии США, которые привнесла администрация Б. Обамы с 2009 по 2016 гг.

Основная часть исследования состоит из четырех эмпирических разделов, которые отражают главные нововведения и направления администрации Б. Обамы, навсегда изменившие публичную дипломатию США. В первой части мы анализируем фундаментальный поворот от концепции мягкой силы к стратегической коммуникации. Во второй части статьи мы подведем итоги создания нового внешнеполитического инструмента — цифровой дипломатии. В третьей части статьи мы остановимся на новом витке информационного противостояния с Россией и стратегии отрыва Русского Мира от влияния Москвы. Наконец, в четвертой части, мы оценим проекты американской стратегической коммуникации в противостоянии с пропагандой ИГИЛ в социальных сетях. Результаты и анализ полученных эмпирических данных приводятся в последующих разделах статьи.

Теоретические основания исследования

Перед тем, как перейти к анализу данных вопросов, необходимо отметить, что поскольку сегодня два термина — «публичная дипломатия» и «стратегическая коммуникация» — часто взаимозаменяемы в американских документах, необходимо прояснить их значение. Публичная дипломатия определяется как инструмент внешней политики и национальной безопасности США посредством оказания влияния и установления партнерских отношений с зарубежной публикой при помощи программ обменов, обучения, спорта, культуры и информации. Стратегическая коммуникация, термин, который впервые был введен в практику представителями Министерства обороны США, определяется как продвижение национальных интересов США при помощи информации, понимания запросов зарубежной аудитории и коммуникации. Стратегическая коммуникация предполагает акцент на информационных инструментах вовлечения зарубежной публики в американскую повестку дня и пропаганда играет значительную роль.

Научная и экспертная литература еще не подвела итоги наследия администрации Б. Обамы в области публичной дипломатии или стратегической коммуникации. Однако нельзя не упомянуть работы исследователей, которые затрагивали проекты публичной дипломатии Б. Обамы в различные периоды. Цифровая дипломатия или использование социальных сетей для продвижения позитивного имиджа США, поддержки оппозиционных движений, а также вопросы мягкой или умной силы неоднократно затрагивались исследователями [Великая, 2016; Лебедева, 2015; Цветкова, 2015; Cull, 2013]. Однако обобщающих работ о том, какие трансформации были осуществлены президентом в данной области, как изменились концептуальные основы, методы и региональные направления публичной дипломатии, какие удачи и неудачи сопутствовали администрации Б. Обамы, еще нет в науке о международных отношениях.

Исследование: основная часть

Основная часть состоит из следующих разделов: методология исследования и материалы исследования, за которыми следуют четыре эмпирических раздела исследования, отражающих основные направления деятельности администрации Б. Обамы в области публичной дипломатии/стратегической коммуникации.

Методология исследования

Документальный анализ, дискурсивный анализ, системный анализ, а также элементы контент-анализа и статистических методов использовались при проведении данного исследования. Документальный анализ способствовал критическому исследованию официальных документов американского правительства. Дискурсивный анализ использовался для интерпретации понимания публичной дипломатии политиками и экспертами администрации Б. Обамы. Системный анализ позволил рассмотреть трансформации публичной дипломатии с точки зрения контекста внешней политики США и международных отношений в период администрации Б. Обамы. Элементы контент-анализа и статистических методов использовались при анализе деятельности правительства США в социальных сетях.

Материалы исследования

Источниками для анализа публичной дипломатии послужили документы правительства США: законодательные акты Конгресса США, протоколы слушаний в сенате и палате представителей, аудиозаписи слушаний, стратегические документы Белого дома и Госдепартамента, отчеты ведомств, связанных с реализацией программ публичной дипломатии, а также твиты, хештеги и прочая информация, которая направляется с официальных профилей правительства США в социальные сети.

Поворот в публичной дипломатии Б. Обамы: от мягкой силы к стратегической коммуникации и пропаганде

Администрация Б. Обамы оставила нам новый концептуальный поворот в публичной дипломатии. Вместо ставшей популярной концепции мягкой силы, президент ввел концепцию стратегической коммуникации, что подразумевает развитие пропаганды. Использование таких элементов коммуникации как краткосрочные информационные кампании, политическая реклама, осуществление пропаганды посредством социальных сетей стали частью публичной дипломатии с 2013 г. До этого, публичная дипломатия США опиралась на концепции «мягкой» и «умной силы». Правительство США стремилось расширить число сторонников американских ценностей и вовлечь международную аудиторию в политическую повестку Вашингтона. Госсекретарь Х. Клинтон была сторонником идей Дж. Ная. Ее мемуары подтверждают интерес к мягкой силе как инструменту вовлечения зарубежной публики. Она пишет: «За пределами традиционной работы по подписанию договоров и посещению дипломатических конференций, среди прочего, вовлекать [зарубежных. — Н.Ц.] активистов посредством цифровой дипломатии <...> и интегрировать маргинальные группы в политическую деятельность. Эти задачи привели меня к мысли о применении концепции умной силы, которая «бродила» по Вашингтону в течение нескольких лет. Джозеф Най из Гарварда и другие использовали данный термин, но все мы по-разному понимали его значение. Для меня, умная сила означала выбор подходящих методов инструментов — дипломатических, экономических, военных, политических и культурных — для отдельно взятой ситуации» [Clinton 2014, с. 33].

Госдепартамент активно использовал идеи Дж. Ная на многих направлениях внешнеполитической деятельности. Политика вовлечения либеральных и оппозиционных групп сопровождала намерение президента Обамы к установлению новых партнерских отношений с Кубой, Ираном и Россией. Политика мягкой силы находила свое воплощение в укреплении союзнических отношений США со странами Европы и Азиатско-тихоокеанского региона [Metzgar, Lu, с. 2012].

Однако новая и масштабная информационная деятельность России, Ирана, Китая, заставила администрацию Б. Обамы изменить концептуальные основы публичной дипломатии США. Среди американского экспертного сообщества стали доминировать идеи, что в период войн, когда соперники США активно используют пропаганду, нет смысла заниматься долгосрочными вопросами вовлечения и применять теорию Дж. Ная. Ряд экспертов предложили метод диалоговой пропаганды или

стратегической коммуникации [Hayden, 2012; Zaharna, 2014]. Эффективность коммуникации достигается, если правительство США изучает мнения, идущие со стороны зарубежного общества. Подобная работа представляет собой процесс так называемого «вслушивания» (*listening*). Далее следует реакция в виде информационных кампаний с целью коррекции имиджа в зарубежном обществе и диалог с теми, кто высказывает как отрицательные, так и положительные суждения. В отличие от позиции Джозефа Ная, который отрицал пропаганду из-за ее низкой эффективности по формированию доверия к США, многие эксперты рассуждают о пропаганде как о положительном и своевременном инструменте внешней политики [Zaharna, 2014].

Идеи экспертов в области стратегической коммуникации быстро проникли в деятельность администрации Б. Обамы. В Госдепартаменте, Пентагоне, Белом доме, Агентстве международного развития, ЦРУ и в других ведомствах правительства США были созданы отделы с названием «стратегическая коммуникация». Центр стратегических антитеррористических коммуникаций занял место основного подразделения публичной дипломатии, которая стала приобретать устойчивые черты пропаганды. Дискурс «стратегической коммуникации» утвердился в программных документах по публичной дипломатии США. Мгновенное реагирование на негативный поток информации и развертывание кампаний контрпропаганды в зонах региональных конфликтов стали заменять политику долгосрочного вовлечения целевых групп в публичной дипломатии США. Свидетельством смены подходов выступает новая стратегия публичной дипломатии 2015 г., которая не апеллирует к концепции «мягкой силы» или политике распространения американских ценностей.

Кульминацией использования пропаганды/стратегической коммуникации в публичной дипломатии стало изменение закона о внешнеполитической информационной деятельности США. Закон 1994 г. провозглашал свободу в подаче информации от внешней политики США такими каналами как «Голос Америки», «Радио Марти», «Радио Свободная Европа» и др. В апреле 2014 г. Конгресс США предложил изменить закон о 1994 г. сторону расширения пропаганды интересов правительства США [Цветкова, 2015]. Республиканцы, которые проталкивали данную реформу, уверяли Б. Обаму, что огромный механизм публичной дипломатии США не эффективен в эпоху острых информационных войн, а подходы Дж. Ная уже мало пригодны в ситуации, когда пропаганда оказывается наиболее эффективным инструментом воздействия на зарубежное население. Напряженная ситуация в мире и обострение информационного противостояния внутри самих США в период пре-

зидентской избирательной кампании 2016 г. убедили президента в необходимости подчинения всех информационных каналов США единой стратегии внешней политики США. Барак Обама согласился на предложение конгрессменов по изменению закона 1994 г., а республиканцы внесли в законопроект положение о том, что будущий президент будет назначать главу Управления международным вещанием, которому подчинены вся информационная деятельность США в зарубежных странах. Раньше эта должность была выборной и контролировалась двухпартийным советом, что позволяло «разнообразить» информационный поток. Предполагая победу Х. Клинтон, Б. Обама, подписывая данный закон, как казалось, только укреплял политику стратегической коммуникации США⁵¹. Однако избрание Д. Трампа поставило демократическую администрацию в затруднительное положение, поскольку новое правило управления всеми международными информационными ресурсами США дает легальное право президенту Д. Трампу назначать главой Управления «своего человека», подконтрольного президенту.

Цифровая дипломатия: методы поддержки либеральной оппозиции в зарубежных странах

Еще десять лет назад никто и не предполагал, что социальные сети будут занимать ведущее место среди методов публичной дипломатии. Начало было положено в 2009–2010 гг., когда госсекретарь Х. Клинтон и ее молодые советники по инновациям стали развивать цифровую грамотность либеральных элементов в различных странах мира. Самым показательным стала работа американских экспертов в Каирском университете в 2010 г. перед самым началом революции на площади Тахрир. Тогда молодые представители американских университетов, работая по контракту с Госдепартаментом, рассказывали египетской молодежи о принципах использования социальных сетей для развития социальных и политических движений. Передача технологий либеральной оппозиции стала основным императивом публичной дипломатии США после того, когда Китай запретил деятельность компании *Google* зимой 2010 г. Именно тогда Госсекретарь Х. Клинтон произнесла свою историческую речь о том, что США будут осуществлять прямой диалог с молодыми активными гражданами зарубежных стран. Эта речь может сравниться с заявлением Рональда Рейгана о крестовом походе против коммунизма в 1982 г., который сопровождался масштабными информационными кампаниями против СССР. Программная речь Хилари Клинтон

⁵¹ National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2017. Public Law 114–328. <https://www.congress.gov/>

тон изменила представления о традиционной публичной дипломатии, в которой правительства участвующих стран могли контролировать процессы культурного обмена. Тезис Х. Клинтон о прямом диалоге с оппозиционерами, либералами и демократами, минуя зарубежные правительства, стал новым методом в осуществлении влияния на зарубежное общественное мнение посредством виртуального пространства. Передача технологий, мобилизация сторонников и цифровой активизм пришли в публичную дипломатию, резко повысив ее эффективность.

В период 2010–2012 гг. деятельность американского внешнеполитического ведомства на этом направлении получила беспрецедентное развитие. США стали опираться на социальные сети как средство краткосрочной мобилизации зарубежной активной молодежи [Стихин, 2014; Цветкова, 2011]. Использование сети Интернет стало основным лейтмотивом социально-политических протестов в Северной Африке, на Ближнем Востоке и на постсоветском пространстве. Мобилизация активной арабской молодежи, обучение ее методам координации демонстраций посредством социальных сетей, создание многочисленных виртуальных неправительственных организаций, которые пропагандировали ценности либерализма на арабском и английском языках, поддержка массовых выступлений американским политическим истеблишментом через глобальные интернет-сервисы — все эти новые методы стали результатом использования новой цифровой дипломатии США.

Официальные цифровые профили США не призывали к революциям. Однако они цитировали высказывания лидеров оппозиционных движений и передавали своим подписчикам информацию о происходящих событиях. Подобная деятельность администрации Обамы содействовала тому, что многие граждане узнали о существовании виртуального мобилизационного центра для демонстрантов в сети. Наверно, кульминацией в обеспечении либеральной оппозиции новыми технологическими продуктами стало создание особого профиля для сирийской оппозиции. Оппозиционеры, отрезанные от Интернета, могли набрать на мобильном телефоне определенный номер и информация попадала в социальную сеть в виде твита.

Самым эффективным проектом ушедшей администрации Б. Обамы и его госсекретаря Клинтон, который окончательно подвел политический фундамент в стратегической коммуникации — это взаимодействие представителей компаний Google, Facebook, Twitter и др. с зарубежными активистами, политиками, журналистами и оппозиционерами. Проект под названием TechCamp/Civil Society 2.0 представляет собой семи-

нары, на которых представители зарубежных неправительственных организаций из первых рук узнают о способах использования анцензурного оборудования, использования Интернета, когда доступ к сети отключен, проведения информационных кампаний и т.д. Это проект стал основным плодом работы госсекретаря Х. Клинтон, которая всегда живо интересовалась этими проектами. В ее переписке, опубликованной организацией Викиликс, есть не мало писем от его помощников с подробным описанием хода развития программы в разных странах. Например, сохранилось описание семинаров в Киеве 2012 г., который собрал более ста лидеров гражданского общества Белоруссии и Украины. В этом описании указаны следующие навыки, которые приобрели политические активисты в ходе семинара: «использование Facebook для проведения информационных кампаний и получения новых сторонников, привлечение пользователей социальными сетями для осуществления новых политических и социальных проектов, создание видео-роликов для привлечения новых сторонников, создание сайтов для неправительственных организаций и продвижение проектов социальных реформ»⁵².

В итоге, публичная дипломатия в виде социальных сетей получила самый эффективный инструмент для изменения политической ситуации в зарубежных странах. Но и администрация Б. Обамы и сам президент вряд ли могли предсказать последствия активного использования социальных медиа различными акторами в мировой политике.

Русский Мир в стратегической коммуникации Б. Обамы: возвращение русскоговорящих в приоритетную целевую аудиторию пропаганды США

После окончания «холодной войны», когда исчезла острая необходимость для США оказывать информационное влияние на граждан СССР, и, особенно, после террористических атак 2001 г., когда все ресурсы публичной дипломатии США были инвестированы в арабское население, такая целевая аудитория как русскоговорящие, живущие во многих странах мира, исчезла из американской публичной дипломатии. Постепенно сокращалось число программ международного вещания на русском языке, а такие радиостанции как «Голос Свободной Европы» или «Голос Америки» потеряли свою популярность среди русскоязычного населения стран Восточной Европы и бывшего СССР.

⁵² Techcamp in Kyiv: Building a Bridge between Civil Society and Technology. A Letter from Mills, Cheryl and Ross, Alec to Clinton, Hilary. Doc No C05792554. https://wikileaks.org/clinton-emails/Clinton_Email_November_Release/C05792554.pdf (accessed January 08, 2017).

Неожиданно для США, Россия, наравне с Ираном и Китаем, вышла в лидеры по обеспечению мирового сообщества информацией. К 2013 г., 90% всей информации в мире, которая предназначена для тех, кто понимает русский язык в США, Европе, в странах бывшего и СССР, а также в странах Ближнего Востока, контролируется Россией. Особенно, влияние Москвы на русскоязычное население стало заметным на фоне провальной работы таких форпостов американской информационной деятельности США как каналы «Свободная Европа»/«Свобода» и «Голос Америки». Из-за провалов в менеджменте, сокращения финансирования и отсутствия внятных стратегий работы с русскоязычным населением, эти каналы потеряли значительную аудиторию в странах бывшего социалистического лагеря в Европе и СССР и она перешла под влияние российских каналов.

Такое положение не устраивало ни Вашингтон, ни страны НАТО. Элита США и стран Европы, а в особенности, стран Восточной Европы, осознали значение русского языка в информационном противостоянии с Россией. Оказалось, что внимание русскоязычной аудитории к международному вещанию Москвы влияет на политическое развитие многих государств. Начиная с 2015 г. США вступили в информационную борьбу за влияние Русский Мир. Данная политика рассчитана до 2018 г.

Для влияния на Русский Мир Барак Обама вдохнул новую жизнь в такие призраки «холодной войны» как «Голос Америки» и «Свободная Европа/Свобода». Они создали дополнительные 35 программ на русском языке для жителей постсоветского пространства в 2015 г. Американские каналы вещания в Молдове, Киргизии, Грузии, Армении, Азербайджане и на Украине получили дополнительные деньги и часы вещания. Семнадцать языков бывшего СССР вернулись в международное вещание США. Добавились аварский, чеченский, белорусский, черкесский, язык крымских татар, казахский и др.

Популярность каналов американского вещания возросла в России к 2016 г. Увеличилось число посещений страницы канала «Голос Америки» на платформе Facebook из России в 1,000 раз, а сайт канала посещает 350,000 россиян в неделю. В самой России американские каналы международного вещания, не имеющие выходов на российские телевидение и радио, полностью сконцентрировались на трансляции передач внутри сети Интернет. Основная надежда возлагается на цифровой канал под названием «Настоящее время», который представляет американскую интерпретацию российских новостей. Передачи данного канала смотрят около 2 млн российских граждан еженедельно, а основная аудитория это молодежь от 15 и до 24 лет. В 2016 г. видео-сюжеты

канала на платформе Facebook были просмотрены 60 миллионов раз, что является рекордным числом для американских каналов.

Поддержка диссидентов, активистов гражданского общества, журналистов и блоггеров в России является еще одним направлением в публичной дипломатии США. Если в 2001–2012 гг. США открыто поддерживали российские неправительственные организации, то после закрытия деятельности Агентства международного развития, стратегия взаимодействия между российскими активистами и США видоизменилась, но не исчезла из повестки публичной дипломатии США. В странах Восточной Европы или бывшего СССР создаются так называемые «региональные хабы» (regional hubs), на базе которых США работают с активистами, журналистами и с неправительственными организациями в России. На слушаниях к Конгрессе США, Виктория Нуланд, глава отдела по странам Восточной Европы Госдепартамента, заявила, что пара-журналисты и журналисты-блоггеры являются основными целевыми аудиториями новой публичной дипломатии США⁵³.

Пропаганда США против ИГИЛ в социальных сетях: отсутствие эффективного месседжа

Американский подход к построению диалога между пропагандистами и целевой аудиторией был взят на вооружение террористами ИГИЛ. Они, в отличие от пропагандистов «Аль-Каиды» и других групп, не предпринимали односторонние «вбросы» информации, а устанавливали диалог с пользователями социальных сетей и убеждали их в своей идеологии. 2013 год стал для ИГИЛ «годом Твиттера»: в этой социальной сети было создано 60 тыс. учетных записей террористов и их последователей. Администрация Обамы столкнулась с новым типом пропаганды, которая рекрутировала новых членов организации в странах Запада в реальном времени. Мобилизация новых членов происходила во много раз быстрее, чем информационные контратаки или физическое уничтожение военных баз и лидеров организации. Например, теракты во Франции и США 2015 г. были осуществлены активными пользователями и читателями информации, исходящей из виртуальных аккаунтов ИГИЛ. Такие лозунги ИГИЛ, как «комфортабельная жизнь в Халифате», «бесплатная медицинская помощь», «бесплатные магазины с товарами из западных стран» оказались востребованными для малоимущих и уязвимых граждан США и Европы. Группировка ИГИЛ создала армию

⁵³ Russian Violations of Borders, Treaties, and Human Rights. Hearings before Committee on Foreign Relations. U.S. Senate June 076 2016. <https://www.foreign.senate.gov/hearings/russias-foreign-policy-violations-of-borders-treaties-and-norms-060716> (accessed January 09, 2017).

видеооператоров, продюсеров и редакторов, которые владели различными языками и современными методами создания масштабного информационного потока. Именно американцы и европейцы, работавшие на ИГИЛ, создавали информационные ленты и определенные темы для дискуссий (хештеги), которые призывали молодежь присоединиться к созданию Халифата. В 2013–2015 гг. пропагандисты ИГИЛ опережали США по созданию призывов, мессежей и хэштегов в социальных сетях и содействовали приезду около 3,000 граждан стран Запада в Халифат.

Такая ситуация создала кризис в администрации Б. Обамы. Вашингтону не удалось быстро выработать стратегию контрпропаганды, найти финансовые ресурсы и экспертов, которые бы могли выстроить опережающие информационные потоки против пропаганды. Проведение кампании против ИГИЛ было сначала возложено на Центр контртеррористических коммуникаций, Однако незначительное финансирование Центра (\$5–6 млн в год) и маленький штат сотрудников сразу же предопределили неэффективность информационной деятельности США против ИГИЛ в Интернете. Самым известным проектом Центра стала пропагандистская кампания, известная в социальных сетях как @ThinkAgainTurnAway («Подумай еще раз, поверни назад»). Информация, опубликованная в рамках данного профиля, призывала арабскую и западную молодежь не поддерживать Халифат. Однако число подписчиков и читателей новостей ИГИЛ значительно превышало число подписчиков аккаунтов, содержащих антитеррористические лозунги Госдепартамента.

Провал американской информационной кампании заставил специалистов изменить подход к транслированию содержания роликов: вместо серьезного тона США решили высмеивать высказывания и действия ИГИЛ. Центр выпустил серию из 300 короткометражных видео на арабском и английском языках, наполненных острой иронией и сарказмом, под общим названием «Добро пожаловать на землю ИГИЛ» (Welcome to ISIS Land). Одно из основных видео проекта получило название «Бегите, а не просто идите на землю ИГИЛ» (Run, not walk to ISIS Land). Ролик был опубликован на канале YouTube и получил солидный успех: его просмотрело около 1 млн человек. В нем были цинично продемонстрированы сцены взрыва мечети, убийства мусульман и прочие кадры жестокого обращения с людьми и ресурсами. Однако реакция террористов не заставила себя долго ждать. Они ответили на послание США подобной пародией — «Бегите, а не просто идите в террористическое государство США» (Run Do Not Walk to U. S. Terrorist State), которую также просмотрело около 1 млн человек. Снова пропаганда США была уравновешена пропагандой ИГИЛ. За всю историю существования публичной дипло-

матии США впервые столкнулись с эффективными действиями своих противников и не смогли подобрать яркого лозунга для привлечения внимания потенциальных последователей идеологии терроризма. Эффективность работы Центра оставалась на низком уровне, и в конце 2015 г. президент Обама прекратил его работу [Цветкова, 2017].

В самом начале 2016 г. новый помощник госсекретаря по публичной дипломатии Ричард Стенгел, который возглавлял журнал Time, предложил администрации Б. Обамы другой подход в создании и распространении информации против ИГИЛ в социальных сетях. Стенгел предложил Обаме задействовать популярных блоггеров разных стран, а также массу неправительственных организаций, которые будут высказываться против ИГИЛ и увлекать уязвимую молодежь на сторону добра. Стенгел был сторонником стратегии привлечения специалистов и руководства таких компаний, как Google, Facebook и Twitter для проведения операции по уничтожению посланий террористов. Администрация Б. Обамы согласилась с новыми предложениями.

В январе 2016 г. Б. Обама подписал указ о создании новой организации — Центра глобального взаимодействия при Госдепартаменте, — который занимается только координацией работы активных и лояльных пользователей социальными сетями. Эти пользователи проводят информационные атаки против террористов. Центр занимается поиском и рекрутированные лояльных блоггеров среди молодежи в странах Европы, Ближнего Востока, Северной Африки и Юго-Восточной Азии. Для этого были инициированы сотни программ, саммитов и «круглых столов» для взаимодействия с блоггерами в разных частях света. Более \$10 млн было потрачено в 2016 г. на подобное обучение.

В Белый дом были также приглашены специалисты Google, Facebook и Twitter. Эксперты этих кампаний заявили, что возможность победить пропаганду ИГИЛ в сети Интернет при помощи информационных потоков является крайне сомнительной. Только ликвидация учетных записей террористов и физическое уничтожение пропагандистов ИГИЛ могут снизить масштабы пропаганды в социальных сетях. Такая компания, как Twitter, только за период с января по конец 2016 г. уничтожила более 125,000 профайлов, имеющих отношение к ИГИЛ.

К концу 2016 г. стал намечаться некоторый перелом в информационном противостоянии между США и ИГИЛ. На слушаниях в Конгрессе США Р. Стенгел заявил о падении числа твитов ИГИЛ на 50% и о возращении информации США против информации ИГИЛ как 6:1. Однако лозунги, посты и твиты США не выглядят убедительными. Большинство из них посвящено статистическим данным о масштабах уничтожения

игиловцев в Сирии или Ираке, а не попыткам убедить пользователей не следовать идеологии терроризма. Отсутствие ярких и привлекательных месседжей, которые бы вернули веру в США и их ценности, является основной проблемой информационной политики Вашингтона.

Результаты исследования

В ходе исследования были получены следующие результаты:

Во-первых, администрация Барака Обамы активно использовала теорию мягкой силы в своей публичной дипломатии до 2013 г. Затем идеи взаимодействия, сотрудничества и привлечения были заменены на концепции диалоговой пропаганды и стратегической коммуникации.

Во-вторых, цифровая дипломатия как средство мобилизации либеральной оппозиции в глобальном масштабе была предложена администрацией Барака Обамы. Цифровая дипломатия стала основным инструментом публичной дипломатии США, подвинув такие традиционные инструменты как обмены в области образования и культуры.

В-третьих, президент вернул в информационную политику США такую целевую аудиторию как Русский Мир, а пространство Евразии и Восточной Европы стали эпицентрами информационного противостояния между США и Россией.

В-четвертых, администрация Б. Обамы столкнулась с крайне эффективной пропагандой экстремистов в социальных сетях, которые использовали подходы цифровой дипломатии, разработанные американскими экспертами. Администрации США не удалось выработать эффективный контрмесседж против пропаганды джихада и только помощь экспертов таких компаний как Google, Facebook и Twitter в ликвидации профилей террористов способствует некоторому успеху информационной кампании США.

Анализ результатов исследования

Стратегическая коммуникация как новый концептуальный базис публичной дипломатии заменила концепцию мягкой силы. Во многом произошло это в силу ухода госсекретаря Х. Клинтон, которая выступала проводником идей Ная, в силу изменения международной ситуации и бурного развития глобального информационного пространства. Вашингтону стало сложнее продвигать свою повестку дня и ценности среди разнообразных информационных потоков, идущих со стороны России, Китая, Ирана и т.д. Стратегическая коммуникация/пропаганда позволяет эффективнее находить консенсус с целевой аудиторией, чем долгосрочные программы обменов, культурного взаимодействия и т.п.

Использование цифровых технологий для решения задач внешней политики является одной из самых заметных деяний Б. Обамы. Ни одна

другая администрация не могла так широко использовать новинки техники и технологий в публичной дипломатии. Нельзя, например, утверждать, что появление телевидения и его использование в культурной дипломатии США в период «холодной войны» как-то кардинально изменило культурную дипломатию. Барак Обама кардинально изменил вектор публичной дипломатии: коммуникация движется от правительства США к зарубежному блоггеру, минуя правительства зарубежных стран. Однако мобилизация оппозиции при помощи цифровой дипломатии имеет и другую сторону — революции, хаос, гражданские войны и радикализация самой оппозиции. Наследие цифровой дипломатии Обамы осталось в законах о финансировании внешней политики США. Отдельная статья об защите Интернет-свободы требует от последующих администраций Белого дома выделять средства в размере 50 млн долл на прямой диалог с демократическими элементами в других странах [Цветкова, 2016].

Продолжая дискуссию о месте России в публичной дипломатии США, мы можем подчеркнуть, что несмотря на политику российского правительства в отношении политически ангажированных американских организаций в России, США нашли новые способы доступа и влияния на российских активистов и граждан. Администрация Обамы вернула в современную публичную дипломатию некоторые старые методы «холодной войны»: опора на диссидентов и поддержание либерального дискурса через пропаганду. И новому президенту сложно будет остановить инерцию этих программ и проектов, которые обеспечены финансированием, по крайней мере, до 2018 г.

Поводя итоги информационного противостояния между США и ИГИЛ, можно утверждать, что некоторому повышению эффективности пропаганды США способствовали американские компании, которые удаляют из своих сетей нежелательный контент. Однако это не тот метод, который способен обеспечить окончательную победу США в информационном противостоянии. Наличие других социальных сетей, на которые не распространяется контроль американских компаний, позволяет ИГИЛ беспрепятственно распространять свою пропаганду на целевые аудитории стран Европы, Африки, Ближнего Востока и Азии.

Заключение

Барак Обама войдет в историю как президент, который ввел пропаганду, элементы политической кампании, политического маркетинга и социальных сетей в публичную дипломатию, которая все чаще называется «стратегической коммуникацией». Месседж и реакция на информацию противников стали центральными в новой публичной

дипломатии. Цифровая дипломатия, прямой диалог с зарубежной общественностью и создание пула лояльных блоггеров и диссидентов не скоро исчезнут из публичной дипломатии многих стран. США, Россия, Франция, Германия, Иран, Турция, Китай и другие страны стали потребителями новшеств Б. Обамы и ввели многие методы стратегической коммуникации США в свою внешнюю политику.

В силу глубоких трансформаций, сделанных Б. Обамой, администрация Д. Трампа не сможет что-то быстро и радикально изменить. Такие проекты как борьба против пропаганды ИГИЛ в социальных сетях, консолидация аппарата пропаганды и международного вещания, поддержка информационных проектов в странах Восточной Европы и постсоветского пространства, направленная на мобилизацию русскоязычного населения будут продолжены, а активное использование социальных сетей новым президентом останется одним из эффективных инструментов стратегической коммуникации США.

Литература

1. Великая А. Публичная дипломатия как инструмент международного диалога // *Международная жизнь*. 2016. N 2. С. 154–164.
2. Лебедева О. В. Особенности института публичной дипломатии в России // *Международная жизнь*. 2015. N 6. С. 41–55.
3. Стихин А. Е. Глобальные интернет-сервисы в структуре инструментов американской внешней политики // *Международные процессы*. 2014. Т. 12. N 36–37. С. 105–116.
4. Цветкова Н. А. «Русский Мир» в публичной дипломатии США: направления на 2015–2018 гг. // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2016. N 8. С. 59–72.
5. Цветкова Н. А. Программы Web 2.0. В публичной дипломатии США // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2011. N 3. С. 109–122.
6. Цветкова Н. А. Публичная дипломатия США // *Международные процессы*. 2015. N 3. С. 121–133.
7. Цветкова Н. А. США — ИГИЛ: информационное противостояние: кто побеждает в социальных сетях? // *Азия и Африка*. 2017 N 2 (в печ.).
8. Clinton H. *Hard choices*. New York: Simon & Schuster, 2014.
9. Cull N. J. The long road to public diplomacy 2.0: the internet in us public diplomacy // *International studies review*. 2013. Vol. 15(1). P. 123–139.
10. Hayden G. *The rhetoric of soft power: public diplomacy in global contexts*. New York: Lexington Books, 2012.
11. Metzgar E. T., Lu X. Tweeting the pivot? The United States and PD 2.0 in Northeast Asia // *Place branding and public diplomacy*. Vol. 11(3). P. 204–215.

12. National defense authorization Act for fiscal year 2017. Public Law 114–328. [Электронный ресурс] // U.S. Congress. URL: <https://www.congress.gov/> (дата обращения 09.01.2017).
13. Russian violations of borders, treaties, and human rights. Hearings before committee on foreign relations. U.S. Senate. June 07, 2016. [Электронный ресурс] // U.S. Senate. URL: <https://www.foreign.senate.gov/hearings/russias-foreign-policy-violations-of-borders-treaties-and-norms-060716> (дата обращения 09.01.2017).
14. Techcamp in Kyiv: building a bridge between civil society and technology. A letter from Mills, Cheryl and Ross, Alec to Clinton, Hilary. Doc. No c05792554. [Электронный ресурс] // WikiLeaks. URL: https://wikileaks.org/clinton-emails/clinton_email_november_release/c05792554.pdf (дата обращения 09.01.2017).
15. Zaharna R.S. Battles to bridges: US strategic communication and public diplomacy after 9/11. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014.

BARACK OBAMA'S LEGACY IN PUBLIC DIPLOMACY

Natalia Tsvetkova

Abstract: *The research paper discusses the legacy of the Obama administration in the field of public diplomacy. Following reforms are examined: a fundamental shift from the soft power concept to strategic communication in the strategy of the public diplomacy, digital diplomacy introduced by the Obama Administration, a new information confrontation unfolded between the United States and Russia for winning Russian World, notably Russian-speaking population in the countries of Eastern Europe and the post-Soviet space, and U.S. information campaigns against the ISIL propaganda in social media. The study concludes by discussing the legacy of the Obama Administration in terms of public diplomacy and international communication policies.*

Keywords: *U.S. public diplomacy, strategic communication, propaganda, soft power, Russian World, Russia, ISIL (terrorist organization banned in Russia), digital diplomacy, social networks, message.*

References

1. Clinton, H. (2014). Hard choices. New York: Simon & Schuster.
2. Cull, N. J. (2013) The long road to public diplomacy 2.0: the internet in us public diplomacy. *International studies review*, 15(1), 123–139.
3. Department of State. (2012). Techcamp in Kyiv: building a bridge between civil society and technology. A letter from Mills, Cheryl and Ross, Alec to Clinton, Hilary. Doc. No c05792554. Retrieved from: https://wikileaks.org/clinton-emails/clinton_email_november_release/c05792554.pdf.
4. Hayden, G. (2012). The rhetoric of soft power: public diplomacy in global contexts. New York: Lexington Books.

5. Lebedeva, O.V. (2015). Specifics of Russian Public Diplomacy. *International Affairs*, 6, 41–55.
6. Metzgar, E. T., Lu, X. (2012). Tweeting the pivot? The United States and PD 2.0 in Northeast Asia // *Place branding and public diplomacy*, 11(3), 204–215.
7. Stikhin, A. E. Global internet services as a US foreign policy tool. *International Trends*, 12 (36–37), 105–116.
8. Tsvetkova, N. (2011). U.S. Web Public Diplomacy. *SSHА i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 3, 109–122.
9. Tsvetkova, N. (2016). New Forms and Elements of US Public Diplomacy. *International Trends*, 13(3), 121–133.
10. Tsvetkova, N. (2016). *Russkiy Mir In American Public Diplomacy: New Directions (2015–2018)*. *SSHА i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 8, 59–72.
11. Tsvetkova, N. (2017). Information Warfare between the U.S. and the ISIL in Social Media: Who is winning?. *Aziya i Afrika segodnya*, 2 (in press).
12. U.S. Congress. (2017). National defense authorization Act for fiscal year 2017. Public Law 114–328. Retrieved from: <https://www.congress.gov/>.
13. U.S. Senate. (2016). Russian violations of borders, treaties, and human rights. Hearings before Committee on Foreign Relations. June 07, 2016. Retrieved from: <https://www.foreign.senate.gov/hearings/russias-foreign-policy-violations-of-borders-treaties-and-norms-060716>.
14. Velikaya, A. (2016). Public Diplomacy as an Instrument for International Dialogue. *International Affairs*, 2, 154–164.
15. Zaharna, R.S. (2014). *Battles to bridges: US strategic communication and public diplomacy after 9/11*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Информация об авторе:

Цветкова Наталья Александровна

профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Россия), доктор исторических наук (Санкт-Петербургский государственный университет 2015) и Ph.D. в области социальных наук и бихевиоризма (Университет Гронингена, Нидерланды, 2011).

Адрес электронной почты: n.tsvetkova@spbu.ru

Natalia Tsvetkova

professor at American Studies Department, St. Petersburg State University, Russia. She is Doctor of Science in History (St. Petersburg State University 2015) and Ph.D. in Social and Behavioral Sciences (Groningen University, Netherlands 2011)

Email: n.tsvetkova@spbu.ru

Семинар
**«„Мягкая сила” как фактор
международной политики:
теория и современные реалии»**

модератор

А.Г. Глинчикова

РОЛЬ КИТАЯ В ФОРМИРОВАНИИ ГЛОБАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СРЕДЫ КАК ФАКТОРА «МЯГКОЙ СИЛЫ»

В. Р. ВАКИЛОВА

Аннотация. На сегодняшний день, применение такого инструментария как «мягкая сила» (soft power) в мировых политических процессах является возможностью проявления влияния на другие государства с стремлением осуществления поставленных задач, посредством реализации собственных интересов путем партнерства в различных сферах, направленных на формирование положительного восприятия, к примеру, как образование. В представленной статье, на примере деятельности Китая в рамках формирования глобальной интеллектуальной среды рассматривается фактор «мягкой силы». Власти КНР (Китайская Народная Республика) проводят масштабные инновации в образовательной сфере, укрепляя международное сотрудничество для осуществления культурной и языковой экспансии. Образование является ключевым аспектом, который влияет на мировоззрение человека. На сегодняшний день, Китай активно проводит политику инновационного развития образования и увеличивает сферу своего влияния в образовательной в мировой образовательной среде. Это осуществляется при помощи образовательных и научных обменов между странами, развитием публичной дипломатии в совокупности с международными экономическими программами являющимися основными постулатами применения «soft power». Однако не взирая на постоянное сотрудничество и взаимодействия КНР с другими странами, духовная и культурные сферы не подвергаются изменению, а наоборот передаются по всему миру, по средствам специально разработанных программ Китая.

Исходя из этого напрашивается вывод, что происходит постепенное формирование социума, который имеет определенную по своим систему ценностей, благодаря которой происходит продвижение своих интересов не через принуждение, а через согласие. Что и является одной из самых важных задач государственной политики КНР.

Ключевые слова: *«Мягкая сила», Китай, экспансия, интеллектуальная среда, международное сотрудничество, научный обмен.*

Введение. В последние 4 десятилетия образование и наука в Китае демонстрирует впечатляющие количественные и качественные перемены. За последнее время Китаем был сделан большой прорыв в области развития сферы интеллектуальной собственности. Китай в последнее время проводит целенаправленную политику в области инноваций в образовании, изучение регулирования вопросов получения образования за границей, для граждан Китая, позволит лучше понять процессы развития интеллектуальной среды в данной стране.

Одним из ключевых факторов в формировании глобальной интеллектуальной среды является решение проблемы интеграции в мировой системе высшего образования, укрепление сотрудничества с ведущими иностранными вузами, а также создание глобальной сети институтов Конфуция, которая формирует понимание китайской культуры и языка, что является важнейшим инструментарием «мягкой силы» для реализации внешнеполитических задач.

Образовательные и научные обмены, которые способствуют расширению международных отношений, публичной дипломатии в совокупности с международными экономическими программами являются основным постулатом применения «мягкой силы».

В данной статье фактор «мягкой силы» рассмотрен на примере деятельности Китая в области формирования глобальной интеллектуальной среды. Образование является ключевым аспектом, всецело влияющим на мировоззрение и мировосприятие человека. В связи с этим происходит формирование социума, который имеет определенную, подобную по своим укладам, систему ценностей, которая подразумевает продвижение своих интересов не через принуждение, а через согласие. Это и является одной из самых важнейших задач государственной политики.

Стоит отметить и еще одно немаловажное направление применения «мягкой силы» такое как привлечение иностранных студентов со всего мира для получения образования в Китае, а также активное поощрение прямого заимствования достижений других государств. Но несмотря на динамичное сотрудничество, обмен опытом и высокий интерес к взаимодействию с другими странами, социокультурные ценности и духовная сфера остаются для Китая сакральной частью национальной культуры.

Цель статьи: рассмотрение роли Китая в формировании глобальной интеллектуальной среды как фактора «мягкой силы», выявление основных показателей становления и развития сферы образования, описание влияния государственной политики на сферу интеллектуальной собственности.

Теоретические основания исследования: Теоретическая база исследования построена на исторической базе становления интеллектуальной среды КНР, а также интеграции в мировое пространство. В ходе нашего исследования мы опирались на теоретические работы в различных областях:

- истории реформирования образования (О.Д. Барлукова, Д.М. Бондаренко, Е.Б. Деминцева, О.И. Кавыкин, И.В. Следзевский, Д.А. Халтурина);
- финансирования образования в рамках глобальной системы (Н.Е. Боревская, Е.А. Суворова, Су Сяохуань, Е.Б. Ленчук, А.С. Селищев, Н.А. Селищев)
- интернационализации высшего образования в Китае. (Е.С. Анохина, Ань Цинянь, Б.З. Мильнер, А.А. Томских, И.А. Шведова).

Исследование: основная часть. После окончания Второй мировой войны, а также переворота между Коммунистической партией Китая и правительством Гоминьдана, политическое, экономическое и социальное положение Китая было крайне тяжелым. Более 80 % населения было абсолютно безграмотным, образование находилось в состоянии сильнейшего упадка. В 1949 году провозглашается Китайская Народная Республика, с 1950 года происходит ее мировое признание. В связи с этим, новому правительству предстояло как можно скорее принимать необходимые меры для улучшения сложившейся ситуации и увеличения интеллектуального потенциала Китая, к примеру, как увеличение государственного финансирования. Так же была проведена универсализация и кроме того, начинается централизация высшего образования — вузы передаются в ведение Министерства просвещения, были разработаны единые программы обучения и учебные материалы.

С середины XX столетия, все частные вузы были объединены с государственными или же полностью закрыты, в период 1952–1982 гг. частное образование вовсе исчезло. Были созданы системы школ для получения образования у взрослого населения, благодаря этому, уровень неграмотности снизился до 78%. Китай в 1950 — начале 1960 годов вёл активное сотрудничество и перенимал опыт СССР. Это сыграло свою роль в развитии профессионального технического образования¹.

Китайская образовательная среда прошла период «Культурной революции», где соединились тенденции подтягивания низов и развития элит, которые стали противоречить друг другу, что привело к спаду развития образования и науки.

¹ Су Сяохуань. Образование в Китае — реформы и новшества. — Пекин: Межконтинентальное издательство Китая, 2002. С. 160.

В этот период Коммунистическая Партия Китая Партия пыталась разработать собственные модели модернизации и коммунизма, проводила тотальную национализацию собственности, которая сопровождалась открытыми уничтожениями инакомыслящих, гонениями, переселением представителей интеллигенции в деревни, перевоспитанием чиновников в «школах 7 мая».

Период «Культурной революции» не только остановил развитие образования и интеллектуальной среды, но и свел на нет все успехи модернизации образовательной среды в начале 50-х гг., привёл в упадок всю существующую систему реформирования образовательной среды в целом. Огромное количество университетов было закрыто. Практически все педагогические вузы приостановили свою работу, а их сотрудники были отправлены в лагерь².

В начале 1970 годов Китай осознанно отошел от формального высшего образования, названного «системой культивирования ревизионистской рассады». Однако, это не помешало учёным КНР совершить ряд открытий, таких как: испытание водородной бомбы, синтез транспортной рибонуклеиновой кислоты и биологического активного инсулина, запуск нескольких искусственных спутников.

Итогом всего этого стало, то что в середине 1970 — х годов весь коммунистический путь, цель которого было создание национального идеала был признан неэффективным, КНР оставался слаборазвитой и далека от модернизации. И в 1978 «Культурная революция» дезориентирующая работу всех учебных заведений и отправлявшая высшее образование была завершена. Сразу же после появилась новая система образования: дошкольные учреждения появились в посёлках, сёлах при городских промышленных предприятиях.

В 1978 году власти Китая провели реформу образования, суть которой в ведении 10-летнего общего образования и увеличение срока обучения в вузах отныне до 4–5 лет, были организованны новые институты и разработаны единые экзаменационные нормы для поступления в вузы. Позже в начале 1980 годов восстановили 12-летнее общее образование.

Необходимо выделить основные этапы выхода из кризиса

Заново начинается процесс централизации вузов, восстанавливается Министерство просвещения, происходит деление вузов по пяти

² Ань Цинянь. Новая научно-техническая революция и современный мир. Век глобализации. Выпуск №2(4) /2009.

критериям: технические, педагогические отраслевые, общего профиля институты и университеты, специальные колледжи³.

Китай — это страна которая включает симбиоз рыночной экономики и традиционных ценностей. Обучение в вузах становится платным. А уже с 1985 года прием в вузы стал осуществляется по трем направлениям:

1. Обучение за счёт студента;
2. Обучение по государственному плану;
3. Обучение по заявкам организаций, нуждающихся в профессиональных рабочих.

Позднее в 1986 г. был «Закон об обязательном образовании». Первые 9 лет обучения является обязательными.

По мере развития рыночной экономики в КНР увеличивалось число частных учебных заведений. На данный момент детские сады в Китае делятся на частные и государственные, однако число частных детских садов преобладает над государственными.

В КНР начальное образование начинается с 6 лет и составляет так же 6 лет, начальных школ большинство государственных.

Среднее образование делится на три ступени. На первой ступени образование бесплатное, оплачиваются только учебные материалы (учебники, тетради и т.д.).

На втором этапе уже взимается плата за дополнительные предметы и курсы, которые изучает ребёнок

Третий этап является заключительным. В его рамках дети обучаются в специализированных школах, которые уже делятся по профилям⁴.

По существующему закону об образовании в Китае существуют три разновидности высшего образования: специализированные курсы, имеющие свою собственную программу обучения, бакалавриат и магистратура.

В КНР модель развития интеллектуальной среды является гибридной и сводится к следующему:

- введению специализированного налога на образование;
- переходу к децентрализации управления расходами;
- отказу от принципа остаточного финансирования из бюджета страны;
- введению налоговых льгот для системы образования;
- многоканальности источников финансирования;

³ Барлукова О.Д. Образование и интеллигенция в Китае: социально-философский анализ: монография / М-во сельского хоз-ва Российской Федерации ФГБОУ ВПО «Бурятская гос. сельскохозяйственная акад. им. В.Р. Филиппова». — Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2013. — 103 с.

⁴ Боревская Н.Е. Государство и школа. Опыт Китая на пороге III тысячелетия. — М.: изд-во «Восточная литература» РАН, 2003.

- созданию целевых фондов, направленных на развитие образовательной среды;
- финансовой самостоятельности учебных заведений;
- введению платы за высшее и полное среднее образование.

В данное время высшее образование КНР переходит с институциональных изменений на системные инновации, происходит реформирование системы образования в области логистики, системы занятости и персонала, происходит создание специализированных государственных фондов, направленных на популяризацию китайского языка и культуры в мире. В последние годы было произведено слияние, более 1000 вузов всего в 300 — это позволило совершить скачок в системе управления высшим образованием.

Однако гибридная модель не исключает ряда проблем.

- недостаточное бюджетное финансирование. На образование в Китае тратится меньше 5 % к ВВП, когда усредненным показателем в мире является 45 %. Средняя стоимость обучения в университете составляет 3000 долл. в год, когда как ВВП на душу населения меньше 2000 долл. в год.
- дефицит преподавательского состава. Каждый год в Китае около 100 тыс. выпускников педагогических вузов начинают преподавательскую деятельность. Многие из них получили степень магистра или доктора, однако опыт и стаж работы у них очень маленький, а также из года в год примерно 6 % старых преподавателей оставляют работу и уходят на пенсию.
- проблема несправедливости. Она отражается в стоимости обучения в разных районах страны. Абитуриентам в больших мегаполисах легче поступить в ведущие университеты Китая чем провинциалам. Численность студентов в вузах Пекина примерно в 8 раз выше, чем в провинции Гуйджоу, поэтому в провинции Гуйджоу стоимость обучения всего лишь 1500 долл. США в год, а стоимость обучения в Пекине 5000 долл. США в год⁵.

Так же, стратеги формирования интеллектуальной среды Китая разделяется на два вектора развития:

1) создание собственной интеллектуальной среды.

2) решение проблемы Интеграции в мировую систему высшего образования, укрепления сотрудничества с иностранными ведущими вузами:

Данная задача реализуется при помощи

⁵ Селищев А. С., Селищев Н. А. Китайская экономика в 21 веке // Питер, 2004 г. С. 108.

- разработки докторских программ (PhD), которые сочетают в себе оптимальный баланс между исследовательской деятельностью и обучением сроком от 2-х лет до 4-х лет;
- внедрения кредитной системы для обучения вузах;
- осуществления международных обменов и развития системы грантов. Исходя из этого можно сделать вывод, что Китай проводит культурную экспансию по всему миру.

Происходит взаимообмен студентами и преподавателями между вузами Китая и ведущих стран мира в области образования.

На данный момент около 500 тыс. китайцев обучаются за границей, в среднем они расходуют 6 млрд долл. каждый год вне Китая. Для снижения этих расходов и интеграции в мировое интеллектуальное пространство власти КНР считают перспективным открытие филиалов ведущих университетов на территории Китая. На сегодняшний день открыто три вуза наиболее престижных, таких, как Nankai University and University of Edinburg, Ningbo University and University of Nottingham, Xinan Jiaotong University and University of Liverpool, но активно работают и обучают китайский студентов еще около 800 таких проектов с университетами не столь престижными⁶.

В этой связи необходимо подчеркнуть развитие глобальной сети Институтов и классов Конфуция по всему миру.

Глобальная сеть Институтов Конфуция значитесь международными культурно-образовательными центрами, которые созданы властями КНР для распространения китайского языка и культуры за рубежом. Многие институты Конфуция имеют свою специализацию. Координирует действие и финансирует эту глобальную сеть институтов китайская сторона.

Миссией Институтов Конфуция, является развитие дружеских взаимоотношений Китая с другими странами мира, а также помощь в развитии и росте понимания китайской культуры и Китая в целом.

Обучение в Институтах Конфуция ориентируется на специфику сотрудничества с Китаем. Задачей сети Институтов Конфуция можно считать:

- Проведение научных конференций, посвященных Китаю;
- Проведение квалификационного теста по китайскому языку;
- Популяризацию культуры Китая и его языка по средствам различных мероприятий, направленных на понимание Китая в целом;
- Организацию курсов китайского языка и культуры;

⁶ Томских А. А. Формирование региональных трансграничных научно-образовательных систем в условиях глобализации. — Пермь: 2013 г. Энциклопедия Китая [Электронный ресурс]. URL:<http://www.abirus.ru/content/564/623/628/721.html>

- Издание и подготовку учебной литературы по китайскому языку;
- Организацию преподавательских и студенческих стажировок в Китае⁷.

Проект создания за границей Институтов Конфуция курируется правительственной Канцелярией Китая для осуществления культурно-языковой экспансии. По данным за 2011 г. в 96 странах и регионах мира действовало 358 институтов и 500 классов Конфуция, в том числе в Азии — 65, Европе — 73, Америке — 51, Африке — 16, Океании — 6, в России — 12. К 2020 г. запланировано довести количество Институтов Конфуция до 1000 по всему миру. Институты Конфуция, благодаря кадровой и финансовой поддержке, способны создать наиболее комфортные и привлекательные условия для желающих изучать китайскую культуру и язык, Ханьбань выделяет более 100 тыс. долл. на финансовое обеспечение каждого института ежегодно. Институты Конфуция активно открываются по всему миру уже в действующих вузах, стоит отметить, что обучение для всех желающих, стоит недорого.

Продвижение и осуществление китайской культурно-языковой экспансии, целью которой является формирование благоприятного образа страны в глазах населения, предполагается созданием сети филиалов и новых ведомств в Центральной Азии. В 2010 году в городе Урумчи была открыта база государственной категории по распространению китайского языка в Центральной Азии, главные задачи которой состоят в оказании помощи в создании Институтов Конфуция прежде всего в странах-членах Шанхайской организации сотрудничества, поощрении китайских преподавателей к работе за рубежом, издании новых учебных материалов по китайскому языку и привлечении иностранцев в Китай для изучения китайского языка. Сейчас все больше и больше иностранцев приезжают в Китай учиться, правительство очень ценит такую возможность, стараясь создать благоприятные условия для них.

Правительство Китая уделяет огромное внимание развитию высшего образования и прилагает огромные усилия по принятию позитивного опыта других стран

Китай входит в пятерку стран, лидирующих по количеству принимаемых иностранных студентов. Подобные темпы прироста контингента иностранных учащихся не имеют аналогов в мире⁸.

⁷ Бондаренко Д. М., Деминцева Е. Б., Кавыкин О. И., Следзевский И. В., Халтурина Д. А. Образование как фактор утверждения в обществе норм этноконфессиональной толерантности в условиях глобализации. — М.: История и современность, 2007, №2, С. 153.

⁸ Шведова И. А. Интернационализация высшего образования в Китае // Вестн. Томского госуд. ун-та. 2013. № 1(21).

Благодаря статистическим данным, становится очевидно, что Китай добился огромного прогресса в данном вопросе, к слову, в 1978 году количество иностранных студентов, обучаемых в китайских вузах не превышало 1900, а к 2014 году их количество возросло в 200 раз. На данный момент, у иностранных студентов есть возможность обучения в более чем 2500 вузах, нежели чем в 1999–2000 гг., когда количество китайских университетов, которые могли предоставить такую возможность составляло не более 100.

Одной из проблем, которые отмечает Министерство образования Китая, является дисбаланс распределения студентов по вузам т.е. более количество иностранных студентов, приезжая в КНР, изучают гуманитарные и творческие специальности, и китайский язык, соответственно, при этом не уделяя должного внимания инженерным, техническим специальностям, основам бизнеса. Вторая проблема, которую отмечает Министерство образования — это недолгий срок обучения и, следовательно, пребывание в КНР. Обычно студенты приезжают на пару семестров в рамках международного обмена, и лишь очень небольшой процент иностранцев проходит весь курс обучения до получения соответствующего диплома или научной степени. Такая ситуация абсолютно противоположна положению дел, к примеру, в Великобритании или же США, иностранные студенты едут в вузы этих стран, в большинстве своем, для получения образования на полный срок, чтобы получить диплом именно британского или американского вуза⁹.

По данным ЮНЕСКО за 2003 год, стало известно, что Китай обладает самым большим количеством студентов в мире — более 15 миллионов, а уже на 2007 год, этот показатель возрос до 25 миллионов обучающихся.

На период с 2007–2008 гг. в Китае обучались студенты из 188 стран мира, проходя различную подготовку в 544 вузах, научно-исследовательских центрах и институтах, которые располагались в 31 провинции Китая, автономном районе и городе центрального подчинения, без учета Гонконга, Тайваня и Макао, более половины иностранцев, обучающихся в Китае — выходцы из России и шести европейских стран. Но преобладающее количество среди иностранных студентов отдается выходцам из Азии, среди них этнические китайцы, проживающие по соседству в ближайших азиатских государствах. Первое место по численности своих выходцев в КНР занимает Южная Корея (стоит отметить, что в южноко-

⁹ Мильнер Б.З. Интеллектуальные ресурсы как объекты управления. — Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями, глава 14 — М., Инфра-М, 2013.

рейских вузах преобладающую по количеству обучаемых студентов, позицию занимают граждане Китая). В КНР рассчитывается более 2,1 млн корейской национальности, затем преобладает количество студентов из Европы, Африки, Америки, ежегодно увеличивая показатели прироста числа абитуриентов по всем направлениям подготовки, например, видна динамика роста студентов из США: в 2003 г. — 2495 чел., 2004 г. — 4740 чел., 2005 г. — 6400 чел., 2006 г. — 8850 чел., 2007 г. — 14800 чел., на данный момент в Китае обучается около 25 000 студентов из США¹⁰.

В начале 1990-х годов российских студентов в вузах Китая было всего несколько сотен человек. В последние годы число студентов из России обучающихся в Китае резко возросло, например, в 2008 году был прирост на 44 %, относительно 2007 года этот показатель стал наивысшим за всю историю российско-китайского сотрудничества в области образования, по данным на 2015 год в КНР обучается около 20000 студентов из России. Как и большинство иностранных студентов в КНР, студенты из России также изучает китайский язык и культуру, однако медицину изучает значительно меньше, чем представители западных стран.

По статистике Министерства образования Китая, в 2012 году общее количество иностранных студентов в КНР насчитывалось около 300 тыс. человек, в 2013 году обучались уже 328 тыс. студентов. в 2014 году уже более 390 тыс. человек, по последним данным насчитывается в районе 420 тыс. человек¹¹.

По подсчёту Министерства образования Китая к 2020 году число иностранных студентов в КНР должно достичь 500 тыс. человек. А также КНР лидирует по числу студентов, выезжающих обучаться за границу.

С 1970-х годов, по данным Министерства образования КНР более 2 млн китайских студентов учились за границей.

Согласно информации, агентство Синьхуа число китайских студентов, обучающихся за границей, насчитывается примерно полмиллиона.

Студенты из Китая за рубежом могут обучаться за границей за счёт государства или за свои деньги. Для того чтобы претендовать на государственную стипендию. Необходимо соответствовать определённым критериям, которые были установлены министерством образования КНР. Для реализации этого был создан государственный комитет по управлению

¹⁰ Анохина Е.С. «Иностранные студенты в Китае и проблемы регулирования их пребывания в стране» //Вестник Томского государственного университета. История 2015. №1 (33) С. 65–68.

¹¹ Боровская Н.Е. Россия — Китай: образовательные реформы на рубеже XX–XXI вв. — М.: Российская Академия образования, Центральная Академия педагогических исследований КНР, 2007.

специализированным фондом реализации учёбы за рубежом. За счёт государства за границу каждый год отправляет всего около 3000 человек.

Существуют различные разновидности субсидий правительства: субсидии и стипендии для реализации различных образовательных проектов, осуществление взаимных обменов стипендиями с правительствами различных государств, полные субсидии правительства.

Научно-исследовательские институты, университеты государственные учреждения отправляют списки кандидатов на учебу в министерство образования КНР, принимающее окончательное решение о направлении на учебу за рубеж.

За государственный счёт за границу также едут победители различных всекитайских конкурсов, они получают право год учиться за границей за государственный счёт¹².

Китай находится на первом месте в мире по количеству студентов, учащихся за рубежом. Они обучаются в 103 странах мира. Но большинство студентов из Китая учатся в США.

В последние несколько лет растет число китайцев, обучающихся в Австралии, Канаде, Англии, Германии, Голландии, Сингапуре и Новой Зеландии. Только 9% студентов из Китая выбирают вузы США для получения первого образования, а все остальные едут на обучение в Америку, после получения образования в КНР, хотя дипломы Соединённых Штатов Америки признаются правительством Китая.

По данным статистики в 2009–2012 гг. в Америку приехали учиться более 100 тыс. чел., а после открытия приёмной комиссии Университета Миннесота в Пекине, в 2009 г. туда поступили около 1000 китайцев. На сегодняшний день в этом университете студенты из Китая составляют более 40% от числа всех иностранных учащихся¹³.

По информации Open Doors Report, уже в 2013 г. из Китая в США приехало 235 тыс. студентов. По сравнению с 2012 годом произошёл существенный рост этого количества на 21%.

Считается, что динамика ежегодного роста количества студентов из Китая в районе 20% будет сохраняться на протяжении 10 следующих лет, высшее образование в США получат примерно 6 млн учеников из КНР. Они вернутся в Китай высокообразованными людьми, с большим опытом жизни, работы и учебы на Западе, будут знать английский язык, и иметь представление об «американских ценностях».

¹² Боровская Н.Е. Новые финансирования высшей школы в КНР: китайский опыт в российском контексте. — М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2009.

¹³ Суворова Е.А. Становление системы образования в Китае во второй половине XX века // Россия и АТР. — 2015. — № 1 (87). — С. 201.

В докладе ЮНЕСКО и агентства образования и культуры в составе ООН, говорится что Китай обогнал Индию по количеству студентов, проходящих обучение в США. На данный момент 22 % всех иностранных студентов, обучающихся в США, приехали из Китая.

В других странах Запада обучается еще примерно 18 млн китайцев. Считается что образование в странах Запада в ближайшие 10 лет получат более 25 млн китайцев, и они станут движущей силой среднего класса КНР. По прогнозам в этот период средний класс Китая будет насчитывать 100–150 млн человек.

В 2011 по статистическим данным Центра исследования Китая и глобализации году количество студентов из Китая в мире 340 тыс. чел. и обучение 92 % их них оплачивали частные лица. За последние десять лет число студентов из Китая за рубежом увеличилось почти в 17 раз.

Иностранные граждане обучаются в Китае во многих городах страны, но наиболее популярны университеты Шанхая и Пекина. В них поступает каждый второй иностранный студент, приезжающий в Китай. Власти КНР на целены на равномерное распространение учебных заведений по территории страны и децентрализации высшего образования, для этой цели был построен самый большой в мире университетский комплекс в Гуанчжоу¹⁴.

Более половины иностранных учащихся в Китае изучают китайский язык и культуру. Медицина является второй специальностью по популярности, 60 % студентов, которые решили стать фармацевтами или врачами изучают западную медицину, и всего 40 % — традиционно китайскую.

В последние годы программы MBA стали очень популярными. Рынок MBA в КНР является развивающимся в Азиатском регионе. По данным министерства образования Китая, с 2007 года количество учащихся приезжающих в Китай получать образование в управленческой сфере стабильно растет.

Китай и Россия активно развивают сотрудничество в образовательной сфере. Создаются центры русского языка для китайских студентов между. Кроме того, 1 сентября 2016 года в Шэньчжэне был открыт первый совместный российско-китайский университет на базе МГУ и Пекинского политехнического института.

К 2020 году РФ и КНР планируют увеличить взаимный обмен студентами до 100 тыс. человек, в рамках программы российско-китайского культурно-гуманитарного сотрудничества. В 2014–2015 учебном году за

¹⁴ Россия и Китай: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия. — Владивосток: Дальнаука, 2014. — 207 с.

счет средств федерального бюджета РФ было принято более 800 граждан Китая. В 2015–2016 годы было принято уже около 1000 человек.

Директор Центра исследования Китая и глобализации Ван Хуэйяо в интервью различным СМИ Китая заявил, что тенденция обучаться за рубежом будет постоянно расти.

Главной причиной, почему граждан Китая посылают своих детей учиться за границей, является неуверенность в качестве образования в КНР и китайская экзаменационная система¹⁵.

В свою очередь дипломы, полученные в Китае, также котируются в США, Европе и России.

Методология исследования. Методологические основы исследования определились его поставленной цели и задачи. Были проведены сбор, анализ и изучение научной литературы связанной с развитием образования, различных источников, связанных с интеграционными процессами в мировое образовательное пространство. Был произведен синтез и интерпретация конкретных статистических данных и исторических фактов, связанных с интернационализации высшего образования в КНР.

Методы исследования: историко-генетический анализ, метод математической статистики, логический анализ, методы дедукции и индукции, а также была произведена обобщение и систематизация выводов практики и теории реформирования образования в КНР.

Процедура исследования. Включает в себя 3 аспекта:

Исторические особенности интеллектуальной среды как фактора «мягкой силы»

Финансирование образования в рамках глобальной системы

Интернационализации образования Китая, как фактор продвижения китайского языка и культуры в мире.

Результаты исследования

В ходе изучения и анализа исследования было выявлено:

- осуществление культурной экспансии в рамках «мягкой силы», активный обмен учеными, специалистами и студентами, развитие языковых школ и институтов (Институт Конфуция) по всему миру;
- анализ прироста иностранного контингента для получения образования в Китае;
- заинтересованность в принятии положительного опыта других стран;

¹⁵ Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай — Россия — 2050: стратегия соразвития / Б.Н. Кузык, М.Л. Титаренко. — М.: Институт экономических стратегий, 2006. — 656 с.

- проведение реформ в области инноваций и развитие интеллектуальной среды;
- исследование ряда проблем, которые на данный момент, не учтены при проделанных реформах, такие как: недостаточность финансирования, проблема несправедливости, дефицит ученых, профессоров, преподавателей и ассистентов;
- влияние системы образования Китая на формирование «мягкой силы».

Анализ результатов

Китай активно осуществляет обмен учеными, специалистами и студентами между вузами, происходит открытие языковых школ и институтов, целью которых является популяризация и распространение китайской культуры и языка по всему миру, как например Институт Конфуция, предоставление грантов для иностранных студентов и преподавателей, направленных на изучение китайского языка и культуры, тем самым осуществляя культурную экспансию и прилагает колоссальные усилия по принятию позитивного опыта других. На данный момент существенно растет количество иностранцев, которые приезжают в Китай для получения образования, в свою очередь, правительство государства старается создать все благоприятные условия для более комфортного пребывания иностранных студентов в нем, высоко ценя эту возможность.

Китай — это лидирующее государство по темпу прироста иностранного контингента для получения образования, а также входящее в пятерку стран, с наиболее высокими показателями принимаемых студентов. Стоит отметить, что подобный результат не имеет аналогов во всем мире. Благодаря «культурной революции», проводимой в 70-х годах XX столетия, высшее образование в Китае пришло в состоянии глубокого упадка и кризиса, дезориентировав рабочие процессы учебных заведений. На данный момент, судя по статистическим данным, Китай добился огромной прогресса, к слову, в 1978 году количество иностранных студентов, обучаемых в Китае не превышало 1900, а к 2014 году, их количество возросло почти в 200 раз.

Среди лидирующих специальностей, изучаемых в Китае, наиболее привлекательны для иностранных студентов — это медицина, при учете того, что лишь 40% студентов изучают традиционную китайскую, а остальной процент иностранцев отдает предпочтение именно западной медицине, и, безусловно, китайский язык.

На данный момент, происходит переход высшего образования Китая с институциональных изменений на системные инновации, внедря-

ется ряд реформ, которые, к сожалению, не исключают ряда проблем, таких как:

- недостаточность финансирования:

На образование в Китае тратится меньше 5% к ВВП, когда усредненным показателем в мире является 45%. Средняя стоимость обучения в университете составляет 3000 долл. в год, когда как ВВП на душу населения меньше 2000 долл. в год — это беспрецедентный случай во всём мире.

- проблема несправедливости, высокий шанс поступлений в вуз именно абитуриентов из городов, нежели чем провинциалов:

Она отражается в стоимости обучения в разных районах страны. Абитуриентам в больших мегаполисах легче поступить в ведущие университеты Китая чем провинциалам. Численность студентов в вузах Пекина примерно в 8 раз выше, чем в провинции Гуйджоу, поэтому в провинции Гуйджоу стоимость обучения всего лишь 1500 долл. США в год, а стоимость обучения в Пекине 5000 долл. США в год.

- огромный дефицит ученых, профессоров, преподавателей и ассистентов:

Каждый год в Китае около 100 тыс. выпускников педагогических вузов начинают преподавательскую деятельность. Многие из них получили степень магистра или доктора, однако опыт и стаж работы у них очень маленький, а также из года в год примерно 6% старых преподавателей оставляют работу и уходят на пенсию.

Китай является абсолютно лидирующей страной по количеству студентов, которые получают образование за границей, благодаря статистическим данным министерства образования, следует, что почти полмиллиона китайских студентов, обучаются в 103 странах мира, среди них: Канада, Англия, Австралия, Голландия, США, Россия, Германия, Канада, Сингапур, Франция. США — самое популярное и предпочтительное государство, куда едут китайцы, изучая именно языковые специальности.

При помощи реализации программы российско-китайского культурно-гуманитарного сотрудничества, к 2020 году, государства планируют провести обмен студентами, который будет достигать до 100 тыс. человек, существенно подняв планку.

Полученные результаты исследования показывают, что КНР активно использует «мягкую силу», по средствам разработки своей национальной концепции ценностного взаимодействия с другими цивилизациями и культурами. Тем самым происходит внедрение китайской культуры и языка в мировое пространство. Однако духовная сфера

и социокультурные ценности являются сакральной частью национальной культуры Китая.

Заключение. В течение последних двадцати лет Китай основательно внедрился в мировую интеллектуальную и образовательную среду. Были увеличены многократно показатели в научной и технической сфере. В этот период было увеличено число выдаваемых патентов, технические специальности стали востребованы, и как следствие существенно возросло количество вузов, которые стали выпускать специалистов по техническим направлениям

Осторожность современного внешнеполитического курса КНР определяется в развитие ценностей «мягкой силы» и обеспечивает реализацию стратегии — «XXI век — век Большого Китая».

Инновационное развитие образования и науки страны было названо Государственным планом развития науки и технологии. На современном этапе Китай акцентирует своё внимание на развитие многих аспектов интеллектуальной собственности и инновационной политики в целом.

Делая ставку на развития инноваций в образовании и науки, Китаю необходимо обеспечивать защиту интеллектуальной среды, культуры изобретений, а также стать конкурентоспособными на международные рынки науки и образования. Именно для реализации этого происходит постоянное развитие и совершенствование сфера защиты интеллектуальной среды и инноваций.

Можно сказать, что усиливающаяся культурная экспансия Китая в Центральной Азии является комплексной и долгосрочной. Создающиеся на данных территориях центры культуры Китая в будущем позволят КНР создать платформу для продвижения своих интересов Центральной Азии при помощи культурных и экономических связей. Китай заинтересован в рынках стран Центральной Азии, поэтому власти КНР постоянно нацелены на улучшения имиджа. Однако существует дисбаланс демографической и экономической среды стран Центральной Азии и Китая. Инвестиции со стороны Китая в экономику Государств Центральной Азии неизбежны, так как они являются соседями с КНР и у них намного меньше ресурсов. С одной стороны, данные инвестиции способны улучшить экономическую ситуацию в Центральной ситуации, но с другой стороны Китай будет реализовывать свои собственные экономические интересы в регионе, а не поддерживать его развития. В таких условиях странам региона придется держать баланс в отношениях с Китаем, для того, чтобы не оказаться в зависимости от внешнего игрока и улучшить современное экономическое положение.

Литература

1. Анохина Е. С. «Иностранные студенты в Китае и проблемы регулирования их пребывания в стране» // Вестник Томского государственного университета. История 2015. №1 (33) С. 65–68.
2. Ань Цинянь. Новая научно-техническая революция и современный мир. Век глобализации. Выпуск №2(4) /2009
3. Барлукова О. Д. Образование и интеллигенция в Китае: социально-философский анализ: монография / М-во сельского хоз-ва Российской Федерации ФГБОУ ВПО «Бурятская гос. сельско-хозяйственная акад. им. В. Р. Филиппова». — Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2013. — 103 с.
4. Бондаренко Д. М., Деминцева Е. Б., Кавыкин О. И., Следзевский И. В., Халтурина Д. А. Образование как фактор утверждения в обществе норм этноконфессиональной толерантности в условиях глобализации. — М.: История и современность, 2007, №2, стр.153–183
5. Боровская Н. Е. Россия — Китай: образовательные реформы на рубеже XX–XX I вв. — М.: Российская Академия образования, Центральная Академия педагогических исследований КНР, 2007
6. Боровская Н. Е. Государство и школа. Опыт Китая на пороге III тысячелетия. — М.: изд-во «Восточная литература» РАН, 2003.
7. Боровская Н. Е. Новые финансирования высшей школы в КНР: китайский опыт в российском контексте. — М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2009
8. Кузык Б. Н., Титаренко М. Л. Китай — Россия — 2050: стратегия соразвития Б. Н. Кузык, М. Л. Титаренко. — М.: Институт экономических стратегий, 2006. — 656 с.
9. Мильнер Б. З. Интеллектуальные ресурсы как объекты управления. — Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями, глава 14 — М., Инфра-М, 2013.
10. Россия и Китай: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия. — Владивосток: Дальнаука, 2014. — 207 с.
11. Селищев А. С., Селищев Н. А. Китайская экономика в 21 веке // Питер, 2004 г. С. 108
12. Суворова Е. А. Становление системы образования в Китае во второй половине XX века // Россия и АТР. — 2015. — № 1 (87). — С. 201
13. Су Сяохуань. Образование в Китае — реформы и новшества. — Пекин: Межконтинентальное издательство Китая, 2002-С 160
14. Томских А. А. Формирование региональных трансграничных научно-образовательных систем в условиях глобализации. — Пермь: 2013 г. Энциклопедия Китая [Электронный ресурс]. URL:<http://www.abirus.ru/content/564/623/628/721.html>
15. Шведова И. А. Интернационализация высшего образования в Китае // Вестн. Томского госуд. ун-та. 2013. № 1(21)

THE ROLE OF CHINA IN SHAPING THE GLOBAL INTELLECTUAL ENVIRONMENT AS A FACTOR OF “SOFT POWER”

V. R. Vakilova

Abstract. *Today, the use of such tools as “soft power” in the global political processes is the possibility of influence on other states with the desire to pursue the objectives, through the realization of their own interests through partnerships in various sectors aimed at creating a positive perception, for example, as the education. In this article, through the example of China in the framework of creating a global intellectual environment is considered a factor of “soft power”. The authorities of the PRC (People’s Republic of China) carried out large-scale innovations in education, strengthening international cooperation for the implementation of cultural and linguistic expansion. Education is a key aspect that influences a person’s worldview. Today, China is actively pursuing a policy of innovative development of education and increases its sphere of influence in the education in the world educational environment. This is done by using educational and scientific exchange between the countries, development of public diplomacy in conjunction with international economic programs, which are the main tenets of the use of “soft power”. However, in spite of the constant cooperation and collaboration of China with other countries, the spiritual and cultural sphere are not subject to change, but rather are transmitted around the world by means of specially developed programs of China.*

On the basis the conclusion is that, there is a gradual formation of society, which has some in its system of values, through which happens the promotion of their interests not through coercion, but through consent. Which is one of the most important tasks of the state policy of the PRC.

Keywords: *“Soft power”; China, expansion, intellectual environment, international cooperation, scientific exchange.*

References

1. Anohina E.S. «Inostrannye studenty v Kitae i problemy regulirovanija ih prebyvanija v strane» //Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija 2015.№1 (33) С. 65–68.
2. An’ Cinjan’. Novaja nauchno-tehnicheskaja revoljucija i sovremennyy mir. Vek globalizacii. Vypusk №2 (4)/2009
3. Barlukova O.D. Obrazovanie i intelligencija v Kitae: social’no-filosofskij analiz: monografija / M-vo sel’skogo hoz-va Rossijskoj Federacii FGBOU VPO “Burjatskaja gos. sel’sko-hozjajstvennaja akad. im. V. R. Filippova”. — Ulan-Udje: Izd-vo BGSHA, 2013. — 103 s.
4. Bondarenko D.M., Deminceva E.B., Kavykin O.I., Sledzevskij I.V., Halturina D.A. Obrazovanie kak faktor utverzhenija v obshhestve norm jetnokonfessional’noj

- tolerantnosti v uslovijah globalizacii. — M.: Istorija i sovremennost', 2007, №2, str.153–183
5. Borevskaja N.E. Rossiya — Kitaj: obrazovatel'nye reformy na rubezhe HH-HH I vv. — M.: Rossijskaja Akademija obrazovanija, Central'naja Akademija pedagogicheskikh issledovanij KNR, 2007
 6. Borevskaja N.E. Gosudarstvo i shkola. Opyt Kitaja na poroge III tysjacheletija. — M.: izd-vo «Vostochnaja literatura» RAN, 2003.
 7. Borevskaja N.E. Novye finansirovanija vysshej shkoly v KNR: kitajskij opyt v rossijskom kontekste. — M.: Institut Dal'nego Vostoka RAN, 2009
 8. Kuzyk B.N., Titarenko M. L Kitaj — Rossiya — 2050: strategija sorazvitija / B. N. Kuzyk, M. L. Titarenko. — M.: Institut jekonomicheskikh strategij, 2006. — 656 s.
 9. Mil'ner B.Z. Intellektual'nye resursy kak object upravlenija. — Innovacionnoe razvitie: jekonomika, intellektual'nye resursy, upravlenie znanijami, glava 14 — M., Infra-M, 2013.
 10. Rossiya i Kitaj: opyt i potencial regional'nogo i prigranichnogo vzaimodejstvija. — Vladivostok: Dal'nauka, 2014. — 207 s.
 11. Selishhev A. S., Selishhev N. A. Kitajskaja jekonomika v 21 veke//Piter, 2004. S. 108.
 12. Suvorova E. A. Stanovenie sistemy obrazovanija v Kitae vo vtoroj polovine XX veka // Rossiya i ATR. — 2015. — № 1 (87). — S. 201.
 13. Su Sjaohuan'. Obrazovanie v Kitae — reformy i novshestva. — Pekin: Mezhhkontinental'noe izdatel'stvo Kitaja, 2002-S 160
 14. Tomskih A. A. Formirovanie regional'nyh transgranichnyh nauchno-obrazovatel'nyh sistem v uslovijah globalizacii. — Perm': 2013 g Jenciklopedija Kitaja [Jelektronnyj resurs]. URL:<http://www.abirus.ru/content/564/623/628/721.htm>15. Shvedova I. A. Internacionalizacija vysshego obrazovanija v Kitae //Vestn. Tomskogo gosud. un-ta. 2013. № 1(21)

Информация об авторах

Вакилова В. Р.

студент 2 курса магистратуры,
Московский Педагогический Государственный Университет, Россия

Левин А. В.

студент 2 курса магистратуры,
Московский Педагогический Государственный Университет, Россия

V. R. Vakilova

2nd year student of magistracy,
Moscow State Pedagogical University, Russia

A. V. Levin

2nd year student of magistracy,
Moscow State Pedagogical University, Russia

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР В РОССИИ КАК ФАКТОР «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Н. В. ДЕЕВА

Аннотация. Актуальность выбранной темы связана с усложнением международной обстановки: России необходимо найти возможности влияния своей «мягкой силой» в других странах. Изменение общественного договора предстоит не только России, но и странам Европы, и американскому обществу. Общественный договор в российском варианте может быть примером для других стран.

Основы концепции общественного договора были заложены Т. Гоббсом, Дж. Локком, Ж. Ж. Руссо, развиты Дж. Ролзом и Р. Дворкиным, Дж. Бьюкененом. А. Аузана считает, что общественный договор — обмен ожиданиями власти и общества по поводу прав собственности и свобод. Понятие «мягкой силы» восходит к работам Дж. Ная.

Россия обладает «мягкой силой», привлекательной для граждан других государств: это российский вариант общественного договора (готовность к самоограничениям в обмен на принадлежность к великой державе), и проверенные временем культурные традиции, в частности, русский театр.

В рамках данного исследования использованы политологический, ценностно-нормативный, бихевиористский, коммуникативный, сравнительный методы.

Считается, что для России более выигрышен имидж сильной военной державы. Необходимо с помощью «мягкой силы» переориентировать российскую внешнюю политику с создания модели, интересной для элит, на модель, привлекательную для широких масс населения.

Общественный договор и легитимность власти могут и должны быть основаны на укреплении общих культурных оснований, таких как русский язык, русский театр. Причем для России это актуально и внутри страны, и за ее пределами (для российских граждан, выходящих из России и граждан других стран).

Применительно к российской политике понятие «мягкой силы» используется относительно недавно, однако влияние российской культу-

ры на мировое искусство устойчиво на протяжении нескольких веков. Одним из непреходящих достижений российской культуры остается театр. Особая проблема — русские театры за рубежом: в бывших республиках Советского Союза, Европе, странах Америки. Этим очагам русской культуры за рубежом необходимо оказывать всестороннюю поддержку: меценатскую, консультативную.

Потребность россиян ощущать величие своей страны и наличие значительной русскоговорящей диаспоры за рубежом делает необходимым задачу развития русскоязычной среды вне России и расширения культурных связей.

Ключевые слова: общественный договор, «мягкая сила», российская культура, русский театр.

Введение. Актуальность выбранной темы несомненна: усложнение международной обстановки требует от России еще более активного поиска новых путей распространения влияния своей «мягкой силой» в других странах и формирования внутренней политики.

Западные образцы общественного договора долгое время оставались примерами для подражания (благодаря защите граждан за рубежом, социальному государству). Однако переформатирование общественного договора в нынешних условиях предстоит не только России, но и странам Европы, а теперь, после выборов в США — возможно, и американскому обществу. Современные политические элиты Европы и Америки не всегда уделяют достаточно внимания мнению общества, и результаты выборов во многих странах это подтверждают: даже при поражении ряда кандидатов правого толка, это поражение порой с небольшим отрывом.

Общественный договор в российском варианте может быть примером для других стран. Идеалом общественного договора является интеграция общества в интересах всех его членов, воплощение общенационального согласия на основе общих интересов. Однако именно поиск вектора общих интересов, как в национальном, так и в глобальном масштабе, и составляет основную проблему современности.

Всё более очевидными становятся культурные основания общественного договора. Необходимость учитывать специфику общества, его политической культуры, ясна не только специалистам в этой области. Исследователи из разных отраслей науки заняты поиском культурных оснований, которые позволят сформировать новые условия и новых субъектов общественного договора.

Теоретические основания исследования. Основы концепции общественного договора в ее нынешнем виде были заложены Т. Гоббсом, Дж. Локком, Ж. Ж. Руссо. Для Т. Гоббса это был акт согласия на отчуж-

дение своей свободы в пользу свободы суверена ради безопасности. Согласно идеям Локка, люди ограничивают себя сознательно рамками заключенного и признанного политического компромисса в интересах целого. Общественный договор Ж.Ж. Руссо заключался ради безопасности и народовластия. При всех различиях, авторы сходятся в одном: члены общества должны отказаться от части своих свобод ради безопасности или политического компромисса. В XX веке эта концепция получила развитие в работах американских философов-контракционистов Дж.Ролза и Р. Дворкина и экономиста Дж. Бьюкенена.

Одна из современных российских трактовок общественного договора, которая используется в данной статье, принадлежит А. Аузану, Президенту Института Общественного договора: «Общественный договор — это обмен ожиданиями по поводу прав собственности и свобод, которые существуют в стране» [Аузан, 2014].

В контексте данной статьи понятие «мягкой силы» (soft power) восходит к работам Дж. Ная (J. S. Nye), из которых следует, что язык и культура могут формировать положительный образ страны, косвенно воздействуя на мировую политику и экономические отношения между государствами.

Исследование: основная часть. Гипотеза. Россия обладает «мягкой силой», которая может быть привлекательной для граждан других государств. С одной стороны, это российская формула общественного договора, которая может быть востребована в политической сфере, с другой, — проверенные временем культурные традиции, в частности, русский театр, вклад которого в мировое искусство не вызывает сомнений.

Методология исследования. В рамках данного исследования использован интегративный подход. Так, политологический подход помогает раскрыть роль «мягкой силы» в реализации внутренней и внешней политики государства. Ценностно-нормативный подход раскрывает ценностные основания общественного договора в контексте использования «мягкой силы». Использование бихевиористского метода позволяет определить мотивы субъектов общественного договора и объектов воздействия «мягкой силы». Коммуникативный метод определяет каналы воздействия «мягкой силы». С помощью сравнительного метода сопоставлены данные о численности русскоговорящих в зарубежных странах, бывших союзных республиках, и о наличии в этих странах русских театров.

Материалы исследования. В исследовании проанализированы различные материалы и документы: сайты официальных организаций, материалы совместного заседания Совета по культуре и искусству и Совета по русскому языку, материалы опроса ВЦИОМ, сайты русских театров

за рубежом, интервью и выступления в СМИ режиссеров и актеров как отечественных, так и зарубежных.

Процедура исследования. Описание проведенного исследования. Условия общественного договора не являются неизменными, они могут уточняться гораздо чаще, чем конституционные нормы. Так, по мнению А. Аузана, в России в XXI веке уже несколько раз менялась «формула» общественного договора. Так, в 2000 году власть предложила общественный договор «порядок в обмен на налоги». После 2004 это было сформулировано как «стабильность в обмен на лояльность». Во время грузинской войны 2008 года население сказало «хотим великой державы», однако тогда власть оказалась к этому не готова. В ходе экономического кризиса был предложен другой вариант: «социальные гарантии в обмен на лояльность». 2014 год породил формулу «готовность к самоограничениям в обмен на принадлежность к великой державе», и эта версия действует до сих пор, что подтверждается социологическими опросами 2016 года¹⁶.

Большинство россиян остаются коллективистами и традиционалистами (для них интересы общества в целом важнее (77%) чем личные стремления (17%). Больше половины граждан стремится к безопасности и ориентировано на традиции (58%). При этом большинство опрошенных считают, что власть, в первую очередь, должна укреплять суверенитет (72%), что Россия должна быть великой державой и влиять на все мировые процессы (59%). Приоритеты для большинства россиян внутри страны — это стабильность (63%) и порядок (66%), при этом в укреплении роли государства заинтересованы 69% опрошенных¹⁷.

Пример России — не единственный в современной политике, ярким примером общественного договора как согласия общества на отказ от некоторых личных свобод ради безопасности стала ситуация в США после 11 сентября 2001 г.

Существует точка зрения, что Россия не в состоянии использовать «мягкую силу» для пропаганды своих ценностей и создания положительного образа страны за рубежом, что для нас более выигрышен имидж сильной военной державы. Необходимо постепенно переориентиро-

¹⁶ Аузан А. «Готовность к самоограничениям в обмен на принадлежность к великой державе»: Александр Аузан о новом социальном контракте [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2014/10/29_a_6281141.shtml (дата обращения: 10.01.2017).

¹⁷ Пароль дня: Безопасность. Стабильность. Суверенитет // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3175 от 15 августа 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115815> (дата обращения: 10.01.2017).

вать российскую внешнюю политику с создания модели, интересной для элит, на модель, привлекательную для широких масс населения, чтобы граждане других государств не боялись нашей страны, знакомились с ее культурой, инвестировали в экономику. Мы видим в Европе рост популярности партий, выступающих за нормализацию отношений с нашей страной, выступления населения против антироссийских санкций.

Если взять даже несколько аспектов, которыми славится «мягкая сила» Запада, возможно, Россия сможет перехватить инициативу. Российская версия общественного договора при определенных условиях может быть более привлекательна, как для подражания, так и для создания положительного имиджа страны (речь не об экономике, и даже не об уровне жизни, высокий индекс счастья далеко не всегда отмечается в успешных странах). Какие же плюсы демонстрирует Россия:

- сильный лидер во главе государства с большим запасом легитимности, что характерно далеко не для всех стран Евросоюза и Америки;
- формулировка и отстаивание Россией своей собственной позиции на международной арене, несмотря на сложную ситуацию в экономике и противодействие большинства стран ООН;
- сохранение традиционных ценностей, утрачиваемых Западом в связи с тоталитарным либерализмом и непродуманной миграционной политикой.

Общественный договор и укрепление легитимности власти достигается не только «собираанием земель», но и объединением людей. Причем для России это актуально как внутри страны, так и за ее пределами. Необходимы некие общие векторы, позволяющие объединить столь разнородные группы населения. Стремление ощущать себя частью великой державы предполагает запрос к власти о единстве всех русскоговорящих граждан различных стран. Сюда входят соотечественники за рубежом, эмигранты и члены их семей, и проблема эта многоаспектная.

В мире проживает около 30 миллионов российских соотечественников, оказавшихся за пределами России по тем или иным причинам. Это одна из самых больших по численности диаспор в мире. Проживая за рубежом, будучи включенными в другую систему ценностей, наши соотечественники не теряют связи с исторической родиной: не только они сами, но и их дети знают и любят русский язык, культуру и традиции.

В то же время многие из этих людей уже не вернутся в Россию в силу возраста, политических взглядов или успешной адаптации. Следующие поколения (дети, внуки), выехавшие в раннем возрасте или уже родившиеся за границей, вполне успешно ассимилируются, часто утрачивают навыки письма и чтения на русском языке, оставляя только быто-

вое общение, особенно если это не связано с бизнесом, с выходом на российский рынок. Они вряд ли вернутся в Россию, однако это наше культурное пространство, не территориальное, а именно культурное, ментальное, которое позволит обеспечить и привлекательный имидж страны, и в долгосрочной перспективе стабильное экономическое партнерство. На этих людей также необходимо ориентироваться в выстраивании зарубежной культурной политики.

Проблема объединения русскоговорящих людей стоит довольно остро как внутри страны, так и применительно к бывшим советским республикам. Те же трудности возникают, когда речь идет о диаспоре в дальнем зарубежье. Так называемый русский мир слишком разобщен, подобно ситуации в начале Второй мировой, а точнее, Великой Отечественной войны. Тогда русская эмиграция раскололась по вопросу поддержки Советской России. Не хотелось бы дожидаться масштабной войны или каких-то критических ситуаций, чтобы объединить всех соотечественников. Уже сегодня катастрофа российского ТУ-154 в конце декабря продемонстрировала разделение русскоговорящей общины в Канаде, США, равно как и внутри России нашлись люди, создающие себе сомнительный имидж на чужом горе.

С другой стороны, мы наблюдаем такие объединяющие события, как, например, «Бессмертный полк», в котором в 2016 году приняли участие уже 40 стран мира, включая европейские страны, США, Канаду, Израиль, бывшие советские республики, а ныне независимые государства, как западные, так и азиатские. В ряде стран шествия прошли в нескольких крупных городах, как в США, Франции. Это не только дань памяти погибшим в Великой Отечественной, и во Второй Мировой войне, это и поиск некой идентичности, вызвавший личную реакцию участников, обсуждение, фотографии в соцсетях. Это ценно и потому, что в мероприятии люди участвовали семьями, с детьми и внуками, включая тех, кто родился и вырос за рубежом и уже не говорит по-русски, к этой акции памяти присоединяются ветераны войны из других стран со своими семьями.

Или флешмобы людей из Украины и России, поющих песни из советских кинофильмов на вокзалах Запорожья, Киева, а потом и Москвы, записи которых собирают миллионы просмотров в Интернете.

Эти примеры демонстрируют, что многие пока еще объединяющих нас ценности относятся к советскому периоду, и победа в войне — это не победа отдельных национальностей, а всего советского народа. И в поиске инструментов «мягкой силы» нужно очень аккуратно, никого не отталкивая, подниматься над идеологическими аспектами, вновь искать точки соприкосновения, такие как язык и культура.

Применительно к российской политике понятие «мягкой силы» используется относительно недавно, однако влияние российской культуры на мировое искусство довольно устойчиво на протяжении нескольких веков. Перевести интерес из военной в иную плоскость можно, демонстрируя достижения российской культуры за пределами страны. Безусловно, есть организации, нацеленные на эту работу, финансируемые государством. Однако политика западных стран, в частности, резолюция Европарламента о противодействии пропаганде российских СМИ и организаций, в которую включены и фонд «Русский мир», и федеральное агентство Россотрудничество под эгидой МИД РФ, может затруднить культурные программы, проводимые этими организациями.

Русский язык достаточно распространен в мире. Он является государственным и официальным языком в России, Белоруссии, официальном языком учреждений в Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Узбекистане и других странах. Русский язык занимает 6-е место по численности говорящих, а по степени распространённости — 8-е место в мире, на 2-м месте русский язык стоит по использованию в Интернете.

Сейчас на русском языке говорят 146 млн граждан Российской Федерации и еще 127 млн человек за рубежом. Так, в республиках бывшего СССР: Украина — 36,8 млн, Белоруссия — 9,3 млн, Азербайджан — 4,9 млн, Грузия — 2,4 млн, Армения — 2,1 млн, Молдавия — 1,7 млн, Приднестровье — 0,5 млн, Эстония — 1,95 млн, Латвия — 1,8 млн, Литва — 1,3 млн, Казахстан — 13,5 млн, Узбекистан — 11,8 млн, Туркмения — 0,9 млн, Киргизия — 2,7 млн, Таджикистан — 2,5 млн, Абхазия — 0,45 млн.

В Восточной Европе (странах бывшего социалистического лагеря): Польша — 5,5 млн, Германия — 5,4 млн, Болгария — 2 млн, Чехия — 2 млн, Сербия — 1,4 млн, Словакия — 1,3 млн. В Монголии — 1,2 млн, Израиле — 1 млн, Китае — 0,7 млн человек. Кроме того, в США — 3,5 млн, Канаде, Австралии и Новой Зеландии — 4,1 млн, в Азии — 2,7 млн, на Ближнем Востоке и в Северной Африке — 1,3 млн, в Латинской Америке — 0,2 млн, в Африке к югу от Сахары — 0,1 млн.

Большинство изучающих русский язык собираются получить образование в России, работать в России или сотрудничать с российскими компаниями, работающими за рубежом¹⁸.

¹⁸ Сайт Россотрудничество (Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству) [Электронный ресурс]. URL: <http://rs.gov.ru/activities/9> (дата обращения: 10.01.2017).

Одним из непреходящих достижений российской культуры остается театр. Русский театр имеет массу преимуществ перед театром зарубежным, как в части сохранения традиций, так и в части государственного финансирования. Российские теоретики и педагоги театра, в том числе проживающие за рубежом, отмечают поворот интереса западных коллег и зрителей от инновационных, эпатажных постановок к традиционному русскому театру, театру психологическому.

Сейчас в самой России активизировалась дискуссия о русском языке, о государственной цензуре в сфере искусства и, в частности, о государственной же поддержке отечественных театров. Недавнее совместное заседание Совета по культуре и искусству и Совета по русскому языку с участием Президента РФ демонстрирует интерес и желание властей ответить на вопросы общества, сформировать конструктивные отношения между обществом и властью в сфере культуры.

Режиссер Евгений Миронов на этом заседании отметил, что осуществляется активная государственная поддержка театров России, особенно в малых городах. Уже три года существует Федеральный центр поддержки гастрольной деятельности, созданный Министерством культуры. Это дало возможность провести обменные гастроли не только российским коллективам, но и театрам из бывших советских республик¹⁹.

И здесь отдельной темой должны стать русские театры в ближнем и дальнем зарубежье. В бывших республиках Советского Союза функционируют театры, ставящие спектакли на русском языке, сохраняющие лучшее, что было в российской театральной жизни разных периодов. Они пытаются существовать как репертуарные театры (стационарные, с постоянным репертуаром и труппой), то есть те, которые начинают исчезать в России, но удивительным образом сохраняются в этих странах, подчас наперекор действующей власти, порой даже более стремящиеся работать в традициях русского театра, чем аналогичные российские.

Это театры с долгой историей: во многих крупных городах бывших советских республик функционируют как театры, созданные в период Российской империи, существовавшие при советской власти, так и созданные в советское время. В их репертуаре спектакли на русском языке или на двух языках (русском и государственном языке страны). Русские театры сохраняются в большей степени в тех регионах ближнего зару-

¹⁹ Материалы совместного заседания Совета по культуре и искусству и Совета по русскому языку (Санкт-Петербург, 2 декабря 2016 года) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53389> (дата обращения: 10.01.2017).

бежья, где значительную долю населения составляют русскоговорящие граждане (восточные области Украины, стран Прибалтики), в названиях этих театров в разных вариантах часто сохраняется слово «русский». Так, например, в Евросоюзе всего три государственных русских театра — в трех республиках Прибалтики.

При этом исторически сложилось, что для западных республик характерно наличие смешанных трупп или с преобладанием русских актеров, тогда как, например, в Закавказье играют национальные актеры, но на русском языке, а в бывших среднеазиатских республиках подчас совсем не осталось русских театров из-за отсутствия русских актеров, а кое-где и самих зданий театров не сохранилось.

В то же время русских театров в дальнем зарубежье не так много, чаще это антрепризные театры, театры-студии, созданные энтузиастами, выходцами из Советского Союза и постсоветской России, ряд режиссеров не считают себя эмигрантами, скорее, людьми, живущими на две страны. Подобные профессиональные и любительские театры существуют в Германии, Франции, Венгрии, Дании, Швеции, США, Канаде и ряде других стран Европы и Америки.

Часто те, кто играет в этих театрах — непрофессиональные или довольно молодые актеры, которым нужна серьезная театральная школа, которую не всегда встретишь на западе. Так, в Германии в 2009 году из 30 театров и актерских трупп, работавших разрозненно по стране, был создан Союз русских театров Германии, заключен договор с Союзом театральных деятелей России, в частности, о проведении для актеров и режиссеров семинаров и мастер-классов в разных городах. В странах Европы и Америки проходят гастроли театров из России, фестивали русских театров при поддержке Русских культурных центров, работающих в разных государствах.

В то же время режиссеры и коллективы театров Прибалтики, Украины там, где сильна антироссийская политика, испытывают давление со стороны властей, проверяющих органов, иногда моральное со стороны общества, это театры, небогатые финансово, в этой связи есть проблемы с молодой частью труппы. Но они выживают! Даже там, где внимательно анализируется, как, например, в Прибалтике, какие российские организации финансируют театры и культурные программы. Театры обмениваются гастрольями, ездят с гастрольями по своим городам.

Наиболее ярко и емко о функциях русского театра за рубежом сказал президент Союза русских театров Германии, режиссер В. М. Лисин: «Вы удивитесь, но в сегодняшней ситуации мы чувствуем духовную связь с Россией как никогда. И несмотря на то, что уже более двадцати

лет живем в Германии, мы работаем для русской культуры. В этом году свой двадцатилетний юбилей отмечает наш русско-немецкий культурный центр «Радуга», в котором работает русский театр, русская школа, русский киноклуб. ... Поэтому ... живя здесь, работая и ставя спектакли на русском языке, я чувствую себя больше русским, чем если бы жил в России. ... Есть в этом момент ответственности, какого-то мессианства. Потому что немцы, глядя на нас, оценивают наш интеллектуальный уровень, пытаются понять, кто такие русские. Быть русским в другой стране — это особое состояние, особая ответственность». [Островский, 2015]

Результаты исследования. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Российская Федерация обладает значительным потенциалом «мягкой силы».

Российское общество демонстрирует успешную реализацию общественного договора, который может стать инструментом «мягкой силы».

Усиление внимания к русскому языку и культуре в России и развитие русскоязычной среды за пределами страны становится необходимой задачей в контексте политики «мягкой силы».

Одним из важнейших каналов взаимодействия в сфере культуры может стать русский театр.

Анализ результатов. Российская Федерация, наряду с «жесткой силой» обладает значительным потенциалом «мягкой силы», который в нынешней ситуации может усиливаться как в связи с укреплением внутреннего единства страны, так и благодаря нарастающему страху в мире перед потенциальной войной между сильнейшими державами. На фоне сложных международных отношений, взаимных санкций, настороженного отношения к России руководства и населения ряда стран, все еще сохраняется возможность восстановить добрососедские отношения со многими государствами Европы и Азии. И именно «мягкая сила» может продемонстрировать отсутствие у России захватнических идей, стремление к конструктивному взаимодействию.

Российское общество и власть могут сформулировать и скорректировать условия общественного договора, демонстрируют его успешную реализацию. Эффективность российского общественного договора в современных условиях измеряется не только в экономических показателях, это некий стратегический ресурс, который может стать инструментом «мягкой силы». Стратегический еще и потому, что поддержку государству в России высказывает большинство населения, и чем старше возраст, тем больше. Но при этом и в среде молодежи

эта поддержка довольно велика, что с очевидностью демонстрирует общие интересы разных поколений по ряду направлений внутренней и внешней политики. Возможно, российская формула общественного договора станет привлекательной еще для ряда стран, конструктивным на сегодняшний день примером отношений общества и власти.

Величие державы — в наличие возможности предложить объединяющие направления развития как внутри страны, так и вовне. Развитие русскоязычной среды вне России становится необходимой задачей в контексте политики «мягкой силы», чему также может способствовать наличие значительной русской диаспоры за рубежом. Возможно, Италия, Франция, Германия, страны Восточной Европы воспользуются традициями в выстраивании добрососедских отношений, культурными связями, которые не прерываются даже в санкционный период, для воссоздания партнерства в политической и экономической сферах.

Одним из важнейших каналов взаимодействия в сфере культуры может стать русский театр. Безусловно, современный зритель изменился, молодежь предпочитает интернет, но необходимо воспитывать культуру восприятия театра. Нужно менять не средства воздействия, а технологические способы донесения информации до зрителя. Очевидно, что русский театр востребован за рубежом, интерес как к русской классике, так и к работам русскоязычных режиссеров, растет. Порой зарубежным зрителям интересны даже их собственные национальные произведения на русском языке в постановке русских актеров и режиссеров, поскольку это часто более глубокое видение, психологизм, эмоциональность.

Возможно, стоит подумать о русском репертуарном театре за рубежом, когда театр должен быть стационарным, со своим зданием, декорациями, репертуаром, труппой. Несомненно, гастроли и фестивали — вещь интересная, но порой спонтанная, разношерстная, а нужно, чтобы создавались регулярно идущие спектакли, на которые бы ходили неоднократно, семьями.

Безусловно, помощь театрам оказывается Русскими культурными центрами в разных странах, различными фондами. Но нужна поддержка общества, кроме того, российские театры, которым государство оказывает финансовую поддержку, могли бы осуществлять регулярные онлайн трансляции своих спектаклей зрителей за рубежом (возможно, и бесплатные), реализовывать напрямую какие-то шефские программы. Очагам русской культуры за рубежом необходимо оказывать всестороннюю поддержку: меценатскую, консультативную, повышения квалификации.

Заключение. Россия сейчас находится в ситуации, когда возврат к идее сильного национального (в противовес глобализации) государства начинает приносить свои плоды. Дипломатические и военные успехи России на международной арене, самостоятельная позиция укрепляет ее статус в глазах мировой общественности, вызывая у кого-то уважение, а у кого-то порой и страх. Процесс усиления страны поддерживается большинством российских граждан, именно поэтому действующая формула общественного договора звучит как готовность населения к ряду ограничений в обмен на их принадлежность к великой державе.

Однако величие державы заключается не только в ее военной мощи или территории, но и в ее культуре, что хорошо знакомо россиянам, родившимся и выросшим в Советском Союзе. Рост интереса к русскому языку и культуре, поддержанный государством, способствует интеграции населения внутри страны, поскольку непреходящих, объединяющих ценностей, способных сплотить и народы всей России, и людей разных поколений.

Именно культура, язык страны, должны стать инструментом мягкой силы для налаживания отношений с другими странами, в том числе посредством наших соотечественников, проживающих в разных государствах мира. Это дает возможность предложить объединяющие направления развития как внутри страны, так и вовне, и одним из таких направлений должен стать русский театр, который очень востребован за пределами России.

В связи с этим представляется необходимой поддержка русских театров за рубежом, театров на постсоветском пространстве, ставящих спектакли на русском языке. Это позволило бы сохранить культурно-языковое пространство диаспор, возможно, укрепить идентичность новых поколений «советских», «русских», «российских», давая им связь со своей культурой, сформировало бы в других странах новых зрителей, понимающих русский язык, уважительно и с интересом относящихся к русской культуре.

Подобные мероприятия помогут укрепить авторитет России за рубежом, создавая устойчивую платформу для дальнейшего культурного, политического, экономического взаимодействия.

Литература

1. Аузан А. «Готовность к самоограничениям в обмен на принадлежность к великой державе»: Александр Аузан о новом социальном контракте // Газета.ру [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2014/10/29_a_6281141.shtml (дата обращения: 10.01.2017).

2. Островский А. Русские театры в Германии // Русские театры в Европе. [Электронный ресурс]. URL: <http://ruskult.eu/teatr/114-russkie-teatry-germanii> (дата обращения: 10.01.2017).

SOCIAL CONTRACT IN RUSSIA AS A “SOFT POWER” FACTOR

Natalia V. Deeva

Abstract. *The choice of the topic is dictated by the complexity of the international situation: Russia needs to find ways to use its “soft power” in other countries. Not only Russia, but also Europe and the USA will have to change their social contract. Social Contract in the Russian version can serve as an example for other countries.*

The fundamentals of the concept of social contract were laid by T.Hobbes, John Locke, Jean-Jacques Russo, developed by John Rawls, R. Dvorkin, J. Buchanan. A.Auzan believes that social contract is the exchange of expectations of government and society on the rights of property and freedom. The concept of “soft power” goes back to J.Nye.

Russia has a “soft power” which is appealing to citizens of other countries: it is the Russian version of social contract (the willingness to self-restrictions in exchange for the belonging to the great power), and time-honored cultural traditions, in particular, the Russian theater.

In this study, we have used the approach of political science, of Values and Norms, and also behaviourist, communicative and comparative methods.

It is believed that for Russia the image of a strong military power is more to its advantage. It should be using the “soft power” to reorient the Russian foreign policy, to replace the model, which is of interest to the elite, with the model attractive to the public.

Social contract and the legitimacy of power can and should be based on strengthening common cultural foundations, such as the Russian language, the Russian theater. This is true for Russia both within the country and abroad (for Russian citizens, natives of Russia and citizens of other countries).

The concept of “soft power” started to be applied to the Russian policy not long ago; however, the Russian cultural influence on world art has been witnessed for several centuries. One of the tremendous cultural achievements of Russia is the theatre. However, Russian theaters abroad: in the former Soviet Republics, in Europe and the Americas are faced with various problems. It is necessary to provide these Russian cultural centres with overall support and assistance, patronage and sponsorship.

The need for the Russians to feel the greatness of their country and the presence of a large Russian-speaking diaspora necessitates the task of de-

veloping the Russian-language media outside Russia and expanding cultural ties.

Keywords: *social contract, «soft power», Russian culture, Russian theatre.*

References

1. Auzan, A. (2014). «Gotovnost' k samoogranichenijam v obmen na prinadlezhnost' k velikoj derzhave»: Aleksandr Auzan o novom social'nom kontrakte [«The willingness to self-restraint in exchange for belonging to a great power»: Alexander Auzan, the new social contract]. In *Gazeta.ru* [Newspaper.ru]. Retrieved 10 January, 2017 from https://www.gazeta.ru/comments/2014/10/29_a_6281141.shtml.
2. Ostrovskij, A. (2015). Russkie teatry v Germanii [Russian theatres in Germany]. In *Russkie teatry v Evrope* [Russian theatres in Europe]. Retrieved 10 January, 2017 from <http://ruskult.eu/teatr/114-russkie-teatry-germanii>.

Информация об авторе

Деева Наталья Владимировна;

Кандидат политических наук, доцент;

Доцент;

Московский педагогический государственный университет, Россия;

E-mail: nvd2004@yandex.ru

Natalia V. Deeva

PhD in Political Sciences, Associate Professor.

Moscow State Pedagogical University, Russia

E-mail: nvd2004@yandex.ru

«МЯГКАЯ СИЛА» РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Д. Э. ЛЕТНЯКОВ

Аннотация. В статье осуществляется верификация понятия «мягкая сила» применительно к ситуации взаимодействия России с постсоветскими государствами. Во введении автор задается вопросом о теоретической полезности использования в указанной ситуации самого концепта «мягкая сила», который изначально возник для описания ресурсов, которыми могут пользоваться США в своей внешней политике. В качестве теоретических оснований исследования предлагаются работы Дж. Ная по «мягкой силе». Затем в основной части исследования, используя концепцию «мягкой силы» Дж. Ная, автор выделяет те моменты во взаимодействии России и постсоветских государств, которые в той или иной степени не совпадают с теоретическими построениями американского политолога; далее обсуждается вопрос о том, означает ли обнаруженная специфика, что концепт «мягкой силы» полностью не работает в постсоветской ситуации, либо же речь должна идти скорее о его частичном пересмотре. В конце обобщаются результаты исследования и делается вывод о том, что у России есть перспективы использования нематериальных ресурсов для влияния в регионе, хотя здесь и существует целый ряд ограничений, не предусмотренных классическими концепциями «мягкой силы»: в частности, речь идет о об особенностях постсоветских политических систем, (полу)авторитарный характер которых делает их недостаточно чувствительными к инструментарию «soft power»; о том, что постсоветское пространство является одновременно пространством постимперским, где Россия воспринимается как бывшая метрополия; а также о том, что у современной России отсутствует идеологическое основание политики «мягкой силы» — политические ценности и идеалы, которые она могла бы предложить постсоветским государствам.

Ключевые слова: постсоветское пространство, «мягкая сила», Россия, русский язык, Дж. Най, постколониальный дискурс.

Введение. В последние годы с легкой руки Джозефа Ная понятие «мягкая сила» обрело большую популярность. Активно разрабатывается оно и в отечественной политической науке, особенно после того как в Концепции внешней политики РФ от 2013 г. «мягкая сила» была официально объявлена одним из инструментов реализации российских внешнеполитических интересов²⁰. Сегодня этим понятием оперируют применительно к самым разным регионам мира, в т.ч. и к постсоветскому пространству — эксперты рассуждают о потенциале российской «мягкой силы» в Центральной Азии или Закавказье, сопоставляют его с возможностями американской, китайской, турецкой “soft power”²¹, кроме того в государствах бывшего СССР действуют институции, призванные продвигать российскую «мягкую силу» (Россотрудничество, Фонд «Русский мир», Фонд Горчакова).

Но насколько понятие «мягкая сила», изначально возникшее для описания тех ресурсов, которыми могут пользоваться Соединенные Штаты в своей внешней политике, может некритически, в неизменном виде переноситься на наши евразийские просторы? Не имеем ли мы здесь типичную ситуацию «концептуальной натяжки» (Дж. Сартори), когда понятие, сложившееся в одних условиях, и релевантное им, мы вводим в совершенно иной контекст, используем для интерпретации другой реальности, в результате понятие чрезмерно «растягивается», теряет свою содержательную точность? Задача этой статьи — оценить, является ли эвристически ценным использование концепта «мягкая сила» для описания внешнеполитической активности России в ключевом для нее регионе — на постсоветском пространстве. Для этого нам следует, с одной стороны, понять, есть ли вообще у России ресурсы влияния, которые могут быть классифицированы как «мягкая сила»; с дру-

²⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февраля 2013 г. Раздел 2, пункт 20. [Электронный ресурс]. URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6d84ddededbf7da644257b160051bf7f (дата обращения: 06.11.2016).

²¹ Казанцев А. А., Меркушев Н. Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования мягкой силы // Полис. 2008. №2. С. 122–135; Соловьев Э. Г. Дефицит «мягкой силы» в политике России на постсоветском пространстве // Политические процессы в современном мире: трансформация на фоне глобализации / Отв. ред. Э. Г. Соловьев. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 156–172; Сутырин В. Политика «тысячи нитей»: «мягкая сила» России на постсоветском пространстве. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7273#top-content (дата обращения: 11.10.2016); Смирнов В. Российская «мягкая сила» в странах Балтии. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=351#top-content (дата обращения: 11.10.2016).

гой стороны, если таковые существуют, то могут ли они быть эффективно использованы в отношении именно постсоветских государств.

Теоретические основания исследования. Концептуальной базой статьи стали работы Дж. Ная по «мягкой силе»²², соответственно, мы использовали и его определение данного феномена, ставшее уже хрестоматийным: «мягкая сила» — это возможность добиваться целей во внешней политике, используя привлекательность своей страны, которая, в свою очередь, основывается на притяжении культуры, политических идеалов и ценностей, а также на легитимных в глазах других государств действиях во внешней политике [Nye, 2008, p. 94].

Исследование: основная часть

Методология. Используя концепцию «мягкой силы» Дж. Ная для анализа потенциала российского влияния на постсоветском пространстве, мы выделим те моменты, которые в той или иной степени не совпадают с теоретическими построениями американского политолога. Затем мы поговорим о том, означает ли обнаруженная нами специфика, что концепт «мягкой силы» полностью не работает в постсоветской ситуации, либо же речь должна идти скорее о его частичном пересмотре.

Процедура исследования. Итак, начнем мы с тех ограничений, которые, на наш взгляд, не позволяют говорить о российской «мягкой силе» на постсоветском пространстве точно также, как это делал Дж. Най, рассуждая об американской “soft power”. Мы видим здесь три главных ограничения. Первое касается самого определения «мягкой силы». Применяя триаду Ная (культура — ценности — легитимная внешняя политика) к современной России, мы можем отметить отсутствие в ней, по крайней мере, одного элемента — транслируемых вовне ценностей и идеалов. У США есть это мощное идеологическое основание их внешней политики — представление о себе как о “a shining city on a hill” («граде на холме»), который призван нести всему миру ценности свободы. Был этот идеологический ресурс и у Советского Союза — можно вспомнить, что еще в 1920–1930-е гг. многие на Западе видели в советской модели жизнеспособную альтернативу капитализму, а в «третьем мире» симпатии к СССР основывались на его антиимпериалистической риторике и поддержке процессов деколонизации. Но что может пред-

²² Най Дж. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск, М.: Фонд социо-прогностических исследований «Тренды», 2006; Nye J. Jr. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. P. 94–109; Nye J. Jr. Soft Power and American Foreign Policy // Political Science Quarterly. 2004. Vol. 119, № 2. P. 255–270; Nye J. Jr. Get Smart: Combining Hard and Soft Power // Foreign Affairs. 2009. Vol. 88, № 4. P. 160–163.

ложить в этом смысле нынешняя Россия? Сразу после распада СССР она, подобно другим бывшим союзным республикам, заявляла о своей приверженности ценностям демократии, свободы, рыночной экономики, т.е. была готова двигаться в фарватере тех ценностей, которые ассоциируются, прежде всего, с Западом. В последние годы российской элитой предпринимаются попытки выдвинуть некоторую альтернативу — скажем, все чаще говорят о России как защитнице «традиционных ценностей», однако пока нельзя сказать, чтобы это выглядело сколько-нибудь убедительно.

Второе ограничение связано со спецификой политических режимов, которые установились в части постсоветских государств (Центральная Азия, Азербайджан, Беларусь). Дело в том, что классические концепции «мягкой силы» предполагают, прежде всего, воздействие на гражданское общество, на общественное мнение той или иной страны; работу с различными группами среди политических, интеллектуальных и деловых элит. Скажем, один из аргументов Дж. Наю в пользу важности использования американской «мягкой силы» состоит в том, что привлекательность Соединенных Штатов среди европейского, японского или турецкого электората делает эти страны более надежными союзниками США [Нюе, 2004, р. 260]. Но что делать в ситуации, когда гражданское общество крайне слабо, а парламент является простым придатком президентской власти? Насколько успешной может быть публичная дипломатия, если в стране нет ничего похожего на западную “public policy”? Скажем, образ России в Таджикистане может быть сколь угодно благоприятным, общественное мнение этой страны может быть всецело расположено к ней, однако это не помешало президенту Э. Рахмону в 2007 г. вдруг инициировать закон, лишивший русский статуса языка межнационального общения, а заодно и запретить фамилии с русскими окончаниями. Аналогичные колебания от и в сторону России демонстрирует все эти годы Узбекистан, который то входил в различные интеграционные объединения под эгидой России (например, в ОДКБ), то заявлял о приостановке членства или выходе из них, в зависимости от личных соображений и расчетов президента И. Каримова. Разумеется, такой стиль управления, свойственный в той или иной мере многим постсоветским государствам, ограничивает возможности использования там инструментов «мягкой силы».

Наконец, третий важный момент, на котором мы остановимся более подробно, состоит в том, что для постсоветских государств Россия — это не просто один из игроков в регионе, наряду с Китаем, США, Турцией, Индией и другими странами, но, прежде всего, бывшая метрополия.

Надо сказать, что вопрос об имперской, колониальной природе Советского Союза остается дискуссионным. Среди отечественных ученых скорее доминирует мнение о принципиальной непохожести Советского Союза на европейские колониальные империи (хотя в последние годы появилось достаточно много исследований, постепенно меняющих ситуацию в российском академической мейнстриме²³). Тогда как в западной социальной науке доминирует противоположная точка зрения²⁴. На наш взгляд, установление «объективной» истины тут вряд ли возможно — едва ли мы сумеем однозначно, «раз и навсегда» решить, был ли Советский Союз империей, а Кавказ или Средняя Азия колониями этой империи. За каждой из двух точек зрения стоит свой набор аргументов, которым нельзя отказать в убедительности. Противники колониального взгляда на СССР указывают на последовательную политику по модернизации окраин, которая активно проводилась коммунистической элитой, на создание национальных регионов, воспитание национальной интеллигенции и управленческих кадров, на концепт «советский народ», куда включались все жители Советского Союза и т.д. Однако их оппоненты могут с тем же основанием указать на политическое доминирование Москвы над этнически разнородным населением республик, на то, что советский модернизационный дискурс в отношении периферии мало чем отличался от осознания европейцами своей цивилизаторской миссии в колониях («русский народ как самый передовой по уровню культуры и экономического развития» был призван помочь более отсталым народам [Боффа, 1990, с. 274]), на то, что русский стал главным языком образования, науки, медиа и культуры в СССР, на то, что многие территории были присоединены к Советскому Союзу силой и т.д.

Д. Мур в упомянутой выше статье для выхода из этого затруднения предлагает в качестве вернейшего критерия при определении колони-

²³ Горшенина С. Извечна ли маргинальность русского колониального Туркестана, или войдет ли постсоветская Средняя Азия в область post-исследований // *Ab Imperio*. 2007. № 2. С. 209–258; также можно отметить книги из серии «Окраины Российской Империи»: Отв. ред.: С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. Центральная Азия в составе Российской Империи. М.: НЛО, 2008; Арапов Д.Ю. и др. Северный Кавказ в составе Российской Империи. М.: НЛО, 2007 и т.д.

²⁴ Moore D.Ch. Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique // *Publications of the Modern Language Association of America*. 2001. Jan. Vol. 116. № 1. P. 111–128; Адамс Л. Применима ли постколониальная теория к Центральной Евразии // *Неприкосновенный запас*. 2009, № 4(66). [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/am5.html> (дата обращения — 06.11.2016).

альности/неколониальности системы смотреть на то, как она видится со стороны народов, входящих в состав того или иного государства (или находящихся в орбите его влияния). По мнению британского исследователя, «с точки зрения узбека, литовца или венгра» ситуация была определенно колониальной [Moore, 2001, p. 123]. Но можно ли признать удовлетворительным тот ход, который предлагает Мур? Думается, что опора на субъективные ощущения дает нам в конечном счете не больше определенности. Очевидно ведь, что восприятие советской власти со стороны большинства литовцев и узбеков едва ли было одинаковым — не случайно ведь Литва и, шире Прибалтика, с одной стороны, и Узбекистан (как и вся Средняя Азия), с другой, демонстрировали во время перестройки столь разное поведение: если Литовская ССР была первой среди союзных республик, объявившей о своей независимости, то в Средней Азии не было ничего похожего на мощные национальные движения. По-разному советская система виделась на Западе и Востоке Украины, по-разному воспринималась депортированным в Казахстан чеченцем и русскоговорящим казахом из Алма-Аты, всерьез верящим в лозунг о дружбе советских народов.

Поэтому вместо того, чтобы занять какую-то одну сторону в этой дискуссии, гораздо продуктивнее, на наш взгляд, пойти по пути, который предлагает коллектив авторов, объединившихся вокруг журнала «Ab imperio». Эти исследователи, позиционирующие свое направление как «новая имперская история», предлагают вместо поиска четких «объективных» критериев империи говорить об «имперской ситуации», которую можно обнаружить в тех или иных случаях, в том числе и в советском периоде [От редакции, 2011, с. 9]. Таким образом, вместо жесткого противопоставления имперского и неимперского мы можем анализировать конкретные тенденции, векторы развития. Это дает более сложную и неоднозначную картину, которая позволяет, в конечном счете, примирить обе точки зрения. Например, мы можем обсуждать, были ли имперские, колониальные тренды в СССР доминирующими или же они оставались скорее маргинальными, в каких конкретных ситуациях они себя обнаруживали и пр.

Тем не менее, в контексте нашего разговора о «мягкой силе» в первую очередь важен тот факт, что мы в любом случае имеем на постсоветском пространстве ситуацию, близкую к постимперской: Россия позиционирует себя в качестве правопреемницы СССР, в то время как само постсоветское пространство образуют государства, значительная часть которых получила независимость в 1991 г., преодолевая сопротивление центра; день независимости, который отмечают страны быв-

шего Союза, так или иначе воспринимается там, пусть даже имплицитно, как независимость от России. Все это создает на постсоветском пространстве, по сути, те же линии напряжения, которые существуют или существовали в отношениях европейских стран со своими бывшими колониями. И, разумеется, постимперская ситуация содержит в себе немало сложностей для реализации «мягкой силы». Так, большинство новых независимых государств стремятся утвердить свою идентичность на оппозиции к имперскому прошлому, трактуют его исключительно в черных тонах, стремятся вытеснить из символического пространства все, связанное с бывшей метрополией (это может проявляться в сносе памятников, переименовании улиц, в отмене старых праздников и пр.).

Жесткая критика советского прошлого (а часто и всего периода нахождения той или иной страны в состав России/СССР) не может не быть частью национального нарратива в новых независимых государствах, ведь это главный способ легитимировать полученную в 1991 г. независимость. Сама же независимость, которая обычно представляется реализацией столетних чаяний народа, видится главной ценностью. Защищать ее необходимо, прежде всего, от бывшей метрополии, которая не может не вынашивать реваншистских намерений. Отсюда — настроенное отношение постсоветских элит к любым проектам реинтеграции с Россией, которые заранее клеймятся национально настроенными политиками как «новый русский империализм», отсюда рестриктивные меры в отношении русского языка, который рассматривается как колониальное наследие и препятствие для полноценного нациестроительства. Все это осложняется отношением Москвы к странам «ближнего зарубежья», которые по-прежнему рассматриваются как не совсем полноценные политии, как сфера законного, а главное — безраздельного доминирования России. Часто от российских политиков можно услышать весьма неоднозначные заявления в адрес соседей — вспомним, какую негативную реакцию в Казахстане вызвало высказывание В. Путина о том, что у казахов до Н. Назарбаева никогда не было своей государственности, не говоря уже о словах В. Жириновского о том, что «счастливую жизнь в Средней Азии построили мы, иначе они так бы и ездили на ишаках и верблюдах, жили в пустыне» [Назирова, 2016].

С подобными же проблемами в отношениях со своими бывшими владениями сталкивались и европейские государства после деколонизации — например, в Индии сразу после 1947 г. были популярны разговоры об отказе от английского языка, как ненужного в новых условиях независимого существования, а алжирское общество до сих пор не может до конца простить Франции кровавую войну за независимость.

Но на постсоветском пространстве ситуация усугубляется еще тем, что вчерашняя метрополия и колонии не разбросаны по миру и не разделены морями и океанами — страны бывшего СССР находятся рядом, часто имеют общие границы, совместную инфраструктуру (типа газо- и нефтепроводов, идущих из России в Европу через Украину и Беларусь), сохраняется зависимость части «ближнего зарубежья» от поставок российских энергоносителей. Кроме того, Россия абсолютно доминирует среди бывших союзных республик не только в пространственном, географическом, но и в демографическом, военном и экономическом отношении (например, в 1999 г. на Россию приходилось 89 % населения стран бывшего СССР, 57 % численности вооруженных сил и более 90 % военных расходов [Мотыль, 2004, с. 169]). Такая моноцентричность постсоветского пространства не может не усиливать страхи остальных государств перед бывшей метрополией. Не удивительно поэтому, что Россия выступает для местных элит скорее в качестве «объекта отталкивания», нежели в качестве «центра притяжения» [Соловьев, 2011, с. 166].

Так, может быть, действительно не стоит оперировать понятием «мягкая сила», описывая возможности влияния России на постсоветские государства, и правильнее заявить, вслед за некоторыми экспертами, что все разговоры о «мягкой силе» — это не более чем дань академической моде, что России стоит использовать привычные ей ресурсы «жесткой силы»²⁵? На наш взгляд, полный отказ России от инструментария «мягкой силы» на постсоветском пространстве был бы все же ошибкой. Держа в уме те ограничения, которые заставляют в какой-то степени уточнить, пересмотреть возможности его применения Россией в «ближнем зарубежье», стоит признать, что сам по себе потенциал «мягкой силы», т.е. возможность использования нематериальных ресурсов для достижения своих внешнеполитических целей, у России все-таки есть.

Да, современная Россия не может предложить постсоветским государствам какой-то набор привлекательных политических ценностей, однако в ее распоряжении по-прежнему остается такой важный ресурс как культура и язык — практически на всем постсоветском пространстве российская массовая культура (от сериалов и ток-шоу до поп-музыки и беллетристики) имеет достаточно большую популярность, многие люди продолжают смотреть российское телевидение, читать газеты на

²⁵ Караганов С., Песков А. Главный российский товар — безопасность // Военно-промышленный курьер. №13(628). 06.04.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://vpk-news.ru/articles/30074> (дата обращения: 25.12.2016).

русском языке и выходить в русскоязычный сегмент интернета. В ряде постсоветских государств продолжает изучаться русский язык (причем нередко представители титульных национальностей стремятся отдать своих детей именно в русскоязычные школы или классы), русскоязычной остается значительная часть вузовского обучения (в Беларуси, Киргизии, Казахстане, Таджикистане)²⁶. Россия, наряду с Великобританией, США, Канадой и Германией, является наиболее популярной страной для обучения по действующей в Казахстане президентской стипендиальной программе «Болашак». Русский язык продолжает активно применяться в деловой сфере — еще несколько лет назад в двух крупнейших городах Узбекистана, в Ташкенте и Самарканде, около 80% городского населения активно использовало русский язык на работе [Pavlenko, 2008, p. 72]. А что это, как не ресурс «мягкой силы»?

Стоит также отметить, что постимперская ситуация, о которой шла речь выше, порождает не только взаимное отталкивание бывшей метрополии и колоний, но также и взаимное притяжение, которое основывается на отсутствии языкового барьера, на сохранении экономических связей, на проторенных направлениях трудовой миграции из периферии в центр. Кстати в отношении со странами Центральной Азии миграция является важным фактором, обеспечивающим реинтеграцию этих государств с Россией после 1991 г. — речь идет о частичном восстановлении транспортного сообщения между Россией и среднеазиатскими государствами, почти полностью разрушенного вследствие распада Советского Союза²⁷ или о росте в этом регионе интереса к русскоязычному образованию (владеющему русским языком мигранту естественно легче адаптироваться в России). Мы видим, как объективная заинтересованность ряда постсоветских государств в доступе их граждан на российский рынок труда вовлекает их в орбиту российского влияния (именно этот фактор был в числе важнейших при вступлении в ЕАЭС Киргизии, аналогичным образом он работает и в отношении Таджикистана, элиты которого все еще обдумывают вопрос присоединения к данному интеграционному объединению) или, по крайней мере, мешает окончательно испортить отношения с Россией (не случайно, разговоры о введении виз между Россией и Украиной

²⁶ Подробнее см.: Летняков Д. Э. Роль русского языка в постсоветской Центральной Азии // *Полития*. 2015. №4. С. 100–115.

²⁷ Thorez J. The Post-Soviet Space Between North and South: Discontinuities, Disparities and Migrations // Sophie Hohmann, Clarie Mouradian, Silvia Serrano, Julien Thorez (eds.). *Development in Central Asia and the Caucasus: Migration, Democratisation and Inequality in the Post-Soviet Era*. L.; N.Y.: IB Tauris, 2014. Pp. 225–232.

пока так и остаются разговорами). Конечно, фактор миграции не может рассматриваться как чистый пример «мягкой силы», но, во всяком случае, это вариант непрямого воздействия на постсоветские государства, который не укладывается в простую логику давления с помощью «кнута и пряника» и который порой оказывается действенным даже в отношении жестких автократий Центральной Азии, плохо восприимчивых к инструментарию «мягкой силы».

Кроме того, сама по себе ситуация постимперского существования вовсе не блокирует раз и навсегда возможности нормальных взаимоотношений между вчерашней метрополией и ее колониями и не препятствует использованию первой своей «мягкой силы». Об этом говорит хотя бы история таких организаций как Содружество наций, существующей под эгидой Британии, или Международной организации Франкофонии. В Содружество, которое было создано с целью удержания бывших колоний в сфере британского влияния, входит сегодня 54 государства с населением в 1,5 млрд человек. В Британии ежегодно проходят обучение несколько тысяч граждан Содружества, в рамках организации выделяются гранты на науку и образование, проводятся спортивные соревнования, организуются культурные форумы, также периодически происходят консультации с участием руководителей государств, входящих в Содружество²⁸ (ежегодные встречи министров финансов, здравоохранения, образования и т.д.). Что касается Международной организации Франкофонии, членами которой являются сегодня 58 стран, то этот случай показателен тем, что инициатива ее создания во многом исходила не от французов, а от представителей бывших колоний — в частности, большую активность проявили африканские элиты: президент Сенегала Леопольд Сенгор, президент Нигера Амани Диори и президент Туниса Хабиб Бургиба, которые не желали полного разрыва с Францией и стремились сохранить с ней «особые отношения»²⁹. Основой, на которой базируется Франкофония, является лояльность в отношении французского языка и культуры. Система Франкофонии включает в себя как государственные (например, Служба по делам Франкофонии при МИДе Франции), так и неправительственные организации (Международная ассамблея франкоговорящих парламентариев, Международная ассоциация франкофонных мэров, Конференция

²⁸ Остепенко Г.С. Особенности британского колониализма // Британская империя в XX в. / Ред. А. М. Пегушев, Е. Ю. Сергеев. М.: Инт-т всеобщей истории РАН, 2010. С. 66.

²⁹ Чернов И. В. Международная организация Франкофонии: лингвистическое измерение мировой политики. СПб: Изд-во С-Петербургского ун-та, 2006. С. 109–110.

женщин Франкофонии, Франкофонный деловой форум, Ассоциация франкофонных послов и пр.)³⁰. Медийную поддержку франкофонному сообществу оказывает глобальный телевизионный канал TV5, который вещает на пяти континентах. При этом Франкофония остается не только культурной организацией, но и одним из инструментов политического влияния Франции в Африке — она тесно сотрудничает с ООН и Африканским союзом по ряду региональных проблем, кроме того, регулярно проводятся конференции министров экономики и финансов стран Франкофонии. Периодически — как это было в Мали или в ЦАР в 2013–14 гг. — Франция берет на себя руководство военными операциями в своих бывших колониях.

Таким образом, мы видим, что бывшие метрополии нередко располагают значительными ресурсами «мягкой силы» в бывших колониях (в первую очередь, благодаря языку и культуре), а общее имперское прошлое сегодня не мешает всем этим государствам взаимодействовать в разных сферах. Но, конечно, для этого нужно, чтобы желание сотрудничать было взаимным — с одной стороны, принципиально важно, что бывшие европейские метрополии научились взаимодействовать со своими вчерашними колониями на равных, уважать их суверенитет, чего зачастую не хватает российской элите в «ближнем зарубежье», с другой стороны, вступая во Франкофонию, африканские лидеры сумели сделать прагматичный выбор, не отбрасывая французский язык как орудие колониального угнетения, но рассматривая его как международный язык коммуникаций, как окно в мировую культуру³¹. Весьма заманчиво попробовать провести параллели и посмотреть на евразийское пространство как на пространство русофонии, ведь русский язык, сохраняющий статус одного из мировых языков, для многих жителей бывшего СССР по-прежнему остается языком культуры, науки, образования и повседневного общения. Однако сегодня перспективам гуманитарного сотрудничества между Россией и постсоветскими странами препятствует как подозрительное отношение к русскому языку со стороны постсоветских элит, так и использование языкового вопроса Россией в своих политических целях (самым очевидным примером чего являются события в Крыму и на востоке Украины).

³⁰ Смирнова О. А., Семенычева Т. П. Роль Франции в международной организации «Франкофония» // Вестник Волгоградского университета. Серия История. 2011, №1 (19). С. 91.

³¹ Jacob E. The Choice of Francophonie in Postcolonial Africa, 1960–1970. Columbia University Department of History, 2013. P. 46.

Наконец, важно отметить также, что постколониальная ситуация воспринимается в различных государствах бывшего СССР с совершенно разной степенью драматизма. Одно положение вещей можно наблюдать в Латвии, где важным «местом памяти» стал Музей оккупации 1940–1991 гг. и где на официальном уровне отмечается День памяти жертв коммунистического геноцида; другое — в Казахстане, где идут серьезные дебаты о том, какие последствия имела его инкорпорация в состав России и где обвинения в принудительной русификации казахов и других имперских грехах сочетаются с признанием важных модернизационных завоеваний советского периода³²; наконец, третья ситуация характерна для Беларуси, Таджикистана, Армении и Киргизии, где постколониальный дискурс фактически является маргинальным. В нынешней Беларуси даже официальная символика позаимствована из советского прошлого (несколько измененные герб и флаг БССР), а День независимости страны приурочен к дню освобождения Минска от гитлеровских войск; в Таджикистане пребывание в составе России/СССР рассматривается не с точки зрения оккупации или подавления, а наоборот — с точки зрения защиты таджикского языка, культуры и создания национальной государственности (в форме союзной республики); в современной историографии Киргизии «большое внимание уделяется тому обстоятельству, что кыргызы сами искали покровительства России» в XVIII–XIX вв. [Джунушалиева, 2008, с. 454]; аналогичным образом в исторической памяти армянского общества образ христианской России связан не столько с какими-то негативными воспоминаниями, сколько с идеей многовекового противостояния общему врагу (исламскому, тюркскому миру).

Вообще в высшей степени любопытно, что Центральная Азия — та часть постсоветского пространства, в отношении которой едва ли не чаще всего используется постколониальная аналитическая рамка — менее остальных регионов бывшего СССР склонна сама описывать себя в таких категориях. Как отмечает известный российский специалист по Центральной Азии, «значительная, если не подавляющая часть среднеазиатского общества не мыслила и сегодня не мыслит себя в качестве „(пост)колониальной“» [Абашин, 2015, с. 44]. Опросы общественного мнения показывают, что жители Центральной Азии в основном положительно оценивают большинство событий советского периода и скорее

³² Kudaibergenova D. The Use and Abuse of Postcolonial Discourses in Post-independent Kazakhstan // *Europe-Asia Studies*. 2016. Vol. 68, №5. P. 917–935; Ремнев А. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // *Ab imperio*. 2011. №1. С. 185.

не одобряют распад СССР³³, и сегодня Россия воспринимается здесь как дружественная страна (число респондентов, позитивно оценивающих влияние России на Таджикистан, превышает 90%). В сознании жителей Кыргызстана и Таджикистана в силу сложного отношения этих государств с соседями и слабости собственных вооруженных сил важное место занимает образ России как гаранта безопасности и суверенитета.

Получается, что в случае государств Центральной Азии общее прошлое не препятствует, а напротив — благоприятствует взаимодействию этих стран с Россией. Именно постимперская ситуация, как отмечалось выше, позволила уже в конце 1990-х гг. сложиться активным миграционным потокам из Центральной Азии в Россию, благодаря ей же в Центральной Азии продолжают во многом воспроизводиться прежние советские представления о Москве как о центре богатства и власти (вспомним как во время андижанских событий 2005 г. в Узбекистане восставшие в какой-то момент обратились именно к российскому руководству с просьбой о помощи), благодаря советскому прошлому в Центральной Азии сохраняется отношение к русскому языку как к высокой, цивилизующей, а к русскому языку как к престижному языку обучения. Россия рассматривается здесь как передовое, развитое и могущественное государство (почти 60% таджиков полагают, что в нынешней России сложилась самая лучшая в мире политическая система, почти 40% уверены, что у России еще и лучшая в мире экономика³⁴). В Узбекистане среди тех, кто хотел бы уехать в другую страну на постоянное жительство, почти половина опрошенных выбрало бы Россию³⁵.

Таким образом, сама по себе постимперская ситуация еще не означает бессмысленности всех попыток использования Россией «мягкой силы» в отношении «ближнего зарубежья», и в целом ряде государств (Армения, Беларусь, Молдова, Киргизия, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан) уже сейчас существуют все возможности для выстраивания (или закрепления) позитивного образа России. Разумеется, остаются постсоветские государства, где сделать это в настоящее время будет

³³ Восприятие молодежью новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов. Апрель–май 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/db3/090909.pdf> (дата обращения — 07.11.2016).

³⁴ Цифры по Таджикистану даны по: Олимова С. Образ России в Таджикистане // Россия и ЕС в Центральной Азии (Доклады Института Европы, № 222) / Под ред. М.Г. Носова и др. М.: Ин-т Европы РАН, 2008. С. 127–132.

³⁵ Абдуллаев Е. Образ России в современном Узбекистане: вытеснение — использование — сохранение // Россия и ЕС в Центральной Азии (Доклады Института Европы, № 222) / Под ред. М.Г. Носова и др. М.: Ин-т Европы РАН, 2008. С. 69.

крайне сложно или даже невозможно, а потому одной из задач российских акторов «мягкой силы» является определение приоритетных для себя направлений (сегодня организационная сеть Россотрудничества и Фонда «Русский мир», как представляется, создается совершенно бессистемно).

Результаты исследования. Проведенное исследование показало, что некритическое применение понятия «мягкая сила» для описания возможностей российского влияния на постсоветском пространстве вряд ли является продуктивным — постсоветские реалии имеют определенную специфику, не предусмотренную хрестоматийным концептом «мягкой силы» Дж. Ная. Тем не менее, потенциал «жесткой силы» России в данном регионе должен обязательно дополняться нематериальными ресурсами воздействия, которыми наша страна также располагает.

Анализ результатов. Нами было показано, что в ситуации взаимодействия России с постсоветскими государствами можно выделить, по крайней мере, три момента, всерьез ограничивающих потенциал российской «мягкой силы» — это отсутствие у современной России такого важного элемента “soft power” как транслируемые вовне политические ценности и идеалы; это специфика постсоветских авторитарных/гибридных режимов, слабо чувствительных к инструментарию «мягкой силы»; а также это тот факт, что постсоветское пространство является одновременно пространством постимперским, где образ России как бывшей метрополии зачастую имеет множество негативных коннотаций. Однако это не означает, что разговор о российской «мягкой силе» на постсоветском пространстве априори является бесперспективным, ведь в распоряжении России в данном регионе до сих пор остается такой важнейший ресурс «мягкой силы» как язык и культура, а общее прошлое часто служит не только источником обид, разногласий и «войн памяти», но и способствует взаимному притяжению бывшей «метрополии» и «окраин».

Заключение. Подводя итоги, можно отметить, что нами была проведена верификация понятия «мягкая сила» применительно к ситуации взаимодействия России с постсоветскими государствами. Был сделан вывод о том, что указанная ситуация накладывает определенные ограничения на возможности реализации Россией своего потенциала “soft power”, однако она не требует полного отказа от данного инструментария, поскольку в распоряжении России существуют ресурсы, которые могут быть включены в концепт «мягкая сила» и которые могут применяться (хотя и с разной степенью эффективности) в отношении государств бывшего СССР.

Говоря о «мягкой силе», надо отдавать себе отчет в том, что это далеко не панацея, и ни одно государство в мире не может продвигать свои интересы, основываясь лишь на собственном позитивном образе или притягательности своей культуры. Это прекрасно понимает, в первую очередь, и сам создатель данной концепции Дж. Най, который справедливо указывал, что любовь северокорейского диктатора Ким Чен Ира к голливудским фильмам вовсе не делает его проамериканским лидером и не мешает ему разрабатывать свою ядерную программу в пику США³⁶, также как популярность американской поп-культуры во многих странах вполне может сочетаться с явным неприятием там американской внешней политики³⁷. Именно поэтому Най и ввел понятие «умной силы» (“smart power”), как оптимального сочетания «жестких» и «мягких» инструментов внешней политики. Понимая государственную мощь (“state power”) как возможность оказывать влияние, добиваться собственных целей во внешней политике, нельзя не признать, что чем больше инструментов влияния есть в распоряжении того или иного актора, тем значительнее объем его власти. А если “soft power” является неотъемлемой частью “state power” в целом, мы не можем игнорировать этот элемент, обсуждая перспективы внешней политики России на постсоветском пространстве. В этом регионе Россия вынуждена конкурировать за влияние с игроками, которые располагают значительным потенциалом нематериального воздействия — прежде всего, это США, обладающие разнообразными культурно-символическими ресурсами (от всемирно известной продукции Голливуда до образа страны, защищающей ценности свободы в мире); это Турция, предлагающая государствам Центральной Азии и Азербайджану идею «тюркского единства»; это Китай, на позитивный образ которого работает успешная модель модернизации. Таким образом, если Россия основывает свое внешнеполитическое влияние лишь на «жесткой силе», пренебрегая «мягкой», она лишается одной из важных составляющих государственной мощи.

Каким образом Россия сможет найти это оптимальное сочетание «мягкой» и «жесткой силы», как она может увеличить свой потенциал «soft power» — это предмет отдельного исследования, нам было важно показать лишь то, что работа в этом направлении обязательно должна вестись. Потому что время, когда мощь державы определялась исклю-

³⁶ Nye J. Jr. Think Again: Soft Power // Foreign Policy. 23.02.2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power> (дата обращения: 07.11.2016).

³⁷ Nye J. Jr. Soft Power and American Foreign Policy // Political Science Quarterly. 2004. Vol. 119, № 2. P. 256.

чительно количеством хорошо обученных солдат или современных танков и самолетов безвозвратно ушла в прошлое.

Литература

1. Абашин С. Н. Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М.: НЛО, 2015. 718 с.
2. Боффа Дж. История Советского Союза в 2 т. М.: «Международные отношения», 1990. Т. 2. 631 с.
3. Джунушалиева Г. «Центральная Азия в составе Российской империи»: взгляд из Кыргызстана // *Ab imperio*. 2008. №4. С. 449–455.
4. Мотыль А. Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств. М.: Московская школа политических исследований, 2004. 242 с.
5. Назиров К. Путинские планы устами Жириновского, или чем так озабочен Каримов? [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/sngballia/20141201/224600082.html> (дата обращения: 01.11.2016).
6. От редакции. Многообразии инаковости в XX в. // *Ab imperio*. 2011. №1. С. 9–20.
7. Соловьев Э. Г. Дефицит «мягкой силы» в политике России на постсоветском пространстве // *Политические процессы в современном мире: трансформация на фоне глобализации* / Отв. ред. Э. Г. Соловьев. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 156–172.
8. Moore D.Ch. Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique // *Publications of the Modern Language Association of America*. 2001. Vol. 116, № 1. P. 111–128.
9. Nye J. Jr. Public Diplomacy and Soft Power // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 616. P. 94–109.
10. Nye J. Jr. Soft Power and American Foreign Policy // *Political Science Quarterly*. 2004. Vol. 119, № 2. P. 255–270.
11. Pavlenko A. Russian Language in Post-Soviet countries // *Russian Linguistics*. 2008. Vol. 32, № 1. P. 59–80.

RUSSIAN “SOFT POWER” IN THE POST-SOVIET SPACE: OPPORTUNITIES AND RESTRICTIONS

Denis Letnyakov

Abstract. *The paper analyses the opportunities of usage of “soft power” concept in respect to the situation of interaction between Russia and other post-Soviet states. In introduction the author asks the question if the “soft power” concept that initially appeared in American political science can be used for description of mentioned situation. J. Nye’s works on “soft power” became theoretical background of the research. Then in the main part of the*

paper (Study) the author emphasizes those moments in interaction of Russia and the Post-Soviet states which in a varying degree don't match Nye's concept of "soft power"; henceforth he considers whether discovered specificity means that "soft power" concept doesn't work at all in the Post-Soviet situation, or we just need its partial revision. At the end the results of the research are generalized and the author comes to the conclusion that Russia has prospects of usage of non-material resources for achievement of the foreign policy purposes in the post-Soviet space though there is a number of restrictions which aren't provided by classical concepts of "soft power". Among them are (semi)authoritarian nature of Post-Soviet political systems that makes them undersensitive towards the "soft power" tools; the fact that the post-Soviet space is at the same time a post-imperial space where Russia is perceived as a former metropole; finally the fact that Russia has no ideological basis of "soft power" policy — political values and ideals which it could come up with the Post-Soviet states.

Key words: *post-Soviet space, "soft power", Russia, Russian language, J. Nye, postcolonial discourse.*

References

1. Abashin, S.N. (2015). Sovetskij kishlak. Mezhdu kolonializmom i modernizaciej [Soviet kishlak. Between Colonialism and Modernization]. Moskva: NLO.
2. Boffa, Dzh. (1990). Istorija Sovetskogo Sojuza v 2 t. [The History of the Soviet Union in 2 volumes]. Moskva: «Mezhdunarodnye otnoshenija».
3. Dzhunushaliev, G. (2008). «Central'naja Azija v sostave Rossijskoj imperii»: vzgljad iz Kyrgyzstana [“Central Asia within the Russian Empire”: a view from Kyrgyzstan]. *Ab imperio*, 4, 449–455.
4. Moore, D.Ch. (2001). Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique. *Publications of the Modern Language Association of America*, 1, 111–128.
5. Motyl', A. (2004). Puti imperij: upadok, krah i vrozozhdenie imperskih gosudarstv [Imperial Ends: the Decay, Collapse, and Revival of Empires]. Moskva: Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij.
6. Nazirov, K. (2014) Putinskie plany ustami Zhirinovskogo, ili chem tak ozabochen Karimov? [Putin's Plans From the Mouth of Zhirinovskiy, or What is so Concerned about Karimov?]. In *Inosmi.ru*. Retrieved 12 November, 2016 from <http://inosmi.ru/sngbaltia/20141201/224600082.html>.
7. Nye, J. Jr. (2008). Public Diplomacy and Soft Power. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, Vol. 616, 94–109.
8. Nye, J. Jr. (2004). Soft Power and American Foreign Policy. *Political Science Quarterly*. 2, 255–270.

9. От редакции. Многообразие инаковости в XX в. [From the Editor. The variety of otherness in the XX century] (2011). *Ab imperio*. 1, 9–20.
10. Pavlenko, A. (2008). Russian Language in Post-Soviet countries. *Russian Linguistics*. 1, 59–80.
11. Solov'ev, Je.G. (2011). Deficit «mjagkoj sily» v politike Rossii na postsovetskom prostranstve [Deficiency of “Soft Power” in the Russian Policy in the post-Soviet Space]. This is a chapter. In Je.G. Solov'ev (Ed.), *Politicheskie processy v sovremennom mire: transformacija na fone globalizacii* [Political Processes in the Modern World: the Transformation Against the Backdrop of Globalization] (pp. 156–172). Moskva: IMJeMO RAN.

Информация об авторе

Летняков Денис Эдуардович

к.полит.н, научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, старший научный сотрудник Института философии РАН, Россия; e-mail: letnyakov@mail.ru

Denis Letnyakov

PhD. in Political Science, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia.

«МЯГКАЯ СИЛА» В ФОРМИРОВАНИИ НОВОЙ ИДЕОЛОГИИ В РОССИИ: АПОРИТИВНЫЙ СИНДРОМ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

М. А. МАЙСТАТ

Аннотация. Введение. *В нынешнем глобализирующемся мире социокультурные процессы стали не просто более взаимозависимыми и динамичными, а приобрели качество быстроты изменения обстановки и интенсивности воздействия на среду.*

Анализ социокультурного состояния российского государства в условиях «апоритивного синдрома» привнесенной извне, в том числе посредством «мягкой силы» идеологии потребительства», пути дальнейшего развития государства, а также о степени возможного воздействия на ход исторических процессов в мире, являются сверхактуальными в наши дни.

Теоретические основания исследования. *Исследование строится на анализе политических явлений «мягкой силы» и «апоритивного синдрома», которые приводятся в авторской интерпретации.*

Исследование: основная часть

В России в настоящее время активно развивается «апоритивный синдром» в социокультурной и идеологической сферах, который обусловлен использованием «мягкой силы» путем навязываемого Западом образа потребления как феномена общественного сознания, связанного с производством и потреблением, социальной сферой и государством современного либерально-демократического общества.

Дальнейшее развитие российского государства возможно лишь путем формирования нового действенного и жизнеспособного образа, основанного на идеологии приоритета духовных ценностей.

Успешное внедрение и использование подобного образа в России может стать примером для других государств, испытывающих пагубное влияние потребительских ценностей.

Методология исследования. *В рамках исследования использовались методы системного анализа, аксиологический, социосинергетический и институциональный.*

Процедура исследования.

В условиях охватившей Россию пагубной «идеологии потребительства», навязанной Западом и породившей «апоритивный синдром» встает вопрос путей дальнейшего развития российского государства, одним из которых автором видится «духовная революция» и создание и использование в России собственного нового образа, не только внешнего, но и внутреннего. К базовой составляющей подобного образа относится идеология приоритета духовных ценностей над материальными.

Результаты исследования. Было системно проанализировано влияние аксиологического фактора западных социокультурных и идеологических образцов на развитие российского государства посредством использования механизмов «мягкой силы».

Анализ результатов. Предложен вариант преодоления «апоритивного синдрома» в России с учетом оценки возможности его внедрения.

Заключение. В условиях охватившей Россию пагубной «идеологии потребительства», навязанной Западом и породившей «апоритивный синдром» встает вопрос путей дальнейшего развития российского государства, одним из которых автором видится «духовная революция» и создание и использование в России собственного нового образа, не только внешнего, но и внутреннего.

Ключевые слова: мягкая сила, теория управляемого хаоса, апоритивный синдром, репутационный капитал.

Введение. В течение последнего десятилетия понятие «мягкая сила» превратилось в своеобразный тренд и универсал для отнесения к любой сфере жизнедеятельности, когда в результате коммуникативного воздействия поведение диктуемое извне воспринимается как собственный добровольный выбор. Данным явлением охватываются многие процессы, имеющие место в современной действительности, например, появились словосочетания: «мягкая сила религии», «мягкая сила масс-медиа», «мягкая сила политического образа» и т.д., в широком смысле выводя ее значение в рамки некоего методологического подхода для изучения и проектирования политической реальности.

Будучи введенным Джозефом Наем еще в начале 1990-х годов, понятие «мягкая сила» долгое время применялось учеными (например, Х. Б. Лидделл³⁸, Г. Филимонов³⁹) для обозначения ряда внешнеполитических дей-

³⁸ Лидделл Х. Б. Стратегия не прямых действий. — М. Эксмо, 2008. — 464 с.

³⁹ Филимонов Г. Актуальные вопросы формирования российского потенциала «мягкой силы» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2012. — № 1. — С. 67–82.

ствий государств, направленных на формирование общественной реакции в других государствах и манипулирование ею для достижения собственных интересов (механизмы «цветных революций»). В дальнейшем область охвата данным понятием расширилась до обозначения внутривнутриполитических национальных процессов культурного и идеологического характера, оказывающих влияние на внешний мир (например, Д. Б. Казаринова⁴⁰).

Вместе с тем, ссылаясь на опыт последних десяти лет, ученые считают, что «мягкая сила» действует только там и тогда, где и когда другая сторона желает ее принимать.

В нынешнем глобализирующемся мире социокультурные процессы стали не просто более взаимозависимыми и динамичными, а приобрели качество быстроты изменения обстановки и интенсивности воздействия на среду.

Анализ социокультурного состояния российского государства в условиях «апоритивного синдрома» привнесенной извне «идеологии потребительства», пути дальнейшего развития государства, не говоря о степени возможного воздействия на ход исторических процессов в мире, являются сверхактуальными в наши дни.

Теоретические основания исследования. Если на протяжении всей истории человечества на первом месте стояли методы насильственного преломления реальности для апробации своих действий и свершения целей, то впоследствии к ним прибавилась дипломатия. «Мягкая сила» выступила «третьей силой», которая отличается тем, что не признает открытого насилия или угрозы такового с одной стороны, с другой имеет латентный характер в отличие от дипломатии и проявляется как бы изнутри.

Преимущества «мягкой силы» очевидны. Дипломатия демонстрировала свою несостоятельность на протяжении многих веков, а насилие за все тысячелетия своего существования и активного применения (видоизменяясь и усложняясь с точки зрения силы поражения и опасности) привело планету и человечество на грань выживания. Более того, насилие порождает насилие и это бесконечный процесс. Но «мягкая сила» также не «новый» инструмент. К ее историческому портфолио можно отнести, например, создание терракотовой армии Цинь Шихуаньди.

Следует учитывать, что как у всего в этом мире есть положительные и отрицательные стороны (две стороны медали), так и «мягкая сила»

⁴⁰ Казаринова Д. Б. Проблема репутационного капитала и мягкой силы ЕС в условиях европейского миграционного кризиса // Вестник РУДН. Серия: Политология. — 2015. — № 4. — С. 7–16.

может использоваться как во благо общих интересов, так и во вред. Благо при этом тоже категория относительная.

«Мягкая сила» представляет из себя мягкое воздействие одного субъекта политики на другой как внутри государства для влияния на общество, внутренние процессы, так и внешнее: на политическую, экономическую, культурную, социальную ситуацию в других государствах.

В этой связи показателен опыт применения США «мягкой силы» посредством внешнего использования механизмов теории «управляемого хаоса» (технологий цветных революций), раскручивания бренда «общества потребления» с его специфическими сугубо материальными ценностями и установками (купи-продай, деньги залог успеха и смысл жизни) для несения под эгидой «либерально-демократического общества» по всему миру и внутреннего — через создание образа сильной, успешной и процветающей нации, который внедряется в сознание людей, объективируется и материализуется. ЕС также активно пользуется механизмами «мягкой силы» (сюда политологи относят, например, имиджевый образ благополучной, процветающей демократии с обеспечением высших ценностей), однако имеют место и определенные издержки, например, в виде утраты «репутационного капитала» на фоне усиления иммиграционного потока. По мнению специалистов Китай в свою очередь избрал политику сочетания «жесткой» и «мягкой силы»⁴¹.

«Апоритивный синдром» представляет из себя комплекс органически связанных между собой признаков, объединенных единым механизмом возникновения и развития в рамках тупика, застоя, появившихся в результате стагнационно-кризисных процессов в социально-культурной и иных сферах, к которому приходит государство и общество в определенный идейно-обусловленный момент своего развития.

Исследование: основная часть

В России в настоящее время активно развивается «апоритивный синдром» в социокультурной и идеологической сферах, который обусловлен использованием «мягкой силы» путем навязываемого Западом образа потребления как феномена общественного сознания, связанного с производством и потреблением, социальной сферой и государством современного либерально-демократического общества.

Дальнейшее развитие российского государства возможно лишь путем формирования нового действенного и жизнеспособного образа, основанного на идеологии приоритета духовных ценностей.

⁴¹ Косачев К. Мягкая сила и жесткая сила — не сумма, но произведение // Индекс безопасности. — 2013. — № 4 (107). — С. 11–18.

Успешное внедрение и использование подобного образа в России может стать примером для других государств, испытывающих пагубное влияние потребительских ценностей.

Методология исследования. Обоснование основной идеи исследования и научной позиции автора потребовали проведения системного анализа общей обстановки, политического и социокультурного развития российского государства с учетом воздействия различных факторов, в том числе в рамках использования внешних и внутренних механизмов «мягкой силы».

Аксиологический подход позволил оценить степень влияния ценностного фактора западных социокультурных и идеологических образцов на развитие российского государства посредством использования механизмов «мягкой силы».

В исследовании применительно к России учитывался социосинергетический подход развития государств на базе неравновесной динамики как самоорганизующихся открытых систем в социальных эволюциях в рамках изменяющейся окружающей.

Оценивались и институциональные перспективы изменений политической и социокультурной действительности в России по преодолению «апоритивного синдрома».

Процедура исследования.

Ни для кого уже не является секретом, что широко тиражируемые с распада СССР и внедряемые в российское общество, в том числе посредством механизмов «мягкой силы», вслед за демократическим политическим режимом и стремлением к высокоразвитой рыночной экономике американские культурные и идеологические ценности, как некая панацея от всех бед, себя не оправдали. В настоящее время мы можем наблюдать их пагубное влияние во всех сферах жизни, начиная с семьи и заканчивая государственным строительством.

Еще в 1990-е годы К. Лэш указывал на беспочвенность эйфории, охватившей Запад после распада советского блока и развала СССР, видя глубинные процессы, приводящие к вырождению американской демократии, и понимая, что подобная победа может их только ускорить. «Американцы гораздо менее, чем бывало, оптимистичны в отношении будущего, и не без веских на то оснований. Спад производства с последующей потерей рабочих мест; сокращение среднего класса; возрастающее число бедных; ползущая вверх преступность; процветающая наркоторговля; упадок городов — дурным вестям нет конца» [Лэш, 2002, с. 6], — говорит он. Вырождение демократии связывается им с умственной ленью (антиинтеллектуализмом), поскольку подлинная демократия — это всегда диспут в рамках серьезной аргументации.

По мнению З. Баумана, «наблюдая утрату стремления человека к самовыражению в демократическом процессе, мы сталкиваемся не с угрозой для демократии, а со свидетельством окончания того периода, когда демократия была возможна и желательна» [Бауман, 2002, с. 148–150].

Появились даже специальные термины, вошедшие в обиход и объясняющие суть ряда происходящих процессов, такие как «демократия мертвых»⁴², которая является не антиподом демократии живых как таковой, а антиподом демократии тех живых, которым все нужно только здесь и сейчас, и тех их вождей, которые не желают взглянуть дальше предстоящих выборов, «вирус либерализма», «перманентная война и американизация мира»⁴³ и др.

Причины подобных явлений ученые синергетики видят в усилившейся динамике социокультурных процессов, усложнении социальной структуры общества, дифференциации общественных отношений и автономизации личности, которые закономерно привели в США и Европе к ослаблению так называемой «первичной коллективной солидарности», но позволили выйти на технологии формирования «социального капитала» или «вторичной коллективной солидарности». Происшедший ментально-духовный сдвиг лишь подхлестнул ускорение социокультурных изменений⁴⁴.

Идеология потребительства как некий «мыслительный конструкт»⁴⁵ предлагает свою шкалу для дифференциации людей по материальному признаку, определяя их личностный, профессиональный и иные статусы. Так, активный потребитель равен успешному и уважаемому человеку. Материальные ценности являются целью и смыслом жизни, а ценность самого человека измеряется стоимостью потребленных им вещей. В данной идеологии нет места ряду положительных качеств человека (удовлетворение желаний любой ценой), его естественным устремлениям к развитию своих творческих способностей и талантов, если они не несут ему материального благополучия. И средства масс-медиа своей «мягкой силой» успешно внедряют данную идеологию в массы, бескон-

⁴² Степанянц М.Т. Справедливость и демократия в контексте диалога культур // Вопросы философии. — 1996. — № 3. — С. 143–150.

⁴³ Самир А. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира / Пер. с англ. Ш. Нагиба, С. Кастальского. — М: Европа, 2007. — 168 с.

⁴⁴ Капустин В.С. Глобализация и социосинергетика / Глобализация и синергетический подход: сб. статей. URL: <http://spkurdyumov.ru/globalization/globalizaciya-i-sociosinergetika/> (дата обращения: 2.12.2016)

⁴⁵ Родионова В.И. Технологизация социальных практик и идеология общества потребления // Власть. — 2010. — № 6. — С. 29–31.

трольно навязывая прозападный образ «успешного», пусть и не всегда счастливого в своей ненасытности человека. «Мягкая сила» религии хотя бы для напоминания о том, что есть нечто иное, нежели материальный мир и материальные устремления, в данном случае заметно уступает, не имея подобной зоны охвата и целевой аудитории.

В подобных обстоятельствах, отягченных рядом факторов, таких как: очередной финансово-экономический кризис, бьющий по «святому» — по возможности потреблять; наличие остатков политического нигилизма и абсентеизма, дающих почву для проведения цветной революции; внешнее политическое давление «оплотов потребительской демократии» в лице США и ЕС, в очередной раз встает вопрос путей дальнейшего развития российского государства. Один из таких путей нами видится в «духовной революции», а именно переориентировке ценностей путем создания и использования в России собственного нового образа, не только внешнего, но и внутреннего. К базовой составляющей подобного образа относится идеология приоритета духовных ценностей (развитие в человеке честности, порядочности, проявлений любви к ближним, взаимопомощи, доброты, милосердия, сострадания, благого творчества в рамках позитивной самореализации и т.д.).

В данной связи речь идет о важной функции идеологии, выражающейся, по словам Е. Дюркгейма, в «адаптации человека к общественной среде посредством формирования ценностей и норм его существования» [Дюркгейм, 1991, с. 56].

По мнению сторонников замены идеологии потребительства идеологией гуманизма ориентация производства и трудовой деятельности человека только на потребление является исторически преходящей, поскольку сущность лица выражается не в бездумном потреблении, которое начинается с нехватки материальных благ в обществе, а творческой деятельности на фоне потребления для того, чтобы поддерживать физическое существование.

К благоприятным предпосылкам создания подобного образа «сверху», на наш взгляд, вполне можно отнести инициативу профессора В. Михайлова по разработке и принятию закона о российской нации как основы внутренней прочности России, которая была недавно поддержана президентом В.В. Путиным. Речь идет о вполне жизнеспособном варианте фундамента для утверждения нематериальных ценностей, который будет зиждиться на «национальной, сплывающей идее патриотизма», в которую сторонники данной инициативы вкладывают идею «духовного возрождения народа, исторической памяти, формирования понятий долга и чести перед Родиной». Вместе с тем, хорошая идея может

получить любое воплощение, поскольку нельзя отрицать тот факт, что основной подоплекой в данном случае выступает желание руководства страны повысить безопасность от внешнего вмешательства, в том числе по принципу «жесткой силы», а также от внутреннего разлада в многонациональной стране. Более того, критики говорят о зарождающихся тенденциях приобретения «российским национализмом либерализма», который навязывается сверху и реанимации политики «официальной народности», противостоящей идее гражданской нации⁴⁶.

Кроме того, на пути позитивных преобразований российской действительности остаются остро стоящими внутренние проблемы в сфере образования, культуры и науки, способствующие общей деградации личности.

Так, имеет место архаичная система образования. Несмотря на периодический внешний апгрейд, ввиду своего внутреннего неизменного инструментария, она оказалась не способна воспитывать творчески мыслящих и критически рассуждающих членов общества, в итоге сведя образование до коммерческой услуги в рамках купли-продажи информации для получения определенных формальных результатов.

Культура, испытывая влияние социально-политических и социально-экономических факторов, «обогатилась» получившими распространение казино и игорными домам, далее повсеместно замененными тотализаторами и букмекерскими конторами, закрытыми клубами по интересам, а также другими заведениями, обеспечивающими экспансию массовой культуры.

Отсутствие цензуры в масс-медиа по теле, радио, аудио и видео способствовало распространению рассчитанной на нетребовательный вкус и «вредной» для здорового развития людей информации и «коммерческой» музыки (блюз, джаз, рок-н-рол, рок и их производные⁴⁷), продуцируя секс, насилие, развлекательную индустрию, алкоголь, наркотики, суицидальные наклонности и т.д. Как справедливо говорил знаменитый философ прошлого века К. Ясперс, «рост информационной насыщенности современного общества обратно пропорционален его духовно-нравственному содержанию» [Ясперс, 1994, с. 127]. И данное утверждение полностью применимо к российским реалиям.

В науке наблюдается упадок фундаментальных исследований и резкое снижение социального статуса науки и ученых. Впрочем, подобная тенденция имеет место и в более продвинутых в техническом отношении

⁴⁶ Паин Э. Население вместо граждан // Коммерсант.ru. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3134615> (дата обращения: 27.11.2016)

⁴⁷ Секреты музыки: сб. статей / сост. Т. Н. Микушина, Е. Ю. Ильина. — Омск. Сириус, 2017. — 112 с.

станах. Как отмечает В. Шупер, — «небывалый технический прогресс осуществляется с упором на социальные технологии, потребные для манипулирования широчайшими народными массами в коммерческих и политических целях... Именно моральное разложение научного сообщества с помощью грантов сделало возможным распространение таких химер, как представление о разрушении озонового слоя или о потеплении климата как результате антропогенных воздействий [Шупер, 2015, с. 24, 25].

И это только вершина айсберга. В данных условиях без разработки новой концептуальной модели государственной образовательной и культурной политики, в основе которой лежит иная идеология, не обойтись.

В данной связи показателен зарубежный опыт принятия государственных мер. Например, отказ от экзаменов в системе образования с увеличением мотивированности педагогов путем роста их заработной платы и уменьшения аппарата чиновников в данной сфере (в Финляндии) или использование строгих этических кодексов журналистов, запрета фильмов, пропагандирующих насилие в ряде азиатских стран, а также более социальный — выплаты минимального довольствия в виде государственных социальных гарантий от бедности или (в Финляндии).

Последний вариант интересен тем, что по пирамиде потребностей А. Маслоу обеспечение базовых потребностей позволяет подняться на следующие уровни самореализации: развития творчества, раскрытия духовного потенциала, эстетики, поиска себя и своего места в обществе. Научный подход Маслоу согласуется с метафизическим описанием системы основных энергетических центров человека (семи чакр в рамках движения энергии от низшего базового центра, отвечающего за выживание к высшему духовному), о которой давно известно из древнеиндийских трактатов.

Однако укоренившиеся тенденции психологии «массовой бедности» в сознании современных русских людей, воспитанных в духе необходимости потребительства и уже «искалеченных» неимением такового в достаточных объемах, осложняет позитивные стороны подобного нововведения. То же можно сказать и о коррупции, которую при невозможности искоренить совсем, можно было бы свести к минимуму, но мешает неморальный уровень сознания, а также преобладание в нашей стране принципа «двойных стандартов» и «системы блата». И мы снова возвращаемся к проблемам образования и негативного воздействия на сознание людей посредством массовой культуры.

Вместе с тем, имеют место и положительные сдвиги идеологического характера в виде проявления «мягкой силы» изнутри, то есть наоборот от общества к государству.

Так, в системе образования появляются альтернативные научно обоснованные методики воспитания детей, которые хоть и не апробированы для массового внедрения, но имеют локальное и вполне успешное применение (например, методики Марии Монтессори на ранних этапах развития, школьного образования доктора медицинских наук В. Ф. Базарного по воспитанию сильных духом людей под эгидой лозунга «спасем детей — спасем Россию» или педагога, академика РАО М. П. Щетинина по системе Агни-йоги и Живой этики Николая и Елены Рерих и т.д.).

Более того, на фоне роста числа людей, разочарованных действующими в государстве политикой и жизнеустройством, озабоченных существующими экологическими проблемами, не желающих продолжать некультурно-конкурентную, антиприродную и даже античеловеческую потребительскую политику, стала проявляться тенденция экологизации в виде занятия медитативными практиками йоги, перехода на вегетарианство, потребления и использования органической чистой продукции и даже организации экологических поселений. В научных кругах даже получили распространение такие понятия, как «экознание» и «экоэтика»⁴⁸.

Радикальный подход в виде основания поселений характеризуется стремлением организовать собственную более духовную действительность, которая регулируется посредством замены права моралью, а надстроечные политические институты управления отсутствуют. Вместе с тем, подобное экостроительство не является уникальным в своем роде. В мире существует и активно функционирует ассоциация экопоселений, именуемая Глобальная Сеть Экопоселений (Global ecovillage network — GEN)⁴⁹, которая появилась в ответ на усиливающееся негативное воздействие на планету. С 1996 года начала свою работу Европейская сеть экопоселений (GEN-Europe), ассоциированным членом которой с 2005 года стала Российская сеть экопоселений⁵⁰.

Более того, результатом идеологического влияния родовых поселений стало принятие 27 апреля 2016 года Федерального закона о предо-

⁴⁸ Антология экологической мысли: Восточные славяне / Науч. ред. А. И. Зеленков. — Минск: Харвест, 2003. — 652 с.; Фахрудинова Э. Р. Конфуций и проект «Глобальная этика» // Известия саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. — 2010. — Т. 10. — №. 2. — С. 55–58.

⁴⁹ Official website The Global Ecovillage Network. URL: <http://gen.ecovillage.org> (дата обращения: 3.12.2016)

⁵⁰ История российской сети экопоселений. URL: <http://rodovid.me/ecologist/istoriya-rossiyskoj-seti-ekoposeleniy.html> (дата обращения: 3.12.2016); Мирзагитова Л. Экопоселения России. URL: <http://www.eco-kovcheg.ru/article1.html> (дата обращения: 3.12.2016)

ставлении гражданам бесплатных земельных участков в размере одного гектара, находящихся в государственной и муниципальной собственности на территориях субъектов Дальневосточного федерального округа (разработан Минэкономразвития РФ)⁵¹. Также была учреждена «Родная партия», которая выдвигалась для участия в выборах в депутаты государственной думы РФ в 2016 году. Партия выступает за формирование нового общественного мировоззрения, которое выражается в таких образах, как родовое поместье, любовь, благосостояние, управление, образование, родина, человек и сотворение, а к задачам относятся: возрождение России путем совершенствования среды обитания, создания основ благосостояния государства, которое гармонично объединяет семьи, всегда живущие в любви, крепком здоровье, достатке и чистой окружающей среде, лоббирование соответствующей правовой базы, а также изменение сознания и отношения людей от потребительского и социально зависимого до активно-ответственного в виде личного участия каждого гражданина страны в улучшении, как своей личной жизни, так и жизни государства⁵².

Безусловно, в научных кругах помимо позитивного взгляда на экопоселения как способствующих устойчивому развитию сельских территорий, органического сельского хозяйства, стратегической ориентированности на будущие поколения, имеют место и критические взгляды от бесперспективного и временного ухода от реальности до признания их религиозными сектами и деструктивными структурами⁵³.

Следует согласиться с синергетиками, что в последнее время достаточно часто стали возникать ситуации и существуют обширные области, где традиционные линейно-циклические модели прогнозов, несмотря на их многомерность, многофакторность и сложность математического обоснования, перестают «работать». Население большинства стран уже давно живет в режиме самоорганизации, и если властям есть чем по-

⁵¹ Законопроект № 930602–6 «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков в Дальневосточном федеральном округе и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» / Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=930602-6> (дата обращения: 3.12.2016); Регионы поддержали программу по выделению бесплатного «дальневосточного гектара // Интерфакс. URL: <http://www.interfax.ru/russia/460556>(дата обращения: 3.12.2016)

⁵² Официальный сайт политической партии «Родная партия». URL: <http://родпарт.рф/index.php/o-partiy/2015-04-27-21-56-30.html> (дата обращения: 3.12.2016)

⁵³ Дворкин А. Этнорелигиозные угрозы в Поволжском регионе: причины возникновения и возможные последствия // Агентство политических новостей. URL: <http://www.apn.ru/index.php?newsid=30878> (дата обращения: 2.12.2016)

хвастаться, то только присвоением результатов народного творчества социального выживания⁵⁴.

Поэтому, на наш взгляд, рассмотренные выше тенденции не несут в себе какой-либо угрозы, а наоборот способствуют созданию нового и достаточно действенного идеологического образа и наряду с предпосылками сверху вполне могут преодолеть апоритивный синдром ведущего человечество в тупик потребительства, которым пока охвачена наша страна.

Результаты исследования. Было системно проанализировано влияние аксиологического фактора западных социокультурных и идеологических образцов на развитие российского государства посредством использования механизмов «мягкой силы». Оценен как пагубный возникший в России «апоритивный синдром» социокультурного характера и определена необходимость поиска путей его преодоления для дальнейшего успешного развития российского государства. Предложен вариант преодоления «апоритивного синдрома» в России. Выявлены и сформулированы внутренние негативные факторы, которые препятствуют выходу из культурно-идеологического кризиса, а также внутренние благоприятные тенденции, распространяющиеся «сверху» от государства и «снизу» от общества.

Анализ результатов. Предложен вариант преодоления «апоритивного синдрома» в России, базирующийся на формировании действенного и жизнеспособного образа духовно сильной страны, в основе которого лежит новая идеология приоритета духовных ценностей в духе патриотизма, взаимопомощи, взаимоподдержки, сострадания, милосердия и доброты. Новая идеология должна повлиять на разработку новой концептуальной модели государственной образовательной и культурной политики.

Несмотря на имеющие место ряд негативных факторов, сдерживающих поступательное развитие, имеют место предпосылки «сверху» и «снизу» как проявления «мягкой силы» внедрения образа со стороны государства в общество, так и самого общества по отношению к государству.

Успешное внедрение и использование нового образа в России может стать примером для других государств, испытывающих пагубное влияние потребительских ценностей.

Заключение. В условиях охватившей Россию пагубной «идеологии потребительства» встает вопрос путей дальнейшего развития российского государства.

⁵⁴ Капустин В. С. Глобализация и социосинергетика / Глобализация и синергетический подход: сб. статей. URL: <http://spkurdyumov.ru/globalization/globalizaciya-i-sociosinergetika/> (дата обращения: 2.12.2016)

Один из таких путей видится в «духовной революции», а именно переориентировке ценностей путем создания и использования в России собственного нового образа, не только внешнего, но и внутреннего. К базовой составляющей подобного образа относится идеология приоритета духовных ценностей (развитие в человеке честности, порядочности, патриотизма, проявлений любви к ближним, взаимопомощи, доброты, милосердия, сострадания, благого творчества в рамках позитивной самореализации и т.д.).

Сдерживающими факторами позитивных изменений являются: острая финансово-экономический кризис, бьющий по «святому» — по возможности потреблять; наличие остатков политического нигилизма и абсентеизма, дающих почву для проведения цветной революции; внешнее политическое давление «оплотов потребительской демократии» в лице США и ЕС, а также внутренние проблемы в сфере образования, культуры и науки, способствующие общей деградации личности.

Новая идеология способна повлиять на разработку новой концептуальной модели государственной образовательной и культурной политики и повлечь за собой решение смежных проблем социально-политического пространства.

Имеют место внутренние благоприятные тенденции для развития нового образа. К позитивным предпосылкам «сверху» можно отнести начало разработки закона о российской нации как основы внутренней прочности России. Положительные сдвиги наоборот от общества к государству проявляются в развитии альтернативных научно обоснованных методик воспитания детей, экологическом обустройстве жизнедеятельности посредством создания экопоселений людей, берущих на себя ответственность за будущие поколения. Влияние родовых поместий как разновидности экопоселений (была даже учреждена политическая партия «Родная партия») на политику отразилось на законотворческой деятельности (27 апреля 2016 года был принят Федеральный закон о предоставлении гражданам бесплатных земельных участков в размере одного гектара, находящихся в государственной и муниципальной собственности на территориях субъектов Дальневосточного федерального округа).

Несмотря на существующие противоположные оценки данных явлений, наряду с предпосылками сверху они вполне могут преодолеть «апоритивный синдром» ведущего в тупик потребительства, которым пока охвачена наша страна.

Успешное внедрение и использование подобного образа в России может стать примером для других государств, испытывающих пагубное влияние потребительских ценностей.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 390 с.
2. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос: Прогресс, 2002. 224 с.
3. Шупер. В. А. Интеллектуальные предпосылки догоняющего развития России // Свободная мысль. 2015. № 6 (1654). С. 21–36.
4. Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. 2-е изд. М.: Республика, 1994. 527 с.
5. Durkheim E. Sociologie et philosophic. 1924. P. 117–142.

SOFT POWER IN FORMING OF NEW IDEOLOGY IN RUSSIA: APORIA SYNDROME AND CONTEMPLATIONS OF ITS PASSING

M. A. Maystat

Abstract. Introduction. *In the present globalized world sociocultural processes became not just more interdependent and dynamic, and have gained quality of speed of change of a situation and intensity of impact on the environment.*

The analysis of a sociocultural situation of the Russian state in the conditions of an «aporia syndrome» introduced from the outside, including by means of «the soft power» of consumptionism, ways of further development of the state, and also influence quantity on the course of historical processes in the world, are super-topical today.

Theoretical Background. *The research is under construction on the analysis of the political phenomena of «the soft power» and an «aporia syndrome» which are given in author's interpretation.*

Study. *Now there is an «aporia syndrome» in sociocultural and ideological spheres in Russia which is caused by use of «the soft power» by the image from the West as a phenomenon of the public consciousness connected with production and consumption, the social sphere and the state of modern liberal and democratic society.*

Further development of the Russian state is possible only by forming of the new efficient and viable image based on ideology of a priority of cultural wealth and moral values.

Successful implementation and use of a similar image in Russia can become an example for other states coming harmful influence of consumer values.

Methods. *Within the research were used some methods of the system analysis, axiological, social synergetics and institutional.*

Procedure. *In the conditions of the harmful consumptionism which covered Russia imposed by the West and the appeared an «aporia syndrome» there is a*

question of ways of further development of the Russian state, to one of which the author offers «spiritual revolution» both creation and use in Russia of own new image, not only external, but also internal. The ideology of a priority of cultural wealth and moral values over material belongs to a basic component of a similar image.

Results. *The system analysis of influence of an axiological factor of the western sociocultural and ideological model on development of the Russian state by means of use some mechanisms of «the soft power» took place.*

Discussion. *As a result of a research the overcoming option an «aporia syndrome» in Russia taking into account assessment of a possibility of his introduction has been offered.*

Conclusion. *In the conditions of the harmful consumptionism which has captured Russia from West and generated an «aporia syndrome» there is a question of ways of further development of the Russian state, one of which the author seems «spiritual revolution» both creation and use in Russia of own new image, not only external, but also internal.*

Keywords: *soft power, guided chaos theory, aporia syndrome, goodwill.*

References

1. Bauman Z. The Society we inhabit / Translation from English under the editorship of V. L. Inozemtsev. Moscow: Logos, 2002. 390 p.
2. Lasch K. The revolt of the elites: end the betrayal of democracy. Moscow: Logos: Progress, 2002. 224 p.
3. Shuper V. A. Intellectual prerequisites of the catching-up development of Russia//the Free thought. 2015. No. 6 (1654). P. 21–36.
4. Jaspers K. The origin and goal of history / Translation from German. Second edition. Moscow: Republic, 1994. 527 p.
5. Durkheim E. Sociologie et philosophic. 1924. P. 117–142.

Информация об авторе

Майстат М. А.

к.полит.н.

Московский педагогический государственный университет, Россия

М. А. Maystat

PhD (political science),

Moscow state pedagogical university, Russia

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ВЕНГРИИ

Р. И. МУСИНА

Аннотация. В статье на основе теоретических подходов к концепции «мягкой силы» известных зарубежных и отечественных исследователей, с использованием интегративного подхода, включающего политологический, социологический, ценностно-нормативный, сравнительный и другие методы, в ходе анализа внешней политики Венгрии и ее отражения в законодательстве и средствах массовой информации, являющихся материалом исследования, выявлены особенности проявления «мягкой силы». В силу своего положения в Евросоюзе Венгрия не может рассчитывать на какое-либо влияние, кроме как в рамках своего региона либо в Вишеградской группе. Обращение к «мягкой силе» вполне оправданно для государств с ограниченными возможностями применения «жесткой силы», каковым является и Венгрия.

В качестве основных направлений использования «мягкой силы» можно выделить: формирование привлекательного имиджа страны через активное продвижение достижений национальной культуры и расширение культурных связей, что традиционно для всех государств; консолидацию соотечественников за рубежом, что позволяет проводить аналогии с политикой России; переориентацию национальной идеологии с идеи угро-финского единства на туранизм, на поиски единства с тюркскими народами, что позволит существенно расширить контакты и связи в евро-азиатском регионе. Использование «мягкой силы» позволяет решать не только внешнеполитические, но и связанные с ними внутренние проблемы. На фоне подъема традиционализма и национализма вновь становится актуальной идея Хунгаризма — восстановление Великой Венгрии и ревизия Трианонского мира, в результате которого были потеряны значительные территории и население. Законодательство в области предоставления гражданства и распространение идей Великого Турана в современной Венгрии рассматриваются правительством не только как средство продвигать привлекательный имидж государства за его пределы, но

и как возможность поддержания национальной идентичности и гражданского мира внутри страны.

Насколько успешно проведение избранного курса позволяет судить рейтинг PR агентства PORTLAND, обнародовавшего список 30 стран-лидеров The Soft Power 30, в котором Венгрия впервые заняла 26 место, опередив Россию и Китай.

Ключевые слова: «мягкая сила», хунгаризм, Великий Туран, соотечественники за рубежом, пантюркизм.

Введение. В июне текущего года лондонское PR агентство PORTLAND обнародовало список 30 стран-лидеров The Soft Power 30, в котором Венгрия впервые заняла 26 место, опередив Россию и Китай. Такой неожиданный результат требует более детального анализа «мягкой силы» во внешней политике Венгрии, чем представленный самим агентством, акцентировавшим внимание на «приветливости венгров к туристам» и на активности сайта Министерства иностранных дел Венгрии, или оценки Владислава Зубока в интервью Русской службе BBC, увидевшего в этом факте тревожный сигнал: «И появление в списке России и Венгрии — тревожный сигнал. Это страны, отвергающие американские ценности, ведущие себя, как задиры — и вдруг получается, что они привлекательны. Я не осуждаю это, но нужно подумать, не стоит ли посмотреть на мягкую силу шире, чем Най в Гарварде» [«Мягкая сила», 2016]. В то же время отмечается значительная активизация венгерской «культурной дипломатии», достаточно проанализировать число венгерских культурных центров, возникших или восстановленных только на территории России. Не вызывает сомнений, что Венгрия не сопоставима с США или Китаем, но у России и Венгрии есть ряд схожих проблем, подходы к решению которых могут представлять определенный интерес.

Традиционно исследователи уделяют внимание анализу политики ведущих внешнеполитических игроков, которые рассматриваются как образец для подражания. В отечественной политической науке интерес к Венгрии ограничен. В основном интерес проявляют СМИ, прежде всего, электронные. Использованию этнического фактора как элемента влияния во внешней и внутренней политике Венгрии была посвящена диссертация Урасиновой О. В. «Этнический фактор в политике Венгрии: внешний и внутренний аспекты»⁵⁵. Системного и структурированного анализа проявлений «мягкой силы» во внешней политике Венгрии, к сожалению, сегодня не существует.

⁵⁵ Урасинова Ольга Владимировна. Этнический фактор в политике Венгрии: внешний и внутренний аспекты: дис. канд. полит. наук. — М., 2011.

Теоретические основания исследования. В качестве теоретического основания исследования были использованы работы, обосновывающие и раскрывающие подходы к «мягкой силе», таких известных зарубежных и отечественных исследователей данного явления как: Джозеф Най, Инг Ван, Иешуа Курланчик, Хелен В. Милнер, Эндрю Моравчик, Фелимонов Г. Ю., Рукавишников В. О., Шелов-Коведяев Ф. В., Пономарева Е. Г., Леонова О. Г. и другие.

Автор основывается в своем исследовании на традиционных подходах к концепции «мягкой силы», рассматривая ее как форму воздействия субъекта политической, прежде всего, государственной, власти, для достижения внешнеполитических целей без применения военного или экономического принуждения для изменения политических действий других политических субъектов. Составляющими «мягкой силы» являются образы, идеи, способствующие созданию привлекательности государств, использование мифотворчества и искажения реальности в качестве аргументов в пользу принятия важных политических решений.

Исследование: основная часть. В ходе исследования была сформулирована следующая гипотеза: обращение к «мягкой силе» вполне оправданно для государств, не обладающих «жесткой силой». В силу своего положения в ЕС Венгрия практически лишена ресурсов экономического и политического воздействия и не может рассчитывать на какое-либо влияние, кроме как в рамках своего региона либо в Вишеградской группе. Активность в сфере культуры и распространения венгерского языка, возобновившийся поиск общих этнических корней позволяют опираться на новые союзнические связи в евро-азиатском регионе.

В целом можно выделить несколько основных направлений проявления «мягкой силы»:

- формирование привлекательного имиджа страны через активное продвижение достижений национальной культуры и расширение культурных связей, что традиционно для всех государств;
- консолидация соотечественников за рубежом, что позволяет проводить аналогии с политикой России;
- переориентация национальной идеологии с угро-финской на поиски единства с тюркскими народами, что позволит существенно расширить контакты и связи в евро-азиатском регионе.

Методология исследования. В рамках данного исследования использован интегративный подход:

- политологический подход — поможет раскрыть роль и значение «мягкой силы» в реализации внешней и внутренней политики государства;

- сравнительный подход — поможет сопоставить полученные результаты, выявить особенности внешнеполитической стратегии Венгрии;
- социологический метод — позволит определить социальную природу и сущность «мягкой силы», ее взаимосвязь с другими сферами общественной жизни;
- ценностно-нормативный подход — позволит рассмотреть ценностные основания технологий «мягкой силы»;
- антропологический подход поможет выявить особенности формирования и функционирования «мягкой силы».

Материалы исследования. В качестве материалов в данном исследовании использовались нормативно-правовые акты Венгрии: Конституция Венгрии 2012 года, Закон «О гражданстве» 1993 года, поправки к Закону «О гражданстве» от 2010 года, ступивший в силу 1 января 2011 года, а также материалы СМИ.

Процедура исследования. Процедура исследования предполагает подбор и анализ материалов, позволяющих выявить особенности и формы проявления «мягкой силы» во внешней политике Венгрии. Это прежде всего анализ нормативно-правовых актов и материалов СМИ, включая интервью с представителями властных структур, оппозицией, аналитиками, как венгерскими, так и зарубежными.

Результаты исследования. В ходе исследования были получены результаты, представляющие интерес как с точки зрения развития концепции «мягкой силы», так и с позиции практического применения подходов и приемов.

В результате интеграции в НАТО и Евросоюз Венгрия не столько смогла реализовать свои надежды и чаяния, сколько приобрела проблемы и разочарование. Наиболее благополучная из стран соцлагеря, один из оплотов Варшавского договора, в результате интеграции утратила самостоятельность в военном плане, практически лишившись армии, во внешней политике, о чем свидетельствует реакция на попытки проводить политику, ориентированную на реализацию собственных интересов, утратила экономические ресурсы, не в силах конкурировать со странами «Старой» Европы. Тем самым, Венгрия утратила все реальные рычаги применения традиционной, «жесткой», силы. Это и заставляет власти Венгрии находить иные подходы, рассматриваемые в рамках концепции «мягкой силы».

Для Венгрии как периферии Евросоюза культура позволяет создать привлекательный имидж страны. Образ нации связан с музыкой, представленной такими именами, как Ференц Лист, Имре Кальман, Ференц Легар, Бела Барток, с поэзией Шандора Петёфи, незабываемой архитектурой Будапешта и знаменитой венгерской кухней. Однако этим не исчер-

пывается культурное богатство Венгрии. Для создания привлекательного образа страны и привлечения туристов, ведь туризм составляет существенную долю государственного дохода, Венгрия ведет активную культурную дипломатию, особенно за пределами Евросоюза: действует более двух десятков институтов культуры, проводятся фестивали, Дни Венгрии.

Большое внимание уделяется развитию венгерской киноиндустрии. Ведь венгерское кино также имеет свои традиции, свой особый стиль.

Использование «мягкой силы» позволяет решать не только внешне-политические, но и связанные с ними внутренние проблемы. На фоне подъема традиционализма и национализма вновь становится актуальной идея Хунгаризма — восстановление Великой Венгрии и ревизия Трианонского мира, в результате которого были потеряны значительные территории и население. Прецедент с референдумом и присоединением Крыма к России открывает для Венгрии возможность получения автономии и в перспективе присоединения приграничных территорий с компактным проживанием венгров либо относящих себя к таковым. Достаточно вспомнить требование Венгрии предоставить национальную автономию венграм в приграничных районах Западной Украины. В этой связи создание привлекательного имиджа связано еще и с поддержкой венгерского языка, национальных традиций и искусства. Не случайно именно знанию языка уделяется такое внимание при получении венгерского гражданства, ведь статистика показывает, что даже не являющиеся этническими венграми рассматривают за пределами Венгрии венгерский язык как родной. Поправки к Закону «О гражданстве» 2010 года облегчают процедуру получения гражданства: упраздняется требования обязательного проживания и дохода в Венгрии, если знание венгерского языка проверено и каким-то образом установлено, венгерское происхождение сводится к вероятности, одновременно было узаконено двойное гражданство. Тем самым, Венгрия в условиях демографического кризиса получает возможность поддерживать численность населения, но и значительно усиливать влияние на приграничных территориях, считающихся несправедливо отторгнутыми по итогам Первой Мировой.

В качестве проявления «мягкой силы» может рассматриваться и идея Великого Турана — переориентация Венгрии с идеологии единства с угро-финскими народами на идеологию единства с тюркскими народами. В последнее время это стало важнейшим изменением и в историческом венгерском мифотворчестве, и в культурной политике в отношении зарубежных стран. Утверждение данного мифа призвано укрепить сотрудничество как с Россией, так и Турцией, Казахстаном и Азербайджаном, Узбекистаном и Туркменией. Развитие таких отно-

шений призвано решать не только энергетическую проблему, но и проблему расширения экспортных возможностей страны. Не отказываясь полностью от угро-финского единства, проводники новой концепции национальной идеи расширяют ее границы до рамок единства гуннского происхождения, при этом гунны рассматриваются как конфедерация племен, объединявшая северных арийцев, предков иранцев, прототюрок и предков угро-финнов. Таким образом, можно объяснить изложенные изменения в национальной идеологии попыткой преодолеть то положение бедной и бесправной периферии, предложенное Евросоюзом, не отказываясь полностью от европейской идентичности.

Анализ результатов. Рассмотрим полученные результаты подробнее.

Триумфальное «возвращение» Венгрии в единую Европу было связано с оптимистичными ожиданиями и со стороны властей, и со стороны населения. Еще в 1990 году была сформулирована тройная система ценностей и приоритетов, сохранявшая первостепенную важность до недавнего времени: евроатлантическая интеграция, добрососедство и национальная политика, включая поддержку соотечественников за рубежом⁵⁶. Однако столь радужным надеждам не суждено было осуществиться. Венгерским производителям пришлось конкурировать с более эффективными, находящимися на более высоком технологическом уровне производителями в условиях уже сложившейся европейской системы разделения труда. Это определило высокую степень зависимости от иностранного капитала и европейских экономических и технологических стандартов, практически разрушив национальную экономику.

Евроатлантическая интеграция и вступление Венгрии в НАТО определили сложное военно-политическое положение: с одной стороны, венгерская армия утратила самостоятельность в большей степени, чем в рамках Варшавского договора, с другой приобрела обязательства по развитию и финансированию вооруженных сил, в том числе, участию в операциях НАТО. Вместо обещанной защиты венгры получили дополнительные расходы, практически лишившись армии⁵⁷. Таким образом,

⁵⁶ Подробнее в статье: Мусина Р.И. Модернизация как путь к интеграции: Венгрия и Евросоюз // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: Сборник научных трудов. М., Изд-во МПГУ — Экон-Информ, 2011. С. 159–163.

⁵⁷ Подробнее в статьях: Мусина Р.И. Трансформация внешней политики Венгрии: национализм или рационализм? //Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 6(37). С. 68–69; Мусина Р.И. Экономический аспект европейской интеграции Венгрии // Пространственная экономика: проблемы региональных экономических объединений: матер. XIII Международной научной конференции. М., Изд-во МПГУ, 2015. С. 106–109.

оказавшись в положении Европейской периферии, Венгрия не может располагать ресурсами, оцениваемыми как «жесткая сила». Использование ресурсов «мягкой силы» оказывается не только приоритетным, но и единственно возможным.

Помимо традиционных методов использования мягкой силы Венгрия предлагает и своеобразные подходы.

Важное место традиционно принадлежит так называемой культурной дипломатии. Еще в 2008 году Министр образования и культуры Венгрии г-н Хиллер, посещая МГИМО, отметил возрастание значимости культурного аспекта политики и экономики: «Наш опыт показывает, что прочными становятся те отношения, за которыми есть культурное содержание. ... Значение культуры и культурной дипломатии возрастает с исключительной скоростью. По этому пути идут Китай, Сингапур; очень увлекает культурная дипломатия Японии; с большим интересом слежу за тем, что делает в этом направлении Россия. ... Пока мне не докажут, что под территорией Венгрии находятся залежи нефти, я верю в культурную дипломатию, уважаю традиции и новаторство. Наша визитная карточка — это культура. Наше сокровище — не алмазы, а культурное наследие» [Хиллер, 2008]. Несмотря на смену партий у власти и руководящих персон, культурному аспекту внешней политики продолжают уделять особое внимание. В последние годы активизировались культурные связи с Россией, восстанавливаются и создаются культурные центры, причем не только в Москве и Петербурге, но и в Нижнем Новгороде, Казани, Екатеринбурге, Ижевске — всего 11 по России. В самой Венгрии помимо Русского культурного центра действует 14 культурных организаций по всей стране, большинство, конечно, в Будапеште. Ассоциацию «За венгеро-российское сотрудничество» им. Л. Н. Толстого, например, возглавляет вице-спикер парламента Шандор Лежак, что свидетельствует о том значении, которое придается культурным связям с Россией.

С 30 марта по 30 июня 2015 года проходили дни венгерской культуры в России, в рамках которых россияне могли познакомиться и с кинофильмами, и выставкой фотографий, поэзией, музыкой и современными исполнителями, фурор произвела впервые представленная в России выставка художника Михая Мункачи.

Активно восстанавливаются контакты в научной сфере, например, в марте 2016 года в Будапеште прошла международная научная конференция, посвященная общественно-политическим трансформациям 1985–1991 гг. в Венгрии, Восточной Европе и в России, организованной Венгерским институтом истории изучения смены системы в Будапеште. На конференцию были приглашены ученые Института Европы РАН.

В апреле — организованная Фондом поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова конференция «Проблемы и перспективы сотрудничества России стран Центральной Европы».

Венгерские Веспрем и Искасентдьердь получили титул «Финно-угорской культурной столицы» 2016 года и приняли гостей из Финляндии, Эстонии, финно-угорских регионов России. Несмотря на новые веяния в разработке национальной идеи, Венгрия поддерживает культурные связи с финно-угорским миром.

Значительные шаги предпринимаются в сфере развития культурных связей с тюркским миром: Культурные центры открываются в Казахстане, поддерживаются культурные связи с Турцией и Азербайджаном.

Еще одно важное направление внешней политики, в рамках которого весьма эффективно применение «мягкой силы» — политика в отношении соотечественников за рубежом. Как уже указывалось, поддержка соотечественников за границами Венгрии провозглашалась премьер-министром Анталлом одним из трех основных приоритетов государства. Причем эта проблема для Венгрии имеет как внутриполитический, так и внешнеполитический аспекты. В условиях демографической катастрофы, когда среднестатистическая убыль населения в 2016 году предполагалась на уровне 87 человек в день⁵⁸, и миграционного кризиса, захлестнувшего Европу, иммиграция этнических венгров на историческую Родину могла бы решить многие проблемы. Однако на практике законодательство о гражданстве и миграционное законодательство не ориентировано на возвращение соотечественников. Новая Конституция 2012 года законодательно закрепляет приоритет, провозглашенный Йожефом Анталлом: «Статья D. Венгрия, с учетом единства всей венгерской нации, несет ответственность за судьбу венгров, которые живут за ее пределами, способствует сохранению и развитию их сообществ, поддерживает их устремления, направленные на сохранение венгерского идентитета, осуществление индивидуальных и коллективных прав, создание общественных органов самоуправления, благополучие на родине, а также способствует их сотрудничеству друг с другом и с Венгрией». [Конституция Венгрии, 2012] Однако принятию Конституции предшествовало принятие весьма любопытных документов. Согласно принятому в 1993 году Законе «О гражданстве» предусматривалось приобретение гражданства по крови или по натурализации при условии легального непрерывного проживания на

⁵⁸ Население Венгрии 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://countrymeters.info/ru/Hungary> (дата обращения: 20.12.2016).

территории Венгрии в течение восьми лет, наличии стабильных средств к существованию и сдачи теста по основам Конституции. Снижение ценза оседлости допускалось до трех лет для супругов, родителей несовершеннолетних венгерских граждан, усыновленных гражданами и признанных беженцев⁵⁹. Однако процедура получения гражданства предусматривала намерение вернуться на историческую Родину на постоянное место жительства.

В новом тысячелетии ставка делается на получение венгерского гражданства этническими венграми, проживающими на сопредельных территориях. Здесь нельзя не упомянуть о последствиях Первой Мировой войны. По условиям Трианонского мирного договора Венгрия потеряла две трети территории, распределенной между соседними государствами, и около половины населения — этнических венгров. Данное положение было закреплено по итогам уже Второй Мировой. 31 мая 2010 года венгерский парламент принял Закон, провозглашавший 4 июня — день подписания договора — «Днем народной солидарности». Закон декларировал единство цельного венгерского народа и его солидарность, являющуюся элементом личной и общественной идентификации. Данный закон выступил идеологическим обоснованием принятых буквально за несколько дней до этого поправок к Закону «О гражданстве» от 26 мая 2010 года, вступивших в силу с 1 января 2011 года. Поправки не только упрощали процедуру получения гражданства: новые положения регламентируют «упразднение требования обязательного проживания и дохода в Венгрии, если знание венгерского языка проверено и каким-то образом установлено» [Закон 2010]. Венгерское происхождение при этом сводится до вероятности, не требующей особого доказательства. Связано это, в том числе, с тем, что, например, в СССР жителей Закарпатья в органах ЗАГС автоматически записывали как украинцев. Основная ставка сделана на владение языком. В то же время по материалам венгерских исследователей значительная часть не венгров считают родным языком венгерский: «Анализ еще больше усложнится, если мы введем в него проблему признания родного языка и национальной принадлежности, поскольку сопоставление этих данных проливает свет на новые аспекты проблемы. Заметим только, что во всех соседних с Венгрией странах отмечается одно и то же явление: намного больше число тех, кто во время переписи назвал в качестве родного языка венгерский, чем тех, кто признал свою национальную идентификацию. В Словакии, напри-

⁵⁹ Закон Венгрии «О гражданстве» 1993 [Электронный ресурс]. URL: <http://myhungary.net/country/736-zakon-o-grazhdanstve-deystvie-i-protivodeystvie.html>

мер, более 10% тех, кто считает родным языком венгерский, не признали себя венграми. Венгерские аналитики отмечают, что это очень высокое соотношение, по сравнению с этим в Румынии этот показатель, например, составляет 1–2%.» [Сабо, 2004].

Вместе с упрощением процедуры получения гражданства по натурализации поправки закрепили признание Венгрией двойного гражданства. Этот факт сделал венгерское гражданство еще более привлекательным: возможность автоматического получения гражданства Евросоюза, следовательно, безвизовый режим, возможность получения образования в Венгрии, правда, при условии возвращения в свою страну по завершении образования, некоторые иные преференции. Как ни странно, противоречия здесь нет, поскольку в лице своих граждан в сопредельных странах Венгрия получает веский аргумент в диалоге. Не случайна озабоченность, проявленная официальной Братиславой, отозвавшей своего посла в связи с принятием этих поправок. Увидели угрозу для Украины и украинские СМИ. Например, Наталия Петервари так и назвала свою статью: «Венгрия узаконила двойное гражданство. Почему молчит Украина?». Что же вызвало такую острую реакцию? Вот что пишет автор статьи: «Некоторым странам выгодно, чтобы граждане за рубежом имели их паспорта... Это может служить оправданием для разных акций, типа «принуждения к миру» или для выдвижения территориальных претензий... Украинская власть не отреагировала на этот противоречивый документ, хотя эксперты говорят, что он может представлять угрозу национальной безопасности нашей страны. Венгрия узаконила двойное гражданство. По материалам «Евроньюз», благодаря этому правовому новшеству на гражданство Венгрии могут претендовать иностранные граждане, которые докажут свое венгерское происхождение и владение венгерским языком. При этом они не получают избирательные права, поэтому в дальнейшем должны защищать свои этнические права на территориях стран проживания» [Петервари, 2010]. Насколько автор права, свидетельствует требование Венгрии о предоставлении автономии территориям компактного проживания венгров в условиях украинского кризиса, в то время, как аналитики проводят аналогии с ситуацией в Косово и Крыму.

Одновременно венгерские национальные партии активно участвуют в политической жизни — RMDSZ — Демократический союз венгров Румынии, SZMPK — Гражданская коалиция словацких венгров, VMSZ — Союз венгров Воеводины, даже входят в правительство.

В условиях укрепления позиций традиционализма и национализма подобная политика в отношении соотечественников за пределами

Венгрии является отражением идей Хунгаризма — восстановления Великой Венгрии и ревизии Трианонского мира. Идея Хунгаризма или «национального охранительства» была предложена в начале XX века христианским социалистом Оттокарот Прохаской и включала в себя христианскую духовность и антимодернизм. В 20–30 гг. у Ференца Салаши Хунгаризм — это уже ревизия Трианона и восстановление Великой Венгрии и исконных венгерских ценностей, то есть некая модель «евразийства», в центре которой преклонение перед гуннами и Аттилой. Восстановление «Великой Венгрии» рассматривалось как добровольное объединение территорий, отторгнутых по условиям договора, с бывшей Родиной, имеющей привлекательный образ. Именно такое понимание Хунгаризма получило распространение и в наши дни. И проявления данной идеологии можно увидеть в политике правительства в отношении соотечественников за рубежом.

В настоящее время получила новое видение также и идеология Великого Турана. Идеология туранизма в Венгрии имеет глубокие исторические корни.

Туранизм, возникнув в конце XIX века, становится ярким явлением интеллектуальной и гражданской жизни, используется властями для легитимации внешней политики на Балканах. Предпринимается попытка обосновать с позиции истории, филологии, этнографии единство венгров и «туранской семьи народов», в рамках которой народы являются естественными союзниками. Особое внимание идеологии туранизма уделялось после Первой Мировой войны: «Правые радикалы объединились вокруг основанного в 1920 г. Туранского союза. Они вели речь о превосходстве восточной культуры, пытались создать свою собственную венгерскую расовую теорию. Не без их влияния политические программы национал-социалистов в 30-е гг. XX в. требовали, чтобы критерием венгерского гражданства стало «туранское или арийское происхождение». Однако попытка создать венгерскую расовую теорию не удалась. Прежде всего потому, что научные изыскания доказали в высшей степени смешанный характер венгерского этноса. По крайней мере, их влияние сказалось в том, что, когда пришло время выбирать между концепцией фашистского национального государства и многонациональной Великой Венгрией, общественные настроения не оставляли сомнений, что выбор падет на концепцию Великой Венгрии» [Пакша, 2015, 30].

Венгрия имеет три названия: официальное — Хунгария, неофициальное — Мадьяристан и славянское — Венгрия, Угорщина, причем два из них указывают на родство с гуннами (a hunok) или тюрками (Magyarország). За исторический период на территорию современной

Венгрии было несколько волн нашествия степных кочевых племён с востока: гунны, сарматы, авары, мадьяры, кипчаки.

Государствообразующим считается приход мадьяр во главе с ханом Арпадом в конце IX века, считающимся потомком Атиллы, а сами мадьяры считают себя потомками гуннов. Ведь именно в Паннонии находился центр державы «Бича божьего». Пришлые кочевники-мадьяры ассимилировали среди местных южнославянских племен, переняв хозяйственные термины в языке и некоторые элементы культуры, заимствовав славянские гены. В начале нового тысячелетия возникла необходимость вспомнить более глубокие родственные связи, уже закреплённые в привычном самоназвании «мадьяры», и страны Magyarország — Мадьяристан. Хотя венгерский язык относится к финно-угорской группе уральской языковой семьи, мадьяры предпочитают подчеркивать этно-культурные связи с древними гунно-тюркскими племенами Центральной Азии, а не лингвистическое родство с уральскими ханты-манси или финнами, не генетическое родство со славянами и немцами. Известно, что в Казахстане живут рода маджар, ветви аргынов и кипчаков. В Венгрии считают, что именно они — остатки мадьярских племен, когда-то ушедших на запад.

В современном венгерском обществе в последние годы с все большей настойчивостью воспроизводится миф о евразийском туранском происхождении венгров. Эта романтическая составляющая венгерского менталитета активно используется как националистами «Йоббик», так и официальными властями в новой внешней культурной политике страны. Созданный в 2009 году Венгеро-Туранский фонд курирует проведение Курултаев, продвигает идею перехода к древнему руническому тюркскому алфавиту: была издана Библия на венгерском языке, отпечатанная с использованием этого алфавита, в ряде населённых пунктов были установлены таблички с названиями, исполненные туранскими рунами. В Казахстане был установлен памятник скульптора Шандора Немеша «Древо жизни», символизирующий родство мадьяр с тюркскими народами. О значимости проекта свидетельствует уровень кураторов: вице-спикер Парламента Шандор Лежак, известный антрополог Андраш Жолт Биро, глава департамента Восточной Европы и Центральной Азии, в настоящее время посол Венгрии на Украине, Эрне Кешкень, главный идеолог проекта, известный русист, бывший посол Венгрии в России и Азербайджане. Проводимые в Бугаце «Курултаи гунно-тюркских народов» получают поддержку на государственном уровне. Участники Курултая 2012 года, например, рассказывают о торжественном приеме в венгерском Парламенте и о высоком уровне

приветствующих: вице-спикер Парламента Шандор Лежак, заместитель министра иностранных дел Кесени Ерно и президент фонда «Туран-Венгрия» Андраш Жолт Биро⁶⁰.

Возвращение к туранизму в последнее время стало важнейшим изменением в историческом мифотворчестве и, как следствие, во внешней политике. Утверждение данного мифа призвано укрепить отношения не только с Россией через населяющие ее тюркские народы, но и с Турцией, Казахстаном, Азербайджаном, Узбекистаном и Туркменией. Тюрки в настоящее время создали 6 независимых государств (Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Туркмения, Турция, Узбекистан) и 12 территориальных автономий (в том числе 9 в России и Уйгурский автономный район Китая). Для сравнения, угро-финны представлены лишь двумя государствами, не считая Венгрии: Финляндия, Эстония и шесть автономиями, причем все они в России.

Вот как объясняет обращение к новому идеологическому курсу депутат парламента от партии «Йоббик» Иштван Саваи: «Финно-угорская теория была придумана австрийскими учеными, чтобы подавить венгерскую идентичность. Мы не против финно-угорского родства, но мы встраиваем эту теорию в более широкую концепцию происхождения древних венгров от туранских народов. Мы хотим заменить устоявшееся мнение о финно-угорском родстве и доказать теорию о гуннском происхождении наших предков» [Зачем венграм туранизм, 2016]. Теория о гуннском происхождении венгров позволяет расширить ареал родственных связей и претендовать на родство и с древними иранцами. Поскольку на сегодняшний день нет единого представления о происхождении гуннов, они рассматриваются и как древние тюрки, и как предки тюрков, и как часть ираноязычных туранцев. Описание противостояния Ирана и Турана в персидском эпосе «Шахнамэ» может рассматриваться не как расовое, а как цивилизационное, аналогичное взаимоотношениям греческих полисов. Тем самым возникает перспектива установления прочных связей и с современным Ираном. По словам Дмитрия Семушина: «Географически весь финно-угорский мир за пределами ЕС ограничивается Российской Федерацией. Тюркский конгломерат народов, выражаясь языком Льва Гумилева, сейчас подает признаки пассионарности. Финно-угорский — нет.

Тюркский мир, таким образом, дает гораздо больше простора для культурного, экономического и политического взаимодействия вен-

⁶⁰ Уали Мурат. Гунно-Тюркский Курултай в Мадьяристане. 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elim.kz/article/424/> (дата обращения: 28.11.2016).

грам, чем маленький и внешне скучный в сравнении с ним мир финно-угров» [Семушин, 2012].

Обращает на себя внимание тот факт, что в условиях угрозы исламизации Европы и миграционного кризиса, жестко отказываясь от расселения мигрантов-мусульман по решению Европарламента, во внешней политике правительство ФИДЕС ориентируется как раз на исламские государства. Вот как оценивают данный факт журналисты из Казахстана: «Несмотря на свой христианский ультраконсерватизм и введение в конституцию Венгрии положения о центральной роли христианства для венгерской нации, тот же Габор Вона, лидер инициировавшего это «Йоббика» заявил, что «ислам является последней надеждой человечества во тьме глобализма и либерализма». Тем самым Вона выступил с позиций традиционалистского союза христианских и исламских государств в пику национал-либералам ..., которые апеллируют к защите «иудеохристианской культуры», по сути, понимая ее как постхристианскую» [Зачем венграм туранизм, 2016]. Данная позиция выглядит как ответ на жесткую критику венгерской Конституции и миграционной политики со стороны Евросоюза.

С другой стороны, не только Венгрия заинтересована в новых союзниках. Для Турции, для которой вступление в Евросоюз превращается в мираж, и Азербайджана в качестве идеологии, определяющей внешнюю политику, все настойчивее проявляется пантюркизм как разновидность пантуранизма: «Анализ внешнеполитической деятельности Турецкой республики на постсоветском пространстве позволяет предположить, что в ближайшее время официальная Анкара, при непосредственной поддержке лидеров Казахстана и Азербайджана существенно активизирует использование политики пантюркизма для усиления своего влияния в выстраивании отношений с тюркскими государствами (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан, Азербайджан, отдельные субъекты России, Синьцзян-Уйгурский район Китая) с целью создания так называемой „буферной зоны“ под своим протекторатом, прикрываясь идеей выстраивания единого культурного и информационного пространства тюркских народов. ... Конечной целью турецкой стороны выступает экономическая и политическая интеграция тюркских народов в союз тюркских государств, с последующим созданием единого фронта в энергетической сфере» [Кулунтаев, 2013]. В качестве третьей силы, способной объединить участников социально-культурной и политической коалиции и лоббировать интересы Турции в Европе подходит Венгрия — страна, не отличающаяся экономическим благополучием, но имеющая богатый опыт отношений

с СССР и, соответственно, с особым менталитетом образовавшихся на постсоветском пространстве государств. В результате для проведения сбалансированной политики создается фонд «Туран-Венгрия», ориентированный на проведение исследований тюркских народов, преимущественно на постсоветском пространстве.

В целом, проведение внешней политики в рамках идеологии туранизма позволяет Венгрии претендовать на изменение позиций: вместо периферии Евросоюза стать авангардом Великого Турана в Европе. При этом расширяются возможности экономического и энергетического сотрудничества и получения финансовой поддержки в виде размещения венгерских государственных облигаций в Турции и Азербайджане. Следует отметить, что подобные действия вовсе не означают полной переориентации на Восток и отказа от сотрудничества в рамках Евросоюза, хотя, как известно, Венгрию устойчиво относят к числу евроскептиков.

Результаты исследования, проведенного лондонским PR агентством PORTLAND, показывают, что, несмотря на проводимую в западных СМИ жесткую критику политики правительства Венгрии, «мягкая сила» действует эффективно, создавая привлекательный имидж государства.

Заключение. В ходе исследования была достигнута поставленная цель — на основе теоретических подходов известных зарубежных и отечественных исследователей к концепции «мягкой силы», с использованием интегративного подхода, включающего политологический, социологический, ценностно-нормативный, сравнительный и другие методы, в ходе анализа внешней политики Венгрии и ее отражения в законодательстве и средствах массовой информации, являющихся материалом исследования, выявлены особенности проявления «мягкой силы».

В ходе исследования были получены результаты, представляющие интерес как с точки зрения развития концепции «мягкой силы», так и с позиции практического применения подходов и приемов.

В результате интеграции в НАТО и Евросоюз Венгрия утратила самостоятельность в военном плане, во внешней политике, о чем свидетельствует реакция на попытки проводить политику, ориентированную на реализацию собственных интересов, утратила экономические ресурсы, не в силах конкурировать со странами «Старой» Европы. Тем самым, Венгрия утратила все реальные рычаги применения традиционной, «жесткой», силы. Это и заставляет власти Венгрии находить иные подходы, рассматриваемые в рамках концепции «мягкой силы».

Для Венгрии культура позволяет создать привлекательный имидж страны. Образ государства связан с музыкой, народными промыслами, незабываемой архитектурой историзма в Будапеште и прославленной

венгерской кухней. Однако этим не исчерпывается культурное богатство Венгрии. Для создания привлекательного образа страны и привлечения туристов Венгрия проводит активную внешнюю политику в сфере культуры, особенно за пределами Евросоюза: действует более двух десятков институтов культуры, проводятся фестивали, в том числе кинематографические, Дни Венгрии, художественные выставки.

Большое внимание уделяется развитию венгерской киноиндустрии: венгерское кино также имеет свои традиции, свой особый стиль.

Использование «мягкой силы» позволяет решать не только внешнеполитические, но и связанные с ними внутренние проблемы. Политика в отношении соотечественников за рубежом — важнейшая составляющая как внутренней, так и внешнеполитической стратегии. В этой связи создание привлекательного имиджа связано еще и с поддержкой венгерского языка, национальных традиций и искусства. Не случайно именно знанию языка уделяется такое внимание при получении венгерского гражданства. Поправки к Закону «О гражданстве» 2010 года упразднили требования обязательного проживания и дохода в Венгрии, если установлено знание венгерского языка, узаконили двойное гражданство. Тем самым, Венгрия получает возможность поддерживать численность населения и значительно усиливать влияние на приграничных территориях, считающихся венграми несправедливо отторгнутыми по итогам Первой Мировой.

В качестве проявления «мягкой силы» может рассматриваться и утверждение идеи Великого Турана — переориентация Венгрии с традиционного единства с угро-финскими народами на идеологию единства с тюрками. Это изменение в венгерском историческом мифотворчестве и в культурной политике в отношении зарубежных стран должно укрепить отношения не только с Россией, но и Турцией, Казахстаном и Азербайджаном, Узбекистаном и Туркменией, способствовать решению энергетической проблемы, проблемы расширения экспортных возможностей страны.

Не отказываясь полностью от угро-финского единства, создатели новой концепции национальной идеи расширяют ее границы до рамок единства гуннского происхождения, при этом гунны рассматриваются как конфедерация племен, объединявшая северных арийцев, предков иранцев, прототюрков и предков угро-финнов.

Изложенные изменения в национальной идеологии можно объяснить попыткой преодолеть то положение бедной и бесправной периферии, предложенное Евросоюзом, не отказываясь полностью от европейской идентичности.

Таким образом, можно констатировать, что помимо традиционных приемов «мягкой силы» Венгрия смогла предложить свои, уникальные, методы.

Литература

1. Закон Венгрии «О гражданстве». Поправки от 26.05.2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://myhungary.net/country/736-zakon-o-grazhdanstve-deystvie-i-protivodeystvie.html> (дата обращения: 15.11.2016).
2. Зачем венграм туризм? 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://tobolinfo.kz/news/world/1701473/> (дата обращения: 06.12.2016).
3. Конституция Венгрии. 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://nemzetikonyvtar.kormany.hu/download/3/00/50000/orosznyomda_jav%C3%ADtott.pdf
4. Кулунтаев О. Казахские игры в пантюркизм. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.comment.kg/politics/item/20751-kazahskie-igry-v-pantjurkizm.html> (дата обращения: 30.11.2016).
5. «Мягкая сила»: культура или пропаганда? 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbc.com/russian/features/2016/06/160614_5floor_russia_soft_power (дата обращения: 16.11.2016).
6. Пакша Р. Праворадикальные силы Венгрии в эпоху М. Хорти. (Перевод с венгерского О. В. Хавановой) //Берегиня-777-Сова. 2015. № 3 (26). С. 22–31.
7. Петервари Н. Венгрия узаконила двойное гражданство. Почему молчит Украина? 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unian.net/society/371773-vengriya-uzakonila-dvoynoe-grajdanstvo-pochemu-molchit-ukraina.html> (дата обращения: 12.11.2016).
8. Сабо Ф., Боршаньи А. Morbus hungaricus, или демографический кризис в Венгрии. 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/958/878/1219/006.SZABO.pdf> (дата обращения: 28.11.2016).
9. Семушин Д. Почему Венгрия предала финно-угорское единство в пользу «Великого Турана». 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1560422.html> (дата обращения: 30.11.2016).
10. Хиллер И.: «В современном мире только тот торт съедобен, в котором культура — основной ингредиент». 2008 [Электронный ресурс]. URL: http://mgimo.ru/about/news/visits/8580/?sphrase_id=609742 (дата обращения: 10.11.2016).

SPECIFICS OF «SOFT POWER» APPLICATION IN HUNGARIAN FOREIGN POLICY

Rezeda I.Musina

Abstract. *The article basing on theoretical approach to the concept of soft power by well-known foreign and Russian scholars with the use of integrative approach, including political, sociologic, value-conscious, comparative and other*

methods, through the analysis of Hungarian foreign policy and its reflection in codification and mass media, what is the subject of the research, determines the specific of applying soft power. On account of her position in the EU, Hungary cannot count on any influence beyond her region of the Visegrád Group. The appeal to soft power is quite warranted for countries lacking hard power, as Hungary does.

There are several main fields of applying soft power: forming the attractive image of a country through active advance of national cultural achievements and widening of cultural links, what is traditional for almost every country; consolidation of compatriots abroad that permits to draw parallels with Russian policy; redirecting of national ideology from ideas of Ugro-Finnic unity to Turanism, addiction to unity with Turk peoples that allows to widen contacts and links in Euro-Asiatic region. Application of soft power permits to solve problems not only of foreign policy, but also internal ones, connected with them. In context of rising traditionalistic and nationalistic tendencies the idea of hungarism, the revival of Great Hungary and revision of the treaty of Trianon, resulted in waste of considerable territory and population, actualizes again. Denizing legislation and extension of Great Turan ideas in modern Hungary are considered to be not only the mediums of promotion of positive state image abroad but also as a way to maintain national identity and civil piece inland.

The rating of PR agency PORTLAND, that published the list of top 30 countries The Soft Power 30, in which Hungary took the 26th place, higher than Russia and China, permits to estimate the successfulness of such policy.

Keywords: «soft power», hungarism, Great Turan, Compatriots Abroad, Pan-Turkism.

References

1. Constitution of Hungary. (2012). Nemzeti konyvtar [National Library]. Retrieved 15 November 2016 from http://nemzetikonyvtar.kormany.hu/download/3/00/50000/orosznyomda_jav%C3%ADtott.pdf
2. Hiller I. (2008). «V sovremennom mire tol'ko tot tort s#edoben, v kotorom kul'tura — osnovnoj ingredient».[«Only the cake is edible in the modern world in which culture — the main ingredient»]. MGIMO Universitet [MGIMO University]. Retrieved 10 November 2016 from http://mgimo.ru/about/news/visits/8580/?sphrase_id=609742
3. Kuluntaev, O. (2013). Kazahskie igry v pantjurkizm. [Kazakh game of Pan-Turkism]. [Comment]. Retrieved 30 November 2016 from <http://www.comment.kg/politics/item/20751-kazahskie-igry-v-pantjurkizm.html>.
4. The Law of Hungary “On Citizenship”. Amendment of 26.05.2010. (2010). [MyHungary.Net]. Retrieved 15 November 2016 from <http://myhungary.net/country/736-zakon-o-grazhdanstve-deystvie-i-protivodeystvie.html>.

5. "Mjagkaja sila": kul'tura ili propaganda? ["Soft Power": culture or propaganda?]. (2016). BBC. Russkaja sluzhba [BBC News]. Retrieved 16 November 2016 from http://www.bbc.com/russian/features/2016/06/160614_5floor_russia_soft_power
6. Paksha, R. (2015). Pravoradikal'nye sily Vengrii v jepohu M. Horti [Right-wing forces in Hungary in the M.Horthy era] (translation from Hungarian) //Bereginja-777-Sova [Keeper-777-Owl], 3 (26), 22–31.
7. Petervari N. (2010). Vengrija uzakonila dvojnoe grazhdanstvo. Pochemu molchit Ukraina? [Hungary legalized dual citizenship. Why Ukraine is silent?]. [UNIAN]. Retrieved 12 November 2016 from <http://www.unian.net/society/371773-vengriya-uzakonila-dvoynoe-grajdanstvo-pochemu-molchit-ukraina.html>.
8. Sabo F., Borshan'i A. (2004). Morbus hungaricus, ili demograficheskij krizis v Vengrii. [Morbus hungaricus, or the demographic crisis in Hungary]. [Ecsocman]. Retrieved 28 November 2016 from <http://ecsocman.hse.ru/data/958/878/1219/006.SZABO.pdf>.
9. Semushin D. (2012). Pochemu Vengrija predala finno-ugorskoe edinstvo v pol'zu «Velikogo Turana». [Why Hungary has betrayed the Finno-Ugric unity in favor of "Great Turan"]. [Regnum]. Retrieved 30 November 2016 from <https://regnum.ru/news/polit/1560422.html>.
10. Zachem vengram turanizm? [Why did the Hungarians Turanism?]. (2016). [TobolInfo]. Retrieved 06 December 2016 from <http://tobolinfo.kz/news/world/1701473/>.

Информация об авторе

Мусина Резеда Идвартовна

к.полит.н.

Доцент кафедры политологии и социологии

Московский государственный педагогический университет

Российская Федерация

E-mail: mrezeda@mail.ru

Rezeda I. Musina

Docent, PhD in Political Sciences

Department of politics and Sociology

Moscow State Pedagogical University

Russian Federation

E-mail: mrezeda@mail.ru

ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ФАКТОРОВ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РФ

А. В. ОЧКИНА

Аннотация. Во введении автор отмечает, что ряд факторов, ослабивших культурное влияние России в мире, не отменяет объективных исторических ресурсов политического и социокультурного влияния России. В статье анализируется система высшего образования, привлекающую иностранных студентов, в качестве структуры, способной уже сегодня формировать и аккумулировать факторы культурного влияния России.

Теоретико-методологической базой исследования стали концепция «мягкой силы», сформулированная Дж. Наем, положения социологии образования и междисциплинарных исследований, посвященных социальным функциям образования.

В статье приводятся результаты эмпирического исследования, проведенного автором осенью 2015 и зимой 2015/16. Автором использовалась качественная методология как наиболее адекватная природе изучаемых процессов. В ходе эмпирического исследования проводились интервью с экспертами, преподавателями и научными сотрудниками российских и зарубежных вузов, а также с иностранными студентами в российских вузах и с россиянами, обучающимися в зарубежных вузах.

Согласно результатам исследования потенциал российского образования в качестве ресурса и фактора мягкой силы заключается в структуре мотиваций и географической локализации массовой потребности в российском образовании, которая сильнее всего выражена в странах постсоветского пространства и может стать значимой в ряде стран третьего мира в дальнем зарубежье. Но развитие данного потенциала возможно только в рамках последовательной комплексной государственной политики в сфере образования и культуры.

Обобщая выводы исследования, автор заключает, что у России есть отдельные впечатляющие успехи в международной конкуренции, но ситуация на рынке образовательных услуг пока не обещает

радикальных прорывов. Содержание и географическая локализация потребности в российском высшем образовании говорят о том, что оно остаётся ресурсом «мягкой силы» внешней политики в третьем мире. Однако эффективно использовать этот ресурс можно только при восстановлении важных принципов, заложенных в советское время в развитие системы высшего образования. Это — комплексность, фундаментальность в сочетании с функциональностью, ориентация на решение социально значимых задач.

Ключевые слова: *мягкая сила, образование, культурное влияние России.*

Введение. Необходимым элементом «мягкой силы» (soft power) внешней политики страны является её авторитет, основанный на объёмном, признанном, а не просто декларируемом доминировании — культурном, идеологическом, интеллектуальном. Однако ресурсы внесилового политического влияния на мировой арене не могут быть созданы на пустом месте только пропагандистскими усилиями, они формируются в процессе исторического развития и существуют либо как реальные, действующие факторы «мягкой силы», либо только как её предпосылка.

Принципиально важно понимать, что культурные, идеологические и прочие ресурсы и факторы «мягкой силы» нуждаются в поддержании и воспроизводстве. И принципиально важно то, что в сфере культурного и интеллектуального производства формальные рейтинги и количественные показатели либо вообще не работают, либо работают как дополнение к неформальной репутации, которая в свою очередь поддерживается массовым сознанием на основе неформализуемого коллективного опыта и мнения экспертных сообществ.

Современная Россия обладает следующими ресурсами укрепления soft power:

1. *Культура* мирового значения, давшая миру уникальные художественные образы, философские и научные открытия, моральные максимы, творческие принципы и модели, а также *язык*, являющийся родным для 166 миллионов и вторым — для 291 миллиона человек, язык, всё ещё выполняющий функции языка межнационального общения на постсоветском пространстве. Накопленная на этом языке литература, в том числе и переводная, является важнейшей гарантией его востребованности в качестве языка научного знания. В этом плане принципиально важно не только то, насколько литература пополняется новыми значимыми текстами, но и то, насколько через русский язык открывается доступ ко всему массиву международного знания, созданного на других языках. Глобализация потенциально работает на русский

язык в той мере, в какой на нем может фиксироваться и оформляться международное научное знание и художественный опыт. В этом плане русский язык является одним из самых утилитарно-полезных, наряду с английским, французским и немецким, но при отсутствии систематического пополнения корпуса доступных текстов эта роль может быть утрачена (и, к сожалению, уже постепенно утрачивается) так же, как в своё время была утрачена роль латыни.

2. *История* — ведущая роль России (СССР) в победе над фашизмом, статус второй супердержавы, который имел СССР, опыт историко-политической рефлексии и самокритики, который Россия (СССР) продемонстрировала в 60-х и 90-х годах XX столетия. И, наконец, особое историко-географическое положение, которое Россия занимает между Западом и Востоком, многонациональный и поликонфессиональный характер её населения и культуры.

3. *Институты и структуры* — советская система образования и просвещения, благодаря которой во многом сформировалась интеллектуальная среда не только самой России, но и в странах постсоветского пространства, и отчасти — в странах Восточной Европы и Третьего мира.

Существует ряд взаимосвязанных факторов, ослабивших ресурсы «мягкой силы» России. Во-первых, крах СССР и поражение коммунистической идеологии, борьба с которой во многих странах советской сферы влияния трансформировалась в неприязнь к России. Во-вторых, утверждение мировой гегемонии США и утрата Россией позиций мирового лидера. И, в-третьих, социально-экономические проблемы России, подрывающие институциональную основу её собственного социокультурного развития и, как следствие, влияния в мире. Необходимо учитывать и сознательную агрессивную работу, которую вели элиты Восточной Европы ради подрыва российского влияния и культурных связей, причем часто даже ценой разрушения собственного образования, потери подготовленных кадров и дезорганизации, провинциализации собственного информационного пространства.

Однако всё это не отменяет перечисленных выше объективных исторических ресурсов политического и социокультурного влияния России. Более того, кризис гегемонии США, кризис ЕС, очевидная исчерпанность неолиберальной (прозападной) модели экономики и актуализирующееся снова и снова противостояние России и Запада вновь могут стать импульсами превращения исторических ресурсов в постоянно действующие факторы «мягкой силы» российской внешней политики. Но для создания необходимой для этого институциональной структуры

Россия должна пройти путь прогрессивных внутренних преобразований, способных активизировать её социокультурный потенциал.

При этом необходимо создавать новые, а также поддерживать и развивать существующие структуры, способные уже сегодня формировать и аккумулировать факторы культурного влияния России и потенциально — факторы «мягкой силы» российской внешней политики.

Наиболее эффективно роль таких структур может выполнять система высшего образования, привлекающая иностранных студентов. Подготавливая студентов к профессиональной жизни, вузы не только транслируют специализированные знания, но и формируют определённую профессиональную психологию, культуру, систему ценностей, приобщают иностранных студентов к различным аспектам жизни страны.

Кроме того, при условии систематичности и постоянства, большого разнообразия и масштаба подготовки специалистов для других стран влияние страны институционализируется, поскольку национальное образование становится органической частью или, как минимум, существенным фактором социального развития этих стран. Национальная система образования становится в таком случае одним из важнейших факторов «мягкой мощи», не менее, а в некотором отношении стратегически более значимым, чем системы международной экономической или военной помощи.

Такую роль постоянно действующего фактора «мягкой силы» играла советская система образования, привлекающая иностранных студентов в основном из развивающихся стран. С помощью советской системы высшего образования многие страны Азии, Африки, Латинской Америки в кратчайшие сроки заполнили специалистами целые отрасли своего народного хозяйства. «Преобладание среди иностранного контингента учащихся советских вузов выходцев из афро-азиатских, латиноамериканских и восточно-европейских стран обуславливалось прежде всего их тесным экономическим сотрудничеством с СССР и широким использованием в них советской техники и оборудования, для работы с которыми требовались подготовленные национальные кадры». [Арефьев, Шереги, 2014, с. 11].

Разумеется, национальная система образования наиболее эффективно действует как фактор «мягкой силы» при наличии постоянно действующих масштабных программ подготовки специалистов для определенных сфер народного хозяйства других стран и в рамках постоянно действующих систем и схем международного сотрудничества в различных областях. И в этом смысле современная Россия утратила часть потенциала своей системы высшего образования как фактора

«мягкой силы», хотя и опережает сегодня СССР по объёму привлечения иностранных студентов в отечественные вузы.

Однако наличие определенного международного интереса к российской системе образования, сохраняющийся высокий уровень подготовки в российских вузах и лидерство России в определенных областях знания представляют собой условия для развития и воспроизводства культурного влияния России и являются своего рода катализатором для процессов, способствующих наращиванию «мягкой мощи» внешней политики.

Именно поэтому крайне актуально выявление потенциала российского высшего образования в качестве важной структуры формирования и воспроизводства различных элементов международного культурного влияния России.

Теоретические основания исследования. Теоретико-методологическая база программы и интерпретации результатов исследования строилась на положениях и выводах, сформированных в рамках нескольких исследовательских полей.

Во-первых, это теория мягкой силы в международных отношениях, введенная в научный оборот американским политологом Джозефом Наем в 1990 году. Согласно Джозефу Наю реализация политики «мягкой силы» предполагает, во-первых, наличие у государства социокультурных, интеллектуальных и информационных ресурсов, имеющих мировое значение и прямое влияние на мировое социокультурное развитие. Во-вторых, для превращения потенциала в практическую политику необходимо существование и воспроизводство социальных структур, носителей и агентов культурного влияния, как формального, так и неформального, находящего опору в различных структурах гражданского общества. И в третьих, политика «мягкой силы» будет работать только в том случае, если культурное влияние, культурный авторитет страны постоянно воспроизводится и укрепляется в рамках практических взаимодействий в области художественного, научного и интеллектуального производства на самых разных уровнях, в том числе и на уровне индивидуальных жизненных стратегий в сфере образования и профессиональной реализации.

В современной российской политической литературе концепция мягкой силы нередко подвергается критике, однако совокупность её факторов признается более или менее неизменной в разных источниках. Например, можно привести такое определение: ««Мягкая сила» основывается на таких ресурсах как культурно-ценностная привлекательность, привлекательность национально-государственной экономической модели развития, привлекательность политической модели». [Чихарев, Столетов, 2014, с. 58].

Во-вторых, большое значение для разработки инструментария исследования имели некоторые положения социологии образования, а также различных междисциплинарных работ, посвященных изучению социальных функций образования, его общественного значения.

Для разработки концепции и интерпретации результатов исследования важно было понимание системы образования как подсистемы общественного производства, служащей не только целям индивидуального совершенствования, но и для решения коллективных задач, для обеспечения развития и воспроизводства общества. «Несмотря на всю противоречивость становления постиндустриального общества, можно отметить как более или менее очевидный социальный факт возрастания значимости знаний и творческих способностей работников в современном обществе, в том числе и в экономике. Повышение человекоёмкости производства заставляет рассматривать образованность, эрудицию, способности, ценностные ориентации и целевые установки людей не просто как характеристики работников, влияющие на стиль управления, но и как основные характеристики трудового потенциала, как серьезный экономический ресурс. С другой стороны, повышение роли индивидуальности в производственном процессе открывает перед человеком относительно все большие возможности реализации своих творческих сил с позитивным социально-экономическим результатом». [Очкина, 2010, с. 67].

Такая точка зрения на систему образования позволяет увидеть её целостность, комплексность, органическую связь с социально-экономическими процессами в обществе. Соответственно несколько иначе видится роль высшего образования в качестве структуры создающей, поддерживающей и воспроизводящей факторы внешнего культурного влияния и «мягкой силы». Это уже не только поле индивидуальных возможностей для иностранных граждан или структура, привлекающая валютные средства в страну. Это система, способная, во-первых, массово трансформировать индивидуальные жизненные стратегии молодых людей из разных стран, персонализировав таким образом культурное влияние страны. Во-вторых, это постоянно действующий механизм трансляции и внедрения достижений и ценностей страны в научную, интеллектуальную и культурную жизнь мирового сообщества. И, в-третьих, это социальный институт, на базе и при содействии которого организуются и поддерживаются различные структуры международного взаимодействия.

Исследование: основная часть. Исследование проводилось осенью 2015 и зимой 2015/16, целью было выявление потенциала института высшего образования в качестве механизма формирования,

воспроизводства и распространения культурного влияния страны. В соответствии с целью были сформулированы задачи исследования:

1. Выявить и проанализировать ожидания и мотивы субъектов академической мобильности.
2. Выявить и проанализировать факторы привлекательности российского образования для иностранных студентов.
3. Определить направления развития академической мобильности, наиболее привлекательные с точки зрения формирования ресурсов и факторов «мягкой силы».

Согласно гипотезе исследования российское высшее образование имеет довольно достойную репутацию у зарубежных абитуриентов и у мирового академического сообщества, что делает российское образование ресурсом роста международного культурного и интеллектуального влияния России. Но ориентация преимущественно на экспорт образовательных услуг не способна превратить этот ресурс в действующий фактор «мягкой силы» российской внешней политики.

Методология исследования. Мы выбрали качественную методологию исследования, сочтя её более адекватной природе изучаемых процессов и целям, которые мы преследовали. Мы ориентировались на то, что «Специфика качественной социологии — том, что она нацелена на определения причинностей. Ядром этой методологии (и шире — способа видения) является то, что, рассматривая повторяющиеся формы человеческих взаимодействий, ...она нацелена на определение их причинностей, заложенных в сфере смысла, придаваемого действиям объектами исследования». [Качественные методы, 2009, с. 21].

Процедура исследования. В течении пяти месяцев проводились экспертные интервью и фокусированные интервью с преподавателями и научными сотрудниками российских и зарубежных вузов, а также с иностранными студентами в российских вузах и с россиянами, обучающимися в зарубежных вузах.

Для отбора респондентов из академической среды выбирались профессора ведущих российских классических и технических университетов в разных регионах. Среди университетов выбирались как мировые, так и национальные лидеры, как в странах, принимающих большой поток иностранных студентов (Великобритания, США, Канада, Германия), так и в странах, «отдающих» студентов в другие страны (Индия).

Экспертами выступили:

- представители руководства университетов, занимающиеся международными проектами и программами (проректора, заместители директоров институтов по международной деятельности);

- работники государственных структур, регулирующих академическую мобильность;
- работники негосударственных специализированных агентств, осуществляющих помощь в получении образования за рубежом.

Интервью фиксировались на диктофон, расшифровывались и подвергались как индивидуальному, так и компаративному анализу, а также анализу в контексте объективной информации о состоянии системы российского образования и международной академической мобильности.

Результаты исследования. Результатами исследования стали десять экспертных интервью, пятнадцать интервью с профессорами зарубежных университетов, десять интервью с профессорами российских вузов, участвующих в различных программах международной академической мобильности, двадцать пять интервью с иностранными студентами российских вузов и десять интервью с россиянами, обучающимися за рубежом по различным программам. В статье полученные данные приводятся в основном в обобщённом виде, мы отобрали только некоторые цитаты из интервью, наиболее ярко и убедительно подтверждающие выводы.

Анализ результатов. Согласно результатам исследования образ страны, её общая репутация, нередко становятся ключевыми факторами при принятии решения о получении высшего образования за рубежом, что подчеркивали все эксперты и большинство опрошенных профессоров российских и зарубежных университетов.

Профессор Университета Монитобы (University of Manitoba Winnipeg; Канада) заявил: *«Думаю, первоочередную роль играет сама страна, а не университет. Язык играет очень большую роль в выборе вуза, и думаю, что та же Россия с распадом СССР заметно ощутила снижение заинтересованности иностранцев в обучении также и в результате изменения статуса русского языка — он во многом потерял свой «международный» характер».* Профессор университета Висконсин-Милуоки (The University of Wisconsin–Milwaukee, США) отмечает, что репутация страны имеет большое значение для привлекательности её образования и подчеркивает, что в настоящее время мировая репутация России складывается не в её пользу. *«К сожалению, ситуация в Украине очень сильно навредила репутации России. Россия может восстановить позиции только предложив новую, альтернативную экономическую и социальную модель всему миру, и, насколько вы знаете, она этого не делает».*

Приведем точку зрения профессора университета Нью-Йорка (New York University, NYU): *«Имидж страны имеет решающее значение. Например, качество у английского образования не очень высокое, как*

известно, или не известно. Дело в том, что Великобритания располагает двумя колоссальными преимуществами: это репутация страны, и это английский язык. ...А университеты...там же платят мало, и сами английские профессора при первой возможности стараются уехать в Америку. Австралийские университеты, которые создавались недавно из ничего, тоже имеют определённые преимущества. ... Репутация страны имеет большое значение. Можно, конечно, сделать анклав, но это вопрос: что такого нужно было бы сделать, например, в Албании, чтобы создать университет мирового уровня, куда захотят ехать учиться, по сравнению, например, с Шотландией?».

Профессор физики (Professor of Physics) Йельского университета (Yale University; США): *«Имидж страны очень важен. Студенты хотят стабильности и качества, хотят знать, что место, где они учились, будет существовать еще долгое время, чтобы они могли получать рекомендации, может, получить в будущем работу».*

Очень важны, по мнению наших респондентов, успехи страны в той области, в которой студент или аспирант собирается специализироваться.

Представитель организации «Инкор-вуз»⁶¹: *«Если страна технологически развита, если есть достижения в разных областях знаний, естественно, туда будут стремиться ехать, невзирая ни на что. Наблюдается большой поток потенциальных студентов и из стран, с которыми, казалось бы, отношения исторически складывались сложные. Так, из Японии много заявок на приём студентов за деньги. Государственная линия в этом случае вообще не рассматривается, только по контракту. Например, на компьютерные технологии МГУ — при том, что эта отрасль и в самой Японии хорошо развита, а на политическом уровне с этой страной у нас отношения всегда были непростыми».*

⁶¹ Международный координационный совет выпускников учебных заведений Инкорвуз-XXI — неправительственная организация, созданная в 2001 году и являющаяся продолжателем созданной по инициативе Министерства образования СССР Международной корпорации выпускников советских учебных заведений. Основной целью организации является налаживание и поддержание сотрудничества между иностранными выпускниками, их объединениями и вузами России и других стран СНГ, помогать обмену идеями и опытом, прежде всего между национальными ассоциациями, наконец, консолидировать деятельность всего мирового движения выпускников. МКС «Инкорвуз-XXI» поддерживает отношения с авторитетными международными организациями, имеет «Специальный консультативный статус» в Экономическом и Социальном Совете ООН, «Статус ассоциированных отношений» с Департаментом общественных отношений ООН, «Статус официальных консультативных отношений» с ЮНЕСКО. Партнерство является учредителем Международной кафедры ЮНЕСКО/Инкорвуз по развитию неправительственных организаций.

Руководитель программ «Глобальная политика и современная история» (британский бакалавриат) и «Международная политика» (британская магистратура) Московской высшей школы социальных и экономических наук заявил следующее: *«Чтобы люди были заинтересованы получать образование в конкретной стране, эта страна должна иметь ощутимые успехи в соответствующей отрасли знаний или демонстрировать успехи на практике. ... Определённо такие вещи очень сильно автоматически влияют и на репутацию соответствующих вузов. В каких-то технических областях всё ещё репутация России в этом плане поддерживается, однако на фоне отсутствия развития передовых технологий положение России здесь постоянно ослабевает. К сожалению, этот тренд зависит не от вузов, а от страны в целом».*

Необходимо подчеркнуть, что образ страны особенно важен в том случае, если потенциальный студент планирует именно в ней продолжать свою карьеру. С другой стороны, наличие возможности остаться и продолжать работу, сделать карьеру в стране положительно сказывается на её имидже.

Представитель «Инкор-вуза»: *«В плане привлечения иностранцев для обучения в нашу страну государство имеет потенциал, конечно, гораздо больший, чем кто-либо другой. Во-первых, должны быть решены такие вопросы, как работа во время обучения, что практикуется во многих развитых странах, в той же Австралии, Японии, Америке, где разрешают студентам работать часть времени (неполный рабочий день) и хоть как-то зарабатывать себе на жизнь, а не всё возлагать на родителей. У нас студенты заработать и хотели бы, но элементарно не могут, такое у нас законодательство. Это, конечно, барьер для многих студентов. Во-вторых, должна быть политика в отношении выдающихся студентов, которые получили образование в нашей стране, им нужно предоставить возможность здесь работать. Хотя многие и хотят остаться, но это никак у нас не приветствуется. В этом существенный минус России в сравнении с некоторыми другими странами».*

Представитель агентства QS⁶²: *«Зачастую важнейшим фактором выступают экономические условия в соответствующих странах, соотношение цены и качества образования, также важнейшей характеристикой являются перспективы остаться в определённой стране и получить там работу. Сочетание таких характеристик сильно отражается на структуре академической мобильности».*

⁶² QS — британская консалтинговая компания Quacquarelli Symonds (QS), составляющая один из самых авторитетных мировых рейтингов университетов.

Представитель организации «Инкор-вуз» привлекает внимание к тому факту, что *«...очень часто можно наблюдать, как студенты озабочены не столько уровнем образования, сколько возможностью трудоустроиться в какой-либо стране и остаться там на постоянное место жительства. Такая картина во многом характеризует рынок образовательных услуг в Европе и США. В США, конечно, есть очень сильные вузы, такие как MIT, но есть и очень много посредственных, стоящих на ступеньку ниже российского образования в целом. В этом случае потенциальных студентов привлекает не образование, а диплом, который признается в западном мире, и возможность получить там работу. Поэтому академическая мобильность уровень образования характеризует отнюдь не однозначно.»*

Кроме того, очень важным моментом выбора той или иной страны для обучения являются семейные, личные обстоятельства абитуриента, студента. Многие выявленные нами индивидуальные случаи отражают тенденцию, характерную для стран постсоветского пространства. В этих странах довольно много потенциальных студентов российских вузов, желающих получать образование на русском языке, жить в России, приобщиться к российской культуре.

Однако необходимо отметить, что некоторые зарубежные эксперты, отмечая успехи российского образования в отдельных областях, скептически отзывались о перспективах России в целом в глобальной конкуренции образовательных учреждений.

Так, преподаватель астрофизики (Lecturer in Astrophotonics) австралийского университета Маккуори (Macquarie University) заявил: *«Россия является постоянным экспортером прекрасных postdoctoral researchers, прекрасно образованных и профессиональных. Но я думаю, что Россия не является привлекательным местом для жизни и работы. Наверное, это из-за сложившейся международной обстановки... Я знаю очень много прекрасных российских ученых: физиков, математиков, астрономов. Но я совсем не знаю российские вузы. Эта информация очень плохо распространяется.»*

Наиболее критически высказался профессор физики, руководитель собственной исследовательской группы в Гарварде (Harvard University; Doyle Group): *«У российского математического образования относительно прочная положительная репутация, у некоторых областей естественных наук. Однако потенциальный интерес к российскому образованию в мире не очень велик.»*

Профессор университета Беркли, руководитель департамента ядерных технологий (The University of California, Berkeley, США; Nuclear engineering department): *«Про российские вузы, к сожалению, говорить затруднительно.»*

... Многие специалисты, конечно, знают о крупнейших вузах России, о том же МГУ, тем более, что у некоторых была возможность там побывать. Так, у меня сложилось хорошее впечатление от МГУ в 1990–91 годах в отношении теоретического уровня в сфере физики, математики и так далее. Однако о текущем уровне судить очень тяжело — российские вузы у нас известны очень плохо, это серьёзный маркетинговый пробел».

Между тем эффект известности определённых направлений образования хорошо работает на популярность национальных учебных заведений, делает их первыми в списке вузов для тех абитуриентов, кто определился с направлением подготовки. По мнению экспертов довольно высоко котируется российское медицинское и строительное образование, известны успехи России в металлургии, горном деле, различных сферах искусства.

Образ страны в принципе важен для всех субъектов академической мобильности, делающих свой выбор в пользу конкретного вуза, но при первичном выборе образ страны, её репутация в мире, сложившиеся представления о её социально-экономическом положении и политическом режиме, язык и его статус могут стать так называемыми отсекающими признаками. Иными словами, при выборе университета для поступления на бакалавриат предпочтение изначально отдается определенным странам. Исключение составляют следующие ситуации:

- абитуриент заинтересован в получении довольно редкой специальности, что ограничивает его в выборе;
- абитуриент стремится получить престижное профессиональное образование, но в наиболее благополучных с социально-экономической точки зрения странах такое образование слишком дорого.

Нужно отметить, что определяющим имидж страны является для абитуриентов из наименее развитых стран Третьего мира, которые стремятся найти в стране обучения лучшие, чем на родине, условия жизни и работы. Абитуриенты из стран Латинской Америки нередко планируют вернуться на родину и найти там работу, используя преимущества престижного образования. Китайские студенты, обучающиеся за рубежом в рамках государственных программ, обязаны возвращаться на родину для трудоустройства.

А вот для выбора места обучения в магистратуре и аспирантуре, для работы после получения степени, для руководства лабораторией и преподавания репутация страны, её социально-экономическая и политическая ситуация являются хоть и важными, но вторичными, не отсекающими признаками, на первый план выступает репутация университета и его конкретные характеристики. Так, для выбора магистратуры и аспиранту-

ры важны репутация и специализация университета, статус лабораторий и руководителей, научный потенциал, репутация университета в кругу потенциальных работодателей. Для выбора места работы и преподавания важны масштаб финансирования исследований, заработная плата, творческая и исследовательская свобода, престиж университета и предлагаемой в нём позиции с точки зрения карьерных перспектив.

Представитель агентства QS: *«Если попытаться выделить какие-то общие тренды, то можно отметить, что для магистрантов в первую очередь важна репутация университета в выбранной специальности. Есть большое различие между репутацией университета в целом на рынке и в той отрасли, которой магистрант планирует посвятить свою карьеру. Не уровень преподавания, не формат, а именно репутация среди работодателей»*. Руководитель лаборатории наноэлектроники Швейцарской высшей технической школы в Цюрихе (Heads the Laboratory for Nanoelectronics at ETH Zurich) отмечает: *«Профессора, научные сотрудники, вероятно, меньше обращают внимание на имидж, чем студенты. Студенты хотят учиться в рейтинговом университете из-за возможностей дальнейшей карьеры, для создания сетей связи. Профессора и научные сотрудники заботятся о престиже с точки зрения возможностей получения финансирования своих исследований и возможности работать с лучшими студентами»*.

Важной составляющей привлекательности университетов является наличие свободы научного творчества, которую они предоставляют. Этот фактор акцентировали зарубежные респонденты — эксперты и профессора.

Показательным здесь является замечание руководителя лаборатории в ETH, которая называет ряд относительно самостоятельных характеристик, делающих вуз привлекательным для иностранных студентов и преподавателей: *«Для привлечения зарубежных профессоров и сотрудников (особенно в естественных науках) важна комбинация прекрасной инфраструктуры, академическая свобода (например, гибкое финансирование без зависимости от правительственных программ или инициатив), открытые возможности работать с промышленными предприятиями, привлекательной является также возможность создавать стартапы. Для студентов самым распространенным фактором привлекательности являются стипендии и гранты»*.

Профессор, руководитель лаборатории на медицинском факультете в университете Вандербильта (Gurevich Lab — Vanderbilt University School of Medicine, США): *«Для магистрантов и аспирантов, для молодых исследователей (postdoc's) очень важна возможность показать*

себя в проектах, иметь возможность выполнять не просто подсобные работы, а с элементом творчества, самостоятельности, всерьез участвовать в исследованиях, чтобы получать свой результат, который можно публиковать, пусть в соавторстве, но всё же как участнику серьёзного проекта. Состоявшемуся ученому важно то, насколько легко он сможет продвинуть свои идеи, каков механизм выделения финансирования, насколько университет заинтересован собственно в научном поиске, готов поддержать смелые идеи».

Масштаб и стабильность поддержки научных исследований, широта возможностей для научного эксперимента, высокое качество научной и культурной среды, научно-технической инфраструктуры университета являются первейшими факторами выбора вуза зарубежными профессорами, аспирантами и магистрантами.

Принципиален вопрос о языке. Английский язык становится важным условием международного успеха английского и американского образования. Многие ведущие вузы в других странах, принимая во внимание важность этого фактора, вводят преподавание на английском, делают этот язык официальным языком образования. Такие меры всегда резко и заметно повышают популярность университета.

Профессор физики Йельского университета в США (Yale University): *«Профессиональное образование должно быть на английском языке, и страна должна быть привлекательной в смысле дальнейшего карьерного успеха в будущем».* Руководитель лаборатории EТН в Цюрихе: *«Серьёзным сдвигом сегодня здесь, в Швейцарии, является то, что официальным языком всех магистерских программ является английский (вместо французского и немецкого), а также многие программы уровня бакалавриата (особенно на третьем году обучения) предлагаются сегодня на английском языке. Это упрощает работу профессоров и учебу студентов».* Профессор Гарварда, руководитель исследовательской группы: *«Английский язык имеет международный статус, поэтому образование на английском языке наиболее востребовано, но у русского языка огромный ареал распространения, и образование на русском языке может иметь масштабный и устойчивый спрос, хотя и в определенных макрорегионах».*

По мнению ряда наших респондентов — экспертов и преподавателей, у российских университетов есть такой важный ресурс привлекательности как русский язык и российская культура. Этот ресурс можно эффективно задействовать, ориентируясь на потенциальных студентов из стран постсоветского пространства. Для многих из них обучение в России является прекрасной перспективой повысить свои жизненные шансы, расширить возможности трудоустройства. Для студентов из развивающихся стран,

недовольных качеством и доступностью образования в своих странах, дополнительным аргументом в пользу российского образования может стать возможность выучить русский язык и получить тем самым пропуск на российский и сопредельные с ним рынки труда, шанс на проникновение более богатую и динамичную культурную и профессиональную среду. Важным является также соотношение цены и качества образования, которое у российских вузов гораздо привлекательнее, чем у западных.

Профессор университета Вандербильта: *«Русский язык — мощный аргумент российского образования для русскоговорящих студентов из Прибалтики, Белоруссии, Молдавии, Армении и Грузии, из Средней Азии и прочее, из всех стран постсоветского пространства. Этот аргумент необходимо использовать, предлагая одновременно с образовательными программами различные, в том числе и дистанционные, курсы русского языка. У русского и в третьем мире есть свои собственные аргументы — русская литература, русская культура. Это нужно использовать. Студенты, получившие образование в России и ставшие успешными профессионально, становятся добровольными и очень убедительными «агентами влияния» российского образования в своих странах вне зависимости от того, где они в результате найдут работу: в России, в своей стране или где-то ещё».*

Это мнение о важности языка как факторах привлекательности российского образования и культуры подтверждаются интервью с иностранными студентами, обучающимися в российских вузах. Многие из них, особенно студенты из Таджикистана, Туркмении, Молдавии, Грузии говорили о том, как важно для них получение образования именно на русском языке даже в том случае, если они собираются возвращаться работать в родные страны.

Наше исследование выявило три основных фактора международной привлекательности российских вузов, формирующиеся вне самой системы высшего образования и нуждающиеся для своего поддержания в последовательной и целенаправленной деятельности государства. Это, во-первых, общий образ страны и стабильность её политического и социально-экономического развития. Во-вторых, это состояние миграционного законодательства и правовой базы развития международных связей в сфере образования и науки. И это, наконец, признанные позиции страны в определенных научных и образовательных областях.

Потенциал российского образования в качестве ресурса и фактора мягкой силы заключается в структуре мотиваций и в географической локализации массовой потребности в российском образовании, сочетающихся с заинтересованностью в приобщении к русской культуре

и в изучении русского языка. Такая потребность сильнее всего выражена в странах постсоветского пространства, а при определенных целенаправленных усилиях может стать значимой в ряде стран третьего мира в дальнем зарубежье. Но развитие данного потенциала возможно только в рамках последовательной комплексной политики государства в сфере образования и культуры.

Заключение. Для практической и постоянной реализации потенциала «мягкой силы» стране необходимы внутренние структуры формирования факторов международного культурного влияния, существование которых является надёжным обеспечением постоянства и эффективности работы «проводников» мягкой силы — различных обществ, соглашений, институтов и фондов и т. п.

Система образования, привлекающая иностранных студентов, представляет собой социальный институт, через который формируются многие элементы потенциала «мягкой силы». С помощью открытой системы образования, с помощью академической мобильности соответствующие ценности и достижения получают мировое признание, персоналифицируются в специалистах, распространяются и воспроизводятся хотя бы частично в научных школах и направлениях. В результате формируется культурный и интеллектуальный авторитет страны, опирающийся как на постоянно действующие структуры международного сотрудничества в области образования и науки, так и на привлекательность российской системы образования для растущего числа иностранных студентов. При массовой подготовке иностранных специалистов осуществляется, по сути, экспорт достижений национальной культуры и науки, прибылью от которого становятся ресурсы культурного и интеллектуального влияния и, следовательно, «мягкой силы» внешней политики.

В целом и экспертные оценки, и интервью подтверждают определенную привлекательность российского образования для зарубежных студентов и профессоров. Однако тенденции наращивания данного потенциала весьма противоречивы и в полной мере отражают двойственность институционального развития современной российской системы высшего образования.

В современном российском обществе система высшего образования выполняет двоякую роль. Во-первых, это важнейший институт формирования трудового потенциала во всех его аспектах: профессиональном, культурном, этическом, гражданском, важнейшее условие развития общества.

А во-вторых, высшее образование в условиях капиталистической экономики — способ для индивида повысить свои шансы на рынке

труда, получить новые привлекательные возможности для профессионального и карьерного развития.

Противоречие между этими функциями углубляется в условиях доминирования прибыли в качестве цели общественного производства.

Цель личного развития трансформируется в цели коммерциализации индивидуальных способностей, а ориентация системы образования на созидание и развитие социокультурного и трудового потенциала преобразуется в стремление предоставлять, в том числе и на рыночных условиях, набор «образовательных услуг». Функционирование системы высшего образования тем самым всё больше подчиняется субъективным и случайным факторам, отклоняясь от логики внутреннего развития и стратегических задач.

Эффект культурного и интеллектуального присутствия России (СССР) за рубежом в настоящее время значительно ослаблен. Российское высшее образование имеет серьёзный потенциал роста, но использует его, в основном, наращивая экспорт образовательных услуг, что способствует его коммерческому успеху, но не может обеспечить массированное и систематическое распространение культурного и интеллектуального влияния России в мире и уж тем более не может превратить российское образование в серьёзный фактор социального развития зарубежных стран.

У России есть отдельные впечатляющие успехи в международной конкуренции, но общая ситуация на рынке образовательных услуг пока не обещает радикальных прорывов. Между тем содержание и географическая локализация потребности в российском высшем образовании говорят о том, что оно остаётся ресурсом «мягкой силы» внешней политики. Однако эффективно использовать этот ресурс можно только при восстановлении наиболее важных принципов, заложенных ещё в советское время в развитие системы высшего образования. Это — комплексность, фундаментальность в сочетании с функциональностью, ориентация на решение социально значимых задач. Опора на советскую традицию эффективна даже с точки зрения прагматической, ибо эта традиция — модернистская и всё ещё живая, в том числе и за пределами РФ. Для нашего социально-политического и культурного возрождения (и для возрождения России в качестве значимой евро-азиатской державы) роль советской культуры может быть сравнима лишь с ролью классической Античности для Возрождения в Западной Европе в XV-XVI веках. Однако принципиально важно, что советское наследие может «работать» сегодня только через критическое культурное переосмысление, позволяющее преодолеть его консервативные и авторитарные черты, способствовавшие крушению СССР.

Литература

1. Арефьев А. Л. /А.Л. Арефьев, Ф.Э. Шереги. Иностранные студенты в российских вузах. Министерство образования и науки Российской Федерации. — М.: Центр социологических исследований, 2014. 228с. [Электронный ресурс]
2. URL: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/2014/full.pdf> (дата обращения: 10.01.2017).
3. Качественные методы. Полевые социологические исследования/И. Штейнберг, Т. Шанин, Е. Ковалев, А. Левинсон. СПб.: Алетея, 2009. 352 с.
4. Очкина А. В. Культурный капитал семьи как фактор социального поведения и социальной мобильности (На материалах исследования в провинциальном российском городе)//Мир России. 2010. №1. С. 67–88.
5. Чихарев И. А. К вопросу разумного использования мягкой силы в Российской внешней политике/Чихарев И. А., Столетов О. В.//Геополитический журнал. 2014. №4. С. 55–71.

POTENTIAL OF RUSSIAN HIGHER EDUCATION FOR FORMING FACTORS «SOFT POWER» OF THE RUSSIAN FEDERATION

Anna Ochkina

Abstract. *The author notes that there are a number of factors, weakened the cultural influence of Russia in the world. However, today it is possible to ascertain the existence of objective historical resources of Russia's political and socio-cultural influence. The article analyzes the higher education system as a structure capable of today to create and accumulate cultural factors influence Russia.*

Theoretical and methodological basis of the study was the concept of "soft power", formulated by Joseph S. Nye, sociology of education and interdisciplinary research on the social functions of education.

The article presents the results of empirical research conducted by the author in the autumn of 2015 and winter 2015/16. qualitative research methodology as the most adequate to the nature of the object of study was used.

In the course of the empirical research conducted expert interviews and focused interviews with teachers and researchers of the Russian and foreign universities, as well as with foreign students in Russian universities and Russians studying in foreign universities.

Demand for Russian education is expressed in the post-Soviet countries, and may be significant in a number of Third World countries in the far abroad. This causes the potential of Russian education as a resource and a factor of soft power in the Third World. However, the development of this potential can only be in the framework of a coherent, integrated state policy in the sphere of education and culture.

The author concludes that Russia has some impressive successes in international competition, but the situation in the educational market is not promising radical breakthroughs. The content and geographical localization needs in Russian higher education say that it remains a resource of “soft power” foreign policy. However, the efficient use of this resource is possible only with the restoration of the most important principles enshrined in the Soviet era in the development of higher education system. This — the complexity, solidity combined with functionality, focus on the solution of social problems.

Keywords: soft power, education, Russia’s cultural influence.

References

1. Aref’ev, A. L., Sheregi, F. Je., (2014). Inostrannye studenty v rossijskih vuzah. [Foreign students in Russian universities.] Retrived 10 January 2017 from <http://www.socioprognoz.ru/files/File/2014/full.pdf>
2. Chiharev, I. A., Stoletov, O. V. (2014). K voprosu razumnogo ispol’zovanija mjagkoj sily v Rossijskoj vneshnej politike [On the question of reasonable use of soft power in the Russian foreign policy]. In Geopoliticheskij zhurnal [Geopolitical Journal], 4, 55–71.
3. Ochkina A.V. (2010) Kul’turnyj kapital sem’i kak faktor social’nogo povedenija i social’noj mobil’nosti (Na materialah issledovanija v provincial’nom rossijskom gorode) [The cultural capital of the family as a factor of social behavior and social mobility (On materials of research in the provincial Russian city)]. In Mir Rossii [Universe of Russia], 1, 67–88.
4. Shtejnberg, I, Shanin, T., Kovalev, E., Levinson, A. (2009). Kachestvennye metody. Polevye sociologicheskie issledovanija [Qualitative methods. Field sociological studies]. Sankt-Peterburg: Aleteja.

Информация об авторе

Очкина Анна Владимировна

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Пензенский государственный университет

Заведующий кафедрой «Методология науки, социальные теории и технологии», кандидат философских наук, доцент

e-mail: ochkina@inbox.ru.

Anna Ochkina

Candidate of Philosophical Sciences (PhD), Associate Professor, Penza State University, Russia.

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ СООБЩЕСТВА КАК ФАКТОР «МЯГКОЙ СИЛЫ» НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Н. В. СУХОВ, М. Ю. ДУБОВИКОВА

***Аннотация.** В предлагаемой вниманию читателей статье раскрывается роль и значение русскоязычных сообществ для продвижения политических, экономических и гуманитарных интересов России в арабских странах. Исследование проведено на основе личных контактов и опыта работы авторов в ближневосточном регионе, анализа социальных сетей и СМИ арабских стран.*

Сегодня на Ближнем Востоке наблюдается противоречивое отношение общественности к России: наряду с традиционно позитивным образом нашей страны возник и отрицательный имидж на фоне событий в Сирии. При решении задачи формирования положительного образа нашей страны в глазах элит и широких слоев населения арабских стран необходимо использовать потенциал сотрудничества с партнерскими общественными организациями в странах региона, в первую очередь, ассоциациями соотечественников и выпускников советских/российских вузов. Последние занимают заметные позиции в государственном аппарате, местных СМИ и бизнесе, активно участвуют в общественной жизни своих стран. Русскоязычное сообщество в регионе Ближнего Востока и Северной Африки превышает по численности 100 тысяч человек, не считая ОАЭ, где насчитывается ещё столько же людей, говорящих по-русски. Многие из них играют заметную роль в своих странах, формируют определенный образ России, являются потенциальными экономическими агентами нашей страны.

Не менее важным обстоятельством является сегодня наличие в составе русскоязычных сообществ арабских стран большого количества выходцев из Украины. Большинство из них занимает пророссийскую позицию, и это обстоятельство следует использовать для работы с местным общественным мнением.

В ряде арабских стран уже возникли второе и третье поколения детей от смешанных браков, которые чувствуют себя патриотами России, но воспринимаются как «свои» местными обществами. Они создают

молодежные организации, входят в профессиональные ассоциации, потенциал которых также необходимо задействовать для проведения культурных, информационно-политических и благотворительных мероприятий российских НПО и государственных структур.

В статье сделан обзор организаций соотечественников и выпускников советских/российских вузов, описываются тенденции развития русскоязычных сообществ в арабских странах, даются практические рекомендации по применению имеющейся здесь российской «мягкой силы».

Ключевые слова: *российские соотечественники, смешанные браки, мягкая сила, гуманитарные связи, межкультурные коммуникации, арабские страны.*

Введение. *Теоретические основания исследования.* Основная задача исследования заключается в том, чтобы дать развернутое представление о русскоязычных сообществах в арабских странах и раскрыть их роль в качестве российской «мягкой силы» на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Объект исследования — русскоязычные сообщества в арабских странах.

Предмет исследования — общественная и организационная деятельность русскоязычных сообществ в тех арабских странах, где они сложились на сегодняшний день, как один из факторов «мягкой силы» России в регионе.

Процедура исследования — сбор и анализ информации, содержащейся в документах, на сайтах, форумах и блогах, в опубликованных статьях, телерепортажах, интервью, проведенных непосредственно авторами статьи, об общественной и организационной деятельности русскоязычных сообществ, оказывающей импактологическое воздействие на общественное мнение в арабских странах.

Основная цель статьи — показать роль и место русскоязычных сообществ как инструмента «мягкой силы» в реализации внешней политики Российской Федерации на Ближнем Востоке.

Отметим, что серьезных научных исследований роли русскоязычных сообществ в арабских странах как фактора «мягкой силы», ни российскими, ни западными специалистами не проводилось. Исходя из установки на получение объективных результатов, поставленные в статье задачи решались в первую очередь на основе критического анализа личных бесед (интервью) и переписки авторов с лидерами таких сообществ, форумов и блогов соотечественников и выпускников в сети интернет, информационных материалов Россотрудничества (контент-анализ), а также методологических принципов верификации

и системности. Широко использовались также приемы научной обработки данных и историко-социологический анализ событий и общественно-политических процессов в регионе.

Исследование: основная часть. В современной системе международных отношений все более значительную роль стал играть инструментарий гуманитарного влияния — так называемой «мягкой силы», введенной в оборот американским политологом Джозефом Наем [1] как термин, который означает достижение стратегических целей с помощью не силовых, а культурных и идеологических механизмов.

В нашей стране понятие «мягкой силы» впервые получило юридическое оформление в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной президентом В. Путиным 12 февраля 2013 г. Оно интерпретируется как «комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии» [2]. В новой Концепции от 30 ноября 2016 г. речь идет о том же, но другими, более конкретными словами: «создание благоприятных внешних условий для устойчивого роста и повышения конкурентоспособности экономики России, ее технологического обновления, повышения уровня и качества жизни населения», «усиление роли России в мировом гуманитарном пространстве, распространение и укрепление позиций русского языка в мире, популяризация достижений национальной культуры, национального исторического наследия и культурной самобытности народов России, российского образования и науки, консолидация российской диаспоры», и, наконец, «содействие развитию конструктивного диалога и партнерства в интересах укрепления согласия и взаимообогащения различных культур и цивилизаций» [3].

Мировой опыт свидетельствует, что максимальный эффект влияния достигается сочетанием инструментария «мягкой» силы и традиционных мероприятий внешней политики, международного экономического, финансового и гуманитарного сотрудничества. Следует отметить, что в рамках задачи формирования позитивного образа нашей страны в глазах элит и населения арабских стран не в полной мере используется потенциал сотрудничества с партнерскими общественными организациями в странах региона, такими, как ассоциации выпускников советских/российских вузов и соотечественников.

Сегодня на Ближнем Востоке наблюдается противоречивое отношение общественности к России: наряду с традиционно позитивным образом нашей страны возник и отрицательный имидж на фоне со-

бытий в Сирии и Йемене. При решении задачи формирования положительного образа нашей страны в глазах элит и населения арабских стран необходимо использовать потенциал сотрудничества с партнерскими общественными организациями в странах региона, в первую очередь, ассоциациями соотечественников и выпускников советских/российских вузов. Важно отметить, что последние занимают заметные позиции в государственном аппарате, местных СМИ и бизнесе, активно участвуют в общественной жизни своих стран.

В настоящее время о положении, которое занимают соотечественники и выпускники в арабских странах, об их семейных, общественных, профессиональных связях известно узкому кругу лиц. В то время как русскоязычное сообщество в регионе Ближнего Востока и Северной Африки приближается по численности к 200 тысяч человек. Эти люди играют заметную роль в своих странах, являются проводниками позитивного образа России, а также потенциальными экономическими агентами нашей страны.

Все выходцы из СССР и России, которых мы и относим к категории «соотечественники», в той или иной степени интегрировались в принимающие общества. В ряде арабских стран (Египет, Ливан, Марокко, Тунис) в XX–XXI вв. сложились общины, где российскими соотечественниками себя считают и те, кто в силу обстоятельств стали гражданами Украины, Белоруссии, Грузии и других бывших союзных республик. В Иордании, Ливане и Сирии, например, «самосознание российско-го соотечественника» возникло в последние годы на фоне кризисных процессов на Ближнем Востоке у членов многочисленных черкесской и дагестанской диаспор, являющихся на самом деле потомками горцев, эмигрировавших с Кавказа в XIX в.

Не менее важным обстоятельством является сегодня наличие в составе русскоязычных сообществ арабских стран большого количества выходцев из Украины. Большинство из них занимает пророссийскую позицию, и это обстоятельство следует использовать для работы с местным общественным мнением.

В ряде арабских стран уже возникли второе и третье поколения детей от смешанных браков, которые чувствуют себя патриотами России, но воспринимаются как «свои» местными обществами. Они создают молодежные ассоциации, потенциал которых также необходимо задействовать для проведения культурных, информационно-политических и благотворительных мероприятий российских НПО.

Принимая во внимание внутренние и внешние жесткие ограничения, налагаемые на российские государственные учреждения и орга-

низации по оказанию поддержки соотечественникам в зарубежных государствах, имеет смысл наладить взаимодействие с ними через российские и местные НПО, о которых идет речь ниже.

АЛЖИР. Ассоциация российских женщин в Алжире образована в 1989 году, объединяет соотечественниц из России и стран СНГ и насчитывает более 100 членов. Через Координационный совет соотечественников (далее КСС) в Алжире оказывается материальная поддержка нуждающимся соотечественникам, организуется направление детей соотечественниц на учебу в вузы России. При Ассоциации действует библиотека и работают курсы русского языка, где ежегодно обучаются до 35 человек. Русскоязычное сообщество состоит из более 500 постоянно проживающих в Алжире граждан России и примерно 130–140 выходцев из стран СНГ. Дети от смешанных браков (около 800 человек), как правило, перенимают российские традиции и обычаи, в семьях говорят на русском языке. В последние годы активизировалась русскоязычная молодежь — повзрослевшие дети от смешанных браков. Они организовали в г. Алжире клуб «Русская школа», который при поддержке посольства России проводит концерты и литературные вечера, экскурсии и кулинарные конкурсы, привлекающие и не говорящую по-русски алжирскую молодежь. Молодые активисты поддерживают контакт и обмениваются опытом с аналогичными организациями в Иордании и Ливане.

ЕГИПЕТ. По имеющимся неофициальным данным, полученным от органов внутренних дел Египта и руководителей общественных объединений соотечественников, общее число наших соотечественников, проживающих в Египте на временной или постоянной основе, значительно превышает 15 тысяч человек. После событий 2011 года страну покинула лишь небольшая часть россиян. Из общего числа граждан, подпадающих под понятие «соотечественник», 2–3 тыс. человек проживают в Каире, в г. Хургада, проживает около 5–7 тыс. соотечественников, в провинции Южный Синай, в г. Шарм аш-Шейх — от 2 до 4 тыс. Большая часть из них занята в сфере туристического бизнеса. В последнее время возросло число россиян, которые приобрели недвижимость в этих курортных районах, как с целью временного сезонного отдыха, так и для постоянного проживания. В Александрии проживает не более 600 соотечественников, в основном это жены египтян. Кроме того, незначительные группы (10–50 чел.) разбросаны по таким городам, как Асуан, Луксор, Исмаилия и Суэц. Отдельную категорию российских граждан составляют российские студенты, обучающиеся в университете «Аль-Азхар» и Каирском университете. Сроки пребывания в пер-

вом, учитывая многоступенчатый характер обучения, порой достигают 10–15 лет. По оценкам египетских властей в стране в целом обучается около 1,5 тысяч российских граждан. С конца 90-х годов в Каире начали активно формироваться студенческие землячества из числа выходцев из Татарстана, Башкирии, республик Северного Кавказа и других регионов России с преимущественно мусульманским населением.

В Египте существуют шесть общественных объединений соотечественников и ряд коммерческих образовательных и творческих центров. Коммерческие организации — это в основном школы изучения русского языка, детские сады, балетные школы. Клуб «Надежда» работает при каирском РЦНК. Создан в 1994 г., возобновил свою деятельность в 2004 г. Количество членов 78 человек. Клуб «Александрия» — при РЦНК в Александрии создан в 1988 г. Количество членов 60 человек. Женский клуб «Славянка» создан в 2009 г. Количество членов — около 40 человек. Цели и задачи клубов: сохранение духовного и культурного наследия России, обучение русскому языку детей от смешанных браков, проведение мероприятий образовательного, научного и культурного характера. Молодежная организация «ЮниС» создана в 2010 г. при РЦНК в Каире. Количество членов — 20 человек. Цели и задачи: проведение научных и культурных мероприятий, содействие развитию спорта, организация молодежного досуга. Центр социальной и правовой защиты соотечественников «Согласие» создан в 2008 г. Количество членов — 11 человек. Цели и задачи: оказание правовой и консультационной помощи соотечественникам, а также российским туристам, попавшим в экстремальную ситуацию; привлечение гуманитарной помощи для малообеспеченных россиян, проживающих в АРЕ. Египетское отделение Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (г.Хургада) создано в 2011 г. Количество членов — 10 человек. Цели и задачи: популяризация русского языка, содействие успешному преподаванию русского языка и литературы, обмен информацией и опытом в области разработки и применения наиболее эффективных методов и приемов обучения.

КСС в Египте создан в марте 2007 года и объединяет перечисленные общественные организации. За последние годы КСС удалось создать благоприятные условия для объединения различных групп соотечественников, наладить взаимодействие с посольством России в деле оказания помощи россиянам, попавшим в сложные жизненные ситуации. В 2010 г. была создана общественная приемная при КСС для оказания правовой и консультационной помощи соотечественникам.

ИОРДАНИЯ. В Иордании существуют несколько ассоциаций соотечественников, а также партнерских организаций, объединяющих потом-

ков выходцев с Кавказа⁶³. В Иордании проживает несколько сотен юношей и девушек, детей от смешанных браков, владеющих русским языком. В 2009 г. был создан интернет-клуб, объединяющий русскоязычную молодежь Иордании. В настоящее время количество участников группы в интернет сообществе приближается к 400 членам, а в реальной жизни Клуб насчитывает в своих рядах около 100 активных членов. Ассоциация «Русскоязычная молодежь Иордании» выступает действенным партнером посольства России и представительства Россотрудничества в проведении мероприятий, направленных на развитие российско-иорданского культурного сотрудничества. При этом молодежная организация действует и самостоятельно, оказывая гуманитарную помощь сирийским беженцам на территории Иордании. Лидеры ассоциации регулярно участвуют в форумах соотечественников, «Русского мира» и «Селигер», приводящихся в России. Русскоязычное сообщество более старшего поколения представлено в Иордании женами выпускников советских/российских вузов. Относительно небольшое их число (около 300) участвует в деятельности Женского клуба любителей русской культуры «Надежда». Актив клуба участвует в культурных акциях, организуемых Посольством России и представительством Россотрудничества, оказывает им действенную помощь в проведении благотворительных выставок-продаж российских традиционных ремёсел и сувенирной продукции, а также в сборе пожертвований русскоязычным семьям, проживающим в Палестине.

Черкесская община в Иордании насчитывает порядка 110–120 тыс. человек. Ведущую роль в жизни диаспоры играет Черкесское благотворительное общество Иордании (ЧБО), основанное 16 октября 1932 г. в Аммане в целях сплочения и оказания помощи нуждающимся соплеменникам. Зарегистрированных членов 5230 человек. Женский филиал ЧБО основан в 1970 году. В последние пять лет важным направлением деятельности ЧБО является налаживание активных гуманитарных связей и деловых контактов с исторической родиной. Общество друзей черкесов Кавказа основано в 1993 г., его деятельность направлена на восстановление и укрепление связей с республиками Северного Кавказа, входящими в состав Российской Федерации, активное информационное взаимодействие между черкесами, проживающими в разных

⁶³ По неофициальным оценкам, русским языком в Иордании владеют более 20 тыс. граждан, в основном обучавшиеся в вузах России и других республик бывшего СССР. Русский язык можно назвать одним из наиболее распространенных иностранных языков в Иордании после английского. Русская литература, кино и искусство хорошо знакомы как иорданской интеллигенции, так и широкой публике.

странах мира. В состав общества входят видные политические и общественные деятели Иордании.

Чеченская община в Иордании насчитывает порядка 12–15 тыс. человек. Значительное число чеченцев имеют статус беженцев. В 2006 г. при правительстве Иордании был аккредитован Совет чеченских тейпов, который наделён правом официально представлять общину. Наиболее известной чеченской организацией является Культурно-спортивный клуб «Кавказ». Клуб издаёт собственный журнал, его члены внесли существенный вклад в развитие таких видов спорта в Иордании, как плавание, футбол, гандбол и настольный теннис. Чеченское Благотворительное Общество имеет собственное помещение и три филиала. В настоящее время основным направлением деятельности является оказание помощи малоимущим семьям. Наиболее активной организацией является Женское чеченское благотворительное общество. Существует также Общество друзей с Чеченской Республикой и Республикой Ингушетия, которое располагает собственным зданием, ежегодно организует выпускные вечера для школьников и сбор пожертвований для семей, прибывающих из Чечни и Ингушетии.

Все перечисленные организации представлены в Координационном совете организаций российских соотечественников Иордании. КСС координирует деятельность русскоязычных объединений Иордании и представляет их интересы в российских государственных и общественных организациях, реализующих программы поддержки соотечественников за рубежом. В работе ежегодных конференций российских соотечественников в Иордании традиционно принимают участие руководители Женского клуба друзей русской культуры «Надежда», Ассоциации «Русскоязычная молодежь Иордании», представители клубов соотечественников из городов Зарка и Ирбид, делегаты от чеченской и дагестанской диаспор королевства, а также Общества дружбы «Иордания-Россия» и Клуба выпускников советских и российских вузов «Ибн Сина». В 2013 году совместными усилиями этих организаций была создана гуманитарная комиссия с филиалами в крупнейших городах страны, призванная оперативно реагировать и помогать российским соотечественникам в решении острых проблем различного характера. А на базе Общества дружбы «Иордания-Россия» организована юридическая консультация для российских соотечественников с телефоном «горячей линии», которой могут пользоваться жители удаленных районов королевства.

КАТАР. По оценкам посольства России и лидеров русскоязычного сообщества, в Катаре насчитывается около 2000 россиян. Вместе с гражданами стран СНГ и бывшего СССР, идентифицирующими себя как рус-

скоговорящие, число соотечественников составляет 5–6 тыс. человек. В то же время, по данным катарских властей, численность соотечественников превышает 7 тысяч человек. Большинство из них — это инженеры, строители, учителя, спортсмены, музыканты, деятели искусств и предприниматели. В 2014 году был создан КСС, который ставит своей целью развитие культурной и общественной деятельности русскоязычного сообщества в этой стране. На специфику бытия соотечественников в Катаре указывает тот факт, что их первая конференция, состоявшаяся 24 октября 2014 г., была организована не только при поддержке посольства России в Катаре, но и регионального представительства ОАО «Газпром» в Персидском заливе, а также при содействии МИД и Министерства культуры, искусств и наследия Катара. КСС планирует создать библиотеку на русском языке с помощью фонда «Русский мир».

КУВЕЙТ. «Русский женский клуб» ведет культурную работу среди соотечественниц в сотрудничестве с посольством России в Кувейте.

ЛИВАН. В настоящее время в Ливане проживает две группы соотечественников: потомки российских подданных (около 200 чел.) первой волны эмиграции (1920-е гг.), объединенных в Русской православной общине и гражданки бывшего СССР, вышедшие замуж за ливанцев (более 1200 чел.), большинство которых объединены в Ассоциацию «Родина», созданную в 1985 г. Она официально не зарегистрирована в ливанских государственных органах и действует как общественная организация при Российском центре науки и культуры (РЦНК) в Бейруте. Ассоциация объединяет выходцев из всех стран СНГ. Активно работают отделения Ассоциации «Родина» в Триполи, Тире и Сайде, где проводятся общественно-культурные мероприятия, созданы самодеятельные детские театры, работают курсы русского языка и кружки эстетического воспитания, формируются собственные библио- и медиатеки. Силами соотечественников при РЦНК создан самодеятельный театр, они ведут музыкальные, художественные и спортивные кружки для детей от смешанных браков. В 1997 г. открыты курсы, где дети изучают русский язык, знакомятся с историей и культурой России.

КСС, объединяющий все существующие в Ливане общественные организации соотечественников, был создан в 2011 году. В его состав входят руководители Ассоциации русскоговорящих женщин в Ливане «Родина», Международной благотворительной ассоциации русскоговорящих женщин в г. Триполи (основана в 2006 г.), Ассоциация русскоговорящих женщин «Радуга» в г. Сайда (основана в 2010 г.), Русскоговорящие в Ливане и за рубежом и «Дом русской культуры» в г.Набатие (основан в 2010 г.), Ассоциация соотечественников в Ливане (основана в 2006 г.),

Ассоциация русскоговорящей молодежи в Ливане «Карил» (основана в 2010 г.). Кроме того, в своей работе Координационный совет тесно взаимодействует с Ассоциацией выпускников советских вузов в Ливане (основана в 1975 г.), Клубом выпускников российских вузов (основан в 2010 г.) и Обществом ливано-российской дружбы, которое существует в Ливане с 1943 года.

МАРОККО. В настоящее время по оценочным данным в Марокко проживает более 5000 соотечественников, из которых около 2000 человек — граждане Российской Федерации, состоящие на учете в консульских учреждениях России. Число соотечественников ежегодно растет в результате новых браков между россиянками и марокканцами — выпускниками отечественных вузов. Соотечественниками по праву себя считают и те, кто в силу обстоятельств стали гражданами Украины (около 50 %), Белоруссии, Грузии и других бывших союзных республик. Подавляющее большинство наших соотечественников — жены марокканских подданных, обучавшихся в советских и российских вузах. Имея высшее образование, в профессиональном плане они реализуют себя в качестве служащих частных марокканских компаний или ведут собственное дело, преимущественно в области медицины, фармакологии, образования, в сфере услуг. При этом большая часть остаётся домохозяйками. Заметную роль играют наши соотечественники в культурной жизни Марокко. Организации соотечественников регулярно проводят концерты, выставки, благотворительные акции, которые получают широкое освещение в местных СМИ. В этом им оказывают содействие как марокканские власти, так и российские государственные учреждения. В стране существует несколько частных школ искусств, организованных соотечественниками, которые пользуются заслуженной популярностью у марокканского населения.

КСС объединяет ассоциации и клубы, действующие в Агадире, Касабланке, Рабате, Танжере и Фесе, т.е. в городах наибольшей концентрации выходцев из России и стран СНГ. Самой крупной и наиболее активной является Ассоциация русскоговорящих женщин в Марокко «Соотечественницы» (с 2007 г.), которая охватывает своей деятельностью основные города их проживания в Марокко. Активисты Ассоциации создали свой сайт и форум, посетив которые, можно узнать все подробности их жизни и деятельности⁶⁴. Была официально зарегистрирована молодежная секция ассоциации «Ростки», создана вокальная группа «Аминушки-интернэшнл», в Фесе образованы детский музы-

⁶⁴ Форум соотечественниц в Марокко: www.crm.forum24.ru

кально-танцевальный ансамбль «Радуга» и детская хоровая студия. В стране существуют ещё три организации, членами которых состоят русскоязычные жители Марокко. Это — ассоциации «Друзья России», «Русский дом в Марокко» и «Русская православная церковь в Марокко». Первая объединяет как выходцев из бывшего СССР, так и марокканцев — выпускников советских вузов, преимущественно медиков и фармацевтов, инженеров и юристов, всего около 100 человек. Ассоциация фактически существует 10 лет, но официальную регистрацию получила лишь в январе 2007 года. Основным видом её деятельности является благотворительность, что получает широкий резонанс в марокканских СМИ и объективно работает на улучшение образа России. «Русский дом в Марокко» создан весной 2010 г. при РЦНК в Рабате. Женщины, объединившиеся в «Русский дом в Марокко», видят оптимальным средством достижения своих целей привлечение своих мужей к деятельности ассоциации. Старейшая организация соотечественников «Русская община и православная церковь в Марокко», созданная в 1927 г., существует до сих пор и является основой для правового признания марокканскими государственными властями имущественного и юридического статуса патриаршей приходской общины. Храм Воскресения Христова в Рабате, на площади Баб Тамесна, является официальной резиденцией и собственностью Ассоциации «Православная Церковь и русский очаг в Марокко», зарегистрированной в Королевстве Марокко и действующей по уставу согласно указу Короля⁶⁵. Президентом Ассоциации, начиная с 1980-х гг., является настоятель Храма.

ОАЭ. В настоящее время численность русскоязычного сообщества, постоянно проживающего на территории ОАЭ, оценивается в 75–100 000 человек. Россияне занимают пятое место по объему инвестиций в недвижимость ОАЭ. Число компаний с российским капиталом, зарегистрированных в Торгово-промышленной палате Дубае, составляет более 3000. Кроме предпринимателей в Эмиратах работают наемные менеджеры, юристы, врачи, педагоги, специалисты в области информационных технологий, туризма, торговли и сферы обслуживания. Эти факты определяют специфику «русского» присутствия в ОАЭ.

В апреле 2008 года была создана Ассоциация Российских Соотечественников в ОАЭ (АРС). АРС — некоммерческая общественная организация, которая стремится объединить проживающих в ОАЭ соотечественников для сохранения и развития русского языка, культуры и многонациональных традиций России за рубежом, для поддержания

⁶⁵ Дахир №1–58–376 от 3 Жумада 1378 г. (15 ноября 1958 г.).

связей между выходцами из России и их исторической Родиной, оказания всесторонней помощи соотечественникам в их адаптации в ОАЭ, защиты их прав и интересов⁶⁶. Объединение российских женщин ОАЭ «Россиянка» — общественная организация, объединяющая на добровольной основе женщин, имеющих гражданство России, а также русскоязычных женщин — граждан иностранных государств, проживающих временно или постоянно на территории ОАЭ⁶⁷.

В 2007 году Эмир Шарджи (шейх Султан бен Мухаммед Аль Касеми) выделил земельный участок под строительство первого русского православного храма на Аравийском полуострове, которое завершилось в августе 2011 г. При храме открылся русский культурно-просветительский центр: воскресная школа для детей, курсы русского языка для детей из смешанных семей, курсы по церковной художественной вышивке и шитью.

По инициативе российских студентов, обучающихся в Американском Университете Шарджи был создан в сентябре 2009 года Российский Культурный Клуб (РКК). В своей деятельности клуб ориентируется на полное и достоверное представление России как многонационального и многоконфессионального государства.

Представители перечисленных организаций участвуют в работе Координационного Совета организаций российских соотечественников (КСОРС) Арабских Эмиратов. Возглавляет его председатель Российского совета предпринимателей в Дубае. Эта организация с 2010 г. объединяет российских инвесторов и бизнесменов, действует при Торговой палате Дубая. Наличие русскоязычной прессы — это ещё одна специфическая черта сообщества соотечественников в ОАЭ по сравнению с другими арабскими странами. ИД «Русские Эмираты» выпускает три журнала: «Деловые Эмираты», «Русские Эмираты» и «Ключи Востока».

ПАЛЕСТИНА. Многие соотечественницы, проживающие в Палестине, на Западном берегу реки Иордан, имеют гражданство различных государств бывшего СССР или относятся к русскоговорящим меньшинствам стран СНГ. При этом до недавнего времени соотечественницы в Палестине были довольно разобщены по территориальному признаку. Одной из разделительных линий продолжает оставаться также конфессиональная принадлежность мужей соотечественниц и их самих к христианству или исламу. В июне 2013 г. прошла Учредительная конференция, на которой был создан КСС, но соотечественницам не удалось преодо-

⁶⁶ <http://www.rca.ae>

⁶⁷ www.rossiyanka.ae

леть центробежные тенденции и объединить существующие местные организации (из Вифлеема, Иерусалима, Рамаллы, Иерихона, Наблуса и других городов). Основной базой для культурной и общественной активности русскоязычного сообщества на Западном берегу в настоящее время является РЦНК в Вифлееме, открытый в 2012 году.

ТУНИС. В настоящее время общее количество российских соотечественников, проживающих в Тунисе, насчитывает около трех тысяч человек⁶⁸. Абсолютное большинство из них — это гражданки бывшего Советского Союза и России, вышедшие замуж за тунисцев, а также их мужья и дети, оформившие российское гражданство. Русскоязычное сообщество разнородно по национальной принадлежности, при этом большинство в нем составляют русские и украинские женщины среднего и молодого возраста, имеющие высшее или среднее специальное образование. Многие из них заняты в различных областях тунисской экономики и пользуются хорошей репутацией по месту работы. В социально-экономическом плане соотечественники относятся к среднему классу. Практически все россияне, постоянно проживающие в Тунисе, имеют местное гражданство и пользуются равными с тунисцами политическими и гражданскими правами.

С 2002 г. при Российском центре науки и культуры в столице страны активно действует Клуб соотечественников «Жаркий» (получил в 2012 г. юридическую регистрацию как Национальная общественная ассоциация российских соотечественников Туниса клуб «Жаркий»). Его цель — поддержание связей с Россией, ознакомление тунисцев с её историей и культурой, оказание содействия соотечественникам в адаптации к жизни в Тунисе и материальная помощь нуждающимся. Во многих мероприятиях Клуба активное участие принимают тунисцы (мужья наших соотечественниц, выпускники советских и российских вузов, студенты, изучающие русский язык, а также те, кто симпатизирует России). С 2003 года в РЦНК успешно работает школа-студия «Родничок», где подрастающее поколение не изучает русский язык, знакомится с русской литературой и историей, приобщается к русскому искусству, готовит концерты и спектакли на русском языке.

Культурно-досуговый центр «Славянка» был создан в октябре 2012 года. Он объединяет русскоговорящих соотечественников, проживающих в Сусе и прилегающих городах. В КДЦ есть библиотека и медиатека на русском языке, помещение, оборудованное для проведения культурных мероприятий, работают театральная студия, школа игрово-

⁶⁸ <http://www.tunisie.mid.ru/soot.html>

го обучения и развития дошкольников «Арефунтик» и школа «АБВГДейка» (обучение по программе российской школы). Центром духовной жизни русской диаспоры в Тунисе являются не только светские клубы, но и православные храмы в Тунисе и Бизерте. Церковно-приходский совет обоих храмов тесно взаимодействует с Российским центром науки и культуры в Тунисе. Русская православная община в Тунисе официально не зарегистрирована. Координационный совет соотечественников включает представителей всех российских организаций и их филиалов в крупных городах Туниса.

Результаты исследования. Представленный выше обзор организаций наших соотечественников, в разные годы поселившихся в арабских странах, дает основание утверждать, что соотечественники в целом «прижились» в этом изначально чуждом им мире, в той или иной степени адаптировались в принимающих обществах. При этом укрепились и стали более разнообразными их связи с исторической родиной, в том числе благодаря поддержке со стороны российских дипломатических представительств. Несмотря на то, что доля русскоязычной общины в общей численности населения арабских стран незначительна, её общественный вес существенно вырос за последние несколько лет. Роль, которую играют наши соотечественники в общественной и культурной жизни этих стран (регулярные концерты, выставки, благотворительные акции) получают широкое освещение в местных СМИ.

Сегодня можно с уверенностью говорить, что наши соотечественники «встали на ноги» в организационном плане, заслужили положительную репутацию в принимающем обществе, внося свой вклад в практику российско-арабского межкультурного взаимодействия. Следует отметить возрождение в последние годы православных общин в ряде стран, которые выполняя организационную и компенсаторно-психологическую функции для прихожан, повышают одновременно самим фактом активной религиозной жизни авторитет «русских» в мусульманских обществах.

В смешанных семьях русский язык остается преобладающим средством общения. Именно сохранение русского языка на фоне билингвизма у своих детей стало стимулом для возникновения в 2000-е гг. общественных организаций, в которых арабские мужья поддерживают русскую культуру и русский язык не менее энергично, чем их русскоговорящие жены.

Анализ результатов. Глобализация ускорила динамику социальных процессов в арабских странах, породила у их населения цивилизационный диссонанс, что вызвало социальное «брожение» в одних и привело к смене правящих режимов в других. Современные процессы

социально-политических трансформаций в арабских странах требуют существенной активизации субъектов «мягкой силы», направленной на восстановление и укрепление взаимодействия между Россией и новыми или претерпевшими изменения в своем составе старыми элитами.

На протяжении короткого периода (2011–2016 гг.) взаимное восприятие «русских» и арабов, сосуществующих в рамках одного общества, претерпело определенные изменения в результате событий «арабской весны» и в гораздо большей степени — антироссийской пропаганды в связи с событиями в Сирии, развернувшейся в ближневосточных и западных СМИ. Представляется, что благодаря культурной, общественно и информационной деятельности организаций соотечественников, в том числе молодежных и православных, русскоязычному сообществу удалось сохранить позитивный характер взаимодействия с принимающими обществами в арабских странах

На Ближнем Востоке определенные общественные страты, не только иррационально верят в Россию, но и ждут от нее помощи, реального сотрудничества в новых формах и масштабах, диктуемых временем. Однако, чтобы эта работа приносила максимальный эффект, она должна быть тщательно проанализированной, профессионально выверенной, нравственно и этически скорректированной. Всё это требует высокой степени координации и оптимизации государственных, общественных и академических усилий.

Проделанный анализ позволил сформулировать следующие предложения и рекомендации.

1. Разработать культурно-информационную политику поддержки выпускников и соотечественников на Ближнем Востоке и в Африке на основе исследований, выполненных профессионалами по каждой стране.
2. Освещать деятельность выпускников и соотечественников в российских СМИ, в первую очередь на арабском языке.
3. Оказывать материальную поддержку теле- и радиопередачам о России, которые делают арабские журналисты-выпускники советских и российских вузов, историкам, писателям и поэтам, которые занимаются переводами русской литературы, созданием произведений о российском присутствии на Ближнем Востоке, издают их на свои скромные средства, решая глобальную проблему нехватки элементарных знаний о России в мире.
4. Неформально и массово проводить национальные праздники России, которые отмечаются внутри русскоязычного сообщества как на микро- (семья, община), так и на макроуровнях (страна, группа стран).

5. Оказывать информационную и материальную поддержку деятельности русских театров и других творческих коллективов, различным видам творчества соотечественников, способствовать их выходу на уровень региональных международных мероприятий.
6. В целях сохранения и поддержки русскоязычных сообществ следует оказывать через посольства России регулярную материальную поддержку курсам русского языка при организациях соотечественников (вне Российских центров науки и культуры) в виде поставок, адаптированных к потребностям страны учебных пособий, аренды помещений, оплаты труда преподавателей.
7. В целях закрепления позитивного имиджа России, репродукции русскоязычных сообществ в арабских странах рекомендовать Минобрнауки России сосредоточить особое внимание на проблемах приема детей из смешанных семей в вузы России.
8. В целях дальнейшего продвижения российского высшего образования в арабских странах Министерству образования РФ следует рассмотреть вопрос о создании на базе РЦНК подготовительных факультетов по наиболее востребованным специальностям, а также курсов по изучению русского языка по единой для всех программе.
9. Важным фактором повышения влияния русскоговорящих сообществ в арабских странах мог бы стать молодежный обмен: направление детей от смешанных браков в российские летние лагеря.
10. В целях повышения интереса у молодого поколения детей-метисов к изучению русского языка было бы своевременным и перспективным создание двух-трёхязычного портала для молодежи, постоянно проживающей в смешанных русско-арабских семьях, облегчающего и расширяющего возможности межкультурных коммуникаций молодежи.
11. Существует необходимость реставрации знаний по русскому языку в среде самих русскоязычных матерей детей-метисов, которые со временем теряют знание родного языка. В этой связи была бы полезна организация методической помощи женщинам-матерям детей билингов в обучении последних русскому языку, особенно, если на местах отсутствует русскоязычная школа.
12. Информировать российский бизнес о возможностях проникновения на рынки арабских стран, опираясь на помощь русскоязычных сообществ.

Заключение. Русскоговорящие сообщества в арабских странах, охватывающие, как организации соотечественников и выпускников, так и отдельные личности, способные инициировать международные

проекты, налаживать связи с органами власти, ресурсными центрами и партнерами из других стран, можно рассматривать в данном общественно-политическом и историческом контексте в качестве важного элемента российской «мягкой силы» на Ближнем Востоке.

Авторы согласны с идеей российского политолога А. В. Фененко, что применение «мягкой силы» вызывает в разных странах различный эффект, существуют пределы её успешного применения. Опыт последних десяти лет показал: «мягкая сила» действует только там и тогда, где и когда другая сторона желает ее принимать [4]. Представленные в статье результаты исследования показывают, что в арабских странах российская «мягкая сила» исторически приемлема, без преувеличения можно сказать, что она вплелась в ткань ближневосточных обществ.

Один из принципов влияния на общественное мнение гласит, что в первую очередь следует взаимодействовать со своими сторонниками, всячески поддерживать их, чтобы они, в свою очередь, привлекали нейтральные слои населения, разрушали негативные стереотипы других общественных групп. «Мягкая сила» — это инструмент не переубеждения врагов, а борьбы за колеблющихся, попытка привлечь их на свою сторону. Подобное понимание «мягкой силы» наметил не Дж. Най, а русский историк и этнолог Лев Гумилев. Он ввел в оборот термин «комплиментарность» как «принцип подсознательной симпатии особой друг к другу, определяющей деление на своих и чужих» [5]. Теория комплиментарности позволяет понять, почему российская политика в области «мягкой силы» остается недостаточно эффективной по отношению к одним странам, имеет хороший потенциал в других. России нужно перестроить политику в сфере «мягкой силы»: большее внимание следует уделять странам дальнего зарубежья, где симпатии к России достаточно велики. Борьба за общественное мнение арабских стран может принести гораздо больший эффект, поскольку русскую культуру здесь любят и ждут, сложились устойчивые российско-арабские межкультурные коммуникации и гуманитарные связи. Проведенный анализ вынуждает констатировать, что у России пока нет комплексной стратегии использования «мягкой силы». Между тем темпы развития в современном мире, включая и формирование информационно-цивилизационных сред⁶⁹ оставляют нам все меньше

⁶⁹ О цивилизации как «зоне престижа» см. Collins R. *Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact* // Arjomand S.A., Tiryakian E.A. (eds.) *Rethinking Civilizational Analysis*. Sage Publications, 2004. С. 132–147.

времени для того, чтобы стать по-настоящему эффективными в работе с соотечественниками и создать инструментарий укрепления влияния России через гуманитарные механизмы. Не следует ждать от «мягкой силы» слишком многого, но природа не терпит пустоты. Новые поколения политиков и общественников вырастают не только с определенными убеждениями, но и карьерными ориентирами. Тот факт, что у России, казалось бы, нет проблем с позиционированием в арабских странах, не должен вводить в заблуждение. Мы проигрываем такому мощному игроку как Китай в плане привлекательности бренда страны, ее узнаваемости, несопоставимы организационные успехи, к примеру, с точки зрения организации изучения китайского языка иностранцами (система Институтов Конфуция) в сравнении с русским как иностранным. При этом важно, что для развития мягкой силы и повышения привлекательности образа страны используется сочетание высокотехнологичного инструментария и традиционных ценностей [8]. При этом привлекательность может быть основана и на патриархальных и консервативных ценностях, которые тоже могут быть востребованными, как, например, для России ценности традиционной семьи, относительно бесконфликтного сосуществования христианства и ислама и т.д. Кроме того, на Ближнем Востоке высоко ценятся стабильная государственность и сильный лидер в России, то, чего сейчас так не хватает, по мнению большинства населения, в регионе.

Литература

1. Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N.Y.: Basic Books, 1990.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февраля 2013 г.). http://www.mid.ru/ru/search?p_p_id=3&p_p_lifecycle=0&p_p_state=maximized&p_p_mode=view&_3_displayDatefrom=&_3_direct=desc&_3_advancedSearch=false&_3_displayDate=&_3_keywords=%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F+%D0%B2%D0%BD%D0%B5%D1%88%D0%BD%D0%B5%D0%B9+%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B8+2013&_3_filterCategoryId=-1&_3_delta=20&_3_searchSort=date&_3_andOperator=true&_3_modified=&_3_displayDateto=&_3_selectedLanguage=ru_RU&_3_countOnPage=10&_3_resetCur=false&_3_struts_action=%2Fsearch%2Fsearch&_3_cur=18#
3. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.). http://www.mid.ru/ru/search?p_p_id=3&p_p_lifecycle=0&p_p_state=maximized&p_p_mode=view&_3_displayDatefrom=&_3_direct=desc&_3_advancedSearch=false&_3_displayDate=&_3_keywords=%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F+%D0%B2%D0%BD%D0%B5%D1%88%D0%BD%D0%B5%D0%B9+%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B8+2013&_3_filterCategoryId=-1&_3_delta=20&_3_searchSort=date&_3_andOperator=true&_3_modified=&_3_displayDateto=&_3_selectedLanguage=ru_RU&_3_countOnPage=10&_3_resetCur=false&_3_struts_action=%2Fsearch%2Fsearch&_3_cur=18#

www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6B6Z29/content/id/2542248

4. Фененко А. В. Реальность и мифы «мягкой силы». РСМД. 27 января 2016. http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7167#2
5. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994. С. 282.
6. Collins R. Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact // Arjomand S. A., Tiryakian E. A. (eds.) Rethinking Civilizational Analysis. Sage Publications, 2004.
7. McClory, J. 2015. The soft power 30: A global ranking of soft power. Portland.
8. Сутырин В. В. Политика «тысячи нитей»: «мягкая сила» России на постсоветском пространстве. РСМД. 16 февраля 2016. http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7273#top-content

RUSSIAN-SPEAKING COMMUNITIES AS A FACTOR OF SOFT POWER IN THE MIDDLE EAST

Nickolay Sukhov, Maria Y. Dubovikova

Abstract. *In the article the readers' will learn about the role and significance of Russian-speaking communities for the promotion of political, economic and humanitarian interests of Russia in the Arab countries. The study was conducted on the basis of personal contacts and work experience of the authors in the Middle East region, analysis of social networks and media of the Arab countries.*

Nowadays there is a contradictory attitude of the Middle Eastern public opinion towards Russia: along with the traditionally positive image of our country, there is a negative image formed on the background of situation in Syria. While solving the issues of forming positive image of our country in the eyes of the elites and the general public of the Arab countries, we need to exploit the potential of cooperation with partner non-governmental organizations in the region, primarily associations of compatriots and graduates of Soviet/Russian universities. The latter ones occupy prominent positions in state apparatus, local media and business; they actively participate in social life of their countries. The Russian-speaking community in the Middle East and North Africa, is larger than 100 thousand persons, not counting the United Arab Emirates community, where there is yet the same number of Russian-speaking people. Many of them play significant role in their countries, form a certain image of Russia, and are potential economic agents of our country.

The presence of a large number of immigrants from Ukraine in the Russian-speaking communities of the Arab countries is no less important factor nowadays. Most of them took a pro-Russian stance, and this should be used to work with the local public opinion.

In several Arab countries second and third generations of children from mixed marriages have already been born and they feel patriotism towards Russia, but are perceived as “natives” in their local societies. They are creating youth organizations, take part in professional associations, the potential of which should also be used for cultural, informational, political and charitable activities of Russian NGOs and government agencies.

The article provides an overview of the organizations of compatriots and graduates of Soviet / Russian universities, describes the trends in the development of Russian-speaking communities in the Arab countries, provides practical guidance on the application of Russia’s “soft power” that may be exercised in the region.

Keywords: *Russian compatriots, mixed marriages, soft power, humanitarian and cross-cultural relations, Arab countries.*

References

1. Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N.Y.: Basic Books, 1990.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февраля 2013 г.). http://www.mid.ru/ru/search?p_p_id=3&p_p_lifecycle=0&p_p_state=maximized&p_p_mode=view&_3_displayDatefrom=&_3_direct=desc&_3_advancedSearch=false&_3_displayDate=&_3_keywords=%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F+%D0%B2%D0%BD%D0%B5%D1%88%D0%BD%D0%B5%D0%B9+%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B8+2013&_3_filterCategoryId=-1&_3_delta=20&_3_searchSort=date&_3_andOperator=true&_3_modified=&_3_displayDateto=&_3_selectedLanguage=ru_RU&_3_countOnPage=10&_3_resetCur=false&_3_struts_action=%2Fsearch%2Fsearch&_3_cur=18#
3. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.). http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptiCk6BZ29/content/id/2542248
4. Фененко А. В. Реальность и мифы «мягкой силы». РСМД. 27 января 2016. http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7167#2
5. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994. С. 282.
6. Collins R. Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact // Arjomand S. A., Tiryakian E. A. (eds.) Rethinking Civilizational Analysis. Sage Publications, 2004.
7. McClory, J. 2015. The soft power 30: A global ranking of soft power. Portland.
8. Сутырин В. В. Политика «тысячи нитей»: «мягкая сила» России на постсоветском пространстве. РСМД. 16 февраля 2016. http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7273#top-content

Информация об авторах

Сухов Николай Вадимович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН, Института Африки РАН, доцент Российского университета дружбы народов, вице-президент IMESClub. Москва, Российская Федерация. E-mail: soukhov@yandex.ru

Nickolay Sukhov

PhD, Senior Research Fellow at Oriental Studies Institute and Institute of African Studies of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor at Peoples' Friendship University of Russia, Vice-President of IMESClub. Moscow, Russia. E-mail: soukhov@yandex.ru

Дубовикова Мария Юрьевна

магистр международных отношений, соискатель степени кандидата наук, президент IMESClub, колумнист Al Arabiya English, Россия. E-mail: maria.dubovikova@imesclub.org

Maria Y. Dubovikova

MS, PhD candidate, President of IMESClub, columnist at Al Arabiya English, Russia. E-mail: maria.dubovikova@imesclub.org

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ МЯГКОЙ СИЛЫ

М. М. ФЕДОРОВА

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические основания политики памяти как одного из главных направлений политики мягкой силы на современном этапе развития международных отношений. Политика памяти рассматривается в качестве одного из механизмов в становлении как национальной идентичности государства, так и коллективной идентичности межгосударственного объединения, например, общеевропейская идентичность или коллективная идентичность жителя постсоветского пространства. Феномен памяти сегодня интернационализирован, современная память действительно превратилась в транснациональный и глобальный феномен. Проведенный в статье анализ основных работ по философии исторической памяти, по мнению автора, позволяет выявить факторы, благоприятствующие формированию общей памяти, и факторы, препятствующие созданию нарратива об общем прошлом. Делается вывод о том, что в политике памяти нельзя руководствоваться целью создания одной общей памяти или истории, которую бы разделяли все участники объединения; такой целью должно быть создание условий сосуществования и взаимодействия между различными типами памяти и признание плюральности прочтения прошлого. Работа общей памяти всегда остается работой различных типов памяти и активного диалога между ними ради смягчения конфликтности на основе разработки стратегий, привлекательных для всех сторон, участвующих в конфликте.

Ключевые слова: политика памяти, традиция, коллективная идентичность, национальная идентичность, межкультурный диалог.

Введение. Одна из основных целей политики мягкой силы — минимизация или смягчение конфликтности в мире. В последние годы появилась еще одна такая возможность, которую политики и исследователи связывают с восстановлением на символическом уровне через реконструкцию общего прошлого. Тема исторической памяти представляется весьма актуальной в современных исследованиях между-

народных отношений, поскольку память о былых тяжелых конфликтах на межгосударственном уровне является зачастую травматическим моментом, препятствующим в значительной степени плодотворному межгосударственному диалогу. Проблемы традиции и традиционных ценностей, разделяемых большинством населения той или иной страны, отношения к своему прошлому и своей истории сегодня являются далеко не академическими. За последние годы появилось немало работ, так или иначе затрагивающих эту проблематику. Вместе с тем эта проблематика разрабатывается главным образом историками и социологами, появляются и политологические работы, в том числе и в отечественной политологии. Исследователи связывают превращение истории и коллективной памяти в предмет политики с целым рядом факторов, к которым можно отнести и крушение тоталитарных и авторитарных режимов, сделавшее возможным появление прежде замалчиваемых версий коллективного прошлого; и региональные процессы и этнополитические конфликты, стимулирующие разработку новых версий исторических нарративов, отражающих игнорировавшийся ранее опыт подчиненных групп; и структурные изменения интеллектуального контекста, характеризующего принципиально новым отношением к прошлому, обусловленным исчезновением традиционных обществ, основанных на памяти⁷⁰. Вместе с тем мы полагаем, что разработка этой темы требует серьезного политико-философского анализа, направленного на эпистемологию исторических практик, который позволил бы в полной мере осмыслить новый темпоральный опыт эпохи, ее ощущение собственной историчности и отношения к традиции во всем семантическом многообразии этого термина.

Теоретическими основаниями исследования в этой связи выступают феноменолого-герменевтическое определение традиции и временной длительности в их отношении к идее разрывов истории и к человеческой свободе, а также философский анализ идеи примирения в истории.

Основная часть исследования

Методология исследования. В работе использованы сравнительно-исторический метод исследования для анализа и сопоставления различных теорий исторической памяти. В целом для разработки общей концепции исследования использованы методы философской

⁷⁰ См.: Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.; Историческая политика в XXI веке. Под ред. Миллер А., Липман М. (ред.). 2012. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 648 с.

герменевтики (разработанные, в частности, Г.-Х. Гадамером и П. Рикером), направленные на определение онтологического статуса и роли традиции в жизни общества.

Процедура исследования. Политика памяти призвана разрешить одну из важнейших проблем современного общества, состоящую в отсутствии разделяемой всеми значимой связности времени социально-политического становления. «Кризис времени», диагностируемый обществоведами с конца 90-х годов XX столетия, имеет множество проявлений. Это и тема «права на историю», так или иначе возникавшая во всех протестных движениях на бывшем социалистическом пространстве, где демократизация происходила в том числе и под знаком нового обретения исторической памяти (например, тема «черных дыр» или «белых пятен» в истории) и реконструкции как пережитого прошлого, так и будущего, которое предстояло построить совместными усилиями. Это и внешне контрастирующий с ней отказ от революционного волюнтаризма с его прометеевскими претензиями на рождение в муках новой Истории, нового общества. В восприятии собственной истории человеком рубежа XX–XXI вв. создалась несколько парадоксальная ситуация. С одной стороны, информационное общество, в котором мы живем, до предела сокращает то, что Р. Козеллек называл «горизонтом ожидания», оно абсолютизирует каждое «сейчас», порождая настроения «презентизма» и изменяя наш способ вписания в вертикальную цепочку поколений и традиций⁷¹. С другой стороны, кризис прогрессистских концепций и разочарование в идеалах Модерна заставляет нас обращаться к прошлому, изыскивая именно в нем, а не в утопических проектах построения лучшего общества, опорные точки политического действия, в том числе и действия в области межгосударственных отношений.

Обращение к прошлому обусловлено также и оживлением в современном мире локальных идентификационных процессов, выступающих оборотной стороной процессов глобализационных. Одной же из главных составляющих любой коллективной идентичности выступает как раз интерпретация истории. А поскольку любая идентичность — национальная, культурно-историческая, религиозная и т.п. — во многом

⁷¹ Эта проблема имеет как собственно политическое, так и более общее антропологическое измерение. В антропологическом плане презентизм ставит вопрос о том, каким образом современное общество воспроизводит собственно человеческое: где и как найти те реперные точки, которые позволили бы объединить людей разной половой принадлежности и разных поколений значимым для всех образом? В плане политическом эта проблема имеет значение как поиск ответов на разрушение старой модели организации семьи.

является результатом политической стратегии, то роль проводимой властями политики памяти неизбежно возрастает. Человек рубежа XX–XXI вв. — вне зависимости от того, живет ли он в небольшом государстве, только обретающем суверенитет и независимость, либо же принадлежит крупной и независимой державе — испытывает ностальгию по национальной идентичности, которую предстоит вновь обрести или переосмыслить как глубоко укорененную в консолидирующем нарративе о прошлом, едином для всех сограждан. На протяжении столетий идентичность каждого народа постепенно формируется на основе множества воспоминаний, которые этот народ открывает в своем прошлом, либо же, напротив, утрачивает или вытесняет из своей коллективной памяти⁷². В силу этих особенностей коллективной памяти для политики памяти важны даже не столько воспоминания, сколько разделяемые большинством сограждан представления о национальном прошлом.

Таким образом, серьезные изменения, обусловившие модификации восприятия времени истории и режимов темпоральности у наших современников привели к начавшемуся с 90-х годов прошлого столетия так называемому «мемориальному буму», когда люди — и политические акторы, и простые смертные, — утратившие надежду на обретение лучшего будущего и отчаявшиеся совладать с настоящим, именно в прошлом ищут точки опоры, способные в настоящем обеспечить стабильность и помочь реконструировать узловые моменты идентификационных процессов⁷³. Память — пусть даже травмирующая или «негативная» — становится в этих условиях настоящим прибежищем для всех тех, кто испытывает настоятельную потребность в стабильности, прочной укорененности и консолидирующем единстве.

Не случайно поэтому государство все больше и больше претендует на то, чтобы стать хранителем и единоличным распорядителем коллективной памяти, создавая тем самым образ единства нации, поло-

⁷² Gillis J.R. *Memory and Identity* / Gillis J.R. (edit.), *Commemorations. The Politics of National Identity*, Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 3–24.

⁷³ Французский историк А. Руссо в недавно вышедшей книге «Лицом к прошлому: очерки о современной памяти» (2016) в развитии современных процессов. Связанных с меморизацией, выделяет три этапа: первый из них (1960–70-е гг.) отмечен развитием устной истории, рассказанной главным образом «простыми людьми», принимавшими непосредственное участие в тех или иных исторических событиях; затем, в 80-е, речь идет об исследовании того, каким образом общество прочитывает собственную историю, как воспринимает ее или же «забывает» ее; с 90-х годов эти исследования начинают использоваться в политических целях, в дело вступает настоящая «политика памяти». См.: Rousso H. *Face au passé: essais sur la mémoire contemporaine*. P.: Editions Belin, 2016. 327 p.

жительно воспринимаемый всеми согражданами. Однако при этом не следует забывать, что коллективная память — не просто зеркальное отражение произошедших событий, она постоянно реорганизует прошлое, обладает характером селективным и изменчивым, способным к трансформациям. При этом официальная память может значительно отличаться от конкретной живой памяти народа.

В данной работе мы бы хотели обратиться в первую очередь к тем имеющимся в современном обществоведении теоретическим работам, которые легли в основу политики памяти (или исторической политики). Они многочисленны — к проблемам памяти обращаются и философы, и историки, и социологи, и политологи. Не имея возможности в кратком очерке охарактеризовать все аспекты этой сложной и многогранной проблемы, мы выделим лишь основные, наиболее значимые векторы исследований, оказавших существенное влияние на формирование политических стратегий в международной политике.

Это, во-первых, идея о том, что, что традиции, играющие значительную роль в формировании национальной идентичности, представляют собой совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил. «Изобретение традиций» предстает как сердцевина создания символической власти в обществе. Целью понимаемой таким образом политики памяти является внедрение определенных ценностей и норм поведения. Как правило, в обществоведении традиции понимались как феномены общественной жизни, соотносимые с прошлым страны, нации, социальной группы или этноса, находящие отзвук в настоящем. Однако с конца 80-х гг. прошлого века происходит изменение этой парадигмы в отношении к традиции, затрагивающее отношение традиций к прошлому и настоящему. Значительными изменениями «оптики» в отношении традиций и методологии их исследования общественное знание во многом обязано концепции Э. Хобсбаума, изложенной в коллективном труде «Изобретение традиции»⁷⁴ (под ред. Э. Хобсбаума и Т. Ренджера, 1983). Разумеется, термин «изобретение» использовался авторами не в плане того, что традиции создавались (политиками, учеными...) произвольным образом *ex nihilo* и внедрялись в жизнь того или иного общества. «Изобретение» в данном случае имело смысл археологического обнаружения, открытия древнего феномена. Так, местные традиции Шотландии и Уэльса, которые

⁷⁴ The Invention of Tradition / eds. Hobsbawm E., Ranger T. Cambridge University Press, 2003.

и составляют предмет работы Хобсбаума и Ренджера, существовали еще до возникновения национальных государств, но они становятся объектом «изобретения» и новой интерпретации уже в рамках западноевропейских национальных государств, находя свою опору в региональных культурах, языках, обычаях и привычках. «Изобретение» в данном случае означало процессы отбора, отказа от чего-то, обновления, возобновления, инновации, мозаичного составления и коллажа неких норм, позволяющие представить в качестве «традиционных» практики и отношения, которые были, с одной стороны, продолжением старых норм и обычаев, а с другой — были в значительной степени обновлены и модифицированы в рамках политического проекта, далеко выходящего за пределы этих практик. «Изобретенная традиция — это совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели — повторение. Последнее автоматически предполагает преемственность во времени. /.../ Специфика «изобретенных» традиций заключается в том, что их связь с историческим прошлым по большей части фиктивная. Говоря коротко, эти традиции представляют собой ответ на новую ситуацию в форме отсылки к ситуации старой. Или же они создают себе прошлое путем их как бы обязательного повторения» [Хобсбаум, 2000, с. 48].

И если раньше традиции рассматривались как продолжение в настоящем древних отношений и образцов поведения с констатацией, с одной стороны, их изменений вследствие модернизационных процессов современного общества и, с другой — устойчивости отдельных элементов этих практик и их способности сопротивляться времени, то теперь, в начале XXI столетия, перспектива существенно меняется. Речь идет об анализе относительно стабильных, предвидимых и институционализированных в традиции практик и в этом случае выявлять их собственную темпоральность и висанность в современный исторический контекст.

Во-вторых, выявление механизмов и практик, с помощью которых происходит временное становление идентичности того или иного общества. Анализ этих своеобразных практики, называемых *играми памяти*, показывает, что память никогда не была чем-то фиксированным, она развивается в зависимости от устанавливаемого сообществом, вдохновляемого в этом властями, отношения к прошлому в перспективе конструируемого горизонта ожидания.

Одним из опорных понятий современной политики памяти является понятие «места памяти», введенное в научный оборот, а затем и в арсе-

нал сегодняшних политиков (в том числе и на международном уровне) французским историком Пьером Нора (Игры памяти, 1984–1992). Это понятие заимствовано автором из латинской риторики, где понятие *locus memoriae* употреблялось для фиксации связи идеи и места. После выхода заключительного тома известной трилогии Нора на организованном в Нидерландах коллоквиуме (1992) была проделана значительная работа по установлению связи между понятиями «места памяти», «национальная идентичность» и «европейская идентичность». Продолжением этих исследований стал коллективный труд «Транснациональные места памяти центральной Европы» (2002)⁷⁵.

Пьер Нора предлагает новый способ прочтения истории, учитывающий конфликт интерпретаций, относительный характер исторического знания и возможности политического прочтения прошлого. Его подход к изучению истории можно назвать скорее метафорическим, поскольку он основан не столько на критическом освоении исторического материала, сколько на стратегическом использовании истории в политических целях⁷⁶.

В основе его концепции — разделение двух фундаментальных понятий — истории и памяти. «Память, — пишет П. Нора, — это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике забывания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления. История — это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память — это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же — это репрезентация прошлого. Память в силу своей чувственной и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны. Она питается туманными, многоплановыми, глобальными и текучими, частичными или символическими воспоминаниями, она чувствительна

⁷⁵ См.: *Lieux de mémoire et identités nationales* // Boer den P., Frijhoff W. (dir.) Amsterdam : Amsterdam University Press, 1993. VIII, 284 p.; *Transnationale Gedächtnisorte in Zentraleuropa* // Le Rider J., Csáky M., Sommer M. (Hrsg.) Innsbruck : Studien Verlag, 2002. 208 S.

⁷⁶ Эти аспекты теории Пьера Нора подвергались критике со стороны историков и представителей исторической социологии, справедливо усматривавших в истории «интеллектуальную операцию, которая пытается сделать прошлое умопостижимым и избежать анахронизмов, т.е. установить дистанцию между прошлым и настоящим» [Lavabre M. C., p. 53].

ко всем трансферам, отображениям, запретам или проекциям. История как интеллектуальная и светская операция взывает к анализу и критическому дискурсу. Память помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим. Память порождает той социальной группой, которую она сплачивает, это возвращает нас к тому, что, по словам Хальбвакса, существует столько же памятей, сколько и социальных групп, к идее о том, что память по своей природе множественна и неделима, коллективна и индивидуальна. Напротив, история принадлежит всем и никому, что делает универсальность ее призванием. Память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте. История не прикреплена ни к чему, кроме временных протяженностей, эволюции и отношений вещей. Память — это абсолют, а история знает только относительное» [Франция-память, 1999, с. 19].

Так возникает проблематика «мест памяти» — генеалогия представлений о символах, в которых кристаллизуется коллективная идентичность, отражающая ностальгию по национальной идентичности, глубоко укорененной в едином и объединяющем повествовании о прошлом. «Это то, что скрывает, облачает, устанавливает, создает, декретирует, поддерживает с помощью искусства и воли сообщество, глубоко вовлеченное в процесс трансформации и обновления, сообщество, которое по природе своей ценит новое выше старого, молодое выше дряхлого, будущее выше прошлого. Музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации — все эти ценности в себе — свидетели другой эпохи, иллюзии вечности» [Франция-память, 1999, с. 25]. Нора вводит и еще одно важнейшее понятие, широко используемое в исторической политике — «долг памяти». Оно обозначает не столько не столько обязательство хранить память об ушедших (особенно о жертвах мировых войн и политических репрессий), сколько долг, связанный с мучительным переживанием «деструктивного критицизма», собственного забвения недавнего прошлого, исполненного трагических событий. Долг памяти — это своеобразный императив справедливости, требующий извлечь уроки из прошлого и предпринять конкретные действия со стороны властей: признание преступлений прошлого, увековечение памяти невинных жертв, создание мемориалов и проч.

Таким образом, новое понимание истории и ее задач позволяет Пьеру Норе показать на обширнейшем историческом материале, каким образом формируется национальная (французская) идентичность, кристаллизирующаяся вокруг «мест памяти» — начиная от республиканского девиза и французских героев, нашедших упокоение в Пантеоне

через великие французские символы (Лувр, Сена, Гражданский кодекс и т.д.). Историк показывает, как память, будучи материей необычайно тонкой и подвижной, не поддающейся жесткой фиксации, формируется в зависимости от отношения людей, вдохновляемых властью, устанавливает свои отношения с прошлым в перспективе конструируемого горизонта ожидания. В словосочетании «места памяти» он делает акцент именно на понятии места, т.е. способа постоянно возвращать память людей к событиям, фактам, действиям, идеям, уже произошедшим и пережитым и потому кажущимся преодоленными. Для общественно-политической жизни общества всегда были характерны игры памяти, в результате которых то или иное событие или тот или иной персонаж оказывается вытесненным и «забытым» (а порой и опороченным!), уступая место другим событиям и другим персонажам. В результате историческая фигура, являющаяся объектом пристального внимания и бесконечных интерпретаций, может парадоксальным образом превратиться из символа национальной истории в контр-символ или контр-фигуру. Таким образом, память обращена не только к пережитой и ушедшей древности, но и — быть может, в первую очередь — к настоящему, его целям и задачам. Иными словами, память избирательно и фиксирует те сюжеты и отношения, которые сегодня кажутся актуальными, что позволяет ее активное использование в качестве инструмента символической политики.

В-третьих, признание недостаточной и неполной позиции интеллектуальной отстраненности по отношению к прошлому, и идея ответственности человека за свое прошлое и прошлое своей страны. Именно на пути исторической критики память встречает смысл справедливости. Эти идеи активно разрабатывались известным французским философом Полем Рикером и составили предмет его крупного исследования «История памяти, забвение» (2000).

Поль Рикер предложил иную логику прочтения этой проблемы и попытался превратить очень смутное и рыхлое понятие традиции в фундаментальный концепт, одно из базовых и первичных понятий, лежащий в основе ответственного мышления об истории и политике. Для него говорить о традиции вовсе не означает быть традиционалистом, напротив это означает рефлексию об условиях возможности самого широкого мышления, обогащенного новыми символическими возможностями.

В рассуждениях о культуре и традиции, говорит Рикер, очень велик риск предположения, что традиция представляет собой особую форму «программирования» поведения тех, кто этой традиции принадлежит

(я спонтанно предполагаю, что моя культура и моя традиция предшествуют мне, я испытываю по отношению к ним чувство долга: я должен следовать обычаям и нормам, принятым в рамках данной традиции и т.п.). Соответственно передо мной встает вопрос, как выстраивать свое поведение: послушное следование традиции или предательство (в том случае, если я что-то в этой традиции не приемлю)? Рикер убежден, что это ложная альтернатива, порожденная субстанциалистской иллюзией, потому что нужно не сакрализировать Традицию, а наоборот сопротивляться традиционализму и защищать идею о том, что традиция является *моей традицией* только вместе со мной, моим присутствием и мирочувствованием. Я вместе с другими интерпретирую эту традицию в рамках той культуры, которой я принадлежу, тех конкретных исторических, политических и т.п. условий, которых я живу, и тем самым изменяю традицию. Иными словами, усвоение традиции возможно только через ее изменение (в том числе и на институциональном уровне), трансформацию, причем не только в плане содержания, но и, что особенно важно, трансформацию символических артикуляций, препятствующую развитию застойных явлений.

В контексте формирования политики памяти эти положения, высказанные еще в ранней работе Поля Рикера «Конечность и виновность» (1960)⁷⁷, имеют огромное значение. Они означают, что никакая культура или идентичность, никакая историческая память не может быть выше или лучше другой. Поэтому нужно отказаться от идеи превращения универсальности в некий общий горизонт; напротив, следует подчеркивать конституирующую множественность культур и помнить, что универсальность проявляется всегда в локальном, в перспективе всегда особой культуры и идентичности. «Моя» культура и «моя идентичность», в которой и посредством которой я имею представление об универсальном не защищена от рисков изменения, но, с другой стороны, она способна превратить эти риски в шанс на изменение.

В воображении традиционалиста традиция существует как некий данный внешний фактор, не позволяющий свернуть в сторону от предлагаемого пути развития. В отличие от традиционализма Рикер предлагает относиться к традиции не как к повторению идентичного, но как к развитию; следование традиции означает не собирание памятников прошлого, а открытие новых контекстов ее прочтения. Традиция — не дарохранительница, не вместилище не зависимой от нас Истины, чьи строгие каноны мы должны безоговорочно принять. Она связана не

⁷⁷ Ricœur P. Finitude et Culpabilité. V. 2. La Symbolique du mal. P.: Seuil, 2009. 592 p.

только с прошлым, но и с будущим, поскольку постоянно изменяется, то постепенно, то через мутации и бифуркации. Традиция не существует без того, как мы ее принимаем и воспринимаем, а, следовательно, интерпретируем. Без этого традиция превращается в вырожденную идеологию, основу для бесплодного консенсуса.

На протяжении всего своего творчества Рикер не раз возвращается к проблеме традиции, всякий раз обогащая это понятие новыми смыслами, всякий раз дистанцируясь от традиционализма, который он усматривает даже в герменевтике традиций Гадамера. В работе «Время и рассказ» именно с этой целью он вводит тройное различие смыслов, заложенных в понятии традиции, полагая, что этот подход позволит ему обосновать возможность политического действия, связанного с действительно-историческим сознанием как альтернативой «сознания суверенного, прозрачного для самого себя и властителя смысла» [Ricoeur P., 1985, p. 313].

Рикер предлагает различать три смысла понятия «традиция», представляющих три различных употребления этого термина в философском контексте. Первый из них он обозначает как «традициональность» и понимает под этим термином внутреннюю диалектику пространства опыта, образуемую, с одной стороны, переживаемым нами воздействием прошлого на нас и, с другой — осуществляемым нами самими восприятием прошлого. Это понятие соответствует у Гадамера понятию временной дистанции, обозначающей не просто некий интервал, отделяющий нас от исторического события, но процесс опосредования целой цепочкой интерпретаций наследия прошлого. На этом уровне анализа понятие традиции остается еще формальным и связанным с дилеммой непреодолимости/отсутствия дистанции между нами и нашим прошлым.

На втором уровне анализа традиция выступает как *традиции*. Речь здесь идет уже не просто о нашем дистанцировании от прошлого, а о том, что мы никогда не начинаем жизнь с чистого листа, мы — находимся в положении наследников, даже если хотим быть новаторами. Этот уровень тесно связан с языковыми структурами коммуникации и передачи прошлого опыта. Язык, понимаемый в самом широком смысле как все то, что «сказано, услышано и воспринято», является важнейшим институтом, который всегда предшествует нам. И соответственно традиции — это все то, что «уже сказано, передано нам посредством бесконечных цепочек интерпретаций и реинтерпретаций» [Ricoeur P., 1985, p. 321]. Таким образом, на этом уровне чисто формальная диалектика темпоральной дистанции наполняется диалектикой конкрет-

ного содержания передаваемого опыта. Прошлое ставит перед нами вопросы и нас самих ставит под вопрос еще до того, как мы начинаем вопрошать о прошлом.

На третьем уровне речь идет собственно о *традиции*. Именно с таким пониманием традиции связан известный спор между герменевтикой традиций и критикой идеологий, спор, порожденный в значительной мере сползанием исследования *традиций* к апологии *традиции*. Здесь переход от традиций к традиции вводит вопрос о легитимности, ведь понятие авторитета, которое Гадамер связывает с понятием традиции, выступает в качестве легитимирующей инстанции и в качестве таковой обозначает претензию на истину, требующую обоснования в публичном пространстве дискуссии. Книга «История, память, забвение» представляет собой философскую рефлексию, направленную на осмысление человеком своего прошлого в перспективе изменения своего нынешнего положения, а также своего будущего.

Таким образом, мы видим, что понятие традиции как одно из важнейших понятий современной политико-культурной теории идентичности — понятие развивающееся и эволюционирующее, артикулированное с целым комплексом политико-философских и философско-исторических концептов. Как мы видим, политические смыслы понятия традиции постепенно смещались от идеологического оформления возврата к «золотому веку» Старого порядка к взвешенно философской рефлексии над вписанностью человеческого бытия в историю. Постоянное натяжение между истиной и традицией как легитимирующими инстанциями человеческого общежития создавало то проблемное поле, в котором разворачивалось в том числе и осмысление идентичности. Надо констатировать, что и сегодня этот вопрос далек от своего разрешения.

Политика памяти — это политика, учитывающая две внутренне противоречивые тенденции. С одной стороны, это утверждение, что всякая политика определяет видение прошлого и определенную интерпретацию этого прошлого; она представляет собой некую реконструкцию прошлого, в рамках которой можно по-разному расставлять акценты. С другой стороны, можно утверждать и обратное: всякая политика предопределена прошлым, былыми конфликтами, контекстом отношений, в которых пребывает тот или иной политический актор. Прошлое не есть некий набор идеологических инструментов, из которых политик может произвольно выбирать те, что в большей степени отвечают его целям и представлениям. Прошлое продолжает существовать в живой памяти народа, из которой нельзя просто «стереть» воспоминания о тех

или иных травмирующих событиях. Не следует забывать о том, что прошлое существует двояко: оно существует и в предопределенной общим международным контекстом официальной интерпретации политиков, и в «живой памяти» народа, между которыми может существовать разрыв. Этот факт накладывает известные ограничения на проводимую политику памяти, предопределяя ее мягкий характер, заставляя отказываться от прямых и однозначных форм воздействия.

Результаты исследования. Анализ современных работ, посвященных проблемам коллективной памяти и сохранению традиций, выявляет основные черты феномена коллективной памяти, позволяющие использовать ее в качестве инструмента «мягкой силы». Можно выделить основные механизмы, используемые во внешней политике государств для разрешения конфликтных ситуаций, связанных с прошлым:

- Связанные с прошлым конфликты не могут быть стерты из памяти, но воспоминания о них могут быть существенным образом облегчены. Конфликт не снимается, но смягчается;
- Намеренное подчеркивание общих воспоминаний о гармоничных периодах в отношениях между конфликтующими государствами; акцентирование стабильных отношений и перспективы новых взаимовыгодных связей, кооперации;
- Символические жесты, демонстрирующие волю к взаимопониманию и признанию прошлого — героического или травмирующего — другого народа.

Анализ результатов. Полученные в статье результаты позволяют не только определить основные направления политики памяти, но и выявить границы ее применения и трудности, которые могут возникнуть при ее проведении. К числу последних можно отнести существующий разрыв между «официальной памятью», т.е. осуществляемой властью кристаллизацией прошлого в соответствии с создавшимся социально-политическим контекстом, и живой памятью народа, из которой трудно стираются былые конфликты и воспоминания о других травмирующих событиях. Поэтому «мемориальная история», часто используемая в политических и идеологических целях, должна сочетаться с «критической историей», пытающейся исследовать прошлое максимально объективно и тем самым избежать анахронизмов, губительных для любой реалистичной политики.

Заключение. Итак, мы рассмотрели политику памяти как один из механизмов в становлении как национальной идентичности государства, так и коллективной идентичности межгосударственного объединения, например, общеевропейская идентичность или коллективная

идентичность жителя постсоветского пространства. Превращение истории и коллективной памяти в предмет политики с целым рядом факторов социально-политического характера. Феномен памяти сегодня интернационализирован, современная память действительно превратилась в транснациональный и глобальный феномен, в объект межгосударственной политики. Проведенный в статье анализ основных работ по философии исторической памяти, по мнению автора, позволяет выявить факторы, благоприятствующие формированию общей памяти, и факторы, препятствующие созданию нарратива об общем прошлом. Делается вывод о том, что в политике памяти нельзя руководствоваться целью создания одной общей памяти или истории, которую бы разделяли все участники объединения; такой целью должно быть создание условий сосуществования и взаимодействия между различными типами памяти и признание плюральности прочтения прошлого. Работа общей памяти всегда остается работой различных типов памяти и активного диалога между ними ради смягчения конфликтности на основе разработки стратегий, привлекательных для всех сторон, участвующих в конфликте.

Литература

1. Франция-память / Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 333 с.
2. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии 2000. №1. С. 47–62. [Электронный ресурс]. URL: [wwwhttp://cyberleninka.ru/article/n/izobretenie-traditsiy](http://cyberleninka.ru/article/n/izobretenie-traditsiy) (дата обращения 10.01.2017).
3. Lavabre M.C. Usages et mesusages de la notion de mémoire // Critique internationale 2000. V. 7 №1. P. 48–57.
4. Ricœur P. Du texte à l'action. Essais d'herméneutique. P.:Seuil, 1986. 346 p.
5. Ricœur P. Le Temps et le Récit. T. 3: Le temps réfiguré. P.: Seuil, 1985. 533 p.

MEMORY POLITICS IN THE CONTEXT OF SOFT POWER POLICY

Maria Fedorova

Abstract. *The article is focused on the theoretic basis of the memory politics as one of the main directions of the soft power policy at the current stage of the international relations evolution. Politics of memory is regarded as one of the mechanisms of formation of the national identity of state and the collective identity of interstate union as well, e.g., pan-European identity or collective identity of the former Soviet Union citizens. The current memory phenomenon has become transnational and has really obtained global character. According to the author, the analysis of the main works on philosophy of the memory*

politics carried out in the article lets detect factors promoting common memory shaping and those which prevent creating of the common past narrative. There is made a conclusion in the article that the aim of creation of the unique common memory or history should not be basis for the memory politics; it should be based on the goal of creating conditions for co-existing and interaction of different types of memory and plurality of the considering of the past. The work of common memory is always work of various memory types and active dialogue between them aimed at decreasing of the conflictiveness, based on elaborating strategies acceptable for all parties to a conflict.

Key words: *memory politics, tradition, collective identity, national identity, cross-cultural dialog.*

Referenses

1. Hobsbaum, E. (2000). Izobretenie tradicij [The Invention of Tradition] In Vestnik Evrazii [Reporter of Eurasia] 1, 47–62. Retrieved 10 January, 2017 from [wwwhttp://cyberleninka.ru/article/n/izobretenie-traditsiy](http://cyberleninka.ru/article/n/izobretenie-traditsiy).
2. Lavabre, M.C. (2000). Usages et mesusages de la notion de mémoire. Critique internationale, 7, 1, 48–57.
3. Nora, P., Ozouf, M., Puimege, G. de, Winock M. Francija-pamjat' [France-memory]. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. 333 pp. (In Russian)
4. Ricœur P. Du texte à l'action. Essais d'herméneutique. P.:Seuil, 1986. 346 pp.
5. Ricœur P. Le Temps et le Récit. T. 3: Le temps réfiguré. P.: Seuil, 1985. 533 pp.

Информация об авторе

Федорова Мария Михайловна, д. полит. н.

Институт философии РАН, Россия; e-mail: mf57@yandex.ru

Maria Fedorova, DSc in Political science

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia; e-mail: mf57@yandex.ru

ВНЕШНЯЯ ПРОПАГАНДА КНР КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ «МЯГКОГО» ВОЗДЕЙСТВИЯ, РЕАЛИИ И ПРОБЛЕМЫ

А. И. ХАРИТОНОВ

Аннотация: В предлагаемой статье анализируется внешняя пропаганда Китайской Народной Республики (далее КНР) в период с конца 1980-х г., когда руководство Коммунистической партии Китая (далее КПК) начало рассматривать информационный менеджмент в качестве одного из приоритетных направлений. Исследование основано на анализе китайских внешнеполитических документов, официальных выступлений глав КНР, точек зрения аналитиков и работ китайских и зарубежных политологов, специалистов по международным отношениям. Принимая во внимание увеличивающееся значение КНР на международной арене, а также рост ее экономического и военного потенциала, при анализе такого важнейшего ресурса как внешняя пропаганда, в статье уделяется особое внимание проблемам, с которыми сталкивается Китай в процессе распространения пропагандистского контента и эффективного манипулирования умами граждан иностранных государств с его помощью.

Статья констатирует, что применение пропаганды стало закономерным ответом партийного руководства на распространившиеся в конце XIX в. антикитайские теории. Впоследствии, в том числе и по причине специфики китайской политической лексики, в рамках которой сам термин «пропаганда» никогда не имел негативной коннотации, данное понятие вошло в политическую практику страны и стало использоваться повсеместно для улучшения представлений о КНР у зарубежной аудитории, а также для лоббирования идей, выгодных для партийной верхушки КПК.

На начальном этапе использование пропаганды КНР помогло снизить уровень напряженности в среде мирового сообщества по отношению к стремительному росту Китая, однако впоследствии, по причине ряда проблем, она превратилась в фактор отчуждения, воспринимаемый аудиторией зарубежных стран с долей недоверия.

Проведенное исследование позволило прийти к выводу о том, что в начале XXI в. старая парадигма внешней пропаганды КНР столкнулась с серьезными проблемами, ставящими под вопрос целесообразность ее использования в принципе. На сегодняшний день консервативное руководство КПК все еще не готово отказаться от такого важного внешнеполитического ресурса и в ближайшие годы намерено искать пути реформирования этой сферы.

Статья рассчитана на специалистов-востоковедов и сотрудников внешнеполитических и внешнеэкономических учреждений, занимающихся вопросами, связанными с эволюцией ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также изучающих Китай и вопросы «мягкой силы». Эта статья, вероятно, привлечет внимание и широкого круга читателей, интересующихся вопросами информационной пропаганды во внешней политике КНР.

Ключевые слова: КНР, КПК, внешняя пропаганда, «китайская мечта», «мягкая сила», стратегема.

Введение. С момента интеграции Джозефом Найем понятия «мягкая сила» в научный оборот в конце 1990-х г., оно начало постепенный процесс адаптации уже устоявшейся парадигмы силы, зачастую связываемой с ее «жестким» аспектом, к реалиям современного мира [20, р. 28]. Этот термин не ограничивается лишь рамками политической сферы, он также демонстрирует процесс ментальной трансформации человечества и осознания губительности использования ресурсов лишь «жесткой силы». «Мягкая сила» стала неотъемлемой частью внешнеполитической стратегии государств, претендующих на главенство в современном многополярном мире.

С начала 1970-х г. в КНР на волне политики «реформ и открытости», проводимой Дэн Сяопином, наблюдался высокий уровень экономического роста. Ресурсы «жесткой силы» Китая увеличивались соответственно. Подобные экономические успехи повлекли за собой появление антикитайских настроений за рубежом, что сказалось на международном статусе КНР. Для того, чтобы развеять миф о «китайской угрозе», способствовать росту влияния и укреплению позиций страны на международной арене, китайское правительство прибегло к использованию зарубежной концепции «мягкой силы» в рамках своей внешнеполитической доктрины. На этой волне с конца 1980-х г. китайское руководство начало рассматривать информационный менеджмент в качестве одного из приоритетных инструментов правительства. Изучение Китая в такой сфере глобального информационного пространства, как внешняя пропаганда, представляет интерес с точки

зрения попыток использования им современных технологий для усиления своего глобального присутствия.

Теоретические основания исследования. Цель исследования заключается в том, чтобы дать развернутое представление об эволюции внешней пропаганды КНР, обозначить ее основные ресурсы, цели и задачи. Отдельное внимание необходимо уделить рассмотрению проблем в данной сфере, осложняющих процесс пропаганды, и анализу последствий подобных тормозящих факторов.

Объект исследования — внешняя пропаганда КНР в период с конца 1980-х г.

Предмет исследования — основные проблемы, с которыми сталкиваются власти КНР в процессе транслирования внешней пропаганды.

Основная цель статьи — выявить причины и обстоятельства появления основных проблем внешней пропаганды КНР на современном этапе.

Следует отметить, что значительных научных исследований внешней пропаганды КНР российскими специалистами не проводилось. Возможная причина этого заключается в желании руководства Китая минимизировать информацию о данной сфере в рамках открытых источников по причине ее секретности. Тем не менее, некоторые зарубежные авторы (американский китаевед Дэвид Шамбо и профессор Кентерберийского университета Анна-Мария Брэди) затрагивали тему пропаганды в своих работах.

Стремление к объективности результатов предполагало, что поставленные в статье задачи решаются на основе критического анализа источников и других использованных материалов, а также принципа системности. Важным элементом методологии стал прием научной обработки данных и историко-политологический анализ процессов и тенденций внешней пропаганды КНР.

Исследование: основная часть. КНР прилагает серьезные усилия для того, чтобы увеличить свою способность влиять на другие государства, не используя силу или принуждение. Подтверждением тому служат призывы первых лиц государства к наращиванию «мягкой силы» страны. Безусловно, в этом аспекте Китай уже добился значительных результатов. С включением все большего числа стран в список членов Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и предоставлением международной помощи в размере миллиардов долларов, «мягкое» влияние страны увеличивается. Существует опасение, что в аспекте «мягкой силы» КНР сможет обойти по показателям США. Так, американский китаевед Дэвид Шамбо утверждает, что КНР тратит примерно 10 млрд долларов в год на «внешнюю пропаганду», в то время как

США всего 666 млн на общественную дипломатию по состоянию на 2014 г. [21]. Стоит добавить, что китайское правительство финансирует пропагандистскую деятельность различными способами. Например, в 1992 г. в Китае был введен «налог на пропаганду с индустриального производства» (宣传事业费 *xuanchuan shiye fei*, сюаньчуань шиэ фэй), который распространялся на все прибыльные предприятия в общественной сфере [23]. Данный капитал используется для субсидирования пропагандистской деятельности, не приносящей прибыль. Наряду с общегосударственной пропагандой, у каждой отдельной провинции КНР также есть средства для улучшения собственного имиджа за рубежом.

Представители КПК утверждают, что данные усилия направлены на «возвращение лица» (要面子 *yaо mianzi*, яо мяньцзы) КНР на мировой арене и восстановление ее позиций. Они уверены в том, что зарубежные СМИ вводят в заблуждение своих граждан, и навязывают им искаженное представление о современном Китае. Глава Центрального отдела пропаганды КПК Лю Цибао в своем интервью газете *Guangming Daily* заявил: «Всегда находятся группы граждан, рассматривающие современный Китай через призму антикитайских теорий, таких как «теория китайской угрозы» [18], «теория грабежа ресурсов» или «теория коллапса КНР» [25]. В действительности, опросы, проведенные институтом Гэллапа⁷⁸ в 2015 г., показали, что примерно у 50% опрошенных в США «крайне» или «в основном» неблагоприятное мнение о Китае [11]. Большинство респондентов утверждали, что экономический рост КНР несет угрозу для безопасности и мирового статуса Соединённых штатов. Впервые за всю сорокалетнюю историю социальных опросов института граждане Америки высказали негативное мнение о Китае.

С конца 1980-х г. руководство Китая рассматривает информационный менеджмент в качестве одного из приоритетов правительства. Данная сфера получает значительное финансирование и поддерживается внушительной бюрократической системой по осуществлению инициатив пропаганды. Следует отметить, что в китайском языке у слова «пропаганда» (宣传 *xuanchuan*, сюаньчуань) нет негативного подтекста. Традиционные инструменты влияния, такие как медиа и публикации, представляют собой лишь один из векторов зарубежного воздействия. На примере Запада Китай также осваивает использование пропаганды в сферах общественной и культурной дипломатии и СМИ.

⁷⁸ Институт Гэллапа — основанный в 1935 г. Джорджем Гэллапом американский институт общественного мнения (англ. American Institute of Public Opinion). Регулярно проводит опросы населения США по вопросам внутренней и внешней политики.

Совет Центрального комитета иностранной пропаганды КПК состоит из высших чинов Коммунистической партии Китая и представителей СМИ, ориентированных на зарубежные страны. Он устанавливает повестку дня китайской зарубежной пропаганды. Центральное управление иностранной пропаганды осуществляет надзор за внешней пропагандой страны и координирует деятельность других государственных учреждений в аспекте зарубежного влияния. Данный орган также ответственен за установление цензуры, а иногда и запретов на освещение некоторых тем в рамках внутренних СМИ. Так, пятый департамент этого государственного органа отвечает за цензуру в интернете. В свою очередь, внешняя культурная дипломатия Китая входит в компетенцию Министерства культуры [9] и Министерства образования [10] КНР и осуществляет деятельность, способствующую культурному обмену, разработанному с целью рассеять предрассудки о Китае и привить иностранным гражданам доброжелательное отношение к стране. С конца 1980-х г. правительство способствует распространению китайского языка в надежде, что его изучение инициирует изменения в восприятии Китая иностранцами [17]. В рамках данной инициативы была проведена масштабная работа по открытию Институтов Конфуция за рубежом. Этот процесс начался в 2004 г., и к 2015 г. было открыто в общей сложности 1,086 подразделений по всему миру [29]. Институты обязаны функционировать в соответствии с законодательствами КНР и страны, на чьей территории они расположены [30]. В сводке правил на официальном сайте организации подчеркивается, что сотрудники Институтов не могут быть членами запрещенной в КНР секты Фалуныгун⁷⁹ или сторонниками независимости Тайваня, Синьцзян-Уйгурского автономного района или Тибета.

Внешняя пропаганда КНР нацелена на определенную аудиторию, подразделяющуюся на две группы: китайских эмигрантов 华侨 (huaqiao, хуацяо) и иностранных граждан. «Мягкое» влияние на первую группу руководствуется тремя основными целями: нейтрализация антагонизма иммигрантов китайского происхождения к внутригосударственному режиму, увеличение антипатии по отношению к противникам КПК и поощрение инвестирования в экономику КНР. Пропагандистская деятельность крайне успешно укрепляет положительный имидж страны в рам-

⁷⁹ Фалуныгун — секта, в основе которой лежит сочетание элементов буддизма, даосизма, конфуцианства и традиционных китайских верований с гимнастической традицией цигун. Возникла в 1990-х г. под руководством лидера движения Ли Хунчжи и постепенно распространилась за пределы КНР. Официально запрещена на территории Китая, ее последователи преследуются.

ках данной группы, деморализуя оппозицию. Пропаганда, направленная на китайских эмигрантов, транслируется многочисленными каналами СМИ посредством местных газет на китайском языке, через радио и телевидение и, в том числе, Центральным телевидением Китая (ССТV) с отдельным каналом ССТV — 4 [8], созданным специально для сограждан за рубежом. Для того чтобы обеспечить влияние Пекина на китайские диаспоры, информационное агентство 新华 (xinhua, синьхуа) предоставляет бесплатный контент для китаезычных новостных изданий. За последнее десятилетие выросла роль интернета как инструмента пропаганды. Официальные новостные сайты КНР превратились в важнейшие источники информации на китайском языке. В составе Государственного Совета КНР есть Управление по делам Тайваня, которое занимается координацией деятельности других государственных органов, осуществляющих китайскую пропаганду на Тайвань. КНР оказывает активную финансовую поддержку телевизионным центрам, веб-страницам, газетам и радио, которые были специально созданы для тайваньской аудитории. Пекин старается сформировать выгодное для него внутригосударственное и международное общественное мнение по проблеме Тайваня, подавляя его политическое и экономическое влияние [14].

Главной задачей китайской пропаганды, направленной на иностранных граждан, за последние двадцать лет неизменно остается повешение осведомленности о социальной, экономической и политической стабильности страны и ее впечатляющем экономическом росте. Стоит отметить, что, с точки зрения популяризации своей экономической модели, Китай добился серьезных результатов, однако не смог повлиять на негативное представление иностранцев о политической составляющей страны. В пропагандистской деятельности Китай использует подконтрольные СМИ государственного уровня, такие как China Daily [3], Beijing Review [1], ССТV [2], China Radio International [4], People's Daily [7], Foreign Language Press [6] и China.org [5]. КПК реализует два современных стратемизированных политических подхода к формированию положительного имиджа страны за границей. Первый — «использование иностранных сил для популяризации Китая» (利用外力为我宣传, liyong waili wei wo xuanchuan, лиюнь вайли вэйво сюаньчуань). В рамках этого подхода Пекин налаживает тесные взаимовыгодные отношения с высокопоставленными иностранными деятелями, которые приносят политические или экономические выгоды Китаю. Бывший государственный секретарь США Генри Киссинджер и бывший премьер-министр Великобритании Тони Блэр были негласно признаны КПК «друзьями Китая» [13]. Второй подход — т.н. «заимство-

вание иностранных газет» (借用海外报刊, jìeyong haiwai baokan, цзеюн хайвай баокань). В прошлом данный способ ассоциировался с развитием позитивных взаимоотношений с иностранными журналистами, в статьях которых прослеживалось нейтральное или благосклонное отношение к политической системе Китая. В середине 2000-х гг. этот подход был реформирован и начал включать в себя целенаправленное размещение китайских статей в ведущих зарубежных изданиях. Так, раз в месяц газета Washington Post публикует платные колонки из China Daily, а CCTV и China Radio International размещают свой контент на зарубежных телевизионных и радио станциях. В 2000 г. CCTV запустило спутниковый канал CCTV — 9 на английском языке для иностранных граждан. В 2004 г. он также начал вещать на французском и испанском языках и был переименован в CCTV International. Предполагалось, что данный новостной ресурс станет китайским эквивалентом CNN с мировым покрытием и круглосуточным вещанием. Несмотря на то, что государство инвестировало в канал значительные ресурсы, оно не представляло необходимую редакционную независимость. Это, безусловно, отразилось на эффективности его деятельности. В начале 2009 г. Пекин заявил, что инвестирует 45 млрд юаней в основные каналы СМИ для усиления международного транслирования и глобального присутствия [16]. В рамках этой кампании, получившей название «большая пропаганда» (大外宣 da wai xuan, да вай сюань), новостное агентство Синхуа увеличило число зарубежных отделений со 100 до 186. Одновременно Global Times (популярное издание принадлежащие People's Daily) запустило издание на английском языке. CCTV International начало также трансляции на арабском и русском языках, переименовав себя в CCTV News. Впоследствии китайские специалисты в области СМИ признали эту стратегию провальной, заявив о том, что если некая информация исходит из официального китайского источника, то она автоматически воспринимается в качестве пропаганды, а не новости.

При Цзян Цзэмине (1989–2002) внешняя пропаганда была сосредоточена главным образом на продвижении успехов китайской экономики и стимулировании дальнейшего инвестирования иностранцами в КНР [31]. В период Ху Цзиньтао (2002–2012) основной акцент был сделан на построении «мягкой силы» государства, однако серьезных улучшений имиджа страны отмечено не было. С приходом к власти Си Цзиньпина в ноябре 2012 г. начались существенные изменения во внешней политике КНР, в том числе в сфере «мягкого» влияния на зарубежную аудиторию. В докладе от 19 августа 2013 г. на конференции по пропаганде и идеологической работе он заявил, что «в качестве ответа

на глобальные изменения Китай должен распространять новые идеи и перспективы возникающим и развивающимся государствам». Он также отметил необходимость расширения зоны вещания китайских СМИ, использования в этой сфере инновационных методов пропаганды, распространения за рубеж китайских взглядов и принципа «нести благу о Китае» [26]. В январе 2014 г. Си Цзиньпин предложил увеличить расходы на популяризацию китайской культуры с целью увеличения «мягкой силы» страны. В обращении к членам Политбюро он заявил: «Китай должен представлять собой цивилизованное государство с богатой историей, этическим единством и культурным многообразием и являться важным оплотом силы на Востоке». Он также добавил, что Китай должен быть известен как ответственное государство, которое выступает гарантом международной справедливости и правосудия, вносит позитивный вклад в развитие человечества в качестве социальной страны, открытой и дружественной, полной надежды и жизненной силы [22]. 8 августа 2014 г. Си Цзиньпин предложил проект нового инновационного менеджмента СМИ. Он заявил о намерении Китая создать «новый тип мейнстримного медийного контента» (新兴主流媒体 *xinxing zhuliu meiti*, синьсин чжулю мэйти), который будет мощным, влиятельным и заслуживающим доверие масс [24]. В данной стратегии слияние и поглощение являются основными средствами для влияния на общественное мнение зарубежной публики, а традиционные и современные СМИ интегрируются на базе мультиплатформенного подхода. В отличие от эры Ху Цзиньтао, расширение СМИ и международной пропаганды будет финансироваться формирующимися информационными конгломератами и последующей коммерциализацией медийной сферы. Таким образом, уже и так достаточно привилегированная сфера СМИ в КНР после подобных реформ и приобретения ряда экономических свобод станет еще более прибыльной. С момента объявления нового направления развития зарубежная пропаганда Китая вышла на новый уровень, характеризующийся большей поступательностью.

Из предложенных Си Цзиньпином принципов зарубежной пропаганды были приняты следующие: «нести благу о Китае» [28], «китайская мечта» и «богатая страна, сильная оборона» [27]. Ключевым подходом является «нести благу о Китае» (讲一个好中国故事 *jiang yige hao zhongguo gushi*, цзян игэ хао чжунго гуши). Он представляет собой популяризацию выборочных аспектов традиционной китайской культуры зарубежной аудитории. Институты Конфуция, китайские культурные центры и фестивали являются основными механизмами подобного рода пропаганды. В рамках «китайской мечты» уделяется

особое внимание новым возможностям для экономического сотрудничества с акцентом на партнерство и развитие. Один из проектов осуществляется в рамках китайской инициативы «Один пояс и один путь» (一路一带 *yilu yidai*, и лу и дай), также известной как «новый шелковый путь». По словам Пен Гуанцяня, заместителя генерального секретаря Совета национальной безопасности КНР, политика «Нового Шелкового пути» находится «вне идеологии». В отличие от конфронтационной политики времен Холодной войны, данная инициатива способствует экономическому сотрудничеству. Более того, подобная политика также преследует цель установления новых норм международного взаимоотношения, в рамках которых будут созданы т.н. взаимовыгодные «общества интересов» и «общества предназначения». Они помогут ликвидировать привычный миропорядок с политическим и экономическим преобладанием одних государств над другими [15]. Принцип «богатая страна, сильная оборона» (富国强兵 *fuguo qiangbing*, фуго цянбин) часто встречается в заявлениях уполномоченных докладчиков Национально-освободительной армии Китая, ориентированных как на внутреннюю, так и зарубежную аудиторию. В они подчеркивают готовность государства бороться за собственные интересы и делают акцент на мирном стремлении КНР к международному влиянию.

Стоит отметить, что объёмы ресурсов, выделяемые для сферы «мягкого» влияния, едва ли окупают себя. Так, граждане Северной Америки, Европы, Индии и Японии зачастую негативно отзываются о КНР. Положительное мнение о стране наблюдается только в тех странах и регионах, с которыми у Китая нет территориальных споров или разногласий в области прав человека. Тем не менее, некоторые явления все же вызывают негативные реакции, например, импорт китайской рабочей силы для проектов в области инфраструктуры.

Грамотная комбинация «жесткой» и «мягкой» силы и ее превращение в действенную государственную стратегию представляется непростой задачей. «Мягкая сила» состоит из трех частей — культуры (в особенности ее элементов, имеющих популярность за рубежом), политических ценностей (зачастую также разделяемых заграничной аудиторией) и международной политики (обладающей легитимностью и моральным авторитетом) [20, р. 15]. Культурная и экономическая сферы в КНР способствуют распространению «мягкой силы» государства, однако ее политические реалии подрывают успешность этого явления.

Несмотря на попытки реформирования, сегодня в международной сфере существуют два фактора, лимитирующие успешность распространения пропаганды КНР [12]. Первый — опасения зарубежных

акторов международной политики, касающиеся националистической составляющей доктрины «китайской мечты». КПК выстроила свой уровень легитимации не только с помощью высоких темпов роста экономики, но и на призывах к национализму, что снизило международную привлекательность «китайской мечты». Более того, руководство КНР поощряет активные политические решения по вопросам в Южно-Китайском море, что вызывает вражду между КНР и ее соседями. Стоит отметить жесткую позицию Китая в отношении Филиппин по факту владения спорными островами в Южно-Китайском море. В подобной ситуации наличие открытого в Маниле Института Конфуция никак не может способствовать «мягкому» разрешению ситуации. Последствия подобной политики Китая прослеживаются в волне антикитайских восстаний во Вьетнаме после того, как государство установило свою нефтяную буровую установку в спорных водах. Второй фактор — нежелание со стороны КПК использовать открытое гражданское общество с целью генерирования «мягкого» влияния. В связи с этим официальная пропаганда сталкивается с рядом трудностей. В современном информационном пространстве, изобилующем навязанными недостоверными данными, государственная пропаганда отнюдь не вызывает доверия зарубежных масс. Для международной аудитории попытки Китая составить конкуренцию CNN и BBC посредством собственных информационных агентств и каналов — лишь способ распространения выгодной для правительства Китая информации. Так, США, в отличие от Китая, формирует свою «мягкую силу» не за счет правительственных инициатив, а с помощью гражданского общества — от университетов и фондов до Голливуда и поп-культуры. КНР же не обладает подобными ресурсами, способными составить конкуренцию Америке. Более того, в Китае также отсутствуют негосударственные организации, которые так эффективно генерируют «мягкое» влияние США за рубежом. Стоит отметить, что негосударственные источники «мягкой силы» также могут компенсировать непопулярность некоторых политических решений государства посредством их критического и нецензурированного освещения. Примером может служить вторжение США в Ирак и то, как негосударственные СМИ искренней критикой американской внешней политики препятствовали снижению уровня «мягкого» влияния страны. В свою очередь, Китаю нечем нейтрализовать последствия непопулярных политических действий. Так, достижения Shanghai Expo 2009 были вскоре аннулированы фактом заключения под стражу лауреата Нобелевской премии мира Лю Сяобо и видом его пустующего кресла на церемонии в Осло, транслируемого по всему миру [19].

Результаты исследования

Проведенный анализ позволяет говорить о нестабильности в сфере внешней пропаганды КНР. На современном этапе существуют взаимосвязанные проблемы, подрывающие успешность внешнего влияния страны. Во-первых, это националистическая составляющая политики «китайской мечты», направленная на сплочение китайского населения как внутри страны, так и за его пределами. Во-вторых, тотальный контроль КПК за сферой имплементации «мягкой силы» и пропаганды в целом приводит к полному отсутствию возможности у неправительственных организаций генерировать «мягкое» влияние, а заикленность партийной верхушки на популяризации традиционной китайской культуры делает распространяемый контент менее привлекательным за рубежом.

Анализ результатов

Огромные потоки финансовых инвестиций гарантируют постоянное информационное присутствие страны в области международной системы СМИ. Китайские сограждане за рубежом охотно потребляют произведенный в КНР новостной и развлекательный контент, даже учитывая его пропагандистскую составляющую. Иностранцы же склонны негативно оценивать новостные издания, имеющие отношение к государственному аппарату КНР, в особенности, если в политике страны наблюдается националистическая составляющая. Таким образом, на современном этапе объемы финансирования в сферу внешней пропаганды КНР не всегда тождественны успешности имплементации ее «мягкого» влияния. На передний план выходит сам контент, его независимость и современность. Представляется, что потенциал данной сферы не будет раскрыт до конца до тех пор, пока иностранная аудитория воспринимает информационные каналы КНР в качестве партийного орудия пропаганды по лоббированию своих интересов. Следовательно, необходим последовательный процесс либерализации и приватизации сферы иностранной пропаганды и наполнения ее независимым контентом.

Заключение. Программы международной помощи КНР зачастую успешны и конструктивны. Ее экономика находится на высоком уровне развития, а традиционная культура вызывает восхищение у зарубежной аудитории. Однако существует ряд проблем в профильной сфере распространения «мягкой силы» КНР — в сфере культурного влияния. Одна из них — заикленность на популяризации традиционной культуры и, как следствие, невозможность производства современного культурного контента. Учитывая реалии современного процесса имплементации

тации «мягкой силы» в КНР, следует отметить, что государство прилагает огромные усилия по наращиванию своего «мягкого» воздействия за рубежом. Тем не менее, потенциал данной сферы, по всей видимости, останется не реализованным в полной мере, по причине неготовности КПК к либерализации сферы СМИ и предоставления больших возможностей частным лицам и негосударственным организациям.

Литература

1. Официальный сайт Beijing Review [Электронный ресурс] // Beijing Review. URL: <http://www.bjreview.com/> (дата обращения 14.01.17).
2. Официальный сайт CCTV [Электронный ресурс] // CCTV. URL: <http://cctv.cntv.cn/englishnews/> (дата обращения 14.01.17).
3. Официальный сайт China Daily [Электронный ресурс] // China daily. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/> (дата обращения 14.01.17).
4. Официальный сайт China Radio International [Электронный ресурс] // China Radio International. URL: <http://english.cri.cn/> (дата обращения 14.01.17).
5. Официальный сайт China.org [Электронный ресурс] // China.org. URL: <http://www.china.org/> (дата обращения 14.01.17).
6. Официальный сайт Foreign Language Press [Электронный ресурс] // Foreign Language Press. URL: <http://www.flp.com.cn/en/> (дата обращения 14.01.17).
7. Официальный сайт People's Daily [Электронный ресурс] // People's Daily. URL: <http://en.people.cn/> (дата обращения 14.01.17).
8. Официальный сайт канала CCTV — 4 [Электронный ресурс] //央视网. URL: <http://tv.cctv.com/live/cctv4/> (дата обращения: 14.01.17).
9. Официальный сайт Министерства культуры КНР [Электронный ресурс] // 中华人民共和国文化部. URL: <http://www.mcprc.gov.cn/> (дата обращения: 14.01.17).
10. Официальный сайт Министерства образования КНР [Электронный ресурс] // 中华人民共和国教育部. URL: <http://www.moe.gov.cn/> (дата обращения: 14.01.17).
11. Americans See China's Economic Power as Diminished Threat [Электронный ресурс] // Gallup. URL: http://www.gallup.com/poll/181733/americans-china-economic-power-diminished-threat.aspx?g_source=China%20threat&g_medium=search&g_campaign=tiles (дата обращения: 14.01.17).
12. Bates G., Huang Y. Sources and Limits of Chinese Soft Power. *Survival*, Vol. 48, No.2, 2006. P. 27.
13. Brady A. M. Making the Foreign Serve China: Managing Foreigners in the People's Republic. Lanham, Md.: Rowman and Littlefield, 2003. P. 195.
14. Brady A.M. Unifying the Ancestral Land: The CCP's Taiwan Frames [Электронный ресурс] Research Gate. URL: <https://www.researchgate.net/>

- publication/282628011_Unifying_the_Ancestral_Land_The_CCP's_Taiwan_Frames (дата обращения: 14.01.17).
15. China's Silk Road Strategic Concept and the Reconstruction of the International Order [Электронный ресурс] // Xinhuanet. URL: http://news.xinhuanet.com/fortune/2014-05/15/c_1110702129.htm (дата обращения 14.01.17).
 16. China's state broadcaster CCTV rebrands international networks as CGTN in global push [Электронный ресурс] // South China Morning Post. URL: <http://www.scmp.com/news/china/policies-politics/article/2058429/chinas-state-broadcaster-cctv-rebrands-international?spm=0.0.0.0.u16oh1> (дата обращения 14.01.17).
 17. Confucius Institute: Promoting Language, Culture and Friendliness [Электронный ресурс] // 中华人民共和国驻捷克共和国大使馆. URL: <http://www.chinaembassy.cz/cze/rdzt/srocps/t276969.htm> (дата обращения: 14.01.17).
 18. Husenicova L. The China Threat Theory Revised: Chinese Changing Society and Future Development [Электронный ресурс] // CENAA Analysis. URL: <http://cena.org/analysis/the-china-threat-theory-revised-chinese-changing-society-and-future-development/> (дата обращения: 14.01.17).
 19. Liu Xiaobo Is Locked Up in China, and Locked Out of the Translation of a Paul Auster Novel [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <https://sinosphere.blogs.nytimes.com/2015/05/20/liu-xiaobo-is-locked-up-in-china-and-locked-out-of-the-translation-of-a-paul-auster-novel/?rref=collection%2Ftimestopic%2FLiu%20Xiaobo&r=0> (дата обращения 14.01.17).
 20. Nye J.S. Bound to Lead: The Changing Nature Of American Power. New York: Basic Books, 1990. P. 28.
 21. Shambaugh D. China's Soft Power Push [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-06-16/china-s-soft-power-push> (дата обращения 14.01.17).
 22. Xi: China to promote cultural soft power [Электронный ресурс] // Xinhua net. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-1/01/c_125941955.htm (дата обращения 14.01.17).
 23. 关于1992年国家预算执行情况和1993年国家预算草案的报告[Электронный ресурс] // 中国人大网. http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/1993-03/16/content_1481289.htm (дата обращения 14.01.17).
 24. 关于推动传统媒体和新兴媒体融合发展的指导意见解读 [Электронный ресурс] // 应毕业生网. URL: <http://gw.yjby.com/yijian/75142.html> (дата обращения 14.01.17).
 25. 刘奇葆 大力推动中华文化走向世界 [Электронный ресурс] // 国务院新闻办公室网站. URL: <http://www.scio.gov.cn/zhzc/10/Document/1371036/1371036.htm> (дата обращения 14.01.17).

26. 网传习近平讲话全文[Электронный ресурс] // 家国新闻. URL: <http://www.iask.ca/news/china/2013/1104/231815.html> (дата обращения 14.01.17).
27. 习近平：建设社会主义文化强国 着力提高国家文化软实力[Электронный ресурс] // 中国共产党新闻网. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2014/0101/c64094-23995307.html> (дата обращения 14.01.17).
28. 习近平：讲好中国故事 传播好中国声音 [Электронный ресурс] // Xinhua net. URL: http://news.xinhuanet.com/video/2013-08/20/c_125210825.htm (дата обращения 14.01.17).
29. 中华人民共和国汉办，关于孔子学院 [Электронный ресурс] // 国家汉办. URL: http://www.hanban.org/confuciousinstitutes/node_10961.htm (дата обращения: 14.01.17).
30. 中华人民共和国汉办，核心教师 [Электронный ресурс] // 教师培养与培训. URL: http://www.hanban.org/teachers/node_43088.htm (дата обращения: 14.01.17).
31. 中央宣传部办公厅，党的宣传工作文件选编，北京：，中共中央党校出版社，1994 vol. 4, p. 1815–1816.

EXTERNAL PROPAGANDA OF PRC AS A CRUCIAL ELEMENT OF SOFT POWER. REALITIES AND PROBLEMS

Anton I. Kharitonov

Abstract: *This article focuses on the external propaganda of the People's Republic of China during the period from the late 1980 s., when the leadership of the Communist Party of China began to consider information management as one of the priority areas of government management. The research is based on the analysis of Chinese foreign policy documents, official speeches of Chinese leaders, expert opinions on the topic and works of Chinese and foreign political scientists. Taking into account the increasing importance of China in the international arena, as well as its growing economic and military capabilities in the analysis of such an important resource as the foreign propaganda, the article pays special attention to the problems faced by China in the process of dissemination and effective manipulation using it with the minds of foreign nationals.*

It was concluded in the article that the usage of propaganda in China was a logical response of the party's leadership to the anti-Chinese theories that emerged in the late XIX century. In the aftermath, including the specifics of the Chinese political lexicon, in which the very notion of "propaganda" has never had a negative connotation, propaganda entered the political practice of the country and began to be used widely to improve perception of China from foreign audience and also for lobbying ideas favorable to the CCP's leadership.

Ultimately, the Chinese propaganda has helped to reduce the level of tension of the international community in relation to the rapid growth in China, but

gradually since the beginning of the XXI century it itself dew to some problems has become a factor of alienation, perceived by audiences abroad with disbelief.

The research proves that since the beginning of the XXI century, old paradigm of China's foreign propaganda has faced serious problems, which undermine the feasibility of its usage at all. Today, the conservative leadership of the CPC is still not ready to give up such an important foreign policy resource, and in the upcoming years is likely to look for ways to reform this sector.

On one hand, this article is aimed at the expert community, functionaries of external political and economic institutions, which specialized on the issues of evolution of the situation in the Asia-Pacific region, as well as students of China and issues of "soft power." On the other hand, it will be interesting for broader reading audience.

Keywords: PRC, CCP, external propaganda, "Chinese dream", "soft power", stratagem.

References

1. Nye J.S. *Lead to Lead: The Changing Nature Of American Power*. New York: Basic Books, 1990. P 28.
2. The China Threat Theory Revised: Chinese Changing Society and Future Development. (2012) CENAA Analysis. Retrieved from <http://cenaa.org/analysis/the-china-threat-theory-revisited-chinese-changing-society-and-future-development/>
3. Americans See China's Economic Power as Diminished Threat. (2015, February, 26). Gallup. Retrieved from http://www.gallup.com/poll/181733/americans-china-economic-power-diminished-threat.aspx?g_source=China%20threat&g_medium=search&g_campaign=tiles
4. Oficial'nyj sajt Ministerstva kul'tury KNR. 中华人民共和国文化部. Retrieved from <http://www.mcprc.gov.cn/>
5. Oficial'nyj sajt Ministerstva obrazovaniya KNR. 中华人民共和国教育部. Retrieved from <http://www.moe.gov.cn/>
6. Confucius Institute: Promoting Language, Culture and Friendliness. 中华人民共和国驻捷克共和国大使馆. Retrieved from <http://www.chinaembassy.cz/cze/rdzt/srocps/t276969.htm>
7. Ofitsialnyiy sayt kanala CCTV — 4. 央视网. Retrieved from <http://tv.cctv.com/live/cctv4/>
8. Brady A. M. *Unifying the Ancestral Land: The CCP's Taiwan Frames*. (2015, July 20) Research Gate. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/282628011_Unifying_the_Ancestral_Land_The_CCP's_Taiwan_Frames
9. Ofitsialnyiy sayt China Daily. China daily. Retrieved from <http://www.chinadaily.com.cn/>

10. Ofitsialnyiy sayt Beijing Review. Beijing Review. Retrieved from <http://www.bjreview.com/>
11. Ofitsialnyiy sayt CCTV. CCTV. Retrieved from <http://cctv.cntv.cn/englishnews/>
12. Ofitsialnyiy sayt China Radio International. China Radio International. Retrieved from <http://english.cri.cn/>
13. Ofitsialnyiy sayt People's Daily. *People's Daily*. Retrieved from <http://en.people.cn/>
14. Ofitsialnyiy sayt Foreign Language Press. *Foreign Language Press*. Retrieved from <http://www.flp.com.cn/en/>
15. Ofitsialnyiy sayt China.org. China.org. Retrieved from <http://www.china.org/>
16. Brady A. M. Making the Foreign Serve China: Managing Foreigners in the People's Republic. Lanham, Md.: Rowman and Littlefield, 2003. P. 195.
17. China's Silk Road Strategic Concept and the Reconstruction of the International Order. (2014, May 15) Xinhua net. Retrieved from http://news.xinhuanet.com/fortune/2014-05/15/c_1110702129.htm
18. China's state broadcaster CCTV rebrands international networks as CGTN in global push. (2016, December 31) South China Morning Post. Retrieved from <http://www.scmp.com/news/china/policies-politics/article/2058429/chinas-state-broadcaster-cctv-rebrands-international?spm=0.0.0.0.u16oh1>
19. Bates G., Huang Y. Sources and Limits of Chinese Soft Power. *Survival*, Vol. 48, No.2, 2006. P. 27.
20. Liu Xiaobo Is Locked Up in China, and Locked Out of the Translation of a Paul Auster Novel (2015, May 20) The New York Times. Retrieved from <https://sinosphere.blogs.nytimes.com/2015/05/20/liu-xiaobo-is-locked-up-in-china-and-locked-out-of-the-translation-of-a-paul-auster-novel/?rref=collection%2Ftimestopic%2FLiu%20Xiaobo&r=0>
21. Xi: China to promote cultural soft power. (2014, January 1). Xinhua net. Retrieved from https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/xinhua_xi-china_to_promote_cultural_soft_power_article_0.pdf
22. China's Soft Power Push. (2015, august). Foreign Affairs. Retrieved from <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-06-16/china-s-soft-power-push>
23. 中华人民共和国汉办, 关于孔子学院. 国家汉办. Retrieved from http://www.hanban.org/confuciousinstitutes/node_10961.htm
24. 中华人民共和国汉办, 核心教师. 教师培养与培训. Retrieved from http://www.hanban.org/teachers/node_43088.htm
25. 中央宣传部办公厅, 党的宣传工作文件选编, 北京;, 中共中央党校出版社, 1994 vol. 4, p. 1815-1816.
26. 关于1992年国家预算执行情况和1993年国家预算草案的报告. (1993年3月16日). 中国人大网. Retrieved from http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/1993-03/16/content_1481289.htm

27. 习近平：讲好中国故事 传播好中国声音. (2013, August 20). *Xinhua net*. Retrieved from http://news.xinhuanet.com/video/2013-08/20/c_125210825.htm
28. 网传习近平讲话全文. (2013, November 4). 家国新闻. Retrieved from <http://www.iask.ca/news/china/2013/1104/231815.html>
29. 习近平：建设社会主义文化强国 着力提高国家文化软实力. (2014, January 1). 中国共产党新闻网. Retrieved from <http://cpc.people.com.cn/n/2014/0101/c64094-23995307.html>
30. 刘奇葆 大力推动中华文化走向世界. (2014, May 22). 国务院新闻办公室网站. Retrieved from <http://www.scio.gov.cn/zhzc/10/Document/1371036/1371036.htm>
31. 关于推动传统媒体和新兴媒体融合发展的指导意见解读. (2016, August 16). 应毕业生网. Retrieved from <http://gw.yjbys.com/yijian/75142.html>

Информация об авторе

Харитонов Антон Игоревич

аспирант второго года обучения кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права Историко-Архивного института Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: antonkharitonov1991@gmail.com

Anton I. Kharitonov

P.G. of the Modern East department, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities. E-mail: antonkharitonov1991@gmail.com

**Публичная дипломатия
как фактор преодоления
международной блокады
Крыма**

модераторы

Г.Л. Мурадов, Т.А. Сенюшкина
(Крымский федеральный университет)

ОТ БОСФОРА ДО БОСПОРА: ЭКОЛОГИЯ, КУЛЬТУРА, ЭКОНОМИКА¹

Т. А. БАРАБОШКИНА

Аннотация: Введение. Мультипликативность экологии культур Востока и Запада предопределила вектор развития Юга России на региональном и глобальном уровне, как результат синергетического взаимодействия природных, социально-экономических и политических факторов.

Теоретические основания исследования. В основу исследования положен сравнительный междисциплинарный историко-археологический и историко-географический анализ состояния эколого-ресурсного потенциала Крыма во втором десятилетии третьего тысячелетия; рассмотрена возможность его эволюции с учетом расширения потенциала логистики воздушного и сухопутного сообщения и расширения межкультурных контактов с учетом современных региональных и глобальных тенденций.

Исследование: посвящено совершенствованию теории и методологии регионального междисциплинарного анализа параметров ресурсного потенциала Крыма, на базе междисциплинарного подхода для решения задач расширения спектра объектов для международного инвестирования, в том числе в сфере туризма. Исследование проведено с целью расширения межцивилизационных контактов и решения проблемы оптимизации благоприятной социально-экономической, экологической и культурной среды для населения полуострова и расширения географии реципиентов въездного туризма, в том числе, из стран, не имеющих выхода к морю.

Методология изучения ресурсного потенциала базировалась на сравнительном историко-археологическом, историко-географическом и эколого-ресурсном анализе.

Материалы исследований представлены личными фото- и видеоматериалами, полевыми, архивными и библиографическими каталогами.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФНФ № 15–37–10100,

Процедура исследования Исследование территории полуострова проводилось более 15 лет, как в период осуществления полевых работ, так и на базе изучения фондовых, архивных, статистических материалов.

Результаты исследования. Для расширения межцивилизационных контактов: 1. Актуализировать разработку инвестиционных проектов в районах сохранившихся скифских, греческих, итальянских, караимских, армянских, болгарских и других древних поселений Крыма; 2. Расширять на Юге России сеть отелей с этнокультурным компонентом; 3. Освещать в международном информационном пространстве сюжеты о мемориальных комплексах возведенных как героям России и стран СНГ, так и об исторических памятниках английским, французским, греческим, болгарским и другим воинам. Модернизация инфраструктуры, позволит оптимизировать условия посещения иностранных граждан мест интернациональных захоронений солдат и офицеров; 4. Способствовать заключению международных соглашений в сфере развития детского, семейного отдыха, реабилитационных центров для лиц с ограниченными возможностями; 5. Разработать социальные проекты с учетом Государственной программы РФ «Доступная среда», а также привлекать к сотрудничеству в сфере медицинского и социального туризма страны, не имеющие выхода к морю; 6. На базе финансовых преференций актуализировать исторические экономические связи между городами Северного Причерноморья — древнейших опорных пунктов Великого Шелкового пути и потенциала инновационного развития Евразийского экономического союза в XXI веке; 7. Инвестировать развитие геопарков для проведения учебных практик для иностранных студентов российских вузов; бизнес-мероприятий, конференций, корпоративного тимбилдинга; 8. Создать преференции в системе налогообложения (по аналогии с ОАЭ).

Ключевые слова: Юг России, Крым, экология, культура, экономика

Введение. Мультипликативность экологии культур Востока и Запада predetermined вектор развития Юга России на региональном и глобальном уровне, как результат синергетического взаимодействия природных, социально-экономических и политических факторов.

Крымский полуостров, располагаясь на границе Европы и Азии, исторически соединяет различные культуры Ближнего Востока, Европы и Кавказа. Географическое местоположение полуострова позволяет достигать нескольких гигантских экспортных рынков, таких как ЕС, СНГ и страны Азии. Одним из конкурентных преимуществ Крыма является высокий уровень диверсификации экономики. Морские порты связывают полуостров с Краснодарским краем, а также с Абхазией, Болгари-

ей, Грузией, Румынией, Турцией. Через проливы Босфор и Дарданеллы они соединены со Средиземным морем. Босфор (ранее Боспор Фракийский) и Боспор Киммерийский (ныне — Керченский пролив) древние морские торговые «ворота».

Углубление современных интеграционных процессов в третьем тысячелетии в рамках Евразийского экономического пространства — «...курс рассчитанный на стратегическую перспективу» [Торкунов, 2015. с. 15].

Теоретические основания исследования. На современном этапе развития общества одной из важных задач межцивилизационных контактов, является системный сравнительный анализ широкого спектра историко-археологических и этнокультурных (археологических комплексов, музеев, выставочные экспозиции, архитектурно-градостроительные объекты, паломнические центры и т.д.) факторов как значимых составляющих межкультурных коммуникаций с учетом природных и исторических особенностей регионов.

В основу исследования положен сравнительный междисциплинарный историко-археологический и историко-географический анализ состояния эколого-ресурсного потенциала Крыма во втором десятилетии третьего тысячелетия; рассмотрена возможность его эволюции с учетом расширения потенциала логистики воздушного и сухопутного сообщения и расширения межкультурных контактов с учетом современных региональных и глобальных тенденций.

Исследование посвящено совершенствованию теории и методологии регионального междисциплинарного анализа параметров ресурсного потенциала Крыма, на базе междисциплинарного подхода для решения задач расширения спектра объектов для международного инвестирования, в том числе в сфере туризма. Исследование проведено с целью расширения межцивилизационных контактов и решения проблемы оптимизации благоприятной социально-экономической, экологической и культурной среды для населения полуострова и расширения географии реципиентов въездного туризма, в том числе, из стран, не имеющих выхода к морю.

Методология изучения ресурсного потенциала базировалась на сравнительном историко-археологическом, историко-географическом и эколого-ресурсном анализе.

Материалы исследований представлены личными фото- и видеоматериалами, полевыми, архивными и библиографическими каталогами.

Процедура исследования Исследование территории полуострова проводилось более 15 лет, как в период осуществления полевых работ, так и на базе изучения фондовых, архивных, статистических материалов.

Местоположение Крыма в районе морских и сухопутных транснациональных торговых путей в исторической ретроспективе способствовало интегрированию на полуострове наследия различных цивилизаций (киммерийцев, скифов и сарматов, эллинов и римлян, готов и гуннов, византийцев и гетуэцев, славян, тюркских народов, хазар, половцев, караимов, осман, болгар, греков и др.).

С десятого века в Северном Причерноморье обосновались венецианские (X–XII вв; XV–XVII вв.), а затем гетуэцкие (XIII–XV вв.) купцы. Приоритет в товарообороте имели сельхоз- и морепродукты, а также ... рабы, транзитом направлявшиеся в Европу, Египет, Турцию и другие страны [Возгрин, 2011; Noord..., 1962]. К концу XVII века центрами работорговли на полуострове становятся Синоп, и Трапезунд [Noord..., 1962]. Главный рынок Крыма находился изначально в Солдае (Судак), затем его центр переместился в Кафу (Феодосия), а Судак вместе с Балклавой, Гезлёвом (район античной Керкинитиды — ныне Евпатории) отошли на второй план. Однако «ветер истории» развернул «флагман работорговли» и доминировать в данном бизнесе в регионе стали уже вассалы Османской империи. Согласно публикации В. Е. Возгрина [Возгрин, 2011] особенно сильно от полонения в этот период страдали территории Юга России, современной Польши и Украины.

К 80-м годам XVII века, правобережье Украины, почти полностью обезлюдело. Разгул орд дестабилизировал экономику регионов, т.к. ни один народ Юго-Запада Евразии не имел гарантий от набега. Перелом ситуации наступил в XVIII веке. Легкая конница, осуществлявшая полонение землепашцев и ремесленников, не смогла противостоять регулярной Российской армии. Манифестом Екатерины II от 8(19) апреля 1783 года Крым вошел в состав России, а Указом от 22 февраля (4 марта) 1784 года знати Крыма были предоставлены все права и льготы российского дворянства² [Возгрин, 2011].

Потомки различных народов привнесли свои традиции, культуру природопользования. Совокупность исторических, географических, геологических и экономических факторов заложили базовую основу современной структуры эколого-ресурсного потенциала региона.

Уникален вклад историко-геологической и историко-географической составляющих в современный потенциал Крыма, предопределивших многообразие микроклиматических и ландшафтных особенностей,

² Работорговля на полуострове прекратила свое существование, а на территории сопредельной Турции рабство было окончательно упразднено в период великой младотурецкой революции (1908 г).

оптимальных не только для сохранения, но и устойчивого развития разнообразных этнических групп. Смена исторических эпох развития региона зафиксирована в топонимике полуострова: Киммерия, Таврия, Скифия, Сарматия, Хазария, Таврическая область, Таврида, Крым — это предмет многих научных исследований.

Разнообразие ландшафтов, монументальных историко-археологических, геолого-геоморфологических и этнографических памятников позволяет рассматривать индустрию туризма на полуострове, как бюджетообразующую отрасль. В глобальном аспекте туризм — одна из наиболее динамичных и быстро растущих отраслей бизнеса — создающей больше рабочих мест, чем в секторах финансовых услуг, связи и горнодобывающей промышленности. Инвестиции в прибрежные или расположенные вблизи береговой линии районы предопределяют максимальную прибыль [Эколого-ресурсный..., 2015]. Однако данные территорий в большей степени подвержены риску проявления природных процессов. Согласно данным ООН в течение следующих сорока лет в инфраструктуру и искусственную среду (для минимизации природных факторов риска) потребуется больше капиталовложений в мире, чем за последние четыре тысячелетия.

Для освещения вклада туризма в экономику мирового сообщества и развития культурных связей между народами 27 сентября 1979 Генеральной ассамблеей Всемирной туристической организацией (ВТО) в испанском городе Торремолинос был учрежден Всемирный день туризма (World Tourism Day).

Дата приурочена к периоду завершения высокого туристический сезона в Северном полушарии и его началу в Южном полушарии. Что также надо учитывать при формировании логистики туристических перевозок.

Для прибрежных регионов туризм является одним из конкурентоспособных направлений развития [Инвестиционный..., 2011; 2015]. Именно поэтому многие страны вкладывают большие средства в расширение своей береговой линии. Так, например, интересен опыт создания насыпных островов, сооружаемых в Объединенных Арабских Эмиратах. Это позволяет, создавая оригинальные отели с широкой пляжной зоной, современным дизайном и уровнем сервиса. А использование технологий опреснения морских вод дает возможность оптимизировать рекреационный потенциал территорий, практически с нулевыми природными региональными запасами ресурсов пресных вод³.

³ После очистки сточных вод — их ресурсы пойдут на полив озелененных территорий и посадки сельскохозяйственных культур.

Вследствие модернизации транспортной сети Крыма, многие районы полуострова, обладающие уникальными природными и историко-археологическими комплексами, увеличивают свою инвестиционную привлекательность, т.к. возрастает их доступность для различного вида туризма. В том числе, комбинированного типа, с включением элементов лечебного и активного туризма (от пешеходного, событийного, аграрного до яхтенного). В Швейцарии, например, пешеходный туризм уступает в доходности только горнолыжному. Среди поклонников активного отдыха в Крыму наиболее известными является Тропа Волошина (протянувшаяся от Коктебеля до Феодосии), Голицынская тропа (район Нового Света), Боткинская Тропа и другие пешеходные туристические маршруты через живописные горные перевалы и ущелья Горного Крыма.

А расширение сети автодорог, фуникулеров и канатных дорог позволит обеспечить доступность различных уникальных районов полуострова и людям с ограниченными физическими возможностями.

Инвестирование в инфраструктуру этих районов, при условии совершенствования системы экологического мониторинга, мониторинга за состоянием недр, снизит зависимость экономики региона от риска проявления негативных природных процессов, а в комплексе с сохранением этнокультурных традиций и экологического каркаса территорий — позволит расширить спектр доступных уникальных мест для рекреантов.

По оценкам экспертов особую роль в странах, где отмечается максимальный рост индустрии туризма — Китай и Индия, играет внутренний туризм, инициирующий максимальный тренд капиталовложений.

При совершенствовании индустрии туризма на полуострове важно акцент делать и на развитие геопарков для проведения бизнес-мероприятий, конференций и корпоративного тимбилдинга, ориентированного на совершенствование профессиональных навыков на основе разнообразия геологических разрезов и ландшафтов. Актуальны и классические программы повышения квалификации для преподавателей высшей и средней школы, менеджеров крупных нефтегазодобывающих, энергетических и других компаний, банковского сектора, госкорпораций, военно-промышленного комплекса.

По эколого-ресурсным параметрам можно рассмотреть проект организации парка «Патриот» — на Севере Крымского полуострова, по аналогии с Московским регионом, привлекающим большой интерес как российских, так и международных энтузиастов военного искусства.

Природно-ресурсный потенциал региона позволяет проведение учебно-научных и тренинговых мероприятий, коммуникационных семинаров практически круглогодично.

Базовой основой совершенствования различных форм научно-познавательного и экологического туризма на полуострове является и природно-заповедный [Кадастровый..., 2015; Природно-заповедные..., 2003; Экология..., 2003; 2014], историко-археологический и природно-ландшафтный фонд Крыма. Важно распространить имеющийся положительный опыт проведения полевых практик при подготовке российских студентов и на иностранных студентов, проходящих обучение в российских вузах как естественно-научного, так и гуманитарного профиля (в том числе и на межвузовской основе). Актуально внести данный модуль в учебные планы подготовки иностранных студентов различного уровня образования.

Экотуризм один из наиболее бурно развивающихся направлений в глобальной туриндустрии. Актуальны такие инструменты регулирования данной отрасли экономики, как программы добровольных систем рейтинговых оценок и сертификация. Основная задача большинства программ сертификации — рациональное потребление энергии и водных ресурсов для сохранения окружающей среды регионов и повышение уровня жизни коренного населения. Интерес представляет дальнейшее совершенствование информационных-туристических центров, развитие структуры туристической полиции. Важно формирование и эколого-гидрологической полиции, в обязанности которой должно войти наблюдение за состоянием ресурсов пресных вод и условий их эксплуатации. Объекты её контроля — родники, реки, озера, водохранилища, водоводы, водопроводы, водоотведение и водоочистка и др. Важным аспектом её деятельности должно быть и внедрение капельных технологий орошения (по опыту Греции, Италии, Израиля, ОАЭ и других маловодных регионов мира). Это поможет минимизировать последствия водной блокады, обеспечит комфортность Юга России для проживания населения и оптимальной работы всех стратегически важных отраслей экономики — жилищно-коммунального хозяйства, сельского хозяйства, промышленности, энергетики, что в совокупности повысит инвестиционный рейтинг полуострова. Уникальной составляющей ресурсного потенциала Крыма для культурного туризма является многообразие историко-археологических объектов. В монументальных сооружениях и литературных памятниках зафиксирована смена цивилизационных волн, а благодаря хранителям музеев Крыма многие артефакты доступны современникам.

Смена эпох развития региона зафиксирована и в топонимике полуострова: Киммерия, Таврия, Скифия, Сарматия, Хазария, Таврическая область, Таврида, Крым — это предмет многих научных исследований. Одно из предположений, что слово Крым — исходно «Кимр» — транс-

формированное в веках название древнего народа киммерийцев, проживавших три тысячи лет назад на обоих берегах пролива, именовавшегося древними греками (эллинами) — Боспор Киммерийский (ныне — Керченский пролив).

Практически каждое селение полуострова имеет древнюю историю, и ожидает раскрытия своих вековых тайн, особенностей культуры и возрождения вековых традиций рационального водо- и природопользования. Мифы и легенды древних народов Крыма находят отражения не только в исторической и географической летописи, но и в названиях геологических структур, эпох и периодов (Скифская эпигерцинская плита, Киммерийская складчатость, биасалинская свита и т.д.).

Актуальна разработка инвестиционных проектов в районах сохранившихся, например, скифских, греческих, итальянских, караимских, армянских, болгарских, и других древних поселений, расширение сети отелей с этнокультурным компонентом, что особенно важно в эпоху глобализации.

Для оценки ресурсного потенциала территории и установления эффективности природоохранных мероприятий очень важны знания о растительном покрове Крыма. Растительность — наиболее значимый компонент в определении экологических свойств ландшафтов.

В системе ботанико-географического районирования территорию Крыма обычно делят на две неравные части и относят к совершенно различным крупным областям: степную его часть включают в Евразийскую степную область (в так называемую Понтическую провинцию), а горную — в Средиземноморскую область (Эвксинскую провинцию) [Подгородецкий, 1988].

Богата и разнообразна флора и растительность Крыма, не смотря на древнюю, но преимущественно экстенсивную историю хозяйственного освоения природы полуострова. Так, леса вместе с кустарниковыми зарослями в горном Крыму занимают около 50 % территории, или 13 % площади полуострова. В большинстве же средиземноморских стран — всего от 7 до 19 %. Богатство флоры Крыма указывает на наличие на полуострове большого разнообразия экологических ниш, о которых мы говорили выше и это является значимым фактором, позволившим сохранить на территории полуострова эндемичные виды растений, и животных. Ядро эколого-ресурсного потенциала, как правило, это заповедники и национальные парки [Кадастровый..., 2015; Природно-заповедные..., 2003].

Поэтому важно рассмотреть возможность актуализации исторического опыта (например, Никитского Ботанического сада) по подбору видов (для внедрения в практику зеленых технологий) в синхронизации с историческим опытом землепользования (восстановление полей шалфея

и лаванды, плантаций крымской розы и других традиционных культур). Особенно это актуально для западной и восточной части полуострова, где в прошлом веке осуществленные искусственные лесопосадки не дали эффективного облесения территорий, либо они были ликвидированы населением в тяжелые этапы социально-экономического развития региона.

Эфиромасленичные культуры богатые природными фитонцидами насыщают воздух уникальными ароматами. Благодаря фитомелиорации можно решить задачу визуальной привлекательности ландшафтов и в то же время — природные фитонциды благоприятно воздействуют на иммунную систему человека, усиливая профилактический и лечебный эффект как для коренных жителей полуострова, так и для рекреантов, стремящихся на полуостров из «железобетонных» мегаполисов [Глобальные..., 2012].

Актуально возрождение эфиромасличного производства в Крыму. Основой такого возрождения может послужить, например, восстановление посадок лаванды, шалфея и других эфироносов в Бахчисарайском, Белогорском и других районах полуострова. При этом в Бахчисарайском районе, как и на ряде других территорий, сложилась ситуация, когда выращиваемые объемы продукции садоводства, сложно переработать на месте ввиду отсутствия необходимого производства, либо его неэффективности. Поэтому является актуальным строительство на территории Бахчисарайского и аналогичных районов, например, многофункциональных индустриальных парков, включающих в себя и заводы по производству соков и консервного завода и других актуальных производств, важных для устойчивого социально-экономического развития регионов Крыма.

Вероятно, в качестве регионального эксперимента на полуострове можно рассмотреть возможность снижения налогообложения (либо его отмены, переход на лицензионную форму, по аналогии с ОАЭ), что позволит сделать регион более инвестиционно привлекательным и ускорит процесс возрождения сельского хозяйства, модернизации туристической, транспортной инфраструктуры и более привлекательным для иностранных инвестиций.

Результаты исследования. Для расширения межцивилизационных контактов: 1. Актуализировать разработку инвестиционных проектов в районах сохранившихся скифских, греческих, итальянских, караимских, армянских, болгарских и других древних поселений Крыма; 2. Расширять на Юге России сеть отелей с этнокультурным компонентом; 3. Освещать в международном информационном пространстве сюжеты о мемориальных комплексах возведенных как героям России и стран СНГ, так

и об исторических памятниках английским, французским, греческим, болгарским и другим воинам. Модернизация инфраструктуры, позволит оптимизировать условия посещения иностранных граждан мест интернациональных захоронений солдат и офицеров; 4. Способствовать заключению международных соглашений в сфере развития детского, семейного отдыха, реабилитационных центров для лиц с ограниченными возможностями; 5. Разработать социальные проекты с учетом Государственной программы РФ «Доступная среда», а также привлекать к сотрудничеству в сфере медицинского и социального туризма страны, не имеющие выхода к морю; 6. На базе финансовых преференций актуализировать исторические экономические связи между городами Северного Причерноморья — древнейших опорных пунктов Великого Шелкового пути и потенциала инновационного развития Евразийского экономического союза в XXI веке; 7. Инвестировать развитие геопарков для проведения учебных практик для иностранных студентов российских вузов; бизнес-мероприятий, конференций, корпоративного тимбилдинга; 8. Смена политики налогообложения (по аналогии с ОАЭ).

Заключение. Развитие регионов Крыма на современном этапе говорит о четких тенденциях предпринимателей полуострова на совершенствование структуры санаторно-курортного и туристического бизнеса до международного уровня. Для сохранения данных тенденций важно, например, в осенне-зимний период сотрудников туристической Крыма направлять на стажировку на туробъекты Краснодарского края, Греции, Италии, Индии, Казахстана, Китая, ОАЭ, Монголии и других стран с целью изучения международного опыта, налаживания контактов, изучения приоритетного спроса на перспективные туристические пакеты. Если фирмы направят своих сотрудников самостоятельно — важно находить формы их стимулирования на региональном уровне.

Высока заинтересованность населения в развитии транспортной инфраструктуры, оптимизации всех сфер экономики, а для эффективной работы в первую очередь, важна круглогодичная доступность медицинских услуг для населения полуострова и увеличения кадрового потенциала медучреждений в курортный период, для оперативной реализации пакета страховых услуг с учетом потока туристов.

Учитывая специфику природных биогеохимических условий стран Евразийского континента⁴, представляется перспективным рассмо-

⁴ Для материковой части Евразийского континента (как и большинства других регионов мира) типичен природный дефицит или дисбаланс биофильных элементов и ограниченный доступ к бальнеологическим ресурсам.

трение многосторонних и целевых двухсторонних соглашений в сфере социальных проектов развития детского, молодежного, семейного отдыха — базиса устойчивого развития туризма в странах Черноморского экономического союза.

Важна разработка инвестиционных проектов в пределах полуострова и сопредельных приграничных территорий с учетом приоритетов Государственной программы РФ «Доступная среда» на 2011–2020 годы — для всех возрастных групп населения, разнообразных физических возможностей, имеющих желание ознакомиться с археологическими и природными памятниками Северного Причерноморья. Актуально базируясь на Европейском опыте потенциал, как частных отелей, так и государственных санаторно-курортных комплексов использовать круглогодично для социального отдыха. Например, на основе сертификатов или иных форм социальной поддержки населения полуострова, так и всей Северной Евразии, особенно для стран и регионов удаленных или не имеющих выхода к морю.

Модернизация логистическо-транспортной карты полуострова оптимизирует доступность для рекреантов широкого спектра природных и историко-археологических объектов от Боспора до Босфора. Более доступными широкому кругу туристов станут и отвесные белые скалы Белогорского района, что даст возможность, организации световых шоу, «оживить» декорации съемочных площадок легендарных фильмов.

Рис. 1. В память о павших в Крымской войне и в знак примирения потомков

Уже сейчас есть возможность почтить память защитников Крыма, на мемориальных комплексах удобно расположенных вдоль трассы от г. Севастополь до г. Керчь. Поклониться героям древней Феодосии и отдать честь ополчению г. Феодосии, отстоявшим свой родной город и порт в неравном противостоянии с НАТО в начале XXI века.

Гости из Британии и Франции могут возложить цветы к обелиску эпохи Крымской войны (на северной окраине г. Балаклавы) — интернациональному памятнику (рис. 1) участникам Балаклавского сражения — «атаки лёгкой кавалерии» и «тонкой красной линии». При наличии инвестиционных проектов вблизи мемориала потенциально можно создать комплекс комфортных отелей для посещения данного исторического места Крыма жителями из туманного Альбиона, Франции, стран СНГ, БРИКС и любого региона мира, желающих прикоснуться к мировой истории, познакомиться с уникальными историческими памятниками, культурой и ландшафтами Крыма.

Литература

1. Возгрин В. Е. Рабство в странах Чёрного моря (позднее Средневековье — Новое время) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2, История. — 2011. — Вып. 3. — С. 90–100.
2. Глобальная геополитика/ Под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильнина, И. Ф. Кефели — М.: Изд-во Московского ун-та. — 2010. — 306 с.
3. Инвестиционный паспорт АР Крым. — Симферополь: Агенство регионального развития АРК. — 2011. — 41 с.
4. Инвестиционный портал Республики Крым. Лучшее время для инвестиций. — Симферополь: Совет министров Республики Крым. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.invest-in-crimea.ru/> (30.10.2015)
5. Кадастровый отчет «ООПТ России» (oort.aari.ru) составлен ИАС [Электронный ресурс] URL: <http://oort.aari.ru/>. (30. 09. 2015).
6. Подгородецкий П. Д. Крым: Природа:— Симферополь: Таврия. — 1988. — 192 с.
7. Природно-заповедные территории/ Карпенко С. А., Ермаков Ю. А., Глущенко И. В., Вацет Е. Е. //Атлас. Автономная республика Крым/Под ред. Н. В. Багрова, Л. Г. Руденко. — Симферополь: ТНУ им. Вернадского; КНЦ НАНУ; Институт географии НАНУ; Институт передовых технологий. — 2003 — С. 75.
8. Торкунов А. В. По дороге в будущее./ А. В. Торкунов. Отв. Редактор А. В. Малыгин. М.: Мздательство «Аспект Пресс», 2015. 552 с.
9. Экология Крыма. Угрозы устойчивому развитию. План действий/В. С. Тарасенко, А. М. Артов, И. Н. Амелина и др. — Симферополь: Ариал. — 2014, 183 с.

10. Экология Крыма/Н. В. Багров, Л. А. Багрова, Т. В. Бобра, В. А. Боков, Л. Г. Боква, Л. Я. Гаркуша, Н. В. Горбатюк, А. И. Дулицкий, Ал. В. Ена, Ан. В. Ена, В. Г. Ена, С. А. Карпенко, В. М. Кравчук, А. И. Лычак, Н. А. Орлов, Е. А. Позаченюк, Г. А. Прокопов, А. Н. Рудык, Д. Б. Старцев, В. С. Тарасенко, А. Н. Тетиор, В. М. Тимохин, И. Г. Черванев, В. М. Шумский — Симферополь: Крымучпедгиз. — 2003. — 360 с.
11. Эколого-рекреационный потенциал Восточного Крыма/Т. А. Барабошкина, Е. Ю. Барабошкин, Е. В. Ясенева, В. А. Перминов//»Экологическая геология: теория, практика и региональные проблемы». — Петрозаводск: Научная книга, 2015. — С. 15–17.
12. Эколого-ресурсный потенциал Крыма. История формирования и перспективы развития. Коллективная монография. Т. 1. / Под ред. Е. Ю. Барабошкина, Е. В. Ясеновой / / Е. Ю. Барабошкин, Т. А. Барабошкина, Е. П. Каюкова, О. В. Крылов, Е. В. Ясенева, А. В. Яснев. — Санкт-Петербург: ВВМ, 2015. — 400 с.
13. Noord en Oost Tartarie, ofte bondigh ontwerp van eenige dir landen en volken, zo als voormaels bekend zyn geweest beschreven, getekent en in't licht gegeven door Nicolaes Witsen. Amsterdam. — 1962. — Bl. — 382–383.

FROM THE BOSPORUS TO THE BOSPORAN KINGDOM: ENVIRONMENT, CULTURE, ECONOMICS

T. A. Baraboshkina

Abstract. Introduction. *Multiplicativity of the ecology of Eastern and Western cultures determined the direction of development of the Southern Russia at the regional and global levels, as a result of synergies between natural, socio-economic and political factors.*

Theoretical Background. *The study is based on a comparative interdisciplinary historical and archaeological, historical and geographical analysis of the ecological and resource potential of the Crimea in the second decade of the third millennium; the possibility of its evolution had been considered, taking into account the expansion of the logistics capacities of air and land communications and the expansion of intercultural contacts, bearing in mind current regional and global trends.*

The study *is focused on the improvement of the theory and methodology of regional interdisciplinary analysis of Crimean resource potential parameters which would be based on multidisciplinary approach to address the range of facilities expansion problems for international investment, including tourism. In order to expand contacts between civilizations and solve the following problems: how to optimize the favorable socio-economic, environmental and cultural environment for the population of the peninsula and*

how to expand the geography of tourism recipients, including those from landlocked countries that.

Methods of the study of resource potential are based on the comparative historical and archaeological, historical and geographical, ecological and resource analyses.

Materials are personal photo and video, field, archival and bibliographic catalogs.

Procedure. The study had been conducted for 15 years, during the period of field work, as well as on the basis of the study of the geological fund, archival and statistical materials.

Results. In order to expand contacts between civilizations: 1. To update the development of investment projects in the areas of preserved Scythian, Greek, Italian, Karaim, Armenian, Bulgarian and other ancient settlements of the Crimea; 2. Expand hotel chains with ethno-cultural component in the Southern Russia; 3. Use the international media sector to provide information about monument to the heroes of Russia and CIS countries, as well as the historical monuments to the heroes of English, French, Greek, Bulgarian and other countries. Modernization of the infrastructure will allow to optimize the conditions for foreign citizens, who want to visit the places where laid soldiers and officers from different countries; 4. Help to achieve the international agreements on child, family-friendly, and rehabilitation centers for persons with special needs or disabilities; 5. Develop social projects in accordance with the State program of the Russian Federation "Accessible Environment", as well as involve landlocked countries to cooperate in the field of health and social tourism; 6. Provide material and financial facilitations, preferences in order to update the historical economic ties between the cities of the North Pontic region — the ancient strongholds of the Great Silk Road, and the potential of innovative development of the Eurasian Economic Union in the XXI century; 7. Invest in the development of Geoparks for training practices for foreign students from Russian universities; business events, conferences, corporate team building; 8. Taxes abolishment (similar to the United Arab Emirates).

Keywords: The Southern Russia, Crimea, ecology, culture, economy

Информация об авторе

Барабошкина Т. А.

к.г.-м.н., доцент, МГУ имени М. В. Ломоносова,
Россия

T. A. Varaboshkina

candidate of geological-mineralogical sciences, Associate Professor,
Lomonosov Moscow State University, Russia

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РЕГИОНОВ И БИЗНЕСА ИТАЛИИ С КРЫМОМ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

А. В. БАРАНОВ

Аннотация. Введение. Актуальность темы в том, что качественно возросла роль негосударственных и субнациональных акторов политики в современных международных отношениях. Публичная дипломатия актуальна для прорыва экономической, информационной и политической блокады Крыма. Представляет интерес позитивный опыт международного сотрудничества регионов и бизнес-структур Италии с Республикой Крым и г. Севастополем (2014–2016 гг.), методы которого могут применяться российскими акторами публичной политики и в отношении других стран. Степень разработанности темы в прикладном аспекте недостаточна.

Теоретические основания исследования: неореалистическая парадигма международных отношений и неоинституциональный подход политической науки. Публичная дипломатия является одним из методов «мягкой силы» страны и вызывает «обратную связь» — влияние общественного мнения и неправительственных организаций на правительства.

Исследование: основная часть. В условиях глобализации субъектами публичной дипломатии становятся бизнес-структуры, сетевые и традиционные СМИ, интернет-сообщества, неправительственные организации, университеты, учреждения культуры и искусства при координирующей роли государственной власти.

Методология — неореалистическая парадигма международных отношений и неоинституциональный подход политической науки.

Участники исследования: представительные и исполнительные органы власти ряда областей Италии (Венето, Лигурия, Ломбардия, Эмилия-Романья, Тоскана), бизнес-структуры регионов, органы власти Республики Крым и г. Севастополя.

Материалы исследования — нормативно-правовые акты органов власти областей Италии, заявления партий и лидеров, предпри-

мателей и общественных активистов, экономическая статистика, сообщения СМИ и интернет-ресурсов.

Процедура исследования: метод анализа документов, сравнительный синхронный анализ.

Результаты исследования. Долгосрочными факторами международного сотрудничества регионов и бизнеса Италии с Крымом являются: повышенная вовлечённость областей Севера Италии в экономическое сотрудничество с Россией; региональные интересы конкуренции с общенациональными органами власти; возросшее влияние регионалистских и оппозиционных партий в ряде областей Севера Италии; сходство структуры экономики Крыма и областей Италии, что делает взаимовыгодными экономические и культурные отношения.

Анализ результатов. Наибольшие перспективы сотрудничества способствуют в экономически развитых областях Севера Италии, где влиятельны оппозиционные партии: «Лига Севера», «Народ свободы», «Движение 5 звёзд». Они используют крымскую проблематику для повышения политического влияния и давления на правительство Италии. Институциональный формат экономического сотрудничества включает в себя Ялтинский экономический форум, международные конференции предпринимателей и общественных активистов, проведение переговоров и подписание соглашений на межрегиональном уровне.

Заключение. Отмечены тенденции роста экономических и культурных контактов регионов Севера Италии с Крымом, что привело к принятию областными советами 5 регионов из 20 резолюций в поддержку самоопределения Крыма и отмены антироссийских санкций. Важным ресурсом публичной дипломатии России может стать информационная политика посредством музеев, театров, образовательных и научно-исследовательских учреждений, позиционирующая Крым как «мост» между цивилизациями, пространство многовекового диалога и сотрудничества. История длительного участия итальянских республик — Генуи и Венеции в истории Крыма может интерпретироваться в духе укрепления сотрудничества между Российской Федерацией и Италией.

Ключевые слова: публичная дипломатия, регионы, бизнес, Италия, Крым.

Введение. Тема статьи обладает актуальностью, поскольку в современных международных отношениях качественно возросла роль негосударственных и субнациональных акторов политики. Воссоединение Крыма с Россией было с непримиримой враждебностью встречено странами Запада, чья политика закономерно вызвала международные санкции против Российской Федерации. В данном контексте публичная

дипломатия актуальна для прорыва экономической, информационной и политической блокады Крыма. Представляет интерес позитивный опыт международного сотрудничества регионов и бизнес-структур Италии с Республикой Крым и г. Севастополем (2014–2016 гг.). Проверенные на практике методы сотрудничества могут применяться российскими акторами публичной политики и в отношении других стран.

Степень разработанности темы. Сущность, измерения и методы публичной дипломатии интерпретированы Дж. Наем-младшим⁵. Л. Девенпорт считает ведущими «инструментами» публичной дипломатии сбор информации, информационную поддержку, культурную дипломатию, международные обмены и зарубежное вещание СМИ⁶. Цели и особенности публичной дипломатии Российской Федерации, в том числе — на постсоветском пространстве, проанализированы М. М. Лебедевой⁷, Т. В. Зоной⁸, А. Г. Костыревым⁹, К. П. Боришполец¹⁰. Институциональный формат активности регионов Италии в международных отношениях раскрывает О. Н. Барабанов¹¹. Но сотрудничество регионов и бизнеса Италии с российским Крымом в качестве проявления публичной дипломатии ещё не было предметом специальных исследований.

Теоретические основания исследования. Публичная дипломатия традиционно понимается как система «средств, используемых государством для оказания влияния на международное общественное мнение и формирования собственного позитивного имиджа за рубежом» [Барышников, 2013, с. 14]. Но в условиях глобализации субъектами публичной дипломатии становятся не только внешнеполитические ведомства стран, но и бизнес-структуры, сетевые и традиционные СМИ, интернет-сообщества, неправительственные организации, университеты, учреждения культуры и искусства, хотя координирующая роль органов

⁵ Nye J.S. *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. N.Y., 2004. P. 109.

⁶ Davenport L.E. *Jazz Diplomacy. Promoting America in the Cold War Era*. Jackson, 2009. P. 3–4.

⁷ Лебедева М. М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов // *Международные процессы*. 2015. Т. 13, № 4. С. 45–56.

⁸ Зона Т. В. Публичная дипломатия и её акторы [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=681#top-content (дата обращения: 08.08.2012).

⁹ Костырев А. Г. Разумная сила, общественная дипломатия и социальные сети как факторы международной политики // *Полис. Политические исследования*. 2013. №2. С. 143–149.

¹⁰ Боришполец К. П. Публичная дипломатия на пространстве ЕАЭС: осмысление феномена и тенденций развития // *Вестник МГИМО–Университета*. 2015. № 5 (44). С. 42–55.

¹¹ Барабанов О. Н. Эволюция регионов Италии как акторов мировой политики // *Полис. Политические исследования*. 2005. № 4. С. 99–108.

государственной власти сохраняется. Публичная дипломатия является одним из методов «мягкой силы» страны и одновременно вызывает «обратную связь» — влияние общественного мнения и неправительственных организаций на правительства своих стран. Мы разделяем точку зрения М. М. Лебедевой о том, что публичная дипломатия отличается от «классической» государственной дипломатии не только составом субъектов, но и уровнем воздействия на объекты — общественные организации, бизнес, население, а также качеством диалогичности¹².

Исследование: основная часть. *Методология исследования.* Статья выполнена в рамках неореалистической парадигмы международных отношений и неоинституционального подхода политической науки. Данный выбор даёт возможность выявить ресурсную базу субъектов публичной дипломатии, их интересы и стратегии политической деятельности.

Участники исследования — представительные и исполнительные органы власти ряда областей Италии (Венето, Лигурия, Ломбардия, Эмилия-Романья, Тоскана), бизнес-структуры данных регионов, органы власти Республики Крым и г. Севастополя. Выборка объектов анализа составлена по критерию объёма экономических и культурных связей регионов Италии с российским Крымом.

Материалы исследования представляют собой совокупность видов источников информации: нормативно-правовых актов органов власти ряда областей Италии, заявлений политических партий и лидеров, предпринимателей и общественных активистов, экономической статистики, сообщений СМИ и интернет-ресурсов.

Процедура исследования включает в себя метод анализа документов (нормативно-правовых актов органов власти ряда областей Италии, заявлений политических партий и лидеров, предпринимателей и общественных активистов), сравнительный синхронный анализ позиционирования регионов и политических партий по вопросу признания воссоединения Крыма с Россией.

Результаты исследования. Факторы мотивации ряда регионов Италии и их бизнес-сообществ к сотрудничеству с российским Крымом многоаспектны, что можно объяснить на основе модели «воронки причинности». Долгосрочными факторами являются: повышенная вовлечённость областей Севера Италии в экономическое сотрудничество с Россией; региональные интересы конкуренции с общенациональными органами власти; возросшее влияние регионалистских и оппозиционных партий в ряде областей Севера Италии; сходство структуры

¹² Лебедева М. М. Указ. соч. С. 45–46.

экономики Крыма и областей Италии, что делает взаимовыгодными экономические и культурные отношения.

Масштабы российско-итальянских экономических контактов достаточно велики, что делает международные санкции болезненными для обеих сторон сотрудничества. По подсчётам Е. А. Масловой, в России к началу 2015 г. работали 500 бизнес-субъектов с участием итальянского капитала, итальянские капиталовложения в России составляли свыше 1 млрд долл., а российские в Италии — более 2,3 млрд долл.¹³. Регионы Севера Италии имеют повышенную вовлечённость в экономическое сотрудничество с Россией. Только на области Венето, Тоскану, Ломбардию и Лигурию приходится больше трети ВВП Италии. Поэтому антироссийские санкции усилённо ударили именно по данным областям. Например, из-за санкций Евросоюза против РФ итальянский экспорт в Россию снизился за 2014–2015 гг. на 3,6 млрд евро (из них на 3,5 млрд евро — в отраслях обрабатывающей промышленности), т.е. на 34 %. Важно, что более 72 % суммарных потерь за 2015 г. понесли именно регионы Севера Италии: Ломбардия (потеря не менее 1,18 млрд евро), Эмилия-Романья (771 млн евро) и Венето (688 млн евро). Россия, которая в 2013 г. занимала 8-е место в рейтинге торговых партнеров Италии, в 2015 г. переместилась на 13-е место. Ответное торговое эмбарго, введенное Россией в августе 2014 г., обошлось сельскохозяйственным производителям Италии в сумму 240 млн евро только за 2015 год¹⁴. Аналитики (журналист и общественный деятель Дж. Кьеза¹⁵, депутат парламента области Венето С. Вальдегамбери¹⁶) называют и более значительные издержки регионов Италии от антироссийских санкций — до 4 млрд евро. Закономерно, что по материалам социологических опросов 41 % итальянцев в 2014 г. выступали против санкций в отношении России¹⁷.

¹³ Маслова Е. А. Российский вектор итальянской внешней политики // Италия: от Второй Республики к Третьей? М., 2015. С. 61.

¹⁴ Байкова Т. В Венеции пройдет голосование по признанию Крыма частью России. 16 мая 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/613553> (дата обращения: 29.10.2016).

¹⁵ Chiesa G. Veneto represent the public opinion [Электронный ресурс]. URL: <http://katehon.com/article/veneto-represent-public-opinion> (дата обращения: 29.10.2016).

¹⁶ Итальянцы в Крыму наводят мосты дружбы с РФ и выступают против санкций [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3706576> (дата обращения: 16.10.2016).

¹⁷ Gli italiani e il resto del mondo. L'attenzione, l'interesse, il coinvolgimento per le notizie di politica e cronaca internazionale. Dicembre 2014. ISPI/RaiNews/Ipsos. P. 28 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ispionline.it/it/documents/sondaggio_Politica_estera.pdf (дата обращения: 30.10.2016).

В таком контексте правительство М. Ренци и итальянский парламент проводят достаточно умеренный курс в отношении России на фоне других стран Евросоюза¹⁸.

Анализ результатов. Для регионалистских партий Севера Италии поддержка самоопределения Крыма представляется продолжением борьбы за повышение статуса своих областей в рамках тренда федерализации страны, важным информационным поводом для продвижения проектов децентрализации страны и противостояния «Риму — воровке» («Roma ladrona») ¹⁹. Конституционная реформа 2001 г. в Италии разграничила полномочия и предметы ведения уровней центральной и региональной власти. Области увеличили свои права. Так, регионы получили контроль над своими взаимоотношениями с ЕС, внешняя торговля стала совместной компетенцией центральной власти и областей, экономические вопросы переданы из ведения государства в ведение областей или стали совместной компетенцией ²⁰. Спорные решения региональных (областных) органов власти согласно поправке к ст. 127 Конституции страны с 2001 г. могут быть отменены только вердиктом Конституционного Суда Италии, а не правовыми актами общенациональных органов законодательной либо исполнительной власти ²¹. Расширение автономии областей привело к неравномерности децентрализации на Севере, в Центре и на Юге Италии. Реформы в перспективе идут в направлении федерализации, а при неумелом проведении — создают риски сецессии регионов Италии. Вместе с тем, поправки 2001 г. к Конституции Италии оставили исключительной компетенцией государства внешнюю политику страны и международные отношения, что делает любые нормативно-правовые решения региональных органов власти в данной сфере только рекомендательными. Механизм разграничения полномочий и предметов ведения между государством и регионами остаётся слабо отлаженным, стимулируя стороны отстаивать свои интересы в затяжных судебных спорах. Следовательно, потенциал парадипломатии регионов Италии достаточно высок.

¹⁸ Зонова Т.В. Современный этап российско-итальянских отношений // Италия: от Второй Республики к Третьей? М., 2015. С. 43–57.

¹⁹ Passarelli G., Tuorto D. Lega & Padania: Storie e luoghi delle camicie verdi. Bologna, 2012. P. 165–184.

²⁰ Legge costituzionale 18 ottobre 2001, n. 3 «Modifiche al titolo V della parte seconda della Costituzione», pubblicata nella «Gazzetta Ufficiale» n. 248 del 24 ottobre 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parlamento.it/parlam/leggi/01003lc.htm> (дата обращения: 29.10.2016).

²¹ Сардарян Г.Т. Политические проблемы регионализации Италии. М., 2016. С. 89–98.

Соотношение сил партий и объединений в ряде региональных органов власти Италии (областей Венето, Ломбардия, Лигурия и др.) благоприятно для воздействия российской публичной дипломатии. Критическую позицию в отношении курса Евросоюза и правительства Италии заняли движение «Пять звёзд», партия «Народ свободы», партия «Лига Севера за независимость Падании», а также ряд внутриобластных партий: «Список Дзайя» в Венето, «Венецианская лига» и др. Их позиции усилились в электоральном цикле 2013–2015 гг. Так, в составе Регионального Совета Венето сторонники отмены антироссийских санкций после выборов 2015 г. имеют как минимум 31 из 51 депутатских мест²². Среди депутатов Регионального Совета Ломбардии 44 из 80 мест принадлежит «Народу свободы», «Движению 5 звезд» и «Лиге Севера»²³. Те же партии контролируют 14 из 23 мандатов в Законодательной ассамблее Лигурии²⁴. В то же время, в представительных органах Тосканы и Эмилии-Романьи преобладает фракция Демократической партии, занимающая проправительственные, европеистские позиции. Среди влиятельных партий и движений симпатии к воссоединению Крыма с Россией склонны проявлять правоцентристы и регионалисты, а не левоцентристы.

Позиция «Лиги Севера» в отношении статуса Крыма определилась ещё в марте 2014 г. Поддержка воссоединения полуострова с Россией увязывалась с одновременным референдумом о независимости Венето 16 марта 2014 г. Так, глава фракции «Лиги Севера» в Региональном Совете Венето Ф. Канер заявлял: «У жителей Крыма есть право просить о выходе региона из Украины, если они этого хотят, и выразить желание стать частью России. Я считаю такой референдум законным, если он отражает волеизъявление жителей» [Юшин, 2014]. В октябре 2014 г. делегация «Лиги Севера» и ассоциации «Ломбардия — Россия» посетила Российскую Федерацию, в том числе — Крым. Лидер партии — её на-

²² Gruppi consiliari [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consiglioveneto.it/crvportal/page/Container.jsp?n=27&p=27&c=1&e=27&t=0&> (дата обращения: 30.10.2016).

²³ Archivio storico delle elezioni — regionali del 24 febbraio 2013. Regionali 24/02/2013. Area Italia. Regione Lombardia [Электронный ресурс]. URL: <http://elezionistorico.interno.it/index.php?back=yes&tpel=R&dtel=24/02/2013&tpa=l&tpe=R&ms=S&es1=S&ne1=3&levsut1=1&lev1=3&lev0=0&es0=S&levsut0=0&unipro=uni> (дата обращения: 30.10.2016).

²⁴ Archivio storico delle elezioni — regionali del 31 maggio 2015. Regionali 31/05/2015. Area Italia. Regione Liguria [Электронный ресурс]. URL: <http://elezionistorico.interno.it/index.php?back=yes&tpel=R&dtel=31/05/2015&tpa=l&tpe=R&ms=S&es1=S&ne1=7&levsut1=1&lev1=7&lev0=0&es0=S&levsut0=0&unipro=uni> (дата обращения: 30.10.2016).

циональный секретарь М. Сальвини выступил в Государственной Думе РФ с последовательной поддержкой российской политики. Сальвини заявил, что «Лига Севера» намерена отстаивать отмену санкций против России и признание Крыма также в Европарламенте. По словам М. Сальвини 12 декабря 2015 г., «с момента введения мы считаем эти санкции [против России. — А. Б.] идиотскими, самоубийственными, сумасшедшими и мазохистскими» [«Лига Севера», 2015]. «Ломбардия — Россия» представляет собой неправительственную культурную ассоциацию, цель которой — сохранение и развитие взаимодействий между итальянскими и российскими предпринимателями. Аналогичную деятельность ведут культурные ассоциации «Европа — область Венето» и «Италия — Россия».

Контакты региональных политических партий и неправительственных ассоциаций с Россией, в том числе — Крымом, внесли значимый вклад в изменения общественного мнения итальянских регионов и позиции областных представительных органов. Инициативу снятия антироссийских санкций высказал после посещения Ялтинского международного экономического форума и просьб итальянских предпринимателей депутат парламента области Венето С. Вальдегамбери («Лига Севера»). Региональное собрание Венето проголосовало 18 мая 2016 г. за признание Крыма частью Российской Федерации, осуждение «дискриминационной и несправедливой с точки зрения принципов международного права» политики Евросоюза в отношении полуострова, за «немедленное снятие антироссийских санкций ЕС» (27 голосов за, 9 против, 1 воздержался) [Шмакова, 2016]. Согласно резолюции, председатель областного совета Венето Р. Чамбетти и глава региона Л. Дзайа уполномочены вести активную работу с правительством и парламентом Италии, с институтами Евросоюза в целях пересмотра отношений между ЕС и РФ, содействовать созданию комитета по сбору подписей для отмены антироссийских санкций. Областной совет Венето призвал правительство Италии «осудить международную политику Евросоюза в отношении Крыма, которая является дискриминационной и несправедливой с точки зрения принципов международного права, требуя признать волю, выраженную крымским парламентом и народом на референдуме», «требовать немедленного снятия бесполезных санкций против России, которые имеют серьезные последствия для экономики Венето» [Шмакова, 2016].

Совет области Лигурия 29 июня 2016 г. также принял резолюцию, призывающую правительство Италии осудить политику ЕС в отношении Крыма и добиться отмены антироссийских санкций. Документ поддержали

26 из 31 депутата совета²⁵. Лигурийские депутаты сравнили референдум в Крыму с брекситом в Великобритании, выразив удивление тем, что британский опрос признан легитимным, а крымский — нет. В резолюции утверждается, что правительство Италии заняло позицию, противоречащую Конституции страны, которая требует уважать право народов на самоопределение. Это политика двойных стандартов, поскольку ранее Италия поддержала независимость Косово²⁶. 6 июля 2016 г. аналогичное решение принял совет Ломбардии по инициативе партий «Лига Севера» и «Движение 5 звёзд» (43 голосами против 15). Позже сходную резолюцию приняло собрание области Эмилия-Романья. В резолюции совета Тосканы пункт о Крыме был изъят после обсуждения, но единогласно принято требование снять санкции против РФ²⁷. Среди сторонников резолюции парламента Ломбардии — 3 депутата от Демократической партии, что свидетельствует о назревающем размежевании в правящей коалиции. Депутат и глава партийной группы «Лиги Севера» в Ломбардии П. Гримольди отметил: «Принятие резолюции региональным советом Ломбардии свидетельствует об изменении политического ландшафта Италии. Получается, что практически все промышленные области Италии, расположенные на севере, единым фронтом выступают против официальной линии правительства. Вместе с коллегами из Венето и Лигурии мы намерены провести рассмотрение данной резолюции уже в палате депутатов» страны [Кравцов, 2016]. К настоящему времени палата депутатов и сенат Италии не поддержали данную инициативу, хотя в обществе нарастает осуждение антироссийских санкций.

Другим направлением сотрудничества регионов Италии с российским Крымом является взаимодействие бизнес-структур. Важную роль в преодолении информационной и экономической блокады играет Ялтинский экономический форум, в котором первоначально участвовали представители 23 стран, а в 2017 г. форум пройдет уже в третий раз. Возросли количество и представительность бизнес-делегаций, посещающих Крым. В частности, санкции Евросоюза обходятся через

²⁵ Совет итальянской Лигурии высказался за признание Крыма российским [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/article/310178-sovet-italyanskoj-ligurii-vyskazalsya-za-priznanie-kryma> (дата обращения: 30.06.2016).

²⁶ Лигурия напомнила о праве народов на самоопределение и приняла резолюцию по Крыму [Электронный ресурс]. URL: <http://www.freetavrida.org/?p=5541> (дата обращения: 30.06.2016).

²⁷ 201 Regione Toscana Gruppo Consiliare. Consiglio Regionale [Электронный ресурс]. URL: www.consiglio.regione.toscana.it/upload%5Ccrct%5Cfascicol (дата обращения: 31.07.2016).

Швейцарию, Тунис и другие страны с весомым влиянием итальянского капитала. Итальянские предприниматели предложили вариант, когда либо компания регистрируется в Швейцарии, либо итальянской компанией открывается счет в швейцарском банке, а после этого начинается инвестирование в Крым. В апреле 2016 г. вице-президент Торгово-промышленной палаты Тунис — Россия Ф. Ло Иудиче провёл переговоры с Советом министров Республики Крым о взятии в аренду сельскохозяйственных земель для производства сыра и виноделия (сумма контрактов 300 млн евро), как сообщила Черноморская ассоциация международного сотрудничества²⁸. Торгово-промышленная палата Италия — Евразия подписала меморандум о взаимопонимании с Корпорацией развития Республики Крым. Губернатор Венето Л. Дзайа ранее занимал пост министра сельского хозяйства в правительстве С. Берлускони, что облегчает лоббирование бизнес-интересов.

Со своей стороны, органы государственной власти России федерального и регионального уровня организовали международную конференцию «Крым в современном международном контексте». Она стала ежегодной, благодаря чему представители мирового сообщества открывают для себя российский Крым. По мнению и.о. губернатора г. Севастополя Д. Овсянникова, итальянский бизнес заинтересован участвовать в развитии городского технопарка, энергетических проектов, морского яхтенного туризма. В середине октября 2016 г. Крым и Севастополь посетила делегация 19 бизнесменов и депутатов пяти областей Италии (Венето, Лигурии, Ломбардии, Тосканы и Эмилии-Романьи), в т.ч. — директор Торгово-промышленной палаты области Венето, 7 владельцев и менеджеров компаний. Делегация обсудила с органами власти и деловым сообществом региона вопросы сотрудничества и перспективы отмены западных санкций. Результатом визита стало установление побратимских отношений городов Симферополь и Падуа. Председатель Государственного совета Республики Крым В. Константинов и президент регионального парламента итальянской области Венето Р. Чамбетти подписали заявление о развитии межрегионального сотрудничества в торгово-экономической, научно-технической и культурной сферах²⁹. По мнению директора Торгово-промышленной

²⁸ Итальянцы планируют выращивать в Крыму буйволов и производить моцареллу [Электронный ресурс]. URL: <http://www.c-inform.info/news/id/37661> (дата обращения: 19.04.2016).

²⁹ Главы парламентов Крыма и Венето подписали совместное заявление о развитии межрегионального сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.c-inform.info/news/id/44393> (дата обращения: 14.10.2016).

палаты Венето Дж. Белатти, есть благоприятные возможности для сотрудничества в строительстве кораблей и производстве автомобилей класса «люкс», развитии инфраструктуры и поставке технологий сельского хозяйства. Основными сферами российско-итальянского сотрудничества в Крыму Дж. Белатти считает туризм и виноделие³⁰.

Полезными для развития публичной дипломатии являются также информационные и культурные контакты, создание сетей неправительственного взаимодействия. Например, в Симферополе создано «Общество Крымско-итальянской народной дружбы». Основными целями его деятельности избраны: содействие повышению международного авторитета Российской Федерации и Республики Крым, содействие укреплению международного сотрудничества между РФ и Италией, популяризация за рубежом достижений российской культуры, науки, образования, русского языка, развитие народной дипломатии, укрепление дружеских связей и крымско-итальянского партнерства³¹.

Заключение. Долгосрочными факторами международного сотрудничества регионов и бизнеса Италии с Крымом являются: повышенная вовлечённость областей Севера Италии в экономическое сотрудничество с Россией; региональные интересы конкуренции с общенациональными органами власти; возросшее влияние регионалистских и оппозиционных партий в ряде областей Севера Италии; сходство структуры экономики Крыма и областей Италии, что делает взаимовыгодными экономические и культурные отношения. Установлено, что наибольшие перспективы сотрудничества существуют в экономически развитых областях Севера Италии, где влиятельны оппозиционные партии: «Лига Севера», «Народ свободы», «Движение 5 звёзд». Данные партии используют крымскую проблематику для повышения своего политического влияния и давления на правительство Италии. Институциональный формат экономического сотрудничества включает в себя Ялтинский экономический форум, международные конференции предпринимателей и общественных активистов, проведение регулярных переговоров и подписание соглашений на межрегиональном уровне. Отмечены тенденции роста экономических и культурных контактов ре-

³⁰ Директор Торгово-промышленной палаты итальянской провинции Венето считает наиболее перспективными сферами сотрудничества с Крымом виноделие и туризм [Электронный ресурс]. URL: <http://www.c-inform.info/news/id/44447> (дата обращения: 16.10.2016).

³¹ О проекте. Общество крымско-итальянской народной дружбы (Centro di amicizia Crimea — Italia) [Электронный ресурс]. URL: <http://crimea-italy.ru/o-proekte/> (дата обращения: 30.10.2016).

гионов Севера Италии с Крымом, что привело к принятию областными советами 5 регионов из 20 резолюций в поддержку крымского самоопределения и отмены антироссийских санкций. Важным ресурсом публичной дипломатии России может стать информационная политика посредством музеев, театров, образовательных и научно-исследовательских учреждений, позиционирующая Крым как «мост» между цивилизациями, пространство многовекового диалога и сотрудничества. История длительного участия итальянских республик — Генуи и Венеции в истории полиэтничного, поликонфессионального Крыма может интерпретироваться в духе укрепления сотрудничества между Российской Федерацией и Италией.

Литература

1. Барышников Д. Н. Публичная дипломатия и многостороннее сотрудничество в альянсе цивилизаций ООН // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. СПб., 2013. Т. 9. № 2. С. 14–23.
2. Кравцов О. Север Италии требует признания Крыма российским [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politnavigator.net/sever-italii-trebuuet-priznaniya-kruma-rossijskim.html> (дата обращения: 07.07.2016).
3. «Лига Севера» призвала Италию отказаться от «идиотских» санкций против России [Электронный ресурс]. URL: <http://vz.ru/news/2015/12/13/783532.html> (дата обращения: 13.12.2015).
4. Шмакова Н. Совет Венето принял резолюцию, призывающую отменить антироссийские санкции [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20160518/1435859626.html> (дата обращения: 19.05.2016).
5. Юшин А. В Италии появился свой Крым? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.km.ru/turizm/2014/03/13/italiya/734525-veneto-chast-italii-ili-novoe-gosudarstvo> (дата обращения: 13.03.2014).

INTERNATIONAL COOPERATION OF THE ITALIAN REGIONS AND BUSINESS WITH THE CRIMEA AS A MANIFESTATION OF PUBLIC DIPLOMACY

Andrew Baranov

Abstract. Introduction. *The topicality of the issue lies in the fact that the role of non-governmental and sub-national policy actors in contemporary international relations has qualitatively increased. Public diplomacy is a topical thing in breaking through the economic, information and political blockade of the Crimea. In this connection a positive experience of international cooperation of Italian regions and businesses with the Republic of Crimea and Sevastopol (2014–2016) is of a definite interest. Methods of this cooperation can*

also be used by the Russian public policy actors in relation to other countries. The degree of elaboration of this theme (Literature review) in the applied aspect is insufficient.

The theoretical background: neorealistic paradigm of international relations and neoinstitutional approach to political science. Public diplomacy is one of the methods of the country's «soft power» and it causes a «feedback», that is the influence of public opinion and non-governmental organizations on governmental structures.

Study. In the context of globalization business structures, network and traditional media, online communities, non-governmental organizations, universities, cultural institutions and the arts with the coordinating role of the government acquire the role of public diplomacy subject entities.

Methods — neorealistic paradigm of international relations and neoinstitutional approach to political science.

Participants: the representative and executive bodies of a number of regions of Italy (Veneto, Liguria, Lombardy, Emilia Romagna, Tuscany), the business structures of the regions, the authorities of the Republic of Crimea and Sevastopol.

Materials: the normative legal documents of the Italian regions, the statements of parties and leaders, entrepreneurs and social activists, economic statistics, media reports and internet resources.

Procedure: document analysis method, comparative synchronous analysis.

Results. The long-term factors of international cooperation of the businesses and regions of Italy with the Crimea are high level of economic cooperation of the north regions of Italy with Russia; the competition of regional interests with national authorities; the increasing influence of regionalist and opposition parties in some areas of northern Italy; structural and economic similarity of the Crimea with the Italian regions, all these things make economic and cultural relations mutually beneficial.

Discussion. The greatest prospects for cooperation exist in the economically developed areas of northern Italy, where the influential opposition parties are «Northern League», «People of Freedom», «Movement of 5 Stars». They use the Crimean problems in order to increase their political influence and pressure on the government of Italy. The economic cooperation institutional format includes the Yalta Economic Forum, the international conferences of businessmen and social activists, the negotiations and agreements at the interregional level.

Conclusion. The economic and cultural contacts growth between the north regions of Italy and the Crimea has led to the adoption of resolutions in support of self-determination of the Crimea and the abolition of the anti-Russian sanctions in 5 regional councils out of 20 ones.

An important resource for public diplomacy of Russia could become an information policy, pursued by means of museum, theater, educational and research institutions activities, positioning Crimea as a «bridge» between civilizations, the centuries-old place of dialogue and cooperation. The history of long-term involvement of the Italian Republics — Genoa and Venice in the historical development of the Crimea can be interpreted in the spirit of strengthening cooperation between the Russian Federation and Italy.

Keywords: public diplomacy, regions, businesses, Italy, Crimea.

References

1. Baryshnikov, D.N. (2013). Publichnaya diplomatiya i mnogostoronnee sotrudnichestvo v al'yanse tsivilizatsii OON [Public Diplomacy and Multilateral Cooperation in the United Nations Organization's Alliance of Civilizations] *Politicheskaya ekspertiza: POLITEX* [Political expertise: POLITEX], 9, 2, 14–23.
2. Kravtsov, O. (2016). Sever Italii trebuet priznaniya Kryma rossiiskim [North Italy Requires Recognition of the Crimea by Russian]. Retrieved 7 July, 2016 from <http://www.politnavigator.net>.
3. «Liga Severa» prizvala Italiyu otkazat'sya ot «idiotskih» sankcij protiv Rossii [«Northern League» called on Italy to abandon the «stupid» sanctions against Russia]. Retrieved 13 December, 2015 from <http://vz.ru>.
4. Shmakova, N. (2016). Sovet Veneto prinyal rezolyutsiyu, prizyvayuschuyu otmenit' antirossijskie sanktsii [Council of Veneto Adopted a Resolution Calling to Cancel the Anti-Russian Sanctions]. Retrieved 19 May, 2016 from <https://ria.ru>.
5. Yushin, A. (2014). V Italii poyavilsya svoj Krym? [In Italy, Came Into Sight Their Own Crimea?]. Retrieved 13 March, 2014 from <http://www.km.ru>.

Информация об авторе

Баранов А. В.

д-р полит. наук, д-р ист. наук, проф., Кубанский государственный университет, Россия

Andrew Baranov

Prof., Dr. (polit.), Dr. (hist.),
Kuban State University, Russia

ИМИДЖ КРЫМА КАК АРГУМЕНТ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

С. П. БАРМАТОВА

Аннотация. Актуальность проблемы, анализу которой посвящена статья, определяется тем фактом, что, в 2015-х годах XXI века в геополитическом пространстве ведущей стратегией разрешения уже сточившихся геополитических противоречий становится стратегия «мягкой силы» как наиболее адекватный современным реалиям геополитического пространства алгоритм выстраивания геополитической карты (или картины) мира. Это, в свою очередь, влияет и на развитие механизмов, которые становятся востребованными при выстраивании и реализации данной стратегии. К таким механизмам относятся, в частности, информационная война и публичная дипломатия. Одним из аргументов публичной дипломатии является имидж геополитического субъекта, которым, в данной статье, является Крым. Основной целью статьи является определение возможностей имиджа Крыма выступать эффективным аргументом публичной политики в условиях жесткой геополитической изоляции.

Статья построена по принципу 3-х блочной структуры.

Первый блок статьи посвящен анализу теоретической рефлексии по поводу таких процессов и обозначающих их понятий, как «стратегия «мягкой силы»», «информационная война», «публичная дипломатия», «имидж», а также обоснованию критериев оценки эффективного имиджа, сформированному исходя из требований, вытекающих из сочетания взаимовоздействия обозначенных политических процессов.

Во втором блоке внимание автора сосредоточено на описании характеристик имиджа Крыма как геополитического субъекта, продвижение которого в глобальном информационно-коммуникативном и геополитическом пространстве опосредовано задачами, которые ставятся перед этим геополитическим субъектом в условиях активно культивируемой определенными геополитическими акторами международной изоляции.

Третий блок статьи представляет собой описание результатов проведенного теоретического исследования и набора разработанный

и аргументированных рекомендаций для увеличения эффективности имиджа Крыма как аргумента публичной дипломатии.

Результатом исследования стала разработка рекомендаций, реализация которых будет способствовать усилению эффективности имиджа Крыма как аргумента публичной дипломатии

Ключевые слова: имидж, информационные технологии, информационная война, публичная дипломатия, стратегия управления информационными потоками.

Введение. В 2010-х годах XXI века в геополитическом пространстве ведущей стратегией разрешения ужесточившихся геополитических противоречий становится стратегия «мягкой силы» как наиболее адекватный современным реалиям геополитического пространства алгоритм выстраивания геополитической карты (или картины) мира.

Теоретические основания исследования. В качестве базового теоретического основания исследования была использована концепция «мягкой силы» Джозефа С. Ная³². В рамках данной работы получает продолжение идея «акторов вне суверенитета», которая была представлена в работе «Мировая политика в движении. Теория изменений и преемственности» Дж. Розенау³³. Значимым для данного исследования являются также теории информационной войны, представленные в работах Дж. Стейна³⁴, Дж. Аркилла³⁵, и теория публичной политики, получившая разработку в исследовании А. Э. Галумова³⁶.

Исследование: основная часть. Особое внимание к вопросу формирования имиджа Крыма и использование его в качестве весомого аргумента публичной политики определяется сразу несколькими моментами:

В современном мире все большую популярность приобретает стратегия «мягкой силы», одним из наиболее показательных характеристик которой является использование публичной дипломатии в качестве главной стратегической системы. Повышается значимость невоенных

³² Джозеф С. Най. [Joseph S. Nye] Новая публичная дипломатия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/nye79/Russian> (дата обращения: 13.01.2017).

³³ Rosenau J. Turbulence in World Politics: a Theory of Change and Continuity. Harvester Wheasheaf. 1990.

³⁴ Stein G. Information warfare [Electronic resource]. URL: http://www.airpower.maxwell.afmil/airchronicles/apj/apj95/spr95_files/stein.htm (дата обращения: 12.01.2017).

³⁵ Arquilla J. Insurgents, raiders, and bandits. How masters of irregular warfare have shaped our world. Chicago, 2011.

³⁶ Галумов А. Э. Опыт публичной дипломатии в формировании имиджа Европейского Союза в Российской Федерации: автореф. дис. канд. полит. наук. М., 2012. 19 с.

методов и информационных технологий во внешней политике и управлении современными политическими процессами, а государство утрачивает свою абсолютную властную монополию в международных политических процессах.

В рамках стратегии мягкой силы происходит закономерная переориентация традиционных для геополитического противостояния методов выстраивания международных взаимоотношений, переосмысление таких форм, как, например, информационная война, наполнение их новым содержанием.

Среди других аргументов публичной политики более значимую роль начинает играть имидж государства, поскольку именно глобальное информационно-коммуникативное пространство сегодня становится «пространством войны правд» и смыслов, определяет формирование и состояние общественного мнения по отношению к определенному геополитическому субъекту, что, в свою очередь, влияет как на внешнюю политику геополитических игроков, так и на их внутреннюю политику (яркий пример — позиция Нидерландов, не пускающих Украину в Европейский Союз).

Это — действительно новый тренд современности, в котором, с одной стороны, отменена государственная «монополия на смыслы», что позволяет говорить о повышении значимости именно публичной дипломатии, т.е. активизации возможностей негосударственных акторов международных отношений становиться не просто активным, но еще и влиятельными участниками этих отношений, с другой — фиксируется возрастании роли гражданского общества в процессе принятия геополитических решений.

Вместе с тем, по-прежнему одним из самых используемых в геополитическом противостоянии технологий остается технология информационной войны. Дж. Stein в своей статье 1995 г. «Информационная война» говорит об информационной войне как о достижении национальных целей с помощью информации³⁷. Показательным в этом смысле является отношение к термину «информационная война», которое демонстрирует Дж. Аркилла³⁸. Термин «информационная война» является для него слишком широким в попытке охватить все, с другой стороны, он слишком узок, поскольку в первую очередь отсылает к узким техническим вопросам уязвимости и безопасности киберпространства. Это отношение характерно и для данной статьи, поскольку, на наш взгляд, наиболее точно для характеристики современного состояния информационной войны

³⁷ Stein G. Information warfare [Electronic resource]. URL: http://www.airpower.maxwell.af.mil/airchronicles/apj/apj95/spr95_files/stein.htm (дата обращения: 12.01.2017).

³⁸ Arquilla J. Insurgents, raiders, and bandits. How masters of irregular warfare have shaped our world. Chicago, 2011.

наиболее подходит определение М. Либки, согласно которому информационная война — это атаки информации на информацию³⁹.

Информационная война стала сегодня в центре политики, экономики и военного дела. «Мирные» применения этого инструментария давно вышли за пределы его военного использования. Принятие решений существует во всех областях и в случае конкурентного столкновения начинается борьба за единственность одного решения и против решений альтернативных⁴⁰.

Восприятие имиджа в рамках сформировавшихся геополитических реалий осуществляется именно сквозь призму этих двух процессов (или механизмов геополитического взаимодействия, или элементов системы геополитического противостояния, или стратегий мирового геополитического пространства), хотя каждая из этих стратегий фиксирует особые характеристики имиджа.

Имидж, в контексте данного исследования, определяется как механизм символического позиционирования субъекта — эффективного, значимого и равноправного участника геополитических взаимодействий и геополитических процессов.

Имидж и работу с ним можно и нужно рассматривать с точки зрения сочетания вызовов и аргументов, сформированных взаимозависимостью и взаимовлиянием факторов публичной дипломатии и информационной войны при реализации стратегии «мягкой силы». Критериями, в таком случае, могут являться:

- для аргументационного аспекта: устойчивость декларируемой стратегии развития субъекта, и результатов реализации данной стратегии; наличие «объединенной» и разделяемой большинством граждан позиции относительно геополитического выбора субъекта; высокий уровень доверия и поддержка со стороны граждан решений, принимаемых представителями, в первую очередь, региональной власти;
- для аспекта, связанного с вызовами: достоверность и доступность положительной информации о геополитическом субъекте; высокая эффективность проводимых реформ; совпадение декларируемых в информационных материалах социальных показателей с реальными и т.д.

Имидж выступает непосредственным объектом информационной войны.

³⁹ Libicki M. Conquest in cyberspace. National security and information warfare. Cambridge, 2007.

⁴⁰ См., напр. Почепцов Г. Информационная война: определения и базовые понятия [Электронный ресурс]. URL: <http://psyfactor.org/psyops/infowar25.htm> (дата обращения: 12.01.2017).

Именно в контексте информационной войны выстраивается в геополитическом пространстве информационное сопровождение и трактовка процессов, происходящих в Крыму, и вообще в Российской Федерации.

Так, например, экс-председатель мониторингового комитета ПАСЕ Х. Северсен называет всю информацию, которая размещается в российский СМИ, «российской пропагандой», и считает, что на сегодняшний день необходимо предпринять меры по борьбе с этой пропагандой. В качестве организации, в обязанности которой вменяется борьба с российской пропагандой, становится Оперативная рабочая группа по стратегическим коммуникациям при Европейской службе внешних связей⁴¹.

Одним из самых излюбленных информационных поводов в рамках предвзятости и использования технологии искажения информации является «агрессия» России. Характер подобных искажений в значительной степени определяется тем, кто освещает события. Предвзятое освещение событий отмечается, в первую очередь, в США и странах Евросоюза, правящие круги в которых придерживаются мнения, что Россию необходимо «сдерживать» в её стремлении занять более значимое место в международной политике и мировой экономике. С этой целью проводится активная работа по формированию соответствующего общественного мнения в этих странах и в мире в целом, представляющая любые действия России, направленные на усиление её международного положения, как заведомо незаконные и бесчестные. Самым известным примером применения подобной тактики служит настойчивое утверждение Соединенных Штатов Америки и Евросоюза о том, что Россия «оккупировала» Крым, произведя вооружённое «вторжение»⁴².

Более тонким инструментом искажения ситуации является выборочная подача материала. Так, в ходе голосования в Крыму по вопросу о статусе республики большинство жителей, включая голосовавших избирателей, при опросах заявляли, что проголосовали за присоединение Крыма к России, и среди них были как этнические русские, так и украинцы, и крымские татары. Однако в репортажах западных средств массовой информации зачастую можно было видеть, что преимущественное внимание репортёры уделяли немногочисленным противникам воссоедине-

⁴¹ Оперативная рабочая группа по стратегическим коммуникациям (East StratCom Task Force): вопросы и ответы [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_ru/2125/% (дата обращения: 13.01.2017).

⁴² Russian 'invasion' of Crimea fuels fear of Ukraine conflict [Электронный ресурс] // The Guardian — 01.03.2014. URL: <http://www.theguardian.com/world/2014/feb/28/russia-crimea-white-house> (дата обращения: 13.01.2017).

ния Крыма с Российской Федерацией, тогда как сторонники России если и показывались, то в неприглядном виде. Например, упорно замалчивался факт голосования многих крымских татар за воссоединение Крыма с Россией. Упоминая об их несогласии с отделением Крыма от Украины, западные средства массовой информации не уточняют, что такую позицию занимает лишь часть татар, создавая, таким образом, превратное мнение, будто бы это позиция всего крымско-татарского народа в республике, доля которого в численности населения составляет 11–12%⁴³.

Но для многих среднестатистических представителей западного мира такое искажение информации абсолютно нераспознаваемо, поскольку, как отмечает британский филолог П. Хансдон, СМИ не совсем ориентируются в том, что же происходит. Она поясняет ситуацию следующим образом: западные СМИ, в том числе британские, не особо понимают ситуацию в Крыму. Они всё ещё живут прошлым, многие считают, что Россия всё ещё коммунистическое государство. Они отстают от реальности. Они и представления не имеют, какие здесь живут люди. Для них россияне как будто с другой планеты» [Иностранцы в Крыму, 2016].

Отсутствие у западных читателей и слушателей возможностей применять к получаемой информации «критерий истинности» дает возможность использования заведомо ложных данных. Так, например, западными СМИ активно формировалась убежденность, что 25% жителей Крыма не поддерживали выбор в пользу Российской Федерации.

В определенной мере, такой перевес Запада в информационной войне формируется и как следствие проблем самой российской информационной политики и информационной сферы. Информационная сфера не имеет в Российской Федерации того статуса значимости, который соответствовал бы современным вызовам и угрозам. Информационные технологии в России сегодня во многом отстают от уровня технологического превосходства ведущих мировых держав. Такое отставание становится причиной того, что информация об органах власти Российской Федерации и принимаемыми ими решениях в сети Интернет может находиться под постоянным контролем, и при необходимости быть разрушена хозяевами Интернета (органам США).

В рамках же публичной дипломатии ощущается ограниченность возможностей Крыма, как геополитического субъекта, применять воз-

⁴³ Van Renterghem M. Derrière l'euphorie affichée, une autre Crimée a peur de devenir russe [Электронный ресурс] // Le Monde — 21.03.2014. URL: http://www.lemonde.fr/international/article/2014/03/21/derriere-l-euphorie-affichee-une-autre-crimée-a-peur-de-devenir-russe_4387227_3210.html?xtmc=crimée_vote&xtcr=1 (дата обращения: 12.01.2017).

возможности этой дипломатии в широком масштабе, поскольку доступ к публичным площадкам очень ограничен или совсем закрыт.

Именно с точки зрения разрыва этой информационной блокады очень эффективным было решение о введении Крыма в состав Центрального Федерального округа РФ. Но этого, конечно, не достаточно.

Результаты исследования. Таким образом, для выполнения своей роли аргумента публичной политики имидж Крыма, на наш взгляд, должен содержать такие характеристики:

1. Крым должен восприниматься как демократичная, правовая территория (республика), в которой человеческий капитал является высшей ценностью наравне с правами и свободами граждан;
2. Крым должен обозначаться в сознании как экономически привлекательная территория, внутри которой созданы благоприятные условия для инвестирования и присутствует «здоровая» экономическая среда;
3. как республика, в которой капитал и любые формы собственности защищены государством;
4. как республика с высоким уровнем жизни и развитой социальной инфраструктурой;
5. как республика, в которой каждый ее житель имеет равные возможности, а государство ставит своей обязанностью оказание помощи и развитие лучших «качеств» человека для максимальной самореализации личности;
6. как территория «мира и согласия», в которой успешно уживаются разные направления культур, религий без потери уникальности;
7. как территория с высоким уровнем рекреационного потенциала;
8. как самостоятельная составляющая Российского государства, характеризующаяся высоким уровнем диверсифицированной экономики.

Для введения и закрепления этих характеристик в имидже Крыма необходимо:

а). Постоянное участие представителей Крыма в международных мероприятиях. Так, с 21 сентября по 2 октября 2016 в г. Варшава прошло совещание, в котором приняло участие 57 официальных делегаций стран-участниц ОБСЕ и более 1000 представителей правительственных и неправительственных организаций, среди которых были и представители общественных организаций Крыма — Д. Полонский (министр внутренней политики, информации и связи Республики Крым, принявший участие в конференции в качестве члена президиума общественной организации «Русская община Крыма»), И. Абажер и А. Исмаилов, А. Трофимов. Участие представителей Республики Крым в работе обзорной конференции Бюро по демократическим институтам и правам

человек ОБСЕ по выполнению обязательств в области человеческого измерения, которая проходила в Польше, способствовало донесению правдивой информации о воссоединении Крыма с Российской Федерацией. Как охарактеризовал ситуацию Д. Полонский, «Для многих участников мероприятия то, что мы говорим, как нож по сердцу. Ведь это та правда, которую они на протяжении долгого времени сознательно замалчивали. То есть, ...многие люди вообще никогда не слышали ни одного правдивого слова о ситуации в Крыму. Поэтому для нас участие в конференции ОБСЕ является хорошим поводом для того, чтобы как можно больше людей в Европе узнали о том, что на самом деле произошло в Крыму в марте 2014 года, и получили актуальную информацию о настоящей жизни на полуострове» [Аксёнов С., 2016].

20 октября 2016 г. Глава Республики Крым С. Аксёнов провёл рабочую встречу с членом Общественной палаты Российской Федерации, директором болгарского культурного центра «Изор» И. Абажером, председателем Крымского отделения Союза журналистов России А. Трофимовым, заместителем Муфтия мусульман Крыма А. Исмаиловым. В ходе мероприятия обсуждались итоги участия крымчан в ежегодном совещании ОБСЕ по обзору выполнения обязательств в области человеческого измерения, которое проходило в Варшаве (Совещание ОБСЕ по вопросам прав человека, по национальным меньшинствам, свободе передвижения, средствам массовой информации и т.д.)⁴⁴.

В ходе этой встречи было особо акцентировано внимание на том обстоятельстве, что в глобальном информационном пространстве ощущается недостаток достоверной информации о реальных событиях в Крыму. Это касается как информации, связанной с интеграцией в современные крымские реалии крымских татар, так и по поводу развития в Крыму средства массовой информации (и их численности, включая наличие двуязычных и даже три-язычных средств массовой информации).

б). Использование возможностей публичной дипломатии, и, в первую очередь, геополитическое взаимодействие на уровне «акторов вне суверенитета». Так, например, за 2016 г. в Крыму побывало немцев, французов, англичан, китайцев и японцев на 25 % больше, чем в 2015 году⁴⁵. Именно работа с этими акторами во многом должна

⁴⁴ Аксёнов С. Участие крымчан в международных мероприятиях способствует продвижению имиджа Крыма как субъекта РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://glava.rk.gov.ru/rus/index.htm/news/346028.htm> (дата обращения: 12.01.2017).

⁴⁵ Туристы из Европы, Китая и Японии посещают Крым [Электронный ресурс]. URL: http://news.sevas.com/crimea/inostrannye_turisty_v_krymu_letom_2016 (дата обращения: 13.01.2017).

стать одним из приоритетных направлений продвижения имиджа Крыма.

в). Создание информационных альтернативных материалов или каналов (по аналогии с Европейской рабочей группой по отработке коммуникативных связей), задачей которых становится постоянное, целенаправленное, комплексное информирование мировой общественности обо всех важных достижениях Крыма, формирование международного информационного лобби.

г). Разработка комплексной стратегии развития информационного общества и выстраивания системы взаимодействий, в первую очередь, в глобальном информационном пространстве. Для реализации этой позиции актуализируется создание специального органа, отвечающего за формирование, поддержание и продвижение имиджа Крыма, циркулирующий в информационном пространстве. На сегодняшний день таким органом теоретически становится Создание Корпорации развития Крыма, задачей которой должна стать разработка и продвижение имиджа Крыма. Развитие информационных технологий, доведение их до уровня западных.

д). Разработка и реализация стратегии «конкурирующего полюса смысла» — создание и защита своей модели человека, системы смыслов и ценностей, а не «оборонительной» позиции. Западные страны и, прежде всего, США, проводят информационную войну по классическим канонам. Они совершают множество просчетов и ошибок, которыми можно было бы воспользоваться России для нанесения грамотного и эффективного ответного удара, и восстановления своего имиджа на мировой арене.

В долгосрочной перспективе эта стратегия ориентирована не на отстаивание суверенитета как «оборонительное» действие, а на создание конкурирующего «полюса смысла» создание и защита своей модели человека, общества, системы смыслов и ценностей, что способно дать России и другим государствам, не желающим поддерживать глобализационный миропорядок, шанс отстоять свою цивилизационную независимость.

е). Развитие инвестиционной привлекательности Крыма. Основной акцент должен быть сделан на развитии детского и познавательного (тематического) туризма, программах развития Крыма, которые связаны с расширением инвестиционных зон. Значимым также должны стать сегменты оздоровительного туризма (в том числе — с круглогодичным циклом) и спортивного туризма. Одновременно повышению инвестиционной привлекательности может служить привлечение инвесторов

к участию в развитии инфраструктуры Крыма, и, в первую очередь — его рекреационной составляющей.

ж). Организация просветительской деятельности (с привлечением Социально ориентированных некоммерческих организаций), ориентированная на усиление значимости процесса возвращения Крыма в состав Российской Федерации. Информационные материалы, освещающие процесс интеграции Крыма в состав Российской Федерации, должны разрабатываться в формате аналитических отчетов, экспертных дискуссий, результатов опросов населения, демонстрирующих положительную динамику развития Крыма, комментариев жителями Крыма решений значимых для республики проблем. Основной целью таких материалов должно стать подтверждение политической и социальной ориентированности Крыма на Российскую Федерацию. Еще одной формой работы должна стать лекционная деятельность и создание циклов телевизионных и радио- передач просветительского характера, которые будут информировать слушателей и телезрителей об истории Крыма (особенно — в составе Российской Федерации), его достопримечательностях.

з). Научное и правовое обоснование законности проведения Крымского референдума 2014 года и легитимации его результатов и процесса возвращения Крыма в состав Российской Федерации. Формами могут стать постоянно действующие дискуссионные площадки или экспертные сообщества, функционирующие в системе организаций высшего образования или аналитических структур, международные конференции и круглые столы, международные форумы, посвященные этим вопросам, открытые научные дискуссии с привлечением ведущих мировых научных деятелей и правоведов.

Анализ результатов. Анализ полученных результатов позволяет сделать следующий вывод: в условиях жесткой международной блокады имидж перестает восприниматься только как информационно-коммуникативное сопровождение геополитического субъекта, основной задачей которого является информирование, тем более в случае, когда речь идет об имидже Крыма. Как аргумент публичной политики имидж будет эффективен только в том случае, если его разработчики будут учитывать всю систему вызовов и сигналов, которые формируются в геополитическом пространстве, и реализуются в рамках стратегии «мягкой силы».

Заключение. Крым вошел в состав Российской Федерации, что сделало невозможным разделение имиджа Российской Федерации и Крыма. Соответственно, насколько активно будет продвигаться в геополити-

тическом пространстве идея этой неразделимости, и насколько она будет получать отражение и воплощение в имидже Крыма, настолько успешной будет и публичная дипломатия, и геополитическое взаимодействие, и работа по ослаблению международной блокады. А Крыму есть, что показать миру.

Литература

1. Аксёнов С. Участие крымчан в международных мероприятиях способствует продвижению имиджа Крыма как субъекта РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://glava.rk.gov.ru/rus/index.htm/news/346028.htm> (дата обращения: 12.01.2017).
2. Галумов А. Э. Опыт публичной дипломатии в формировании имиджа Европейского Союза в Российской Федерации: автореф. дис. канд. полит. наук. М., 2012. 19 с.
3. Джозеф С. Най. [Joseph S. Nye] Новая публичная дипломатия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/nye79/Russian> (дата обращения: 13.01.2017).
4. Иностранцы в Крыму: Западные СМИ представления не имеют, как тут живут люди. 14 августа 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/article/316633-inostrancy-v-krymu-zapadnye-smi-predstavleniya-ne> (дата обращения: 14.01.2017).
5. Оперативная рабочая группа по стратегическим коммуникациям (East StratCom Task Force): вопросы и ответы [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_ru/2125/ (дата обращения: 13.01.2017).
6. Почепцов Г. Информационная война: определения и базовые понятия [Электронный ресурс]. URL: <http://psyfactor.org/psyops/infowar25.htm> (дата обращения: 12.01.2017).
7. Туристы из Европы, Китая и Японии посещают Крым [Электронный ресурс]. URL: http://news.sevas.com/crimea/inostrannyye_turisty_v_krymu_letom_2016 (дата обращения: 13.01.2017).
8. Arquilla J. Insurgents, raiders, and bandits. How masters of irregular warfare have shaped our world. Chicago, 2011
9. Libicki M. Conquest in cyberspace. National security and information warfare. Cambridge, 2007.
10. Russian 'invasion' of Crimea fuels fear of Ukraine conflict [Electronic resource] // The Guardian — 01.03.2014. URL: <http://www.theguardian.com/world/2014/feb/28/russia-crimea-white-house> (дата обращения: 13.01.2017).
11. Rosenau J. Turbulence in World Politics: a Theory of Change and Continuity. Harvester Wheasheaf. 1990.

12. Stein G. Information warfar [Electronic resource]. URL: http://www.airpower.maxwell.af.mil/airchronicles/apj/apj95/spr95_files/stein.htm (дата обращения: 12.01.2017).
13. Van Renterghem M. Derrière l'euphorie affichée, une autre Crimée a peur de devenir russe [Electronic resource] // Le Monde — 21.03.2014. URL: http://www.lemonde.fr/international/article/2014/03/21/derriere-l-euphorie-affichee-une-autre-crimée-a-peur-de-devenir-russe_4387227_3210.html?xtmc=crimee_vote&xtcr=1 (дата обращения: 12.01.2017).

THE IMAGE OF THE CRIMEA AS AN ARGUMENT OF PUBLIC DIPLOMACY

Svetlana P.Barmatova

Abstract. *The urgency of the issue in the paper is determined by the fact that in 2015 of the twenty-first century the leading strategy of resolution of the tougher geopolitical contradictions in the geopolitical space becomes the strategy of "soft power" as the algorithm of building the geopolitical map (or picture) of the world being the most adequate to the modern realities of the geopolitical space. This affects the development of mechanisms that are in demand when building and implementing this strategy. Such mechanisms include, in particular, information warfare and public diplomacy. One of the arguments for the public diplomacy is the image of a geopolitical entity, such as the Crimea in this paper. The main objective of the article is to determine the possibilities of the image of the Crimea to serve as an effective argument for the public policy in terms of the hard geopolitical isolation.*

The article is based on the principle of a three-block structure.

The first block of the paper is devoted to the analysis of the theoretical consideration of such processes and the corresponding concepts, as "strategy of "soft power"; "information warfare"; "public diplomacy"; "image"; as well as the substantiation of the evaluation criteria of the effective image formed on the basis of the requirements resulting from the combination of the named processes interactions.

In the second block the author focuses on the description of the characteristics of the image of the Crimea as a geopolitical entity, while its promotion in the global information-communicative and geopolitical space is provided for the objectives set before this geopolitical entity in terms of the international isolation actively cultivated by the definite geopolitical actors.

The third block of the paper presents the description of the results of the conducted theoretical research and the worked-out and reasoned suggestions for the effectiveness increase of the image of the Crimea as an argument for public diplomacy.

Development of recommendations realization of that will assist strengthening of efficiency of image of Crimea as an argument of public diplomacy became a research result.

Keywords: *image, information technology, information warfare, public diplomacy, information flow control strategy.*

References

1. Aksenov S. Participation of the Crimean People in International Events Contributes to the Image Development of the Crimea as a Subject of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://glava.rk.gov.ru/rus/index.htm/news/346028.htm> (date of access: 12.01.2017).
2. Galumov A. E. The Experience of Public Diplomacy in Forming the Image of the European Union in the Russian Federation: abstract of the thesis of cand. of polit. sciences. M., 2012. 19 p.
3. Joseph S. Nye New Public Diplomacy [Electronic resource]. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/nye79/Russian> (date of access: 13.01.2017).
4. Foreigners in the Crimea: Western Media Have no Idea How People Live Here. August 14, 2016 [Electronic resource]. URL: <https://russian.rt.com/article/316633-inostrancy-v-krymu-zapadnye-smi-predstavleniya-ne> (date of access: 14.01.2017).
5. Strategic Communications Task Force (East StratCom Task Force): questions and answers [Electronic resource]. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_ru/2125/% (date of access: 13.01.2017).
6. Pocheptsov G. Information Warfare: Definitions and Basic Concepts [Electronic resource]. URL: <http://psyfactor.org/psyops/infowar25.htm> (date of access: 12.01.2017).
7. Tourists from Europe, China and Japan visit the Crimea [Electronic resource]. URL: http://news.sevas.com/crimea/inostrannye_turisty_v_krymu_letom_2016 (date of access: 13.01.2017).
8. Arquilla J. Insurgents, raiders, and bandits. How masters of irregular warfare have shaped our world. Chicago, 2011
9. Libicki M. Conquest in cyberspace. National security and information warfare. Cambridge, 2007.
10. Russian 'invasion' of Crimea fuels fear of Ukraine conflict [Electronic resource] // The Guardian — 01.03.2014. URL: <http://www.theguardian.com/world/2014/feb/28/russia-crimea-white-house> (date of access: 13.01.2017).
11. Rosenau J. Turbulence in World Politics: a Theory of Change and Continuity. Harvester Wheasheaf. 1990.
12. Stein G. Information warfare [Electronic resource]. URL: http://www.airpower.maxwell.af.mil/airchronicles/apj/apj95/spr95_files/stein.htm (date of access: 12.01.2017).

13. Van Renterghem M. Derrière l'euphorie affichée, une autre Crimée a peur de devenir russe [Electronic resource] // Le Monde — 21.03.2014. URL: http://www.lemonde.fr/international/article/2014/03/21/derriere-l-euphorie-affichee-une-autre-crimée-a-peur-de-devenir-russe_4387227_3210.html?xtmc=crimee_vote&xtcr=1 (date of access: 12.01.2017).

Информация об авторе

Барматова Светлана Петровна

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента, государственного и муниципального управления Брянского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация; E-mail: bsp@br.ranepa.ru

Svetlana P. Barmatova

Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Management, State and Municipal Administration of the Bryansk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Russian Federation; E-mail: bsp@br.ranepa.ru

ВОССОЕДИНЕНИЕ КРЫМА С РОССИЕЙ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СТРАН БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Г. И. КОЛАРОВ, В. И. СЕГУРУ-ЗАЙЦЕВ

Аннотация. *Актуальность. Всё, что связано в наши дни с Крымом, — особенно с начала 2014 г. и, в первую очередь, воссоединение его с Россией, — является квинтэссенцией современного международного положения Российской Федерации. Поэтому, исследования любого плана, связанные с Крымом, — включая и такие аспекты как политика разных стран Балканского полуострова, Восточной Европы по отношению к блокаде Крыма, — представляют собой абсолютно злободневное значение.*

Теоретические основания исследования. *С конца XX века мир существенно изменился, «ялтинский мир» стал «пост-ялтинским», что вызвало к жизни новую парадигму международных отношений. На четверть века мир стал однополюсным, а затем многополюсным. Россия вновь стала одним из ведущих мировых акторов.*

Исследование: основная часть. *В работе рассматривается позиция Болгарии, Румынии и других стран Балканского полуострова, а также Восточной Европы, в отношении проблемы блокады Крыма Западом после присоединения его к Российской Федерации.*

Методология: *«пост-ялтинский мир» на четверть века мир стал однополюсным, а затем многополюсным, а Россия вновь стала одним из ведущих мировых акторов.*

Процедура исследования: *изучение, перевод и сравнительный анализ имеющихся в распоряжении документов.*

Результаты исследования. *Изучена позиция Болгарии, Румынии и других стран Балканского полуострова, а также Восточной Европы, в отношении проблемы блокады Крыма Западом после воссоединения полуострова с Россией.*

Анализ результатов. *Отношение разных стран Балканского региона к проблеме блокады Крыма не столь жёстко однозначно и имеет разные грани и аспекты, в зависимости от страны.*

Заключение. *Отношение балканских стран к крымской проблеме варьируется от более твёрдой антироссийской позиции официального Бухареста, жёстче которой только политика Польши и Прибалтики, до более гибкой, присущей православным и, в частности, славянским государствам Балканского полуострова, население которых при всех режимах относилось к России с большим уважением и симпатией.*

Ключевые слова: *Крым, Россия, Болгария, Румыния, Балканский полуостров.*

Введение. Всё, что связано в наши дни с Крымом, — особенно с начала 2014 г. и, в первую очередь, воссоединение его с Россией, — является квинтэссенцией современного международного положения Российской Федерации. Поэтому, исследования любого плана, связанные с Крымом, — включая и такие аспекты как политика разных стран Балканского полуострова, Восточной Европы по отношению к блокаде Крыма, а также публичная, народная дипломатия и как она противодействует блокаде полуострова Западом, — представляя собой абсолютно злободневное значение. Особенно интересно рассмотреть степень единодушия указанных стран в русле санкций против Российской Федерации, динамику развития их внешней политики в отношении России по Крымскому вопросу. На каких исторических фактах основывается в целом их политика по отношению к России. И как это переплетается с современностью. Каков баланс объективного и субъективного в их внешней политике.

Теоретические основания исследования. С конца XX века мир существенно изменился, «ялтинский мир» стал «пост-ялтинским», что вызвало к жизни новую парадигму международных отношений. На четверть века мир стал однополюсным, а затем многополюсным. Россия вновь стала одним из ведущих мировых акторов.

Исследование: основная часть.

Методология: «пост-ялтинский мир» на четверть века мир стал однополюсным, а затем многополюсным, а Россия вновь стала одним из ведущих мировых акторов.

Участники исследования: правительства стран Болгарии, Румынии, Балканского полуострова и Восточной Европы.

Материалы исследования: нормативно-правовые акты органов государственной власти, заявления государственных и политических лидеров и специалистов по геополитике согласно информации интернет-ресурсов соответствующих стран.

Процедура исследования: изучение, перевод и сравнительный анализ имеющихся в распоряжении документов.

В работе рассматривается позиция Болгарии, Румынии и других стран Балканского полуострова, а также Восточной Европы, в отношении проблемы блокады Крыма Западом после присоединения его к Российской Федерации.

Киевский «Майдан», последующий государственный переворот на Украине и воссоединение Крыма с Россией привлекли внимание политиков, дипломатов, журналистов стран Балканского полуострова, которого с конца XIX века во всем мире называют «бочкой с порохом».

Начиная с Прутских походов царя Петра Первого в начале XVIII века, Российская Империя стала единственной надеждой для балканских православных народов об освобождении от османо-турецкого рабства. Уже в XIX веке в Чехии зародилось славянское движение, которое тоже смотрело в сторону России, в качестве будущего освободителя и объединителя славян. Практически, до Великой Октябрьской социалистической революции большинство народов Балканского полуострова и Восточной Европы (кроме поляков и венгров, потом и румын и албанцев) видело в русских старших братьев и гарантов своего выживания.

После революции отношения между СССР и балканскими и восточноевропейскими странами (а также, между Москвой, с одной стороны, и Киевом, Минском, Кишиневом, Вильнюсом, Ригой, Таллином, с другой стороны) развивались далеко не так однозначно. В результате после почти полувекового пребывания в СЭВ и Варшавском договоре эти государства оказались (в своем почти абсолютном большинстве) плотно втянутыми в ЕС и НАТО.

Большинство народов этих небольших стран в целом поддерживает евроатлантическую интеграцию. Однако, в их понимании, она никоим образом не должна включать конфронтацию с Москвой. Даже антироссийские политические элиты в Варшаве, Бухаресте, Загребе, Тиране, Сараево, Приштине не хотят лишних осложнений с великим восточным соседом. Некоторые из них имеют и плачевный исторический опыт в этом плане (поляки, венгры, румыны, балтийцы, хорваты, бошняки, албанцы). Здесь необходимо особо выделить Вторую мировую войну. Со своей стороны, после революции некоторые русские тоже не помнят добрым словом латышских стрелков и венгерских кирасиров, установивших в Москве власть советов, польских большевиков в составе 100 тыс. солдат и офицеров-красноармейцев, болгарских коминтерновцев 20–30-х гг. XX века.

Что касается Второй мировой войны, венгерские, румынские, хорватские, словацкие оккупанты, украинские, балтийские, бошняцкие, албанские дивизии СС превратили завоеванные территории в пе-

пелище, от которого славяне долго не могли оправиться. Потом, на их территории, многие советские солдаты им мстили.

После окончания Второй мировой войны на определенный период все без исключения восточноевропейские государства попали под влияние Москвы. Через несколько лет от него освободилась Югославия, а потом Албания. Белград, после короткого периода конфронтации, в целом тоже старался следовать направлению советской внешней политики. СССР и БССР формально имели право на самостоятельную внешнюю политику — они являлись членами ООН. Но реально не имели никаких полномочий в этом плане.

После распада СССР и мировой социалистической системы, «политический маятник» в этих странах качнулся вправо и многие из восточноевропейских государств: бывших советских республик и бывших членов СЭВ и Варшавского Договора (а также бывших югославских республик и маленькая Албания), начали принципиально воспринимать Россию как врага и последовательно противостоять внешней политике Москвы.

Так было и весной 2014 г., когда произошло отделение Автономной Республики Крым от Украины и её воссоединение с Российской Федерацией. В той или иной степени, все восточноевропейские президенты и премьер-министры раскритиковали это решение Москвы и Симферополя. Приятным исключением стал избранный 13.11.2016 президент Республики Болгария, бывший командующий ВВС страны, генерал-майор Румен Радев, который после победы в первом туре, громко заявил во всеуслышание: «Какой флаг развевается над Крымом? Украинский или российский? ... В какое посольство пойдет (министр иностранных дел) Даниэль Митов делать визу, когда соберется в Крым? В украинское, или в российское?» [Коларов, 2017].

Это прозрачный намек на то, что после вступления в должность, новый президент собирается уволить министра-русофоба.

Можно сказать, что самое благосклонное отношение к воссоединению Крыма с Россией наблюдается в православных балканских странах, за исключением Румынии.

Здесь стоит иметь в виду, что, в результате сложной и противоречивой судьбы Юго-Восточной Европы, после того, как османские завоеватели были отброшены, сформировались пары государств, которых можно определить как «государство — большой брат» и «государство — маленькая сестра». В большом и малом государстве живет один и тот же народ и люди говорят на одном и том же языке. Разница в том, что меньшая часть соответствующей балканской нации освободилась от

турецкого рабства раньше, или позже большей части. Поэтому, со временем сложилась соответствующая специфика, которая в состоянии со временем перерасти в новое национальное самосознание, иногда на основе эдипова комплекса, как сейчас происходит, например, в Республике Македония. Там примерно 80 лет идет процесс формирования новой нации на антиболгарской основе. Сейчас он заторможен благодаря членству Болгарии в ЕС и открывшейся возможности для македонских болгар получать европейские паспорта, после подписания декларации о болгарском происхождении и самосознании.

Разделение болгарского народа на две части и становление новой македонской нации на анти-болгарской основе («эдипов комплекс» македонцев) отражено в трудах виднейших болгарских историков, изданных по обеим сторонам границы: Божидара Димитрова⁴⁶, Василки Тъпковой-Заимовой⁴⁷, Стояна Германова⁴⁸.

На Балканах сейчас есть 8 государств с преимущественно православным населением, которых можно группировать по парам: Болгария — Македония, Сербия — Черногория, Греция — Кипр, Румыния — Молдова. Молдоване и черногорцы освободились раньше остальных румын и сербов, македонцы и киприоты — позже остальных болгар и греков.

Понятно, что национально-патриотические силы в этих странах (кроме, конечно Румынии и Молдовы, где видят только угрозы для себя в возвращении Крыма в Россию) в основном, приветствовали этот акт исторической справедливости в отношении крымских русских, видя в нем прецедент, который может повториться в отношении собственной разделенной нации. Конкретно, болгарские патриотические силы в Софии и Скопье единогласно поздравили президента Российской Федерации Владимира Путина и поставили принципиальный вопрос: «Если можно таким образом вернуть Крым в Россию, тогда почему нельзя вернуть Македонию и Западные окраины в Болгарию?» (Западные окраины — это территории, компактно заселенные болгарами, которые, после Первой мировой войны перешли к Королевству сербов, хорватов и словенцев). В Сербии разочарованы фактом отделения Черногории

⁴⁶ Димитров Б. Десетте лаги на македонизмот. Скопье: ДЕАИМ, 2001. 320 с.

⁴⁷ Тъпкова-Заимова В. Българи родом... София: Академично Издателство «Професор Марин Дринов», 2014. 328 с.

⁴⁸ Германов С. Македонският въпрос: 1944–1989. София: Македонски Научен Институт, 2014. 340 с.; 100 години Охридско-Дебърско Въстание / Германов С. [и др.]. София, 2014. 310 с.; 110 години от Илинденско-Преображенското Въстание и българската национална идея от Сан-Стефано до Букурещ (1878–1913) / Германов С. [и др.]. София, 2014. 720 с.

от общего государства. В Греции беспокоятся за судьбу соотечественников на Кипре после официализации идеи «неоосманизма» турецким руководством.

Даже ориентированные на латинский мир православные румыны и тем более остальные балканские народы, с точки зрения этнопсихологии, намного ближе к русским, чем к западным европейцам. Они не индивидуалисты, а социальные люди. Поэтому, для них важно жить вместе со всеми соотечественниками, в одном государстве. И в целом (кроме сильно подверженных казённой пропаганде румын), они крепко поддерживают и публично одобряют произошедшее два с половиной года тому назад воссоединение Республики Крым с Российской Федерацией. Есть еще один фактор, который склоняет весы в сторону Москвы, а не Киева: это поведение украинских мигрантов в странах Балканского полуострова. Ни для кого не секрет плохая репутация украинских девушек, особенно в Греции и на Кипре. В связи с этим, неудачной вышла попытка двух, проживающих в Афинах журналисток из Украины издавать украинскую газету на греческом и украинском языках, чтобы поменять имидж и, соответственно, социальный статус находящихся там украинок. Кроме того, во всех без исключения балканских странах, однако особенно в Болгарии, очень часто украинские мужчины попадают на скамью подсудимых по обвинению в заказных убийствах и в других тяжких преступлениях. В связи с этим на Балканах и, в целом, в Центральной и Восточной Европе практически никто не разделяет мнения об европейской идентичности украинцев, вне зависимости от того, кем они себя чувствуют.

Стоит процитировать самого известного австрийского слависта, профессора, доктора исторических наук Петера Бахмайера, который говоря о жителях (Западной) Украины заявляет: «...они ничего не понимают и не хотят слышать. Когда мы им говорим, что в трагических событиях у них виноваты США, они отвечают, что это промосковская пропаганда. Поэтому и стали жертвой.» [«Петер Бахмайер:...», 2014].

Следует отметить, что Петер Бахмайер принадлежит к влиятельной группе австрийских политиков и политологов, которая поддерживает новые независимые и непризнанные государства на постсоветской территории и приняла активное участие в наблюдении за крымским референдумом о воссоединении с Российской Федерацией. Остальные влиятельные члены группы — Йохан Гуденус, Эвальд Штадлер, Роберт Штельцель. Они также на деле поддерживают независимость Нагорно-Карабахской республики, участвуя в качестве наблюдателей в президентских и парламентских выборах. С ними имеет честь дружить и сотрудничать и один из авторов этих строк — Георгий Иванович Коларов.

Конкретно, в столице бывшей центрально-европейской метрополии сложилось хорошее понимание крымской проблемы и в целом российско-украинских отношений. В свое время империя Габсбургов сильно помешала империи Романовых освободить и объединить южных славян и православных. С тех пор, как перестала существовать империя, Республика Австрия и между войнами, и в послевоенном периоде занимает самую конструктивную позицию среди стран региона в отношении СССР и Российской Федерации. Многие народы, которые входили в неё и потом, мягко говоря, не смогли преуспеть в государственном строительстве, до сих пор тянутся к Австрии. Это западные украинцы и бошняки-мусульмане. Не зря во Львове говорят об «украинском австрийстве», направленном, как против России, так и против Польши. Бошняки до сих пор раздваиваются между Австрией и Турцией. У них тоже антироссийские установки.

Круто поменялась ситуация в Венгрии, в последние годы правления Виктора Орбана и партии ФИДЕС. От ориентации на ЕС и тюркоязычные мусульманские государства Будапешт сейчас склоняется к стратегическому сотрудничеству с Российской Федерацией и к сохранению европейской специфики против иммигрантского цунами.

К сотрудничеству с Москвой против мира исламистов и иммигрантского вторжения, склоняются также и Прага, и Братислава. Только один член Вышеградской Четверки — Варшава вместе с Бухарестом пока что занимает ясную, четкую антироссийскую позицию. Однако, и польские, и румынские политики уже начинают понимать, что бесконечно так продолжаться не может и больше не имеют права подвергать свои народы (конкретно, польских крестьян) лишениям и страданиям из-за принципиальной установки против Москвы. Вопреки присутствию военных частей США, перемены в Польше и Румынии неизбежны. Тем более, что от хорошо оплаченных агентов влияния в Варшаве и Бухаресте иногда можно услышать и самые абсурдные высказывания: типа того, что Россия воссоединилась с Крымом для того, чтобы подготовить плацдарм для нападения на Польшу и Румынию... Самыми принципиальными и последовательными противниками Москвы в Варшаве являются члены так называемой «Смоленской секты» (председатель правящей партии «Право и Справедливость» Ярослав Качинский, министр обороны Антони Мачеревич и другие), а в Бухаресте — последователи одного из самых известных румынских геополитиков Дана Дунгачиу и бывшего президента Траяна Бэеску. Российско-румынский политолог Валентин Ионович Сегуру-Зайцев удачно сравнивает их с обезумевшим после отставки первым министром обороны США Джеймсом Форре-

столом, выбросившимся в 1949 г. из окна психиатрической клиники с криками: «Русские идут! Я вижу много русских солдат, они повсюду!» [Сегуру-Зайцев, 2014]. Лексика ряда польских и румынских политиков и, особенно, большинства политологов очень напоминает о несчастном Форрестале.

Надо иметь в виду, что и Качинский, и Бэеску переносят автоматически свои антикоммунистические убеждения и настроения на российское государство. Однако, нет никаких данных, чтобы в Польше и в Румынии притесняли этнических русских: староверов, потомков белоэмигрантов или экономических мигрантов.

Возникает обоснованное подозрение, что военные ведомства в Варшаве и Бухаресте (так же, как и в Софии, и в прибалтийских республиках), пользуются поводом воссоединения Крыма с Россией, чтобы кланчить у Брюсселя и Вашингтона деньги и бесплатное вооружение и оборудование. В США и в ЕС закрывают глаза на это.

Настроения на Балканах и в Восточной Европе в целом, в отношении воссоединения Крыма с Россией, оставляют желать лучшего. Вместе с тем, есть надежда относительно преодоления политики санкций в обозримом будущем. Интерес в этом взаимный и постоянный. Это могло случиться давно, если бы не деятельность агентов влияния Вашингтона и Брюсселя в балканских и восточно-европейских столицах. Конкретно в Болгарии и Македонии они, путем провокаций разного рода, проводят антироссийскую политику. И, таким образом, нейтрализуют пророссийские настроения двух третей этнического большинства в обоих болгарских государствах. В последнее время эта тенденция наблюдается и в Сербии и Черногории. В Румынии в Молдове она давно стала фактом. В Греции и на Кипре власти демонстрируют дружеские чувства к России. Если финансово-экономические проблемы не удушат правящие партии в Афинах и Никозии, они сохраняют пророссийские установки. Кроме Бухареста, самую последовательную антироссийскую политику проводят Варшава, Загреб и прибалтийские республики. Как в Хорватии, так и в Прибалтике на ключевых политических и управленческих постах находятся экс-эмигранты, вернувшиеся на родину из США и Канады.

Пока большинство стран Вышеградской четверки успевает сдерживать антироссийские установки Варшавы до приемлемого уровня: так чтобы не преодолели стремление Праги, Братиславы, Будапешта, а также Вены к сотрудничеству. Варшава, Бухарест и Загреб уже попадают в изоляцию от соседних стран, усугубляя свою зависимость от Вашингтона.

Нет сомнения, что рано или поздно изоляция Крыма будет преодолена и полуостров превратится в общеевропейскую здравницу и в центр туризма мирового уровня, что пойдет во благо всех его жителей. С другой стороны, социально-политические и финансово-экономические структуры тех европейских стран, которые уже поддерживают хорошие отношения с крымскими партнерами, смогут занять самые выгодные позиции на полуострове, накануне его официального признания частью Российской Федерации.

В контексте сказанного, более чем примечательны недавние заявления видных румынских политиков.

В октябре 2016 г. бывший румынский президент, а ныне лидер небольшой парламентской фракции партии ПМП (Партия Народное движение) Траян Бэеску заявил в интервью румынской газете, что если Республика Молдова и Румыния объединятся, мирно, разумеется, и Россия это признает то «Румынии есть, что дать взамен. Я бы признал присоединение Крыма к России. Крым никогда не вернётся к Украине» [Petre, Roxana, 2016]. Когда он был президентом, то его платформа несколько не расходилась с позицией по Крыму и антироссийским санкциям Европейского союза, НАТО и США. Другое дело, что вопрос об объединении Молдовы и Румынии — это вопрос на сегодняшний день неактуальный, т.к. поддерживает его явное меньшинство населения и политического класса в обеих румыно-язычных странах. Хотя сам Бэеску как раз и есть чуть ли не главный пропагандист такого объединения со стороны Румынии. В любом случае, оба народа пусть решают проблему с помощью референдума, как это было в Крыму.

В декабре 2016 г. сопредседатель парламентской партии Альянс либералов и демократов (АЛДЕ), — младшего партнёра по новой после ноябрьских выборов правительственной коалиции вместе с Социал-демократической партией (ПСД), — и одновременно председатель Сената, верхней палаты парламента Румынии, Кэлин Попеску-Тэричану, бывший ранее премьер-министром, дал интервью, которое кроме как невероятным не назовешь. Речь идёт о внешней политике Румынии: «Хочу, чтобы мы вновь стали страной, которая не получает приказов от других, куда послы приезжают не говорить, что нам делать. Мы очень хорошо знаем, что мы должны делать, основываясь на таком фундаментальном элементе, каким является национальный интерес», говорит в частности Тэричану. Подчёркивается приверженность Румынии к «сильному и твёрдому» сотрудничеству со «стратегическими партнёрами США и ЕС», но с учётом собственных национальных интересов, «на продвижение которых мы имеем право» [Petre, Madalina, 2016].

Ситуация несколько прояснилась в январе 2017 г. на встрече американского посла в Румынии Ханса Клемма с новым министром иностранных дел страны (который ранее был уже в этой должности), представителем АЛДЕ в Правительстве, многоопытным Теодором Мелешкану. Министр фактически сделал американскому (!) послу замечание о том, что «ненормально было некоторые темы двустороннего интереса доводить ему, министру, через прессу. Т. Мелешкану заверил Х. Клемма, что он способен понимать и тогда, когда ему говорят весьма напрямую» [Gaidau, 2017], т.е. при личной встрече в рамках традиционного дипломатического переговорного процесса.

Такие высказывания ранее не звучали из уст румынских политиков. Может Брэкзит или избрание Дональда Трампа повлияли. Или просто слишком самостоятельные действия посла Х. Клемма стали возмущать румынские власти, которые вдруг поняли, что в стране де-факто существует параллельная власть в лице Посольства США. Но факт в том, что при соответствующих сдвигах в политике по отношению к России со стороны «старших братьев» из Вашингтона и Брюсселя — политический Бухарест при таких умонастроениях быстро переориентируется и традиционно холодные в последние полвека российско-румынские взаимоотношения могли бы потеплеть. Собственно говоря, истинный национальный интерес Румынии, — как, впрочем, и любых других стран, — никак не должен включать в себя сложные взаимоотношения с соседями, тем более с великим восточным соседом Россией. Даже при утяжелении их молдавско-приднестровской тематикой.

И, тем не менее, в настоящее время румынский политический класс, а за счёт постоянной пропаганды, и всё общество в целом, стоят на консолидированной позиции последовательной вестернизации. В Программе утверждённого в январе 2017 г. коалиционного Правительства ПСД-АЛДЕ (партии Социал-демократическая и Альянс демократов и либералов) на 2017–2020 гг. сказано, что «Румынская дипломатия будет преследовать в качестве основной цели ... рост вклада нашей страны (т.е. Румынии — авт.), как члена ЕС и НАТО, в укрепление этих двух организаций, а также углубление Стратегического партнёрства на XXI век с США — это базовые элементы румынской внешней политики» [Programul de guvernare, 2017]. И далее там же: «Одновременно, румынская дипломатия должна получать пользу от позиционирования страны на внешней границе ЕС и НАТО, осознавая риски и преимущества этого геополитического расположения. С этой точки зрения, приоритетом будет вклад в расширение вблизи Румынии пространства демократического благосостояния, безопасности и предсказуемости, необходимые

для обеспечения национальной безопасности, особенно в существующем нестабильном контексте». Считается, что «статус Румынии как члена ЕС и НАТО представляет собой инструмент модернизации румынского общества и роста международного престижа страны» [Programul de guvernare, 2017].

Единственная конкретно упоминаемая страна в Программе, помимо США, — это Республика Молдова (РМ). «Правительство предлагает выполнение следующих задач...: продолжение мер по твёрдой и последовательной поддержке процесса европейской интеграции РМ на основе ответственного продолжения реформы в европейском духе со стороны властей в Кишинёве, продолжение проектов поддержки и присоединения РМ через Румынию к ЕС и его ценностям» [Programul de guvernare, 2017].

Каким образом Бухарест будет осуществлять «расширение вблизи Румынии пространства демократического благосостояния, безопасности и предсказуемости», не уточняется. Однако, с учётом сказанного о РМ можно предположить, что вовлечение других будет происходить аналогичным образом. В качестве других — это только Украина, не-член ЕС, граничащий на востоке. И можно забыть про некоторое пренебрежение официальным Киевом правами румын Буковины и других регионов Украины. Главное, вести Кишинёв и Киев в сторону двуглавого Брюсселя как столицы ЕС и НАТО. Отсюда видна солидарность с властями Украины в вопросах Крыма. Официальный Бухарест изначально высказывался против односторонней самоидентификации Крыма как отделяющегося от Украины, независимого и в конечном счёте присоединившегося к России. Позиция Бухареста заключается в том, что все процессы на полуострове должны решаться по согласованию с Киевом. Факт государственного переворота на Украине при этом не учитывается. А право народа Крыма на плебисцит и его результаты принижаются в связи с присутствием на полуострове российских войск. Одним словом — это уже традиционная и консолидированная позиция в целом всего Запада. Как быть тут с правом народов на самоопределение не понятно.

Румынские обозреватели и специалисты по геополитике неоднократно комментировали тему «аннексии Крыма Россией». Главное для них — это изменение баланса сил в регионе Чёрного моря. Вот один из примеров, что пишет румынская пресса: «Оккупация полуострова, который имеет исключительное стратегическое положение, как коготь в живот Чёрного моря, откуда можно угрожать побережью во всех его точках и откуда можно проецировать силу вплоть до Средиземноморья и Среднего Востока, произвела драматическое изменение баланса сил

в расширенном регионе Чёрного моря» [Gosu, Manea, 2014]. Такое ощущение, что страх сковывает их разум. С чисто формальной стороны они вроде бы и правы. Да, у Крыма блестящее стратегическое положение и т.д. Но при чём здесь Румыния? Почему они чувствуют себя угрожаемыми? Объяснить это можно только тем, что подспудно, сами того не осознавая, многие из них ощущают чрезмерность прислужнической политики официального Бухареста в отношении Вашингтона и НАТО. Что, например, противоракетная база в городке Девеселу и потоки антироссийской пропаганды, устремляющейся ежедневно на голову румынского обывателя вряд ли соответствует традиционно миролюбивым устремлениям румынского народа, который всегда жил в согласии с соседями.

И многовековое исключение из этого правила только одно — Османская империя. С её превосходством румынам пришлось смириться именно после нескольких веков войн. А освободиться от османов удалось как раз в союзе с Россией, успешно участвуя в русско-турецкой войне 1877–78 гг., когда русские и румынские войска героически штурмовали неприступную Плевну. Не будь этой совместной победы — не известно, сколько ещё лет быть Румынии во власти Порты. Может быть, и до конца XIX века, что сильно затормозило бы её социально-экономическое развитие.

А это поважнее будет потерявшегося, а может и разграбленного, румынского золотого госфонда, эвакуированного в Россию во время оккупации Бухареста немецкими войсками в Первую мировую войну. В начавшейся затем в России революции ещё и не такие «чудеса» случались. Но именно это обстоятельство, — помимо установления в Румынии власти коммунистов в 1945 г. на «советских штыках», — служит чуть ли не главным пунктом обвинения румынских историков и политологов в адрес современной России. И, разумеется, такие умонастроения специалистов благодаря СМИ нашли широкое отражение в сегодняшнем общественном сознании румын.

Результаты исследования. Изучена позиция Болгарии, Румынии и других стран Балканского полуострова, а также Восточной Европы, в отношении проблемы блокады Крыма Западом после воссоединения полуострова с Россией.

Анализ результатов. Отношение разных стран Балканского региона к проблеме блокады Крыма не столь жёстко однозначно и имеет разные грани и аспекты, в зависимости от страны.

Заключение. Сказав своё решающее слово на референдуме 16 марта 2014 г., народ Крыма и далее способен защитить свою российскость от зарубежных злопыхателей и, одновременно, протянуть руку друж-

бы зарубежным сторонникам. В последнем случае имеется в виду самый широкий спектр негосударственных международных контактов от коммерческо-экономических, научно-образовательных и вплоть до некоммерческих организаций как экологических, эсперантистских, благотворительных, правозащитных и много других в совокупности представляющих уменьшенный срез общества самой Российской Федерации.

С другой стороны, рассмотренное в исследовании отношение разных стран Балканского региона к проблеме блокады Крыма не столь жёстко однозначно и имеет разные грани и аспекты, в зависимости от страны. От более твёрдой антикрымской позиции официального Бухареста, жёстче которой только политика Польши и Прибалтики, до более гибкой, присущей православным и, в частности, славянским государствам Балканского полуострова, население которых при всех режимах относилось к России с большим уважением и симпатией.

Политики Восточно-Европейских стран имеют склонность до сих пор, спустя более четверти века после смены режимов, обвинять Россию в насильственном установлении Советской Армией власти коммунистических партий в их странах по итогам Второй мировой войны. Но особое «усердие» в этом Варшавы имеет, безусловно, некое объективное историческое обоснование: три раздела Польши в конце XVIII века. А вот официальному Бухаресту, кроме потери золотого госфонда, по крупному и предъявить нечего. Отсюда вывод об искусственно созданной антироссийской пропаганде, не имеющей серьёзного исторического обоснования. Наоборот, если Польшу Россия, совместно с Пруссией и Австро-Венгрией, трижды делила, то Румынии Россия содействовала стать независимой. Как гласит современный рекламный слоган: «Почувствуйте разницу!».

Литература

1. Коларов, Г. Избиратели в Болгарии поменяли геополитическую ориентацию страны // Noravank.am [Электронный ресурс]. URL: http://www.noravank.am/rus/issues/detail.php?ELEMENT_ID=15382 (дата обращения: 24.01.2017).
2. Петер Бахмайер: Европейские консерваторы поддерживают стремление к объединению русских в одном государстве // Regnum.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/1808830.html> (дата обращения: 31.05.2014).
3. Сегуру-Зайцев В. Румыния выбирает // Zavtra.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://old.zavtra.ru/content/view/rumyniya-vyibiraet/> (дата обращения: 09.11.2014).

4. Gaidau, I. Reacția ambadorului Klemm după criticile lui Meleșcanu: Prețuim dialogul continuu cu Guvernul, cu instituțiile și cu publicul român // Adevarul.ro [Электронный ресурс]. URL: http://adevarul.ro/news/politica/reactia-ambadorului-klemm-criticile-melescanu-pretuim-dialogul-continuu-cuguvernul-instituțiile-publicul-roman-1_588217ee5ab6550cb89ef719/index.html (дата обращения: 20.01.2017).
5. Gosu, A., Manea, O. Anexarea Crimeei schimbă balanța de putere în Marea Neagră // Revista22.ro [Электронный ресурс]. URL: <http://www.revista22.ro/anexarea-crimeei-schimba-balanta-de-putere-in-marea-neagra-51651.html> (дата обращения: 22.12.2014).
6. Petre, M. [Madalina]. Tăriceanu: România trebuie să-și reclădească profilul politic în Europa; să redevină o țară care nu primește ordine de la alții // News.ro [Электронный ресурс]. URL: <http://www.news.ro/politic-intern/tariceanu-romania-trebuie-sa-si-recladeasca-profilul-politic-in-europa-sa-redevina-o-tara-care-nu-primeste-ordine-de-la-altii-1922401916382016121416137986> (дата обращения: 16.12.2016).
7. Petre, R. [Roxana]. Jurnalistul Sabin Orcan, despre alegerile prezidențiale din Republica Moldova: Se dă un meci între Maia Sandu și Igor Dodon // Romania Libera [Электронный ресурс]. URL: <http://www.romanialibera.ro/actualitate/eveniment/jurnalistul-sabin-orcan--despre-alegerile-prezidentiale-din-republica-moldova--se-da-un-meci-intre-maia-sandu-si-igor-dodon-431585> (дата обращения: 27.10.2016).
8. Programul de guvernare // Gov.ro [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gov.ro/ro/obiective/programul-de-guvernare>. (дата обращения: 15.01.2017).

CRIMEA REUNION WITH RUSSIA AND FOREIGN POLICY OF THE BALKANS AND EASTERN EUROPE

Kolarov G. I.

Abstract. *Topicality. The situation in Crimea since the beginning of 2014 and firstly its reunification with Russia, has undoubtedly became one of the determining points in the foreign policy of the Russian Federation. Therefore, any studies on Crimea, including on the policy of some Balkan and Eastern European countries concerning the blockade of the Crimea, following its reunion with RF, are absolutely very important nowadays.*

The theoretical background. *By the end of the XX century the old post-war peace shaped by the Yalta Conference made its transition to the post-Yalta world, which necessitated a paradigm shift in the international relations. On a quarter-century the world has become unipolar and further multipolar. Russia rose again to one of leading world actors.*

Study. *The article presents the position of Bulgaria, Romania and other Balkan countries, as well as Eastern Europe, over blockade of Crimea from the West after its accession to the Russian Federation.*

Methods: on a quarter-century the world has become unipolar and further multipolar and Russia rose again to one of leading world actors.

Procedure: study, translation and comparative analysis of the available documents.

Results. *Studied the position of Bulgaria, Romania and other Balkan countries, as well as Eastern Europe, over blockade of Crimea from the West after reunification with Russia.*

Discussion. *The position of different Balkan countries towards blockade of Crimea is not so strictly equal and varies depending on the country.*

Conclusion. *The attitude of the Balkans and Eastern Europe countries towards the Crimean problem varies from a solid anti-Russian (displayed by Poland and Baltic States), to a softer but still condemning position (by official Bucharest), towards a flexible one, typical for the Orthodox, particularly, the Slavic countries of the Balkan Peninsula, that were always relating to Russia with big respect and sympathy.*

Keywords: *Crimea, Russia, Bulgaria, Romania, the Balkan Peninsula.*

References

1. Gaidau, I. Reacția ambadorului Klemm după criticile lui Meleşcanu: Prețuim dialogul continuu cu Guvernul, cu instituțiile și cu publicul român [Ambassador Klemm's reaction after criticism of Meleshcanu: We value our ongoing dialogue with the Government, public institutions and Romanian public]. In *Adevarul.ro*. Retrieved 20.01.2017 from http://adevarul.ro/news/politica/reactia-ambadorului-klemm-criticile-melescanu-pretuim-dialogul-continuu-cuguvernul-instituțiile-publicul-roman-1_588217ee5ab6550cb89ef719/index.html.
2. Gosu, A., Manea, O. Anexarea Crimeei schimbă balanța de putere în Marea Neagră [The annexation of Crimea is changing balance of power in the Black Sea]. In *Revista22.ro*. Retrieved 22.12.2014 from <http://www.revista22.ro/anexarea-crimeei-schimba-balanta-de-putere-in-marea-neagra-51651.html>.
3. Kolarov, G. Izbirateli v Bolgarii pomenjali geopoliticheskuju orientaciju strany [Voters in Bulgaria changed the geopolitical orientation of the country]. In *Noravank.am*. Retrieved 24.01.2017 from http://www.noravank.am/rus/issues/detail.php?ELEMENT_ID=15382.
4. Peter Bachmeier: Evropejskie konservatory podderzhivajut stremlenie k ob`edineniju russkikh v odno gosudarstvo [Peter Bachmeier: European Conservatives support the Russian desire for unification in one state]. In *Regnum.ru*. Retrieved 31.05.2014 from <https://regnum.ru/news/1808830.html>.

5. Petre, M. [Madalina]. Tăriceanu: România trebuie să-și reclădească profilul politic în Europa; să redevină o țară care nu primește ordine de la alții [Tariceanu: Romania must rebuild its political profile in Europe; once again become a country that does not take orders from others]. In *News.ro*. Retrieved 16.12.2016 from <http://www.news.ro/politic-intern/tariceanu-romania-trebuie-sa-si-recladeasca-profilul-politic-in-europa-sa-redevina-o-tara-care-nu-primeste-ordine-de-la-altii-1922401916382016121416137986>.
6. Petre, R. [Roxana]. Jurnalistul Sabin Orcan, despre alegerile prezidențiale din Republica Moldova: Se dă un meci între Maia Sandu și Igor Dodon [Journalist Sabin Orcan about the presidential elections in Moldova: is given a match between Maia Sandu and Igor Dodon]. In *RomaniaLibera.ro*. Retrieved 27.10.2016 from <http://www.romanalibera.ro/actualitate/eveniment/jurnalistul-sabin-orcan-despre-alegerile-prezidentiale-din-republica-moldova--se-da-un-meci-intre-maia-sandu-si-igor-dodon-431585>.
7. Programul de guvernare [Government program]. In *Gov.ro*. Retrieved 15.01.2017 from <http://www.gov.ro/ro/obiective/programul-de-guvernare>.
8. Seguru-Zaitsev, V. Rumynija vybiraet [Romania is electing]. In *Zavtra.ru*. Retrieved 09.11.2014 from <http://old.zavtra.ru/content/view/rumyniya-vyibiraet/>.

Информация об авторах

Коларов Г. И.

к.полит. наук, докторант, РУДН,
преп. Российско-Армянского (Славянского) университета, Армения

Сегуру-Зайцев В. И.

независимый политолог, Россия

G. I. Kolarov

D.Polit.Sciences, doctoral, People's Friendship University, Russia, lecturer
at the Russian-Armenian (Slavonic) University, Armenia

V. I. Seguru — Zaitsev

independent political analyst, Russia

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ КРЫМА

В. Ю. ПАРАХИНА

Аннотация. В статье исследуется международная деятельность национально-культурных объединений Крыма как акторов публичной дипломатии. Актуальность темы обусловлена необходимостью преодоления международной блокады Крыма при помощи развития диалога с населением зарубежных стран на уровне гражданского общества, одним из элементов которого является этническая самоорганизация.

В качестве теоретических оснований исследования использованы публикации российских авторов, изучающих этнополитические процессы в Республике Крым. В качестве методологии используется системный подход и анализ документов. Для определения роли национально-культурных объединений в развитии международных связей Крыма были изучены информационные ресурсы, новостные ленты сайтов правительства и национально-культурных автономий Республики Крым.

Анализ результатов исследования показал, что помимо активной деятельности на полуострове, таких как организация мероприятий, посвященных популяризации культуры, обычаев, традиций этнических групп, крымские национально-культурные объединения прилагают усилия для развития публичной дипломатии. Этому процессу способствует эффективное налаживание взаимодействия органов власти с общественными организациями, созданными по этническому признаку, проводятся официальные встречи, в ходе которых затрагиваются важные вопросы развития туризма, народной, культурной и деловой дипломатии.

В результате исследования было выявлено, что из всех национально-культурных объединений Крыма, которые развивают международные связи, особый резонанс в средствах массовой информации получила деятельность национально-культурных автономий болгар, немцев и греков. Также активную международную деятельность осуществляет Республиканское общество депортированных болгар имени братьев Стояновых и Всекрымский еврейский конгресс.

Основной вывод исследования заключается в том, что в Крыму успешно реализуется проект «Народная дипломатия». Благодаря активной деятельности национально-культурных объединений в развитии международных связей становится возможным преодоление международной блокады Крыма.

Ключевые слова: национально-культурные объединения, национально-культурная автономия, народная дипломатия, крымский референдум, Меджлис, города-побратимы.

Введение. Актуальность темы обусловлена ролью этнического фактора в современных политических процессах, происходящих в Крыму и Российской Федерации в целом. Республика Крым является национальным регионом Российской Федерации. По данным переписи, проведённой в 2014 году, на полуострове проживают представители 175 национальностей. Наиболее многочисленными являются представители трех национальностей, которые превышают численность более 200 тыс. чел.: русские (68,3 %), украинцы (15,8 %) и крымские татары (10,6 %) ⁴⁹. Остальные крымчане образуют этнические группы.

Каждая из доминирующих этнических групп обладает своей версией коллективной памяти и исторической правды, поэтому противоречия, имеющие в качестве основных экономические и политические причины, в прошлом часто приводили к росту межэтнической напряженности и острым проявлениям этнических конфликтов [Сенюшкина, 2014, с.183].

Свой вклад в достижение взаимопонимания между этносами на полуострове вносят национально-культурные объединения (далее НКО), которые за последние десятилетия заметно активизировались. Создание этнокультурных общественных объединений является одним из механизмов защиты культурных прав этнических меньшинств. На сегодняшний день НКО Крыма также активно участвуют в развитии международных связей, о чем более подробно мы рассмотрим далее в статье.

Теоретические основания исследования. В качестве теоретических оснований исследования использованы публикации российских авторов, изучающих этнополитические процессы в Республике Крым. Базовыми для понимания происходящих в Крыму процессов являются концептуальные подходы, которые изложены в работах известных российских этнополитологов В. А. Тишкова, М. Н. Губогло, В. В. Степанова,

⁴⁹ Перепись населения в Крымском федеральном округе. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/prez_surinov.pdf (дата обращения: 03.11.2016).

Л. А. Дробижевой, а также крымских авторов, таких как Т. А. Сенюшкина, А. Р. Никифоров, А. В. Мальгин, Н. В. Киселёва, А. С. Филатов и др.

Исследование: основная часть

Методология исследования. Методологической основой исследования является системный подход и анализ документов. При помощи системного подхода мы рассмотрели деятельность национально-культурных объединений как элемент системы международных связей Крыма в условиях его изоляции мировым сообществом.

Процедура исследования. Для определения роли национально-культурных объединений Крыма в развитии международных связей на уровне гражданского общества были изучены информационные ресурсы Крыма, новостные ленты сайтов Правительства и национально-культурных автономий Республики Крым. На основе анализа полученных результатов были сделаны выводы.

Результаты исследования. Важным фактором достижения межнационального согласия в Республике Крым является диалог культур, которому способствует этническая самоорганизация. Это связано с тем, что в межэтнических отношениях на полуострове важную роль играют национально-культурные объединения. Помимо активной деятельности внутри крымского многоэтнического сообщества (организация мероприятий, посвященных популяризации культуры, обычаев, традиций этнических групп), крымские национально-культурные объединения прилагают усилия для развития народной дипломатии. Как показал обзор информационных ресурсов, в Крыму наблюдается эффективное налаживание взаимодействия органов власти с общественностью, проводятся официальные встречи, в ходе которых затрагиваются важные вопросы относительно развития туризма, народной, культурной и деловой дипломатии.

Новое качество в функционировании НКО связано с воссоединением Крыма с Россией по результатам референдума, который состоялся 16 марта 2014 г., когда крымчане сделали свой коллективный выбор. Такое относительно безболезненное возвращение на Родину было связано также и с тем, что численное преобладание русского населения, а также историческая память определяли направление вектора на интеграцию с Россией. После возвращения полуострова в Российскую Федерацию у этнических групп, проживающих в Крыму, появилось больше шансов в реализации гарантий культурной самобытности и свободы этнокультурного самовыражения. Однако появился ряд экономических проблем, в связи с тем, что события, связанные с возвращением Республики Крым в состав Российской Федерации в мире были рассмотрены

не как волеизъявление граждан Республики Крым, а как сепаратизм. На момент 25 марта 2014 года законность референдума была признана всего лишь 25 странами, такими как: Россия, Босния и Герцеговина, Казахстан, Армения, Венесуэла, Северная Корея, Сирия, Киргизия, Белоруссия, Афганистан, Аргентина, Вьетнам, Гана, Монголия, Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Приднестровская Молдавская Республика, Уганда, Каталония (Испания). В итоге на Западе было объявлено об угрозе гражданского мира и территориальной целостности Украины со стороны Российской Федерации. В результате чего с середины марта 2014 года некоторыми странами начали вводиться пакеты санкций против России и Крыма как ее субъекта, в частности, такими как: США, Канада, Австрия, Албания, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Лихтенштейн, Люксембург, Мальта, Молдавия, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, Словения, Украина, Финляндия, Франция, Хорватия, Черногория, Чехия, Швейцария, Швеция, Эстония, Австралия, Новая Зеландия, Япония [GEO — Электронная энциклопедия, 2015].

Ограничительные меры со стороны вышеперечисленных стран отрицательно сказались на экономике республики. По данным Министерства экономики Республики Крым, в данных условиях введения запрета на импорт в страны ЕС предприятия имеют возможность переориентироваться на поставку собственной продукции на внутреннее потребление, а также на рынки Ближнего Востока и Китая, Индии, Турции, Азербайджана и т.д., где продукция крымских производителей является востребованной⁵⁰.

Важным событием для экономики полуострова стало введение режима свободной экономической зоны (СЭЗ) с 1 января 2015 года сроком на 25 лет, с возможным продлением. СЭЗ предусматривает особый режим для предпринимателей и применяет процедуру «свободной таможенной зоны».

В этой связи Георгий Мурадов, Заместитель Председателя Совета министров Республики Крым, Постоянный Представитель Республики Крым при Президенте РФ заявил, что невзирая на санкции представители и Запада, и Востока проявляют экономический интерес к курортам полуострова.

⁵⁰ Сотрудничество предприятий Республики Крым со странами Европейского Союза. Министерство экономического развития Республики Крым. [Электронный ресурс]. URL: <http://minek.rk.gov.ru/rus/index.htm/news/284223.htm> (дата обращения: 11.11.16).

По мнению крымских экспертов, создание эффективных бизнес-проектов и соответственно, новых рабочих мест, позволит решить инфраструктурные проблемы и минимизировать тенденцию представлять экономические вопросы в форме межэтнических противоречий [Гроссфельд, Киселёва, Филатов, Харабуга, 2015, с. 28].

Так как для достижения данных целей необходимо создавать и поддерживать реальное международное сотрудничество, в республике стала активно использоваться народная дипломатия. Эффективным способом реализации народной дипломатии явилось установление связей этнических групп Крыма с диаспорами и титульными нациями, проживающими за рубежом, что имеет, на наш взгляд, долгосрочную перспективу.

Важным компонентом публичной дипломатии является развитие международных связей между городами-побратимами. Статус городов-побратимов позволяет укрепить экономические и культурные связи с зарубежными странами. Таким образом, закладывается качественный уровень межрегионального и международного сотрудничества.

Сотрудничество городов-побратимов заключается в экономической, социальной, культурной, образовательной, а также спортивной сфере. Города-побратимы также вправе обратиться за поддержкой совместных начинаний в международные организации.

Таким образом, города-побратимы способствуют установлению связей крымчан с населением зарубежных стран, что является еще одним результативным способом преодоления международной блокады Крыма.

Одним из сложных этапов в новейшей истории полуострова является интеграция в российское экономическое, политическое и правовое пространство. Так важным фактором в процессе интеграции полуострова в Российское правовое поле в контексте национальной и культурной политики стала организация взаимодействия этнических элит с органами власти в ходе реализации государственной культурной и национальной политики. Благодаря активной деятельности правоохранительных органов, власти и национально-культурных объединений Крыма этническая напряженность снизилась.

Для этого были предприняты ряд мер, важную роль сыграл указ Президента РФ Владимира Владимировича Путина «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития», что помогло не только восстановить историческую справедливость, но также и повысить уровень доверия к власти. Также

в организации работы структур государственного управления важную роль заняла эффективная схема шефства российских субъектов над крымскими городами и районами, разработанная Правительством Российской Федерации. Данная политика способствовала активному включению этнических элит в процесс интеграции, что было очень важным, так как представители этнических элит оказывали важное идейное и организующее влияние на представителей своих этносов.

Однако проблемы, связанные с межэтнической напряженностью, все-таки проявились, так 2014 год был тяжелым для Крыма из-за попыток дестабилизации общественной ситуации посредством разных провоцирующих заявлений, к примеру, о «нарушении избирательных прав крымских татар на выборах, состоявшихся в сентябре 2014 г.», что не соответствует действительности. Так на выборах 2014 года в Крыму 126 чел., представляющих крымских татар, стали депутатами, что подтверждает отсутствие дискриминации в отношении крымских татар.

Заявления о дискриминации крымских татар вызвали значительный резонанс в крымском обществе, так в октябре 2015 года появилось обращение Общественной палаты Российской Федерации к генпрокурору России Юрию Чайке с просьбой проверить на предмет экстремизма крымско-татарский меджлис. В связи с этим заместитель председателя комиссии по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений Общественной Палаты РФ Максим Григорьев подчеркивал: «В ходе встреч с жителями Республики Крым нам неоднократно передавали жалобы на экстремистскую деятельность «меджлиса» <...> С 20 сентября «меджлис» вместе с запрещенным в России вооруженным формированием «Правый сектор» организуют нападения на грузовой транспорт, перевозящий товары в Крым. Пострадавшие свидетельствуют, что часть из них после незаконных поборов все-таки пропускается в Крым, что позволяет квалифицировать данную деятельность «меджлиса» как рэкет» [Цит. по: Гросфельд, Киселёва, Филатов, Харабуга, 2015, с. 23]. В обращении было замечено, что действия «меджлиса» направлены на запугивание крымских татар с целью их отказа в государственной службе. Однако позже крымскими властями было замечено, что, несмотря на провокации, большинство крымских татар в республике хотят мира вопреки интересам «меджлиса». Однако стоит отметить, что 29 сентября 2016 года Верховный суд России признал решение о запрете деятельности и признании экстремистской общественной организации «Меджлис крымско-татарского народа», при этом отклонив жалобу представителей организации.

Таким образом, вопрос стабильности в межэтнических отношениях играет особо важную роль для Крыма. В связи с этим национально-куль-

турными объединениями совместно с органами государственной власти, предпринимаются меры для урегулирования конфликтов в межэтнических отношениях. К примеру, в этнической, национальной и культурной политике в Крыму налажено сотрудничество Государственного комитета Крыма по делам межнациональных отношений и депортированных граждан и национально-культурных объединений. Данный Комитет является ответственным за правовое регулирование вопросов формирования и развития государственных и других языков и культур в Республике Крым, сохранения и развития национальной самобытности народов, проживающих на полуострове. В Крыму государственными являются три языка — русский, украинский и крымско-татарский. Проводятся мероприятия, посвященные развитию эффективного сотрудничества органов государственной власти и местного самоуправления с общественными организациями, созданными по этническому признаку, что способствует укреплению межэтнических отношений и сохранению межнационального согласия. По проектам НКО организовываются мероприятия, посвященные популяризации культуры, обычаев, традиций этнических групп, при поддержке государства проводятся конференции и круглые столы. Деятельность местных НКО направлена в первую очередь на сохранение культуры и обычаев. Налаженное функционирование НКО и их взаимодействие обеспечивают межнациональное спокойствие на полуострове.

В Республике Крым наблюдается взаимодействие государства и гражданского общества. В качестве примера можно привести встречу Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина 17 августа 2015 года с представителями национально-культурных общественных объединений Крыма. В.В. Путин, открывая встречу, заметил: «Крым, по сути, — это отражение многонациональной России. И здесь, как и по всей нашей стране, надо уделять самое пристальное, постоянное внимание укреплению мира и согласия, соединяя усилия государства и гражданского общества. Потому встречу с вами, представителями национальных общественных объединений, считаю очень важной и значимой»⁵¹.

В ходе данной встречи были подняты важные вопросы относительно развития туризма, народной, культурной и деловой дипломатии. Председатель болгарской национально-культурной автономии Крыма Иван

⁵¹ Встреча с представителями национальных общественных объединений Крыма. Официальные сетевые ресурсы Президента России [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50140>

Абазер отметил, что важно использовать опыт, накопленный за предыдущие годы, для того, чтобы через народно-культурную дипломатию реализовалась возможность выходить за пределы границ Российской Федерации и рассказывать о Крыме. Также им было замечено, что после вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации международное направление стало наиболее актуальным для НКО Крыма, так как в культурно-национальном контексте данные организации достаточно налаженно функционируют в крымском социально-культурном пространстве.

Национально-культурные объединения осуществляют взаимодействие со средствами массовой информации за пределами Крыма. Такие меры способствуют объективному освещению ситуации в Крыму. К примеру, один из выпусков болгарского журнала A-SPECTO посвятил выпуск Крыму в целом, в журнале было заявлено о том, что Республика Крым показала всему миру пример настоящей демократии.

Председатель региональной национально-культурной автономии немцев Республики Крым, в ходе встречи с представителями национальных общественных объединений Крыма с президентом Владимиром Владимировичем Путиным, заметил, что в Крыму существует проект «Народная дипломатия». Так в прошлом году на полуостров были приглашены две группы граждан Германии, среди которых были и журналисты. После того как им провели экскурсии по Крыму, организовали встречи с представителями Государственного комитета Крыма по делам межнациональных отношений и депортированных граждан, где были рассмотрены многие вопросы, интересующие делегацию. По отбытию немцами было замечено, что по их субъективному мнению, 80 процентов граждан Германии поддерживают крымский выбор и политику Российской Федерации. В подтверждение они прислали журнал с публикациями на данную тему⁵².

Стоит отметить особую роль национально-культурных автономий Крыма в развитии международных связей. На данный момент в Крыму зарегистрировано 13 республиканских национально-культурных автономий: азербайджанская, армянская, белорусская, болгарская, немецкая, национально-культурные автономии греков, евреев, крымских караимов, крымчаков, крымских татар, татар, молдаван, осетин, эстонцев Республики Крым⁵³. Из всех национально-культурных объединений

⁵² Там же.

⁵³ Региональные национально-культурные автономии Республики Крым. Правительство Республики Крым. [Электронный ресурс]. URL: <http://gkmn.rk.gov.ru/rus/info.php?id=616539> (дата обращения: 11.11.16).

Крыма, которые развивают международные связи, особый резонанс в СМИ получила деятельность национально-культурных автономий болгар, немцев и греков.

Активную международную деятельность осуществляет Республиканское общество депортированных болгар им. братьев Стояновых и Крымский еврейский конгресс, который в 2014 году инициировал проведение международной конференции «Крым в современном международном контексте: новая роль общественной дипломатии в налаживании международного сотрудничества стран Черноморского бассейна», организаторами которой выступили государственное автономное учреждение «Деловой и культурный центр Республики Крым» и «Черноморская ассоциация международного сотрудничества». Главной целью мероприятия было показать мировому сообществу российский Крым, укрепив его позиции в информационном и экономическом пространстве. Участниками были рассмотрены вопросы развития народной дипломатии, укрепления связей городов-побратимов Республики Крым с другими странами, а также поиска новых путей в международном продвижении Крыма.

В Крыму успешно реализуется проект «Народная дипломатия», который способствует достижению взаимопонимания между народами и укреплению образа Крыма как территории мира и согласия. Данный проект активно развивается на уровне гражданского общества, способствуя развитию горизонтальных связей. Так только в 2016 году Крым уже посетили более 60 зарубежных делегаций. В ходе встреч было замечено, что представители делегаций в Крыму присутствовали не только как гости, а также налаживали связи с национально-культурными объединениями полуострова. В частности, на полуостров были приглашены граждане Германии, Японии, США, Австрии, Болгарии, Турции, Иордании и Греции, в составе которых были парламентарии, бизнесмены и журналисты. После того как им провели экскурсии по Крыму, были организованы встречи с представителями органов государственной власти и местного самоуправления, где были рассмотрены многие вопросы, интересующие зарубежных гостей.

Анализ результатов. Проанализировав информационные ресурсы Крыма, в которых освещалась международная деятельность национально-культурных объединений Крыма, мы пришли к выводу, что общественные организации, созданные по этническому признаку, успешно реализуют функции публичной дипломатии, не только поддерживая межнациональное согласие в регионе, но и налаживая экономические и культурные связи с мировым сообществом.

Национально-культурные объединения формируют специфическую среду, в которой происходит взаимодействие с зарубежными средствами массовой информации, прием иностранных делегаций, проведение международных форумов, акций, культурных мероприятий, что способствует объективному освещению ситуации в Крыму и в перспективе будет формировать благоприятные условия для развития экономической и информационной сферы Крыма.

Заключение. Учитывая все вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что благосостояние крымского общества зависит от сложившейся экономической, культурной и социальной ситуации на полуострове. Национально-культурные объединения Крыма, в свою очередь влияют не только на успешное формирование внутренней благоприятной этнической среды, но также выступают инициаторами народной дипломатии. Таким образом, народная дипломатия в Крыму является реальным способом достижения международного сотрудничества. Благодаря активной деятельности национально-культурных объединений в развитии международных связей, становится возможным преодоление международной блокады Крыма. Сложившаяся ситуация на полуострове, несмотря на международную изоляцию, не является критической в экономическом, социальном, культурном и любом другом плане, однако формирование положительного образа Крыма в мировом информационном пространстве должно послужить толчком к уменьшению напряженности в отношениях мирового сообщества и Российской Федерации с включенной в ее состав Республикой Крым.

Литература

1. Гросфельд Е. В. Социально-экономические процессы и общественное восприятие блокады Крыма Е. В. Гросфельд, Н. В. Киселёва, А. С. Филатов, В. В. Харабуга // Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крымском федеральном округе. Экспертный доклад 2015 года. — Москва-Симферополь: ООО «Антиква». 2015. С. 23–28.
2. Сенюшкина Т. А. Информационная поддержка принятия управленческих решений в условиях этнополитической конфликтности в Крыму // Политическая экспертиза: ПОЛИТЕКС. Научный журнал. Т. 10. № 2. 2014. С. 185–198.
3. Какие страны ввели санкции против России в 2014–2015 гг.? GEO — Электронная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: http://geo.koltyrin.ru/kakie_strany.php?v=%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B2%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 11.11.16).

INTERNATIONAL RELATIONS NATIONAL-CULTURAL ASSOCIATIONS OF THE CRIMEA

Valeriya Parakhina

Abstract. *The article examines the international activities of national-cultural associations of Crimea as actors of public diplomacy. The urgency is due to the need to overcome the international blockade of the Crimea with the development of dialogue with the population of foreign countries on the level of civil society, one element of which is ethnic self-organization.*

As a theoretical basis of the study used the publications of Russian authors studying ethnopolitical processes in the Republic of Crimea. As a methodology using a systematic approach and document analysis. To determine the role of national-cultural associations in the development of international relations of the Crimea were studied, information resources, news, government sites and national-cultural autonomies of the Republic of Crimea.

Analysis of the results of the study showed that in addition to the active activities on the Peninsula, such as the organization of events dedicated to the promotion of culture, customs, traditions, ethnic groups, Crimean national-cultural associations are making efforts for the development of public diplomacy. This process contributes to effective cooperation between authorities and public organizations established on ethnic grounds, to conduct a formal meeting, which includes the important issues of tourism development, folk, cultural and business diplomacy.

In the result of the study revealed that of all national-cultural associations of Crimea, who are developing international connections, a special resonance in the media for the activities of national-cultural autonomies of the Bulgarians, Germans and Greeks. Also an active international activity of the Republican society of the deported Bulgarians brothers'ev stoyanovykh and all-Crimean Jewish Congress.

The main conclusion of the study lies in the fact that in the Crimea, successfully implemented the project "public diplomacy". Due to the activities of national-cultural associations in the development of international relations becomes possible to overcome the international blockade of the Crimea.

Keywords: *national-cultural associations, national-cultural autonomy, public diplomacy, the Crimean referendum, Majlis, twin cities.*

References

1. Grosfel'd E. V., Kiseljova N.V., Filatov A.S., Harabuga V.V., Tishkov V.A., Stepanov V.V. (2015). Social'no-jekonomicheskie processy i obshhestvennoe vospriyatие blokady Kryma [Socio-economic processes and the public perception of the blockade of the Crimea]. *Mezhjetnicheskie otnoshenija i religioznaja situacija v*

- Krymskom federal'nom okruge. Jekspertnyj doklad 2015 goda [Interethnic relations and religious situation in the Crimean Federal District. expert report of 2015]. 23–28.*
2. Senyushkina, T.A. (2014). Informacionnaja podderzhka prinjatija upravlencheskih reshenij v uslovijah jetnopoliticheskoj konfliktnosti v Krymu [Information support management decision-making in terms of ethno-political conflict in the Crimea]. *Politicheskaja jekspertiza: POLITEKS. Nauchnyj zhurnal [Political expert: Polytex. Science Magazine]*, 2 (10), 185–198.
 3. Kakie strany vveli sankcii protiv Rossii v 2014–2015 gg.? [Which countries have imposed sanctions against Russia in 2014–2015?]. GEO — Jelektronnaja jenciklopedija. [Jelektronnyj resurs]. Retrieved from http://geo.koltyrin.ru/kakie_strany.php?v=%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B2%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (data obrashhenija: 11.11.16).

Информация об авторе

Парахина Валерия Юрьевна,

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,

Таврическая, академия, философский факультет, студентка.

Российская Федерация

E-mail: leriya.parahina@yandex.ru

Valeriya Parakhina

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy, department of philosophy, Student, Russian Federation, E-mail: leriya.parahina@yandex.ru

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В КАЧЕСТВЕ ЕДИНСТВЕННОГО РАЗРЕШЕНИЯ КРИЗИСА В КРЫМУ

В. РАШКОВИЧ-ТАЛОВИЧ

Аннотация. *Актуальность. Тема, которую мы обсудим, является очень актуальной как с социальной, так и с научной точки зрения. Диалог и толерантность являются двумя основными ценностями, которые всегда должны присутствовать в политическом диалоге. Сегодня, к сожалению, эти ценности часто подавлены в международных отношениях во имя неоимперской практики, согласно которой, сила является часто используемым средством. К тому же, публичная дипломатия должна быть использована как один из наиболее важных инструментов для достижения целей внешней политики.*

Теме, которую мы обсудим в нашей работе, не уделяется должное внимание, и мы хотим показать все преимущества использования публичной дипломатии в качестве средства для достижения целей во внешней политике государства.

Теоретические основания исследования. *Современное общество с собой несет головокружительные перемены, ежедневно меняющие его структуру и динамику. Наша жизнь происходит во время, когда процесс глобализации меняет общество таким образом, что это невозможно полностью предсказать и объяснить. К сожалению, преобладает неоимперская концепция глобализации, которая подразумевает использование силы, оправдывая ее достижением определенных целей. Потенциал публичной дипломатии как средства «мягкой силы» не используется в полной мере.*

Исследование: основная часть. *Методология: в работе рассматривается проблема публичной дипломатии и международных отношений, используя критический анализ неореализма и неолиберализма как двух наиболее влиятельных подходов в теории международных отношений. Методы исследования: анализ текста, сравнительный анализ.*

Процедура исследования. В нашей статье применена концепция «мягкой силы» для анализа внешней политики США и Российской Феде-

рации, проведён сравнительный анализ строения и методов традиционной дипломатии и публичной дипломатии.

Результаты исследования: *все меньше и меньше используется диалог, как наиболее важная предпосылка публичной дипломатии во внешней политике. Политика двойных стандартов сделала из международного права полевые демонстрации силы, в которых сила заменила диалог. Диалога нет и не может быть там, где мерой истины является сила.*

Анализ результатов. *Крым является лишь одним из примеров воплощения этого явления. Политика двойных стандартов привела к непризнанию права на самоопределение Крыма и Севастополя, что позже привело к введению санкций против России. Введение односторонних решений, постоянно оказывая давление, не является способом преодоления кризиса в Крыму. Автор хотел бы подчеркнуть важность государственной политики. Эпоха однополярного мира закончилась, и все, в том числе — США, должны понимать это.*

Заключение. *В Украине переплетены интересы великих держав, а основной движущей силой кризиса являются США и НАТО. Основным препятствием для публичной дипломатии является тот факт, что в международных отношениях диалог часто заменяется проявлением силы. Порядок будет обеспечен также реалистичной концепцией баланса сил между государствами, но и либеральной концепцией международных институтов, однако это не всегда будет основываться на принципах справедливости.*

Ключевые слова: *публичная дипломатия, международный порядок, Россия, Запад, Крым.*

Введение. *Актуальность темы. Анализируя кризис на Украине, развивающийся по кровавому сценарию великих сил, нужно отметить, что он привел не только к открытому столкновению между властью и оппозицией, но и к дестабилизации региона. Цивилизационный парадокс очевиден: под предложением присоединиться к «семье европейских народов», Запад и США опустошили одно государство только для того, чтобы реализовать свой план подчинения, глобального уничтожения и гегемонии, под ложным видом борьбы за европейские ценности. Внимательно следя за хронологией событий, можно заметить решимость России ответить, используя все законные средства, на политику шантажа и угроз со стороны сильных мира всего, защищая таким образом достоинство собственного народа, его язык, традицию и обычаи, и дать надежду другим правдолюбивым народам и государствам на свободу и достоинство, которые перед историей и будущим не имеют цену.*

Теоретические основания исследования. *Методология.* Сфера публичной дипломатии является важным предметом изучения, особенно, если во внимание взять современные социальные процессы мира, находящегося в процессе глобализации. «Развитие информационных технологий ещё больше усилило эту борьбу, продвигая идею «быть везде и все время», что стало своего рода парадигмой глобального мирового сетевого общества» [Мијатовић Рогач, 2013, с. 143].

Публичная дипломатия является одним из инструментов «мягкой силы», который играет большую роль в политическом позиционировании государств. Похоже, что концепция «мягкой силы» — очень важное средство внешней политики, и стоит плечом к плечу с экономической и военной силой государств.

Джозеф Най-мл. в значительной степени способствовал введению термина мягкой силы, как одного из важных элементов современной теории. Термин «мягкая сила» Най впервые употребляет в своей книге 1990 г. «Bound to Lead», следуя идеям Бакрака и Бареца о втором лице силы. Еще во время полной эйфории из-за победы США и Запада в холодной войне он хотел указать на важность невоенных форм силы, которые должны занимать особое место в предстоящем периоде. Этот термин появился в других его текстах в прошлом, но свою полную ценность, как и ценность философии силы, которую он олицетворял, он приобрёл в спорах, возникших после начала войны в Ираке. Взгляд на литературу позволяет предположить, что книга Дж. Нае создана как реакция на доминирующую неконсервативную философию международных отношений того времени⁵⁴.

Процедура исследования. В нашей статье применена концепция «мягкой силы» для анализа внешней политики США и Российской Федерации, проведён сравнительный анализ строения и методов традиционной дипломатии и публичной дипломатии.

Во время как экономическую или военную силу гораздо проще определить, когда речь идет о мягкой силе, то ее механизмы более тонкие. В. Станкович-Пейнович пишет: «Мягкая сила основывается на привлекательности идей или способности расставить политические приоритеты способом, формирующим желания других, связывать с нематериальными источниками силы, такими как культура, идеология и государственные институты. В отличие от жесткой силы, имеющей большее значение в индустриализируемых и доиндустриальных частях мира, мягкая сила

⁵⁴ Ђурковић М. Русија и откривање меке моћи // Национални интерес. Београд, Институт за политичке студије, 2008. № 1–3. С. 27.

более выражена в отношениях постиндустриальных обществ в информационной эре, в которой царит демократический мир. Мягкая сила осваивает иллюзию времени. Власть, обладающая мягкой силой способна заигрывать с человеческой, якобы неспособностью жить в настоящем, то есть, может добиться того, чтобы люди жили грустя о прошлом или беспокоясь о будущем» [Станковић Пејновић, 2014, с. 124].

Таким образом, концепция мягкой силы не обладает только положительными сторонами, наоборот, мягкая сила иногда может быть гораздо более разрушительной, чем использование армии. Имея это в виду, следует отметить, что при использовании мягкой силы для достижения целей в рамках внешней политики государств, в первую очередь необходимо использовать средства, которые включают диалог и терпимости в отношениях между двумя сторонами. Публичная дипломатия это подразумевает, по мнению Л. Миятович-Рогач: «Одно из первых определений публичной дипломатии в контексте американской теоретической и стратегической парадигмы, свидетельствует о том, что это процесс коммуникации, иницилируемый и/или осуществляемый правительствами и зарубежной общественностью, в попытке обеспечить понимание своих национальных идей и идеалов, инвестиций в культуру, а также национальных целей. Публичная дипломатия направлена на улучшение отношений между народами и создание договоренностей на основе общих ценностей. Таким образом, публичная дипломатия представляет собой процесс двусторонней связи, с целью взаимного представления понятий и ценностей стран и народов, развивая взаимное доверие и понимание» [Мијатовић Рогач, 2013, с. 144]. Диалог является ключевым элементом всего процесса, но только такой диалог, каким его описывает Джуро Шушнич: «Диалог, это разговор между двумя или несколькими свободными людьми, которые хотят обменяться мнениями по важному для них вопросу, на который они дают разные ответы, чтобы, на равных условиях, прийти к ответу, удовлетворяющем обе или все стороны одновременно» [Шушњић, 2005, с. 10].

Публичная дипломатия как концепция утверждения мира в XXI в. приносит с собой большое количество новшеств, отличающихся от традиционной дипломатии. Десятилетиями назад, дипломатия, как часть парадигмы реалистов международных отношений, считалась областью, в которой роли и обязанности заинтересованных сторон четко разграничены и обусловлены международным диалогом между должностными лицами. Базовые задачи дипломатии устанавливаются, главным образом, в контексте коммуникации, которая в настоящее время сосредоточена на широкой общественности, и не только на по-

литических деятелей. На самом деле это указывает на основное различие между традиционной и общественной дипломатиями. В то время как традиционная дипломатия используется для создания отношений между суверенными государствами путем переговоров между уполномоченными представителями, а также другими международными организациями, публичная дипломатия направлена на широкие слои населения в зарубежных странах, а также некоторые неформальные группы, организации и частные лица.

Конечно, мир — это не просто отсутствие войны. «Состояние мира не должно быть простым отрицанием войны, а состоянием, в котором будет развиваться соблюдение универсальных прав и свобод человека, межнациональной и религиозной терпимости, уважение к культурному разнообразию, урегулирование споров мирными средствами, путем диалога и уважение права на разнообразие, стремление к культурному многообразию...», — пишет М. Стоядинович [Стоядинович, 2013, с. 36–37].

Успех публичной дипломатии во многом зависит от доверия, которое в международных отношениях очень трудно установить. Всегда необходимо иметь в виду, что политические действия каждой страны во многом будут наблюдаться через образ, присужден этому государству. В связи с этим, очевидна основная задача публичной дипломатии. Она заключается в создании аналитических ресурсов, продвижении диалога и создании партнерств, используя стратегии коммуникации, информирования и культурных и образовательных программ. Систематическое взаимодействие с национальными и международными аудиториями необходимо для того, чтобы выявлять и применить конкретные решения, ведущие к сотрудничеству. В таких условиях правительства должны перейти к более открытому стилю принятия решений и их реализации. Основной задачей является признание взаимозависимости успеха целей внешней политики и связи с зарубежными общественностями, а также признание того факта, что успех зависит от уровня сотрудничества⁵⁵.

Как отмечают М. Младенович и Е. Г. Пономарёва, «впервые за 60 лет существования публичной дипломатии США изменили целевую структуру образовательных программ, направленных на распространение принципов либеральной демократии. Сейчас вместо существующей элиты, армии и диссидентской интеллигенции, власть США начала обучать молодёжь, не достигшую 25 лет, и женщин. Кроме того, госдепартамент США сменил тактику внедрения своего влияния. Вместо под-

⁵⁵ Мижатовић Рогач Љ. Порука у боци: изазови стратешког концепирања јавне и културне дипломатије Србије // Култура. Београд, 2013. № 139. С. 150.

Таблица 1

Традиционная дипломатия в сравнении с публичной дипломатией

Параметр	Традиционная публичная дипломатия	Публичная дипломатия в XXI веке
состояния	конфликт, напряжения между государствами	мир
цели	изменением в поведении добиться изменений в политике целевых государств	продвижение политических и экономических интересов в создании восприимчивого окружения и положительная репутация за рубежом
стратегии	убеждение/управление общественностью	создание и обеспечение продолжительности отношений, работа с общественностью
направление коммуникации	односторонняя коммуникация	двусторонняя коммуникация (диалог)
исследование	мало информации, почти не проводилось	научные исследования с обратной информацией
суть поручения	идеологии, интересы, информации	идеи, ценность, сотрудничество
целевые аудитории (общества)	преобладающая часть общества целевого государства; отправляющий и получатель поручения	состоящая из частей, хорошо определена зарубежная общественность + местная общественность участники
каналы	традиционные СМИ (презентация)	в меньшей степени массовые, в большей степени общественные СМИ (взаимодействие)
бюджет	финансируется правительством	правительство, публичные и частные партнерства

Источники: Мијатовић Рогач Љ. Порука у боци: изазови стратешког концепирања јавне и културне дипломатије Србије // Култура. Београд, 2013. № 139. С. 146–147; Szondi G. Public Diplomacy and Nation Branding: Conceptual Similarities and Differences. Hague: Netherlands Institute of International Relations «Clingendael», 2008. P. 5–10.

держки политических режимов и армий Вашингтон начал проводить образовательные программы для альтернативных партий и некоммерческих организаций, и реформу системы образования. Это стало заметным как в процессе организации и поддержки цветных революций, так и в других акциях демократизации мира. Для этого были привлечены сильнейшие и самые влиятельные научные и политические ресурсы» [Младеновић, Пономарева, 2014, с. 191].

Ответ на вопрос, может ли публичная дипломатия привести к решению крымской проблемы, совсем непростой. Следуя таблице 1, когда речь идет о направлении коммуникации, то коммуникация между конфликтующими сторонами должна быть двусторонней, с ясно сформулированными правилами и взаимным уважением. Этого довольно сложно добиться.

Результаты исследования. В контексте публичной дипломатии внешнюю политику России можно оценить следующим образом. Конечно, не следует ожидать, что Россия должна быть пассивной в международных отношениях. Выступление В. В. Путина перед послами России 27 июня 2006 г. стало поворотным моментом в активизации России в международных отношениях. Путин подчеркнул, что Россия «пропорционально своей позиции и своими возможностями возьмёт на себя ответственность за глобальное развитие в будущем». Он указал на растущую экономическую силу России и подчеркнул необходимость согласования политического влияния России на ее возросшие экономические возможности. В преамбуле официального «Обзора по внешней политике РФ» 28 марта 2007 г. подтвердилась приверженность «сильной России, которая верит в себя» и были отмечены наиболее важные национальные приоритеты:

1. Россия не хочет столкновений ни с кем, но мы не будем частью никаких «священных союзов».
2. Диверсификация внешней политики — присутствие и активность во всех регионах мира, с более соответствующим использованием нефтегазового измерения.
3. Корректный диалог с США, но в то же время аккуратное отдаление от них, прежде всего в кризисах в Ираке, Иране и КНДР⁵⁶.

«Концепция внешней политики России», утвержденная Президентом РФ Д. А. Медведевым 12 июня 2008 г., систематически изложила взгляды государственных лидеров на современный мир, долгосроч-

⁵⁶ Живанов С. Спољна политика савремене Русије // Национални интерес. Београд, Институт за политичке студије, 2009. № 1–2. С. 45.

ные цели и ближайшие задачи внешней политики России. Это объясняет переходный характер современных международных отношений и указывает основное направление их дальнейшего развития от противостояния блоков до глобальной конкуренции между различными ценностными направлениями и моделями развития, в рамках универсальных принципов демократии и рыночной экономики. Кризис, в котором находится мир, указывает на необходимость совместного поиска решений всех сторон и всех государственных деятелей⁵⁷. Это и есть направление, которое России удалось сохранить благодаря повторному приходу В. В. Путина к государственной власти.

На основе анализа внешней политики России и заявлений Президента В. В. Путина можно сделать вывод о том, что РФ стремится к многосторонней дипломатии. «Россия пытается не только присутствовать в решении глобальных проблем, но и внести реальный вклад в их решение... Путин предлагает «коллективное руководство ведущих государств» с использованием новой этики общения между государствами-нациями», — резонно считает С. Живанов [Живанов, 2009, с. 46].

Для того, чтобы найти решение проблемы, прежде всего, необходимо найти причину ее возникновения. Это, однако, непросто, учитывая, что она зачастую ловко скрывается за демократизацией и защитой прав человека. М. Младенович и Е. Г. Пономарёва отмечают: «Мир вышел в открытое море «контролируемого хаоса», что в большей степени вызвано монопольным правом распоряжаться судьбами целых государств и народов. Несмотря на разрушительные последствия таковой политики, многие западные теоретики делали научные фундаменты неизбежности гегемонии. Модель Однополярного доминирования, разработанная школой политического реализма, базируется на концепции равновесия сил, а также на теории «гегемонистской стабильности»). Основная позиция такой модели — это тезис о полном доминировании Соединенных Штатов и их союзников над своими латентными врагами, со всеми составляющими силы — экономической, военной, технологической; как в количественном, так и в качественном смысле» [Младенович, Пономарёва, 2014, с. 187].

Многие считают события в Украине новым началом или продолжением холодной войны. Крымский кризис начался в конце февраля 2014 г. как продолжение Украинской революции, во время которой происходили ожесточенные столкновения между полицией и протестующими в Киеве. Конечным результатом стало смена президента Виктора Януковича. Сам акт его увольнения столкнулся с двойной реакцией.

⁵⁷ Исто. С. 47.

С одной стороны, западные страны во главе с США, приветствовали это как смену коррумпированного и авторитарного режима, в то время как Россия смотрела на это как на государственный переворот и свержение законно избранного президента. На референдуме о статусе Автономной Республики Крым и города Севастополя, состоявшемся 16 марта 2014 г., больше чем 90% граждан проголосовали за воссоединение к России⁵⁸. Такое развитие событий привело к дальнейшему охлаждению отношений между Западом и Россией, что имело более широкие последствия и привело к тому, что Соединенные Штаты и Европейский Союз ввели экономические санкции против России.

В результате референдумов в Донецкой и Луганской областях официально подтвердилось, что марионеточное правительство, захватившее власть в итоге переворота в Киеве, не признают ни местные этнические украинцы, ни этнические русские. Жители этих двух восточных регионов Украины проголосовали за прекращение политических отношений с Киевом, в то время как большая явка и результат референдумов четко отразили волю народа и бесспорно подтвердили, что все этнические группы отвергают незаконно созданное в Киеве правительство.

В качестве предположения, что может быть лучшим поводом для анализа Украинского кризиса и определения его размаха в мировом масштабе, чем данные референдума? За отделение от Киева проголосовали 96,2% населения в Луганске и 89,7% жителей Донецка⁵⁹. Большинство избирателей являются этническими украинцами (в Луганской области они составляли по материалам переписи 2001 г. 58%, а в Донецкой — 56,9%)⁶⁰. В этом заключается важность референдумов, поскольку они бесспорно подтверждают, что все этнические группы — весь народ Донбасса отказался от власти путчистов.

«Крымская весна» является не только естественной реакцией на уничтожение Украины, методом перераспределения ресурсов и сфер влияния. Здесь предоставлен новый импульс евразийской интеграции и символ перемен сегодняшнего мира. По словам М. Младеновича и Е. Г. Пономарёвой, «как метафорически подчеркивает российский

⁵⁸ Стојадиновић М., Рашковић-Таловић В. Изазови развоја демократије у савременом друштву: политичко насиље и теорија (не)праведног рата // Српска политичка мисао. Београд, Институт за политичке студије, 2016. № 1. С. 59.

⁵⁹ Бедрицкий А. В., Бышок С. О., Кочетков А. В. Демократия под огнём. Выборы в народных республиках Донбасса. М.: Книжный мир, 2014. С. 199, 220.

⁶⁰ Всеукраинская перепись населения 2001 года. [Электронный ресурс]: URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/donetsk/lugansk/> (дата обращения: 13.01.2017).

историк А. И. Фурсов, события вокруг Украины характеризуется сдачей должности создателя исторической карты; с этого момента её будут создавать не только в Вашингтоне и Брюсселе, но и во многих других центрах мира, в том числе — в Москве и Симферополе. «Крымская весна» положила начало конца однополярного мира» [Младеновић, Пономарева, 2014, с. 187].

Исходя из этого, необходимо указать на факты, способствующие тому, чтобы Украина стала горячей точкой на планете. Так же, как мировые центры силы, осуществляющие свои геополитические цели на Балканах, способствовали распаду Югославии, так и сейчас, эти же центры силы (США, ЕС), пытаются отвлечь внимание и маргинализировать свое участие в грязной войне чистой агрессией в СМИ, а также перевернуть внимание на Россию. На Россию, которая в докризисном периоде значительными экономическими уступками (выкуп государственных акций, освобождение от части долга за газ, сниженная цена на газ) сделала попытку в значительной мере ослабить очень напряженную экономическую ситуацию на Украине. Е. Г. Пономарёва подчёркивает: «События, на сегодняшний момент происходящие на Украине под прямым влиянием США, НАТО и ЕС, очень похожи на brutальный сценарий, через который сербский народ уже прошёл. «Удар» (именно так называется партия одного из главных инициаторов протеста — В. Кличко) по собственным государственным институтам Украины, вызвавший дестабилизацию большого государства, по сути, является ударом по России. Методы и средства, с помощью которых осуществляется «включение в семью европейских народов», не первый раз подтверждают, что Запад готов на любое решение, включая даже зверства, только для того, чтобы реализовать свой план подчинения государств, план глобального разрушения и гегемонии» [Пономарёва, 2014].

Всё громче звучат и осуждения со стороны зрелых и выдающихся западных политиков. Они открыто выступают против западных усилий интернационализировать украинский кризис. Бывший госсекретарь США Генри Киссинджер пошел еще дальше и посоветовал Вашингтону и ЕС в первую очередь помочь конфликтующим сторонам решить кризис, и только потом обсуждать отношения между Украиной и Россией. Киссинджер предупредил Запад, что попытки демонизировать Путина не являются олицетворением политики. Они являются фактом ее отсутствия. («Разве Путин, который потратил 50 млрд долларов на Олимпиаду в Сочи, с намерением представить Россию как прогрессивное государство, всего три дня после этого нападает на Украину? Нет, это маловероятно. Путин был вынужден реагировать, потому что события вышли из-под контроля»).

«Кризис спровоцировали Соединенные Штаты и Запад», — сказал бывший президент Чехии Вацлав Клаус, предупреждая мировую общественность, что Украина должна принимать решения о своем будущем без постороннего вмешательства. Бывший канцлер Германии Герхард Шредер заявил, что ЕС является главным виновником кризиса в Украине, поскольку Киев был вынужден выбирать между своим будущим вместе с Европейским Союзом или с Россией. ЕС проигнорировал тот факт, что сама Украина — глубоко разделенная страна. Население на юге и востоке страны обращены к России, в то время как западная часть страны смотрит в сторону ЕС. «Проведение такой практики в Украине подтверждает, что нацистские идеи на самом деле сбываются с использованием варварских средств. Русский философ А. С. Панарин, анализируя интересы, стоящие за подрывной стратегией формирования однополярного мира, предупреждал, что «пробуждая монстра национализма» (А. Михник), «неолиберализм не только совершил предательство Просвещения, отдав предпочтение инстинктам по отношению к здравому смыслу, но он его еще и предал, поощряя этно-сепаратизм». «Присоединение Крыма теперь реальность. Крым решает на референдуме, что он хочет стать регионом России. И это воплотилось в жизнь», — сказал Г. Шрёдер [Младеновић, Пономарева, 2014, с. 192].

Украинское общество разделено. Это разделение усиливается со стороны США, которая пытается капитализировать свою пользу. Вашингтон управляет украинским кризисом, отметил министр иностранных дел России С. В. Лавров и, как аргумент, высказал мнение, что Киев начал наступление на востоке страны именно во время визита американского вице-президента Байдена. «Показательно, что они выбрали именно тот момент, когда вице-президент находился в гостях, для объявления продолжения операции, которая впервые началась, после того, как глава ЦРУ — Бреннан, прибыл в Киев», — отметил по этому поводу Лавров.

У Путина не было никакого плана спровоцировать кризис. Он был вынужден реагировать на события. Однако, мир вполне серьезно принял предупреждение, что Россия готова «дать отпор», если она подвергнется нападению, или если будут поставлены под угрозу ее интересы и интересы ее народа. «Я не вижу никакого другого выхода, кроме как действовать в соответствии с международным правом. Нападение на российских жителей — это нападение на Российскую Федерацию. Россия не допустит наступательную мощь Украины на пророссийских повстанцев на востоке Украины и ее армия готова на вторжение в Украину в любой момент», — сказал министр иностранных дел России.

Заверяя нас каждый день в этом, Россия подготовила многослойные ответы на все вопросы, стоящие перед ней:

- правительство в Киеве не признается;
- дано убежище Януковичу;
- выдвинуто требование на восстановление статуса русского языка, как второго государственного языка;
- выдвинуты требования военного нейтралитета Украины, гарантированного международным сообществом;
- выдвинуты требования к федерализации страны;
- дана поддержка экономическому росту Юго-Востока Украины в качестве положительного примера для всей страны;

Выдвинуты требования, ищущие ответов. Кризис на Украине получает планетарное эхо. Требуется высказывание в соответствие с международным правом. Отношения и позиции других, по поводу событий на Украине, можно разделить на две группы. Одни уважают правила международного сообщества, пока другие, по своим старым обычаям развивают уже существующую систему двойных стандартов. США и ЕС не понимают, что это время прошло. Такие политические действия имели результатов в случаях, когда давление оказывалось на слабые в военном смысле государства. Теперь, когда у них есть достойный или более сильный противник, они довольны и вербальными угрозами. Этот страх подкреплён фактом, что русские больше не сдерживаются применять силу с целью сохранения интересов своего народа и стратегических интересов своей Родины. В. Станкович-Пейнович указывает: «Всё более очевидно исчезновение традиционной формы представительской демократии и вовлечение в приверженность к положительным глобальным моральным целям, через фразу необходимости строения Нового мирового порядка для того, чтобы построить более безопасное, более продвинутое и солидарное общество. Либеральная Идеология установлена таким образом, что она способна заставить людей связываться с вражескими сторонами во имя свободы собраний, таким же способом, как это делали во имя свободы слова, заставляя людей слушать» [Станковић Пејновић, 2014, с. 111].

По мнению Н. Хомского и М. Стоядиновича, документ, который мы должны прочитать, если мы хотим понять роль США в новом мировом порядке, — это «Доклад о руководящих политических принципах №23» (ППС 23), составленный в 1948 г. Джорджем Кеннаном (главой стратегической команды госдепартамента до 1950 г.), в котором Кеннан говорит: «У нас около 50 % мирового богатства, но только 6,3 % населения пла-

неты... В этой ситуации мы не можем избежать зависти и презрения окружающих. Нашей самой важной задачей в предстоящий период является разработка форм отношений, которые позволят нам сохранить эту позицию непропорциональности... Для того, чтобы добиться этого, нам нужно избавиться от всех видов сентиментальности и мечтательности, и все внимание сосредоточить на конкретные цели Америки... Мы должны прекратить обсуждать туманные и невыполненные цели, такие, как права человека, повышение уровня жизни и демократизацию. Скоро нам придется напрямую выступать с позиции силы. Поэтому, если такие идеалистические лозунги нас будут меньше беспокоить, тем лучше» [Стојадиновић, 2014, с. 74–75].

З. Бжезинский был, конечно, прав, когда говорил, что «гегемония существует столько же, сколько и сам мир» [Бжежински, 2001]. По словам З. Бжезинского, мировое правительство будет корпоративистским, в то время как демократия представляет собой лишь сценарий, в котором «масса», то есть «народ» думает, что имеет контроль. Это создает иной мировой порядок с корпоративистским мировым правительством и формированием оруэлловского образа жизни, с переходом человека в новое состояние сознания» [Станковић Пејновић, 2014, с. 115]. Гегемония и двойные стандарты в международных отношениях препятствуют строить диалог и устанавливать сотрудничество между народами, особенно учитывая то, что государства могут (т.е. дают себе право) применять силу там, где они сталкиваются с препятствием в осуществлении политических и экономических интересов. Джули Зех в этом смысле правильно предупреждает о том, что единственная крупнейшая проблема, которую современное общество приносит с собой — это вопрос, кто контролирует международных контролеров: «Они контролируют сами себя и это делают таким способом, который заставил бы плакать даже самого Монтескье, одного из самых первых теоретиков разделения властей» [Zeh, 2012].

Анализ результатов. Ни одно государство не может остаться равнодушным, если война происходит рядом с его границами, а Россия, как и любое другое серьезное государство, имеет несколько разработанных стратегических планов, относящихся к событиям в ее непосредственном окружении. Понятно, что, по случаю событий на Украине, будут приняты необходимые меры, как об этом недавно предупредил Песков, ибо дальнейшее расширение НАТО и еще один шаг ближе к границам России будут представлять собой серьезную угрозу, что за собой повлечет перекраивание всей европейской структуры безопасности. В то же время он отметил, что Россия не предпринимала никаких шагов,

которые свидетельствовали бы о том, что она планирует совершить агрессию, пока присутствие войск на границе не является никакой чрезвычайной мерой. Россия имеет право распоряжаться свои войска в любой точке Земли.

Мир должен понять, что Россия больше других заинтересована в стабильной, процветающей Украине, в которой будут соблюдены интересы всех национальностей.

Важно подчеркнуть, что в Украине переплетены интересы великих держав и что основной движущей силой являются США и НАТО. Каковы мотивы американской внешней политики для активизации и стимулирования таких экстремальных форм кризиса и каковы перспективы для дальнейших интересов США? В игре крупных игроков один игрок бросил перчатку (Запад) но другой крупный игрок (Россия) приняла ту же перчатку и ответила: «Да, я готова».

Из-за своего геополитического значения, особенно размеров и географического расположения, Украина имеет большое значение не только для России. Американская инициатива по продолжению и углублению украинского кризиса, несмотря на то, что события как на юго-востоке, так и в самом Киеве не происходят так, как это хотелось бы Вашингтону, все-таки на пользу американским интересам. Американские интересы на Украине, наряду с политическими, имеют также сильную политическо-экономическую ноту, в первую очередь перенаправление интеграции Украины в ЕС, для того, чтобы воспользоваться преимуществами огромных украинских сырьевых ресурсов, остановить тенденцию сближения и постепенной интеграции в Таможенный союз. Являясь членом СНГ, Украина присутствует в процессах интеграции на постсоветском пространстве, что само по себе прямо противоречит стратегии США и ЕС, потому что эти две страны им не нужны такими сильными и независимыми. Желаемое сокращение российско-украинских торговых отношений возможно только тогда, когда прозападные силы заберут власть в свои руки.

Заключение. Основным препятствием для публичной дипломатии является тот факт, что в международных отношениях диалог часто заменяется проявлением силы. По мнению некоторых теоретиков, порядок будет обеспечен также реалистичной концепцией баланса сил между государствами, но и либеральной концепцией международных институтов, однако это не всегда будет основываться на принципах справедливости. Основания международной политики не изменились со времен Фукидида, который утверждал, что сильные делают то, чего они хотят, а слабые делают то, что они должны делать.

Литература

1. Бжежински З. Велика шаховска табла. Подгорица; Романов; Бања Лука, 2001.
2. Живанов С. Спољна политика савремене Русије // Национални интерес. Београд: Институт за политичке студије, 2009. № 1–2.
3. Мијатовић Рогач Љ. Порука у боци: изазови стратешког концепирања јавне и културне дипломатије Србије // Култура. Београд, 2013. № 139.
4. Младеновић М.Б., Пономарева Је.Г. «Кримско пролеће» и будућност Евроазије // Српска политичка мисао. Београд, 2014. № 3.
5. Станковић Пејновић В. Мека моћ владара // Српска политичка мисао. Београд: Институт за политичке студије, 2014. № 3.
6. Пономарева Је. Србија између Запада и Русије: геополитичка питања. Београд: Академија за дипломатију и безбедност, 2014. Март.
7. Стојадиновић М. Ноам Чомски и савремено друштво. Београд, Институт за политичке студије, 244 страна, 2014.
8. Стоядинович М. Неоимпериалистический концепт глобализации // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. Т. 1. № 2 (47). С. 35–38.
9. Шушњић Ђ. Препреке на путу разумевања, поверења и помирења // 21 Прича о демократији / група аутора. Подгорица: Центар за грађанско образовање, 2005.
10. Zeh J. Die Diktatur der Demokraten: Warum ohne Recht kein Staat zu machen ist. Körber-Stiftung, 2012 [Electronic resource]. URL: <http://booktodayonline.com/die-diktatur-der-demokraten-warum-ohne-recht-kein-staat-zu-machen-ist.html> (date of access: 21.10.2016).

PUBLIC DIPLOMACY IN CRISIS AS A SINGLE PERMIT IN CRIMEA

V. Raskovic-Talovich

Abstract. *Topicality. The topic that we will discuss is very relevant from both a social and a scientific point of view. Dialogue and tolerance are the two core values that should always be the presence, helped in the political dialogue. Today, unfortunately, these values are often suppressed in international relations in the name of neo-imperial practice, according to which the force is frequently used tool. In addition, public diplomacy should be used as one of the most important instruments to achieve foreign policy objectives.*

Literature review. A topic that we will discuss in our work, is not given due attention, and we want to show all the advantages of the use of public diplomacy as a means to achieve the objectives in the foreign policy of the state.

The theoretical background. *Modern society brings with it a dizzying changes daily changing its structure and dynamics. Our life comes at a time when globalization is changing society in such a way that the ego is impossible*

to fully predict and explain. Unfortunately, the concept of globalization dominated by neo-imperialist, which implies the use of force, justifying its achievement of certain goals. The potential of public diplomacy as a means of «soft power» is not used in full.

Study. *Methods: In this paper we consider the problem of public diplomacy and international relations, using a critical analysis of neo-realism and neo-liberalism as the two most influential approaches in the theory of international relations. Methods of the study: textual analysis, comparative analysis.*

Procedure: This article applied the concept of «soft power» to analyze the foreign policy of the USA and the Russian Federation, provides a comparative analysis of the structure and methods of traditional diplomacy and public diplomacy.

Results: *less and less used dialogue as the most important prerequisite for public diplomacy in foreign policy. The policy of double standards has made international law field demonstrations of force in which the force has replaced dialogue. Dialogue is not and can not be where the measure of truth is the power.*

Discussion. *Crimea is just one example of the embodiment of this phenomenon. The policy of double standards has led to the non-recognition of the right to self-determination of Crimea and Sevastopol, which later led to the imposition of sanctions against Russia. The introduction of unilateral decisions, constantly putting pressure, not a way of overcoming the crisis in the Crimea. The author would like to emphasize the importance of public policy. The era of a unipolar world is over, and everything, including — the United States, need to understand that.*

Conclusion. *In Ukraine, the intertwined interests of the great powers, and the main driving force behind the crisis are the USA and NATO. The main obstacle for public diplomacy is the fact that in international relations, the dialogue is often replaced by a tour de force. The procedure will be provided as a realistic concept of the balance of power between states, but also the liberal conception of international institutions, but it will not always be based on the principles of justice.*

Keywords: *public diplomacy, international order, Russia, the West, Crimea.*

References

1. Bzhezinski, Z. (2001). Velika shahovska tabla [Great Chessboard]. Podgoritsa: Romanov; Banja-Luka.
2. Zhivanov, S. (2009). Spol'na politika savremene Rusije [The Foreign Policy of Modern Russia]. Nacionalni interes [National Interest]. Beograd: Institut za politichke studije, 1–2.

3. Mijatovich Rogach, L' (2013). Poruka u bosti: izazovi strateshskog koncipiran'ja javne i kulturne diplomatije Srbije [Message in a bottle: the challenges of a strategic conception of public and cultural diplomacy of Serbia]. Kultura [Culture]. Beograd, 139.
4. Mladenovich, M.B., Ponomareva Ye.G. (2014). «Krimsko proleje» i buduchnost Evroazije [«Crimean Spring» and the Future of Eurasia]. Srpska politichka misao [Serbian Political Thought]. Beograd, 3.
5. Stankovich Pejnovich, V. (2014). Meka moch vladara [Soft power of Ruler]. Srpska politichka misao [Serbian Political Thought]. Beograd: Institut za politichke studije, 3.
6. Ponomareva, Ye. (2014). Srbija izmedju Zapada i Rusije: geopolitichka pitan'a [Serbia Between the West and Russia: Geopolitical Issues]. Beograd: Akademija za Diplomaciju i Bezbednost, Mart.
7. Stojadinovich, M. (2014). Noam Chomski i savremeno drushtvo [Noam Chomsky and contemporary society]. Beograd, Institut za politichke studije, 244 strana.
8. Stoyadinovich, M. (2013). Neoliberalizm i neoimperialisticheskij kontsept globalizatsii [Neoimperialism and Neoimperialistic Concept of Globalization]. Vestnik Cherepovetskogo State University [Cherepovets State University Review], 1, 2 (47), 35–38.
9. Shushnich,œDj. (2005). Prepreke na putu razumevan'a, poveren'a i pomiren'a [Obstacles in the way of understanding, trust and reconciliation]. 21 Pricha o demokratii / grupa autora [21 Stories on the Democracy / coll. writing]. Podgoritsa: Centar za gradjansko obrazovaje.
10. Zeh, J. (2012). Die Diktatur der Demokraten: Warum ohne Recht kein Staat zu Machen Ist. [The Dictatorship of the Democrats: Why Without Law No State Can] In Körber-Stiftung [Körber Foundation]. Retrieved 21 October, 2016 from <http://booktodayonline.com/>

Информация об авторе

Рашкович-Талович В.

д.полит. наук, проф.,

Университет УНИОН «Никола Тесла», Сербия

Raskovic-Talovich V.

d.polit. Sciences, prof.,

University UNION «Nikola Tesla», Serbia

УРОВЕНЬ СОЦИАЛЬНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ В СВЯЗИ С ПОСЛЕДСТВИЯМИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА

Н. А. РОМАНОВИЧ

Аннотация. В статье исследуется состояние социальной тревожности населения города Воронежа, вызванное социально-политическими последствиями присоединения Крыма. Актуальность изучения этой темы обостряется в связи с введением нового пакета санкций, направленных против России, уходящей администрацией США в начале 2017 года. Исследование проводилось методом социологических опросов жителей города Воронежа. Изучаются уровни беспокойства горожан по поводу международной изоляции, политических и экономических санкций стран Запада в отношении России, возможности прекращения поставок в Россию товаров и продуктов из западных стран, вероятности возникновения препятствий при выезде в страны Запада и т.п. Опросы показывают, что санкции не являются поводом для изменения отношения населения к действиям Правительства РФ по поводу присоединения Крыма, поскольку большинство граждан не встревожены санкциями, и не усматривают непосредственной связи между санкциями и ростом цен на повседневные продукты.

Более детальное исследование изменений в повседневной жизни россиян обнаружило, что существенных проблем санкции не вызвали. Подавляющее большинство граждан не заметили перемен ни в рационе собственного питания, ни в ассортименте на полках продуктовых магазинов. Качество продуктов и режим питания также остались без изменений. Единственно, что зафиксировано общественным мнением, это безосновательный рост цен на продукты. Но он не в состоянии вызвать массового недовольства властью, поскольку восстановление статуса великой державы в данный момент для людей важнее, чем экономическая ситуация. Последние три года наблюдается необычайно низкий уровень протестного потенциала, готовности выйти на митинги и демонстрации, поскольку народ консолидируется с собственным правительством против внешнего врага. Западу не удалось повысить уровень социальной тревожности и вызвать недовольство насе-

ления с помощью санкций. Западные санкции имели обратный эффект и вызвали подъем патриотизма.

Ключевые слова: социальная тревожность, присоединение Крыма, экономические санкции.

Введение. После периода эйфории большинства российских граждан от «возвращения домой» Крыма наступает период оценки последствий этого шага. Неприятие факта присоединения Крыма к России западными странами обернулось попыткой международной изоляции России и экономическими санкциями, предпринимаемыми в отношении нашей страны. Безусловно, Запад и США стараются сделать все возможное, чтобы россияне ощутили в полной мере ошибочность этого шага. Прежде всего их санкции были направлены на политическую элиту России (ограничения в поездках за рубеж и замораживание банковских счетов), но экономические санкции также рассчитаны на то, чтобы вызвать недовольство рядового населения действиями власти. Они спровоцировали новый виток кризиса и рост цен на продукты, что ощущимо сказалось на карманах россиян. Правда, некоторые современные эксперты полны оптимизма: «Проблема в том, что Россия столкнулась одновременно со структурным и внешним кризисом, однако этот кризис вполне преодолим — санкции стимулируют импортозамещение, а остановившееся падение цен на нефть позволит стабилизировать социальную политику» [Слинько, Подвальный, 2016, с.8]. Рядовые граждане не всегда способны мыслить стратегически, но они могут беспокоиться или же не беспокоиться по поводу реальной или мнимой угрозы. Если даже угроза мнимая, высокая социальная тревожность может катастрофически обрушить оптимистические прогнозы, поскольку, согласно известной теореме Томаса, если люди воспринимают ситуацию как реальную, она реальна в своих последствиях.

Теоретические основания исследования. Социальная тревожность — это термин, заимствованный из психологии, где он обозначает чувство дискомфорта и страха коммуникативного характера. Не претендуя на универсальность употребления этого термина, под социальной тревожностью мы будем понимать социальную напряженность, вызванную беспокойством и страхом политического и экономического характера. Общественное мнение обычно является индикатором социальной тревожности, поэтому обратимся к нему, чтобы выявить степень беспокойства населения по поводу последствий присоединения Крыма. Социальную тревожность мы будем изучать на примере жителей города Воронежа, как города, расположенного недалеко от украинской границы, поэтому особенно остро реагиру-

ющего на все, что связано с кризисом российско-украинских отношений. В измерении важно учитывать количественный аспект, при котором социальная тревожность переходит в протестную форму. По мнению экспертов, социальная напряженность переходит в конфликт, «если охватывает более половины социальной группы» [Черныш, 2016, с. 26]. Поэтому актуализируется вопрос о том, какая часть населения встревожена последствиями присоединения Крыма, и является проводником социальной напряженности.

Методология. Уровень социальной тревожности воронежцев Институт общественного мнения «Квалитас» меряет, начиная с апреля 2014 года. Напомним, что 16 марта 2014 года был проведен референдум о статусе Крыма, на основании результатов которого была провозглашена независимая Республика «Крым», подписавшая с Россией договор о вхождении в состав РФ.

Процедура исследования. Измерение социальной тревожности ведется в рамках социологического инициативного мониторинга Института общественного мнения «Квалитас» и отражается в Ежемесячном Бюллетене социологических сообщений по городу Воронежу (выборка репрезентативна для жителей города старше 18 лет по полу и возрасту, размер выборки колеблется от 600 до 1000 респондентов) [Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений, 2016–10, с. 3–7].

Исследование: основная часть. Результаты опросов населения отражены в таблице 1.

В целом можно сделать вывод о том, что большинство населения не тревожится по поводу политических и экономических санкций, обрушившихся на Россию в связи с позицией, занятой руководством России по отношению к Украине.

Международная изоляция России в связи с позицией, занятой руководством России по отношению к Украине в той или иной степени беспокоит 42 % воронежцев. Но большинство населения (55 %) не усматривают в этом повода для беспокойства. Особенно беспечна в этом отношении молодежь (69 %). А вот среди пожилых людей 62 % горожан обеспокоены международной изоляцией. Бедные люди тревожатся по этому поводу чаще (65 %), чем богатые (20 %).

Во время первого замера в апреле 2014 года уровень тревожности составлял 37 %, а беспечности 61 %. Иными словами, картина мало менялась, но на фоне общей эйфории в начале 2014 года беспечности в настроениях горожан было больше.

Оказалось, что *политические и экономические санкции* стран Запада в отношении России реально беспокоят сегодня каждого третьего

Таблица 1

Уровень беспокойства населения по поводу последствий непринятия странами Запада факта присоединения Крыма к России

Беспокоят ли Вас		Апрель 2014 года	Сентябрь 2014 года	Сентябрь 2015 года	Октябрь 2016 года
международная изоляция России в связи с позицией, занятой руководством России по отношению к Украине?	да	37%	43%	40%	42%
	нет	61%	55%	58%	55%
политические и экономические санкции стран Запада в отношении России?	да	33%	36%	36%	34%
	нет	65%	63%	63%	65%
возможность прекращения поставок в Россию товаров и продуктов из стран Запада?	да	18%	17%	19%	21%
	нет	81%	83%	80%	78%
возможность разрыва дипломатических отношений между Россией и Украиной?	да	49%	48%	40%	39%
	нет	47%	51%	56%	59%
возникновение препятствий при выезде в страны Запада?	да	33%	26%	27%	26%
	нет	66%	73%	71%	73%

воронежца (34%). Максимум беспокойства проявляют пожилые респонденты (40%). Но большинство горожан (65%) не слишком волнуются по этому поводу.

Еще меньше беспокоится население о *возможности прекращения поставок в Россию товаров и продуктов из стран Запада*. Сегодня об этом волнуются только 21% воронежцев. А большинство горожан (78%) не считают это существенным поводом для беспокойства. При этом встревожены, главным образом, молодые люди (31%), а среди представителей старшего поколения только 14% респондентов считают, что по этому поводу стоит тревожиться.

Некоторые колебания в результатах опросов не превышают границы статистической погрешности измерения, поэтому можно говорить о довольно стойком равнодушии воронежцев к угрозе прекращения поставок в Россию западных продуктов.

Возможность разрыва дипломатических отношений между Россией и Украиной беспокоит сегодня 39% горожан. Среди людей пожилого возраста уровень тревоги повышается до 55%.

В то же время большинство жителей города (59%) не выказывают особого беспокойства на эту тему. Особенно беспечны в этом отношении граждане от 18 до 40 лет (от 69% до 71%). Хотя за последний год общественное мнение изменилось мало, но в целом с весны 2014 года беспокойство населения по поводу снизилось с 49% до 39%, а равнодушие возросло с 47% до 59%.

Возможность возникновения препятствий при выезде в западные страны тревожит сегодня 26% воронежцев, но большинство жителей города (73%) об этом не беспокоится. Некоторое повышение уровня тревоги наблюдается среди молодежи (35%). А пожилые люди тревожатся об этом в два раза реже молодых (16%).

Со времени первого замера в апреле 2014 года обеспокоенность населения возможными препятствиями при выезде в западные страны снизилась с 33% до 26%. Можно сделать вывод, что подавляющее большинство населения не видит в этом угрозы для себя, а те, кто раньше тревожился, постепенно успокаиваются.

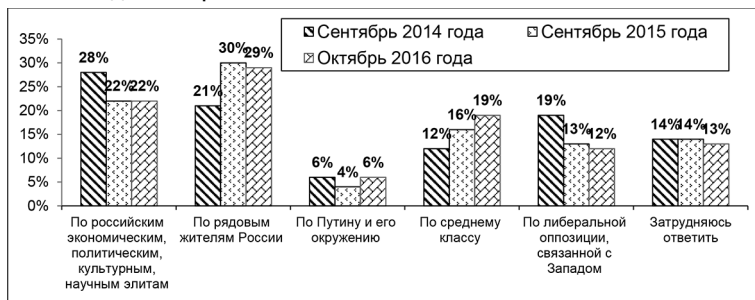
В первую очередь нынешние санкции США и Западной Европы ударят по рядовым жителям России — это наиболее распространенное мнение, 29% воронежцев так считают (График 1). На втором месте по степени полученного ущерба оказались российские элиты различных сфер: экономической, политической, научной и культурной (22%). При этом бедные горожане чаще признают пострадавшими рядовых граждан (35%), тогда как богатые беспокоятся об элите (30%). На третьем месте в этом тревожном списке — средний класс (19%), а на четвертом — прозападная либеральная оппозиция (12%). И только Путин и его окружение практически неуязвимы для подобных санкций — только 6% воронежцев считают, что Президенту РФ санкции могут повредить (это самый редкий ответ). Хотя, возможно, именно Путин и окружение были главной целью санкционных стрел [Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений, 2016–10, с. 8].

Поскольку воронежцы три года подряд отвечали на этот вопрос, есть возможность сравнить ответы (график 1).

Если в 2014 году преваляло мнение, что санкции больше всего ударят по российским элитам, то в последующие годы (2015–2016 гг.) воронежцы убедились в том, что экономический и политический кризис больше всего бьет по рядовым жителям России. То есть определенный уровень тревоги, связанный с санкциями, имеет место, но не получает широкого распространения.

График 1

Как Вы считаете, по кому больнее всего ударят нынешние санкции США и Западной Европы в отношении России?

Результаты исследования. Исследование показывает, что санкции Запада в глазах населения не являются поводом для изменения отношения к действиям Правительства РФ в связи с присоединением Крыма. Во-первых, большинство населения к санкциям относится спокойно, не как к реальной угрозе, а эфемерной, которая где-то существует, но к повседневной жизни большинства отношения не имеет. Во-вторых, санкции Запада, скорее сплывают население вокруг руководства собственной страны (как всегда бывает при наличии общего врага), чем приводят к нарастанию протестных настроений.

Известно, что Россия в ответ на санкции стран Запада и США ввела так называемые «контрсанкции», то есть запретила ввоз из этих стран сельскохозяйственной продукции. Напомним, что контрсанкции начались 7 августа 2014 года (правительство РФ запретило ввоз продуктов из ЕС, США и Австралии).

Казалось бы, такие меры не должны были прийтись по душе обывателям. Однако введение руководством России запрета на импорт продуктов питания из западных стран в целом одобряется большинством населения (81%) Воронежа, что вызывает некоторое удивление — люди сами хотят себя ограничить в импортной продукции. Возможно, это объясняется надеждой на развитие отечественного производства. Не одобряют российские контрсанкции только 15% горожан [Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений, 2015–09, с. 9–16].

А вот где нет общественного согласия — так это в разговорах о том, что же делать с санкционными продуктами. Почти половина горожан (46%) положительно относятся к их уничтожению, в то время как другая половина (49%) — отрицательно. Женщины чаще (50%), чем мужчины

(46%), протестуют против такого нерачительного отношения к продовольственным товарам. Воронежские бедняки в большинстве своем (67%) возмущены тем, что съедобные продукты приведены в негодность.

Но если не все согласны с идеей уничтожения конфискованных продуктов, то как же конкретно следует поступать с ними? На этот счет советы респондентов оказались самыми разнообразными, как показывают ответы воронежцев на вопрос:

«Часть запрещенных к ввозу в Россию продуктов питания из стран, которые ввели антироссийские экономические санкции, все равно пытаются ввести в нашу страну. По Вашему мнению, что следует сделать российской таможне с задержанными запрещенными продуктами питания?».

- Отдавать малоимущим, бездомным, детским домам и т.п. — 38%.
- Уничтожать, выбрасывать — 27%.
- Отправлять обратно — 18%.
- Запретить (не допускать) ввоз, усилить контроль — 8%.
- Проверять качество продуктов — 7%.
- Задержать, конфисковать — 5%.
- Надо наказывать тех, кто провозит эти продукты — 3%.
- Отправлять в качестве гуманитарной помощи на Украину — 3%.
- Продавать по сниженным ценам — 3%.
- Отправлять на корм скоту — 3%.
- Надо наказывать таможников, которые пропускают эти продукты — 3%.
- Отправлять в качестве гуманитарной помощи другим странам — 1%.
- Пропускать — 1%.

Уничтожать запрещенные к ввозу в Россию продукты питания согласны лишь 27% воронежцев. Чаще всего «выбрасывать еду на ветер» готовы люди с хорошим материальным положением (30%), реже всего — бедняки (12%). Самый живой отклик получает предложение отдавать продукты малоимущим, бездомным, детским домам и другим нуждающимся (38%). За то, чтобы отдавать еду малоимущим, более всего ратуют сами малоимущие (58%). Ну а если не выбрасывать и не отдавать бедным, то тогда лучше вернуть обратно — так считают 18% населения (женщины готовы к безвозмездному возврату чаще мужчин: 21/13). Это самые популярные три предложения.

Значительно уступают первым трем предложениям другие три предложения: усилить контроль (8%), проверить качество продуктов (7%), конфисковать (5%). На конфискации чаще настаивают люди с бедственным материальным положением, а на проверке качества — состоятельные горожане.

По три процента народных симпатий набрали следующие предложения: наказывать тех, кто провозит продукты; отправлять в качестве гуманитарной помощи в Украину; продавать по сниженным ценам; отправлять на корм скоту; наказывать таможенников. При всей привлекательности многих предложений у них есть существенный недостаток — они расходятся с законом. Зачастую меры, кажущиеся негуманными, являются единственно законными. Как говорили древние: «Dura lex, sed lex» («Закон суров, но он закон»).

Некоторым хотелось бы расширить экспансию гуманитарной помощи и отправлять её не только в Украину, но и в другие страны — чем они, собственно, хуже? Или просто «закрыть глаза», пропускать продукты в Россию и ничего не делать. Но такие ответы малочисленны: от 0% до 1%.

Среди ответов, которые не совпадают с предложенными альтернативами, встречаются следующие предложения: *«таможенники должны делать все по инструкции и следовать закону»* (1%); *«создать социальные магазины и раздавать бабушкам по талонам»* (0,3%); *«есть»*; *«поднять пошлину»*; *«ввести сверхналог за провоз запрещенных товаров»*; *«кто везёт — пусть сам ест»*, *«отдать в приют для бездомных животных»* и т.п.

Иными словами, уничтожение доброкачественных продуктов не находит поддержки у большинства населения. Даже если подобные действия вполне соответствуют закону, людям, которые экономят для того, чтобы позволить себе иногда купить кусочек хорошего сыра, невыносимо видеть, как этот сыр перемешивается с придорожной пылью с помощью бульдозеров.

Известно высказывание Барака Обамы о том, что антироссийские санкции якобы «порвали в клочья» российскую экономику. Имеет смысл поинтересоваться у населения, насколько ощутимо санкции сказались на повседневном быте наших сограждан. Вопрос, обращенный к воронежцам, звучал так: «Возникли ли какие-либо проблемы с питанием Вашей семьи в связи с введением запрета на импорт продуктов питания из стран Европейского союза и США?» [Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений, 2015–09, с. 9–16].

Оказалось, что практически никаких проблем не возникло у 96% воронежцев в связи с введением запрета на импорт продуктов питания из стран Европейского Союза и США. На более или менее серьёзные проблемы пожаловались лишь 3% опрошенных. При этом по мере ухудшения материального положения горожан число подобных жалоб возрастает от 0% (среди богатых) до 8% (среди бедных).

Тем не менее, цены на продукты в торговых точках растут... По результатам опроса уже в конце 2015 года, большинство населения (73 %) свидетельствовали, что цены на продукты питания уже выросли, а 12 % опрошенных полагали, что цены ещё будут расти.

Для того чтобы выявить, заметили ли граждане какие-либо изменения в ассортименте продовольственных товаров, был задан вопрос: «По Вашим наблюдениям, за последние два-три месяца в продуктовых магазинах, которыми вы обычно пользуетесь, ассортимент расширился, сократился или не изменился?». Как показали результаты опроса, подавляющее большинство воронежцев (80 %) не заметили особых изменений ассортимента в продуктовых магазинах, которыми они обычно пользуются. Расширение ассортимента отметили 6 % опрошенных, среди самых бедных этот показатель достигал до 25 %. Сокращение привычного ассортимента обнаружили лишь 12 % горожан. Согласно данным общероссийского опроса, 77 % жителей страны в 2015 году также не заметили особых изменений в ассортименте продуктовых магазинов (Всероссийский опрос проведен Фондом «Общественное мнение» 12 июля 2015 года, опрошено 1500 респондентов в 53 субъектах РФ) [Фонд, 2015].

Безусловно, если человек не находит в продаже привычных товаров, у него есть причина для недовольства. Но на вопрос: «Случалось ли Вам в последние два-три месяца не находить в магазинах те продукты, товары, которые вы раньше покупали, или такого не случалось?», — большинство опрошенных жителей Воронежа ответили отрицательно.

Как правило, воронежцы не сталкивались с невозможностью покупать в магазинах привычные товары в последние два-три месяца (84 %). Правда, 15 % горожан засвидетельствовали, что им иногда случалось не находить каких-то продуктов. Среди молодежи количество подобных жалоб возрастает до **22 %**. По данным Фонда «Общественное мнение», большинство россиян (81 %) также не попадали в ситуацию, когда не могли обнаружить на полках магазинов привычных товаров [Фонд, 2015].

Подавляющее большинство воронежцев (83 %) отметили рост цен в продуктовых магазинах, которыми они обычно пользуются, за последние два-три месяца. Вопрос, обращенный к респондентам, звучал следующим образом: «По Вашим наблюдениям, за последние два-три месяца в продуктовых магазинах, которыми вы обычно пользуетесь, цены на продукты в целом выросли, снизились или не изменились?». Горожане обращали внимание на рост цен вне зависимости от уровня их дохода. Только 14 % респондентов не заметили изменения в расценках на привычные продукты и лишь единицы (1 %) заявили, что цены понизились.

Рост цен на продукты в привычных магазинах заметили не только воронежцы (83%), но и россияне в целом — 78% [Фонд, 2015].

В то же время качество продуктов в магазинах, которыми обычно пользуются воронежцы, по утверждению большинства из них, никак не изменилось (84%) за последние месяцы. Снижение качества продуктов засвидетельствовали 12% горожан, а повышение качества — всего лишь 2% опрошенных. Удивительно, что среди людей с бедственным материальным положением количество людей, обнаруживших повышение качества продуктов, увеличилось до 17%.

Не заметили изменений в качестве привычных продуктов и большинство россиян — 68% (среди воронежцев — 84%). Но граждане России чаще, чем наши земляки отмечают как снижение качества продуктов (20/12), так и его повышение (8/2). Эту разногласию можно отчасти объяснить субъективностью оценок респондентов, отчасти — различной ситуацией в российских регионах.

Повседневное меню большинства воронежцев за последние два-три месяца не претерпело каких-либо существенных изменений (83%), как выяснилось из ответов респондентов на вопрос: «Если говорить в целом, в том, как питаетесь Вы, Ваша семья, за последние два-три месяца что-то изменилось или ничего не изменилось?». Только 17% горожан свидетельствовали, что в их режиме питания за последнее время произошли перемены. Среди людей старшего поколения (50–59 лет) эти перемены отметил каждый четвертый (25%). Чем беднее люди, тем чаще они подтверждали, что их питание за последние месяцы изменилось (с 7% среди состоятельных граждан до 33% среди неимущих). Большинство россиян (71%), так же как и воронежцы (83%) не заметили существенных изменений в составе продуктов собственного холодильника [Фонд, 2015].

Анализ результатов. В итоге получается, что большинство россиян, как и большинство воронежцев даже не заметили каких-либо изменений ни в режиме собственного питания, ни в качестве продуктов либо в их ассортименте, то утверждение о «разорванной в клочья» российской экономике, по меньшей мере, преждевременно. Выдавать желаемое за действительное — имманентное свойство человеческой личности. Как свидетельствуют психологи, это одно из когнитивных искажений, а именно, способ ухода от когнитивного диссонанса. Для простого человека — это нехитрый способ себя на время успокоить, а для президента США — успокоить на время нацию.

Старший научный сотрудник Института социологии РАН Леонтий Бызов в свое время отметил, что люди плохо понимают, в чем состо-

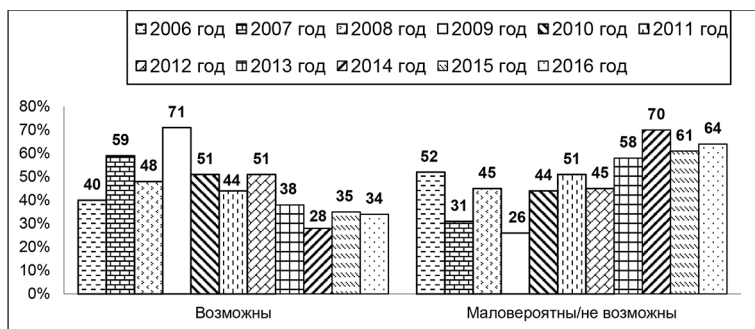
ят европейские и американские санкции, и путают их с российскими контрсанкциями. По его словам, большинство населения считает, что «российское сельское хозяйство без европейских и американских продуктов пойдет в гору» [Горяшко, 2016]. Россияне также не видят вины российского руководства в появлении санкций, и думают, что «не было бы Украины и Крыма, Запад прицепился бы к чему-то другому». «А если люди не считают, что кризис — результат просчетов руководства страны, то они не требуют смены политического курса, — приходит к такому выводу Леонтий Бызов [Горяшко, 2016].

Казалось бы, рост цен и тарифов, должен был бы спровоцировать рост протестного потенциала населения. Но протестный потенциал, начиная с 2014 года, согласно результатам опросов жителей города Воронежа, держится на весьма низком уровне (см. график 2). Ответы на вопрос: «Как Вы думаете, насколько возможны (вероятны) сейчас в нашем городе массовые выступления населения против роста цен, падения уровня жизни?», — показали, что только 34 % воронежцев считают, что сегодня такие выступления возможны, а большинство горожан (64%) считают их маловероятными [Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений, 2016–02, с. 8].

Самая высокая вероятность массовых выступлений против роста цен была зафиксирована сразу после кризисного 2008 года (71%). Потом она стала убывать и уже ни разу не достигала даже докризисного уровня 2007 года (59%). В 2016 году, как и в 2015 году, она остановилась на отметке 34–35%.

График 2

Как Вы думаете, насколько возможны сейчас в Вашем городе массовые выступления населения против роста цен, падения уровня жизни?

На вопрос: «Вы лично допускаете или исключаете для себя возможность принять участие в каких-либо акциях протеста?», — подавляющее большинство воронежцев в 2016 году (65 %) ответили отрицательно [Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений, 2016–02, с. 9].

Среди пожилых людей категоричность отказа от подобных акций достигает 74%. Однако 32% воронежцев допускают вероятность личного участия в массовых выступлениях. Самый высокий показатель вероятности личного участия (40%) наблюдался в 2012 году. Именно в 2012 году и наблюдался резкий всплеск протестного движения, но он все равно не мобилизовал массовый конфликт, поскольку и тогда большинство населения (57%) исключало для себя возможность участия в акциях протеста.

Заключение. Таким образом, санкции не могут привести к желанному для Запада подъему протестных настроений и смене политического курса, поскольку рост цен в магазинах люди не связывают с санкциями, а тем паче не считают санкции результатом просчетов российского руководства. В частности, гендиректор Левада-центра Лев Гудков объясняет это так: «Люди реагируют на восстановление статуса России как великой державы, для них это важнее, чем экономическая ситуация» [Горяшко, 2016].

Большинство населения не тревожится по поводу санкций и даже просто не замечает каких-либо изменений на своих обеденных столах. По мнению Льва Гудкова, вера граждан в эффективность российских санкций связана с поддержкой курса на конфронтацию с Западом и с консолидацией против внешнего врага. В результате санкции вызывают противоположный ожидаемому Западом результат — объединяют россиян против внешнего врага и катализируют рост патриотических настроений.

Литература

1. Горяшко С. Большинство граждан не связывают кризис с санкциями и считают, что Россия не должна менять свою внешнюю политику // Газета Коммерсантъ. 18.08.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3066140> (дата обращения 25.12.2016).
2. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу под ред. Н. А. Романович. Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2015–09. [Электронный ресурс]. URL: <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2015/September> (дата обращения 16.12.2016).
3. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу под ред. Н. А. Романович. Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2016–02. [Электронный ресурс]. URL: <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2016/February> (дата обращения 21.12.2016).

4. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу под ред. Н. А. Романович. Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2016–10. [Электронный ресурс]. URL: <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2016/October> (дата обращения 17.12.2016).
5. Слинко А. А. Социально-политические трансформации в России / Слинко А. А., Подвальный Е. С. // Проблемы эффективности государственной власти: внешние и внутренние факторы динамичного развития России: матер. 2-ой межрегиональной науч.-практической конференции. Воронеж. 2016. С. 5–9.
6. Черныш М. Ф. Факторы возникновения и воспроизводства межэтнической напряженности в теоретической перспективе // Политические исследования. 2016. № 5. С. 25–36.
7. Экономика. Фонд «Общественное мнение»: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/Ekonomika/12747> (дата обращения 15.12.2016).

SOCIAL ANXIETY LEVEL IN THE WAKE OF CRIMEA ACCESSION

Nelly Romanovich

Abstract. *The article examines the state of social anxiety of Voronezh city population caused by the social and political consequences of Crimea accession. The relevance of the study of this topic is exacerbated due to the introduction of a new package of sanctions against Russia which the outgoing US administration has applied in early 2017. The study was carried out by opinion polls of Voronezh city residents. The objects of the study were levels of citizens' anxiety concerning international isolation, political and economic sanctions applied by Western countries against Russia, the possibility of termination of goods and products supplies from Western countries to Russia, the probability of obstacles occurrence with traveling to the Western countries, etc. Polls show that the sanctions are not a reason to change the public attitude to the actions of the Government of the Russian Federation regarding Crimea accession as most people are not alarmed by the sanctions and do not see a direct link between the sanctions and the increase in daily food prices.*

A more detailed study of changes in the everyday life of Russians has found out that the sanctions have not caused any significant problems. The vast majority of citizens have not noticed any change in their routine food or in the variety of foodstuffs on the shelves of grocery stores. The quality of foodstuffs and routine food have also remained unchanged. The only thing noted by public opinion is unreasonable rise in food prices. However, it is not enough to cause mass disaffection with the authorities as a great power status recovery is more important for the people at the moment than the economic situation. The

last three years have witnessed an unusually low level of protest potential and readiness to go to rallies and demonstrations, because the people unite with their own government against the enemy from without. The West has failed to raise the level of social anxiety and cause the dissatisfaction of the population by means of sanctions. Western sanctions have had the opposite effect and have caused the rise of patriotism.

Keywords: *social anxiety, Crimea accession, economic sanctions.*

References

1. Chernysh, M.F. (2016). Faktory vozniknovenija i vosпроизводства mezhjetnicheskoj naprjazhennosti v teoreticheskoj perspective [Factors of appearance and reproduction of interethnic tensions in the theoretical perspective]. // Politicheskie issledovanija [Political Studies]. 5, 25–36.
2. Gorjashko, S. (2016, August 18). Bol'shinstvo grazhdan ne svjazyvajut krizis s sankcijami i schitajut, chto Rossija ne dolzhna menjat' svoju vneshnjuju politiku [Most people do not associate sanctions with the crisis and believe that Russia should not change its foreign policy]. In *Gazeta Kommersant*. [Newspaper Merchant]. Retrieved 25 December, 2016 from <http://www.kommersant.ru/doc/3066140>.
3. Jekonomika [Economy]. (2016). *Fond «Obshhestvennoe mnenie»: oficial'nyj sajt* [Fund «Public Opinion»: official site]. Retrieved 15 December, 2016 from <http://fom.ru/Ekonomika/12747>.
4. Romanovich, N.A. (Ed.). (2015). *Ezhemesjachnyj Bjul'eten' sociologicheskikh soobshhenij po g. Voronezhu* [Montly Bulletin of Sociological Reserch News in the City of Voronezh]. Voronezh: Public Opinion Institute Qualitas, 2015 (09). Retrieved 16 December, 2016 from <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2015/September>.
5. Romanovich, N.A. (Ed.). (2016). *Ezhemesjachnyj Bjul'eten' sociologicheskikh soobshhenij po g. Voronezhu* [Montly Bulletin of Sociological Reserch News in the City of Voronezh]. Voronezh: Public Opinion Institute Qualitas, 2016 (02). Retrieved 21 December, 2016 from <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2016/February>.
6. Romanovich, N.A. (Ed.). (2016). *Ezhemesjachnyj Bjul'eten' sociologicheskikh soobshhenij po g. Voronezhu* [Montly Bulletin of Sociological Reserch News in the City of Voronezh]. Voronezh: Public Opinion Institute Qualitas, 2016 (10). Retrieved 17 December, 2016 from <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2016/October>.
7. Slin'ko, A.A., Podval'nyj, E.S. (2016). Social'no-politicheskie transformacii v Rossii [The social and political transformations in Russia] // *Problemy jeffektivnosti gosudarstvennoj vlasti: vneshnie i vnutrennie faktory dinamichnogo razvitiya Rossii*:

materialy 2-oy mezhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii [Problems of state power efficiency: the external and internal factors of the dynamic development of Russia: materials of the 2nd inter-regional scientific-practical conference]. Voronezh. 5–9.

Информация об авторе

Романович Нелли Александровна

д. социолог. н.;

профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Воронежский филиал),
ген. директор Института Общественного Мнения «Квалитас» (г. Воронеж); Россия; e-mail: nelly@qualitas.ru.

Nelly Romanovich

Doctor of Sociology, Prof. of political science and administration department of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), General director of Public Opinion Institute "Qualitas" (Voronezh); Russia; e-mail: nelly@qualitas.ru.

СМИ КРЫМА КАК АКТОРЫ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

О. С. САРДАНОВСКАЯ

Аннотация. *Публичная дипломатия как содействие гражданского общества своему государству в международных процессах невозможна без помощи средств массовой информации. Честная и прозрачная пропаганда помогает транслировать значимую информацию не только внутри, но и за пределами страны. Таким образом, добивается необходимой лояльности международного сообщества и отдельных держав. Имея возможность быть как «четвертой властью», так и инструментом системы, медиа выбирает последний вариант. Это способствует усилению политики государства, его стойкости.*

В современный период глобализации информационного пространства роль региональных медиа возрастает. Связь всех территорий, обеспеченная средствами массовой коммуникации, создает единую гражданскую самоидентификацию и целостность страны. Происходит формирование образа страны за счет ее отдельных областей.

При подготовке научной статьи использовался системный подход. СМИ Крыма как элемент системы публичной дипломатии рассматривался через взаимосвязь с рядом других акторов.

Чтобы понять, каким образом реализовались функции публичной дипломатии, были изучены информационные ресурсы Крыма, а также федеральные агентства и издания, сформировавшие на полуострове свои корреспондентские пункты и редакции.

Масштабные крымские общественно-политические изменения 2014 года и последовавшие за ними преобразования вызвали неоднозначную реакцию мирового сообщества. В подобном контексте появилась необходимость усиленной активизации публичной дипломатии для восстановления положительного мнения о Российской Федерации. Федеральные средства массовой информации, чьи редакции появились на полуострове, а также местные медиа и локальные органы самоуправления начали апеллировать к зарубежью. В своей работе они активно продвигали российскую государственную позицию.

И в случае, когда средства массовой коммуникации принимают направление деятельности правящих структур, публичная дипломатия добивается поставленных целей. Постепенно наше государство получает устойчиво благоприятное или нейтральное отношение от прежде негативно настроенных держав.

Ключевые слова: публичная дипломатия, СМИ, государственная коммуникация, информационное пространство, глобализация, регионализация информации.

Введение: Важным компонентом классического дипломатического инструментария является личность самого дипломата, его риторика и умение убеждать и переубеждать. Однако завоевание доверия не легко дается профессионалам министерства иностранных дел, ограниченными инструкциями своего ведомства. Поэтому в современном мире государство предоставляет гражданскому обществу возможность способствовать внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности, вовлекаясь в глобальную политику, через активную позицию гражданских структур различных стран, их культурного и делового сотрудничества и дружбы с народами других государств. Так публичная дипломатия представляет собой отстаивание национальных интересов посредством информирования, вовлечения и влияния на международные процессы силами государственных и негосударственных игроков⁶¹. Иначе говоря, это средство, с помощью которого народ одной страны пытается воздействовать на общество другой с тем, чтобы оно, в свою очередь, повлияло на свое правительство.

Можно ли в данном случае быть услышанным лучше, чем при помощи рупора, которым выступает СМИ? Ведь цель журналистики заключается в оживлении всемирных информационных связей в соответствии с интересами народов и государств со всем их культурно-цивилизационным опытом.

На сегодняшний день достаточно заметным становится факт влияния информационных технологий на население любой страны. Каждая политическая деятельность сопровождается развертыванием кампаний в интернет-источниках, газетах, на телевидении и радио. В связи с этим актуальность темы обусловлена интересом к СМИ как к составляющей политического инструментария. Исследование роли медиа в гражданской инициативе особенно интересно, так как оно выявляет искреннее желание общества способствовать упрочнению

⁶¹ Великая А. М. Публичная дипломатия как инструмент международного диалога // Международная жизнь. 2016. №2. С. 154–163.

положения своего государства на мировой арене. В 2005 году создается первый российский телеканал зарубежного вещания Russia Today, деятельность которого направлена на отражение мнения России о происходящем в мире, а также на демонстрацию российской действительности иностранной аудитории. Далее в 2007 появился проект «Российской газеты» Russia Beyond the Headlines, который представляет собой совместную журналистскую деятельность с The Washington Post, The Daily Telegraph, Le Figaro, La Repubblica, El Pais, а также ведущими газетами Аргентины, Болгарии, Бразилии и Индии. В 2013 году указом президента было создано Международное информационное агентство МИА «Россия сегодня». Однако помимо медиагрупп появляются и другие институты публичной дипломатии. Так в 2007 году также распоряжением Президента РФ был создан фонд «Русский мир», который поддерживает общественные организации и НКО. В 2010 году — Фонд поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова. Но, несмотря на количество и высокий уровень вышеуказанных учреждений, публичная дипломатия находится в состоянии усовершенствования. Нет единого органа управления, отсутствует желаемая самостоятельность и независимость от государственных структур. Последнее мешает входить в доверие к зарубежным неправительственным организациям. И так как тема, выбранная для исследования, находится в состоянии разработки — она особенно интересна.

Теоретические основания исследования: Благодаря новейшим достижениям в сфере коммуникации происходит глобализация информационного пространства. Почти мгновенное информирование зрителей, слушателей и читателей превращает миллиарды людей в свидетелей и участников событий, которые могут происходить за тысячи километров. Открытый доступ к глобальной информации создает возможности для обмена мнениями между людьми на международном уровне. Так вследствие появления СМИ, особенно Интернета, публичная дипломатия получила широкое распространение. Так как возросшая активность общественности в странах, вовлеченность в политические процессы различных национальных и международных организаций требовали некоторой помощи в апеллировании к зарубежью⁶².

Медийная глобализация впервые проявилась в российском обществе в период перестройки. Будучи более открытой внешнему миру страна смогла глубже интегрироваться в мировое сообщество.

⁶² Галумов Э. А. Информация и PR в международных отношениях / Галумов Э. А., Кашлев Ю. Б. М.: Известия, 2003. 432 с.

По мнению Галумова Э. А. и Кашлева Ю. Б., публичная дипломатия является пропагандой. Что в свою очередь оспаривает Анна Великая. Следует вспомнить точное обозначение термина «пропаганда»: распространение в обществе и разъяснение каких-нибудь воззрений, идей, знаний, учения [Ожегов, Шведова, 1999, с. 944]. Однако это понятие приобрело негативный окрас в связи с периодическим использованием ложных фактов учреждениями, специализирующимися на данной деятельности. Так В. В. Тулупов, говоря о совокупности типобразующих факторов СМИ, делит их на объективные (тип общества; социально-экономическое положение и политическую ситуацию в стране и регионе) объективно-субъективные (желания владельца, учредителя, издателя, редактора) и субъективные (мастерство сотрудников и квалификация читателей)⁶³. Так как за любым отдельно взятым медийным источником стоит конкретный человек или группа людей с определенными ценностными ориентирами, то объективно-субъективные зачастую становятся ведущими. И до тех пор, пока будут люди, которым не чужда ложь и подтасовка фактов, будут и СМИ, участвующие в публичной дипломатии самым некорректным образом. И вопрос о личной ответственности каждого журналиста становится особенно остро. Но оставим вопиющие случаи обмана и вспомним об ином формате обращения с правдой — умалчивании и гиперболизации.

Средства массовой информации умеют должным образом использовать данные и, манипулируя ими, доносить до адресата интересующую информацию. Наглядно видны два подхода: журналистика — «четвертая власть» и журналистика — инструмент власти [Siebert, Peterson, Schramm, 1984, P. 168]. Во время активного воздействия на современного человека медиа не только заполняет его досуг, но и изменяет весь строй его мышления, стиль мировосприятия и тип культуры. Политические и социо-культурные ценности, значимые в обществе, становятся определенными информационными сигналами, которые распространяются в социуме как знаки, символы, образы. В ходе подобной взаимосвязи медиа и общества формируется необходимым властным структурам мнение. Разумеется, быть «четвертой властью» крайне выгодно, но одновременное существование нескольких властных структур превращает политику в своего рода перетягивание одеяла. Поэтому чтобы политическая деятельность государства была целенаправленной и успешной, необходимо все силы отдавать единой идее, что в свою очередь требует распространения в международном сообществе необходимого мнения о государ-

⁶³ Тулупов В. В. Теоретический и практический аспекты типологии печатных периодических изданий // Научно-культурологический журнал RELGA. 2007. №8 [153].

стве и формирования общественной поддержки. Это не представляется возможным без вышеупомянутого умалчивания и гиперболизации.

На сегодняшний день согласно «Концепции внешней политики РФ», утвержденной Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г., необходимость «информационного сопровождения внешнеполитической деятельности» была выдвинута в число «приоритетов Российской Федерации в решении глобальных проблем». Там же указывается: «Важным направлением внешнеполитической деятельности Российской Федерации является доведение до широких кругов мировой общественности объективной и точной информации о ее позициях по основным международным проблемам, внешнеполитических инициативах и действиях Российской Федерации, а также о достижениях российской культуры, науки, интеллектуального творчества. На передний план выдвигается задача формирования за рубежом позитивного восприятия России, дружественного отношения к ней. Неотъемлемым элементом соответствующей работы должны стать целенаправленные усилия по широкому разъяснению за рубежом сути внутренней политики России, происходящих в стране процессов. Актуальным становится ускоренное развитие в Российской Федерации собственных эффективных средств информационного влияния на общественное мнение за рубежом» [3].

Отношения между центром и местным самоуправлением, а также и межрегиональные связи большей частью формируют единую гражданскую самоидентификацию и целостность страны. Из выступления министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова, сделанного в ходе московской международной конференции «Ближний Восток: тенденции и перспективы», организованной Центром внешнеполитического сотрудничества имени Е.М. Примакова при поддержке Фонда Горчакова и Института Востоковедения РАН: «Нет нужды говорить о том, насколько сложным является нынешний период международных отношений. Он является переломным и связан с продолжающимся формированием новой полицентричной архитектуры международных отношений. Конечно, мы видим, как этот процесс наталкивается на активное противодействие тех, кто не желает расставаться с привычной ролью так называемого «верховного арбитра». На этом фоне усиливается глобальная и региональная нестабильность, наблюдается рост конфликтного потенциала» [4].

В связи с этим нельзя отрицать острую необходимость стойкости и внутренней самоуверенности региона. Поэтому изучение развития и функционирования местных СМИ становится весьма важной задачей.

СМИ как субъект политического процесса в контексте преобразования российского общества на региональном уровне способствует

росту эффективности регулирования информационных процессов. Для грамотного построения политического управления правящим структурам необходима корректировка со стороны общества, чье мнение выражается при помощи СМИ.

В связи с тем, что глобализация коснулась и региональных средств массовой информации, так как доступ к информации в любой точке планеты стал одинаково прост, то появился феномен регионализации информации при наличии глобального информационного пространства. Характерной особенностью работы региональных средств коммуникации является то, что любые социальные, экономические, политические проблемы общегосударственной значимости воспринимаются исключительно с точки зрения того, как может то или иное событие отразиться на жизни конкретного региона. Как следствие, роль местных СМИ, по сравнению с центральными, увеличивается прямо пропорционально росту доверия к ним населения. Так в массовом сознании населения местные медиа становятся не только значимым социальным институтом региона, но и необходимым элементом повседневной жизни.

Исследование: основная часть.

Методология исследования. При подготовке научной статьи использовался системный подход. СМИ Крыма как элемент системы публичной дипломатии рассматривался через взаимосвязь с рядом других акторов.

Были применены прикладные методы, в частности, анализ текстов средств массовой коммуникации, что позволило благодаря общетеоретической описательной методике продемонстрировать сегодняшнюю ситуацию в деятельности медийных структур, направленную на гражданское общество зарубежья.

Процедура исследования. Чтобы понять, каким образом реализовались функции публичной дипломатии, были изучены информационные ресурсы Крыма, а также федеральные агентства и издания, сформировавшие на полуострове свои корреспондентские пункты и редакции. Кроме того, принята во внимание деятельность неправительственных организаций — национально-культурных автономий.

Результаты исследования. На конкретном примере Крымского полуострова, мы выявили, что в период масштабных крымских общественно-политических изменений в феврале–марте 2014 года местное население, пробывшее 23 года в составе Украины, отказалось признавать легитимность действий новой украинской власти, сформированной после февраля 2014 года. В короткий период был организован и проведен референдум о статусе Крыма, в результате которого с 16 марта Республика Крым вошла в состав России, а Севастополь стал городом

федерального значения. Последовавшая за событиями данной так называемой Крымской весны информационная блокада была прорвана в частности благодаря публичной дипломатии, которая говорит на языке ценностей и развивает не только политическую коммуникацию, но и диалог культур, религий.

В тот период времени началась активная работа СМИ, направленная внутрь региона. К тому моменту и без того пророссийские и патриотические СМИ раскрылись в полной мере, потеряв всякий контроль со стороны оппозиционных украинских структур. Референдум и последующая активность граждан ярко продемонстрировали особенности поведения населения города Севастополя и Крыма и стали важным культурно-историческим и политическим наследием.

Так севастопольские газеты «Слава Севастополя», «Севастопольская газета» и телеканалы «Первый Севастопольский», «Независимое Телевидение Севастополя», а также общекрымское издание «Крымская правда» и телеканал ГТРК «Крым» выполняли значимую роль в укреплении единства, взаимопонимания, политической устойчивости и безопасности общества.

Прошло время, и в контексте внешнеполитической ситуации жители полуострова стали нуждаться в защите своих гражданских прав и свобод. Прекращение подачи воды по Северо-Крымскому каналу в мае 2014, прерванное железнодорожное и автобусное сообщение, так называемая продовольственная блокада. И апофеоз всего — знаменитый крымский «блэкаут» (от англ. blackout — массовое отключение электричества), когда с 20 по 22 ноября 2015 года был произведен подрыв четырех опор ЛЭП на Украине, в Чаплынском районе Херсонской области. Тогда без электричества в Крыму остались жилые дома, десятки предприятий и социальных объектов.

По мнению украинских СМИ, правых активистов и Меджлиса, подобная блокада должна была заставить задуматься население полуострова, как много оно потеряло вместе с уходом из Украины; а также продемонстрировать Российской Федерации свою силу и возможность в любой момент «придушить» непокорных. Как выразился во время годовщины блокады Крыма Р.А. Чубаров, председатель Меджлиса крымско-татарского народа: «Только благодаря акции — общественная блокада Крыма — тема возвращения Крыма в состав украинского государства, тема прав человека в Крыму, тема восстановления прав крымскотатарского народа — они все вернулись в повестку дня международной политики» [5]. Однако вопрос о том, как можно одновременно защищать права крымских граждан и угрожать их благополучию, оставался на тот момент открытым.

Тогда на заступничество республики встали не только федеральные новостные агентства и государственные структуры, но и локальные органы управления и СМИ.

Так все крымские региональные издания продолжили пророссийский курс, который и до событий 2014 был приоритетным на полуострове. Информационные агентства КИА (Крымское информационное агентство), Крыминформ, телеканалы Первый Крымский, ИТВ проявили себя как деятельные структуры, готовые перед всем миром отстаивать позицию крымчан. Появились редакции МИА «Россия сегодня» и «Российской газеты», корреспондентские пункты ВГТРК, информационного агентства ТАСС, «Комсомольской правды», на сегодняшний день идут работы по созданию корпунктов газеты «Аргументы и факты» и газеты «Известия».

Новостное агентство и радио «Sputnik» в Крыму (МИА «Россия сегодня»), своим слоганом выбравшее: «Ваш радиомост с миром» вписывается в свою концепцию, выбирая стратегию транслирования актуальной и правильной информации не только внутри региона, но и на федеральном, а также международном уровне. Sputnik включает в себя сайты, аналоговое и цифровое радиовещание, мобильные приложения и страницы в социальных сетях. Новостные ленты Sputnik круглосуточно выходят на английском, арабском, испанском и китайском языках. Sputnik транслирует и размещает на своем сайте информационные заметки, репортажи, эксклюзивные интервью и эфиры с гостями, аналитические статьи, опросы, которые в последующем отбираются главным офисом в Москве для более широкой ретрансляции. Кроме того, в Крымской столице Симферополе располагается мультимедийный пресс-центр МИА «Россия сегодня», в котором регулярно проходят пресс-мероприятия с итальянскими, немецкими, французскими и прочими иностранными делегациями, в рамках которых устанавливаются видеомосты с различными точками России и мира. Таким образом, материалы, посвященные Крыму, выходят как на федеральном, так и на мировом уровне.

Наиболее свежим примером может послужить пресс-конференция в формате видеомоста Симферополь — Москва на тему: «Народная дипломатия: развитие взаимопонимания», состоявшаяся 26 ноября 2016 года. Тогда в рамках реализации проекта народной дипломатии «Гражданам Европы — истина о Крыме. Реальность против мифов» находилась делегация немецких политиков, бизнесменов, общественных деятелей, работников культуры. В ходе беседы с журналистами депутат региона Оснабрюк, председатель фракции левых в парламенте города Квакенбрюка Андреас Маурер рассказал о реакции сограждан на его первое возвращение из Крыма, когда вся пресса начала осуждать

его поступок. Однако, по его словам, это привело к обратным результатам: «Многие заинтересовались Крымом... Следили за нашей документацией. И реакция была такая, что за последние месяцы я дал более 10–15 лекций на тему Крыма. Люди и организации заказывают эти лекции и просят приехать рассказать, как живут в Крыму, почему так все произошло. Просто информационная блокада, которая была... мы ее прорвали! И я сказал: на санкции я отвечаю следующей поездкой в Крым» [6].

Помимо средств массовой коммуникации инициативу в развитии публичной дипломатии, как средства предотвращения блокады Крыма, взяли национально-культурные автономии. Они не только проводят культурные и социальные мероприятия в Российской Федерации и за рубежом, но и публикуют материалы и интервью в журналах и на телевидении в своих родных странах. Так болгарский журнал *a-sresto* регулярно готовит тексты о жизнедеятельности Крымского полуострова. Иван Иванович Абажер, председатель Крымского республиканского общества болгар им. Хилендарского, в интервью сказал: «Мы проводим активную работу, чтобы удержаться в Русском мире и не пойти за сиюминутными выгодами. Деятельность автономий помогает взаимодействовать с населением. А так как сегодня мир меняется в сторону единения народов, мы избрали международное направление народно-культурной дипломатии наиболее действенным для НКО Крыма».

Анализ результатов. На примере Республики Крым и происходящим на ее территории событиям в контексте современной геополитической обстановки можно делать выводы о СМИ как акторах публичной дипломатии. Общациональный политический процесс формируется при помощи политических процессов каждого отдельного региона, хотя он и не тождественен им. Так и в случае увеличения интенсивности публичной дипломатии на территории Российской Федерации, важно отметить назначение местных средств массовой информации — стать ключевым, консолидирующим звеном в системе государственной коммуникации. Так как они объединяют население региона на основе формирования национального мировоззрения аудитории, повышения научного, культурного и художественного развития.

Постоянное вещание наших СМИ в других странах, приглашение западных и восточных делегаций в Крым, посещение крымскими уполномоченными представителями иностранных государств позволяет населению зарубежья узнавать правдивую информацию про полуостров. Появление 15 марта 2016 года Черноморской ассоциации международного сотрудничества всячески способствует предотвращению

блокады Республики Крым. И как заметил ее председатель Георгий Мурадов, Заместитель Председателя Совета министров Республики Крым, Постоянный Представитель Республики Крым при Президенте РФ: «Сегодня, когда полуостров находится в центре внимания мировой общественности, Ассоциация международного сотрудничества должна стать основной ячейкой народной дипломатии, реальной площадкой для широких международных контактов на уровне гражданского общества в ситуации, когда наши оппоненты пытаются исказить правду о свободном выборе крымского народа».

Заключение. Отказываясь от позиции четвертой власти и предпочитая положение инструмента правящих структур, средства массовых коммуникаций способствуют поддержанию политики государства более мягкими, доступными гражданскому обществу методами. Так формируемый образ региона, а вслед за ним и страны становится привлекательным в долгосрочной перспективе. СМИ добиваются лояльности внешней аудитории: устойчиво благожелательного или нейтрально отношения к Российской Федерации.

Литература

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
2. Роль региональных СМИ в политической жизни России : автореферат дис. ... кандидата политических наук : 23.00.02 / ХАЛТАНОВА Светлана Степановна; [Место защиты: Институт философии РАН]. Москва. 2009. 28 с.
3. Концепция внешней политики Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 29.10.2016).
4. Сергей Лавров выступил перед участниками конференции «Ближний Восток: тенденции и перспективы». Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова. [Электронный ресурс]. URL: <http://gorchakovfund.ru/news/19578/> (дата обращения: 29.10.2016).
5. Годовщина блокады Крыма: самая странная «перемога». Информационное агентство «Newsfront» Новостной фронт. [Электронный ресурс]. URL: <http://news-front.info/2016/09/25/godovshhina-blokady-kryma-samaya-strannaya-peremoga-grigorij-ignatov/> (дата обращения: 29.10.2016).
6. Пресс-конференция в формате видеомоста Симферополь — Москва на тему: «Народная дипломатия: развитие взаимопонимания». РИА Крым : [Электронный ресурс]. URL: <http://crimea.ria.ru/press/20161026/1107771816.html> (дата обращения: 29.10.2016).

7. Fredrick S. Siebert. *Four Theories of the Press* / Fredrick S. Siebert, Theodore Peterson, and Wilbur Schramm // Urbana : University of Illinois Press. 1984. P. 168

CRIMEAN MEDIA AS AN ACTOR OF PUBLIC DIPLOMACY

Helga Sardanovskaya

Abstract: *Public diplomacy as an assistance of civil society in international processes to their government is impossible without the help of the media. Honest and transparent propaganda helps to transmit meaningful information not only inside but also outside the country. Thus, it achieves the necessary loyalty of the international community and different states. Having the opportunity to be both the «fourth power», and the tool of the system, the media chooses the latter option. It contributes to the policy of the state, its durability.*

In the modern period of globalization of information space the role of regional media is increasing. The connection of all territories, provided with mass communication, creates a common civic identity and integrity of the country. The formation of the image of the country comes through its regions.

A system approach was used while preparing a scientific article. Media of the Crimea was researched as a part of public diplomacy through the relationship with other actors of that system.

The information resources of the Crimea, as well as Federal agencies and media groups that formed correspondent offices on the Crimean Peninsula were studied to understand how functions of public diplomacy were implemented.

The large-scale Crimean socio-political changes of 2014 and the subsequent conversion had caused ambiguous reaction of the world community. In such a context there was a need in the enhanced strengthening of the public diplomacy to restore a positive opinion about Russian Federation. Federal media, whose offices appeared in Crimea, as well as local media and local authorities, had begun to appeal to the abroad. They actively promoted Russian government's position in their work.

When mass communication accepts the direction of activities of the ruling structures, public diplomacy achieves its goals. Gradually, our government gets steadily benevolent or neutral attitude from the previously negative-minded states.

Keywords: *public diplomacy, media, state communications, informational space, globalization, regionalization of information.*

References

1. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Ju. (1999). *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeologicheskij vyrazhenij* [Explanatory dictionary of Russian language: 80 000 words and phraseological expressions]. Rossijskaja akademija

- nauk. Institut ruskogo jazyka im. V. V. Vinogradova. 4-e izd., dopolnennoe. M.: Azbukovnik.
2. Rol' regional'nyh SMI v politicheskoy zhizni Rossii : avtoreferat dis. ... kandidata politicheskikh nauk : 23.00.02 / HALTANOVA Svetlana Stepanovna; [Mesto zashchity: Institut filosofii RAN]. Moskva. 2009.
 3. Konceptcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (data obrashhenija: 29.10.2016).
 4. Sergej Lavrov vystupil pered uchastnikami konferencii "Blizhnij Vostok: tendencii i perspektivy". Fond podderzhki publichnoj diplomatii imeni A. M. Gorchakova. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://gorchakovfund.ru/news/19578/> (data obrashhenija: 29.10.2016).
 5. Godovshhina blokady Kryma: samaja strannaja «peremoga». Informacionnoe agentstvo «Newsfront» Novostnoj front. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://newsfront.info/2016/09/25/godovshhina-blokady-kryma-samaya-strannaya-peremoga-grigorij-ignatov/> (data obrashhenija: 29.10.2016).
 6. Press-konferencija v formate videomosta Simferopol' — Moskva na temu: "Narodnaja diplomatija: razvitie vzaimoponimaniya". RIA Krym : [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://crimea.ria.ru/press/20161026/1107771816.html> (data obrashhenija: 29.10.2016).
 7. Fredrick S. Siebert. Four Theories of the Press / Fredrick S. Siebert, Theodore Peterson, and Wilbur Schramm // Urbana : University of Illinois Press. 1984. P. 168

Информация об авторе

Сардановская Ольга Сергеевна

Таврическая академия

Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского

Российская Федерация

Аспирант

sardanovskaya@gmail.com

Helga Sardanovskaya

Taurida Academy of

V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Russian Federation

PhD student

sardanovskaya@gmail.com

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В ПРЕОДОЛЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЛОКАДЫ КРЫМА

Т. А. СЕНЮШКИНА

***Аннотация.** Международная изоляция Крыма рассматривается в статье как следствие обострения противоречий в системе современных международных отношений. Актуальность темы обусловлена необходимостью концептуального обоснования механизмов преодоления международной блокады Крыма в условиях его интеграции в российское экономическое, политическое и правовое пространство. Одним из эвристически ценных методологических подходов, который может быть использован для этой цели, автор считает концепцию социального капитала, основные положения которой обобщаются в статье с целью обоснования возможности её использования в развитии публичной дипломатии в Крыму, которая рассматривается в качестве одного из инструментов мягкой силы.*

Процедура исследования включает как теоретический, так и прикладной сегмент. Применяя концепции социального капитала и сетевого подхода на теоретическом уровне, автор на основе аналитического обобщения информации, содержащейся в интернет-ресурсах Крыма, проанализировал крымский опыт публичной дипломатии.

Обосновано положение о том, что развитие публичной дипломатии в Крыму следует рассматривать в контексте её соответствия целям и задачам индивидуальной, общественной и государственной значимости. Согласованность выполнения этих задач зависит от степени накопления социального капитала, который уже сформирован в местном сообществе и тесно связан с уровнем доверия.

Отмечается переплетение экономических и политических интересов, которое характерно для сетевых взаимодействий, осуществляющихся в Крыму, как на официальном, так и на неформальном уровне. На конкретных примерах показано, что сетевые акторы, осуществляющие функции публичной дипломатии, активно развивают взаимовыгодное международное сотрудничество, которое позволяет в обход санкций достигать поставленные цели.

Главным итогом исследования является вывод о том, что в Крыму формируется особая модель публичной дипломатии как система международной деятельности негосударственных акторов, действующих в сфере экономики, политики, культуры, информационного пространства, религии, образования и науки, этнической самоорганизации, а также на уровне профессиональных объединений и др.

Ключевые слова: *социальный капитал, социальные сети, доверие, публичная дипломатия, мягкая сила, Крым.*

Введение. Процессы, связанные с вхождением Крыма в российское политическое, экономическое, социально-культурное и правовое пространство, тесным образом связаны с обострением геополитической конкуренции и выстраиванием новых коалиций в системе международных отношений, которая формируется в современных условиях в результате доминирующего влияния таких политических акторов как США, Китай, ЕС и Россия.

Применение технологии мягкой силы в ходе подготовки и организации Евромайдана в Киеве было осуществлено для выдвигания Украины из сферы геополитического влияния России и перемещения в пространство обеспечения национальных интересов США. Новый уровень конкуренции между США и Китаем, связанный с критической точкой в развитии их взаимоотношений, стал катализатором этих процессов. В этих условиях полуостров Крым стал символическим местом на карте мира, усилив уже имеющуюся турбулентность в системе международных отношений. Международная блокада Крыма является следствием указанных выше процессов.

Преодоление санкций и признание международным сообществом легитимности исторического факта воссоединения Крыма с Россией зависит от баланса сил в системе позиционирования основных геополитических игроков.

Наряду с этим, независимо от усилий официальной российской дипломатии, предпринимающей усилия для международного признания нового политического статуса Крыма, важную роль в этом процессе играет публичная дипломатия, осуществляемая негосударственными акторами. Успех публичной дипломатии, как одного из механизмов мягкой силы, зависит от уровня социального капитала, который существует в местном сообществе и тесно связан с формированием доверия и сетевых взаимодействий. В связи с этим исследование публичной дипломатии в Крыму на основе применения концепции социального капитала представляется актуальной и своевременной задачей.

Тема социального капитала достаточно широко представлена сегодня как в российских, так и зарубежных академических исследованиях. Эта проблема затрагивалась в трудах П. Бурдьё, Дж. Коулмана, Л. Уорнера, Г. Беккера, Р. Патнэма и др. В качестве теоретических предпосылок развития концепции социального капитала можно рассматривать идеи А. Токвиля, Г. Зиммеля, Э. Дюркгейма и М. Вебера.

Как показывает обзор новейших российских исследований по этой теме, социальный капитал исследуется в нашей стране преимущественно в рамках экономической социологии и политической экономии, как на теоретическом, так и на прикладном уровне. Научная оценка данного феномена дана в работах Е. Ясина, Л. Полищука, А. Аузана, А. Вишневого, Н. Петрова, Н. Д. Гуськовой, А. В. Полякова, В. Г. Доманова, В. И. Налетовой, А. Л. Свенцицкого, Л. Г. Татьяниной др.

Второй аспект заявленной в данной статье темы, связан с международной блокадой Крыма и является новым как для отечественных, так и для зарубежных исследований, прежде всего, в силу исторической новизны самой проблемы. В связи с этим представляется своевременной необходимость концептуального обоснования механизмов преодоления международной изоляции Крыма, как на теоретическом, так и на практическом уровне. Одним из способов решения данной проблемы, на наш взгляд, является обращение к концепции социального капитала и её использование в развитии публичной дипломатии в Крыму с целью преодоления международной блокады в условиях санкций.

Теоретические основания исследования. Понятие социальный капитал впервые было введено П. Бурдьё в статье «Формы капитала» (1983) для обозначения социальных связей, которые могут выступать ресурсом для достижения поставленных целей⁶⁴. Предваряя введение в научный оборот термина «социальный капитал», Бурдьё использовал понятие «культурный капитал», которое было использовано в его работе «Набросок теории практического действия»⁶⁵.

Используя различные вариации термина «капитал», Бурдьё связывает его с такими понятиями как пространство (поле) и время: «форма, которую совокупность распределения различных видов капитала (инкорпорированного или материализованного) принимает в каждый момент времени в каждом поле, будучи средством присвоения активированного продукта аккумулированного социального труда,

⁶⁴ См.: Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. № 5. С. 60–75.

⁶⁵ См.: Bourdieu, Pierre. Esquisse d'une theorie de la pratique, precede de trois etudes d'ethologie kabyle. Geneve, Droz, 1972.

определяет состояние отношений силы между агентами. Агенты в этом случае определяются «объективно» по их позиции в этих отношениях, институционализованной в устойчивых, признанных социально или гарантированных юридически социальных статусах. Эта форма определяет наличную или потенциальную власть в различных полях и доступность специфических прибылей, которые она дает» [Бурдые, 2007, с. 17].

Дальнейшее развитие теории социального капитала было осуществлено Дж. Коулманом, который предложил свое понимание этого феномена на основе развития исследования социальных сетей Л. Уорнера и теории человеческого капитала Г. Беккера. Согласно этому подходу, социальный капитал предполагает набор социальных норм, социальных обменов и базовый уровень доверия⁶⁶.

Дж. Коулман рассматривал три формы социального капитала: обязательства и ожидания, которые зависят от надежности социальной среды, способность социальной структуры к передаче информационных потоков и норм, сопровождаемых санкциями. Согласно Коулману, «сущность социального капитала (свойство, присущее большинству форм социального капитала, отличающее его от других форм капитала) заключается в его выражении в качестве общественного блага: актор или акторы, создающие социальный капитал, обычно получают только малую его часть. А это приводит к недостаточному инвестированию в социальный капитал» [Коулман, 2001, с. 138].

Идею социального капитала как общественного блага поддержал Р. Патнэм. Сущность социального капитала он раскрывает через такие характеристики социальной организации, как доверие и нормы, которые могут улучшить эффективность общества⁶⁷. Патнэм измерял социальный капитал при помощи таких индикаторов, как интенсивность и сила контактов, членство в общественных объединениях, удовлетворенность взаимоотношениями, соблюдение норм взаимности, чувство безопасности⁶⁸.

На основе анализа экономического развития нескольких регионов мира, в частности, Италии, Р. Патнэм показал, что изменение качества со-

⁶⁶ См.: Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.

⁶⁷ См.: Патнэм Р. Эффективность демократии: опыт местного самоуправления // «Sapere aude». Вестник московской школы политических исследований. М., 1995. № 4. С. 67–89.

⁶⁸ См.: Гуськова Н.Д. Современные теории социального капитала // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. Выпуск 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://m.cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-teorii-sotsialnogo-kapitala> (дата обращения: 12.01.2017).

циальных отношений предшествовало экономическому развитию этих регионов: «Гражданские традиции северной Италии предлагают широкий репертуар форм сотрудничества, которые, будучи испытанными в прошлом, используются гражданами для решения проблем сегодняшнего дня. Общества взаимопомощи воздвигнуты на фундаменте старых гильдий, а кооперативы и массовые политические партии опираются, в свою очередь, на эти самые общества взаимопомощи. Экологическое движение современной Италии также питает себя предшествующим опытом. И напротив, там, где опыт предыдущих успехов отсутствует, барьеры взаимных подозрений и увиливания преодолеть очень сложно. Сталкиваясь с новыми проблемами, требующими коллективных решений, люди повсюду обращаются за рецептами к прошлому. В гражданских сообществах образцы усматривают в удачных исторических примерах горизонтальных связей, между тем как в регионах, не отличающихся гражданственностью, моделью служат в лучшем случае вертикальные связи снисхождения и милости», — заключает Патнэм [Патнэм, 1996, с.177].

Обзор новейших зарубежных исследований по этой теме показывает, что концепция социального капитала широко представлена в современной академической литературе по политической науке, социальной теории и политической экономии. Наряду с этим, в развитии данной концепции можно отметить и свойственные любой новой теории противоречия. В частности, можно согласиться с Л. Полищуком, который утверждает, что понятие «социальный капитал» обременено длительной интеллектуальной историей, и разные люди трактуют его по-разному, что нередко приводит к недоразумениям⁶⁹. Кроме того, увлечение понятием капитала привело к появлению таких терминов как «языковой капитал», «капитал доверия», «религиозный капитал», «юридический капитал», в связи с чем фактически сбылось предположение одного из последователей П. Бурдьё Пола ДиМаджио о том, что понятие капитала превращается из мощного и точного орудия анализа в бессодержательную фигуру речи⁷⁰.

Не смотря на имеющиеся противоречия теоретического характера, связанные с различными интерпретациями термина «капитал», использующимися в современных исследованиях, в данной статье мы попытаемся извлечь тот ценный эвристический потенциал, который,

⁶⁹ См.: Социальный капитал в России: измерение, анализ, оценка влияния [Электронный ресурс]. URL: <http://www.liberal.ru/articles/5265> (дата обращения: 12.01.2017).

⁷⁰ См.: Нестик Т. Труд, капитал, энергия. Культурный, социальный и символический капиталы // Альманах «Восток». 2004. Выпуск № 2 (14). Февраль.

на наш взгляд, заключён в разных теоретических подходах к концепции социального капитала и может быть использован для разработки механизмов преодоления международной изоляции Крыма.

Теория социального капитала используется в нашем исследовании в концептуальной связи с сетевым подходом, что объясняется их идейной близостью. Как указывает Р. Родес, сетевой подход сегодня применяется во всех социальных науках⁷¹. Эволюцию развития этого метода можно проследить от анализа социальных сетей Дж. Скотта⁷² до сетевого общества Каstellса⁷³.

В российской политической науке сетевой подход применяется авторами, работающими преимущественно в сфере исследований государственного управления, публичной политики и международных отношений. В числе исследователей, работающих в этом направлении, следует назвать Г. В. Косова, И. В. Мирошниченко, Е. В. Саворскую, Е. А. Сеньюшкина, Л. В. Сморгунува, М. В. Стрежневу и др.

В целом обзор российских публикаций по этой теме показывает, что большинство отечественных авторов, использующих сетевой подход, применяют англосаксонскую версию теории политических сетей, которая обращается к этому методу при изучении взаимодействия государства и групп интересов.

Наиболее известными представителями этой школы являются Р. Родес и Д. Марш, относящие концепцию политических сетей к теориям среднего уровня, так как она обеспечивает связь между микроуровневым анализом, который имеет дело с ролью интересов и правительства в отношении к политическим решениям, и макроуровневым исследованием, которое концентрируется на более широких вопросах, связанных с распределением власти в современном обществе⁷⁴.

Согласно Родесу, политические сети формируются как особый тип горизонтального взаимодействия политических акторов, каждый из которых обладает определенным набором ресурсов. Для достижения своих собственных целей сетевые акторы обмениваются ресурсами, в результате чего обеспечивается достижение интересов всех участников сети, участвующих в обмене. В числе ресурсов, которыми обме-

⁷¹ См.: Rhodes R. Policy Network Analysis // M. Moran, M. Rein and R. E. Goodin (eds.) The Oxford Handbook of Public Policy. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 423–445.

⁷² См.: Scott J. Social Network Analysis: A Handbook. 2nd ed. London: Sage, 2000. 320 p.

⁷³ См.: Castells M. Materials for an exploratory theory of the network society // British Journal of Sociology, 2000. N 51. P. 5–24.

⁷⁴ См.: Rhodes R., Marsh D. Policy Network in British Politics. A Critique of Existing Approches // Polisy Network in British Government. Oxford, 1992. 384 p.

ниваются акторы, Родес выделяет конституционно-правовые, организационные, финансовые, политические, информационные.

Кроме англосаксонской концепции политических сетей исследователи выделяют также немецкую школу. Всесторонний сравнительный анализ двух школ представлен в статье Т. Бёрцель⁷⁵. Оценивая концептуальные различия двух направлений в рамках теории политических сетей, автор приходит к выводу о том, что «различия между англосаксонской и немецкой школой политических сетей существуют, однако они не всегда явные» [Borzel, 1998, p. 255]. Обзор научной литературы, изданной в Германии по этой теме, приводит автора к выводу о том, что немецкое понимание политических сетей заключается в новом типе управления (*governance*) как альтернативной форме государственной иерархии и рынку. Т. Бёрцель подчеркивает, что в англосаксонской литературе политические сети обычно рассматриваются как модель взаимодействия между государством и обществом в теоретически заданной исследователем конкретной сфере политики [Borzel, 1998, p. 254].

В качестве теоретической основы нашего исследования следует отдельно обозначить концептуальные идеи, сформулированные представителями современного неомарксизма и неовеберизма, которые, к большому сожалению, не являются широкообсуждаемой и популярной темой российского политологического дискурса. На наш взгляд, неомарксизм в версии мир-системного анализа И. Валлерстайна и неовеберизм в версии М. Манна и Р. Коллинза — одни из наиболее эвристичных подходов с точки зрения методологической рефлексии, связанной с исследованием заявленной темы.

Оценивая значение М. Манна для современной науки, Джон Холл признался, что он «всегда считал Майкла Манна Максом Вебером нашего поколения» [Манн, 2014, с. 7]. В значительной степени такая оценка обусловлена тем, что теоретический каркас творчества М. Манна основан на выявлении различных источников социальной власти. В контексте нашего исследования это особенно интересно, так как может быть непосредственно связано с теоретическим обоснованием применения сетевого подхода к анализу развития публичной дипломатии в Крыму.

Суть сетевого подхода М. Манна можно проиллюстрировать на основе обращения к его фундаментальной четырехтомной работе «Истоки социальной власти». Первый том книги, принесшей автору мировую

⁷⁵ См.: Borzel T.A. Organizing Babylon — on the different conceptions of policy networks // Public Administration. 1998. Vol. 76. P. 253–273.

известность, был опубликован в 1986 г. под названием «История власти с начала до 1760 г. нашей эры»⁷⁶, второй том был издан в 1993 г. под названием «Возвышение классов и национальных государств в 1760–1914 гг.»⁷⁷. Заключительные два тома «Истоков социальной власти» были изданы в 2012 и 2013 гг. и названы «Глобальные империи и революция, 1890–1945»⁷⁸ и «Глобализации, 1945–2011»⁷⁹.

В первом томе «Истоков социальной власти» М. Манн формулирует основу собственной сетевой концепции через выявление четырех измерений власти: 1) военно-геополитического; 2) политического; 3) экономического; 4) культурно-идеологического. При этом он опирается на три центральных категории в творчестве М. Вебера (класс, статус и власть), но с привлечением двух выделенных компонентов власти: военного (высшей принудительной силы) и политического (государственного аппарата и политических партий). В контексте интересующей нас темы мы использовали эти идеи М. Манна.

Исследование: основная часть. Основное теоретическое положение, которое составляет идейный каркас нашего исследования, заключается в том, что социальный капитал можно рассматривать как концептуальную основу для развития публичной дипломатии в Крыму, которая, в свою очередь, нацелена на преодоление международной изоляции Крыма.

Методология. Развивая идеи П. Бурдьё, социальный капитал мы рассматриваем в качестве коллективного ресурса, который может быть использован для развития разных форм социальной деятельности, в том числе и публичной дипломатии в Крыму. Особое значение имеет при этом положение П. Бурдьё, согласно которому социальный капитал опосредован религиозными традициями и доминирующими ценностями. Применяя эти положения к анализу развития публичной дипломатии в Крыму, можно утверждать, что понятие социальный капитал отражает способность местного сообщества к самоорганизации и совместным действиям для достижения как индивидуальных, так и коллективных целей, которые связаны с преодолением международной изоляции Крыма.

⁷⁶ См.: Mann M., 1986. The Sources of Social Power. Vol. 1: A history of Power from the Beginning to 1760 AD. Cambridge (UK), Cambridge University Press, 468 p.

⁷⁷ См.: Mann M., 1993. The Sources of Social Power. Vol. 2: The Rise of Classes and Nation-States, 1760–1914. Cambridge (UK), Cambridge University Press, 364 p.

⁷⁸ См.: Mann M., 2012. The Sources of Social Power. Vol. 3: Global Empires and Revolution, 1890–1945. Cambridge, Cambridge University Press, 428 p.

⁷⁹ См.: Mann M., 2013. The Sources of Social Power. Vol. 4: Globalizations, 1945–2011. Cambridge, Cambridge University Press, 324 p.

Важным элементом методологии нашего исследования является обращение к концепции Р. Патнэма, вслед за которым мы использовали трехфакторную модель социального капитала: нормы взаимности, доверие и социальные сети.

В качестве методологического приёма мы также использовали сетевой подход, в версии Г. Родеса и Д. Марша, в соответствии с которым мы ввели в концептуальный каркас нашего исследования термин «сетевые взаимодействия» как особый тип горизонтальных связей политических и социальных акторов, каждый из которых обладает определенным набором ресурсов. Принципиальное положение для нашего исследования имеет идея Г. Родеса о том, что для достижения своих собственных целей сетевые акторы обмениваются ресурсами, в результате чего обеспечивается достижение общих интересов.

Все методологические подходы, перечисленные выше, на наш взгляд, не противоречат друг другу, поэтому в нашем анализе они были дополнены типологией сетей М. Манна, который выделил военно-геополитические, политические, экономические и культурно-идеологические сети.

Процедура исследования. На основе концепции социального капитала и сетевого подхода мы проанализировали крымский опыт публичной дипломатии как модель международной деятельности негосударственных акторов, действующих в сфере экономики, политики, информационного пространства, культуры, религии, образования и науки, этнической самоорганизации, а также на уровне профессиональных объединений и др.

Процедура исследования включает два сегмента — теоретический и аналитический. Теоретическая часть статьи содержит обобщение основных концептуальных подходов к изучению феномена социального капитала с извлечением наиболее ценных с эвристической точки зрения положений, которые могут быть использованы для описания модели публичной дипломатии в Крыму. Во второй части статьи, применяя теоретические положения концепции социального капитала и сетевого подхода, на аналитическом уровне мы описали современные международные связи Крыма, которые осуществляются негосударственными акторами в условиях санкций. При этом мы изучали деятельность как индивидуальных, так и коллективных акторов, в разных типах сетей: политических, экономических, профессиональных, сетях производителей, социальных сетях, которые формируются на основе взаимодействия общественных организаций.

Результаты исследования. Главным результатом исследования является обоснование положения о том, что развитие публичной ди-

пломатии в Крыму следует рассматривать в контексте достижения задач индивидуальной, общественной и государственной значимости, которые осуществляются при помощи мягкой силы. Реализация этих задач зависит от уровня социального капитала, который уже сформирован в местном сообществе и тесно связан с формированием доверия и сетевых взаимодействий.

Как показывает анализ деятельности участников сетевого обмена ресурсами в Крыму, все типы сетей задействованы в сфере общественной активности, которая может характеризоваться как публичная дипломатия. При этом, вслед за Кастельсом, мы рассматриваем «сеть» как набор взаимосвязанных узлов, а «сетевое общество» — как общество, в котором большинство процессов и функций организовано в соответствии с децентрализованной сетевой логикой организации. Также мы используем понятие «Сетевое пространство» как пространство, основными компонентами которого являются ресурсы, которыми обмениваются акторы сети⁸⁰.

Вслед за М. Манном, мы считаем, что каждая сеть связана с реальными организациями, которые вступают в конфигурацию материальных ресурсов. Некоторые из этих сетей могут продуцировать идеи, эмоции и чувства легитимности. Кроме того, все, что производится и организуется в каждом типе сети, имеет глубокое причинное обоснование.

В соответствии с этими положениями мы рассмотрели публичную дипломатию в Крыму как сетевой процесс. Как указывает М. М. Лебедева, публичная дипломатия «может осуществляться непосредственно государственными ведомствами, а может опосредованно — через НПО, СМИ, бизнес-агенты, университеты с их образовательными программами» [Лебедева, 2015, с. 47]. Следовательно, опираясь на сетевой подход в версии М. Манна, который мы использовали в качестве одного из методологических приёмов, мы можем утверждать, что развитие публичной дипломатии в Крыму осуществляется на уровне экономических, политических и культурно-идеологических сетевых взаимодействий.

Следуя за М. Манном, мы структурировали общественные сферы, в которых осуществляется публичная дипломатия в Крыму: экономика; политика; информационное пространство; культура; религия; этническая самоорганизация; образование и наука. Анализ международных связей сетевых акторов в Крыму показывает, что преследуя свои собственные интересы, каждый из них реализует функции публичной

⁸⁰ См.: Castells M. Materials for an exploratory theory of the network society // British Journal of Sociology, 2000. № 51. P. 5–24.

дипломатии, что соответствует коллективным целям и интересам. Это можно объяснить тем, что обладая определённым набором ресурсов, сетевые акторы, в результате обмена собственными ресурсами, способствуют развитию сетевых взаимодействий и накоплению социального капитала. В итоге, преследуя собственные цели, они способствуют реализации не только целей других сетевых акторов, но и социально значимых целей. В частности, развивая международное сотрудничество на горизонтальном уровне, сетевые акторы способствуют преодолению международной изоляции Крыма, связанной с санкциями. Акторами публичной дипломатии в этом случае выступают как отдельные лица, к примеру, политики или государственные чиновники, так и общественные организации и объединения, например, профессиональные объединения, женские и молодёжные организации, органы местного самоуправления, национально-культурные объединения и т.д.

В качестве примера публичной дипломатии, осуществляемой в экономической сфере, мы рассмотрели Ялтинский международный экономический форум (ЯМЭФ) — ежегодное деловое международное мероприятие, проводимое в Крыму. Наряду с Петербургским международным экономическим форумом, Восточным экономическим форумом и Сочинским инвестиционным форумом, ЯМЭФ входит в четверку крупнейших экономических форумов России.

Организаторами форума являются Правительство Республики Крым и Фонд «Ялтинский международный экономический форум». Мероприятие проводится при поддержке Администрации Президента Российской Федерации. Участниками форума являются государственные чиновники РФ высокого уровня, международные эксперты, влиятельные международные и российские бизнесмены и экономисты, представители крупнейших деловых организаций, экономические и политические лидеры из различных стран. В условиях международной изоляции Крыма ЯМЭФ выполняет функции главной площадки России для демонстрации инвестиционных возможностей и потенциала Крыма.

К примеру, ЯМЭФ — 2016, который состоялся 14–16 апреля 2016 года, собрал на своей площадке более 1100 человек, включая государственных деятелей, представителей делового сообщества, экономических экспертов. В их числе — более 70 международных участников из 26 стран мира. В частности, в форуме приняли участие: депутат Европарламента Маркус Претцель, заместитель председателя комитета по конституционным вопросам и член комитета по рынку и потребительским правам (Германия); депутат Европарламента Яромир Кохличек (Чехия), председатель молодежной организации партии «Альтернатива для Германии» Маркус

Фронмайер. В работе форума участвовали депутаты австрийского парламента Аксел Кассеггер, Барбара Розенкранц, а также члены правления фонда «Польско-евразийский экономический совет» Матеуш Пискорски и Марина Клебанович, депутат Регионального совета области Венеция (Италия) Стефано Валдегамбери, директор Европейского центра геополитического анализа Александер Штельзли и др.

На форуме было подписано 12 инвестиционных соглашений на общую сумму более 70 млрд рублей, разработан механизм защиты иностранных инвесторов, желающих работать в Крыму, от негативного воздействия санкций, заключен договор о строительстве нового аэровокзала в аэропорту «Симферополь», сумма инвестиций которого составит 32 млрд рублей, что является крупнейшим инвестиционным проектом в новейшей истории Республики Крым.

Важный фокус ЯМЭФ — поиск принципиально новых подходов и инструментов для решения задач социально-экономического развития, обсуждение лучших мировых бизнес-практик. Дискуссии форума строятся вокруг поиска ответов на современные вызовы, они затрагивают широкий спектр тем: создание конкурентной, диверсифицированной, не зависящей от экспорта природных ресурсов современной рыночной экономики, эффективное взаимодействие бизнеса и власти, развитие конкурентоспособного инновационного производства и современных технологий, раскрытие кадрового потенциала, поддержка малого и среднего бизнеса. Большое внимание уделяется также вопросам международного и межрегионального сотрудничества⁸¹. По мнению вице-преьера Республики Крым, представителя Республики при Президенте РФ, Г.Л. Мурадова, важное значение форума заключается в том, что на этой площадке обсуждаются наиболее эффективные формы сотрудничества представителей крымского бизнеса с зарубежными коллегами в условиях санкций⁸².

Осуществлённый нами обзор интернет-ресурсов, освещающих визиты зарубежных делегаций в Крым, показал, что на уровне сетевых взаимодействий, развивающихся в разных сферах — экономике, политике, культуре, образовании, науке и других, осуществляется развитие взаимовыгодных контактов, способствующих прорыву международной блокады Крыма. При этом оказывается задействованным фундаментальное основание социального капитала, которое выражается в дове-

⁸¹ См.: Ялтинский Экономический форум [Электронный ресурс]. URL: <http://forumyalta.com/pages/about/> (дата обращения: 12.01.2017).

⁸² См.: Территория возможностей // Деловой Крым. 2016. № 3. Апрель–май. С. 24–28.

рии, сформированном в предыдущие годы активных международных связей Крыма.

В частности, в результате нескольких визитов в Крым, совершённых итальянскими бизнесменами, между ними и крымскими производителями, началось обсуждение инвестиционных проектов, связанных с развитием виноградарства и виноделия, производства моцареллы и создания буйволиной фермы в Крыму, системы опреснения морской воды и Яхтенной марины в Балаклаве.

Чешские инвесторы, побывавшие в Крыму по линии сотрудничества с Крымской Торговой Палатой, готовы вкладывать свои ресурсы в модернизацию системы ЖКХ, в основном в части водоснабжения. Израильские предприниматели, активно развивающие связи с Всекрымским Еврейским конгрессом, заинтересованы в проектах, связанных с развитием сельского хозяйства и рыбной промышленности в Крыму, а также системы энергобезопасности. Болгарский бизнес рассматривает возможность инвестиций в развитие морского судоходства в Крыму. При этом в развитии связей с Болгарскими предпринимателями большую роль играют общественные организации крымских болгар, такие как Республиканское общество депортированных болгар имени братьев Стояновых и Республиканская Болгарская национально-культурная автономия.

После визита турецкой делегации в Крым, который состоялся 25 ноября 2016 года, наметились инвестиционные проекты, связанные с восстановлением деятельности мобильного оператора «Turkcell», у которого остались вышки мобильной связи и оборудование на полуострове, а также строительной кампании «Эрбэк», которая до инцидента с российским самолётом в Турции была основным подрядчиком строительства соборной мечети в городе Симферополе.

В состав турецкой делегации входили глава турецкой Ассоциации евразийских правительств Хасан Дженгиз, вице-мэр Анкары Ахмет Тунч, член генерального совета партии «Ватан» Ахмет Нури Туркеш⁸³. В организации визита большую роль сыграла общественная крымско-татарская организация «Къырым Бирлиги». Примечательно, что деятельность этой организации поддерживают крымские татары, проживающие в Турции. В частности, Ассоциация крымско-татарских дернеков, проживающих в Турции, неоднократно выражала свою поддержку Сейтумеру Ниметуллаеву, лидеру «Къырым Бирлиги». В состав ассоциации входят известные в Турции общественные организации, такие как

⁸³ См.: Турецкий бизнес вернётся в Крым [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2210021.html> (дата обращения: 12.01.2017).

Общество крымских татар в Анкаре, Всетатарское общество культуры и спорта, Общество культуры и социальной солидарности крымских татар в Стамбуле, Общество исследования истории Крыма и развития социальной стратегии, общество духовной культуры крымцев.

Для анализа развития международных связей Крыма в политической сфере представляет интерес изучение контактов крымского политикума с политическими деятелями зарубежных стран. Так, с начала 2016 года Крым посетили более 60 зарубежных делегаций, в состав которых входили парламентарии и политические лидеры, среди которых особо следует отметить делегации из Италии, Франции, Германии, Греции и Японии и США.

Так, в составе итальянской делегации были представители депутатского корпуса национального собрания Итальянской республики и регионов Венето, Тоскана, Лигурия, Эмилия-Романья, Ломбардия, города Падуа, парламенты которых приняли резолюции, призывающие признать полуостров в составе России и прекратить санкционную политику в отношении Крыма.

В 2016 году Крым посетила французская делегация, в составе которой было девять депутатов Национального собрания, два члена сената Франции. Возглавлял делегацию Тьерри Мариани, занимавший при президенте Николя Саркози пост министра транспорта Франции.

В состав греческой делегации входили мэр города Александруполис Лимбакис Евангелос, почетный консул РФ в Восточной Македонии и Фракии Габаэридис Константинос, председатель Торгово-промышленной палаты региона Эврос Топсидис Христулос.

В составе американской делегации Крым посетили бывшие государственные чиновники и общественные деятели. Делегация из США прибыла в Крым на деловую встречу с мэром Симферополя Виктором Агеевым и главой города Геннадием Бахаревым. Возглавила американскую группу представителей общественности основатель Центра гражданских инициатив Шэрон Тэннисон. Член американской делегации, правозащитница и отставной полковник армии США Энн Райт сообщила об инициативе создания «крымско-американского общества дружбы», целью которого стало бы укрепление дружеских связей между гражданами России и США.

Особая активность в отношении Крыма характерна для представителей японского политикума. В частности, председатель японской патриотической партии «Иссуй-Кай» Мицухиро Кимура в 2014–2016 гг. семь раз посетил Крым. Также в Крыму с частным визитом побывал экс-премьер Японии Юкио Хатояма.

Активное взаимодействие с зарубежными странами осуществляется в сфере культуры Крыма. В частности, одной из площадок для развития публичной дипломатии можно считать международный театральный фестиваль «Театр. Чехов. Ялта», на который приезжают артисты из зарубежных стран, а также международный кинофестиваль «Евразийский мост», в котором принимают участие зарубежные, в том числе и европейские кинематографисты.

Несмотря на санкции, в Крым приезжают зарубежные музыканты. К примеру, с 8 по 11 сентября 2016 г. республику посетила группа музыкантов из Японии для проведения концертов с использованием традиционного японского инструмента — бамбуковой флейты «сякухати». После посещения Ливадийского дворца была организована встреча с членами Крымского республиканского отделения общероссийской организации Общества «Россия — Япония».

28 сентября 2016 года в г.Судак состоялся совместный российско-австрийский концерт, который бал оценен самими музыкантами как шаг гражданского мужества, так как каждый участник добровольно принял решение о поездке на полуостров. Австрийские музыканты назвали свою поездку «миссией доброй воли».

Активное участие в преодолении международной изоляции Крыма принимают общественные организации. С этой целью руководители и представители более чем 30 общественных организаций и национально-культурных автономий Республики Крым в 2016 году создали Черноморскую ассоциацию международного сотрудничества (ЧАМС). Возглавил Ассоциацию заместитель Председателя Совета министров Республики Крым — Постоянный Представитель Республики Крым при Президенте РФ Георгий Мурадов.

12 октября 2016 года Ассоциация провела в Ялте Международную конференцию «Крым в современном международном контексте», в рамках которой состоялась конференция «Новая роль общественной дипломатии в развитии международного сотрудничества». В конференции приняли участие представители органов государственной власти, бизнеса и СМИ из двадцати стран мира. На конференции подчеркивалось, что важной составляющей публичной дипломатии в Крыму является прорыв информационной блокады и снятие санкций с Крыма и России в целом⁸⁴.

⁸⁴ См.: В Ялте прошла конференция «Крым в современном международном контексте» [Электронный ресурс]. URL: <http://yalta.rk.gov.ru/rus/index.htm/news/345469.htm> (дата обращения: 12.01.2017).

В сфере образования наиболее активная роль в развитии международных связей принадлежит Крымскому федеральному университету имени В. И. Вернадского, в котором обучаются студенты из зарубежных стран, проводятся международные конференции. Известной научной площадкой для развития публичной дипломатии можно считать Харакский форум, который проводится университетом дважды в год в бывшем имении Георгия Михайловича Романова в Хараксе (Ялта), начиная с 1997 года и привлекает участников не только из разных регионов России, но и из зарубежных стран. В частности, в XXX Харакском форуме, который состоялся в мае 2016 года, приняли участие ведущие ученые из Индии, Словакии, Чехии, Болгарии и Польши. Труды форума издавались в России, Украине и Норвегии⁸⁵, готовится издание в Индии. Форум активно использует информационные ресурсы для международной деятельности, в частности имеет свой сайт и странички в сети Фейсбук⁸⁶.

Анализ результатов. Рассмотренные выше процессы свидетельствуют о переплетении экономических и политических интересов, которые характерны для сетевых взаимодействий, осуществляющихся в Крыму в условиях международной изоляции, как на официальном, так и на неформальном уровне.

Сетевые акторы, осуществляющие функции публичной дипломатии, активно развивают взаимовыгодное международное сотрудничество, которое позволяет в обход санкций достигать поставленные цели. Это касается экономики, политической сферы, культуры, науки, образования и других сфер общественной жизнедеятельности.

Важную роль в этом процессе играет социальный капитал, являющийся коллективным ресурсом, который опосредован традициями и доминирующими в местном сообществе ценностями, а также предполагает набор социальных норм и обменов, обусловленных уровнем доверия сетевых акторов друг к другу.

Анализ сетевых взаимодействий крымских и зарубежных акторов, связанных с реализацией функций публичной дипломатии, раскрывает характер международных горизонтальных связей политических и социальных акторов, каждый из которых обладает определенным

⁸⁵ См.: Identity and Collective memory / Ed. by Kjartan Selnes and Tatiana Senyushkina. — Oslo: Norway humanist association, 2013. — 283 p.

⁸⁶ См.: Официальный сайт Харакского форума [Электронный ресурс]. URL: <http://charaxforum.cfuv.ru/>; Страница Харакского форума в сети Facebook [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/CharaxForum?fref=ts> (дата обращения: 12.01.2017).

набором ресурсов. Для достижения своих собственных целей сетевые акторы обмениваются ресурсами, в результате чего обеспечивается достижение общих интересов и целей. В нашем случае — это преодоление международной изоляции Крыма.

Заключение. В ходе проведённого исследования было выявлено, что в Крыму формируется особая модель публичной дипломатии как система международной деятельности негосударственных акторов, действующих в сфере экономики, политики, культуры, информационного пространства, религии, образования и науки, этнической самоорганизации, а также на уровне профессиональных объединений и др.

Успех публичной дипломатии как одного из механизмов мягкой силы, зависит от уровня социального капитала, который уже сформирован в местном сообществе и тесно связан с формированием доверия и сетевых взаимодействий.

Исследование подтвердило оптимальный методологический выбор и показало, что выявление особенностей крымской модели публичной дипломатии как на теоретическом, так и на прикладном уровне может осуществляться на основании методологии, базирующейся на использовании теории социального капитала и сетевого подхода.

Перспективы дальнейших исследований заявленной темы могут быть связаны как с теоретическим, так и с прикладным компонентом. В частности, требует дальнейшего развития методология исследования социального капитала, включая измерение его уровня не только в Крыму, но и в других регионах Российской Федерации.

Литература

1. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
2. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки современность*. 2001. № 3. С. 122–139.
3. Лебедева М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов // *Международные процессы*. 2015. Т. 13. № 4. С. 45–56.
4. Манн М. Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А.Холлом / пер. с англ. К. Бандуровского; под ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 208 с.
5. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: Изд. фирма «Ad Marginem», 1996. 234 с.
6. Borzel T. A. Organizing Babylon — on the different conceptions of policy networks // *Public Administration*. 1998. Vol. 76. P. 253–273.

THE ROLE OF SOCIAL CAPITAL IN OVERCOMING THE INTERNATIONAL BLOCKADE OF THE CRIMEA

Tatiana A. Senyushkina

Abstract. *International isolation of Crimea is regarded in the article as a result of the exacerbation of contradictions in the system of modern international relations. The urgency is due to the necessity of conceptual justification of mechanisms to overcome the international blockade of the Crimea in the context of its integration in the Russian economic, political and legal space. The author considers one of heuristically valuable methodological approaches that can be used for this purpose, is the concept of social capital, the main provisions of which are summarized in the article to justify the possibility of its use in the development of public diplomacy in the Crimea, which is regarded as one of the tools of soft power.*

Methodology includes both theoretical and practical segment. Applying the concept of social capital and network approach at the theoretical level, the author analyzed the the Crimean experience of public diplomacy on the basis of an analytical synthesis of information contained in Internet resources of the Crimea.

The authors assert that the development of public diplomacy in the Crimea should be considered in the context of its conformity to the goals and objectives of the individual, social and state importance. The consistency of these tasks depends on the degree of social capital accumulation, which has already been formed in the local community and is closely linked with trust.

It is noted the intertwining of economic and political interests that are characteristic of network interactions carried out in the Crimea, both on a formal and informal level. On concrete examples it is shown that network actors exercising functions of a public diplomacy, actively develop mutually beneficial international cooperation, which allows to bypass the sanctions achieve their goals.

The main result of the study is the conclusion that in the Crimea formed a special model of public diplomacy as a system of international activities of non-state actors operating in the sphere of economy, politics, culture, information space, religion, education, ethnic self-organization, as well as at the level of professional associations, etc.

Key words: *social capital, social networks, trust, public diplomacy, soft power, Crimea.*

References

1. Burd'e, P. (2007). Sociologija social'nogo prostranstva [Sociology of social space] Moskva: Institut jeksperimental'noj sociologii; Sanktpeterburg.: Aletejja.

2. Koulman, Dzh. (2001). Kapital social'nyj i chelovecheskij. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 3, 122–139.
3. Lebedeva, M. (2015). Publichnaja diplomatija v uregulirovanii konfliktov. *Mezhdunarodnye processy* [International processes]. T. 13, 4, 45–56.
4. Mann, M. (2014). Vlast' v XXI stoletii: besedy s Dzhonom A. Hollom [Power in XXI century: conversations with J. Hall]. Moskva: Izd. dom Vysšej shkoly jekonomiki.
5. Patnjem, R. (1996). Chtoby demokratija srabotala. Grazhdanskie tradicii v sovremennoj Italii [The democracy in action. Civil traditions in modern Italy]. Moskva: Izd. firma Ad Marginem.
6. Borzel, T. (1998). Organizing Babylon — on the different conceptions of policy networks. *Public Administration*, Vol. 76, 253–273.

Информация об авторе

Сенюшкина Татьяна Александровна,

доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политических наук и международных отношений философского факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Россия,

tsenyushkina@yandex.ru

Tatiana A. Senyushkina

Doctor of Political Sciences, professor,

Professor of the department of political science and international relations

Of the Department of Philosophy, Taurida Academy, Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Russia, tsenyushkina@yandex.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И ПРАКТИКИ РЕИНТЕГРАЦИИ КРЫМСКО-ТАТАРСКОГО НАРОДА В РОССИЙСКИЙ СОЦИУМ

П. В. ТАРУСИН

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы формирования и осуществления политических коммуникаций с крымско-татарским народом, нацеленными на его ускоренную и органичную интеграцию в состав российского общества. Раскрыты основные факторы, влияющие на динамику и состояние данных процессов, а также на формы и содержание организуемых информационных контактов, для описания которых использован социальный подход.

К сожалению, историческая память и содержание самосознания крымско-татарской общины не способствуют поддержке идей интеграции и стремлению к диалогу с новой властью и иными социальными/национальными группами, проживающих на территории полуострова. Подобные настроения активно поддерживаются лидерами Меджлиса, стремящимися к восстановлению государственности крымских татар.

В условиях, когда действия федеральных и региональных властей, политических и общественных движений, направленные на поддержку «коренного» народа, его органичное вовлечение в структуры российского социума, некорректно отражаются национальным самосознанием, на первое место выходят механизмы и технологии изменения общественного мнения крымских татар, привычной модели восприятия им социальных и политических реалий. Однако текущее состояние коммуникативных механизмов и практик информационного взаимодействия с крымско-татарским народом не соответствуют поставленным задачам, а также условиям их организации.

Региональные власти и СМИ уступают оппонентам в эффективности коммуницирования, что создает серьезные препоны, как на пути органичной интеграции «коренного» народа, так и создания благожелательного информационного фона для политической и экономической «деблокады» полуострова. Существует острая потребность в изменении методов и практик информационных контактов, в расширении

числа их субъектов, в применении более действенных форм и способов коммуницирования в соответствии с текущим состоянием интеграционных процессов и условий их протекания.

Ключевые слова. Политические коммуникации, национальное самосознание, общественное мнение

Введение. Резко негативное отношение крымско-татарской общины — единственной из этнических групп полуострова — к воссоединению Крыма с Россией представляет одну из ключевых проблем на пути формирования благоприятных условий для ее интеграции в российский социум. Активное сопротивление крымских татар процессам объединения стало одной из основных причин обращения к силовому сценарию, что и предопределило нежелательный вариант развития отношений с западными партнерами.

Осложняет процессы интеграции и то, что коренные интересы крымско-татарского народа стали разменной монетой в геополитическом противостоянии западных стран (и Украины) с Россией, образуя «двойное дно» коммуникативных взаимодействий региональных властей и общества с одной стороны и крымско-татарского народа с другой. Содержание и формы данных контактов оказались в значительной степени производными от контекста отношений и действий нашей страны и ее оппонентов на международной арене.

Особо подчеркнем, что в повестке дня стоит вопрос не национального примирения или согласия, а органичного и бесповоротно-го включения крымско-татарского этноса в федеративное устройство России, которую тот, в целом, продолжает воспринимать в советских (имперских) стереотипах и чертах. Интеграционные процессы требуют сближения систем оценочных координат коллективного мнения в отношении как исторических событий, так и современных процессов и явлений. От способности российской власти, общественно-политических объединений и СМИ изменить точку зрения коренного народа на происходящие события во многом зависит и результат прилагаемых усилий по снятию политической и экономической блокады полуострова.

Теоретические основания исследования. Для анализа и трактовки коммуникативных взаимодействий с крымско-татарской общиной полуострова применен социальный подход, рассматривающий коммуникации в ракурсе социальной специфики организуемых информационных обменов [Соловьев, 2004, с. 18]. Тем самым коммуникация выступает формой осмысленного «ответа» адресата на поступающую информацию, результатом удачной попытки отправителя войти в контакт с получателем, то есть предполагает диалог, обратную связь, а не

однаправленное информирование. Применительно к сфере политики это означает, что актор, установивший коммуникацию и оказавшийся способным ее поддерживать на основе собственных идей, мнений, мифов, символов, лозунгов, позиций, получает возможность регулировать настроениями и поведением контрагентов.

Под коммуникативными механизмами здесь понимается совокупность моделей, технологий, инструментов и источников информационных контактов, как особого типа организации социальных и политических взаимодействий. Информационно-коммуникационные системы, возникающие в различных областях социального пространства, представляет «институализированные и структурно закрепленные информационно-коммуникационные связи конкретных коммуникаторов и реципиентов, обладающие соответствующими механизмами саморазвития, языками, каналами и технологиями общения» [Соловьев, 2004, с. 50].

К сожалению, в силу замкнутости и недоверия крымско-татарской общины к проводимым опросам применение социологических методов и инструментов для изучения массовых настроений и коллективного мнения последней в нынешних условиях оказывается весьма затруднительным, если вообще возможным. Поэтому в основу эмпирической базы исследования легли результаты многолетних наблюдений автора в районах компактного проживания крымско-татарского населения, начиная с 1989 года.

Коммуникативные механизмы и практики реинтеграции крымско-татарского народа в российский социум

Самосознание крымско-татарского народа как объект коммуникации

Первоочередными объектами коммуникаций являются:

- представления крымских татар относительно содержания коренных интересов, условий и потенциала их осуществления, дабы минимизировать расхождения между коллективными ожиданиями и реальностью;
- коллективная оценка возможностей реализации собственных притязаний в существующих обстоятельствах и готовности к изменению данных обстоятельств ради осуществления своих требований.

Интеграция крымских татар в состав российского социума — с учетом трагической судьбы «коренного» народа — представляет собой крайне сложную задачу. Прежде всего негативное общественное мнение крымских татар по вопросам присоединения полуострова и отношений с Россией в целом, основывается на глубинных установках и цен-

ностях национального самосознания, изменить которые исключительно путем информационных контактов представляется невозможным.

К сожалению, историческая память и содержание национального самосознания крымско-татарской общины не способствуют восприятию идей интеграции и стремлению к диалогу с новой властью и иными социальными/национальными группами, проживающих на территории полуострова. Под национальным самосознанием здесь понимается «совокупность взглядов и оценок, мнений и отношений, выражающих содержание, уровень и особенности представлений членов национально-этнической общности о своей истории, современном состоянии и будущих перспективах своего развития, а также о своем месте среди других аналогичных общностей и характере взаимоотношений с ними» [Ольшанский, 2001, с. 309]. Различие состояний самосознания крымских татар и иных социальных групп предопределяет и разнообразие, несхожесть форм и содержания выстраиваемых коммуникаций, которые не могут организовываться и проводиться по общим (универсальным) схемам и лекалам.

Специфика самосознания «коренного» народа состоит в том, что после крушения собственного государства он был искусственно «погружен» в состояние анабиоза, что сопровождалось сохранением «родоплеменных пережитков и анахронизмов» в его культуре и самосознании. Потребности выживания сообщества преломились в форме массово разделяемых иллюзий братства и духовного (религиозного) единства его членов. Социальное и политическое разделение тщательно скрывалось, линии размежевания проводились по национальному и конфессиональному критерию. Тем самым, этнические и религиозные установки и ценности массового сознания приобрели устойчивое доминирование над собственно политическими.

В основе самосознания крымско-татарского народа по-прежнему лежит антитеза «мы — они», противопоставление себя и окружающих этнических групп, которое основано на идее собственной исключительности, зеркально отражающей комплекс национальной обиды. Разумеется, в бытовом общении возможна (и широко распространена) терпимость по отношению к представителям иных этносов и социальных групп, но на коллективном уровне доминируют установки недоверия и автаркии. Рационально необъяснимые (коллективно бессознательные) опасения крымских татар по поводу стремлений власти и более крупных этнических групп к их ассимиляции воздвигают трудно преодолимый барьер на пути их интеграции в российский социум.

«Коренное» население открыто заявляет о собственных особых правах, основывающихся на исторической традиции и наследии Крымского ханства, что вызывает раздражение иных этнических групп. «Крым является национальной территорией крымско-татарского народа, на которой только он обладает правом на самоопределение так, как оно изложено в международных правовых актах, признанных мировым сообществом», говорится в Декларации Курултая татар Крыма от 28 июня 1991 г. №45 «О национальном суверенитете крымско-татарского народа» [Губогло, 1996, с. 110].

Реализация данных устремлений несомненно повлечет возвращение традиционных, родоплеменных форм социальной и политической организации и соответствующую «деградацию/примитивизацию» национального сознания. Однако подобные установки и ценности национального сознания беззащитно и своекорыстно «эксплуатируются» крымско-татарской верхушкой, мечтающей о статусе государствообразующей, пусть и ценой регресса условий существования собственного народа и его культуры. Она активно провоцирует соответствующие массовые настроения, используя как собственные коммуникативные механизмы, так и своих временных союзников и партнеров.

Яркое эмоциональное переживание судьбоносных событий падения собственного государства и депортации сформировало крайне негативную схему восприятия ключевых явлений политической реальности, в том числе и воссоединение Крыма. Закрепившееся в череде поколений и некритически воспринимаемое с детства недоброжелательное отношение к России сохраняется, зачастую в латентной форме, чрезвычайно долгое время. Причем воспроизводство данных установок происходит вопреки очевидным фактам социальной реальности.

«Одна из причин ожидания изменений в худшую сторону — на генетическом уровне, потому что ни одна из страниц истории Крыма, которая была написана с участием России, не была хорошей», — отражает точку зрения «коренного народа» крымский политолог Юсуф Куркчи [Коммерсантъ, 2014]. С другой стороны, многовековая историческая и религиозная общность турецкого и крымско-татарского народов, наличие влиятельной диаспоры последнего на территории Турции, предопределили особо теплые, тесные отношения между ними.

Немало способствовала возрождению антироссийских и сепаратистских установок в (само)сознании вернувшихся на «историческую родину» крымских татар и политика независимой Украины. Используя последних в качестве инструмента сдерживания пророссийских ориентаций и настроений населения полуострова, киевские власти

целенаправленно усиливали «комплекс жертвы» «коренного» народа. Радикализация национального самосознания, особенно молодежи провоцировала настойчивые требования в отношении крымско-татарской государственности, зачастую на религиозной основе.

Нынешний уровень расхождений в восприятии и оценках политических и социальных реалий скорее препятствует встречному движению и взаимопониманию крымских татар и власти, иных социальных групп, служит источником возникновения потенциальных конфликтов. Однако формирование общих оценок и на их основе соответствующих поведенческих установок невозможно навязать, но лишь совместно выработать, учитывая точку зрения партнера. В противном случае цели коммуникации не будут достигнуты, она просто не состоится, либо ее содержание будет проинтерпретировано совершенно иначе, нежели ожидалось.

Соотношение социального бытия крымских татар и их самосознания

К сожалению, в нынешних условиях отсутствуют возможности для кардинального переворота в организации экономической деятельности и социально-культурных условий жизни и быта крымско-татарского населения, который позволил бы изменить сознание, коллективное мнение основной его части, проживающей в замкнутых районах (местностях). Надо честно признать, что планы развития мест компактного проживания «коренного» народа (дороги, производство, развитие бизнеса и внутреннего туризма) смещаются по времени вправо. Хотя это объективно неизбежно, поскольку в первую очередь необходимо решить задачи стратегического характера, связанные с интеграцией с Россией ключевых сфер региона: экономики, курортной базы, дорожной сети, энергетики. Тем самым, формирование информационного контента и выбор организационных, структурных форм его проведения необходимо корректировать со стратегическими целями и условиями соответствующих этапов/фаз интеграционных процессов между Крымом и материком, что задает весьма серьезные ограничения на функционирование коммуникативных механизмов.

Парадоксально, но традиционные ценности и поведенческие установки, представляющие наиболее стабильные и консервативные компоненты национального сознания, неожиданно приобрели поддержку со стороны современного уклада повседневной жизни и труда крымского татарской общности, особенно в сельских анклавах. Их воспроизводство и культивирование в условиях фактически «натурального хозяйства» и культурной замкнутости местных общин представляет защитную реакцию крымско-татарского меньшинства, направленную на сохранение национальной идентичности и экономического выжи-

вания путем мобилизации внутренних ресурсов при недостаточности государственной поддержки на протяжении последних десятилетий. За счет исключительно прочных родственных и семейных связей, традиции почитания старейшин, деревенские анклавные фактически подавляют новые формы политического сознания, нормы и обычаи поведения, которые рождаются в многонациональной городской среде.

Тем не менее, происходящие изменения в системе социальных и политических институтов/отношений постепенно трансформируют коллективное мнение и матрицу потребностей «коренного народа», что сопровождается *обострением* с последующим разрешением, но уже в новой комбинации, противоречий обыденных форм сознания с его менее подвижными компонентами: стереотипами, обычаями, традициями. Наиболее заметны эти процессы в динамике массовых настроений, которые демонстрируют степень удовлетворенности коллективных потребностей. Недостаточная осмысленность последних особенно в начальной фазе решительного перехода *временно* затрудняет контроль властей над ними, провоцируя на применение силовых методов регулирования, что только подтверждает ключевые установки и оценки общественного мнения. Грамотное же использование коммуникативных механизмов позволяет сглаживать/регулировать в желательном ключе динамику/ритмику массовых настроений крымско-татарской общины.

Следует признать, что местных русских и крымских татар до сих пор разделяют взаимные подозрения и неприязнь, которые, к счастью, не вылились в массовые насильственные столкновения. Однако взаимная подозрительность крымских этносов и опасливое отношение руководства региона к крымским татарам делает необходимым предварительное культивирование атмосферы безопасности и разумности распределения ресурсов, в том числе и за счет формирования соответствующего содержания политических коммуникаций, активного включения в них крымско-татарского населения.

Серьезные поводы для опасений за собственное будущее в составе России создают и утверждающиеся на полуострове политические и властные практики, жесткость выстраиваемой вертикали государственной власти, несоответствующие исторической традиции крымских татар, привыкших решительно отстаивать свои интересы, в том числе методами публичного протеста. Тем не менее, поскольку диспаритет сил и возможностей для отстаивания своих позиций является очевидным, крымско-татарская община не проявляет заметной публичной активности, хотя возникшее напряжение и неприятие в отношениях с новой властью, разумеется, нигде не исчезло.

Крымско-татарский народ предпочел приспособляться, а не жертвовать собой ради амбиций своих бывших лидеров, массового оттока населения нет: даже недовольные присоединением к России предпочитают оставаться «на своей земле». Призывы и действия меджлиса по блокаде Крыма ударили по самим крымским татарам, запустив процессы размежевания его верхушки. Тем не менее, крайне нецелесообразно публично вмешиваться во внутренние процессы обновления крымско-татарской элиты, поскольку подобные действия будут восприниматься как пристрастные попытки со стороны нелегитимной власти навязать удобные той персоналии. Хотя Меджлис и серьезно скомпрометирован, выращивание пророссийского лобби из числа коренного народа представляет серьезную проблему.

К сожалению крымско-татарская община до сих пор блокирует появление из своей среды лидеров, обладающих необходимым авторитетом и поддержкой, которых можно было бы ввести в коммуникации. Наделение новых лидеров символическим и репутационным капиталом невозможно осуществить волевым решением извне. Былые заслуги и доверенность деятелей меджлиса, в силу когнитивного диссонанса, не могут быть подорваны исключительно путем одностороннего информирования, оно должно «наложиться» на определенные сдвиги в самосознании и настроениях крымских татар. В противном случае разумные и обоснованные аргументы будут восприниматься как шельмование и пропаганда, только укрепляя веру масс в прежних «вожачков».

Задачи, способы и формы применения коммуникативных механизмов

Общественное мнение формируется и за счет действия специальных структур, которые на профессиональной основе вырабатывают и транслируют определенные оценки от лица общественности, к числу которых относятся:

- государственные информационные структуры;
- корпоративные структуры (информационные отделы партий, общественно-политических движений, оформленных групп интересов, аналитические центры);
- специализированные информационные структуры (консалтинговые и рекламные агентства);
- СМИ;
- организации, занимающие в информационном пространстве не признанные легально позиции;
- медиамагнаты, имеющие специфические установки и соответствующие выходы на информационный рынок;
- различные сегменты регионального социума.

Однако в Крыму в настоящее время отсутствуют политические партии и общественные объединения⁸⁷, СМИ, бизнес-корпорации и прочие субъекты, реально заинтересованные в формировании массовой ИКС в сфере интеграции крымско-татарского народа и нацеленные на равноправный диалог с ним. Таким образом, основная тяжесть организации и проведения коммуницирования с крымско-татарской общиной, а также и ответственность, фактически возложена на административную структуру — маломощный сектор по взаимодействию с национальными организациями и конфессиями, входящий в состав управления внутренней политики Министерства внутренней политики, информации и связи Крыма, а также немногочисленные СМИ, подконтрольные региональной администрации.

Это налагает особые требования на подготовку соответствующих руководителей и специалистов, а также обуславливает потребность в создании системы надежных сдержек и противовесов от преобладания немаркетинговых форм организации дискурса в этом пространстве. В принципе без использования агитационно-пропагандистских способов воздействия на общественное мнение не может обойтись ни одно государство, ни один политический субъект, заинтересованный в расширении базы социальной поддержки. Однако доминирование данных форм в информационном пространстве неизменно несет в себе угрозу качественного видоизменения коммуникативных процессов. Так, стремление к систематическому контролю над сознанием и поведением групп ведет к манипулированию массовым сознанием, использованием недостойных методов и введения населения в заблуждение, что неизбежно срывает контакты и препятствует формированию действенных каналов обратной связи.

Уважительный, выдержанный тон и манера информационных контактов, недопущение «шатаний», равноправное участие в обсуждении проблем постепенно создадут атмосферу, благоприятную для смены стереотипов, шаблонов сознания и символов веры крымских татар, что, в свою очередь, трансформирует коллективные коды восприятия ими социальной реальности. Здесь требуется умение упрощать сложные рассуждения и аргументацию, так чтобы они были понятны рядовому и недостаточно образованному представителю крымско-татарского населения: доходчивыми и понятными словами (на уровне лозунгов

⁸⁷ Политические партии — по причине собственной слабости, а также проблем с позиционированием крымских татар как потенциального электората. Общественные организации и движения — в силу конкуренции за ограниченные ресурсы, а также неразвешившихся предубеждений против недавних оппонентов.

и символов) объяснить сложнейшие проблемы. Следует соотносить формы и контент налаживаемых коммуникаций с состоянием и реакциями самосознания и мнениями крымско-татарской общины, избирать приемлемые и понятные идеологические и понятийные формы, чтобы не возникало подозрений относительно «благих намерений» организуемого диалога.

Вовлечение крымско-татарской общественности в активный и равноправный диалог будет только способствовать «рационализации» массовых настроений, хотя первое время естественно ожидать бурный всплеск эмоций и даже конфронтацию в сфере коммуникаций. Разумеется, первоначальное размежевание, «стравливающее» пар взаимного недовольства, является необходимой стадией на пути осознания существующих противоречий/расхождений и поиска/достижения взаимовыгодных компромиссов. Однако условиях замкнутости крымско-татарской общины, фактического отсутствия ее представителей в органах власти, вследствие бойкота проводившихся выборов, именно пространство равноправного коммуницирования позволит измерить, выявить состояние массовых настроений и текущих потребностей данной группы.

В нынешних обстоятельствах коммуникативные площадки в какой-то мере дополняют систему социального представительства и согласования интересов. Поэтому вызывает недоумение стремление региональной власти, СМИ, политических партий и общественных организаций «залакировать», закамуфлировать имеющиеся разногласия и конфликты, объясняемое желанием сохранить текущую стабильность социальных и национальных отношений. Действительно, странная позиция — рассчитывать на то, что проблемы рассосутся сами по себе.

К сожалению, недостаточная подготовленность региональных политиков и масс-медиа к организации и проведению коммуникации в формах и по установкам, принятым и работающим именно в крымско-татарской среде, порождает подозрительное отношение к государственным каналам и СМИ, которые якобы навязывают крымским татарам чуждую тем мировоззренческие установки и представления. Необходимо как можно шире подключать к коммуникации кадры из крымских татар, прежде всего представителей их интеллигенции и старейшин, способных создавать смыслы и ценности, органичные исторической памяти и скрытому в толще народа вектору эволюции национального сознания. Именно эти фигуры будут наиболее органично восприниматься в качестве беспристрастных медиаторов обсуждения социально-политических явлений и процессов, чьи мнения и оценки не подвержены предубежденности аудитории.

Организация и осуществление коммуникаций с крымско-татарской общиной происходит в остром противостоянии с Меджлисом и западными СМИ. Последние весьма настойчиво и умело расширяют содержание политического и идейного дискурса за счет тем и вопросов, которые непосредственно не соотносятся с проблемами отношений региональной власти и населения с «коренным народом», как и его интеграции в российский социум, но предлагают иные альтернативы его развития. При этом деятели Меджлиса, более искушенные в общении с соотечественниками и все еще пользующиеся их доверием, обладают эффективными инструментами обратной связи, что многократно усиливает их потенциал по моделированию установок национального сознания и массовых настроений, позволяя добывать намеченного непропорционально малым расходом ресурсов.

Перспективы восстановления крымско-татарской государственности, основным препятствием на пути к которой видится именно Россия, связываются с возникновением масштабного социально-экономического и политического кризиса, последствием которого стало бы открытое противостояние между крымско-татарской общиной и остальным населением и властью региона. Интернационализация конфликта с привлечением ключевых геополитических игроков по убеждению Меджлиса создаст коридор возможностей (по примеру Косова) для учреждения крымско-татарской государственности. Тем самым, крымско-татарская элита объективно нуждается в «раскачивании ситуации» и настроено и впредь провоцировать противостояние по этническому и конфессиональному критерию, пусть и вопреки интересам «коренного» народа. Этой задаче подчинено содержание организуемых ею политических коммуникаций.

Картинке реальности и информационной повестке, предлагаемой меджлисом и его украинскими покровителями, надлежит представить собственную (реалистичную) интерпретацию ключевых событий в истории крымско-татарского народа, как и содержания современных событий и процессов. Следует избегать пристрастно выглядящей критики в адрес меджлиса, не «надувать информационные пузыри» вокруг уголовных дел, инициированных против деятелей меджлиса, поскольку тем самым мы за свой счет поддерживаем их присутствие в информационном пространстве. С другой стороны, успех коммуникации мало зависит от правовой стороны вопроса, тем более, когда коллективный реципиент в своем большинстве не считает справедливыми российские правовые нормы и поводы/случаи их применения.

Проблемы функционирования коммуникативных механизмов

Если отвлечься от официальных заявлений и результатов, и оценивать ситуацию с точки зрения рядового жителя, то придется признать низкую эффективность организуемых коммуникаций. Крымские татары продолжают смотреть и доверять каналам АТР и Черноморский, использовать внутриобщинные источники информации и коммуникационные каналы. В чем видятся причины подобных неустойчивостей?

Оценивая функционирование коммуникативных механизмов, следует учитывать, что прежняя массовая информационно-коммуникативная система (ИКС), в которую крымские татары не успели толком и интегрироваться, разрушена, а новая еще только возникает. Причем закладываемые под нее основания представляются ошибочными.

К сожалению, у руля региональной власти оказались прагматичные хозяйственники, руководствующиеся принципом исторического материализма: общественное бытие определяет сознание. Принцип исторического материализма связывает подобные трансформации с кардинальным изменением условий и форм группового бытия. Однако групповые механизмы восприятия реальности исключают существование жесткой линейной зависимости между условиями социального бытия и тем, как коллективное сознание их воспринимает и оценивает. Этим и обусловлен упор на немаркетинговые, монологичные способы и формы коммуницирования, обманчивая эффективность которых создает иллюзию успешности осуществляемых информационных контактов, действенность используемых аргументов и предложенных оценок. С другой стороны, подобный подход создает комфортные условия для бесконтрольного «освоения» соответствующих информационных бюджетов.

Критерий политической целесообразности ставит во главу угла задачу текущего умиротворения массовых настроений, нежели создание эффективных инструментов моделирования сознания и мнения крымских татар в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Причем время «старта» массовых коммуникаций с «коренным» народом постоянно сдвигается «вправо», в надежде на потенциальные изменения условий его существования. Жесткая вертикаль согласований и распределения ответственности удерживает непосредственных организаторов коммуникаций от проведения информационного курса, который бы противоречил политической воле руководства региона на фактическое замалчивание существующих проблем.

В итоге региональные структуры власти и СМИ в своем большинстве не проявляют инициативы, лишь реагируя на информационные поводы и новости, которые инициируют их противники. Фактически

позиция региональных масс-медиа представляет зеркальное отторжение картинки оппонента, только со сменой знака, что ни в коей мере не убеждает аудиторию. СМИ не стали площадкой обсуждения сюжетов, связанных с крымско-татарскими проблемами. Они, скорее, рисуют благостную картину, мало привязанную к состоянию коллективного мнения и настроениям крымских татар. Более того, открытая и угодливая апелляция к В. Путину и России лишь раздражает массу «коренного» народа, рациональнее делать упор на ценности и установки взаимовыгодного сосуществования.

Линейный подход к организации политического коммуницирования препятствует формированию обратных связей, позволяющих своевременно и адекватно корректировать как содержание информирования, так и методы, способы, условия его распространения. Нежелание/неумение вести равноправный диалог, поднимать животрепещущие вопросы и проблемы, воспринимает оппонентами как признак слабости, отсутствие убедительно аргументированной базы информационного контента осуществляемых со стороны власти и СМИ коммуникаций. Показные мероприятия с участием отдельных, мобилизованных представителей крымских татар только дискредитируют направляемые к ним коммуникации, понуждают сомневаться в искренности и честности их организаторов.

Наигранность и бесконфликтность полемических программ и новостных сюжетов вызывает недоверие и потерю аудитории, зритель уходит «с кнопки». Нужны умелые спикеры, способные интегрировать полярные точки зрения и подходы, иначе стороны остаются на своих позициях, либо еще более расходятся. С технической же точки зрения сигнал «пророссийского» телеканала «Миллет» не принимается в районах компактного проживания крымских татар, в отличие от АТР и Черноморский, а также большинства украинских каналов.

Заключение. Таким образом, массовая информационно-коммуникативная модель взаимодействия с крымско-татарской общиной, создаваемая под процессы ее интеграции в российский социум, настоятельно нуждается в реформировании в соответствии с динамикой интеграционных процессов. К сожалению, отмеченные ее недостатки приходится возмещать регулярным применением силового и административного ресурса. Уважение к силе власти, безусловно, необходимо поддерживать, страх — как метод общения позволяет отчасти рационализировать эмоционально-чувственный уровень массовых настроений, но он не создаст у крымских татар, в массе, устойчивых побудительных стимулов к реинтеграции в российский социум.

Литература

1. Герасименко О. Крымские татары будут жить здесь при любой власти // Коммерсантъ. 22 сентября 2014. <http://www.kommersant.ru/doc/2564926> (13.01.17).
2. Губогло М.Н. Крымско-татарское национальное движение: в 4 томах. Т. 3. 1991–1993. — М.: Институт этнологии и антропологии, 1996. 329 с.
3. Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. — Екатеринбург: Деловая книга, 2001. 496 с.
4. Соловьев А.И. Политические коммуникации: Учеб. пособие для студентов вузов. — М.: Аспект Пресс, 2004. 332 с.

COMMUNICATION MECHANISMS AND PRACTICES OF REINTEGRATION OF THE CRIMEAN TATAR PEOPLE IN THE RUSSIAN SOCIETY

Pavel Tarusin

Abstract. *In this article are explored the problems of setting political communication with the Crimean Tatar community the purpose of which is to faster and easier their integration into the Russian society. The author analyzes the main factors that affect the dynamics and condition of these processes of using social approach.*

Unfortunately, historical memory of the Crimean Tatar community doesn't support ideas of integration and desire for dialogue with the new authorities and other social/national groups. Similar sentiments are being actively exploited by leaders of the Majlis seeking to restore the statehood of the Crimean Tatars. Under current conditions the tools and technologies changing public opinion of the autochthonous people and his usual patterns of perception to social and political realities play an important role.

However, the current mechanisms and practices of political communication of the Russian authorities with the Crimean Tatars doesn't correspond to the tasks and conditions of their organizations. There is an urgent need to change the methods and practices of information contacts which are organized by the Russian side in accordance with the current state of the integration processes and the conditions of their realization.

Keywords: *Political communications, national identity, public opinion*

References

1. Gerasimenko, O. (2014, September 22). *Krymskie tatory budut zhit' zdes' pri ljuboj vlasti.* [Crimean Tatars will live here with any authority]. — *Kommersant*. Retrieved from <http://www.kommersant.ru/doc/2564926> (13.01.17). (In Russ.)
2. Guboglo, M. (1996). *Krymsko-tatarskoe nacional'noe dvizhenie: v chetyreh tomah. T. 3. 1991–1993.* [Crimean Tatar national movement: in four volumes. V. 3. 1991–1993]. Moscow: Institut jetnologii i antropologii. (In Russ.)

3. Ol'shanskij, Д. (2001). *Osnovy politicheskoj psihologii*. [Basics of political psychology]. Ekaterinburg: Delovaja kniga. (In Russ.)
4. Solov'ev, A. (2004). *Politicheskie kommunikacii*. [Political communication]. Moscow: Aspekt press. (In Russ.)

Информация об авторе

Тарусин Павел Владимирович

кандидат политических наук, ассистент кафедры политического анализа факультета государственного управления, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Российская Федерация

Pavel V. Tarusin

candidate of political sciences, assistant-professor of policy analysis, faculty of public administration, Moscow state University named after M. V. Lomonosov, Russian Federation

E-mail: lemarais@mail.ru

**Акторы влияния и вызовы
государственному управлению
в условиях глобализации**

модератор
Ю. А. Караулова

ГРУППА БРИКС КАК НОВЫЙ АКТОР ВЛИЯНИЯ В МИРЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

О. Е. ДРЕГНИН

Аннотация. Закономерный процесс глобализации в современном мире порождает многие межгосударственные связи и отношения. В статье предпринята попытка рассмотреть группу БРИКС как нового сильного актора влияния в условиях глобализации и проанализировать перспективы данной интеграции в ближайшие десятилетия. Освещаются основные вопросы, поднимавшиеся в рамках саммитов государств-членов за первые годы существования альянса, в том числе создание нового банка развития и пула условных валютных резервов. Затронута тема изменений взаимоотношений стран БРИКС внутри группы с политической и экономической точки зрения, в связи с чем поднят вопрос об увеличении роли и укреплении позиций государств альянса в мире именно как членов группы или как самостоятельных игроков на международной арене.

Ключевые слова: государства-члены БРИКС, глобализация, интеграция, ВВП, финансовые институты, декларация, ресурсный потенциал.

Введение. Расстояния, практически во всех смыслах этого слова, в современном мире становятся меньше. Речь, конечно, не о физических явлениях сближения материков или т.п. Развитие средств коммуникации, в том числе и интернета, относительно быстрые способы перемещения из любой точки планеты в любую другую неминуемо запустили процесс глобализации. В самом общем смысле глобализацию можно трактовать как процесс, в ходе которого мир преобразуется в единую цельную систему, где отсутствуют преграды для перемещения благ, идей, информации, капиталов. Само понятие глобализации определяет актуальность данной тематики. Феномен, вбирающий в себя многие стороны общественной жизни, «заявивший о себе» всерьез лишь в самом конце XX века, привлекает внимание не только политиков и экономистов, но и ученых по всему миру, прогнозистов и аналитиков, специалистов самых разных областей от финансистов до врачей, потому что оказывает существенное воздействие на все про-

цессы в различных странах мира. Исследованием данной проблемы занимались такие эксперты как Иноземцев В. Л., Колин К. К., Перкинс Дж., Филькевич И. А., Панарин А. С., Блинов А. С. и другие. Действительно, глобализация сегодня влияет на все стороны жизни: экономическую, политическую, социальную, культурную и другие. С экономической, например, точки зрения данный феномен предполагает появление единого международного торгового пространства, так называемое международное разделение труда, ограничение механизмов протекционизма, общую либерализацию сферы и, наконец, создание транснациональных корпораций — крупнейших компаний, осуществляющих свою деятельность по всему миру. Однако в рамках данного доклада более интересной представляется политическая составляющая и уже из нее вытекающие иные. В данной сфере со второй половины XX века существенную роль играют различные международные объединения, союзы, ассоциации и другие интеграционные формы. Наиболее заметной и влиятельной из них, безусловно, является Европейский союз. На слуху также такие организации как ОПЕК, АТЭС, АСЕАН и БРИКС. Не будет преувеличением назвать вышеупомянутые интеграции акторами влияния в условиях глобализации. Актуальность изучения их особенностей обосновывается аналогичным образом. Необходимо понимать, какие структуры являются основными драйверами мировых глобализационных процессов и какое влияние они оказывают. В данной работе мы подробно рассмотрим БРИКС. Многие специалисты занимались изучением различных сторон деятельности данного альянса. Среди них Нарышкин С., Торин А., Поволоцкий Г., Беликова К., Шанкланд А., Ченой А. Таким образом, в рамках данного доклада предпринята попытка проанализировать роль БРИКС как актора влияния в условиях глобализации.

Теоретические основания исследования. Тематика доклада носит практическую направленность, однако требуют пояснения несколько теоретических моментов. В первую очередь, необходимо истолковать два ключевых понятия: термин «актор» и аббревиатуру «БРИКС» Первый многозначен и встречается в самых различных областях знаний: философии, мифологии, программировании, социологии, политологии и т.д. Довольно общее, но при этом предельно точное толкование данного термина приводится в одном из выпусков Вестника РАН 2009 года. Актор — значимый субъект, играющий заметную роль в том или ином процессе, в тех или иных условиях [Лосев, 2009, с. 36]. В данном случае процессом является глобализация, субъектом — БРИКС, а критерием значимости последнего служит политическая и экономическая мощь на мировой

арене. БРИКС же (от англ. Brasil, Russia, India, China, South Africa) — альянс пяти динамично развивающихся стран мира, стремящихся войти в систему глобальной экономики, используя свои колоссальные природные, территориальные и человеческие ресурсы. Организация была основана в июне 2006 года в рамках Петербургского экономического форума с участием министров экономики Бразилии, России, Индии, Китая. Члены БРИКС характеризуются как наиболее быстро развивающиеся крупные страны. Выгодное положение этим странам обеспечивает наличие в них как мощной и развивающейся экономики, так и большого количества важных для мировой экономики ресурсов.

Исследование: основная часть. Прогнозы развития группы первых лет XXI века были крайне оптимистичны: ресурсный фундамент станет хорошим плацдармом для социально-экономического рывка всех стран БРИК (ЮАР присоединился к группе только в 2011 году). Американский гигант в сфере инвестиционного банкинга Goldman Sachs утверждал, что создание союза позволит всем странам БРИК войти в пятерку крупнейших стран по ВВП по ППС к 2050 году. Ниже приведены 2 таблицы:

ВВП по паритету покупательной способности на момент 2014 года (последний показатель, на котором кризис в России сказался не столь существенно);

Прогнозный ВВП по ППС на 2050 год, рассчитанный экспертами Goldman Sachs.

Таблица 1

ВВП (ППС) в 2014 году (некоторые страны)

Место в мире	Страна	ВВП по ППС (в млрд долл.США)
1	КНР	17,617
2	США	17,419
3	Индия	7,376
4	Япония	4,751
5	Германия	3,722
6	Бразилия	3,565
7	Россия	3,264

Источник: Официальный сайт МВФ

[Электронный ресурс] URL: <http://www.imf.org> (дата обращения 22.11.2016)

Таблица 2

Прогноз по ВВП (ППС) в 2050 году (некоторые страны)

Место в мире	Страна	ВВП по ППС (в млрд долл.США)
1	КНР	70,710
2	США	38,514
3	Индия	37,668
4	Россия	11,336
5	Бразилия	9,340
8	Япония	6,677
10	Германия	5,024

Источник: The N-11: More Than an Acronym. Goldman Sachs study of N° 11 nations // Global Economics Paper. 2007. № 3. С. 140–141.

Как видно из вышеприведенных таблиц, экономическое лидерство Китая выразится почти в двукратном преимуществе над Соединенными Штатами, а Индия сможет конкурировать с последними. Бразилия и Россия, в свою очередь, войдут в пятерку мощнейших экономик мира. Причиной таких прогнозов является колоссальная разнородная ресурсная обеспеченность каждого из членов БРИКС. Бразилия богата сельскохозяйственной продукцией и лесом; Россия, помимо крупнейшей в мире территории, обладает огромными запасами минеральных ресурсов; Индия и Китай — две державы с наибольшим населением, что предполагает дешевые трудовые ресурсы, а ЮАР богата природными и минеральными запасами. Таким образом, предполагается, что масштабы экономик и потенциал стран-членов альянса позволят им постепенно трансформировать свою экономическую мощь в политическое превосходство на мировой арене.

С момента создания группы БРИКС прошло 10 лет и стратегия альянса концептуально не поменялась. БРИКС все еще представляется игроком на международной арене с огромным потенциалом. Однако, риторика как внутри союза, так и у западных экспертов стала более сдержанной. Сам факт того, что БРИКС за десятилетие не сделал заметных шагов для перехода из статуса «подающего надежды» в более сильную единицу, говорит о многом. Первая декада БРИКС не была отмечена существенными интеграционными процессами внутри группы ни в экономической, ни в политической сфере. Самой заметной формой

Таблица 3

Саммиты глав государств-членов БРИКС и их итоги

Год	Место	Основные итоги и решения
2009	Екатеринбург	Обсуждение проблем глобальной продовольственной безопасности.
2010	Бразилиа	1. Обсуждение вопросов преодоления последствий мирового финансового кризиса; 2. Выработка идеи создания нового финансового порядка (оптимистичный план) или, по крайней мере, возможности большего влияния на принятие решений МВФ и Всемирного банка (реалистичный план).
2011	Санья	1. Принятие группы ЮАР и образование, таким образом, БРИКС; 2. Рамочное соглашение о взаимном кредитовании в иностранных валютах.
2012	Нью-Дели	1. Появление инициативы создания Банка БРИКС; 2. Обсуждение антикризисных мер, урегулирование конфликта по Сирии и Ирану.
2013	Дурбан	В ходе саммита был затронут ряд межнациональных вопросов: <ul style="list-style-type: none"> • «Зеленая» экономика; • Совместное финансирование инфраструктурных проектов; • Интеграция малого и среднего бизнеса стран-членов.
2014	Форталеза	1. Подписание соглашения о создании пула условных валютных резервов (Резервный фонд БРИКС) и нового банка развития (Банк БРИКС); 2. Создание сетевого университета БРИКС.
2015	Уфа	1. Обсуждение вопросов, связанных с развитием финансовых институтов БРИКС; 2. Присоединение Ирана в качестве наблюдателя.

взаимодействия стран стали ежегодные саммиты глав государств. Наряду с ними постоянно проводятся и другие мероприятия более низкого уровня, затрагивающие самые разные вопросы: от внешней политики до спортивных мероприятий. Впрочем, остановимся на форуме глав государств, поскольку решения, принимаемые там, должны являться базисными для развития всей группы. Основным видимым результатом каждого из саммитов являются 2 документа: Декларация данного форума и Планы по ее реализации. Ключевая проблема обоих документов —

большое количество оправдывающих название декларативных норм и скудность прописанных механизмов по претворению изложенных идей в жизнь.

Первый полноценный форум глав государств-членов БРИК прошел в 2009 году в Екатеринбурге. В таблице ниже приведены весь прошедшие в период с 2009 по 2015 годы саммиты глав государств БРИКС и их основные итоги.

Теперь более подробно остановимся на итогах последнего, т.е. наиболее актуального на данный момент саммита глав государств, прошедшего на Гоа 15–16 октября 2016 года. Декларация форума, сохраняя традицию прошлых лет, освещает в общих чертах озабоченность лидеров стран альянса общемировыми проблемами и вопросами внутри БРИКС.

Ключевым моментом вновь явилась стратегия развития Банка и Резервного фонда. В. В. Путин отметил во время форума, что важнейшей задачей является определение географических и отраслевых приоритеты, фиксация основных параметров инвестиционного портфеля банка¹. Не остались в стороне вопросы мирового терроризма, продиктованные деятельностью ИГИЛ. Декларация призывает все нации провести эффективную имплементацию соответствующих резолюций Совбеза ООН. Индия, как хозяйка форума, подняла вопрос об отмывании денег и коррупции. Премьер-министр Индии Нарендра Моди отметил, что очевидна потребность в разработке нормативных документов, создании структуры, направленной на то, чтобы положить конец нарушениям, отмыванию денег и коррупции². Помимо вышеупомянутых вопросов во время форума обсуждались проблемы активизации отношений стран-членов БРИКС в области спорта, культуры, вновь была затронута «зеленая» энергетика и т.д.

Резюмируя, можно отметить, что декларация носит во многом именно плано-теоретический характер. Данный документ лишь описывает позицию или намерения глав государств альянса, никак не касаясь вопросов претворения в жизни озвученных в декларации положений. Даже поверхностный контент-анализ подтверждает эту гипотезу. (Например, слово «цель» в разных падежах встречается в тексте документа 64 раза, в то время как слово «механизм» — лишь 6. Основными глаголами, выражающими действия подписантов, служат «приветствуем», «от-

¹ В интервью информационному агентству РИА Новости 16 октября 2016 года.

² По данным CNN.

мечаем», «принимаем к сведению», «заявляем» и т.п.³). Квинтэссенцией декларативности положений основного итогового документа саммита 2016 является цитата из ее второго пункта: «Мы подчеркиваем важность дальнейшего укрепления солидарности и взаимодействия стран БРИКС на основе наших общих интересов и ключевых приоритетов в целях последующего усиления стратегического партнерства в духе открытости, солидарности, равенства, взаимопонимания, инклюзивности и взаимовыгодного сотрудничества» [Декларация, 2016].

Тем не менее, необходимо подчеркнуть, что наименование другого основного документа — План действий по реализации Декларации — подразумевает, что именно в нем содержатся механизмы имплементации положений декларации. Но рассматриваемый документ представляет собой лишь перечень встреч, форумов, иных международных мероприятий разного уровня, структурированных по видам и тематике. Так, План действий по реализации Декларации Гоа состоит из следующих разделов:

1. Встречи парламентариев и министров (пример: Встреча министров сельского хозяйства стран БРИКС);
2. Встречи старших должностных лиц, заседания рабочих, технических и экспертных групп (пример: Встреча Рабочей группы БРИКС по вопросам защиты окружающей среды);
3. Семинары и круглые столы (пример: Семинар по вопросу международного арбитражного механизма);
4. Деловой совет БРИКС и Деловой форум БРИКС;
5. Контакты между людьми и обмены по линии бизнес-сообщества (пример: Конференция БРИКС по вопросам туризма).

Также План содержит список ключевых инициатив текущего председателя альянса. Среди них:

- Создание сети научно-исследовательских структур в области железнодорожного транспорта БРИКС;
- Создание Совета по спорту БРИКС;
- Создание рейтингового агентства БРИКС;
- Создание института экономических исследований и анализа БРИКС;
- Иное.

Таким образом, План действий по реализации Декларации также не содержит описания каких-либо реальных механизмов по имплементации решений саммита глав государств БРИКС. Хотя, принимая во внимание содержание самих деклараций, рассмотренное выше, нельзя однозначно утверждать, что эти документы содержат именно

³ Подсчитано автором.

решения. Конечно, в ходе форумов БРИКС проходят и другие встречи, принимаются иные решения, но чаще всего они носят двусторонний характер и не оказывают существенного влияния на развитие группы в целом.

Несмотря на неприменимый характер вышеописанных документов, нельзя не отметить, что во время саммитов глав государств обсуждалась, разрабатывалась, претворялась в жизнь важнейшая идея первого десятилетия существования БРИКС — создание мощных финансовых институтов группы — Банка развития и Пула условных валютных резервов.

Официальное решение об их учреждении было принято только в 2014 году, поэтому полноценно оценить их операционную эффективность на данный момент невозможно вследствие отсутствия реализованных проектов.

Зато можно судить по «входным данным»:

- Банк будет специализироваться на инфраструктурных проектах на территориях стран-участниц БРИКС. При этом, как заявил министр финансов России Антон Силуанов, банк открыт к принятию новых членов из числа стран, состоящих в ООН. Но между учредителями банка существует договорённость, что доля стран-участниц БРИКС в капитале банка будет составлять не менее 55%⁴.
- Также среди целей создания банка — мобилизация ресурсов, направленных на поддержание устойчивого развития в странах БРИКС и других развивающихся экономиках.
- Созданный пул условных валютных резервов, первоначальный объём которого составит \$100 миллиардов (Китай внесёт \$41 млрд, Бразилия, Россия и Индия — по \$18 млрд каждая, Южная Африка внесёт \$5 млрд, поскольку размеры взноса зависят от ВВП страны), формируется с целью защиты национальных валют от волатильности финансовых рынков.
- Финансовые институты также будут предоставлять помощь другим странам, страдающим от экономической нестабильности в результате экспансионистской денежно-кредитной политики США.
- Банк получил наивысший рейтинг AAA от китайских рейтинговых агентств Chengxin International Credit Rating и China Lianhe Credit Rating.

Стратегически, «на бумаге», создание данных финансовых институтов выглядит очень перспективным, но пока рано делать вообще какие-

⁴ В интервью газете «Ведомости» 16 июля 2014 года.

Таблица 4

Торговый оборот между странами БРИКС за 2012 год

Страна	Доля торговли страны с иными странами альянса от общего торгового оборота (в %)	Доля экспорта страны в другие страны альянса (от общего экспорта страны) (в %)	Доля импорта страны в другие страны альянса (от общего импорта страны) (в %)
Бразилия	19,77	20,6	18,82
Россия	11,68	8,54	16,81
Индия	14,43	11,81	16,14
Китай	7,44	6,91	8,21
ЮАР	20,12	20,91	19,21

Источник: официальный сайт The Observatory of Economic Complexity [Электронный ресурс] URL: <http://atlas.media.mit.edu> (дата обращения: 13.10.2016)

е-либо выводы об успешности проекта. Официальные лица государств и многие СМИ не скупались на яркие высказывания о будущем финансовых институтов группы. Так, В. В. Путин заявил, что Банк развития БРИКС и пул условных валютных резервов будут способствовать большей независимости стран-участниц группы от финансовой политики западных государств⁵. Экс-президент Бразилии Дилма Русеф отметила, что создание банка БРИКС станет важным шагом на пути изменения глобальной финансовой архитектуры⁶. Вывод очевиден: базовая цель создания финансовых организаций группы — обеспечить противовес Всемирному банку и МВФ. Однако, последние являются глобальными структурами, чего сейчас нельзя сказать о Банке и Пуле условных валютных резервов БРИКС, хотя они и нацеливаются на расширение влияния в мире, о чем говорит намерение оказывать финансовую помощь другим странам, упомянутое выше.

На сегодняшний день Банк БРИКС одобрил финансирование 5 проектов, связанных с возобновляемой энергетикой и водными ресурсами. Общая сумма инвестиций приближается к отметке в миллиард долларов США. Один проект будет реализован в нашей стране — строительство

⁵ В интервью ВГТРК 15 июля 2014.

⁶ В интервью ВВС 15 июля 2014.

Белопорожских ГЭС 1 и 2 в Карелии. Но опять же только российский проект соответствует основополагающей черте созданных финансовых институтов — кооперации и сотрудничеству стран БРИКС. Менеджмент, поставщики, подрядчики — из Китая и России. Остальные 4 проекта нельзя назвать в полной мере международными⁷.

Политические категории и кардинально новые, хоть и мощные, финансовые проекты предполагают существенную долю субъективизма, что не делает их идеальным критерием оценки степени интеграции стран БРИКС между собой. Но относительную слабость взаимодействия государств-членов альянса подчеркивают и торгово-экономические показатели. Ниже приведена таблица объемов торговли среди стран БРИКС в 2012 году, поскольку этот год является показательным с точки зрения достижения пика мирового экономического подъема между кризисами 2008 года и нынешнего.

Вышеприведенная таблица красноречиво свидетельствует о том, что товарооборот между странами БРИКС не настолько велик как в процентном, так и в абсолютном эквиваленте. Наибольшие относительные показатели демонстрирует ЮАР, чей ВВП далек от лучших мировых показателей. В то время как относительное значение товарооборота КНР в несколько раз выше с США, Японией, Южной Кореей и Германией, чем с партнерами по БРИКС. Средний показатель объемов торговли между странами альянса не превышает 15%. В целом страны БРИКС более чем в 3 раза активнее торгуют со странами Большой семёрки, чем между собой.

Заключение. Делая вывод на основании ретроспективного анализа, можно говорить об инерционном характере развития группы. Сегодня нельзя утверждать, что прогноз Goldman Sachs о попадании четырех стран альянса в первую пятерку государств по показателю ВВП по ППС к 2050 году не оправдается. По прогнозам экспертов, члены группы БРИКС настигнут по главным макроэкономическим показателям страны Большой семёрки к 2032 году⁸. К тому же ЮНКТАД опубликовала доклад, согласно которому страны БРИКС входят в число стран, которые транснациональные корпорации считают наиболее привлекательными местами для размещения будущих зарубежных инвестиций⁹. Однако, каждое из государств альянса сильно само по себе и, вследствие этого факта,

⁷ По информации ВГТРК от 21 июля 2016 года.

⁸ По данным Goldman Sachs Group, Inc. — <http://www.goldmansachs.com>

⁹ Финансовый кризис и экономический спад отрицательно сказываются на планах компаний относительно будущих зарубежных инвестиций. Пресс-релиз ЮНКТАД от 24 сентября 2008 года — <http://unctad.org>

представляет потенциальный политико-экономический интерес для развитых стран мира. Именно данным феноменом и объясняются низкие показатели торгового оборота внутри группы, особенно у «гигантов» — Китая и Индии. Возможно, проблема заложена в самом базисе такой интеграции как БРИКС. Ведь страны объединены, в первую очередь, на основании экономического и ресурсного потенциала. Но, как показывает практика, не менее существенную роль играют и другие факторы: территориальная отдаленность государств-членов, нескоординированность политических целей и задач, разнородность культур и другие. Поэтому невольно возникает сложный и актуальный вопрос: явятся ли именно интеграционные процессы внутри группы существенным фактором достижения этой цели или каждая из стран самостоятельно, без существенной опоры на сотрудничество с государствами альянса реализует имеющийся потенциал. Вытекающей и не менее важной проблемой является и роль группы и входящих в нее государств на международной арене с политической точки зрения. Ключевой элемент здесь — взаимоотношения с двумя другими «крупными игроками» — Европейским союзом и США, а также возможность существенно влиять на общемировые политические решения. Ведь самые радикальные эксперты могут, используя коммерческую терминологию, назвать миссией БРИКС восстановление би- или многополярного мира. Представляется рациональным предположение, что если инерционность взаимоотношений внутри группы сохранится в среднесрочной перспективе, то БРИКС останется лишь второстепенной составляющей и дополнительной площадкой переговоров для динамично развивающихся самостоятельно государств-членов, но не превратится в системное международное образование, целостную единицу международных политических и экономических отношений наподобие, например, существовавшего с середины XX века Европейского экономического сообщества.

Литература

1. Декларация Гоа, 16 октября 2016 года.
2. Лосев К. С. Парадоксы борьбы с глобальным потеплением // Вестн. РАН. 2009. Т. 79, № 1. С. 36–40.

BRICS AS A NEW ACTOR IN THE GLOBALIZED WORLD

Oleg E. Dregnin

Abstract. *The natural globalization process in the modern world gives rise to many multinational relations. BRICS is considered to be a new strong actor in the context of globalization. The horizons of the Group in the nearest decades*

are analyzed in the article. It also touches upon the main problems discussed during the passed BRICS summits, including the establishment of the New Development Bank and The BRICS Contingent Reserve Arrangement. The changes in BRICS states interrelationships are considered from political and economic perspectives. Consequently, the question of the increasing role of BRICS countries on the global stage as an alliance due to integration process within the Group or separately due to the resource potential of each state is raised.

Key words: BRICS states, globalization, integration, GDP, financial architecture, declaration, resource potential.

References

1. Goa Declaration, 16th October 2016.
2. Losev, K.S. (2009). Global warming control paradoxes. Russian Academy of Sciences Mercury. Т. 79, № 1. P. 36–40.

Информация об авторе

Дрегнин Олег Евгеньевич

Магистрант МГИМО МИД России

Российская Федерация

E-mail: dregninoleg@yandex.ru

Oleg E. Dregnin

Master's programme student in MGIMO

Russia

E-mail: dregninoleg@yandex.ru

ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ПРИЧИНЫ, МЕХАНИЗМЫ И УГРОЗЫ

М. В. ДУДАЕВА

Аннотация. В статье рассматриваются сущность современного феномена международных отношений — «глобального управления», его признаки, условия становления, основные причины и угрозы, раскрывается роль субъектов глобального управления: государств, международных межправительственных организаций (ММПО), транснациональных корпораций (ТНК), а также глобального гражданского общества (ГГО), исследуется разница между международной системой управления и глобальной системой управления.

Ключевые слова: глобальное управление, управление, глобализация, глобализм, международные отношения, государство, международные межправительственные организации, транснациональные корпорации, глобальное гражданское общество, суверенитет, ООН, механизмы глобального управления.

Введение. Актуальность исследования обусловлена тем, что глобальное управление — это исторически новый феномен международных отношений, который не имеет прецедентов. За точку отсчета можно взять середину 70-х гг. XX века — период возникновения кризиса биполярной системы, который перевел международные отношения на качественно новый этап. Основными причинами развития такой тенденции в мировой политике, обуславливающими актуальность данного исследования, являются: во-первых, распад Вестфальской системы и ее основных принципов, во-вторых, расширение экономической и политической взаимозависимости государств; в-третьих, неэффективность и неадекватность наднациональных механизмов управления, в частности Организации Объединенных Наций (ООН).

Несмотря на то, что современным государствам все еще присущи черты Вестфальской системы международных отношений — озабоченность национальными интересами, государственным суверенитетом, тем не менее, в настоящее время все более насущной становится потребность в регулировании вопросов, выходящих за рамки междуна-

родного порядка, имеющих глобальный, общепланетарный характер (неконтролируемое распространение ядерного оружия, международный терроризм, загрязнение окружающей среды, киберпреступность, истощение природных ресурсов). Такому явлению способствует процесс «глобализации», выступающий в качестве основного фактора развития механизма глобального управления.

Актуальность данного исследования также обусловлена двойственностью самого явления «глобализации». С одной стороны, глобализация помогает нам решать проблемы глобального характера, ведет к демократизации общественной жизни, расширению технических, информационных возможностей стран, способствует развитию международных торговых, экономических отношений и т.д. С другой стороны, данный феномен несет в себе угрозы, вызовы и риски, связанные с чрезмерной взаимозависимостью государств, подавлением национального суверенитета, увеличением нелегальной миграции и т.д.

Все вышеперечисленные факты свидетельствуют об усложнении системы международных отношений и приводят к необходимости создания действенных механизмов глобального управления, которые позволят развиваться международным отношениям системно и предсказуемо.

Объектом исследования являются современные международные отношения, находящиеся на переходном этапе развития от биполярного мира к многополярности.

Предметом исследования являются механизмы управления современными международными отношениями, возникающие в результате возрастания числа негосударственных акторов и формирования глобального гражданского общества.

Степень научной разработанности. На данный момент исследование данного феномена международных отношений осуществляется многочисленными международными институтами: Стокгольмский институт исследования проблем мира, Лондонский институт стратегических исследований, Международная группа по изучению конфликтов, а также различными департаментами при международных организациях, осуществляющими исследовательские программы. На основании докладов данных институтов создается база для фундаментального изучения вопросов глобального значения. Большой вклад в развитие данного феномена внесли западные, и отечественные ученые, такие как Д. Хелд, А. Макгрю, Д. Гольтблатт, Дж. Перратон — «Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура» (1999 г.), Барановский В. Г., Иванова Н. И. Гаман-Голутвина О. В. «Глобальное управление: возможно-

сти и риски» (2015 г.), Богатуров А. Д. «Системная история международных отношений в четырех томах» (2003 г.), Дахин В. Н. и Проскурин С. А. «Политические проблемы глобализации» (2003 г.), Чумаков А. Н. и многие другие.

Исследование: основная часть

Методологические основы исследования. Основным методологическим принципом исследования является системно-структурный метод, позволивший наиболее эффективно организовать анализ исторически нового феномена международных отношений — глобального управления и его основных механизмов функционирования. Используются общенаучные методы сравнительного и функционального анализа. В работе применены общенаучные диалектические методы познания: индукция, дедукция, анализ, синтез.

Материалы исследования. Настоящее исследование проводилось на основе изучения научных трудов иностранных и отечественных авторов по глобалистики, международным отношениям и общей теории управления. Исследование строилось на основании анализа научных статей отечественных авторов.

Информационной базой исследования являются научные статьи зарубежных и отечественных авторов, раскрывающие сущность глобального управления, условия становления, основные причины и угрозы, раскрывается роль субъектов глобального управления: государств, международных межправительственных организаций (ММПО), транснациональных корпораций (ТНК), а также глобального гражданского общества (ГГО), исследуется разница между международной системой управления и глобальной системой управления.

Процедура исследования. Для понимания законов, лежащих в основе данного феномена, необходимо дать определение понятию «глобализация», как важнейшему стимулирующему звену в процессе развития глобального управления. На сегодняшний день сложились три основные школы относительно концептуализации глобализации: гиперглобалисты, скептики и трансформисты.

Гиперглобалисты рассматривают глобализацию как новое явление в истории развития международных отношений, главной отличительной чертой которого является все более углубляющаяся зависимость людей от порядка, складывающегося на мировом рынке. Они рассматривают в большей степени экономический аспект глобализации. Сущность теории гиперглобалистов хорошо отражена в цитате С. Стрейнджа, «безликие силы мировых рынков ныне более могущественны, чем государства, которым якобы принадлежит высшая политическая

власть... Уменьшение влияния государств находит отражение в том факте, что власть все больше переходит к другим институтам и объединениям, к местным и региональным органам».

Скептики, в свою очередь, утверждают, что глобализации вообще не существует, это миф, скрывающий факт наличия региональных блоков, в которых преобладают национальные интересы. Таким образом, скептики рассматривают глобализацию и регионализацию, как два противоположных процесса развития международных отношений. Они отрицают тот факт, что государственный суверенитет разрушается под воздействием интернационализации и глобального управления.

По мнению трансформистов, глобализация — это беспрецедентный исторический этап, движущая сила развития международных отношений, которая заключается в полном преобразовании мирового порядка. Государство при этом по праву остается носителем суверенитета в пределах своих границ, однако такая национальная власть сосуществует с растущей юрисдикцией международных политических институтов, а также с давлением международного права. Ярким примером такой тенденции является модель Европейского Союза, в которой существует разграничение полномочий между наднациональными, национальными и местными органами власти. Таким образом, по мнению трансформистов, государства не являются единственными центрами власти в международных отношениях, растет слияние наднациональных органов власти, а также негосударственных акторов международных отношений.

На данный момент существует более двухсот официальных определений «глобализации». Например, авторы одной из первых монографий в области глобалистики «Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура» 1999 г., Д. Хелд, А. Макгрю, Д. Гольтблатт, Дж. Перратон рассматривают глобализацию как «процесс расширения, углубления и ускорения мирового сотрудничества, затрагивающий все аспекты современной социальной жизни — от культурной до криминальной, от финансовой до духовной». Авторами исследуются различные векторы развития данного явления: политический, экономический, экологический, социальный, военный.

В данном исследовании речь в большей степени идет о политической глобализации, а не экономической, так как именно политическая глобализация остается явлением неопределенным, неподдающимся объяснению, когда как экономическая глобализация рассматривается как нечто естественное, не подвергающееся сомнению.

На основании различных источников, автор пришел к выводу о том, что «глобализацию» необходимо рассматривать как явление динамиче-

ское, а не статическое, именно поэтому за основу своего определения автор взял единство трех **процессов** жизнедеятельности: 1) формирование материальных и духовных принципов целостного мира, 2) его политическое оформление, 3) стремление большинства акторов международных отношений поддерживать миропорядок. Третий элемент является наиболее труднодостижимым и даже утопичным на современном этапе развития международных отношений.

Именно на основе данных процессов жизнедеятельности развиваются механизмы «глобального управления», целью которых является регулирование проблем транснационального характера (международной безопасности, природных ресурсов, космического пространства, Интернета и другое).

В настоящее время можно выделить следующих субъектов, осуществляющих глобальное управление:

1. Государственные акторы: национальные государства, региональные интеграционные объединения, а также международные межправительственные организации (ММПО).
2. Корпоративные акторы: транснациональные корпорации (ТНК), деятельность которых направлена на получение прибыли от коммерческой деятельности.
3. Неправительственные организации (НПО), деятельность которых носит некоммерческий характер, а также различные общественные движения, сетевые структуры.

Обозначение государства как субъекта глобального управления может вызвать критику, так как под глобальным управлением подразумевается система надгосударственных институтов, конечной целью которых является полное подавление государства как субъекта государственного управления. Однако совершенно очевиден тот факт, что идея о таком миропорядке, в котором роль государства сведена к минимуму, на данный момент является утопичной. Любой надгосударственный институт — субъект глобального управления — будет образован на основании волеизъявления суверенных государств, которые осознанно откажутся от регулирования вопросов, имеющих транснациональный характер, и делегируют их наднациональным институтам. Поэтому наличие в данном списке государства как субъекта глобального управления объективно и неизбежно.

В данном исследовании наибольшее внимание уделяется механизмам осуществления управления международными отношениями. Автор исследования выделяет следующие виды механизмов: 1) межправительственный, 2) смешанный, 3) негосударственный.

Под межправительственным механизмом понимается деятельность международных межправительственных организаций, созданная на основе многостороннего международного соглашения между суверенными государствами с целью развития многостороннего сотрудничества и содействия решению международных проблем в соответствии с принципами и нормами международного права.

Основными признаками данных организаций являются: 1) наличие уставного документа, 2) постоянный характер деятельности, 3) наличие системы органов, 4) сотрудничество с другими международными организациями, 5) соответствие деятельности принципам и нормам международного права. Наличие совокупности данных признаков позволяет отличить межправительственные международные организации от иных организаций (ТНК, НПО и т.д.). Необходимо отметить, что при таком механизме управления суверенитет государства приобретает еще большее внимание и значение, так как решения проблем глобального характера зависят от волеизъявления государств, которые путем принятия консенсусных решений управляют процессами, протекающими на международной арене.

Влияние международных межправительственных организаций усилилось с появлением ООН, прежде всего Совета Безопасности, так как решения данного органа стали носить обязательный характер для всех государств-членов ООН.

В настоящее время роль и значение ООН подвергается критике. Многие политологи пришли к выводу о том, что данная организация не справляется с вызовами современных реалий и требует системного реформирования либо ликвидации. Созданная после Второй Мировой войны для регулирования Ялтинско-Потсдамского миропорядка, данная организация исчерпала свой потенциал, выполнив свою основную задачу — воспрепятствование перерастанию «холодной войны» в Третью Мировую войну. Однако непосредственно институтом глобального управления данную организацию сложно назвать, так как осуществляет управление международной системы, а не глобальной.

Можно также выделить ряд важнейших международных организаций в зависимости от сферы управления. В финансовой сфере: Международный Валютный Фонд (МВФ) и Всемирный банк (ВБ) — основные международные финансовые институты, которые являются первоосновой для создания механизма глобального управления; в мировой торговле: Всемирная торговая организация (ВТО), в сфере здравоохранения: Всемирная организация Здравоохранения (ВОЗ), в сфере труда: международная организация труда (МОТ), в сфере культуры: Организа-

ция Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры и многие другие.

В настоящее время координация политик осуществляется также посредством ежегодных встреч на высшем уровне — «Большой восьмерки» G8, Большой двадцатки G20. Такая система опирается на национальные суверенитеты и является элементом международной системы, но не глобальной. К тому же, такие структуры не являются международными организациями, не имеют устава и секретариата. Решения таких форумов носят рекомендательный характер. Основные направления деятельности: 1) финансовая, 2) проблема безопасности (прежде всего, ядерная), 3) экономическая (в т. ч. развитие стран «третьего мира»), 4) международно-политические вопросы.

Таким образом, можно сделать вывод, что сами международные межправительственные организации не являются субъектами глобального управления, они реализуют волеизъявления государств-участников, зафиксированные в уставах этих организаций. Для создания механизма глобального управления необходимо подчинить такой субъект международных отношений как государство.

В рамках **смешанного механизма** возникает партнерство между государственными (надгосударственными) акторами международных отношений с негосударственными акторами, такими как транснациональные коммерческие организации, представители гражданского общества. Такой механизм является наиболее эффективным, так как каждое звено играет свою уникальную роль в процессе управления: государство легализует такое партнерство, транснациональные корпорации обеспечивают необходимыми ресурсами, а гражданское общество осуществляет надзор за таким партнерством. Большую роль для развития смешанного механизма несет Всемирный банк, Организация экономического сотрудничества и развития, ЮНЕП — программа ООН по окружающей среде.

В настоящее время существует крупнейшая площадка по развитию сотрудничества ООН и ТНК по вопросам защиты прав человека, защиты окружающей среды, борьбы с коррупцией — Глобальный договор. В рамках данной программы выделяются три вида партнерства: 1) партнерство для пропаганды практик согласно Глобальному договору, 2) Бизнес-партнерство для увеличения эффективности, 3) социальное инвестирование.

Особую роль ТНК играют в наименее развитых странах (например, реализация программы по обеспечению пресной водой страны Африки). Такая тенденция приводит к размыванию государственного сувере-

нитета, особенно в странах, где отсутствует действенный политический институт, и в дальнейшем может привести к созданию ТНК правительств в районах, где государственная власть не функционирует должным образом, но имеется большой потенциал природных ресурсов.

К тому же в смешанных структурах стали участвовать сетевые структуры, в каждом государстве создается сеть, которая интегрируется в мировую сеть «Глобального договора»¹⁰.

Что касается **негосударственного механизма управления**, то в современных международных отношениях существует тенденция сближения позиций ТНК и НПО. Между негосударственными акторами все чаще складываются партнерские отношения для решения различных вопросов мирового масштаба, например, подобное партнерство сложилось в пользу ограничения парниковых выбросов, запрета использования ламп накаливания и т.д. Такие негосударственные механизмы, как правило, трансформируются в смешанный механизм. Ярким примером такой трансформации может служить Кимберлийский процесс по пресечению международной торговли «конфликтными» алмазами.

Таким образом, в ближайшем будущем сотрудничество ТНК и НПО позволит создать частные режимы управления вопросов мирового масштаба, с минимальным вмешательством государственных субъектов, это в свою очередь приведет к расширению влияния рядовых граждан на выработку таких решений. В то же время, многие авторы считают весьма преувеличенной роль негосударственных акторов международных отношений на данном этапе развития международных отношений, так как они все же не обладают полной автономией и вынуждены действовать в правовом поле суверенных государств.

В науке также обсуждается вопрос о возможности создания сетевого механизма управления, как совокупности автономных равноправных центров управления, но такой механизм вряд ли применим на практике, так как в настоящее время в мире существует сильная дифференциация стран по различным критериям, и создание равноправного положения ее участников на данный момент неосуществимо.

При исследовании данного вопроса необходимо ответить на важный вопрос — в чем же отличие международной системы управления от глобальной системы и почему вышеперечисленные механизмы в чистом виде мы не можем назвать механизмами глобального управления. Ответ на это вопрос довольно прост: международная система

¹⁰ Сергей Ильин «МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ И ГОСУДАРСТВА», 2012.

полицентрична и основным ее субъектом является суверенное государство, т.е. это межгосударственные отношения, когда как глобальная система по своей сути моноцентрична, она представляет собой отношения индивидуумов и требует создания единой юридической базы и институтов, наделенных специальным кругом полномочий. При глобальной системе мир воспринимается как единый организм, а мировые проблемы — как свои собственные. Именно при глобальной системе происходит полное размывание государственных границ, создается мировой политический институт управления. На современном этапе развития международных отношений существуют только предпосылки для создания глобальной системы — многополярность, как главное условие существования глобального управления.

В настоящее время наиболее эффективным механизмом, ориентированным на реализацию глобального управления, является Большая восьмерка G8, которая объединяет лидеров наиболее развитых государств, опирающихся на правительственный аппарат. Несмотря на то, что решения Группы не носят обязательного характера, G8 является наиболее гибкой и дееспособной международной организацией в финансово-экономическом и военном плане.

Основной угрозой развития данного феномена международных отношений является полное подавление суверенитета государства.

В связи с этим можно процитировать яркого представителя политического реализма Эдуарда Карра: «Неуместность государственного суверенитета — идеология доминирующих держав, которые рассматривают суверенитет других государств как препятствие для использования своего собственного преобладающего положения». Хотя в научных кругах ведутся дискуссии на этот счет: если мы вернемся к определению глобальной системы международных отношений, суверенитет государства будет рассматриваться именно как препятствие для развития глобального механизма, так как суверенные государства разрывают целостность мира, замыкаются на национальных интересах даже при рассмотрении вопросов глобального значения. Наиболее привлекательной и реалистичной идеей является не ограничение суверенитета, а добровольное делегирование части суверенитета наднациональным органам власти.

Второй угрозой является риск перерастания процесса глобализации в процесс глобализма. В данном случае глобализация рассматривается как положительное, объективное явление, вызываемое рядом социальных, исторических, экономических причин, тогда как глобализм — субъективное явление, комплекс идей, представлений, исходя-

щих от лидера или группы людей для достижения определенных часто национально-эгоистических целей (политика США). Поэтому возникает риск создания глобальной империи под предводительством одного государства, что может привести к торможению естественного процесса глобализации.

Результаты исследования. В статье рассмотрены сущность современного феномена международных отношений — глобального управления, его признаки, условия становления, основные причины и угрозы, показана роль субъектов глобального управления: государств. Также автором исследования проведено сравнение таких понятий, как международная система управления и глобальная система управления.

Анализ результатов. В результате исследования автором выявлена основная причина возникновения предпосылок для развития глобального управления — глобализация. На данный момент существуют три механизма управления в вопросах, имеющими транснациональный характер, наиболее эффективным из которых, по мнению автора, является смешанный механизм, который представляет сотрудничество трех основных акторов международных отношений: государство — бизнес — гражданское общество. Основными угрозами и рисками глобального управления являются существенное ограничение государственного суверенитета, а также перерастание процесса глобализации в процесс глобализма.

Заключение. Таким образом, в результате проведенного исследования были сделаны следующие **выводы**.

1. Основной причиной развития такого феномена, как глобальное управление, является возникновение процесса глобализации — расширение, углубление и ускорение мирового сотрудничества, затрагивающего все аспекты современной социальной жизни. Данное явление, в свою очередь, включает триединство следующих **процессов**: 1) формирование материальных и духовных принципов целостного мира, 2) его политическое оформление, 3) стремление большинства акторов международных отношений поддерживать миропорядок.
2. Автор исследования выделяет следующие виды механизмов глобального управления: 1) межправительственный, 2) смешанный, 3) негосударственный.
3. Под межправительственным механизмом понимается деятельность международных межправительственных организаций, созданная на основе многостороннего международного соглашения между суверенными государствами с целью развития многостороннего

- сотрудничества и содействия решению международных проблем в соответствии с принципами и нормами международного права. Роль негосударственных субъектов в данном механизме невелика, влияние на выработку управленческих решений может быть оказано путем лоббирования, выработки общественного мнения и др.
4. Под смешенным механизмом понимается партнерство между государственными (надгосударственными) акторами международных отношений с негосударственными акторами — транснациональными коммерческими организациями, представителями гражданского общества. Такой механизм является наиболее эффективным, так как каждое звено играет свою уникальную роль в процессе управления — государство легализует партнерство, транснациональные корпорации обеспечивают необходимыми ресурсами, а гражданское общество осуществляет надзор за таким партнерством.
 5. Негосударственный механизм подразумевает под собой полное отсутствие государственных, межправительственных акторов международных отношений при принятии решений международной значимости. Как правило, такие негосударственные механизмы трансформируются в смешанный механизм, так негосударственные акторы не обладают полной автономией и вынуждены действовать в правовом поле государств.
 6. Основными угрозами развития глобального управления являются, во-первых, полное ограничение суверенитета государства, а, во-вторых, риск перерастания процесса глобализации в процесс глобализма.
 7. Необходимо отметить, что развитие механизма глобального управления далеко от завершения, на данный момент существует только предпосылки его создания — развитие наднациональных политических институтов с целью разрешения вопросов, имеющих транснациональное значение.

Литература

1. Carr E. The Twenty Years' Crisis 1919–1939. An introduction to the Study of International Relation. L., 1939. P. 18.
2. Rosenau J. N. Governance // Global Governance. Critical Concepts in Political Science / Ed. by T. J. Sinclair. London; New York: Routledge, 2004. Vol. 1.
3. Афонцев С. А. «Будущее глобального управление» // Мир через 100 лет: Аналитика, 2013.
4. Громько Анатолий Андреевич Глобализация и глобальное управление // Вестник МГИМО. 2013. №5 (32).

5. Вебер Александр Борисович Современный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. 2009. №1.
6. Колобов Алексей Олегович Роль международных межправительственных организаций в современной системе глобального управления // Власть. 2011. №5.
7. Чумаков Александр Николаевич Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. 2010. №2.
8. Глобальное управление: возможности и риски / Отв. ред. — В.Г. Барановский, Н.И. Иванова. — М.: ИМЭМО РАН, 2015.

GLOBAL GOVERNANCE: CAUSES, MECHANISMS AND THREATS

Marina V. Dudaeva

Abstract. *The article discusses the essence of a modern phenomenon of the international relations — “global management”, its main signs, conditions, basic reasons and threats, the role of subjects of global management: states, international intergovernmental organizations (IGO), multinational corporations (MNC), and also the global civil society (GCS). Moreover the author of the article researches the difference between the international management system and a global management system.*

Keywords: *global management, management, globalization, globalism, international relations, state, international intergovernmental organizations, multinational corporations, global civil society, sovereignty, UN, mechanisms of global management.*

Информация об авторе

Дудаева Марина Владимировна

Преподаватель кафедры «Государственное управление и право»
Координатор международных и двойных магистерских и аспирантских программ

Факультет Государственного управления

МГИМО МИД России

Российская Федерация

E-mail: dudaevamarina@yandex.ru

Marina V. Dudaeva

Professor of Departement “Public Administration and Law”

Coordinator of International and Double Degree Programs

Public Administration Faculty

MGIMO (University)

Russian Federation

E-mail: dudaevamarina@yandex.ru

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

С. Г. КАМОЛОВ

Аннотация. *Инновации и информационные технологии стали критически важными элементами современного управления. Осмысление новых возможностей и рисков, связанных с цифровизацией государственного управления — насущная потребность как для ученых, так и для практиков. В настоящей статье формируется периметр проблем, связанных с проникновением информационных технологий в систему государственного управления, и раскрывается многофакторность модели рисков цифрового (электронного) государственного управления. Сегодня государству необходимо ответить на ключевой вопрос: как защитить законные интересы каждого гражданина в эпоху цифровой стандартизации и унификации.*

Ключевые слова: *цифровизация, электронное правительство, информационные технологии, государственное управление, инновации.*

Введение. Сквозные тренды.

Мир стоит на пороге таких изменений, которые не укладываются в традиционные методы познания многих гуманитарных наук. Феномен *инноваций* приобрел такую силу и масштаб, что многие говорят о вхождении человечества в новую (вторую) эпоху машин¹¹.

С точки зрения экономики и технологий общественный уклад пока еще полярен. С одной стороны, сохраняются возникшие несколько десятилетий назад главные риски человечества, например, отсутствие доступа к питьевой воде. Почти 670 млн человек на Земле не имеет возможность пить пригодную для этого воду. Один миллиард человек не имеет санитарных удобств. К 2025 году половина населения земли продолжит жить на территориях с проблемным доступом к питьевой воде¹².

¹¹ The Second Machine Age. Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies. Erik Brynjolfsson, Andrew McAfee., W.W. Norton&Company, New York, ISBN 978–0–393–23935–5. 2014.

¹² По данным ЮНИСЕФ и Всемирной организации здравоохранения.

С другой стороны, очевидно, что ситуация явно улучшается. Так, с 2015 года 91 % мирового населения уже имеет доступ к приемлемым источникам воды. В 1990 году таких было 76 %, то есть качество жизни улучшилось для 2,6 млрд человек. Доля населения развивающихся стран, проживающего в условиях ежедневного потребления пищи в объеме менее 2200 килокалорий сократилась с 57 % в середине 60-х гг. до 10 % в середине 90-х гг. прошлого века. Хотя, более 750 млн человек в этих странах до сих пор недоедает (один из шести). За прошедшие 40 лет совокупное производство молока в мире выросло почти на 50 % с 420 млн тонн в 1974 году до более 800 млн тонн в 2014 году¹³.

В США вторую половину XX века называют второй сельскохозяйственной революцией, в результате которой производство молока в пересчете на одну корову выросло почти в три раза, а урожайность кукурузы почти в четыре раза. Производительность труда американского фермера в 2000 году в среднем была в 12 раз выше, чем в 1950 году¹⁴.

К 2050 году рост объемов производства в сельском хозяйстве на 90 % будет обеспечен за счет повышения эффективности использования имеющихся сельскохозяйственных ресурсов, а не за счет ввода новых земель в оборот¹⁵. Это свидетельство глубоко инновационного и технологически-передового (в том числе, роботизированного) способа ведения хозяйства в глобальных масштабах. Данный тренд будет характерен как для развитых, так и для развивающихся экономик.

На таком инновационном фоне новая информационно-технологическая парадигма уже начала испытывать на прочность традиционные каноны управления. Опираясь на современные программно-аппаратные платформы, управленческие коммуникации стали волнообразными, распространяясь по иным закономерностям в сравнении с традиционными линейными алгоритмами коммуникаций внутри структур. Волнообразность распространения информации стала характерной чертой современного общества. Информация уже не передается по цепочке, от одного другому. Сегодня информация проникает в управляемые коллективы, в массы одновременно, волной.

¹³ Рассчитано автором на основе официальной статистики Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (<http://www.fao.org/faostat/en/#data/QL>).

¹⁴ Герман Ван дер Вее. История мировой экономики. 1945–1990 (пер. с фр.). — М.: Наука. 413 с. 1994. Режим доступа: <http://lib.sale/ekonomicheskaya-istoriya-uchebnik/vtoraya-agrarnaya-revoljutsiya.html>.

¹⁵ Данные прогноза Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (режим доступа: http://www.fao.org/fileadmin/templates/wfs/docs/Issues_papers/HLEF2050_Global_Agriculture.pdf).

Принцип коммуникационных волн и полей невозможно поместить в строгие и последовательные рамки иерархической организации. Иерархия в волнообразном распространении информации уже не работает как эффективная модель управления. Для волновых коммуникаций более адекватны горизонтальные, сетевые и проектные управленческие структуры.

Очевидно, что и традиционные модели государственного управления будут находиться под воздействием инноваций, новых технологий и соответствующих новых принципов управленческих коммуникаций. На что следует обратить внимание специалистам по государственному управлению на заре «второй эры машин»?

Теоретические основания исследования.

Неоднозначность феномена проникновения машины в жизнь человека и его социальные последствия уловили некоторые крупнейшие философы довольно давно. Почти сто лет назад русский мыслитель Н.А. Бердяев (1874–1948) писал: «Изобретение машины... создает новую форму зависимости и рабства, гораздо более сильного, чем то, которое чувствовалось от непосредственной зависимости человека от природы. Какая-то таинственная сила, как бы чуждая человеку и самой природе, входит в человеческую жизнь, какой-то третий элемент, не природный... получает страшную власть и над человеком, и над природой»¹⁶.

Французский философ Жан Бодрийяр (Jean Baudrillard, 1929–2007) в конце 80-х годов прошлого века предостерегал, что «мы живем в обществе, чьи результаты разрастаются с исчезновением причин, что ведет к необычайному засорению всех систем, разрушению посредством избытка функциональности»¹⁷.

В системе государственного управления, с одной стороны, появляется возможность принимать некоторые решения не только быстрее, но и в режиме реального времени. Это большой плюс цифровизации государственного управления. Многие процессы (государственные закупки, отчетность, проекты решений) становятся транспарентными для граждан. С другой стороны, современный мир — атомизирован, культурно и цивилизационно разобщен. Индивидуальность подменяется индивидуализмом. На авансцену выходят стандарты, регламенты, масштабируемые системы, которые ставят под угрозу чет интересов каждого гражданина.

¹⁶ Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое средневековье. — М.: Канон+, 2002. С. 148.

¹⁷ Бодрийяр Жан. Прозрачность зла. М.: Добросвет — 2014, 260 с. ISBN 978–5–98227–785–5.

Исследование: основная часть

Методология исследования. Основными теоретическими методами настоящего исследования трансформации системы государственного управления в цифровую эпоху является выявление и разрешение противоречий связанных с обеспечением индивидуальных законных интересов каждого гражданина в условиях стандартизации и типизации государственных услуг, мы нацелены на широкую постановку проблемы готовности традиционных моделей государственного управления эффективно решать задачи в новых программно-аппаратных контекстах.

Итак, современный этап развития систем государственного управления (на любых уровнях и независимо от страны) характеризуется: новым технологическим фундаментом; наличием «ловушек» цифровизации государственного управления; необходимостью осмысления ближайших и среднесрочных сценариев развития общества и возможных эволюционных трансформаций систем государственного управления.

(1) Новый технологический фундамент государственного управления

Тотальное проникновение информационных технологий в нашу жизнь — это мегатренд. Это новый уклад. Это факт. Масштабы и темпы, характерные для феномена «Интернета-вещей» (а на самом деле, уже надо изучать феномен «Интернета-всего»), — сметают все на своем пути. За пятнадцать лет с начала нового столетия количество пользователей сети Интернет выросло почти в 10 раз: в 2000 г. — 400 млн пользователей, в 2015 г. — 3,2 миллиардов. Пройдет еще несколько лет и каждый житель планеты будет в режиме онлайн.

Цифровые технологии всепроникающие. Они универсальны и применимы практически во всех сферах жизнедеятельности человека. Только представьте, как меняют нашу жизнь 3D-принтеры. Как метко выразился главный футуролог компании Cisco Дэйв Эванс (Dave Evans), если сегодня мы скачиваем из сети и распечатываем *информацию*, то уже завтра мы будем загружать и печатать на своих домашних принтерах *вещи!*

Вспомните как Советский Союз боролся за обеспечение всех граждан жильем. Целые проектные институты разрабатывали типовые проекты быстровозводимых домов и несмотря на все усилия жилья не хватало. Применение самых современных традиционных технологий строительства жилья позволяет возводить дома за несколько месяцев. Но и это уже вчерашний день. Применение технологий, основанных на 3D-печати, использующих бетон в качестве строительного материала,

позволяет возводить сейсмоустойчивые, теплые и индивидуальные по проекту дома всего за несколько дней! Эти дома требуют в разы меньше рабочих и на порядок дешевле обычных. Это совсем иные возможности, которые технологии дают обществу для разрешения накопившихся социальных проблем в национальных масштабах.

В предстоящие 50 лет мы увидим такие изменения, о которых 20–30 лет назад не могли даже предположить. Суть современного развития заключается в том, что рост всех ключевых показателей мировой экономики является *экспоненциальным* (см. рисунок 1)¹⁸.

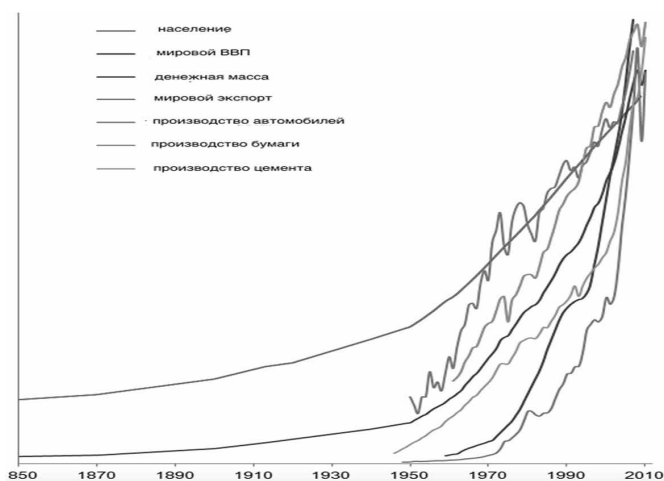

Рисунок 1.

Самые грандиозные изменения произойдут в процессе цифровизации общества, особенно на стыке деятельности человека и роботов. Достаточно глубоко вопросы технологических сценариев будущего рассматриваются Рэймондом Курцвейлом (Raymond Kurzweil)¹⁹, известным американским футуристом и прогнозистом, предсказавшим в 1990 году победу компьютера над человеком до 1998 года²⁰. В 1999 году он предсказал, что к 2009 году человек будет иметь возможность давать компьютеру голосовые команды. Именно в 2009 году

¹⁸ Источник: составлено автором на основе: www.skepticalscience.com/print.php?n=2446

¹⁹ Подробнее см. на <http://www.kurzweilai.net>

²⁰ В 1997 году суперкомпьютер Deep Blue компании IBM обыграл чемпиона мира по шахматам Гарри Каспарова.

Apple и Google вывели свои продукты на рынок с такими техническими возможностями (Siri и Google Now, соответственно). В целом предсказания Курцвейла сбываются в 85 % случаев.

Интересна методика прогнозов Курцвейла. Так, например, вычислительную способность мозга он рассчитывает по формуле: 100 миллиардов нейронов умножить на в среднем 1000 соединений с одного нейрона (допускается, что вычисления происходят в основном в момент соединения) умножить на 200 вычислительных операций в секунду²¹. Исходя из этой формулы, Курцвейл предполагает, что компьютеры в скором времени будут обладать такими вычислительными способностями. В 2023 году стоимость вычислительных мощностей равных возможностям одного человеческого мозга составит примерно 1000 долларов США. Уже к 2037 году себестоимость таких вычислительных мощностей составит один цент.

В целом картина мира XXI века по Курцвейлу выглядит следующим образом:

- с 2020 роботы станут физически совершеннее людей;
- с 2032 роботы станут интеллектуально превосходить человека, они начнут массово чинить сами себя;
- с 2035 роботы в некоторых профессиях (например, секретари, кредитные аналитики, водители общественного транспорта) начнут полностью заменять человека;
- в 2045 в мире наступит технологическая сингулярность (все люди и машины будут находиться в режиме онлайн);
- с 2099 роботы будут иметь равные с человеком права.

На современном этапе хорошо очерчена диалектика развития систем государственного управления. За прошедшие 30 лет базовая модель государственного управления находилась в состоянии весьма активной эволюции, пройдя две стадии и вошла в третью:

I фаза: Электронное правительство (e-government)

II фаза: Открытое правительство (open government)

III фаза: Умное правительство (smart government)

Подобная логика развития форм и содержания взаимодействия государства и гражданина универсальна для всех стран. Обратим внимание, что эти фазы коррелируют в историческом контексте с динамикой информационно-технологического развития общества. Можно творчески сопоставить эти динамические линии и получить контекст эволюции систем государственного управления. Получается:

²¹ <http://www.kurzweilai.net/the-law-of-accelerating-returns>

Таблица 1

Эволюция системы государственного управления и информационно-технологические доминанты

Фаза	Эволюционная форма системы государственного управления	Информационно-технологическая доминанта	Период (оценочно)
I фаза	Электронное правительство (e-government)	Мэйнфреймы / выделенные серверы, вычислительные мощности оконечных компьютерных устройств (fixed computing)	1990-е
II фаза	Открытое правительство (open government)	Облачные вычисления, дата-центры, открытые данные (mobile (cloud) computing, open data)	2000-е
III фаза	Умное правительство (smart government)	Самообучающиеся нейро-компьютерные системы, синергия от самостоятельного взаимодействия компьютерных семей между собой, открытые и (internet of things, data mining, big data)	сейчас

Составлено автором

Является ли эпоха умного (цифрового) государства финальной стадией его развития? Или она знаменует переход к новой социально-экономической парадигме, основанной на иной материально-технологической базе? Какой нам видится система государственного управления через 20–30 лет? Каких «подводных камней» стоит опасаться государственным управленцам?

(2) «Ловушки» цифровизации государственного управления

Средства стремятся подменить цели

Припоминаю, как в начале «нулевых», работая во Франции, я приобрел автомобиль Рено Супер5. Сколько времени я потратил на постановку автомобиля на государственный учет? Нисколько. Продавец автомобиля сам уведомляет соответствующие органы. Причем главный мотив учета автотранспорта не правоохранный, а фискальный. Поэтому у продавца автомобиля есть все стимулы быстро проинформировать Министерство финансов о том, что он больше не является правообладателем объекта налогообложения. При продаже мне потребовалось

10–15 минут, чтобы снять автомобиль с учета. Не в подразделении полиции, а как уже отмечалось в соответствующем фискальном отделе префектуры (куда идут налоги автовладельцев).

Я не думаю, что в то время это был уже результат работы «электронного правительства». Это свидетельство высокой степени осмысленности предмета, содержания и формы взаимодействия государства и гражданина.

Этот вопрос является ключевым, доинформатизационным. Каждый чиновник должен спросить себя и четко понимать ответ на вопрос: для чего мы внедряем информационные технологии? Как метко подметил Жан Бодрийяр: «Когда вещи, знаки, действия освобождаются от своих идей, мы можем встать на путь бесконечного самопроизводства»²². Так начинается информатизация ради информатизации, когда процесс становится важнее результата. Затем наступает этап, когда отчетности становится более приоритетной в сравнении с реальным решением вопросов, поступающих от граждан. После в отношении государства и гражданина победоносно вступает виртуальная реальность, когда картинка на сайте органа власти, отчетность, освоенные бюджеты свидетельствуют о проделанной колоссальной работе, а реальный уровень удовлетворенности граждан не подтверждает официальную статистику.

Потеря Гражданина, как главного бенефициара автоматизации систем государственного управления — первая цифровая ловушка.

Стандартизация подавляет индивидуальные потребности

Методологическая основа автоматизации и цифровизации — типологизация процессов государственного управления, прежде всего в части оказания государственных услуг. Эта работа необходима для выработки большого количества стандартов и регламентированных процедур. Стандартизация — действие полярное конкретным потребностям конкретного гражданина.

Очевидно, чтобы не допустить парадоксального эффекта — снижения гибкости систем управления при внедрении электронных услуг, для государства важно предусматривать в технических заданиях на разработку программно-аппаратных комплексов значительные возможности по кастомизации (адаптации, индивидуализации) виртуальных пространств, в которых взаимодействуют государство и граждане, прежде всего портала «Госуслуги».

²² Бодрийяр Жан. Прозрачность зла. М.: Добросвет — 2014, 260 с. ISBN 978-5-98227-785-5.

Цифровые-приемные, обратная связь с гражданами

Как ни парадоксально, но внедрение информационно-коммуникационных технологий может способствовать созданию атмосферы отстраненности конкретного чиновника и граждан. Этот риск возникает, когда средством коммуникаций с гражданами, особенно на муниципальном уровне, становятся электронные (цифровые) приемные, твиттер-аккаунты, социальные сети, PR-менеджеры. Создается слой цифровой бюрократии. Обезличенной. Холодной как свет монитора. Как достучаться гражданину в орган власти, чтобы быть услышанным?

Вопрос даже не в том, что наличие электронной приемной, по сути, никак не приближает государство к гражданину. Важно создавать такие автоматизированные системы управления, которые исключили бы «выпадение» гражданина из режима «онлайн» в режим «офлайн» при взаимодействии с государством. Хорошим примером такого методологического пробела является механизм досудебного (внесудебного) рассмотрения жалоб в процессе получения государственных и (или) муниципальных услуг, предусмотренный статьей 5 Федерального закона от 27.07.2010 №210-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»²³. Если услуги предоставляются в режиме онлайн, то урегулирование жалоб (их рассмотрение) осуществляется в офлайн-режиме. Это ведет к потере скорости отработки запросов граждан и снижению контроля за действиями бюрократического аппарата.

Кибер-угрозы и кибер-уязвимость систем государственного управления. Кибер-право как фундамент нового общежития.

Очевидно, что масштабное использование информационных технологий в государственном управлении требует разработки и поддержки в рабочем состоянии дублирующих аналоговых (офлайновых) программно-аппаратных платформ управления. Реализация таких решений — весьма затратное мероприятие с точки зрения временных и финансовых ресурсов. Настолько затратное, что может существенно уменьшать положительные эффекты от внедрения новых информационных технологий. Вместе с тем, государство не может позволить себе не создавать независимых и защищенных дублирующих систем управления в условиях наращивания ведущими странами мира потенциала ведения гибридных сдерживающих или наступательных информационно-хакерских кампаний.

²³ Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=201538&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.8215553514253713#0>

Есть и другой аспект цифровой эпохи — необходимость правовой регламентации событий, отношений и действий, возникающих в виртуальном пространстве и материализующихся в реальности. Ближайшие годы резко возрастет спрос на юристов со специализацией в области кибер-права.

Важность этой отрасли юриспруденции для бизнеса очевидна. А для государственного управления пока еще, как представляется, не достаточно осмысленна. Времени остается не так уж много до возникновения первых правовых кибер-коллизий. Например, правоохранительная деятельность государства. Можно ли считать производством оружия распечатанный из интернета на 3D принтере боевой пистолет? Как уже отмечалось, буквально через несколько лет принтеры с возможностью печати объемных предметов станут обыденным элементом домашней обстановки. Люди будут сами печатать для себя обувь, одежду, еду.

Криминал будет пытаться использовать новые технологические возможности в своих интересах. Государство должно быть готово упреждать такие попытки.

Новая структура рынка труда

Уже через десять лет некоторые профессии исчезнут в результате цифровизации и роботизации общества и экономики. Главный ключ для понимания, какие именно профессии уходят в прошлое — это оценка степени стандартизации профессии. Чем больше можно ввести стандартов и описать жесткими регламентами профессиональную деятельность — тем проще заменить в ней человека роботом.

В первую очередь исчезнут такие профессии как кредитные специалисты в банках, таксисты, секретари-администраторы, юристы по базовым вопросам правовых отношений, продавцы в супермаркетах.

Скорее всего и в системе государственного управления определенные категории профессий также будут обходиться без прямого участия человека. Составители различных кадастров станут виртуальными единицами — топографическую съемку будут вести дроиды, мелкие (а может и все) дорожно-транспортные происшествия будут оформляться не сотрудниками дорожно-патрульных служб, а интеллектуальными системами автомобилей с передачей точных GPS-координат и траекторий их движения до, во время и после аварии в группы разбора происшествий.

Любопытный факт в этой связи. По запросу слова «будущее» сайт Министерства труда и социальной защиты РФ формирует 232 ссылки, а сайт Департамента труда США на поисковый запрос слова “future”²⁴ выдает 640 ссылок, то есть почти в три раза больше. Полагаем, что

²⁴ Пер. с английского — будущее.

в определенной степени это характеризует нашу нацеленность на решение текущих задач и может служить косвенным сигналом о необходимости системе государственного управления более активно осмысливать и вникать в задачи и вызовы завтрашнего дня.

(3) Взгляд в будущее государственного управления.

Новые возможности

Новые измерения борьбы с коррупцией

Стандартизация — удар по субъективности принимаемых решений. Это локализация генезиса коррупции. Кроме того, очевидно, что роботизированные системы сложно коррумпируют в традиционном понимании. С этой точки зрения цифровизация системы государственного управления — безусловное благо.

Обеспечение преемственности знаний и управления

Цифровизация помогает устранить проблему отсутствия преемственности в управлении. Специфика государственных задач такова, что зачастую чиновник принимает решения, связанные с выполнением многолетних, долгосрочных задач развития страны. Например, создание самолетов нового поколения. Решение задачи такого масштаба может потребовать десять и более лет. Очевидно, что за такой период сменится не одна команда управленцев, а задача должна выполняться ритмично в соответствии с определенным графиком. Цифровые базы данных и знаний существенно облегчают передачу накопленного опыта между поколениями управленцев.

Новые технологии как общественное благо

Новая эра машин полностью перевернет наше представление о производительности труда, даст возможность производить еды и товаров, необходимых человеку для достойного существования в количестве, достаточном для создания общества с доступными для всех едой, водой, кровом и базовыми материальными благами, позволяющими каждому чувствовать себя достойно и не думать об удовлетворении самых насущных бытовых потребностей. Это возможность создания в обществе атмосферы защищенности. Создания общества без нищеты.

Информационные технологии также позволяют быть доступным для всех качественному образованию. Это возможность создания просвещенного общества.

Результаты исследования

Осмысливая периметр рассмотренных в настоящей статье вопросов, мы можем уверенно говорить о том, что фаза умного (цифрового) государства не является финальной стадией развития системы государственного управления. Государство продолжит эволюционировать на волне информационно-технологических преобразований. Нам видит-

ся, что следующая, четвертая фаза, которая наступит через 10–15 лет будет носить характер системы, адаптирующейся к индивидуальным потребностям каждого гражданина. Назовем ее «персональное правительство» (personal government, i-government).

Заключение

Скорость преобразований, а главное результативность и эффективность новой системы государственного управления будет определяться способностью современного поколения государственных управленцев смотреть за пределы собственного опыта. Считаем, что это главное качество современных менеджеров.

Как бы не ускорялась жизнь людей, мировое развитие остается многовековым марафоном наций, культур, стран. Не сбиться с пути смогут те, кто выбрал правильные ориентиры развития на 100–200 лет вперед. Главное, чтобы основной ценностью для государства всегда оставался его гражданин.

Литература

1. Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое средневековье. — М.: Канон+, 2002. — с. 148.
2. Бодрийяр Жан. Прозрачность зла. М.: Добросвет — 2014, 260 с. ISBN 978–5–98227–785–5.
3. Герман Ван дер Вее. История мировой экономики. 1945–1990 (пер. с фр.). — М.: Наука. 413 с. 1994. Режим доступа: <http://lib.sale/ekonomicheskaya-istoriya-uchebnik/vtoraya-agrarnaya-revolyutsiya.html>.
4. The Second Machine Age. Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies. Erik Brynjolfsson, Andrew McAfee., W.W. Norton&Company, New York, ISBN 978–0–393–23935–5. 2014.
5. <http://www.consultant.ru>, сайт правовой и справочной информации КонсультантПлюс.
6. <https://www.dol.gov>, Департамент труда США.
7. <http://www.kurzweilai.net>, прогностический ресурс Рэя Курцвейла.
8. <http://www.gosmintrud.ru>, Министерство труда и социальной защиты РФ.
9. <http://www.skepticalscience.com>, волонтерский научно-информационный ресурс.

Информация об авторе

Сергей Георгиевич Камолов

кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного управления и права, научный руководитель программы магистерской подготовки по направлению «Государственное и муниципальное управление» МГИМО МИД России г. Москва.

e-mail: skamolov@yahoo.com

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КОНСТИТУЦИЙ

И. В. ЛЕВАКИН

Аннотация. В статье исследованы нормы и разделы основных законов (конституций) государств, непосредственно регулирующих экономические отношения: автором развивается концепция «экономических конституций». Данная концепция опирается на идеи американских и европейских экономистов и юристов, включая труды лауреата Нобелевской премии Джеймса Бьюкенена, автора концепции «конституционной экономики». Анализ отдельных, наиболее наглядных норм «экономических конституций» проведен в их эволюции. Исследованы общие закономерности становления, развития и функционирования «экономических конституций». «Экономические конституции» рассматриваются в качестве имманентного правового выражения материальных условий жизни сообществ. В основу исследования положен критерий соответствия «экономических конституций» технологическим укладам, как одной из главных характеристик экономической системы. Исследован генезис «экономических конституций» США, Франции, Германии и других стран. Особое внимание уделено «экономическим конституциям» социалистических и постсоциалистических стран, «экономической конституции» Российской Федерации. Выявлены особенности развития новейших «экономических конституций» на материалах основных законов Финляндии и Швейцарии. Автор утверждает, что «экономические конституции» не ограничиваются вопросами воздействия государства на экономику и определения границ государственного регулирования. В качестве компонентов «экономической конституции» рассматриваются экономические права и свободы, вопросы взаимоотношений труда и капитала, финансовой системы, налогообложения и пр. Учтено, что современные международные стандарты отказались от вторичности социально-экономических прав человека. Сделан вывод о взаимосвязанном прогрессе технологических укладов и «экономических конституций», способном обеспечить выход на принципиально новый уровень в системах управления государством, обществом и экономикой.

Ключевые слова: конституция, экономика, экономическая конституция, технологический уклад.

Введение. Разработанная юристами и экономистами актуальная концепция «экономической конституции» охватывает совокупность знаний о конституционных нормах, опосредующих материальные условия жизни (экономику). Злободневность исследования «экономических конституций» обусловлена возрастающим влиянием права на сферу экономики в современном мире.

Начало широкому распространению научно-практической проблематики взаимодействия экономики и конституционализма положила концепция «конституционной экономики» лауреата Нобелевской премии Джеймса Бьюкенена²⁵. Более специализированная разработка «экономических конституций» тесно связана с работами немецкого экономиста В. Ойкена и школой ордолиберализма²⁶; в России данной теме посвящены труды Г. Н. Андреевой, П. Д. Баренбойма, Г. А. Гаджиева, В. И. Лафитского, В. А. Мау и др.²⁷.

Теоретические основания исследования. Исходным является следующее утверждение: конституционное регулирование основ материальных условий жизни — объективная реальность любого социума на определенном высоком уровне исторического развития. Перефразируя известное высказывание Ф. Лассалья о том, что «конституция является действительным отношением общественных сил страны», можно утверждать, что «экономическая конституция» — имманентное правовое выражение материальных условий жизни социума.

Идея взаимодействия юридических норм и экономических феноменов в конституциях, не сводится к вопросам воздействия государства на экономику, установления границ ее государственного регулирования. Компонентами «экономической конституции» также являются нормы, регулирующие вопросы собственности, финансовой системы, предпринимательства, основных средств производства, социально-экономических прав и т.п.

Как справедливо отмечается, «особой экономической конституции в государствах нет» [Чиркин В. Е., 2016, с. 12], тем не менее, данная научная абстракция, замещающая громоздкую конструкцию «конститу-

²⁵ См.: Buchanan J. The Logical Foundations of Constitutional Liberty, Volume 1, Liberty Fund, Indianapolis, 1999. 429 p.

²⁶ См.: Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М.: Прогресс, 1995. 496 с.

²⁷ См.: Баренбойм П. Д., Гаджиев Г. А., Лафитский В. И., Мау В. А. Конституционная экономика. М.: ЮСТИЦИНФОРМ, 2006. 528 с.

ционно-правовые нормы и институты, закрепляющие и регулирующие основы экономических отношений, социально-экономические права и свободы», взятая в данном тексте в кавычки, является апробированной и верно отвечает познавательным потребностям.

В обществоведческой доктрине сформировалось два основных подхода к исследованию «экономических конституций».

«Широкий» социально-философский взгляд справедлив тем, что все правовые нормы, так или иначе, имеют отношение к экономической системе, коррелируются с ее закономерностями — трансформируются под ее влиянием и сами ее трансформируют; «узкий» правовой взгляд, ограничивающийся рассмотрением разделов и норм конституций (основных законов), непосредственно регулирующих правовым образом экономические отношения, — более верифицируем.

Мы остановимся на правовом анализе предмета исследования — наиболее наглядных нормах «экономических конституций» в их эволюции, связанной с развитием ведущих технологий; отразим взаимосвязь технологических укладов и социально-экономических прав и свобод.

Таким образом, цель исследования — выявление закономерных связей между нормами «экономических конституций», включающими институт социально-экономических прав и свобод, и технологическими укладами. Задачи исследования предполагают классификацию и последовательное эмпирическое и теоретическое исследование «экономических конституций».

Исследование: основная часть. Гипотеза исследования включает предположение о закономерной взаимосвязи норм «экономических конституций» и соответствующих технологических укладов (технологий, характерных для определенного уровня развития производства); в том числе, учитывает особенности конституционного правового регулирования социально-экономических прав и свобод.

1. Возникновение буржуазных отношений связано с достижениями первого технологического уклада: развитием мануфактур, промышленности, торговли; переходом к машинному труду, от мануфактуры к фабрике (создание Ричардом Аркрайтом прядильной машины «Water frame» и строительство им текстильной фабрики в Кромфорде в 1772 г.) и т.д. Истоки буржуазного конституционализма разнообразны, однако, несомненно, существенен конфликт между новыми производительными силами и стагнирующими производственными отношениями вкупе с общественными институтами: появилась необходимость в свободном, наемном труженике, использующем новые технологии.

Так, Декларация независимости США 1776 г. и первая в Мире писаная Конституция 1787 г. имели в виду, в том числе независимость экономическую²⁸. Отцы-основатели США стремились установить правила общежития, способствующие преобразованию конфедерации в более совершенный союз, в рамках которого стало возможно движение к «общему благоденствию». Это стремление учитывало технологические особенности производства — необходимость рабовладения для экстенсивного сельхозпроизводства южных плантаций (в основном хлопковых). Раб был сам средством производства, и в тексте Конституции США факт рабовладения фиксировался сразу в нескольких статьях (ст. I, IV, V). Освобождение рабов стало одной из целей войны между незаинтересованным в рабстве фермерским и промышленным Севером и аграрным Югом лишь к концу 1862 г.

При всей своей прогрессивности, конституция США конца XVIII в., даже с известными двадцатью семью поправками, не могла быть адекватной дальнейшему прогрессу производительных сил и производственных отношений. Поэтому Верховному суду США принадлежит значительная роль в модернизации экономических основ конституционного строя, социально-экономических прав и свобод; приведении соответствующих современных экономических отношений букве и духу, прецедентным образом развивающейся Конституции. Так, в деле «Katzenbach v. McClung» (1964) федеральный запрет на расовую дискриминацию в частных ресторанах был признан антиконституционным, поскольку такая дискриминация, помимо прочего, ограничивает возможности передвижения чернокожих граждан по коммерческим делам, следовательно, влияет на торговлю между штатами²⁹.

Хотя американская доктрина конституционного права традиционно не относит социально-экономические права к числу фундаментальных, однако это вовсе не означает отсутствие конституционно-правового регулирования экономической сферы (экономические права получили более обстоятельную регламентацию в законодательстве штатов, но в ранг конституционных прав возведены лишь фрагментарно). Из экономических прав в Конституции США получило закрепление лишь право собственности — основа экономических прав и свобод. Пятая

²⁸ «Нет налогов без представительства» (No taxation without representation) — лозунг, использовавшийся в качестве главной претензии британских колонистов в Северной Америке к феодальной власти и колониальной администрации и широко использовавшийся в ходе Американской революции.

²⁹ См. сайт Верховного суда США. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/379/294/case.html> (дата обращения 11.01.2017).

поправка, в частности, установила, что ни одно лицо не должно лишаться собственности без должной правовой процедуры.

2. «Экономические конституции» бурно формировались в начале XX века, они возникли на фоне второго технологического уклада, именуемого эпохой пара (в 1825 г. был построен паровоз Locomotion № 1, осуществлено строительство железной дороги Стоктон — Дарлингтон). Промышленный переворот повлек за собой формирование рабочего класса (наемные рабочие — основные производителями материальных благ), лишенного средств производства. Возникла необходимость конституционного регулирования усложнившихся технологий и защиты прав трудящихся, силами которых создавался прибавочный продукт.

Так, Веймарская Конституция 1919 г. (Конституция Германского государства) подчеркивала важность наиболее эффективного и инновационного средства транспортного сообщения «эпохи пара» — железной дороги. Ст. 95 прямо говорит о том, что «...железные дороги, подлежащие надзору империи, должны строиться и снабжаться на основании устанавливаемых империей одинаковых правил. Они должны сохраняться в состоянии, обеспечивающем безопасность движения, и должны расширяться сообразно потребностям оборота...». Ст. 97 провозглашала задачей империи «сделать свою собственностью и взять в своё управление водные пути общего значения. ... Всякое управление водных путей должно соглашаться на присоединение других внутренних водных путей за счёт предпринимателей. Такая же обязанность устанавливается в отношении соединения внутренних водных путей с железными дорогами...» и т.д.

Хотя в большинстве конституций, принятых до первой мировой войны, практически не говорилось о социально-экономических правах, постепенное освобождение человека от тяжелого ручного труда в масштабном производстве позволило гуманизировать законодательство³⁰.

Конституционным новшеством стало закрепление некоторых социально-экономических прав, в том числе как реакция на большевистский переворот в России. Например, в той же Конституции Германского государства рабочие и служащие получили «для защиты своих социальных и хозяйственных интересов законное представительство в виде рабочих советов предприятий, а также окружных рабочих советов для отдельных хозяйственных отраслей и имперского рабочего

³⁰ Отдельные упоминания о социально-экономических правах встречались в Конституции Мексики 1917 г.

совета» (ст. 165). Также была конституирована классическая формулировка соотношения прав собственности и общественных интересов: «собственность обязывает. Пользование ею должно быть в то же время служением общему благу».

3. Широкое использование электрической энергии открыло путь третьему технологическому укладу (эпоха электричества и стали была ознаменована изобретением бессемеровского процесса, созданного на базе конвертера Бессемера — завод Edgar Thomson Steel Works в Питтсбурге в 1875 г.). Электричество, радиосвязь, телеграф, позволили существенно поднять качество жизни людей в развитых странах, сконцентрировать значительные общественные ресурсы, способные социализировать либеральные «экономические конституции».

Конституция Австрийской Республики 1920 г. в ст. 10 к ведению Федерации относит законодательство и исполнительную деятельность по вопросам: горного дела; лесного хозяйства, включая пастбища; водного права; регулирования состояния и содержания водохранилищ в целях обеспечения безопасности при паводках, а также для судоходства и лесосплава; строительства плотин; сооружения и содержания в природе водных путей; стандартизации и унификации электроэнергетических установок и сооружений меры безопасности в этой области; правового регулирования линий высоковольтных электропередач, проходящих по территории двух или более земель; регулирования энергетического машиностроения; геодезии.

Конституция Испании 1931 г. в ст. 14 к исключительной компетенции испанского государства относит создание и исполнение законов, имеющих, в том числе своим предметом «общий режим средств сообщения, воздушные трассы, почту, телеграф, подводный кабель и радиокommunikации; использование гидроресурсов и электростанций...»; в ст. 15 к ведению испанского государства относится принятие законов по вопросам: «железных, автомобильных дорог, каналов, телефонов и портов».

Высокообразованные люди, обслуживающие сложные механизмы добились существенных гуманитарных преимуществ: многие европейские основные законы включили в свои тексты большой объем социально-экономических прав и свобод граждан.

Основной закон Испании 1931 г. в ст. 46 провозглашал, что «Республика обеспечивает всякому трудящемуся условия, необходимые для достойного существования. Социальное законодательство регулирует социальное обеспечение в случае болезни, при несчастном случае, вынужденном простое, старости, инвалидности и смерти; труд женщин

и молодежи и особенно защиту материнства, продолжительность рабочего дня, минимальную заработную плату и минимальный семейный доход; ежегодные отпуска; условия труда испанских рабочих за рубежом; учреждения кооперации; экономико-правовые отношения лиц, участвующих в производстве; участие трудящихся в организации, управлении и доходах предприятий, а также все, что касается защиты интересов трудящихся». В качестве их материальной основы, был объявлен труд (Испания) или, главным образом, свободная экономическая деятельность: «Не может быть установлено никаких ограничений в отношении свободы предпринимательской деятельности иначе, чем в целях общего блага» (ст. 69 Конституции Республики Ирландия от 17 июня 1944 г.).

Вместе с тем, в период между Первой и Второй мировыми войнами в группе стран победу удалось одержать крайне реакционной части монополистического капитала и проводящим их политику реваншистскими военными кругами (Италия, Германия, Испания, Португалия, Япония). Это привело к отказу в указанных странах *от конституционализма вообще либо к превращению конституций в фикцию.*

4. Нефтяной четвертый технологический уклад (широкое использование углеводородов, внедрение на предприятиях Форда ленточного конвейера, начало выпуска автомобиля Ford Model T.) ознаменован обширными документами (основными законами), предполагавшими коллективное производство и коллективные права. Новые технологии преодолели национальные границы государств с самыми различными политическими системами, так или иначе, отразились в конституционных текстах.

«Экономические конституции», отразившие характеристики развитого четвертого технологического уклада отводят значительное внимание «эксплуатации нефтяных месторождений и природного газа, гидроресурсов для получения электрической энергии и других минеральных ресурсов, эксплуатируемых на их соответствующих территориях, на континентальном шельфе, в территориальном море или исключительной экономической зоне» (ст. 20, пар. 1 Конституции Бразилии 1988 г.).

Конституция Исламской Республики Иран 1979 г. уже в Преамбуле отмечает важность движения за национализацию нефти; Конституция Боливарианской Республики Венесуэла 1999 г. в ст. 302 утверждает, что «государство из соображений национальной выгоды оставляет за собой право контролировать нефтедобывающую и другие отрасли промышленности, разработки месторождений, услуги и материальные блага, имеющие стратегическое значение. Государство сти-

мулирует производство, в основе которого лежит эксплуатация не возобновляемых природных ресурсов с целью усвоения, создания и инновации в сфере технологий ...»; ст. 108 Конституции Ирака 2005 г. закрепляет положение, согласно которому «нефть и газ являются достоянием общественности во всех областях и административных округах» и т.д.

В развитых европейских странах, например, в Конституции Италии 1947 г. был сделан акцент на социально-экономических правах и свободах, их гарантиях с отражением одновременно индивидуалистических (авторы — христианские демократы) и коллективистских (авторы — коммунисты, социалисты) идей³¹. Данный компромисс наглядно демонстрирует абз. 2 ст. 3: «Задача Республики — устранять препятствия экономического и социального порядка, которые, фактически ограничивая свободу и равенство граждан, мешают полному развитию человеческой личности и эффективному участию всех трудящихся в политической, экономической и социальной организации страны»³²; Конституция Швеции 1974 г. в гл. 1 § 2 утверждает, что «Различное личное, экономическое и культурное благосостояние частных лиц должно быть основной целью деятельности государства. Оно обязано обеспечить всем право на труд, жилище и образование, а также содействовать социальному обеспечению, безопасности и хорошим условиям жизни».

5. Развитие атомной отрасли, «резкое увеличение объема научно-технологической информации, возникновение принципиально новых способов работы с ней» ведет к новому конституционному правовому переосмыслению действительности³³. К концу XX в., началу XXI в. кон-

³¹ См.: Green, E.H.H., Tanner, D. The Strange Survival of Liberal England: Political Leaders, Moral Values and the Reception of Economic Debate // Cambridge University Press. 2007. P. 212–247.

³² На это же указывает и проработка деталей в отношении права собственности. В Конституции говорится о двух формах собственности в стране — государственной и частной (ст. 42), о предоставлении государству достаточно широких возможностей для экспроприации частной собственности (ст. 43) и регулирования отношений в области земельной собственности, установления ее пределов, преобразования крупных поместий, поощрения мелкой и средней собственности (ст. 44).

³³ Ч. 1 ст. 44 Конституция России гласит: «Интеллектуальная собственность охраняется законом». В утвержденной 1 декабря 2016 г. Указом Президента России № 642 Стратегии научно-технологического развития используется понятие «научно-технологическое развитие Российской Федерации» — процесс качественного изменения роли науки и технологий в обеспечении независимости и повышении конкурентоспособности России, целью которого является способность государства эффективно отвечать на большие вызовы.

ституционное закрепление получили ядерные и информационные технологии, в основание которых заложен пятый технологический уклад (ядерная эпоха, эпоха компьютеров и телекоммуникаций).

Ст. 71 Конституции России к ведению Федерации относит: федеральные энергетические системы, ядерную энергетику, расщепляющиеся материалы; федеральные транспорт, пути сообщения, информацию и связь; деятельность в космосе. Конституция Индии 1949 г. к компетенции Союза (перечень I.) относит «атомную энергию и источники сырья, необходимые для ее производства».

В настоящее время «развитие интернета достигло такого уровня, что его наличие является базовой потребностью» [Марьясис Д., 2016, с. 98], «экономические конституции» пятого технологического уклада начали закреплять право на доступ в интернет³⁴. Например, в соответствии с ч. 2 ст. 5а Конституции Греции каждый имеет право на участие в информационном обществе. Содействие в доступе к информации в электронной форме, а равно к ее производству, обмену и распространению, является обязанностью государства. Согласно ч. 2 ст. 15 Переходной Конституции Непала от 15 января 2007 г. «радиосвязь, телевидение, интернет или иные виды цифровых или электронных средств, средства печати или любые иные средства массовой информации не подлежат закрытию, изъятию или отмене регистрации в связи с произведенными публикациями, трансляцией или изданием любых материалов на аудио-, видеооборудовании или электронном оборудовании».

В гуманитарной сфере основные законы Италии (1947 г.), ФРГ (1949 г.), Франции (1958 г.), других стран закрепили традиционный европейский вариант конституционализма, вобравший универсальные ценности обновленного экономического либерализма. Объединившись в Европейское экономическое сообщество (1957–1993 гг.), а затем — в Европейский союз (с 1993 г.), страны западной Европы, побуждаемые «стремлением содействовать экономическому и социальному прогрессу своих народов...», обеспечили «своим гражданам пространство свободы без внутренних границ». Хартия Европейского Союза об основных правах 2000 г. отказалась от традиционного для западной доктрины прав человека деления прав и свобод на первостепенные, к которым относились прежде всего гражданские и политические права и «второстепенные»,

³⁴ В США многие попытки органов государственной власти осуществить правовое регулирование содержимого сайтов Интернета были пресечены судами на основании первой поправки к Конституции. В связи с этим до 2010 г. Конгресс и органы исполнительной власти предоставляли коммерческому интернету возможность саморегулирования, обеспечивая свободу правоотношений в этой сфере.

к которым причисляли социально-экономические права. Преамбула и Хартия в целом рассматривают правовой статус человека и гражданина Европейского Союза в единстве и равенстве составляющих его прав и свобод, в чем одновременно проявляется также принцип единства и недискриминации прав и свобод в его «европейском варианте»³⁵.

Таким образом, европейские страны начали «воплощение в жизнь комплексной программы социально-экономического развития Европейского Союза, получившей название Лиссабонской стратегии, она характеризуется расстановкой ряда новых акцентов, среди которых первостепенное значение придается активной поддержке скорейшего перевода западной европейской экономики на инновационную модель развития»³⁶ [Циренщиков В., 2016, с.107].

6. Социалистические (коммунистические) режимы используют достижения любых технологических укладов. В первых советских конституциях (Конституция РСФСР 1918 г., Конституция СССР 1924 г.) была представлена альтернатива либеральной экономической системе. «Экономические конституции» стран социализма декларировали уничтожение эксплуатации, пропагандировался принцип «каждому — по труду» и т.д. Конституция РСФСР 1918 г. включала раздел «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», ставившая задачу полного перехода «фабрик, заводов, рудников, железных дорог и прочих средств производства и транспорта в собственность Советской рабоче-крестьянской Республики», в качестве основной задачи определяла «уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров...» (гл. 2 ч. 3). В Декларации предполагалось введение всеобщей трудовой повинности. При этом, например, в целях ускоренной индустриализации, использовались достижения «буржуазной» науки и иностранные специалисты³⁷.

³⁵ Во многих странах положения о социально-экономических правах включены в разделы о директивных принципах политики государства и рассматриваются не как права, защищаемые судом, а лишь как ориентир для деятельности правительства (Нигерия, Индия, Филиппины и др.).

³⁶ Принята новая, третья версия этой стратегии, известная как «Европа 2020», ориентированная на достижение к концу текущего десятилетия так называемого «умного, устойчивого и всеобъемлющего роста» — т.е. на достижение инновационного развития экономики».

³⁷ Начало социалистической индустриализации как составной части «триединой задачи по коренному переустройству общества» (индустриализация, коллективизация сельского хозяйства и культурная революция) было положено первым пятилетним планом развития народного хозяйства (1928–1932).

Конституции СССР, РСФСР 1936, 1937 и, соответственно, 1977, 1978 годов подтвердили преимущество принципов первых советских конституций. В качестве основы экономической системы РСФСР утверждалась государственная (общенародная) и колхозно-кооперативная собственность, закреплялось плановое ведение хозяйства. Конституция СССР 1977 г. содержала фальшивые лозунги, в соответствии с которыми «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех», а «источником роста общественного богатства, благосостояния народа и каждого советского человека является свободный от эксплуатации труд советских людей».

В таком же стиле были выдержаны «экономические конституции» большинства европейских сателлитов СССР — стран «народного» социализма. В сформировавшемся после Второй мировой войны «лагере» социализма (Организация Варшавского договора существовала 1955–1991 г.г.) отрицалась экономическая свобода, определяемая в либеральном духе. В большинстве «народно-демократических государств» были изданы конституционно-правовые акты о национализации промышленности и земли. Конституции стран «социалистической ориентации» во многом копировали социалистическую конституционную модель, часто ухудшая ее из-за своей социально-экономической отсталости. Часть проблем был призван решить СЭВ (Совет экономической взаимопомощи, который существовал 1949–1991 г.г.). Например, «родившаяся в самом начале 1956 г. идея долевого участия в развитии добычи советской железной руды и польского угля возникла под влиянием европейской интеграции. Однако создать полноценный аналог ЕОУС (Европейское объединение угля и стали) или организацию со сходными функциями странам — членам СЭВ не удалось» [Попов А. А., 2016, с. 136].

Конституция 1982 г. самого мощного на сегодняшний день социалистического государства, Китайской Народной Республики, отразила сущность специфики экономики социализма «по-китайски».

Согласно конституции КНР народ управляет государством, осуществляет управление экономическими и другими делами, используя, согласно закону, различные каналы и различные пути (ст. 2). Основой социалистической экономической системы КНР является социалистическая общественная собственность на средства производства, а именно, общенародная собственность и коллективная собственность (ст. 6). Движущей силой национальной экономики является государственная экономика, т.е. социалистическая экономика с общенародной собственностью. Государство обеспечивает укрепление

и развитие национальной экономики (ст.7). Китайское государство направляет, оказывает помощь и контролирует личное хозяйство, используя административный контроль, хотя и позволяет частному сектору экономики существовать и развиваться в определенных законом рамках. Под этим подразумевается, что частный сектор экономики является частью социалистической общественной экономики, а государство защищает законные права и интересы частного сектора экономики, и осуществляет руководство наблюдение и контроль за частным сектором экономики (ст. 11).

Участие КНР в международном разделении труда привела к сложному симбиозу социалистических постулатов и рыночных реалий: «государство проводит в жизнь социалистическую рыночную экономику, обеспечивая равный юридический статус и права развития всех игроков на рынке». Кроме того, «государство защищает законное право граждан наследовать частную собственность» (ст. 13). Таким образом, в Конституции КНР содержатся многие традиционные для социалистического государства нормы, и, тем не менее, конституционная модель экономики имеет во многом модернизированный характер, демонстрирует большой потенциал трансформируемости: начиная с XIV съезда КПК, в партийных документах говорится о социалистической рыночной экономике; научно-технический потенциал рассматривается в качестве составляющей «совокупной мощи государства» [Крашениникова, 2016, с. 17].

Что касается социально-экономических прав, то в социалистических государствах им придается особое значение, обычно они находятся на первом месте в главе конституций о правах и обязанностях граждан. Другой вопрос, что данные права зачастую носят декларативный характер, а также подменяют собой все прочие, не менее важные.

7. Распад мировой системы социализма, вызванный, не в последнюю очередь, технологическим отставанием (военные технологии не конвертировались в технологии производства товаров народного потребления), в конце XX века, привел к возрождению/реставрации прерванной традиции либерализма, основными чертами которой являются частная собственность, защита свобод и безопасность. Разумеется, экономический либерализм был скорректирован социальными конституционными мотивами, достаточно развитыми в развитых странах к концу XX в³⁸.

³⁸ См.: Preuss, U. Patterns of constitutional evolution and change in Eastern Europe Hesse & Johnson. 1995. P. 5, 95–102.

Конституция Литовской Республики, принятая гражданами на референдуме 25 октября 1992 г., содержит статью IV «Народное хозяйство и труд» где предусмотрено, что «хозяйство Литвы основывается на праве частной собственности, на личной свободе хозяйственной деятельности и личной инициативе. Государство оказывает поддержку общественно полезным хозяйственным усилиям и инициативе. Государством регулируется хозяйственная деятельность таким образом, чтобы она служила общему благу народа. Законом запрещается монополизировать производство и рынок, охраняется свобода честной конкуренции. Государство защищает интересы потребителя» (ст. 46).

Латвия — единственная из восточноевропейских стран, которая после крушения системы социализма в Восточной Европе восстановила довоенную Конституцию. В 1990 году Верховный Совет Латвийской ССР провозгласил восстановление независимости Латвийской Республики и возобновление действия статей 1, 2, 3 и 6 Конституции 1922 года. Полностью Конституция была восстановлена в силе 6 июля 1993 года, в 1998 году Конституция была дополнена разделом о правах человека. В связи с этим социально-экономические права зафиксированы в редакции Основного закона от 30 апреля 2002 года.

Конституция Польской республики 1997 г. утверждает, что «социальное рыночное хозяйство, опирающееся на свободу хозяйственной деятельности, частную собственность, а также на солидарность, диалог и сотрудничество социальных партнеров, является основой экономического строя Польской Республики» (ст. 20). Ограничение свободы хозяйственной деятельности допустимо только на основании закона и только исходя из важного публичного интереса (ст. 22).

В странах Восточной Европы была возвращена недвижимость, национализированная режимами-сателлитами сталинского Советского Союза сравнительно недавно — после второй мировой войны, т.е. в 1940–1950-х годах. В том числе в силу этого процесс реституции достаточно спокойно прошел в Болгарии, Чехии, Словакии и других странах.

В конце XX века большинство постсоциалистических стран Восточной Европы выбрали путь правовой и экономической свободы, закрепленный в Лиссабонском договоре о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества и др.³⁹. В постсоциалистических конституциях социально-

³⁹ См.: Хофф М. ЕС — Восточная Европа // Мировая экономика и международные отношения, 2000, № 12. С. 91–92.

экономические права оттеснены естественными правами, они обычно перечисляются наряду с другими правами.

Постсоциалистическая Конституция Российской Федерации 1993 г. также создала возможности для экономического либерализма: она напрямую не дает определения типа экономической системы, ясно указывает на ее основу — частную собственность⁴⁰. Однако реформы, в основе которых лежит конституционный либерализм (возможно, только фасадный), привели к следующему положению: «Россия является узкоконическим производителем высокотехнологичной продукции со слабыми конкурентными позициями по большинству товаров и высокой зависимостью от импорта...» [Гнидченко А., Могилат А., Михеева О., Сальников В., 2016, с. 66]. Отсюда, в том числе, «экономическая конституция» нашей страны подвергается всесторонней критике, так, по мнению многих исследователей ее «вестернизация носила чисто внешний, поверхностный характер», кроме того, она легитимизировала спорные результаты приватизации 1990-х. [Лукин А. В., Лукин П. В., 2011, с. 22; 24–27], ликвидировала основные завоевания социализма в области социально-экономических прав трудящихся⁴¹.

Методология исследования. Комплексное использование историко-логического, системного, догматического, компаративистского и других методов научного познания, позволило выявить закономерности, спрогнозировать дальнейшее развитие «экономических конституций» во взаимосвязи с развитием ведущих технологий, отразить соответствующие исторические характеристики социально-экономических прав и свобод.

Процедура исследования. Процедура включила пять взаимосвязанных стадий: целеполагание, подготовку, эмпирическую, теоретическую,

⁴⁰ В России признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные ее формы (ч. 2 ст. 8). Закрепляется принцип экономической свободы как основы конституционного строя: «гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности» (ч. 1 ст. 8). Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности (ч. 2 ст. 9); на территории Федерации не допускается установление таможенных границ, пошлин, сборов и каких-либо иных препятствий для свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств (ч. 1 ст. 74) и т. д.

⁴¹ Вместе с тем, как это было сделано в странах Восточной Европы, она не стала основой денационализации и реституции. Представляется, что в начале XXI в. проблемы «экономической конституции» России носят не столько нормативный характер — они обусловлены недостатками практики (неэффективность системы государственного управления, судебной системы).

изложение результатов. Поэтапная реализация данных стадий позволила результативно интерпретировать доктринальное толкование норм конституций в качестве основного содержания данной научной статьи. В ходе подготовки работы широко использовались материалы из справочных правовых системы (СПС): «Гарант», «Консультант Плюс». В качестве основного источника информации о текстах конституций зарубежных государств, использовались официальные сайты правительств соответствующих стран во всемирной компьютерной сети «Интернет», другие информационные ресурсы.

Результаты исследования. Проведенное исследование «экономических конституций» убедительно демонстрирует, что их развитие характеризуется многонаправленностью, но, все же, ведущей закономерностью выступает исторический, нелинейный прогресс, тесно связанный с научно-технологической эволюцией.

Исследование «экономических конституций» фиксирует закономерный переход от простых форм защиты права собственности к более совершенному, модернизированному, системному и универсальному регулированию технологических достижений социума⁴². Несомненный прогресс социально-экономических прав и свобод также связан с технологическим развитием, в том числе, обеспечивающим им соответствующие материальные основы.

Анализ результатов. Тенденции «экономических конституций» закономерны: развитие экономики (подъемы и кризисы, технологические революции и т.д.) увеличивает число связей между материальными основами социума и конституционными нормами и институтами (правами и свободами, в том числе), расширяет и специализирует сферу конституционного регулирования экономики.

В конечном счете, закономерно, что именно экономическое развитие (включающее технологическое) определяет прогресс «экономических конституций», включающий прогресс социально-экономические прав, хотя нередки примеры, когда конституционная правовая реформа экономических отношений (революция «сверху») — открывает путь технологической модернизации.

«Экономические конституции» ведущих современных демократий закономерно наиболее развиты, они предъявляют высокие запросы к реализации социально-экономических прав, выражающихся в «благополучии и устойчивом развитии», конвергируют принципы эконо-

⁴² См.: Ginsburg, T., Simpser, A. *Constitutions in authoritarian regimes*. Cambridge University Press. 2014. 271 p.

мического либерализма с идеями социального государства (например, используя идею безусловного базового дохода).

Антидемократические государственные режимы, не признающие концепцию естественных прав человека, вполне могут использовать передовые технологии и системы управления, т.к. закономерности соответствия производительных сил, производственных отношений и идеологической, в том числе правовой «надстройки» подтверждаются лишь статистически. Таким образом, устойчивые взаимосвязи между технологическими укладами и «экономическими конституциями» не носят характера прямой зависимости.

Современные «экономические конституции» ведущих демократий (Финляндии, Швейцарии и др.) закономерно содержат инновационные императивы, учитывающие требования научно-технического и гуманитарного прогресса в рамках международно-правовых стандартов. Однако люди далеко не во всех странах могут реализовать важнейшее социально экономическое право — право пользования результатами научного прогресса.

Закономерно, что синтез достижений науки (например, квантового компьютера, глобального интернета, искусственного интеллекта) принципиально способен обеспечить выход на новый уровень систем управления/самоуправления экономикой, обществом и государством, отраженных в следующем поколении «экономических конституций».

Заключение. Инновационная экономика формирующегося в XXI в. шестого технологического уклада, связанного с использованием нано- и биотехнологий, в том числе генной инженерии, информационно-коммуникационных технологий нового поколения (квантовые, оптические компьютеры), когнитивных технологий, создает (что немаловажно, но недостаточно) материальные условия для желаемого «международного экономического порядка, основанного на справедливости, суверенном равенстве, взаимозависимости, общности интересов и сотрудничестве между всеми государствами, независимо от их экономических и социальных систем». Практика демонстрирует значительные гуманитарные проблемы на пути реализации данного потенциала. Полагаем, что пути решения данных проблем следует искать на путях научно обоснованной модернизации «экономических конституций».

Литература

1. Гнидченко А., Могилат А., Михеева О., Сальников В. Трансфер зарубежных технологий: оценка зависимости российской экономики от импорта высокотехнологичных товаров // Форсайт. 2016. Т. 10. № 1. С. 53–67.

2. Крашенинникова Л. Политика КНР в сфере военных НИОКР // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60, № 10. С. 17–28.
3. Лукин А.В., Лукин П.В. Экономическая политика в постсоветской России и российская истории // *Полис. Политические исследования*. 2011, № 4. С. 20–40.
4. Марьясис Д. Сферы инновационного прорыва Израиля // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60, № 3. С. 92–100.
5. Попов А.А. «Наш ответ» Европейскому объединению угля и стали: попытки кооперации стран СЭВ в сфере добычи угля и железной руды // *Новый исторический вестник*. 2016, № 3(49). С. 126–139.
6. Циренщиков В. Евросоюз: новое в инновационном строительстве // *Современная Европа*. 2016, № 1 (67). С. 107–121.
7. Чиркин В.Е. О терминах «экономическая конституция» и «конституционная экономика», а также о российской и западной науке (отклик на статью Г.Н. Андреевой) // *Конституционное и муниципальное право*. 2016, № 3. С. 11–13.

EVOLUTION OF THE ECONOMIC CONSTITUTION

Igor V. Levakin

Abstract. *In this article are investigated the main provisions and chapters of the constitutional law in the secular states that are directly regulate the economic relations therefore the author develops the concept of the “economical constitutions”. This concept is based on the ideas of the American and European economists and lawyers, including the Noble prizewinner James M Buchanan — the author of the constitutional economy concept. The analysis of the separate most prominent provisions of the “economic constitutions” is based on its evolutionary development. Also have been investigated the common patterns of the establishment, development and functioning of the “economical constitutions”. The “economical constitutions” are investigated as an immanent legal manifestation of the material living conditions in the society. In the base of the research is the criterion of the corresponding to the technology level “economical constitutions” that is the bases of the economical systems. Also under the scrutiny are the genesis of the “economical constitutions” in the USA, France, Germany and other countries. A special attention is paid to the “economical constrictions” of the socialist and post-socialist countries, including Russia. Also are revealed the particular aspects of the development of the newest “economical constitutions” based on the laws of Finland and Switzerland. The author stated that the “economical constitutions” are not limited to the involvement of the state in the running of the*

economies and defining its boundaries. The part of the “economic constitutions” is also economical rights and freedoms, relations of working force and capital, financial system, taxation etc. Also has been made an allowance that the modern international standards do not consider social and economic rights as a secondary rights for the human being. The conclusion has been drawn that the progress of the technology and in the “economical constitutions” is capable to provide the absolutely new level in the systems governing state, society and economics.

Key words: *constitution, economics, economical constitution, techno-economic paradigm.*

Информация об авторе

Левакин Игорь Вячеславович

Доктор юридических наук, профессор кафедры правовых основ управления МГИМО МИД России

Igor V. Levakin

Doctor of Science (Law), Professor, Department of Legal Bases of Administration, MGIMO under the MFA of Russia

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИЯ И ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Е. В. ОХОТСКИЙ

***Аннотация.** В выступлении на заседании секции РАМИ предпринята попытка научного анализа целей, задач и политико-правовых механизмов международного сотрудничества в сфере противодействия коррупции, а также приоритетных направлений реализации норм и принципов международного правового и институционального регулирования антикоррупционной деятельности, основных направлений международного сотрудничества, в том числе Российской Федерации в сфере противодействия коррупционной преступности. Подчеркивается, что коррупция сегодня не локальное явление, давно перешагнула пределы национальных социально-политических, экономических и правовых пространств суверенных государств, поэтому требует самого пристального внимания как со стороны конкретных государств, так со стороны всего мирового сообщества.*

Автор исходит из того, что организовывать эффективную реализацию государственной стратегии противодействия коррупции в условиях глобализации и динамичных, далеко не всегда позитивных перемен общемирового порядка невозможно без конструктивной политической воли и научно выверенной государственной стратегии противодействия коррупции. Невозможно добиться успеха без хорошего знания и умелого применения международных правовых антикоррупционных стандартов, без тесного взаимодействия национальных парламентских, финансово-экономических, правоохранительных и специальных органов с соответствующими международными правовыми, контрольно-аналитическими, информационно-научными и иными учреждениями. В научный оборот введены понятия коррумпированное государство, государственная коррупция, экспорт коррупции.

***Ключевые слова:** антикоррупционная деятельность, коррупция, конвенция, национальный план, национальная стратегия противодействия коррупции, международное сотрудничество, коррумпированное*

государство, коррупционные риски, международные стандарты борьбы с коррупцией, соглашение, экспорт коррупции

Глобализация, рост масштабов мирохозяйственных связей, развитие транспортно-коммуникационных и информационных систем, не говоря уже об опасностях национальных и общемировых кризисов, сопровождаемых громкими коррупционными скандалами, свидетельствуют, что коррупция — эта, по выражению К. Аннана, «глобальная социальная чума» современности причиняет огромный экономический, политический и социально-моральный вред, превратилась в проблему, не замечать которую уже невозможно. Она давно перешагнула пределы национальных политических, социально-экономических и правовых пространств, превратилась в мощную составляющую большинства известных опасных видов уголовной преступности, поэтому требует к себе самого пристального внимания всего мирового сообщества. Ограничиваться усилиями, не выходя за пределы национальных государств, практически бесперспективно.

Именно такого мнения придерживается наша страна, которая не только декларирует, но и конкретными делами подтверждает свою искреннюю заинтересованность в разрушении коррупции как социального явления. Поэтому приближает свое антикоррупционное законодательство к международным стандартам, подключается к совместным политическим, финансово-экономическим, правовым и организационно-репрессивным антикоррупционным действиям.

Международное сотрудничество в сфере противодействия коррупции — это система взаимодействий государств в лице соответствующих органов, международных правительственных и неправительственных объединений, международных корпораций и иных транснациональных акторов, отдельных лиц и групп в сфере противодействия коррупции. Содержательно такое сотрудничество ведется по нескольким направлениям, включая согласованную политическую стратегию совместного антикоррупционного действия [Примечание 1]⁴³ и соответствующие ей

⁴³ Политическая стратегия — основная линия политической деятельности, в нашем случае, в сфере борьбы с коррупцией. В стратегии формулируются цели, задачи, ближайшие, промежуточные и конечные рубежи движения, основные средства, формы и методы для их обеспечения, определяется правовые основы, политические, дипломатические, силовые и материально-финансовые ресурсы, расстановка политических сил. Политическая тактика совокупность способов и приемов практических действий по обеспечению реализации стратегической цели в данных конкретно-исторических условиях. Политическая стратегия и тактика «материализуют» политику международного сообщества, государств и соответствующих субъектов

конкретные антикоррупционные практики. На уровне самых высоких государственных и международных инстанций подписываются конвенции, межпарламентские, межправительственные и межведомственные соглашения; утверждаются программы, планы и дорожные карты; определяются приоритеты и средства, которые гарантируют успех стратегических антикоррупционных замыслов. Под эгидой соответствующих международных структур проводятся контрольно-аналитические мероприятия; налажен мониторинговый анализ эффективности реализации целевых программ и стратегических установок; организуются специальные международные форумы, саммиты и научно-практические конференции. На основе международных договоренностей устанавливаются рабочие контакты между национальными компетентными органами. В итоге формируется прочная научная, нормативно-правовая и технологическая база антикоррупционного сотрудничества, позволяющая оперативно реагировать и соответствующим образом регулировать отношения в сфере противодействия коррупции.

Целевые установки такого взаимодействия — формирование единого политического, правового и институционального пространства международного антикоррупционного сотрудничества, устранение предпосылок, причин и условий, порождающих, воспроизводящих и стимулирующих коррупционную преступность, разрушение глобальных коррупционно-преступных сетей, ограничение коррупционных рынков, кардинальное снижение коррупционных «накладных» издержек в бизнесе, бюджетной сфере и публичном управлении. И все это не выходя за рамки международного правового пространства и общепринятых моральных ценностей. Реальным итогом (глобальной целью) такого сотрудничества должна стать атмосфера высокого межгосударственного доверия, содействие диалогу и международному сотрудничеству на принципах доверительности, равноправия и взаимности, правовой законности, прозрачности и консолидации усилий при координирующей роли Организации Объединенных Наций.

Задачи, естественно, более конкретны — формирование политических, правовых и этических основ международного сотрудничества; заключение двух- и многосторонних международных договоров и соглашений; согласование национальных антикоррупционных стратегий; имплементация в систему национальных законодательств ратифициро-

антикоррупционного действия в непосредственной политической, законодательской, правоприменительной, экономической, социальной, идеологической и воспитательно-просветительской деятельности.

ванных международных антикоррупционных стандартов; обеспечение максимально возможной транспарентности власти, особенно в части оффшоров, закупок для государственных нужд и лоббистской деятельности; обмен информацией и вещественными доказательствами, предметами и образцами для соответствующих исследований и судебных экспертиз; привлечение к экспертной работе специализированных научных учреждений и информационно-аналитических служб [б. С. 576–577].

Становление международно-правового механизма противодействия коррупции — процесс непростой и достаточно противоречивый. В своем развитии он прошел несколько этапов. На первом этапе (1950–1960 гг.) международные организации, прежде всего ООН, лишь акцентировали внимание на необходимости борьбы с подкупом должностных лиц в сфере международной коммерческой деятельности и транснациональных финансовых операций. Второй этап относится к семидесятым годам. В этот период ООН предпринимает попытку юридического определения коррупции и подготовки всеобъемлющего международного соглашения по борьбе с различного рода коррупционными практиками. Третий этап — период 1980–1990-х гг., когда существенно активизируется работа по разработке мер противодействия коррупционным практикам. Работа завершилась принятием Декларации о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях от 16 декабря 1996 г. и Международного кодекса поведения государственных должностных лиц от 12 декабря 1996 г. Четвертый этап начался с того момента, когда в 2003 г. была принята универсальная Конвенция ООН против коррупции. Конвенция стала *базисом*, на котором сегодня основываются усилия мирового сообщества по искоренению коррупции.

Тем не менее, нельзя не признать, что достичь надлежащей координации правовых средств и конкретных практических усилий в сфере противодействия коррупции как на региональном, так и универсальном общемировом уровне пока не удалось. Действенность совместных усилий на этом направлении пока недостаточна. Конвенций, решений, регламентов, отчетов, докладов, громких заявлений и оценок достаточно, но вот их эффективность пока не соответствует реальным потребностям и реальным возможностям.

Не выдерживают критики и рассуждения типа того, что «коррупция — локальная политическая проблема, внутреннее дело государства и пусть каждое с ней справляется своими силами», что «представление финансово-экономической помощи не должно связываться с «внеэкономическими проблемами», а «контроль над коррупцией не должен касаться международной торговли и кредитной политики». Ни-

чего общего с действительностью не имеют также попытки представить практику антикоррупционных реформ с учетом внешних факторов как «навязывание западных ценностей». Все это не более, чем «недовольство» коррупционно заинтересованных элитно-господствующих кругов усиливающимся вниманием, которое обращается на коррупцию со стороны международных организаций [22. Р. 233].

Да и мотиваторы активной антикоррупционной деятельности далеко не всегда имеют положительно-созидающий вектор. Далеко не всегда антикоррупционные технологии используются действительно в целях созидания, консолидации и утверждения идеалов социальной справедливости. Нередко они становятся политической ширмой и пропагандистским прикрытием стратегии коррумпированных транснациональных корпораций и *разрушения, деморализации и порабощения других стран и народов*. Коррупция в таком случае используется не только как инструмент удовлетворения частного (личного или узко корпоративного) корыстного интереса, а как средство защиты и реализации крупномасштабного корыстного интереса публичного характера. Ее субъекты — не отдельные чиновники, бизнесмены и частные лица, а политические акторы высшего звена государственного управления и правящей политической элиты. Здесь же лидеры влиятельных олигархических кланов, теневые правительства и наиболее влиятельные субъекты глобального управления.

Отсюда практика *экспорта коррупции*. Коррупция как экспортный товар в этом случае становится:

- а) средством политического доминирования и внешнего управляющего воздействия, а то и вовсе ресурсом политического и социально-экономического порабощения более слабых государств;
- б) фактором обострения политической, экономической и социально-психологической обстановки, а далее — организации оранжевых революций и государственных переворотов;
- в) инструментом формирования «выгодных» коррумпированных режимов и насаждения марионеточных правительств.

Формы такой коррупции достаточно разнообразны: подкуп государственных деятелей и высокопоставленных чиновников; откаты при заключении международных финансово-экономических сделок; формирование финансовых и грантовых пирамид; «таинственное» исчезновение кредитных средств; установление внешнего контроля над теми политиками, чиновниками и влиятельными бизнесменами, чьи активы размещены в зарубежных финансовых центрах; стимулирование информационных войн и соответствующей пропагандистской деятель-

ности. Своеобразной формой международной коррупции справедливо считаются и односторонние дискриминационные санкции.

При этом цинично используется стратегия двойных стандартов. Если на внешнем направлении коррупционная стратегия применима и оправдана, то во внутренних делах у себя дома проводится принципиально иная политика. Если по отношению к «своим» коррупционерам проявляется предельная жесткость, то по отношению к государствам-оппонентам и государствам-конкурентам реализуется прямо противоположное — политика поощрения коррупционно-корыстного поведения, дестабилизации правового порядка и мягкого на этой основе «оккупационного» порабощения страны. Поэтому понятия «государственная коррупция», «коррупцированное государство», «политическая коррупция», «коррупция элитная» — понятия одного логического ряда, отражающие единый процесс социально-политической, и нравственной деградации и экономического разложения. И уже только поэтому заслуживающие самого пристального внимания, в том числе в научном плане.

Есть серьезные подозрения, что разгул коррупции в нашей стране в период радикальных экономических реформ был спровоцирован не только и не столько внутренним массовым корыстно-коррупционным психозом перестроечной поры, сколько хорошо продуманным внедрением коррупции в общественное сознание, политико-реформаторскую и рыночную практику извне. Особенно в выборную, приватизационную и предпринимательскую. Плюс к этому бесконечная к месту и без места констатация неуклонного роста недоверия населения к чиновничеству и властям в целом, назойливо навязываемое мнение о криминальной сущности советского, а затем российского государственного режима, о сплошной криминализации частного сектора. Постепенно это привело к тому, что для большинства россиян коррупционность государства стало истиной. Вывод следовал однозначный: государство сплошь коррумпировано, нелегитимно, не пользуется должным доверием общества, а значит, требуют принятия соответствующих мер по его демократизации, в том числе внешнего санкционного характера.

Логика проста: если государство коррумпировано настолько, что само не в состоянии справиться с криминалитетом, то для обеспечения должного правопорядка необходимы новые люди и новые силы. И такие силы находятся — желающих «помочь» и «защитить» немало.

А то, что такая «помощь» никому не помогает и никого не защищает мало кто до конца осознает. Наоборот, лишь плодит коррупцию, усиливает всевластие бюрократии, подрывает доверие к властям, разрушает основы нормальной государственности [20. С. 182–186]. Куда проще, не задумывая-

ьясь, верить, что «запад нам поможет», делает все, чтобы скорее избавиться от ненавистного прошлого и построить истинно свободное процветающее общество. Пока же люди разберутся, что к чему, будет уже поздно. Не в этом ли подлинная целевая установка раскручивания темы коррумпированности и авторитарности государства, чуть ли, не открытого использования технологий экспорта коррупции? Не к такому ли выводу подводят нас процессы и события, происходящие сегодня на Украине и вокруг нее?

Внешнее коррупционное воздействие осуществляется, конечно, не в форме грубого подкупи и пошлого взяточничества (хотя и это далеко не исключение), а с использованием инструментов более тонкой настройки в контексте общей стратегии глобального доминирования:

- кредитование на определенных политических условиях, прямой подкуп влиятельных чиновников государственного уровня и представителей финансово-промышленного олигархата;
- вовлечение экономики в саморазрушительный режим функционирования. Здесь все средства хороши: от втягивания страны в гонку вооружений, построения финансовых пирамид и долларизации (а в нужный момент дедолларизации) финансовой системы, до реализации специальных инвестиционных проектов под государственные гарантии и выдача кредитов, сопровождающихся серьезными «откатами». При заключении контрактов в годы радикальных рыночных преобразований в 80 % случаев победа доставалась только тем компаниям, которые предлагали хорошие «условия» [1. С. 51–52];
- создание предприятий с участием иностранного капитала с явным ущербом для отечественного производства. Например, с использованием такого инструмента, как раздел продукции;
- выстраивание «грантовых пирамид» под «исследование» проблем мира и безопасности, природных ресурсов и экологии, здоровья, культуры и образования, безработицы и трудовой миграции, прав и свобод человека, свободы слова и гражданского контроля. Гранты — одна из наиболее доступных, действенных, организационно и технически простых форм внешнего коррупционного воздействия. В девяностые годы по зарубежным грантам работало половина (по некоторым данным — до 70 %) российских ученых, в том числе по проблематике военно-промышленного комплекса. Хорошо известно и то, как определялся состав грантополучателей и чьи интересы (вольно или невольно) они представляли [11;12];
- «утечка мозгов» — легитимная, но от этого не менее коррупционная, по своей сути, система организации извне массового оттока высококвалифицированных кадров за рубеж;

- материально-финансовая поддержка активистов оранжевых движений, оппозиционных СМИ и политических партий, различных независимых фондов, неправительственных организаций, институтов и образовательных проектов.

Мировое сообщество обладает достаточно мощным механизмом противодействия коррупции, использует обширный круг действенных политико-правовых и организационно-финансовых инструментов антикоррупционного действия [17. С. 234–235]:

- разработка концептуальных документов, международных нормативных правовых актов, распорядительных и методических документов и составление на их основе управленческих матрицы конкретных антикоррупционных действий, включая раскрытие активов, уголовную ответственность за подкуп и «отмывание» незаконно полученных средств по трансграничным каналам, конфискацию имущества, нажитого противоправным путем;
- мониторинговый анализ эффективности [Примечание 2], реализации целевых программ и стратегических установок, международный контроль использования кредитных средств, займов и целевых грантов;
- предоставление материально-финансовой и технико-технологической помощи, напрямую увязывая ее с решением задач антикоррупционной направленности;
- ограничение возможностей транснационального капитала не только самому использовать коррупционные схемы, но и принуждение его к реальной поддержке антикоррупционных реформ в тех странах, в которых его влияние реально и существенно;
- реализация международных программ контроля за финансово-денежными потоками, особенно теми, которые предназначены для последующего использования в преступных целях (терроризм, оранжевые революции, торговля оружием, международный наркоторговля, информационные войны);
- совершенствование действующих и создание новых международных антикоррупционных организаций.

Российская Федерация занимает достойное место в этом механизме. Наша страна стала участница практически всех значимых глобальных международных инициатив антикоррупционной направленности, заключила десятки двух- и многосторонних соглашений по поводу противодействия коррупции и международной организованной преступности, вступила в Международную комиссию по борьбе с отмыванием денег. Активно сотрудничает с другими странами в рамках программы развития

Организации Объединенных Наций (ПРООН) и Экономического и Социального Совета ООН (ЭКОСОС), учитывает рекомендации Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Специальной группы противодействия в сфере финансов (ФАТФ), Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ), Группы государств против коррупции (GRECO). В рамках европроекта «Спрут» участвует в реализации мер по противодействию не только коррупции, но и организованной преступности в целом [13. С. 87–95].

Свою позитивную роль играет созданная Правительством РФ постоянно действующая делегация России для участия в международных мероприятиях, проводимых под эгидой Конвенции ООН против коррупции. Значимое место занимает учрежденный при Генеральной прокуратуре Российской Федерации Национальный контактный пункт по обеспечению международного сотрудничества в сфере выявления, арестов, конфискации и возвращения в Россию активов, полученных коррупционным путем.

Магистральной линией антикоррупционной политики стала имплементация соответствующих международных стандартов в российскую национальную правовую практику и обеспечение на этой основе эффективного взаимодействия с соответствующими международными структурами. Вступил в силу федеральный закон о налогообложении контролируемых иностранных организаций. Институтом законодательства и сравнительного правоведения в инициативном порядке разрабатываются единые правила толкования международных антикоррупционных стандартов [18. С. 220], касающихся выявления, ареста и возвращения из иностранных юрисдикции активов, полученных в результате преступлений коррупционной направленности [19].

Соответствующим образом реагируем на установления о криминализации «незаконного обогащения», сокращении перечня лиц, обладающих иммунитетом (гарантией неприкосновенности), об уголовной и административной ответственности юридических лиц. Установлен запрет отдельным категориям должностных лиц иметь недвижимость, открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами. Введен институт декларирования доходов, расходов и имущества. В перспективе принятие решения о ведении единого реестра лиц, уволенных с государственной службы по факту утраты доверия.

В итоге в стране сложилась достаточно прочная многоуровневая система противодействия коррупции, полностью соответствующая

апробированным мировым стандартам. Система «носит программно-целевой характер» [4. С. 19], главная примета которой — «переход от отдельных (разрозненных) мер реагирования на частные проявления коррупции к применению системного подхода к решению этой проблемы» [10. С. 129]. Международный аспект — важнейшая составляющая этой системы.

Реализуется намеченное по четырем главным направлениям: (а) выявление зон наибольшего коррупционного риска; (б) профилактика и непосредственная борьба с коррупцией силами специальных служб, правоохранительных органов и общественных структур; (в) минимизация и ликвидация последствий коррупционных проявлений; (г) международно-правовое сотрудничество с компетентными органами иностранных государств и международными организациями. В результате позиции России по индексу восприятия коррупции, пусть и не так быстро, как этого хотелось бы, но все-таки меняются к лучшему. К началу 2016 года, по международным рейтинговым замерам Transparency International, страна улучшила свои позиции на 17 пунктов и вышла на 119 место среди 168 охваченных исследованием стран мира [5].

Тем не менее ситуация по-прежнему остается тревожной. Предпринимаемые антикоррупционные усилия пока не оказывают кардинального очищающего влияния на «сокращение коррупционного поля» [16]. Коррупция и коррупционеры ожесточенно сопротивляются и с большой неохотой уступают свои позиции. Коррупция контролирует до 20% валового внутреннего продукта [2]. Общий материальный ущерб от коррупционных преступлений (незаконное присвоение активов, киберпреступления, взяточничество и т.д.) в 2015 году превысил 271,4 млрд рублей [8] — показатели весьма болезненны как для экономики, так и для каждого россиянина. Особенно если учесть тяготы кризиса и внешнего санкционного давления.

Коррупция для нас сегодня — это *не просто проблема, а угроза* — угроза конституционному строю, социальному единству общества, государственному суверенитету и международной безопасности государства. Поэтому проблема борьбы с коррупционными угрозами не становится менее острой. Если проблему можно разрешить поэтапно и в более-менее спокойном режиме, то с угрозами следует действовать оперативно, решительно и бескомпромиссно. Предельное накопление противоречий и угроз — это уже не проблема, а конфликт, разрешение которого нельзя пускать на самотек. Действовать надо не призывами и разрозненными действиями, а системно скоординированными, конкретными, предусмотренными законом действиями, причем энергично и последовательно.

Именно такой принцип положен в основу ныне действующей Национальной стратегии и Национального плана противодействия коррупции. Четко определены соответствующие приоритеты — ужесточение борьбы с элитной коррупцией и корыстными злоупотреблениями в крупных и особо крупных размерах; дальнейшее совершенствование антикоррупционных механизмов; повышение персональной ответственности политиков, должностных лиц и чиновников, в том числе обладающих особым правовым статусом, за нарушение требований антикоррупционного законодательства. Всем должно быть ясным и понятным, что ни высокий должностной уровень, ни обладание значительными активами, ни авторитет и влияние на общественное мнение не являются индульгенцией, гарантированно защищающей от внимания правоохранительных органов.

Знаем мы также ответ на вопрос, почему далеко не всегда и не везде удается успешно реализовать политику противодействия коррупции. Даже в рамках самых надежных и авторитетных международных программ. Сказывается сложность имплементации международных антикоррупционных норм в национальные законодательства, негативные проявления так называемой, оффшорной демократии, позволяющей скрывать доходы от обложения налогами, пассивность гражданского общества. Свой «вклад» вносят факторы политизации борьбы с коррупцией (например, «дискуссия» вокруг ст. 20 Конвенции ООН против коррупции, касающейся незаконного обогащения, конфискации и принципа презумпции невиновности), «двойные стандарты», бюрократическая неподвижность, специально организованные PR-кампании, имитация борьбы с коррупцией, «заторможенность» реакции зарубежных партнеров на запросы по уголовным коррупционным делам. Заниматься проблемой борьбы с коррупцией «строго и беспристрастно», как говорит премьер-министр Сингапура Ли Сянь Лун [3. С. 3], очень непросто. Но заниматься надо, без этого очистить власть от коррупционеров, создать национально ориентированную элиту и высокоэффективную систему государственного управления невозможно в принципе.

Хорошо понимаем мы и то, что не может быть по определению качественным взаимодействие в сфере борьбы с коррупцией с коррумпированными, а тем более русофобско ориентированными режимами. Коррумпированные режимы (коррупционные государства) правят полукриминальными бюрократическими методами, опираются на криминальные экономические отношения и уже только поэтому не заинтересованы в эффективной борьбе с коррупцией, воровством и мошенничеством. Коррупция для них явление системное и чуть ли, не ведущий «нефор-

мальный институт управления» [21]. Правовой порядок, законность, идеалы социальной справедливости руководителей и чиновников коррумпированного государства не устраивают, не ради этого они рвались во власть. Коррупция для них — благоприятная среда обитания, а они, будучи органически вмонтированными во власть, в свою очередь, являются первоисточником коррупции и своего рода базисом коррупционной модели управления. Достаточно подробно этот аспект представлен нами в ряде ранее опубликованных работ [Примечание 3].

Вывод: реальный успех можно обеспечить лишь при условии, если национальные и международные антикоррупционные правовые, силовые и организационные механизмы, будут «лучше чувствовать» друг друга, будут не только формально-юридически, пропагандистски и политически, но и повседневными конкретными усилиями формировать «социальную среду нетерпимого отношения к коррупции». Особо значимы в этом смысле меры, предпринимаемые по линии Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, МИД, МВД, Минюста, Счетной палаты, Росфинмониторинга, Федеральной налоговой службы, Банка России.

С таких позиций, как нам представляется, следует вернуться к проблемам деофшоризации экономики и более последовательной реализации политики национализации элит. Причем проблема состоит не столько в формальной легитимности офшорных экономик, сделок с зарубежными партнерами и размещения сбережений в зарубежных банках, сколько в том, что причастность занятых во власти людей и их родственников к вывозу капиталов порождает серьезные сомнения в их профессиональной добросовестности, ориентированности на государственный интерес и нравственной чистоте. Не случайно вопросы деофшоризации, «амнистии капиталов», запрета зарубежных счетов, вкладов, ценных бумаг и других финансовых инструментов для депутатов, чиновников, служащих госкорпораций и силовиков в российском антикоррупционном законодательстве звучат в достаточно жестких формулировках.

Думается, что больше внимания должно быть уделено также вопросам реализации Антикоррупционной хартии российского бизнеса, особенно в части его взаимодействия с иностранными компаниями. Препятствием не должен быть сформированный миф о якобы неподкупности и коррупционной чистоте иностранных корпораций. Нередко бывает как раз наоборот, именно они выступают инициаторами, разработчиками и организаторами коррупционных схем. Ну а дальше этап лоббирования со стороны коррумпированного чиновничества интересов соответствующих бизнес-структур с практически неминуемыми негативными последствиями для государства.

Примечания

1. Политическая стратегия — основная линия политической деятельности, в нашем случае, в сфере борьбы с коррупцией. В стратегии формулируются цели, задачи, ближайшие, промежуточные и конечные рубежи движения, основные средства, формы и методы для их обеспечения, определяется правовые основы, политические, дипломатические, силовые и материально-финансовые ресурсы, расстановка политических сил. Политическая тактика совокупность способов и приемов практических действий по обеспечению реализации стратегической цели в данных конкретно-исторических условиях. Политическая стратегия и тактика «материализуют» политику международного сообщества, государств и соответствующих субъектов антикоррупционного действия в непосредственной политической, законодательской, правоприменительной, экономической, социальной, идеологической и воспитательно-просветительской деятельности

2. Международный мониторинг коррупции — выявление, наблюдение, учет, анализ, оценка, обобщение и прогноз развития ситуации на рынке коррупционных отношений, анализ факторов, способствующих возникновению и распространению коррупции, оценка эффективности предпринимаемых усилий по реализации стратегий и программ противодействия коррупции на национальном, региональном и международном уровне.

3. В таких, в частности, публикациях, как Охотский Е. В. Нравственность и власть // *Власть*. 1998. № 5. С. 17–20; Охотский Е. В. Борьба с коррупцией — важнейшая составляющая кадровой политики демократического правового государства // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2009. № 2. С. 21–24; Охотский Е. В. Коррупцированное государство // *Публичное и частное право*. 2009. № 2. С. 15–33; Косенко О. И., Охотский Е. В. Становление социального государства в России: актуальные проблемы государственного управления и пути их решения. Монография. — М., АТиСО. 2010. — С. 30–37; Охотский Е. В. Государственное управление в кризисной ситуации // *Право и управление*. XXI век. 2014. № 2. С. 89–96; Левакин И. В., Охотский Е. В., Охотский И. Е., Шедий М. В. Противодействие коррупции: учебник /под общ. ред. Е. В. Охотского. — М., 2015. — С. 29–37.

Литература

1. Антикоррупционная политика. Учебное пособие // Под ред. Г. А. Сатарова. — М.: РА «СПАС», 2004. — 368 с.

2. Воскресное время. Информационно-аналитическая программа телеканала ТВЦ. 20 ноября 2016 г.
3. Гусман М. Полвека не предел // Российская газета. 2016. 18 мая. С. 3.
4. Зорькин В. Д. Коррупция, как угроза стабильному развитию общества // Журнал российского права. 2012. № 7. С. 18–20.
5. Индекс восприятия коррупции // gtmarket.ru
6. Коррупция: природа, проявления, противодействие. Монография // Отв. ред. Т.Я. Хабриева. — М.: Юриспруденция, 2014. — 688 с.
7. Косенко О. И., Охотский Е. В. Становление социального государства в России: актуальные проблемы государственного управления и пути их решения. Монография. — М.: АТиСО, 2010. — 143 с.
8. Латухина К. Откатов не будет // Российская газета. 2016. 27 января. С. 2.
9. Левакин И. В., Охотский Е. В., Охотский И. Е., Шедий М. В. Противодействие коррупции: учебник / Под общ. ред. Е. В. Охотского. — М.: Юрайт, 2015. — С. 29–37.
10. Материалы по правовым проблемам преодоления коррупции / под ред. Т.Я. Хабриевой. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения, 2008. С. 129.
11. Мирская Е.З. Российские академические ученые в зеркале социологической науки // Отечественные записки. 2002. № 7 // old.strana-oz.ru?numid=8&article=412;
12. Мирская Е.З. Современные информационно-коммуникационные технологии в российской академической науке. Вестник РАН. 1998. № 3 // ras.ru/FStorage/download.aspx?...3744be53-4432-4f44.
13. Морозов А. Н. Международно-правовые и внутригосударственные аспекты присоединения России к Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию // Журнал российского права. — 2014. — № 3. — С. 87–95.
14. Охотский Е. В. Нравственность и власть // Власть. 1998. № 5. С. 17–20.
15. Охотский Е. В. Коррупцированное государство // Публичное и частное право. 2009. № 2. С. 15–33;
16. Путин В. В. Выступление на пленарном заседании съезда РСПП 24 марта 2016 года.
17. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы, пер. с англ. О. А. Аляринский. — М.: Логос. 2010. — 356 с.
18. Современные стандарты и технологии противодействия коррупции. Материалы Третьего Евразийского антикоррупционного форума. Москва. 24–25 апреля 2014. // Отв. ред. Т.Я. Хабриева. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения, — 224 с.
19. Указ Президента РФ от 1 апреля 2016 г. № 147 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы». Ст. 12, 13.

20. Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. Монография. — М.: Научный эксперт, 2009. — 424 с.
21. Darden K. The Integrity of Corrupt States: Graft as an Informal State Institution // *Politics and Society*. 2008. Vol. 36. № 1.
22. Rose-Ackerman S. The Role of the International Community // *Corruption and Government. Causes, Consequences and Reform*. Oxford University Press. 1999. P. 233.

INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF COMBATING CORRUPTION AND ITS EFFECTIVENESS

E.V. Okhotsky

Abstract. *In a speech at a session of the RAMI attempts a scientific analysis of the goals, objectives and political-legal mechanisms of international cooperation in combating corruption and the priorities of the implementation of the norms and principles of international legal and institutional regulation of anti-corruption activities, the main directions of international cooperation, including the Russian Federation in the sphere of combating corruption crime. Emphasizes that corruption today is not a local phenomenon, far beyond the limits of national socio-political, economic and legal spaces of sovereign States, and therefore requires the closest attention both from the specific States of the entire international community.*

The author comes from the fact that to organize an effective implementation of the state strategy of combating corruption in the context of globalization and dynamic, and not always positive changes of global order is impossible without the constructive political will and scientifically validated state anti-corruption policy. You cannot achieve success without good knowledge and skillful application of international legal anti-corruption standards, without close cooperation between national parliamentary, financial, economic, law enforcement and special agencies with the relevant international legal, control, analytical, scientific and other institutions. In the scientific revolution introduced the concepts of a corrupt state, public corruption, export of corruption.

Key words: *anti-corruption efforts, corruption, Convention, national plan, national strategy for combating corruption, international cooperation, corrupt state, corruption risks, international standards of fight against corruption, the agreement, the export of corruption*

References

1. Antikorruptsionnaya politika. Uchebnoe posobie [Anti-corruption policy. Textbook] // edited by G. A. Satarov. — M: RA "SAVED", 2004. — 368 p.

2. Voskresnoe vremya. Informacionno-analiticheskaya programma telekanala TVC [Sunday times. Information-analytical program of the TV channel TVC]. 20 Nov 2016.
3. Gusman M. Polveka ne predel // The Russian newspaper. 2016. Mey18. P. 3.
4. Zorkin V.D. Korrupcia kak ugroza stabiljnomu razvitiu obshestva [Corruption as a threat to stable development of society] // Journal of Russian law. 2012. No. 7. p. 18–20.
5. Index vospriyatia korrupcii [The corruption perceptions index] // gtmarket.ru
6. Korrupcia: priroda, proyavleniya, protivodeystvie. Monographia [Corruption: the nature, manifestations, and resistance. Monograph]/ Ed. edited by T. Y. Khabrieva. — M.: Law, 2014. — 688 p.
7. Kosenko O.I., Okhotsky E.V. Stanovlenie socialjnogo gosudarstva v Rossii: aktualjnje problemi gosudarstvennogo upravleniya i puti ikh resheniya. Monographia [Formation of social state in Russia: actual problems of public administration and ways of solving them. Monograph] — M.: Of Atiso, 2010. — 143 p.
8. Latukhina K. Otkatov ne budet [Rollbacks will not] // The Russian newspaper. 2016. 27 Jan. P. 2.
9. Levaquin I.V., Okhotsky I.E., Okhotsky E.V., Shedy M.V. Protivodeystvie korrupcii [Anti-corruption] // Under the editorship of E. V. Okhotskiy. — M.: Yurayt, 2016. — 367 p.
10. Materiali po pravovim problemam preodoleniya korrupcii [Materials on legal problems of combating corruption] / edited by T. Y. Khabrieva. — M.: Institute of legislation and comparative law, 2008. p. 129.
11. Mirskaya E.Z. Rossiyskie akademicheskie uchenie v zerkale sociologicheskoy nauki [Russian academic scientists in the mirror of the sociological science] // Domestic notes. 2002. No. 7 // old.strana-oz.ru?numid=8&article=412.
12. Mirskaya E.Z. Sovremennye informacionno-kommunikacionnie tekhnologii v Rossiyskoy akademicheskoy nauke [Modern information and communication technologies in the Russian academic science] / Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 1998. No. 3 // ras.ru/FStorage/download.aspx?...3744be53-4432-4f44.
13. Morozov A.N. Mezhdunarodno-pravovie i vnutrigosudarstvennye aspekti prisoedineniya Rossii k Konvencii o grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti za korrupciu [International legal and interstate aspects of Russia's accession to the Convention on civil liability for corruption] // Journal of Russian law. — 2014. — No. 3. — p. 87–95.
14. Okhotsky E.V. Nravstvennostj i vlasti [Morality and power] // Power. 1998. No. 5. p. 17–20.
15. Okhotsky E.V. Korrumpirovannoe gosudarstvo [Corrupt government] // Public and private law. 2009. No. 2. p. 15–33.

16. Putin V.V. Vistuplenie na plenarnom zasedanii s'ezda RSPP 24 marta 2016 [Speech at the plenary session of the RSPP Congress on 24 March 2016].
17. Rose-Ackerman S. Korrupcia i gosudarstvo. Prichini, sledstvia, reformi [Corruption and the state. Causes, consequences, reforms] / per. from English. O. Alyakrinskiy. — 2nd ed. — M.: Logos. 2010. — 356 p.
18. Sovremennie standarti i tehnologii protivodeystvia korrupcii. Materiali Tretjego Evraziyskogo antikorrupcionnogo foruma. Moskva. 24–25 aprelya 2014 goda [Modern standards and technologies of counteraction of corruption. The Third Eurasian anti-corruption forum. Moscow. 24–25 April 2014]. // Ed. edited by T.Y. Khabrieva. — M.: Institute of legislation and comparative law. 2015. — 224 p.
19. Ukaz Prezidenta RF ot 1 aprelya 2016 # 147 "O Nacional'nom plane protivodeystvia korrupcii na 2016–2017 godi", st. 12.13 [The decree of the President of the Russian Federation from April 1, 2016 № 147 "On the National anti-corruption plan for 2016–2017". St. 12, 13].
20. Yakunin V.I., Bagdasaryan V.E., Sulakshin S.S. Novie tehnologii borjbi s rossiyskoy gosudarstvennostju. Monographia [New technologies of fighting the Russian statehood. Monograph]. — M.: Scientific expert, 2009. — 424 p.
21. Darden K. The Integrity of Corrupt States: Graft as an Informal State Institution // Politics and Society. 2008. Vol. 36. № 1.
22. Rose-Ackerman S. The Role of the International Community // Corruption and Government. Causes, Consequences and Reform. Oxford University Press. 1999. P. 233.

Информация об авторе

Е. В. Охотский

доктор социологических наук,
профессор кафедры государственного управления и права
Факультета государственного управления МГИМО МИД России.
e-mail: e.ohotskii@mail.ru

E. V. Okhotsky

PhD (Sociology), Full Professor
The Department of Public Administration and Law
Faculty of Public Administration, Moscow State Institute of International
Relations of Russia's Ministry of Foreign Affairs
e-mail: e.ohotskii@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ

А. В. ПАВЛЮК

*Дайте Государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего,
и вы не узнаете нынешней России*

Петр Аркадьевич Столыпин

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние и основные проблемы государственного регулирования экономики Российской Федерации в условиях внешних вызовов. Дается анализ наиболее существенных негативных последствий для экономики Российской Федерации в результате введения в отношении нее экономических санкций со стороны стран Европы и США. Приводятся основные показатели падения экономики России после введения экономических санкций в 2014–2016 гг. Рассматривается история введения санкций в отношении России в XX в. Проводится анализ принимаемых мер и основных нормативных правовых актов, направленных на обеспечение устойчивого развития экономики и социальной стабильности в период санкций, а так же выявлены основные причины и обстоятельства способные снизить результативность принимаемых государством социально-экономических мер.

Ключевые слова: экономические санкции, государственное регулирование экономики, блокада, экономика России, экономические меры, история санкций.

Введение. Актуальность исследования обусловлена тем, что в современном мире почти все страны включены в единую систему производства и торговли товарами, выполнения работ и оказания услуг. Ни одна из экономик не является самодосточной, способной полностью обеспечить потребности собственного населения. Экономика Российской Федерации неразрывно встроена в единый глобальный рынок и не способная развиваться без мирохозяйственных связей. Вполне понятно, что задача государства состоит в первую очередь не в том, чтобы формулировать

правила поведения для различных типов участников экономического оборота, а в решении более общих задач по стабилизации экономической ситуации в стране в условиях внешних вызовов (финансовые, экономические, валютные кризисы, экономические санкции и т.п.).

XXI век начался для России и всего мира с зародившегося в США финансово-экономического кризиса 2008 года. После спада экономического кризиса на Ближнем Востоке стали один за одним возникать новые военные конфликты, которые успешно развязывали «демократические государства» [Сардарян Г. Т., Регионализация, 2014, с 669] Европейский союз незамедлительно почувствовал на себе последствия своей разрушительной политики. Миллионы нищих и голодных жителей Ближнего Востока в поисках лучшей жизни устремились в страны Европы. Незаконные мигранты легли тяжелым бременем на экономику Европейских стран [Енгигбарян Р. В., 2016, с.41].

На фоне общей обеспокоенности Англия выражает свое намерение выйти из состава Евросоюза, тем самым поставив под сомнение его дальнейшую целостность. Все происходящие изменения в Европе и странах Ближнего Востока усугубляют экономическое состояние общемировой экономики и негативным образом сказываются в том числе и на России.

Российская Федерация является важным участником мировой экономики. Все происходящие политические и экономические потрясения в США, Европе, Ближнем Востоке несомненно оказывают влияние и на экономику России.

Теоретические основания исследования. Теоретическую основу исследования составляют положения и выводы, содержащиеся в трудах российских и зарубежных ученых-экономистов рассматривающих роль государства в экономике: Л. И. Абалкина, Дж. Бьюкенена, Б. А. Денисова, Г. Б. Клейнера, А. Маршалла, Г. Таллока, М. Фридмана, Ф. Шамхалова, а также в трудах российских и зарубежных административистов, изучающих административно-правовое регулирование экономики: Д. Н. Бахраха, В. А. Белова, В. В. Долинской, А. В. Куракина, Т. В. Кашаниной, Д. В. Ломакина, О. А. Макаровой и многих других.

Для единого понимания терминологии под экономическими санкциями в настоящей статье следует считать — меры принуждения экономического характера, применяемые одними государством по отношению к другим государствам с целью добиться изменения экономической, политической, военной или социальной политики.

Исследование: основная часть

Методологические и теоретические основы исследования. Основным методологическим принципом исследования является системно-струк-

турный подход, позволивший наиболее эффективно организовать анализ государственного регулирования экономики Российской Федерации в условиях экономических санкций со стороны стран Европы и США. Используются общенаучные методы сравнительного и функционального анализа, классификации. В работе применены общенаучные диалектические методы познания: индукция, дедукция, анализ, синтез.

Материалы исследования

Настоящее исследование проводилось на основе изучения научных трудов иностранных и отечественных авторов по административному праву и общей экономической теории. Исследование строилось на основании анализа нормативных правовых актов Российской Федерации, направленных на обеспечение устойчивого развития экономики Российской Федерации в условиях экономических санкций, а так же официальных статистических данных государственных органов исполнительной власти, отражающих социально экономические изменения в Российской Федерации за период 2014–2016 гг. Отдельно следует выделить использование специальной литературы по проблемам государственного регулирования экономики в условиях экономических санкций и экономического кризиса в ретроспективном срезе, а также использование статистических данных об экономике России за период с 1917 по 1999 гг.

Информационной базой исследования являются Федеральные законы Российской Федерации, Указы Президента Российской Федерации, Постановления Правительства Российской Федерации, и иные нормативные правовые документы, регламентирующие обеспечение устойчивого развития экономики и социальной стабильности Российской Федерации в период санкций, официальные материалы, в том числе материалы статистики, Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, Министерства экономического развития Российской Федерации, Федерального агентства по управлению государственным имуществом Российской Федерации и другие. Отдельно в исследовании проводился анализ нормативных правовых актов за период с 1917 по 1999 гг., направленных на минимизацию негативных последствий введения в отношении СССР экономических санкций, ограничений и различного рода блокад.

Процедура исследования. В 2014 году политическая и военная ситуации вокруг России накалилась до предела. После введения США и странами Европейского союза экономических санкций, а так же принятия Российской Федерацией ответных защитных мер, на первый план государственного управления выходит поиск новых путей и механиз-

мом развития всех отраслей экономики (в первую очередь стабилизации отраслей, пострадавших от экономических санкций), снижения зависимости российской экономики от импорта, повышения качества и конкурентоспособности российских товаров.

Основные ограничительные меры были наложены не только на государство в целом, а так же на отдельных резидентов: крупные корпорации, политиков, руководителей коммерческих предприятий, а так же на ключевые отрасли экономики. Экономический спад в российской экономики произошел в первую очередь в:

- банковской сфере;
- продовольственной промышленности;
- торговле;
- фармацевтической отрасли;
- тяжелом машиностроении и т.п.

Среди негативных тенденций влияния экономических санкций на российскую экономику можно выделить:

- ограничение доступа большинства российских банковских организаций к иностранным кредитным продуктам и, как следствие, рост ставок по кредитам
- рост цен на внутреннем рынке;
- падение промышленного производства;
- снижение объемов строительства;
- увеличение масштабов оттока капитала;
- снижение импорта продукции;
- резкое ограничение доступа российских компаний к внешним рынкам капитала;
- ограничение и прекращение научного сотрудничества;
- значительное падение курса рубля;
- снижение размера заработной платы населения;
- обострение проблемы внешнего корпоративного долга;
- падение цен на нефть;
- резкое снижение иностранных инвестиций в российскую экономику;
- сокращение доходов государственного бюджета;
- уменьшение реальных доходов значительной части населения;
- повышение уровня безработицы;
- рост недобросовестной конкуренции и т.д.

В 2014–2015 гг. в результате негативного влияния экономических санкций основные показатели экономики Российской Федерации показали отрицательную динамику (см. табл. 1).

Таблица 1

Основные показатели развития экономики, %, к соответствующему периоду предыдущего года

	2014 год		2015 год	
	дек.	янв.–дек.	дек.	янв.–дек.
ВВП	101,1	100,7	96,3	96,3
Индекс потребительских цен, на конец периода	102,6	111,4	100,8	112,9
Индекс промышленного производства	103,9	101,7	95,5	96,6
Обрабатывающие производства	104,1	102,1	93,9	94,6
Индекс производства продукции сельского хозяйства	104	103,5	103,6	103
Инвестиции в основной капитал	97,1	98,5	91,95	91,65
Объемы работ по виду деятельности «Строительство»	99,6	97,7	98,5	93
Ввод в эксплуатацию жилых домов	111,1	118,2	86,8	99,5
Реальные располагаемые денежные доходы населения	92,4	99,3	99,27	96,07
Реальная заработная плата работников организаций	96	101,2	91,67	90,77
Среднемесячная начисленная номинальная заработная плата работников организаций, руб.	42136	32495	43408	33981
Уровень безработицы к экономически активному населению	5,3	5,2	5,8	5,6
Оборот розничной торговли	105,1	102,7	84,7	90
Объем платных услуг населению	102,4	101,38	97,07	98,07
Экспорт товаров, млрд долл. США	38,4	497,8	28,4	340,3
Средняя цена за нефть Urals, долл. США/барр.	61,1	97,6	36,4	51,2

Источник: Доклад «О результатах и основных направлениях деятельности Минэкономразвития России на 2016–2018 годы» С. 12–13 [Электронный ресурс]. URL: http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/4658c0f4-c515-4416-bef3-784ad10a7c2/Doclad_2016_web.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=4658c0f4-c515-4416-bef3-6784ad10a7c2 (дата обращения: 04.12.2016).

В 2015 году ВВП страны оказался в области отрицательных значений. По данным Росстата за 2015 год, падение промышленного производства составило 3,4%; объемы строительных работ снизились на 7,0%; инвестиции в основной капитал сократились на 8,4% (что вернуло показатель на уровень 2008 г.); оборот в секторе розничной торговли уменьшился на 10,0%; реальные зарплаты упали на 9,3%; реальные располагаемые доходы — на 4,0%, инфляция составила 12,9% [Доклад, 2016]. Основной вклад в ускорение инфляции в 2015 году внесла значительная девальвация рубля, начавшаяся в конце 2014 года и продолжившаяся в 2015 году.

Экспорт товаров в 2015 году составил 340,3 млрд долл. США (падение на 31,6% по сравнению с 2014 годом). Импорт товаров в 2015 году составил 194,1 млрд долл. США (снижение на 37,0% по сравнению с 2014 годом).

В 2015–2016 гг. несмотря на все предпринимаемые Правительством меры экономическая ситуация в России ухудшается. Уровень доходов и жизни населения продолжает падать [Регионы, 2015, с. 192].

Проводя анализ государственного регулирования экономики в условиях экономических санкций следует отметить, что в отношении России не раз вводились различного рода санкции, блокады, ограничения, которые существенно усложняли торговый оборот и подрывали экономическое и технологическое развитие страны. Автором проведен анализ введения в отношении России различного рода ограничений, санкций, блокад в XX веке (см. табл. 2).

Как мы можем видеть на протяжении всего XX века в отношении России вводились экономические санкции, целью которых было ухудшить экономическую ситуацию в стране. Повышение эффективности государственного управления экономикой представляется единственным возможным способом обеспечения внутренней и внешней экономической безопасности России в условиях экономических санкций.

Следует отметить, что с 2014 по 2016 гг. вместо модернизации экономики мы наблюдаем инертность экономической политики государства. Наиболее значимым нормативным актом, направленным на обеспечение устойчивого развития экономики и социальной стабильности в период санкций является Постановление Правительства Российской Федерации от 27.01.2015 № 98-р.

Данное Постановление Правительства предусматривает целый комплекс стабилизационных мер по импортозамещению и поддержке несырьевого экспорта, поддержку малого и среднего предпринимательства. На эти мероприятия было выделено на 2015–2016 гг. 2,3 млрд руб-

Таблица 2

История введения санкций в отношении России в XX в.

Дата введения санкций	Содержание санкции
1917 г.	«Дипломатическая блокада» Полный разрыв дипломатических отношений. Закрыты все российские торговые представительства в западных странах.
1918 г.	«Морская блокада» Полная блокада российских торговых кораблей
1920 г.	«Лесная блокада» Ограничение на покупку российской древесины
1922 г.	«Кредитная блокада» Отказ предоставлять Советскому Союзу кредиты, в том числе кредиты торговые.
1922 г.	«Нефтяная блокада» Полный бойкот советского нефтяного экспорта
1925 г. (в некоторых источниках год начала «золотой блокады» указывается 1920 г.)	«Золотая блокада» Отказ от приема золота из СССР в торговом обороте
1930 г.	США (затем Франция и Британия) вводит в отношении СССР эмбарго на ввоз всех советских товаров, кроме зерна
1949 г.	«Технологическая блокада» Запрет на продажу стратегических технологий в СССР
1974 г.	«Поправка Джексона-Вэника» Введены дополнительные сборы на товары, поставляемые из СССР
1980 г.	«Бойкот Олимпийских игр» Ряд стран отказались направлять своих спортсменов в СССР на летнюю олимпиаду 1980 г.
1981 г.	США прекратили поставку материалов необходимых для строительства советского экспортного газопровода Уренгой-Помары-Ужгород
1983 г.	США полностью прекратило воздушное сообщение с СССР
1998 г.	США накладывают ограничения на отдельные российские научные компании

лей. За два года реализации указанного Постановления в экономике России так и не наблюдается положительная динамика макроэкономических показателей. Но, следует отметить, что Правительству удалось предотвратить критическое ухудшение социально-экономической ситуации.

В качестве основной причины, препятствующей реализации указанного Постановления Правительства, можно назвать недостаточность финансирования из бюджетных ассигнований целевых получателей, часть денег так и не была доведена до конечного потребителя в плановые сроки [Гуринович А. Г., Комарова, 2016, с. 99]. Это обусловлено тем, что ряд государственных органов исполнительной власти не смогли в кратчайшие сроки провести приоритизацию направлений финансирования, не пересмотрели приоритетность мероприятий федеральных целевых программ и адресных инвестиционных программ.

Следует отметить, что действенным механизмом поддержки реального сектора экономики стала «Программа поддержки инвестиционных проектов, реализуемых на территории Российской Федерации на основе проектного финансирования». За 2015 г. в рамках реализации указанной программы было рассмотрено 69 проектов, из них 42 было отобрано для реализации. Общая стоимость отобранных проектов составила 347,3 млрд рублей. Из них 11 проектов в сельскохозяйственной сфере, 8 проектов в транспортной сфере, 5 проектов в электроэнергетической отрасли и машиностроении, 3 проекта в здравоохранении.

За 2014–2016 г. Министерством экономического развития Российской Федерации разработан комплекс мер, направленных на поддержку и развитие экономики в условиях санкций по каждой отрасли экономики.

В целом все разработанные Минэкономразвитием России меры можно разбить на 3 крупных блока:

1. разработка и реализация федеральных целевых программ развития отдельных отраслей производства;
2. государственные инвестиции в развитие инфраструктуры;
3. совершенствование налоговой политики и таможенно-тарифного регулирования.

Механизмы государственного регулирования экономики требуют значительной модернизации и повышения результативности: эффективности и конкурентоспособности. Наивно было бы полагать, что «слепая рука рынка» способна стабилизировать ситуацию в экономике России. Но, вместе с тем, необходимо понимать, что вмешательство государства в экономику является вынужденной временной мерой. Рассмотрим некоторые обстоятельства, которые в значительной мере

способны снизить результативность принимаемых государством социально-экономических мер:

1. Недостаточность информации для принятия эффективных управленческих решений. Зачастую участники экономических отношений скрывают информацию о реальном положении дел, т.к. она может негативным образом сказаться на курсовой стоимости акций корпорации и как следствие отпугнуть потенциальных инвесторов.

2. Низкая эффективность государственного вмешательства в экономику. Несмотря на то, что государством был подготовлен и принят ряд нормативных актов, направленных на стабилизацию экономической ситуации в Российской Федерации после введения экономических санкций, с целом они не оказали желаемого результата. Многие принимаемые Правительством и Центробанком антикризисные меры оказались неэффективны в условиях недоверия к ним со стороны бизнес-сообщества.

3. Высокая налоговая нагрузка. После ухудшения социально-экономической ситуации в Российской Федерации многие предприятия стали уходить «в тень». Не имея серьезных финансовых резервов предприятия столкнулись с недостатком ликвидности и, как следствие, это привело к тому, что предприятия стали изыскивать все возможные способы минимизации налогов, что как следствие отразилось на наполняемости бюджетов различного уровня.

Административная нагрузка на бизнес. Выступая на заседании Совета при президенте России по стратегическому развитию и приоритетным проектам Председатель Правительства Российской Федерации Медведев Д. А. заявил, что количество контрольных органов в стране «ужасное». На федеральном уровне 40 надзорных инстанций. На региональном и муниципальном уровне 10 тыс. органов контроля и около 100 тыс. инспекторов, которые этим занимаются [Гордеев В. В. Медведев поручил, 2016]. С целью снижения административной нагрузки на бизнес Правительством Российской Федерации разработан «План мероприятий («Дорожная карта») по совершенствованию контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации на 2016–2017 годы». В соответствии с указанным планом административная нагрузка на бизнес должна быть снижена на 50% к 2024 году.

4. Бюрократизм. Денежные средства, выделяемые на выполнение «Плана действий Правительства Российской Федерации, направленных на обеспечение стабильного социально-экономического развития Российской Федерации в 2016 году» так и не были получены из бюджетов, т.к. серьезные бюрократические проволочки в значительной степени затянули процесс получения денег [Воробьева В. В. Пределы. 2015. с. 166–169].

5. Коррупция. Одним из опаснейших факторов, оказывающих разрушительное влияние на экономику России и делающим невозможным эффективную реализацию государственного регулирования экономики в условиях санкций является коррупция. В 2014 г. Министерством внутренних дел Российской Федерации выявлено 32 204 преступлений коррупционной направленности [Состояние, 2015, с.5]. В 2015 г. выявлено 32 455 коррупционных преступлений, а за январь–октябрь 2016 г. 27 492 преступлений [Состояние преступности, 2016. с.5]. Отдельно следует отметить, что уголовные дела возбуждались не только в отношении государственных чиновников низшего и среднего звена, но так же и в отношении руководителей субъектов Российской Федерации, мэров крупных городов, высокопоставленных руководителей МВД, руководителей федеральных служб и министерств.

Результаты исследования

В статье рассмотрено современное состояние и основные проблемы государственного регулирования экономики Российской Федерации в условиях экономических санкций. Выявлены наиболее существенные негативных последствий для экономики Российской Федерации в результате введения в отношении нее экономических санкций со стороны стран Европы и США. Рассмотрены основные показатели падения экономики России после введения экономических санкций.

Анализ результатов

В результате исследования нами выявлены основные негативные тенденции влияния экономических санкций на российскую экономику, проведен анализ основных нормативных правовых актов, направленных на обеспечение устойчивого развития экономики и социальной стабильности Российской Федерации в период санкций, а также выявлены основные причины и обстоятельства, снижающие результативность принимаемых государством социально-экономических мер. Хронологически систематизированы вводимые в отношении России в XX веке санкции (блокады, ограничения).

Заключение

На основании проведенного анализа государственного регулирования экономики Российской Федерации в условиях экономических санкций можно сделать вывод, что для повышения уровня качества жизни в стране в условиях санкций государству необходимо предпринять следующие меры:

1. Поддержка малого бизнеса за счет:
 - снижения налоговой ставки;
 - снижения банковской процентной ставки;

- погашения государством процентов по кредиту, либо софинансирование процентных ставок;
 - информационной поддержки и консалтинга;
 - облегчения процессов получения документации и ведения бухгалтерского учета;
 - заморозки налоговой ставки для активно развивающихся предприятий;
 - разработки механизмов беспрепятственного выхода продукции малых предприятий в торговые сети;
 - частичной компенсации капитальных вложений;
 - упрощения (компьютерная автоматизация) получения налогового вычета;
 - ускорения амортизации.
2. Привлечение внутренних частных инвестиций в экономику.
 3. Вложение государственных долгосрочных инвестиций в реальный сектор экономики.
 4. Увеличение государственных инвестиций в развитие инфраструктуры.
 5. Повышение роли государства в импортозамещении сельскохозяйственных товаров.
 6. Стимулирование инновационной деятельности.
 7. Повышение качества образования.
 8. Завершение процесса модернизации технологического производства.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 11.10.2014 № 1044 «Об утверждении Программы поддержки инвестиционных проектов, реализуемых на территории Российской Федерации на основе проектного финансирования» // Собрание законодательства РФ, 20.10.2014, № 42, ст. 5751.
2. Распоряжение Правительства РФ от 27.01.2015 № 98-р «Об утверждении плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году» // Собрание законодательства РФ, 02.02.2015, № 5, ст. 866.
3. Распоряжение Правительства РФ от 01.04.2016 № 559-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по совершенствованию контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации на 2016–2017 годы» // Собрание законодательства РФ, 11.04.2016, № 15, ст. 2118
4. XXI век: исламский вызов = XXI centur: Islamic Challenge / Роберт Енгибарян. — М.: Норма, 2016.

5. Воробьева И.П. Пределы и проблемы государственного регулирования экономики в условиях экономической нестабильности // Вестник науки Сибири. 2015 № 2 (17)
6. Гордеев В.В. Медведев поручил вдвое снизить давление на бизнес при реформе надзор: [Электронный ресурс] // РосБизнесКонсалтинг. М., 1997–2016. URL: <http://www.rbc.ru/economics/31/10/2016/581682679a7947123c23a09f> (дата обращения 16.12.2016)
7. Гуринович А.Г., Комарова Т.Л. О некоторых особенностях правового регулирования бюджетного процесса в российской федерации в текущий период // Юридическая мысль. 2016. № 2.
8. Доклад «О результатах и основных направлениях деятельности Минэкономразвития России на 2016-2018 годы» С. 12–13 [Электронный ресурс]. URL: http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/4658c0f4-c515-4416-bef3-6784ad10a7c2/Doclad_2016_web.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=4658c0f4-c515-4416-bef3-6784ad10a7c2 (дата обращения: 04.12.2016).
9. Регионализация и федерализация в контексте трансформации форм политико-территориального устройства государств // Политика и Общество. — 2014. — 6. С. 668–674
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. М., 2015
11. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2014 г. М., 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mvd.ru/upload/site1/document_file/pX-OrdPt4BF.pdf (дата обращения: 04.12.2016).
12. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2015 г. М., 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/upload/site1/document_file/sb_1512.pdf (дата обращения: 04.12.2016).
13. Состояние преступности в России за январь-октябрь 2016 г. М., 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/upload/site1/document_news/008/922/474/sb_1610.pdf (дата обращения: 04.12.2016).
14. URL: <http://www.rbc.ru/economics/31/10/2016/581682679a7947123c23a09f> (дата обращения: 04.12.2016).

STATE REGULATION OF RUSSIAN ECONOMICS UNDER SANCTIONS

Albert V. Pavlyuk

Abstract. *The article discusses the current situation and main problems of state regulation of economy of the Russian Federation in terms of external challenges. The author analyses the most significant negative consequences for the economy of the Russian Federation as a result of introduction against it economic sanctions from Europe and the United States. There are the key indicators of economic decline of Russia after the imposition of economic sanctions*

in 2014–2016 years. The history of imposition of sanctions against Russia in the XX century is considered. The analysis of measures and main normative legal acts aimed at ensuring sustainable economic development and social stability in the period of sanctions are considered, as well as the main causes and circumstances are identified, which can reduce the performance of government adopted socio-economic measures.

Key words: *economic sanctions, state regulation of the economy, the blockade, the economy of Russia, economic measures, the history of sanctions.*

Информация об авторе

Павлюк Альберт Валентинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного управления и права, заместитель заведующего кафедрой государственного управления и права МГИМО МИД России

Российская Федерация

e-mail: albert.pavlyuk@mail.ru

Albert V. Pavlyuk

Candidate of legal sciences (PhD in Law),
Associate Professor, Deputy Head of the Department of Public Administration and Law; MGIMO–University

Russian Federation

e-mail: albert.pavlyuk@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ УСИЛИЙ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РАМКАХ СОВЕТА ЕВРОПЫ

Д. Д. ШАЛЯГИН

***Аннотация.** Одним из ключевых недостатков, характеризующих современное состояние международного сотрудничества в борьбе с преступностью вообще, и с транснациональной организованной преступностью (ТОП) в частности, является его географическая фрагментарность. Несмотря на множество инициатив, предпринятых различными международными и наднациональными организациями, существуют определенные области, где одна из крупнейших региональных международных организаций — Совет Европы (СЕ), особенно действуя в рамках панъевропейского пространства, может и должна играть важную роль в борьбе против ТОП. В этой связи роль СЕ, объединяющей все 28 государств-членов Европейского Союза и 19 иных европейских стран, стать площадкой, где должна определяться общеевропейская политика по консолидированной борьбе с ТОП. Закономерно, что проблема ТОП, представляющая собой одну из ключевых и актуальнейших угроз безопасности для европейского континента, стала предметом пристального внимания со стороны СЕ и его Европейского комитета по проблемам преступности (ЕКПП).*

По инициативе ЕКПП Комитетом министров Совета Европы (КМСЕ) в 2012 г. была учреждена специальная редакционная рабочая группа по ТОП (РС-GR-COT), задачей которой была подготовка аналитического документа — Белой книги о ТОП, одобренной и принятой ЕКПП и КМСЕ в 2014 г., на основе которой в 2014–2015 гг. был разработан детальный План действий СЕ по борьбе с ТОП на 2016–2020 гг., одобренный ЕКПП в декабре 2015 г. и принятый КМСЕ в марте 2016 г.

Предлагаемые Белой книгой действия должны осуществляться в пяти ключевых направлениях:

1) Укрепление международного сотрудничества посредством сетей;

- 2) *Специальные методы расследования;*
- 3) *Защита свидетелей и стимулы для сотрудничества;*
- 4) *Административное взаимодействие и сотрудничество с частным сектором;*
- 5) *Возвращение активов.*

Базирующийся на Белой книге План действий преследует три основные цели, которые должны быть в основном реализованы до 2020 г.:

- *укрепление правовой базы борьбы с ТОП с фокусированием на ее гармонизации между государствами-членами;*
- *совершенствование имплементации правовых инструментов по борьбе с ТОП в соответствии с основными правами человека и в полном соответствии с верховенством права;*
- *совершенствование международного полицейского и судебного сотрудничества в сфере ТОП на общеевропейском уровне.*

Анализ положений Белой книги о ТОП, Плана действий по борьбе с ТОП, и первых шагов по их реализации, а также роли и последствий для России в этой связи являются предметом настоящей статьи.

Ключевые слова: *Совет Европы, Российская Федерация, транснациональная организованная преступность, сетевое сотрудничество, специальные методы расследования, защита свидетелей, административное взаимодействие, возвращение активов.*

Введение. Проблема борьбы с транснациональной организованной преступностью (далее — ТОП), не является новой. Безусловно, многое уже сделано и продолжает делаться в этой связи на универсальном уровне. Прежде всего, это политико-правовая деятельность Организации Объединенных Наций и Управления по наркотикам и преступности ООН, а также практическая деятельность Интерпола и сотрудничество на двустороннем уровне. Достаточно упомянуть, в этой связи, принятую в 2000 г. Конвенцию против транснациональной организованной преступности [7], которая положила начало широкомасштабному сотрудничеству государств в борьбе с одним из самых масштабных криминальных вызовов XX–XXI веков.

Однако ни действующая конвенция, ни принятые в ее развитие дополнительные протоколы, к сожалению, не решают всех проблем. Преступность, особенно организованная, продолжает стремительно развиваться как количественно, так и качественно.

Европа и ее региональные международные организации, в частности Совет Европы (далее — СЕ, Организация), всегда демонстрировали самые передовые подходы к решению глобальных и региональных проблем, порой даже опережая своих универсальных пар-

тнеров⁴⁴. Полагаем, что и в борьбе с транснациональной организованной преступностью Совет Европы и государства-члены способны дать адекватный ответ [2, Шалягин, 2015, с. 350–356].

Теоретические основания исследования. Транснациональная организованная преступность является ключевой проблемой для многих государств-членов СЕ, поскольку представляет собой серьезную угрозу верховенству права и грозит серьезными последствиями для экономики, социального развития и безопасности граждан. Национальный интерес участия России в работе по совершенствованию механизма противодействия ТОП определяется как серьезностью состояния оперативной обстановки, так и с учетом положений п. 22 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в котором говорится о «появлении новых форм противоправной деятельности, в частности с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий, и обострении угроз, связанных с неконтролируемой и незаконной миграцией, торговлей людьми, наркоторговлей и другими проявлениями транснациональной организованной преступности» [5], и таким образом относящим проблему ТОП к одной из основных угроз безопасности Российской Федерации, то очевидно, что без надлежащего международного сотрудничества в этой сфере решить проблему ТОП не представляется возможным. С другой стороны, согласно докладу Комитета Европейского парламента по борьбе с организованной преступностью и отмыванием, сегодня в Европе активно действует примерно 3600 международных организованных преступных групп [6]. Очевидно, что СЕ, как справедливо отметил Генеральный секретарь Организации Т. Ягланд, являясь общеевропейской международной организацией, призванной защищать демократию, права человека и верховенство права, в рамках «большой» Европы, обязан играть все более значительную роль в борьбе против ТОП [3, с. 5].

Исследование: основная часть. Одним из ключевых недостатков, характеризующих современное состояние международного сотрудничества в борьбе с преступностью вообще, и с ТОП в частности, является его географическая фрагментарность. В этой связи роль СЕ, как организации объединяющей все 28 государств-членов ЕС и 19 других европейских стран, может стать площадкой, где должна определяться общеевропейская политика по консолидированной борьбе с ТОП.

⁴⁴ В этой связи, характерен пример ряда международно-правовых актов СЕ, где Организация выступила пионером международного регулирования на фоне универсальных международных организаций: по вопросам выдачи преступников, оказании взаимной правовой помощи, борьбе с киберпреступностью, манипуляции спортивных соревнований и др. *Прим. авт.*

Без надлежащего применения юридического инструментария международное сотрудничество затруднительно или даже невозможно. Необходимо содействовать более эффективной реализации стандартов СЕ в данной области. Формирование этих стандартов начавшись 60 лет назад, вслед за возникающими новыми криминальными вызовами и угрозами, продолжается и в настоящее время, когда в целях создания общей основы для сотрудничества в вопросах уголовной юстиции по всей Европе, а иногда и за ее пределами, начиная со второй половины 50-х гг. XX в. в рамках СЕ было заключено порядка 45 международных многосторонних договоров (конвенций, протоколов и соглашений) [8], а также около 120 актов мягкого права (резолюций и рекомендаций) [9], разработанных и принятых СЕ в уголовно-правовой и антикриминальной сферах. Так, еще в 1957 г. была принята Европейская конвенция о выдаче, а в 1959 г. Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам, заложив таким образом базовые основы многостороннего международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Принятые в последующие годы документы охватывают и совершенствуют такие механизмы антикриминального сотрудничества, как экстрадиция, взаимная правовая помощь (далее — ВПП) и передача осужденных лиц, а также направлены против конкретных форм преступности, имеющих трансграничное измерение, таких, как терроризм, торговля людьми и человеческими органами, коррупция, киберпреступность, преступления в области спорта и в области оборота медицинской продукции и др.

Практически все эти акты ратифицированы и имплементированы большинством государств-членов СЕ. Кроме того, в последние годы все большее число государств не являющихся членами СЕ стали присоединяться к выше указанным актам, что несомненно подчеркивает значимость проводимой СЕ в этой области работы.

Очевидно, что ракурс борьбы с ТОП охватывает многие направления антикриминального сотрудничества, включая и то, что регулируется актами СЕ. Однако, несмотря на развитый инструментарий, как на универсальном, так и на европейском уровне, мы не можем утверждать, что сотрудничество в борьбе с ТОП сегодня ведется планомерно. В этой связи Комитет министров Совета Европы (далее — КМСЕ) по рекомендации Европейского комитета по проблемам преступности (далее — ЕКПП) — основного органа СЕ по антикриминальной проблематике — принял решение учредить специальную Рабочую группу по ТОП (PC-GR-COT) для разработки Белой книги о транснациональной организованной преступности, где бы были идентифицированы основные проблемы, препятствующие международному сотрудничеству государств-членов

СЕ по противодействию ТОП и предложены пути решения некоторых из них, а затем на ее основе выработать четкую политику СЕ в отношении противодействия ТОП на основе Плана действий.

Одобренный 4 декабря 2015 г. ЕКПП и окончательно принятый КМСЕ 2 марта 2016 г. План действий СЕ по борьбе с ТОП на 2016–2020 гг. [4] поставил перед СЕ и его государствами-членами новые и беспрецедентно амбициозные цели в борьбе с ТОП, т.к. появление новых, значительных транснациональных сфер для преступной деятельности вместе с появлением новых видов преступлений с выраженным транснациональным характером, требуют новых усилий по их предупреждению, расследованию и преследованию.

Новые формы ТОП вместе с серьезными рисками, исходящих от «традиционного» типа трансграничной организованной преступности, таких как незаконный оборот наркотиков, оружия или торговли людьми, требуют скоординированных действий на международном уровне, чтобы дать максимальную поддержку государствам-членам, которые несут основную ответственность за предотвращение и борьбу с ТОП, но при этом нуждаются в эффективном сотрудничестве с другими государствами.

Предлагаемые Белой книгой действия должны осуществляться в пяти ключевых направлениях:

1. Укрепление международного сотрудничества посредством сетей;
2. Специальные методы расследования;
3. Защита свидетелей и стимулы для сотрудничества;
4. Административное взаимодействие и сотрудничество с частным сектором;
5. Возвращение активов.

Базирующийся на Белой книге План действий преследует три основные цели:

- укрепление правовой базы борьбы с ТОП с фокусированием на ее гармонизации между государствами-членами;
- совершенствование имплементации правовых инструментов по борьбе с ТОП в соответствии с основными правами человека и в полном соответствии с верховенством права;
- совершенствование международного полицейского и судебного сотрудничества в сфере ТОП на общеевропейском уровне.

Несмотря на множество инициатив, предпринятых различными международными и наднациональными организациями, существуют определенные области, где СЕ, особенно действуя в рамках панъвропейского пространства, может и должен играть важную роль в борьбе против ТОП.

Организации следует объединить усилия в создании новой общеевропейской сети по оказанию международной правовой помощи по уголовно-правовым вопросам, а также в развитии взаимодействия между существующими сетями в целях предоставления ВПП по уголовным делам. СЕ располагает уникальными возможностями, для того чтобы способствовать заключению соглашений о сотрудничестве в конкретных областях, в которых его государствам-членам следует осуществлять более активное взаимодействие.

Если для реализации механизмов сотрудничества между государствами-членами недостаточно политической воли, СЕ должен изучить причины этого и определить политический подход, который необходимо применить, чтобы помочь преодолеть подобные препятствия в борьбе против ТОП.

Учитывая, что эффективность международного сотрудничества в борьбе с ТОП не может быть достигнута только при использовании традиционных схем взаимодействия, основанных на исполнении международных поручений, то рекомендуются следующие действия:

- СЕ должен принять политические меры по повышению осведомленности о том, что в борьбе с ТОП требуется новая модель сотрудничества, предполагающая более стабильное взаимодействие и более систематические контакты подразделений правоохранительных органов, специализирующихся на определенных видах преступности;
- Рекомендация КМСЕ Rec (2001) 11 относительно руководящих принципов борьбы с организованной преступностью должна быть полностью учтена и институционализована, в частности, в том, что касается назначения координаторов на национальном уровне [10]. Такие контактные пункты могли бы играть ключевую роль на уровне СЕ в деле укрепления международного сотрудничества. Существует настоятельная необходимость организации сети судебного и полицейского сотрудничества в рамках СЕ, основанной на уже эффективно функционирующих региональных сетях сотрудничества. В целях реализации активного подхода к ТОП Организация должна поощрять расширение или открытие контактных пунктов с соответствующим опытом в борьбе с ТОП для оказания помощи в деле передачи и исполнения запросов, координации и обмена оперативно-розыскной информацией с членами сети по ТОП;
- СЕ должен изучить возможности поощрения создания совместных следственных групп для транснациональных уголовных расследований на панъевропейском пространстве;

- совершенствование механизмов использования специальных методов расследования, позволяющих успешно противодействовать изощренным методам, применяемым ТОП, с учетом и придерживаясь принципов верховенства права и соблюдения прав человека;
- укрепление национальных и внедрение международных программ защиты свидетелей как важного ресурса информации при расследовании преступлений, совершенных ТОП;
- усиление сотрудничества между государственными и негосударственными субъектами отношений в связи с необходимостью противодействия ТОП как на национальном, так и на интернациональном уровнях, что должно существенно снизить горизонт деятельности для ТОП;
- оптимизация института возвращения незаконно полученных активов с использованием политических, правовых и финансовых механизмов.

Реализация предложений Белой книги о ТОП и шагов, изложенных в Плане действий по борьбе с ТОП, потребует от СЕ осуществления целого ряда серьезных мер, способных, полагаем, во-первых, переломить тренд роста ТОП в Европе, во-вторых, придать СЕ новые качества — быть организатором и координатором планомерного сотрудничества в борьбе с ТОП, что качественно усиливает этот институциональный инструмент общеевропейского взаимодействия, повышает его авторитет и роль в общеевропейских делах. Кроме того, потребуются учредить мониторинговую группу экспертов для контроля хода реализации Плана действий и создать собственную сеть сотрудничества с наделением, в этой связи, ЕКПП и его секретариата новыми координирующими и техническими функциями. Также предусматривается организация и проведение большого числа научно-практических конференций, круглых столов, обучающих семинаров и обучающих визитов в государства-члены Организации; сбор и анализ статистической информации для оценки результатов действий.

Развивавшиеся в последние десятилетия системы защиты свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием, которые при расследовании или профилактике преступлений, связанных с ТОП могут играть ключевую роль, нуждаются в дальнейшем совершенствовании. В свете последних событий в Европе в отношении миграционного кризиса, сотрудничество, использование и развитие защиты свидетелей в борьбе ТОП приобрело ключевое значение. Преступные организации участвуют в настоящее время не только в торговле людьми, они также все более активны в незаконном ввозе мигрантов. Есть уже целый ряд международно-правовых и рекомендательных актов, направлен-

ных на обеспечение того, чтобы свидетель мог безопасно давать свидетельские показания как во время, так и после судебного процесса. Однако совершенствования требует практическая реализация этого вопроса. Требуется дальнейшего анализа сфера применения программ защиты свидетелей и обеспечение прав свидетелей, которые решили включиться в такие программы. Важно понять причины недостаточной степени реализации существующих нормативных документов в целях выработки решений на общеевропейском уровне.

На основе рекомендаций и мер, изложенных в Белой книге, в отношении защиты свидетелей, предлагаются следующие действия [3, с. 38].

Прежде всего, должны быть приняты политические меры по координации международных программ защиты свидетелей с выделением соответствующих бюджетов, с тем чтобы эти программы были действительно реализованы.

Целесообразной признается организация конференции высокого уровня по повышению осведомленности о важности обеспечения безопасности определенных свидетелей для того, чтобы побудить их к сотрудничеству в предоставлении доказательств, необходимых для осуждения лиц, обвиняемых в причастности к ТОП. Еще одной тематикой для данной конференции должна стать роль неправительственных организаций и гражданского общества, специализирующихся в области защиты свидетелей. Например, многие НПО становятся первыми, с кем жертвы преступлений готовы вступить в контакт в определенных случаях, связанных с ТОП (в частности, торговля людьми, незаконный ввоз мигрантов и т.д.).

Следует поощрять достижение соглашений об «обмене», находящимися под защитой, свидетелями между государствами-членами, равно как поиск сотрудничества с третьими странами в этой связи.

В порядке совершенствования правовой и практической стандартизации предлагается осуществить обзор Рекомендации КМСЕ Rec (2005) 9 о защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием [11].

Этот обзор должен позволить дать оценку в отношении той степени, с которой защита родственников и других лиц, близких к свидетелю, готовится и осуществляется на практике. Особое внимание следует уделить ситуациям, связанным с противодействием торговле людьми и незаконным ввозом мигрантов, и свидетелям, в адрес которых звучат угрозы со стороны преступных организаций.

С этой целью видится необходимым проведение ряда международных семинаров для обмена опытом и мнениями между практиками и учеными, специализирующимися на указанной проблеме. Также

представляется своевременным обновление изданных более десяти лет назад Советом Европы учебных пособий, где подробно рассматривается проблематика защиты свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием [12]; [13].

Для того, чтобы преодолеть нежелание или страх свидетеля соблюдать свою обязанность давать свидетельские показания в уголовном процессе и создать стимул к сотрудничеству обвиняемых в качестве государственных свидетелей в борьбе с ТОП, необходимо, чтобы они знали, каковы их права и какие гарантии они получают, присоединяясь к программе защиты свидетелей. С другой стороны, в отношении обвиняемых, которые принимают решение сотрудничать с системой уголовного правосудия в качестве свидетелей, не менее важно, чтобы и они соблюдали свои обязательства. Потребности этих двух типов свидетелей должны рассматриваться отдельно, даже если нежелание сотрудничать в обоих случаях происходит по одной и той же причине: страх за свою собственную безопасность и безопасность своих близких. В этой связи видится целесообразной разработка руководящих принципов, касающихся прав и обязанностей свидетелей, находящихся под защитой, в связи с чем, должна быть создана группа экспертов, желательного имеющего признанный опыт в решении правовых проблем, и с прикладными знаниями и опытом в области разработки руководящих принципов по соглашениям со свидетелями. Выводы и предложения этой группы должны быть рассмотрены ЕКПП.

В развитие этого вопроса вспомогательную роль могло бы сыграть проведение научного исследования по эффективному использованию программ защиты свидетелей. Необходимо провести анализ относительно юридической возможности как на уровне национального, так и международного права по регулированию перемещения, находящихся под защитой свидетелей в зарубежные страны и использованию досудебных показаний в качестве доказательств. Также должна быть рассмотрена возможность использования видеоконференций для проведения слушаний свидетелей, находящихся под защитой.

Сфера административного взаимодействия и сотрудничества с частным сектором для правоохранительных целей является новой областью интереса и в значительной степени слаборазвитой и невидимой даже для самих заинтересованных сторон. Однако, важно, чтобы и административные органы и частные акторы осознавали свои преимущества в рамках сотрудничества. На основе рекомендаций и мер, изложенных в Белой книге относительно взаимодействия с административными органами и частным сектором, предлагаемые меры состоят в следующем [3, с. 39].

Необходимо под эгидой СЕ организовать конференцию высокого уровня по государственно-частному партнерству с целью повышения осведомленности, укрепления доверия и обмена опытом. В ней должны принять участие представители судебных органов, административных надзорных органов и представители частного сектора.

В ряде основных областей правоохранительной деятельности необходимо назначить сотрудников для связи между частными субъектами, административными надзорными органами и судебными органами с целью расширения информационного потока и обмена передовым опытом.

Должны быть приняты политические меры с целью разработки программ технической помощи и подготовки конкретных целевых групп в выбранных основных областях, представляющих интерес.

В плане правовой и практической стандартизации предлагается разработать проект правового документа (конвенция или рекомендация) по обязательству хранения данных.

Источники данных полностью изменились за последние несколько десятилетий. Поставщики всех видов услуг (электронные средства связи, кредитно-финансовые услуги, транспорт и т.д.) имеют в своем распоряжении наборы метаданных, которые дают представление о личных взглядах и поведении. Передаваемые цифровые и контекстные данные могут быть использованы в качестве важного правоохранительного ресурса, позволяющего получить исчерпывающее отображение личности (цифровая идентификация и цифровые персональные данные). Эти данные могут быть полезны правоохранительным органам как инструмент расследования, необходимый для установления истины в ходе следствия, как инструмент принуждения в реальном масштабе времени для контроля за поведением, а в некоторых случаях даже в качестве упреждающего, перспективного исполнительного инструмента профилактики правонарушений. Посредством интеллектуального анализа данных возможно создать конкретные риск-профили.

Эти данные могут быть доступны только для правоохранительных целей, если они хранятся и удерживаются юридическими лицами в течение определенного периода времени. Поскольку срок хранения данных и доступа к этим данным мешают защите и конфиденциальности информации, то в этой связи существует четкое регулирование и ограничения прав человека. К этим ограничениям относятся временные ограничения на удержание данных, доступ к ним властей, назначение, использование и т.д. Обсуждается также, может ли и в какой степени, доступ к сохраненным данным со стороны юридических лиц являться принудительной мерой, которая должна быть априори одобрена судебным органом.

Обязательства по хранению данных для поставщиков услуг были разработаны ЕС, но Директива по хранению данных 2006/24/ЕС [15] была аннулирована Судом ЕС из-за непропорциональности обязательств (объединенные дела С-293/12 и С-594/12) [16]. С тех пор был установлен целый арсенал обязательств в государствах-членах ЕС и государствах-членах СЕ. В некоторых государствах были установлены очень ограниченные обязательства или их вообще нет, в то время как другие ушли далеко за рамки обязательств Директивы ЕС, сохраняя их действующими и после ее отмены.

В настоящий момент нет единого правового поля на эту тему ни в ЕС, ни среди государств-членов СЕ. Некоторые государства-члены вообще не несут никаких обязательств по хранению данных. Другие имеют обязательства, связанные с хранением данных, которые выходят за рамки периода времени, регламентируемого, аннулированной Судом ЕС, Директивой.

Исследовательская группа экспертов должна рассмотреть состояние дел в соответствии с действующим правом в государствах-членах СЕ и проанализировать возможность совершенствования правового регулирования, что будет иметь важное значение для формирования общего правового поля в отношении хранения, доступа и использования данных, с учетом прав на конфиденциальность и ограничения оснований:

- типы данных, которые должны быть сохранены;
- круг поставщиков услуг, к которым это должно применяться;
- временные пределы хранения данных;
- виды органов власти, которые могут получить доступ к данным;
- условия, при которых эти органы власти могут получить доступ к данным;
- цели, для которых они могут получить доступ к данным;
- необходимость судебного разрешения для доступа и использования данных.

Представляется необходимым проведение научного исследования по использованию новых технологий в профилактических и правоохранительных целях в области ТОП в связи с развитием и разработкой соглашений по государственно-частному партнерству.

Сочетание глобализации, цифровых технологий и быстрого распространения других новых технологий (таких, например, как Bitcoin и иные виды новых крипто-валют и цифровых денег, Darkweb и т.д.), которое управляет цепочкой поставок и технологическими процессами, создает предпосылки для заключения между частными и публичными акторами

государственно-частного правоохранительного соглашения. Примерами соглашений, которые создают такую цепь ответственности, являются, например, программа между УНП ООН и Всемирной таможенной организацией по контролю за контейнерными перевозками, Международные руководящие принципы по предупреждению преступности и уголовно-правовым мерам в отношении незаконного оборота культурных ценностей и других связанных с ними преступлений и Соглашение по борьбе с контрабандой и контрафактом между табачными компаниями и Агентством ЕС по борьбе с мошенничеством (OLAF).

В этих соглашениях указаны важные обязательства связанные с режимом соблюдения, сертификации продукции и услуг, систем обнаружения, отслеживания и изъятия. Так как ТОП инвестирует в новые рынки и новые технологии, то очень важно определить надежных частных партнеров, которые заинтересованы и готовы сотрудничать в рамках государственно-частных соглашений для сокращения ТОП. Следует также очень ясно дать понять, что частные партнеры могут извлечь преимущества из этих соглашений, как с точки зрения экономической выгоды, так и с точки зрения управления, законности и популяризации их бренда. Эксперты из исследовательской группы могли бы проводить выезды на места для проверки существующих соглашений в целях выявления передовой практики.

Кроме того, необходимо развитие межведомственного сотрудничества между правоохранительными органами.

Правоохранительные органы, подразделения финансовой разведки (далее — ПФР) и агентства по возвращению активов (далее — АВА) — все имеют соглашения о сотрудничестве с профессионально близкими для себя международными организациями, например, с Группой Эгмонт, Сетью CARIN и т.д. Однако это межведомственное сотрудничество группируется вокруг отдельных специализированных правоохранительных областей. Существует нехватка межведомственного сотрудничества вдоль всего правоохранительного пространства. Во многих европейских государствах межведомственное сотрудничество между судебными органами, ПФР и АВА неэффективно. Межведомственное сотрудничество не должно ограничиваться лишь обменом данными и информацией, но оно также должно включать в себя обмен опытом, совместную подготовку кадров, участие в совместных следственных группах и т.п.

В рамках этого направления также востребованным может стать проведение исследования по вопросу транспарентности юридических лиц.

Юридические лица играют ключевую роль в ТОП, будь то в качестве главного исполнителя или в виде подставного лица с целью сокрытия

реального бенефициара и/или владельца бизнеса и/или активов, полученных преступным путем. Это означает, что деяния юридических лиц имеют ключевое значение как в плане доказательств, так и по возвращению активов.

СЕ мог бы разработать руководящие принципы с изложением передовой практики по вопросам транспарентности юридических лиц, структуры и механизмов, раскрывающих природу юридических лиц в качестве подставных фигур, и механизмов по ликвидации таких юридических лиц. Следует принять на вооружение практику ОЭСР в области политики по борьбе с коррупцией. Ряд исследований по транспарентности юридических лиц в настоящее время находятся в стадии реализации, и в рамках Плана действий их необходимо принять во внимание, избегая какого-либо дублирования при осуществлении этой работы.

В отношении возвращения активов на основе рекомендаций и мер предложенных в Белой книге, предлагаются следующий ряд действий, которые могут способствовать более эффективному осуществлению и функционированию существующих инструментов [3, с. 41–42]:

Во-первых, всю информацию по возвращению активов по каждой стране, разработанную Европейской судебной сетью (EJN) и Евроюстом в отношении стран ЕС, следует распространить на все государства-члены СЕ, сделав ее доступной в цифровой среде.

Во-вторых, было бы крайне полезно, если компетентные органы могли предоставлять и иметь доступ к ограниченной интерактивной базе данных, в которой они могли бы обмениваться информацией о транснациональных случаях возвращения активов, делая это в режиме реального времени. Сегодня довольно часто национальные органы различных государств-членов работают над возвращением активов по одному и тому же делу или по делам, связанным между собой, не подозревая об этом.

В-третьих, возвращение активов является весьма специализированной, технической областью. Существует значительная потребность в технической помощи и подготовке кадров для этой сферы. Запуск учебных программ, содействие обмену передовым опытом в отношении гражданской конфискации активов, по расширенной конфискации и по конфискации третьей стороной будут все более востребованы практиками в этой области. В этой связи необходимо заметить, что, например, в Московском университете МВД России имени В. Я. Кикотя уже несколько лет в рамках курса «Международное сотрудничество в борьбе с преступностью» изучается тема «Международное сотрудничество в борьбе с легализацией преступных доходов», где рассматривается совокупность соответствующих проблем [2, Шалагин, Пузырева, с. 42–46].

В плане правовой и практической стандартизации предлагается активизация усилий по имплементации существующей нормативно-правовой базы по вопросам управления и распоряжения преступными доходами.

Комитетом РС-ОС подготовлен вопросник из 11 пунктов, касающихся использования и эффективности документов СЕ в отношении международного сотрудничества в области изъятия и конфискации доходов от преступной деятельности, включая управление конфискованным имуществом и совместное использование активов. Окончательные итоги по этому вопроснику до сих пор не опубликованы. Однако очевидно, что практическая реализация соответствующих конвенций остается важным аспектом в борьбе с ТОП и, что международное сотрудничество в этой области должно иметь дальнейшее развитие.

По итогам этой оценки, СЕ может принять решение по некоторым проблемам в реализации:

- обеспечение обмена передовым опытом в отношении управления замороженными активами. По ряду причин управление замороженными или конфискованными активами является трудоемким делом, в том числе из-за интереса третьих сторон, разнообразия активов и непредсказуемых временных параметров ожидания окончательной конфискации. В этой связи, необходимо выявлять и обмениваться передовой практикой;
- подготовка обновленных руководящих принципов для национальных агентств по управлению активами, принимая во внимание обнародованные итоги совещания Группы экспертов УНП ООН по вопросам управления, использования и утилизации замороженных, изъятых и конфискованных активов (Реджо-ди-Калабрия, Италия, 2014 г.) [17];
- рассмотрение и обсуждение типового соглашения по совместному использованию активов для использования между государствами-членами СЕ;
- подключение существующих сетей специалистов-практиков, занимающихся вопросами использования конфискованного имущества для общественных целей и / или для компенсации жертвам преступлений, а также подготовка критериев обновления, которые необходимо принять во внимание при принятии решения об использовании активов;
- создание или назначение национальных органов, ответственных за принятие своевременных решений, обеспечивающих оптимальное использование конфискованных активов, в соответствии с критериями, определенными Советом Европы;

- поощрение соглашений и меморандумов о взаимопонимании между государствами в отношении совместного использования активов, с возможностью выхода за их рамки и с использованием подхода «от случая к случаю».

Для того чтобы оценить, необходимы ли на уровне СЕ новые правовые акты, нужно создать исследовательскую группу, которая должна определить требуют ли новые следственные методы по замораживанию и конфискации активов, новые формы конфискации (без вынесения обвинительного приговора) и новые технологии разработки новой конвенции. Следует также изучить вопрос о целесообразности заключения соглашения на уровне СЕ по обмену активами.

Важным представляется обеспечение систематических и эффективных финансовых расследований по всем случаям потенциального генерирования преступных доходов.

Судебные финансовые расследования остаются во многих государствах-членах СЕ слаборазвитой сферой, как в отношении компетентности, так и потенциала. Эти финансовые расследования имеют огромное значение, находясь в активном состоянии, для предотвращения совершения транснациональных преступлений, а в условиях реагирования — на сбор доказательств и отслеживание наличия и местонахождения преступных активов, с тем чтобы иметь возможность их своевременно заморозить и изъять.

Это сфера имеет большое значение, но ее отличает значительная сложность из-за многочисленности компетентных властей и стоящих перед ними целей.

Государства-члены СЕ должны осознавать важность, проводимых на местах эффективных финансовых расследований. Они включают в себя, но не ограничиваются, расследования, проводимыми ПФР, поскольку они выходят за рамки вопросов отмывания денег. Повышение информированности об этом может осуществляться через набор действий, таких как:

- подготовка справочника, указывающего, какие органы участвуют в расследованиях в каждой стране и определения того, какие полномочия и функции предоставляются ПФР и другим правоохранительным органам;
- разработка типовых положений, касающихся финансовых судебных расследований, включая профилактический подход к вопросу доходов от преступлений;
- поощрение государств в разработке профилактического подхода, запуск финансовых расследований в отношении каждого ориентированного на прибыль преступления, еще до начала уголовного расследования;

- укрепление и оптимизации внутренней правовой базы в области многопрофильных финансовых расследований, с тем чтобы обеспечить обмен информацией между судебными и административными органами.

Предлагается осуществить пересмотр законодательства о доступе к базам данных. В нескольких государствах-членах СЕ компетентные органы имеют ограниченный доступ к соответствующим базам данных. В некоторых из них отдельные базы данных отсутствуют и/или недостаточно развиты. Отсутствие регистров центрального банка и реестров публичных компаний, конечно, может затруднить и замедлить сотрудничество. СЕ должен создать группу экспертов для проверки, имеют ли и в какой степени ПФР, АВА, административные надзорные органы, правоохранительные и судебные органы доступ ко всем соответствующим базам данных, в том числе тем, которые необходимы для судебно-бухгалтерской экспертизы, по реестрам компаний и т.д. Эти базы данных включают в себя таковые частного происхождения с государственными обязательствами и государственные, на которые, возможно, наложено ограничение использования из-за ограниченного назначения. В любом случае, специализированные правоохранительные органы, занимающиеся ТОП, должны иметь доступ к информации финансовой разведки и к соответствующим базам данных (земельным реестрам, реестрам собственности, регистрации транспортных средств, налоговым реестрам, банковских регистрам, финансовой информации и т.д.), чтобы иметь возможность оперативно и эффективно проводить расследование.

Необходимо содействие проведению финансовых расследований в области новых технологий, связанных с преступными активами. Новые технологии, такие, например, как крипто-валюта и цифровые деньги, предлагают новые технологические способы диверсификации преступных активов. Некоторые из этих концепций еще не имеют четкого юридического определения. Национальная судебная практика квалифицирует их с учетом различий (собственность, валюта и т.д.) и с различающимися правовыми последствиями. Существует необходимость согласовать юридические определения этих новых явлений. Примером может послужить, разработанное FATF и MONEYVAL «Руководство по риск-ориентированному подходу к виртуальным валютам» [18]. Кроме того, важно, чтобы сообщество правоохранительных органов имело опыт и методы по отслеживанию активов в цифровой среде. Необходимо разработать новые цифровые методы расследования, такие как дистанционные цифровые обыски и транснациональные ордера

на дешифрование. В этой связи, может быть создана пилотная группа специалистов-практиков для обмена знаниями. Группе экспертов по правовым вопросам в этой связи следует изучить возможности в рамках этих предложений по соблюдению верховенства права и применению стандартов в области прав человека.

Также необходимо исследовать возможности укрепления международного сотрудничества в области нестандартных форм конфискации. Традиционно ВПП была ограничена стандартными формами конфискации, как правило, связанными с вынесением приговора с осуждением. Тем не менее, в некоторых случаях транснациональных преследований и вынесении приговоров затруднения возникают в связи вопросами юрисдикции, где нарушители, покинувшие юрисдикцию или скрывающиеся в соответствии с правилами иммунитета. В отдельных случаях можно было бы рассмотреть использование конфискации без вынесения обвинительного приговора. Некоторые государства-члены СЕ расширили практику в этой области. Соответственно, Организация может предпринять следующие действия в этой области:

- создание базы данных с наиболее соответствующим прецедентным правом ЕСПЧ в этой области;
- подготовка руководящих принципов, касающихся различных форм, не основанной на вынесенном приговоре конфискации, предусмотренной международными договорами и национальным законодательством.

Однако лишь повышение информированности в этой области недостаточно, т.к. правовые режимы многих государств-членов не предусматривают этих новых инструментов конфискации. Могло бы быть проведено пилотное исследование для выяснения, в какой степени государства-члены СЕ готовы внести изменения в свое законодательство в отношении:

- некоторых форм конфискации без вынесения обвинительного приговора, которые должны применяться, по крайней мере, в делах по организованной преступности;
- выполнения в рамках ВПП запросов о конфискации без вынесения обвинительного приговора при условии, что они находятся в соответствии с прецедентным правом ЕСПЧ, даже если они не существуют во внутреннем законодательстве запрашиваемого государства.

Актуальным является улучшение положения жертв преступлений в процедурах по возвращению активов. Традиционно процедуры замораживания, ареста и конфискации активов являются темами для межгосударственного сотрудничества. В последнее десятилетие несколько

государств-членов СЕ укрепили положение потерпевших при проведении процедур по возвращению активов. Потерпевшие могут внести свой вклад, участвуя в отслеживании и замораживании денег. Они также имеют право на возмещение своих убытков из возвращенных активов. Дебаты социально-этического характера также имеют место в отношении нанесенного обществу ущерба и возмещения организациям, которые являются активными в восстановлении социальных ценностей и имущества в регионах, которые сильно пострадали от организованной преступности. Компенсация жертвам преступлений, как часть мер по возвращению активов, является новой темой, которая заслуживает дальнейшего осмысления и, возможно, также новых договорных рамок. СЕ мог бы организовать посещения государств-членов, обладающих соответствующим опытом, в целях выявления передового опыта. Есть необходимость учреждения исследовательской группы экспертов для разработки предложений по будущему правовому регулированию в данной области.

Результаты исследования и их анализ. В рамках 71-го пленарного заседания ЕКПП, прошедшего в конце 2016 г., была продолжена работа по выполнению Плана действий по борьбе с ТОП. В частности, в связи с подключением к его реализации Европейского комитета экспертов по выполнению европейских конвенций о сотрудничестве по уголовным делам (РС-ОС) в процессе реализации находятся следующие мероприятия:

- адаптация сайта РС-ОС для потребностей практических работников правоохранительных органов в области ТОП [19];
- подготовлен перечень решений ЕСПЧ, затрагивающих проблему ТОП;
- подготовлена предварительная версия перечня оговорок, сделанных государствами-членами к европейским конвенциям о сотрудничестве в уголовной сфере;
- подготовлена предварительная версия каталога сетей судебного сотрудничества по борьбе с ТОП (предусматривающих назначение национальных контактных пунктов) в рамках европейского и сопряжённых с ним пространств.

Получило поддержку предложение российской делегации расширить указанный каталог за счет достаточно развитых сетей полицейского взаимодействия (Интерпол, Европол, СГБМ) с учетом их приоритетной роли в противодействии ТОП. При этом участие России в новой сети сотрудничества видится в двух плоскостях:

Во-первых, полагаем целесообразным проработать вопрос о наделении Российского национального контактного пункта (РНКП) по взаимодействию с Европолом с учётом межведомственной роли Нацио-

нального центрального бюро (НЦБ) Интерпола МВД России, в структуре которого он находится, функциями контактного пункта по ТОП (КПТОП) с включением его в реестр таких контактных пунктов, который будет создан СЕ при формировании общеевропейской сети сотрудничества.

Во-вторых, необходимо проработать вопрос сопряжения сетевых по сути инструментов сотрудничества, созданных на пространстве СНГ (в частности, БКБОП) с сетями сотрудничества, действующими в ЕС.

В рамках предусмотренного Планом действий комплекса мер по актуализации европейских антикриминальных нормативно-правовых инструментов, Комитетом принято решение о создании группы экспертов по подготовке новой редакции Рекомендации КМСЕ 2005 г. по защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием, что, как представляется, может стать эффективным механизмом способствующим расследованию и раскрытию преступлений, совершенных организованными преступными группами.

В плане осуществления первых шагов по линии специальных методов расследований в 2017 г. планируется проведение конференции по совместным следственным группам, создание и деятельность которых предусмотрена Вторым дополнительным протоколом к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам (ETS № 182) 2001 г. В этой связи есть необходимость вернуться к проработке вопроса участия Российской Федерации в данном и ряде других международно-правовых механизмах, имеющих непосредственное отношение к проблеме борьбы с ТОП. Тем более, что практика создания *ad hoc* совместных следственных групп с участием российских экспертов и следователей имеется. Это прежде всего эпизоды, связанные с международными авиационными происшествиями и актами международного терроризма, повлекшие гибель российских граждан за рубежом. Однако исключать востребованность такого механизма для расследования иных видов транснациональных преступлений нельзя.

Наконец, Россия могла бы на взаимовыгодных условиях, полагаясь на свой потенциал и опыт в реализации соответствующих программ, стать активным субъектом оказания помощи в осуществлении зарубежных программ защиты свидетелей для малых государств Европы, предусмотренных Планом действий, главным образом для тех, где русский язык является одним из средств социальной коммуникации, рассчитывая, исходя из принципа взаимности, на оказание в свой адрес иных видов правовой помощи по уголовным делам.

Заключение. Предложения, содержащиеся в Белой книге о ТОП, и шаги, изложенные в Плане действий по борьбе с ТОП, как мы наде-

емся, не только послужат повышению эффективности борьбы с этим криминальным феноменом, но и снизят эффект фрагментарности европейского сотрудничества как в этой специфической сфере, так и в других смежных областях. Кроме того, для Российской Федерации, активно участвовавшей в разработке Белой книги и Плана действий по борьбе с ТОП, важно использовать «окно возможностей» на антикриминальном треке сотрудничества с Советом Европы в качестве адекватной альтернативы взаимодействию по линии ЕС, снизившему свою активность в последние пару лет по известным политическим причинам.

Литература

1. Шалягин Д. Д. Актуальные проблемы борьбы с транснациональной организованной преступностью в контексте деятельности Совета Европы. Статья. Актуальные проблемы современного международного права: материалы XII ежегодной международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И. П. Блищенко: в 2-х ч. / отв. ред. А. Х. Абашидзе. М.: РУДН, 2015, ч. 2, С. 350–356.
2. Шалягин Д. Д., Пузырева Ю. В. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью: учебное пособие — М.: МосУ МВД России, 2014.
3. Белая книга о транснациональной организованной преступности. Перевод Горшенёвой И. А., Шалягина Д. Д. Council of Europe Publishing. Strasbourg, 2014. URL: http://www.coe.int/t/DGHL/STANDARDSETTING/CDPC/PC-GR-COT/White-paper-Web_RU.pdf (дата обращения 28.12.2016).
4. План действий Совета Европы по борьбе с транснациональной организованной преступностью. Перевод Горшенёвой И. А., Шалягина Д. Д. Страсбург: Совет Европы, М.: МосУ МВД России имени В. Я. Кикотя, 2016.
5. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», URL: <http://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения 28.12.2016).
6. Мереминская Е. Порабощенная Европа. Торговля людьми в Евросоюзе приносит €25 млрд в год. Газета.ru. 14.10.2013. [Электронный ресурс] URL: <http://www.gazeta.ru/business/2013/10/14/5704821.shtml> (дата обращения 28.12.2016).
7. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения 28.12.2016).
8. European Committee on Crime Problems (CDPC) Conventions elaborated under the authority of the CDPC. [Электронный ресурс] URL: <http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list> (дата обращения 28.12.2016).

9. European Committee on Crime Problems (CDPC) Resolutions and recommendations elaborated under the authority of the CDPC. [Электронный ресурс] URL: <http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/cdpc/2Recommendations.asp> (дата обращения 28.12.2016).
10. Council of Europe Committee of Ministers Recommendation Rec(2001)11 of the Committee of Ministers to member states concerning guiding principles on the fight against organised crime. [Электронный ресурс] URL: <https://wcd.coe.int/com.instranet.InstraServlet?command=com.instranet.CmdBlobGet&InstranetImage=531010&SecMode=1&DocId=212806&Usage=2>.
11. Council of Europe Committee of Ministers Recommendation Rec(2005)9 of the Committee of Ministers to member states on the protection of witnesses and collaborators of justice. [Электронный ресурс] URL: <http://selec.org/doc/CoE%20Recommendation.witness%20protection%202005.pdf> (дата обращения 28.12.2016).
12. Glučič S., Klemenčič G., Ljubin T., Novosel D., Tripalo D., Vermeulen G. Protecting witnesses of serious crime; training manual for law enforcement and judiciary. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2006.
13. Council of Europe. Terrorism: protection of witnesses and collaborators of justice. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2006.
14. Council of Europe Second Additional Protocol to the European Convention on Mutual Assistance in Criminal Matters. European treaty series № 182 (2001). [Электронный ресурс] URL: http://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/182?_coeconventions_WAR_coeconventionsportlet_languageId=ru_RU (дата обращения 28.12.2016).
15. Directive 2006/24/EC of the European Parliament and of the Council of 15 March 2006 on the retention of data generated or processed in connection with the provision of publicly available electronic communications services or of public communications networks and amending Directive 2002/58/EC. [Электронный ресурс] URL: http://www.eu2006.at/en/News/Council_Conclusions/JAISchlussfolgerungen.pdf (дата обращения 28.12.2016).
16. Judgment of the Court (Grand Chamber) 8 April 2014. In Joined Cases C-293/12 and C-594/12. [Электронный ресурс] URL: <http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?jsessionid=9ea7d0f130d550e7e22979d0464a8b65df0aeebdf35f.e34KaxiLc3eQc40LaxqMbN4OchiLe0?text=&docid=153045&pageIndex=0&doclang=EN&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=44501> (дата обращения 28.12.2016).
17. CAC/COSP/WG. 2/2014/CRP. 3. The Italian experience in the management, use and disposal of frozen, seized and confiscated assets. Open-ended Intergovernmental Working Group on Asset Recovery. Eighth meeting. Vienna, 11–12 September 2014. [Электронный ресурс] URL: <http://www.unodc.org/documents/>

- treaties/UNCAC/WorkingGroups/workinggroup2/2014-September-11–12/Combined_Cac Cosp-Wg2–2014-CRP3.pdf (дата обращения 28.12.2016).
18. FATF Guidance for a risk-based approach. Virtual currencies. June 2015. [Электронный ресурс] URL: <http://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Guidance-RBA-Virtual-Currencies.pdf> (дата обращения 28.12.2016).
19. Committee of Experts on the Operation of European Conventions on Co-operation in Criminal Matters (PC-OC). [Электронный ресурс] URL: <http://www.coe.int/en/web/transnational-criminal-justice-PCOC> (дата обращения 28.12.2016).

TOPICAL ASPECTS OF INTERNATIONAL EFFORTS TO COUNTER TRANSNATIONAL ORGANISED CRIME WITHIN THE FRAMEWORK OF THE COUNCIL OF EUROPE

Dmitry Shalyagin

Abstract. *One of the key weaknesses that characterise the current state of international co-operation in the fight against crime in general and transnational organised crime (TOC) in particular is its geographic fragmentation. Despite the many initiatives undertaken by various international and supranational organisations, there are certain areas where one of the largest regional international organisations — the Council of Europe (CoE), especially acting within the pan-European landscape, can and should play an important role in the fight against the TOC. In this regard, the role of the CoE, uniting all the 28 European Union member States and 19 other European countries, to become a platform where the all-European policy on a consolidated anti-TOC fight should be determined. It is natural that the problem of TOC, which is one of the key and the most urgent security threats for the European continent, has been the subject to intense scrutiny by the CoE and its European Committee on Crime Problems (CDPC).*

By the initiative of the CDPC the CoE's Committee of Ministers in 2012, an ad-hoc drafting group on TOC was established, whose task was to draft a policy document — White Paper on TOC, approved and adopted by the CDPC and the Committee of Ministers in 2014 on the basis of which in 2014–2015 was developed a detailed Action Plan on Combating TOC (2016–2020), approved by the CDPC in December 2015 and adopted by the Committee of Ministers in March 2016.

The proposed by White Paper actions should be carried out in five key areas:

1. *Enhancing international co-operation through networks;*
2. *Special investigative techniques;*
3. *Witness protection and incentives for co-operation;*
4. *Administrative synergies and co-operation with the private sector;*
5. *Recovery of assets.*

Based on the White Paper on TOC the Action Plan has three main objectives, which should be largely implemented before 2020:

- *to reinforce the legal framework against TOC and focus on its harmonisation among member States;*
- *to improve the implementation of the legal instruments for fighting TOC in line with fundamental rights and in full respect of the rule of law;*
- *to improve international police and judicial co-operation in the area of TOC at a pan-European level.*

The analysis of the White Paper on TOC, the Action Plan on Combating TOP provisions, and the first steps to implement them, as well as the role and implications for Russia in this regard are the subject of this article.

Key words: *Council of Europe, Russian Federation, transnational organised crime, co-operation through networking, special investigative techniques, witness protection, administrative synergies, asset recovery.*

References

6. Shalyagin, D.D. (2015). Aktual'nye problemy bor'by s transnacional'noj organizovannoy prestupnost'yu v kontekste deyatel'nosti Soveta Evropy. [Actual problems of the fight against transnational organised crime in the context of the Council of Europe activity]. *Aktual'nye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava: materialy XII ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj pamyati professora I. P. Blishchenko: v 2-h ch. / otv. red. A. H. Abashidze. [Actual problems of modern international law: Proceedings of the XII annual international scientific-practical conference dedicated to the memory of Professor I. P. Blishchenko: in 2 vol. Ed. Abashidze, O. H. Moskva: People's Friendship University], vol. 2, 350–356.*
7. Shalyagin, D.D., Puzyreva, Y.V. (2014) *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v bor'be s prestupnost'yu: uchebnoe posobie [International co-operation in the fight against crime. Handbook] — Moskva: MosU MVD Rossii.*
8. Belaya kniga o transnacional'noj organizovannoy prestupnosti. (2014). *Perevod Gorsheneva, I.A., Shalyagin, D.D. [White Paper on transnational organised crime. Translation into Russian. Translation by Gorshenyova, I.A., Shalyagin, D.D.]. Strasbourg: Council of Europe Publishing. Retrieved 28 December, 2016 from http://www.coe.int/t/DGHL/STANDARDSETTING/CDPC/PC-GR-COT/White-paper-Web_RU.pdf.*
9. *Plan dejstvij Soveta Evropy po bor'be s transnacional'noj organizovannoy prestupnost'yu (2016–2020 gg.). (2016). Perevod Gorshenyova, I.A., Shalyagin, D.D. [The Council of Europe Action Plan on combating transnational organised crime. Translation by Gorshenyova, I.A., Shalyagin, D.D.]. Strasbourg: Council of Europe, Moskva: MosU MVD Rossii imeni V.Ya. Kikotya.*

10. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31 dekabrya 2015 g. № 683 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii». [Presidential Decree of December 31, 2015 № 683 «On the Russian Federation National Security Strategy»]. Retrieved 28 December, 2016 from <http://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>.
11. Mereminskaya, E. Poraboshchennaya Evropa. Torgovlya lyud'mi v Evrosoyuze prinosit €25 mlrd v god. [Enslavement of Europe. Human trafficking in the European Union brings € 25 billion a year]. In *Gazeta.ru*. 14/10/2013. Retrieved 28 December, 2016 from <http://www.gazeta.ru/business/2013/10/14/5704821.shtml>.
12. Konvenciya OON protiv transnacional'noj organizovanoj prestupnosti ot 15 noyabrya 2000 g. [The United Nations Convention against Transnational Organized Crime on 15 November, 2000]. Retrieved 28 December, 2016 from http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml.
13. European Committee on Crime Problems (CDPC). Conventions elaborated under the authority of the CDPC. Retrieved 28 December, 2016 from <http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list>.
14. European Committee on Crime Problems (CDPC). Resolutions and recommendations elaborated under the authority of the CDPC. Retrieved 28 December, 2016 from http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/cdpc/2_Recommendations.asp.
15. Council of Europe Committee of Ministers Recommendation Rec(2001)11 of the Committee of Ministers to member states concerning guiding principles on the fight against organised crime. Retrieved 28 December, 2016 from <https://wcd.coe.int/com.instranet.InstraServletcommand=com.instranet.CmdBlobGet&InstranetImage=531010&SecMode=1&DocId=212806&Usage=2>.
16. Council of Europe Committee of Ministers Recommendation Rec(2005)9 of the Committee of Ministers to member states on the protection of witnesses and collaborators of justice. Retrieved 28 December, 2016 from <http://selec.org/doc/CoE%20Reccomendation.witness%20protection%202005.pdf>.
17. Glučič, S. Klemenčič, G., Ljubin, T., Novosel, D., Tripalo, D., Vermeulen, G. (2006). Council of Europe. Protecting witnesses of serious crime; training manual for law enforcement and judiciary. Strasbourg: Council of Europe Publishing.
18. Council of Europe. (2006). Terrorism: protection of witnesses and collaborators of justice. Strasbourg: Council of Europe Publishing.
19. Council of Europe Second Additional Protocol to the European Convention on Mutual Assistance in Criminal Matters. European treaty series № 182 (2001). Retrieved 28 December, 2016 from http://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/182?_coeconventions_WAR_coeconventionsportlet_languageId=ru_RU.

20. Directive 2006/24/EC of the European Parliament and of the Council of 15 March 2006 on the retention of data generated or processed in connection with the provision of publicly available electronic communications services or of public communications networks and amending Directive 2002/58/EC. Retrieved 28 December, 2016 from http://www.eu2006.at/en/News/Council_Conclusions/JAISchlussfolgerungen.pdf.
21. Judgment of the Court (Grand Chamber) 8 April 2014. In Joined Cases C-293/12 and C-594/12. Retrieved 28 December, 2016 from <http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?jsessionid=9ea7d0f130d550e7e22979d0464a8b65df0aeebdf35f.e34KaxiLc3eQc40LaxqMbN4OchiLe0text=&docid=153045&pageIndex=0&doclang=EN&mode=req&dir=&occ=first&part=?1&cid=44501>.
22. CAC/COSP/WG. 2/2014/CRP. 3. The Italian experience in the management, use and disposal of frozen, seized and confiscated assets. Open-ended Intergovernmental Working Group on Asset Recovery. Eighth meeting. Vienna, 11–12 September 2014. Retrieved 28 December, 2016 from http://www.unodc.org/documents/treaties/UNCAC/WorkingGroups/workinggroup2/2014-September-11-12/Combined_CacCosp-Wg2-2014-CRP3.pdf.
23. FATF Guidance for a risk-based approach. Virtual currencies. June 2015. Retrieved 28 December, 2016 from <http://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Guidance-RBA-Virtual-Currencies.pdf>.
24. Committee of Experts on the Operation of European Conventions on Co-operation in Criminal Matters (PC-OC). Retrieved 28 December, 2016 from <http://www.coe.int/en/web/transnational-criminal-justice-PCOC>.

Информация об авторе

Шалягин Дмитрий Дмитриевич

кандидат юридических наук, доцент

начальник кафедры прав человека и международного права

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

e-mail: dshalyagin@yandex.ru

Dmitry Shalyagin

Assoc. Prof., PhD (law)

Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs

Russian Federation

**Система государственного
управления и новые вызовы
национальной безопасности:
проблемы построения
эффективного механизма
реагирования
на национальном уровне**

модераторы

В. И. Добросоцкий, М. Ю. Мاستушкин

СУЩНОСТЬ ГОСУДАРСТВА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ И УРОКИ ПРОШЛОГО

В. Э. БЕРЕЗКО

***Аннотация.** Исследование сущности государства и права не только не теряет своей актуальности в современных условиях, но и продолжает вызывать неослабевающий интерес ученых в различных отраслях науки. Но, прежде всего, юриспруденции.*

Современный мир, живущий в эпоху глобализации, тем не менее, сталкивается с вызовами, которые требуют осмысления и сущностного понимания государства. Его функций и задач в современных условиях. Неразрывно с государством и понятие права. Осмысление указанных понятий, их научное, свободное от идеологических предпосылок прочтение, должно стать основой нормального функционирования государства, понимаемого как триединство территории, населения и власти. Концепция «общесоциального» государства, государства, понимаемого, как орудие социальной гармонии, орудие социального мира и процветания занимала самые светлые умы в различные эпохи развития человечества. И в этом смысле опыт прошлого может стать драгоценным зерном для развития государств в настоящем — в XXI веке.

Многие современные ученые справедливо указывают, что эффективность государственного управления напрямую зависит от фундаментального осмысления сущности государства. От этого же зависит и, например, решение такой важной для любого общества проблемы, как социальный вопрос.

В год столетия русской революции особое значение приобретает и осмысление нигилизма и радикализма, как антиподов научного понимания государства. Именно невнимание к подобным, казалось бы, теоретическим вопросам привело ровно сто лет назад к национальной катастрофе России. И возрождение заняло многие десятилетия. Но в этой связи следует и объективно оценивать советский период в российской истории.

В статье предпринята попытка рассмотреть указанные выше проблемы и дать научно обоснованные ответы на возникающие в этой связи вопросы.

Ключевые слова: государство, государственная власть, социальный мир, социальная гармония, общесоциальное государство

«Социальный мир является великим критерием осуществления права»

М. Ориу

Введение. Исследование сущности государства и права на протяжении долгого времени не теряет своей актуальности. Современный мир, который живет в эпоху глобализации, требует и научно обоснованного осмысления сущности государства в новых условиях. Кроме того — связанных с государством других фундаментальных понятий теории государства и права.

Следует отметить, что указанная проблематика находилась в фокусе научных интересов представителей самых различных областей знания. Прежде всего, среди них следует выделить философов и юристов. Конечно, огромное влияние на понимание сущности государства оказали такие великие мыслители древности, как Сократ, Платон, Аристотель, Цицерон. Современное понимание термина «государство» дал выдающийся флорентиец Никколо Макиавелли.

Неоценимый вклад в науку в области осмысления сущности государства внесли философы И. Кант и Г.В. Ф. Гегель, а также правовед Лоренц фон Штейн. Особо следует отметить работы французского правоведа Мориса Ориу.

Из дореволюционных российских государствоведов особо следует отметить труды Бориса Николаевича Чичерина, Ф. Ф. Кокошкина, М. М. Ковалевского, Н. М. Коркунова и многих других.

Из современных авторов, исследовавших сущность государства, весьма показательны работы С. С. Алексева, Л. С. Явича, Ю. А. Тихомирова, М. А. Исаева, Г. В. Атаманчука, В. В. Субочева и многих других.

Теоретические основания исследования. В качестве основы настоящего исследования послужили труды указанных выше авторов, в которых фундированно исследуется сущность государства.

Исследование: основная часть. Особое внимание в исследовании уделяется концепции «общесоциального» государства. Или — государства, как инструмента социальной гармонии и мира.

Методология. В настоящем исследовании использовалась совокупность общенаучных и специально-юридических методов. Автор

широко использовал такой метод, как сравнительно-правовой. Кроме того — диалектический метод, системный и логического анализа.

Материалы исследования. Что есть государство? Ответ на этот вопрос искали величайшие мыслители древности. Особо, конечно, в этом ряду следует отметить Платона и Аристотеля, чьи идеи оказали, несомненно, огромное влияние на развитие не только политико-правовой теории, но и практики государственного строительства. Конечно, в это ряду невозможно не упомянуть и дрениеримского мыслителя Марка Туллия Цицерона. Он, на мой взгляд, вполне справедливо полагал, что «государство должно быть устроено так, чтобы быть вечным. Поэтому никакая гибель неестественна для государства...» [Цицерон. 1999. С. 117]. Но почему?

В год столетия Февральской и Октябрьской революций задаться этим вопросом совсем нелишне не только для пламенных публицистов различной политической окраски, но и призванным подняться над страстями ученым. И в первую очередь специалистам в области государственного права.

Именно революционные потрясения, которые неоднократно происходили в истории не только России, но и многих других стран, настоятельно требуют определить роль государства и государственного управления в жизни современного общества. И говоря о современности, на мой взгляд, совершенно наивно полагать, что в век Интернета и глобализации государство начинает «стираться», исчезать. Это одно из глубочайших и совершенно некорректных заблуждений, которые существуют в умах уже, к сожалению, уже не одно столетие. Об «отмирании» государства, увы, начали говорить еще задолго до процесса глобализации...

Но зададимся вопросом — а почему государство должно быть вечным? Ведь вовсе не потому, что так сказал пусть великий, но живший уже очень давно мыслитель?

Совершенно очевидно, что государство, как юридическое явление, существовало, существует и будет существовать в силу присущей ему фундаментальной, объективной необходимости. И эта необходимость не исчезнет, даже если будет организована, например, межпланетная федерация.

По этому поводу высказывались очень многие ученые, но хотелось бы привести цитату известного правоведа, профессора, доктора юридических наук, Григория Васильевича Атаманчука. Так, он писал: «Всегда нужны жилищно-коммунальные, торговые, образовательные, здравоохранения, транспорта, связи, культуры и другие управляемые

объекты, причем привязанные к конкретному местожительству людей» [Атаманчук. 2010. С. 403–404].

В творчестве Михаила Афанасьевича Булгакова это обстоятельство было выражено в известной реплике профессора Преображенского, когда он беспокоился о состоянии парового отопления в доме.

«Все будет как по маслу. Вначале каждый вечер пение, затем в сортирах замерзнут трубы, потом лопнет котел в паровом отоплении и так далее. Крышка Калабухову!» [Булгаков. 2011. С. 34].

Объективная необходимость бытия государства, как орудия социальной гармонии, его — по Цицерону — «вечность», заключается в том, что именно государство организует всю совместную жизнь людей, решает публичные дела, реализует «общее дело» (*res publica*).

Публичные дела включают обеспечение правопорядка, развитие областей, которые имеют значение для всего общества, а, значит, являются публичной сферой. Это — фундаментальная наука, государственное управление, социальная политика и т.д. И государство будет «вечным» по той причине, что ни одно общество не сможет обойтись без публичной власти, решающей общие дела.

И поэтому понимание государства, как определенной целостности, орудия социальной гармонии приобретает в век Интернета совершенно новое звучание и прочтение. Но это новое прочтение, подчеркну, вовсе не устраняет классического смысла государства, заложенного в нем, как в институте управления общественными делами. По мнению одного из крупнейших российских специалистов в области государственного управления, профессора Атаманчука, государство следует понимать «в качестве **целостности** (триединства) **территории, населения и власти**...» [Атаманчук. 2010. С. 12]. Именно так государство, кстати, понималось и в русской дореволюционной правовой традиции [См. подробнее: Атаманчук. 2008. С. 4].

В чем же важность и актуальность подобного подхода? В том, что он устраняет мнимое «противоречие», на которое постоянно указывают теоретики так называемого «старого» либерализма. Это — «противоречие» между властью, законом и свободой.

Профессор Атаманчук высказывался по этому поводу вполне определенно: «Концепция не противоречит ни рынку, ни частной собственности, ни бизнесу (предпринимательству), ни местному самоуправлению, ни гражданскому обществу, ни правам и свободам человека, но она всех их сводит в **органическую систему** жизнедеятельности людей, осуществляемую ими на своей территории с учетом избранной ими государственной власти» [Атаманчук. 2010. С. 14].

Следует особо подчеркнуть, что подобную проблематику весьма детально разрабатывали дореволюционные российские специалисты в области государственного права. И среди них необходимо выделить подход известного ученого-государствоведа Бориса Николаевича Чичерина. В его концепции власть представляется таким же необходимым элементом общественного развития, как и свобода. И в этом состоит суть его концепции «охранительного» либерализма. Квинтэссенция данной концепции — разумное сочетание власти и закона.

В одной из своих классических работ Борис Николаевич Чичерин дал блестящее определение государства, которое не теряет своей актуальности и сегодня, в современных условиях.

«Для отдельного лица эта общая, охватывающая его среда, в которой оно рождается, живет и умирает, к которой оно принадлежит, как часть к целому, называется *отечеством*. Каждому человеку отечество представляется вечной идеей, которой он обязан служить всем своим существом, жертвуя для него даже жизнью. Любовь к отечеству составляет одно из самых высоких и священных человеческих чувств. Эта идея отечества, получая общую организацию, устраиваясь как одно целое, имеющее одну волю, становится государством. Государство есть организованное отечество» [Чичерин. 2006. С. 10].

В рамках настоящей статьи, конечно, весьма сложно подробно остановиться на взглядах выдающегося правоведа, но следует отметить, что на его позицию весьма сильное влияние оказали взгляды немецкого философа Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Так, он писал: «Государство есть действительность нравственной идеи — нравственный дух как *очевидная*, самой себе ясная, субстанциальная воля, которая мыслит и знает себя и выполняет то, что она знает и поскольку она это знает» [Гегель. 1990. С. 279].

Подчеркну, что о «вечности» государства и власти говорил и такой выдающийся испанский философ как Хосе Ортега-и-Гассет.

«Власть и подчинение — решающие условия существования любого общества. Когда становится непонятно, кто правит и кто подчиняется, все идет бестолково, вкривь и вкось» [Ортега-и-Гассет. 2005. С. 129].

Но при этом следует ясно представлять себе, что развитие свободы не предполагает «неразвитости» государства. Это и является, по сути, объективным, фундаментальным законом бытия власти. Профессор Атаманчук по этому поводу вполне справедливо отмечал, что «в западной цивилизации, а сегодня и в других цивилизациях, скажем китайской, латиноамериканской, *расширение* свободного поведения личности шло и идет *в единстве с развитием демократии* и укреплением ее ос-

нового института — *государства*. Где эта *органическая взаимосвязь* свободы (либерализма) и демократии (власти) нарушается, не соблюдается, не учитывается, там либо анархия, хаос, распад, преступность, либо, в целях преодоления этого, устанавливаются авторитарные режимы» [Атаманчук. 2008. С. 106].

Конечно, крупнейшим идеологом правового либерализма, или — свободы, ограниченной правом, является немецкий мыслитель Иммануил Кант. Он сформулировал знаменитый категорический императив, который и нацелен на ограничение «дикой» свободы.

«Категорический императив, который вообще выражает лишь то, что есть обязательность, гласит: поступай согласно максиме, которая в то же время может иметь силу всеобщего закона!» [Кант. 1994. С. 247].

Известный российский юрист Павел Иванович Новгородцев так писал об учении Канта.

«Естественное состояние, лишенное принудительных законов, есть состояние беззаконной и дикой свободы ...состояние несправедливости и войны каждого против всех. Человек должен из него выйти и вступить в гражданское общение» [Новгородцев. 2000. С. 201].

Об этом же задолго до Канта писал и Аристотель. Человек, который находится вне государства, неизбежно оказывается и вне права, вне правового поля.

«Человек, живущий вне закона и права, — наихудший из всех, ибо несправедливость, владеющая оружием, тяжелее всего; природа же дала человеку в руки оружие — умственную и нравственную силу, а ими вполне можно пользоваться в обратную сторону. Поэтому человек, лишенный добродетели, оказывается существом самым нечестивым и диким, низменным в своих половых и вкусовых позывах. Понятие справедливости связано с представлением о государстве...» [Аристотель. 2010. С. 26].

И власть, по мнению Аристотеля, вовсе не ухудшает положения индивида. Скорее, наоборот, обеспечивает его права и свободы. В случае же ее отсутствия возможна только крайне примитивная модель отношений [См.: Аристотель. 2010. С. 23].

Следует подчеркнуть, что главным субъектом государственного управления является государство. Именно государство, власть и создает возможность «гражданского общения» на основе правового порядка.

И как справедливо отмечал известный русский юрист Павел Иванович Новгородцев, один из крупнейших исследователей творчества Гегеля, не следует считать общество субъектом подавления, ограничения личности.

«Общество, по своей задаче, должно быть не ограничением личности, а ее расширением и восполнением» [Новгородцев. 1991. С. 175].

Замечу, что об этом в свое время писал Макс Вебер. По его мнению, государство не может обойтись без силы или насилия.

«Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение *господства* людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство» [Вебер. 1990. С. 646].

Для сущностного понимания государства, осознания его места и роли в жизни современного социума крайне необходимо применять в исследовательской практике принцип исторической преемственности. Я не случайно вынес в заголовок тезис об уроках прошлого.

История, по мнению того же Макиавелли, дает прекрасные сценарии действия в различных ситуациях. В том числе и кризисных. Так, великий флорентинец по этому поводу писал:

«Тот, кто со всем тщанием вникает в прошедшее какой-либо республики, тот с легкостью угадает ее будущее и предпишет ей средства, которые уже использовались древними; если же прежних средств не отыщется, сходство в событиях подскажет ему новые» [Макиавелли. 2005. С. 187–188].

И актуальность хороших исторических примеров вовсе не стирается временем.

«Я не могу сдерживать удивления и печали, видя, как ...известные нам из истории доблестные деяния, совершенные в древних царствах и республиках царями, полководцами, гражданами, законодателями и всеми трудившимися на благо родины, вызывают в лучшем случае восхищение, а не желание повторить их; более того, наши поступки настолько им противоположны, что от античной доблести не осталось никаких следов» [Макиавелли. 2005. С. 97–98].

По этому поводу весьма справедливо высказался Ортега-и-Гассет: «Историческое знание — первейшее средство сохранения и продления стареющей цивилизации» [Ортега-и-Гассет. 2005. С. 82].

Одной из важнейших функций государства, следует подчеркнуть это особо, является экономическая. И здесь важно отметить следующее обстоятельство. В современном мире, как показывает практика, весьма востребованной является модель социальной рыночной экономики. Государственное регулирование экономики фактически не оспаривается ни в одной развитой стране. У нас же, как отмечает профессор Григорий Васильевич Атаманчук, до сих пор возникают дискуссии в поддержку «старого» либерализма: «И в начале XXI в., несмотря на огромный опыт

практически любой индустриально развитой страны, находятся люди, занимающие, в частности, руководящие государственные посты, которые полагают, что рыночная экономика, особенно глобализационного периода, может функционировать без вмешательства государства, без его сознательного влияния на ее структуру и механизм» [Атаманчук. 2010. С. 55].

Следует отметить, что ситуация просто поразительно напоминает реалии России XIX века и начала XX столетия. Но и тогда уже были ученые, которые отстаивали точку зрения вмешательства государства в экономические отношения. Например, следует отметить в этой связи труды выдающегося русского юриста Павла Ивановича Новгородцева. Он понимал под «социализмом» вмешательство государства в экономику. И относился к этому весьма позитивно.

«В наше время нередко повторяют утверждение, что „теперь все стали социалистами“; и если под социализмом разуметь политику социальных реформ, основанную на идее публично-правового регулирования экономических отношений, то указанное утверждение будет близко к истине. В этом широком смысле слова социализм действительно торжествует победу над старым отвлеченным либерализмом, основанным на принципе невмешательства в экономическую область» [Новгородцев. 1991. С. 225–226].

Павел Иванович Новгородцев всегда с большим почтением и уважением относился к своему учителю — Борису Николаевичу Чичерину. Но при этом справедливо критиковал его отрицательное отношение к идее социального государства. И не только его.

«Само собою разумеется, что и сторонники старого либерализма не отрицали, что есть люди, изнемогающие в жизненной борьбе и неспособные выбиться из тяжелых условий. Но они не считали возможным, чтобы государство вмешивалось в жизнь, которая в своем свободном развитии сама находит средства исправлять общественные бедствия» [Новгородцев. 1996. С. 209].

Новгородцев блестяще раскрыл сущностные причины подобного ошибочного подхода.

«Этот взгляд, столь авторитетный в свое время, весь покоится на одной коренной ошибке, раскрытой как нельзя ярче общественным развитием XIX века: ставя целью права охрану свободы и отделяя от этого потребность в восполнении средств, эта теория забывает, что пользование свободой может быть совершенно парализовано недостатком средств. Задача и сущность права состоят действительно в охране личной свободы, но для достижения этой цели необходима и забота о материальных условиях ее осуществления: углубленное и расширенное понятие свободы подкрепляет в данном случае те требования, которые

вытекают из углубленного и расширенного понимания принципа равенства» [Новгородцев. 1996. С. 210].

Выход, как и прежде, видится в разумном сочетании начал свободы и порядка: «Нужно искать и использовать такие механизмы взаимодействия государства и экономики, которые бы устраняли „тотальность“ государства и анархию рынка и в итоге давали оптимизирующееся общественное развитие» [Атаманчук. 2010. С. 56].

Решение социального вопроса в современном обществе не только не теряет своей актуальности, но и приобретает новое звучание.

Отмечу, что сущность социального вопроса определил еще немецкий правовед Лоренц фон Штейн.

«Вопрос о том, как *безкапитальный труд* может достигнуть *хозяйственной самостоятельности посредством приобретения капитала*, и есть *социальный вопрос*» [Штейн. 1874. С. 572].

И, конечно, Лоренц фон Штейн не мог обойти вниманием и весьма актуальную проблему участия государства в решении социального вопроса.

«Вопрос ближайшего будущего есть вопрос о *границе* государственного управления в социальном движении. Но такая граница возможна только путем одного принципа. И чем далее мы идем, тем определеннее развивается этот последний. Существо *социального управления* состоит в том, чтобы не одна какая-либо определенная область, а все управление на всех пунктах было *проникнуто и одушевлено тем принципом*, по которому рабочим классам предлагаются все те *условия* развития, коих они по причине отсутствия капитала не могут доставить сами ни своей физической, ни своей умственной *способностями приобретения*, и чтобы наоборот действительное приобретение капитала было предоставлено самим этим классам» [Штейн. 1874. С. 572].

Примечательно, что о решении социального вопроса позитивно высказывались и крупнейшие капиталисты. В частности, Генри Форд.

«Об истинном процветании можно вести речь тогда, когда наибольшее количество людей обеспечено всеми товарами, разрешенными к использованию, и довольны существующей ситуацией. О процветании свидетельствует отнюдь не банковский счет промышленников, а уровень достатка населения» [Форд. 2011. С. 172].

Сокращение расходов на оплату труда в качестве средства экономии бюджета для Форда совершенно недопустимо.

«Урезание заработной платы — это самый легкий и самый пошлый способ решить проблему, не говоря уже о нарушении общечеловеческих законов. В действительности это означает обвинить рабочих в собственном бессилии и некомпетентности» [Форд. 2011. С. 173].

Тень 1917 года, словно покрывало печали, лежит на нынешнем 2017. Невозможно в год столетия великой трагедии в русской истории не осмыслить и те сущностные причины, которые привели к крушению государственности и правового порядка.

По сути, новая власть попросту игнорировала фундаментальные законы бытия власти, существования государства и права. И в результате полностью утратила способность к влиянию, что составляет важнейшее свойство всякой власти.

С невыразимой горечью об этом писал в работе «Восстановление святынь» выдающийся русский правовед, которому было суждено умереть на чужой земле — в Праге — Павел Иванович Новгородцев.

«Временное правительство с своей стороны не имело в виду ничего противопоставить ... процессу разрушения, кроме своей веры в конечное торжество свободы и в моральную силу. В основу своего управления оно полагало „добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти“. Оно не хотело применять „старых насильственных приемов управления“, не хотело „насилия и принуждения“, говоря короче, не хотело неизбежных средств государства и права» [Новгородцев. 1991. С. 562].

Розовые, наивные мечты не выдержали сурового столкновения с реальностью...

Весьма определенно высказался об этом известный поэт Максимилиан Волошин: «Обреченная на гибель русская интеллигенция торжествовала Революцию, как свершение всех своих исторических чаяний. Происходило трагическое недоразумение: вестника гибели встречали цветами и плясками, принимая его за избавителя» [Волошин. 2009. С. 23].

Но подобные наивные представления о государстве и праве, о власти, на мой взгляд, проистекают из негативного отношения к государству и праву. Из безудержного, анархического отрицания их самоценности и фундаментального значения для развития любого общества. И любой страны, а не только России. Собственно говоря, период Великой Французской революции тоже дает этому тезису красноречивое подтверждение. Равно как и пламенные речи Робеспьера.

И нигилистическое понимание государства, его отрицание как созидющей силы (а вовсе не насилия!), увы в современности не только не исчезает, но и продолжает завоевывать умы (может, и не самые далекие). При этом совершенно очевидно, что подобные мыслители наступают на те же грабли, что и их предшественники в предыдущих — XIX и XX веках. Но и сейчас нигилизм в России почему-то считается едва ли не доблестью. Современные специалисты в области государственного управления пишут об этом с горечью.

«Более полутора столетий назад и в мире, и в России **особенно**, считается модным нигилистическое отрицание **государственности** в комплексе ее элементов и структуры, хотя практически **нигде** не было образовано государство в его **истинно объективных** параметрах, элементах (частях) и свойствах. Множество суждений выдающихся, честных и порядочных умов постоянно **игнорируются** со стороны тех, кому в какой-то исторический момент удалось овладеть всего лишь одним элементом государства (или его частью) — **властью**» [Атаманчук, Степашин, Шахрай. 2012. С. 3].

Изречения в духе «старого», классического либерализма продолжают звучать и в XXI веке.

«И сегодня звучат рефреном мнения о том, что государство противоречит разуму, свободе, мешает частным собственникам и рынку, его должно быть **мало** и прочее в таком же духе» [Атаманчук, Степашин, Шахрай. 2012. С. 3].

Отрицание государства и права, наивные, розовые мечты о «безвластном управлении» свидетельствуют о полном непонимании существа вопроса. Ибо власть — это и есть исходный пункт любого государства и как, следствие управления.

Еще князь Трубецкой писал по этому поводу: «Чтобы найти определение государства, надо начать с того признака, который никогда не возбуждал спора. Таким признаком является **власть**: никто никогда не сомневался в том, что государство есть союз, обладающий властью над своими членами. Стало быть, исходной точкой для определения государства должна послужить **власть**» [Трубецкой. 1917. С. 223–224].

И примечательны в этом смысле слова, которые написал блестящий русский мыслитель Иван Александрович Ильин — князь Трубецкой выступал оппонентом на защите его диссертации.

«Власть есть, прежде всего, **сила**. Это выражается в том, что она есть способность к воздействию и влиянию. Бессильная власть есть в логическом отношении бессмыслица, а в государственном отношении — пагубный призрак, фантом или симуляция; такая власть никому не нужна, ибо она лишена подлинной, жизненной реальности; она опасна и губительна, потому что ведет весь государственный союз к разложению. Для того, чтобы государство могло **быть и действовать**, ему необходима эта **подлинная энергия, сосредоточенная и организованная** в живое единство. Сущность **жизни** состоит в действии и притом в **целесообразном действии**; способность же к такому действию есть **живая сила**. Поэтому, сказать „сильная власть“ все равно, что сказать „подлинная, живая власть“ или „власть, соответствующая своей природе и своему назначению“. Госу-

дарство со слабою властью нежизнеспособно. Ослабление и расшатание власти есть умерщвление государства. Поэтому все то, что слагает силу власти, — *авторитет, единство, правота цели, организованность и исполнительность понудительного аппарата*, — все это образует самую основу государственного бытия» [Ильин. 1993. С. 133–134].

Конечно, реальное, объективно существующее государство и право может быть далеко от совершенства. И власть в том числе. Или точнее — даже противоречить тому идеалу, который создавали мыслители на протяжении многих столетий.

Как же быть в этом случае? На мой взгляд, очень точно по данному поводу высказался Георг Вильгельм Фридрих Гегель: «Если позитивному праву и законам противопоставляются диктуемое сердцем чувство, склонность и произвол, то уж во всяком случае не философия признает подобные авторитеты. То обстоятельство, что насилие и тирания могут быть элементом позитивного права, является для него чем-то случайным и не затрагивает его природу» [Гегель. 1990. С. 62].

Также он полагал, что различиям между позитивным и естественным правом не следует придавать характер антагонизма. Это абсолютно неверно.

«Представлять себе различие между естественным или философским правом и позитивным правом таким образом, будто они противоположны и противоречат друг другу, было бы совершенно неверным» [Гегель. 1990. С. 62].

Кстати, следует заметить, что среди нигилистов очень мало людей практического дела. Имеется в виду, конечно, созидание, а не разрушение. Борис Николаевич Чичерин по этому поводу высказался еще в XIX веке, с горькой иронией. Но, вчитайтесь, насколько актуально это звучит сегодня!

«Поднимается крик: „Растворите двери, и на сцену выступит множество свежих, молодых деятелей, которые принуждены скрываться в неизвестности!“ Двери растворяются настежь, и появляется только толпа неприготовленных крикунов» [Чичерин. 2002. С. 128].

В нынешнем веке об этом же пишут и современные ученые. Так, профессор Атаманчук вполне справедливо подчеркивал, что отсутствие фундаментального субстанциального осмысления государства и государственного управления на деле ведет к полному разрушению общественной системы. Причина просто банальна — управление просто исчезает...

«Общество не может управляться, если представители его интеллектуальной „вершины“ — политики, ученые-обществоведы и представители художественной интеллигенции — сами не знают, чего хотят, и не

осознают то, что делают и к чему призывают. Многие из них боролись с „тюрьмой народов“ — Российской империей, но на ее обломках создали „империю зла“. Последнюю тоже разрушили, однако наступившая свобода не принесла ожидаемых результатов» [Атаманчук. 2010. С. 76]. Как говорится, многократно наступали на одни и те же грабли. Причем — с завидным постоянством. И с абсолютно необъяснимым упорством.

Революция, как форма общественного развития всегда отрицает предыдущий исторический опыт. Ортега-и-Гассет по этому поводу писал:

«Революции, безоглядные в своей нетерпеливой спешке, лицемерно щедрые на обещания всевозможных прав, попирают первейшее право человека, настолько первейшее, что оно определяет человеческую сущность, — право на непрерывность, на преемственность. Единственное коренное отличие „естественной истории“ от человеческой в том, что последняя не может начинаться заново» [Ортега-и-Гассет. 2005. С. 206].

Понимание государства, как орудия социальной гармонии, формулирует и особые требования к управленцам. Особенно — высшего ранга. Замечу, что эти проблемы исследуют не только специалисты в области государственного права. Важное место они занимают и в художественной литературе.

Прекрасный французский писатель Морис Дрюон по этому поводу отмечал:

«Из всех видов человеческой деятельности власть над себе подобными — хотя и вызывает наибольшую зависть, но и наиболее разочаровывает, ибо не дает уму ни минуты роздыха и требует постоянных трудов. Булочник, вынув из печи хлеба, дровосек, повалив дуб, судья, вынеся приговор, зодчий, видя, как делают конек, венчающий крышу, художник, положив кисть, могут хотя бы в течение одного вечера вкушать преходящее умиротворение, даваемое доведенным до успешного конца усилием. Правители — никогда. Едва только одно политическое затруднение кажется улаженным, уже встает другое, как раз в то время, когда улаживают первое, и требует к себе неотложного внимания. Генерал еще долго пользуется плодами своей победы, принесшей ему славу, но премьер-министру приходится сталкиваться с новой ситуацией, порожденной самой победой. Ни одна проблема не терпит, чтобы тянули с ее разрешением, ибо та, что кажется сегодня второстепенной, завтра приобретает трагическую значимость» [Дрюон. 1981. С. 73].

Интересны и следующие слова Мориса Дрюона.

«Носителя власти можно сравнить лишь с врачом: обоим в равной степени знаком этот неудержимый ход событий, где главное — не промедлить и неусыпно наблюдать за самыми безобидными недугами, ибо

они могут стать симптомами недугов грозных, и, наконец, обоим знакомо вечное сознание ответственности за такие сферы, где последнее слово остается все же за будущим!» [Дрюон. 1981. С. 73–74].

Весьма, кстати, похоже на рассуждения Макиавелли в «Государе». И дальше Морис Дрюон продолжает.

«То, что правильно для наших дней, когда управление нацией требует почти сверхчеловеческих сил и способностей, было бесспорно правильно и во все времена; ремесло короля, когда короли еще правили сами, было непрерывным рабством» [Дрюон. 1981. С. 74].

Рассматривая сущность государства, тем не менее нельзя не остановиться на таком аспекте, как якобы «деидеологизированность» отдельных обществ. Концепция «общесоциального» государства, государства социальной гармонии тоже не может оставаться вне идеологии. Вопрос — что это за идеология? Видимо, та самая национальная идея, которую уже на протяжении долгих лет ищут в России.

Но следует признать — с позиций не теории, а практики государственного управления, что обществ, свободных от идеологии, увы, не существует.

Крупные российские ученые так пишут по этому поводу: «Там, где отдельные интеллектуалы вроде бы „похоронили“ идеологию, как раз этой идеологией заполнено все. Посмотрите на „деидеологизированные“ США, Великобританию, Францию, в которых идеология просматривается буквально на каждом шагу — от внешней политики до дома и одежды любого гражданина. И это закономерно, потому что идеология есть **важнейший ресурс и фактор** формирования людей и их объединения в общество» [Атаманчук, Степашин, Шахрай. 2012. С. 164].

И в «общесоциальном» государстве идеология может и должна быть направлена на стабильное развитие и достижение социального мира и гармонии.

И следует также отметить, что современные ученые должны уметь извлекать уроки из прошлого. Это касается как нового прочтения уже, казалось бы, изученных текстов, так и конкретных исторических событий. Столетие русской революции дает в этом смысле богатую пищу для размышления.

Результаты исследования. В статье рассмотрена проблема философского, сущностного осмысления государства, которая на протяжении многих веков остается одним из приоритетных направлений научных исследований. И в первую очередь — в юриспруденции.

Сущностное понимание государства охватывает не только государственный аппарат, власть, но и такие элементы как территорию и насе-

ление. Указанные элементы составляют триединство. Данный подход позволяет избежать некорректного, «усеченного» понимания государства и осмыслить его «общесоциальную» сущность.

В исследовании сущности государства необходимо использовать принцип исторической преемственности.

Важнейшей проблемой для современного государства является решение социального вопроса. Мировоззренческая парадигма в духе «старого» либерализма должна смениться новым подходом, нацеленным на реальное улучшение благосостояния людей. И, таким образом — расширение свободы.

Нигилистическое правопонимание наносит огромный вред научному осмыслению сущности государства и права. А также — разлагает нормальное представление о государстве на житейском уровне познания.

Идеология присутствует в любом государстве. Следовательно, говорить о «деидеологизированном» государстве невозможно. Ключевой момент заключается в сущности идеологии.

Анализ результатов. Результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении государства и права, определении векторов стратегического развития и совершенствования государства, как общесоциального института.

Заключение. Постигание сущности государства кроме несомненного теоретического интереса имеет своей целью и практическую задачу — создание государства, максимально нацеленного на соблюдение прав человека и достижение социальной гармонии. Представляется, что указанные критерии должны быть основными в оценке государственного управления в широком смысле.

Литература

1. Аристотель. Политика. М., 2010.
2. Атаманчук Г. В. Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика. М., 2008.
3. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления. М., 2010.
4. Атаманчук Г. В., Степашин С. В., Шахрай С. М. Государство, государственное управление, государственный аудит в Российской Федерации (сущность явлений и механизмы их реализации). М., 2012.
5. Булгаков М. А. Собачье сердце. Иван Васильевич. СПб., 2011.
6. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
7. Волошин М. А. Россия распятая // Волошин М. А. Стихотворения. М., 2009.

8. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990.
9. Дрюон М. Яд и корона. Негоже лилиям прясть. М., 1981.
10. Ильин И. А. О сущности правосознания. М., 1993.
11. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Сочинения. Т. 6. М., 1994.
12. Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макиавелли Н. Государь. М., 2005.
13. Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М., 1996.
14. Новгородцев П. И. Восстановление святынь // Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991.
15. Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб., 2000.
16. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991.
17. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2005.
18. Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917.
19. Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. Минск, 2011.
20. Цицерон М. Т. О государстве. М., 1999.
21. Чичерин Б. Н. Общее государственное право. М., 2006.
22. Чичерин Б. Н. Что такое охранительные начала? // Чичерин Б. Н. Несколько современных вопросов. М., 2002.
23. Штейн Л. Учение об управлении и право управления. СПб., 1874.

THE ESSENCE OF THE STATE: NEW CHALLENGES FOR RESEARCHERS AND LESSONS OF THE PAST

Vladimir E. Beryozko

Abstract. *Research of the nature of the State and Law has remained topical in modern environment and causes ongoing interest of experts in the humanities, especially, in the area of law.*

Nevertheless, globalization era faces challenges requiring the understanding of the core essence of the State together with its functions and goals in current conditions. The concept of law is closely linked with the State concept. Both concepts defined in a scientific and not ideological manner should serve as grounds for proper activities of the State being construed as the trinity of territory, population and power. The doctrine of the "general welfare state" as a tool of social harmony, social peace and flourishing has always been popular among highbrows in various epochs of the humanity's development. In this respect, the experience of the past may be used for the development of the State in the XXIst century. Many modern analysts claim that the efficient public administration, including inter alia the address of social concerns, directly depends on basic understanding of what the State means. In the centennial anniversary of the

Great Russian Revolution, special emphasis should be placed on nihilism and radicalism running contrary to the scientific interpretation of the State. It is such just "theoretical issues" which had been overlooked that lead to the national catastrophe of Russia a hundred years ago. Yet, the Soviet period of the history of Russia deserves unbiased evaluation. The article focuses on the described problems and addresses the above concerns on a scientific basis.

Key words. *state, power of the state, social peace, social harmony, general welfare state*

References

1. Aristotel'. Politika [Politics]. M., 2010.
2. Atamanchuk G.V. Sushchnost' gosudarstvennoi sluzhby: istoriia, teoriia, zakon, praktika [The Essence of Public Service: History, Theory, Law, Practice]. M., 2008.
3. Atamanchuk G.V. Teoriia gosudarstvennogo upravleniia [Theory of Public Administration]. M., 2010.
4. Atamanchuk G.V., Stepashin S.V., Shakhrai S.M. Gosudarstvo, gosudarstvennoe upravlenie, gosudarstvennyi audit v Rossiiskoi Federatsii (sushchnost' iavlenii i mekhanizmy ikh realizatsii) [State, Public Administration, State Audit in Russia (The Essence of Phenomena and Implementation Mechanism)]. M., 2012.
5. Bulgakov M.A. Sobach'e serdtse. Ivan Vasil'evich [Dog's Heart]. СПб., 2011.
6. Veber M. Politika kak prizvanie i professiia [Politics as Mission and Profession] // Veber M. Izbrannye proizvedeniia [Selected Works]. M., 1990.
7. Voloshin M.A. Rossiia raspiataia [Russia Crucified] // Voloshin M.A. Stikhotvoreniia [Poems]. M., 2009.
8. Gegel' G.V.F. Filosofii prava [Philosophy of Law]. M., 1990.
9. Driun M. Iad i korona. Negozhe liliiam priast' [The Poison and Crown. It Doesn't Benefit Lily to Spin]. M., 1981.
10. Il'in I.A. O sushchnosti pravosoznaniia [The Essence of Feeling for Law and Order]. M., 1993.
11. Kant I. Metafizika npravov [Metaphysics of Morals] // Kant I. Sochineniia [Works]. Volume 6. M., 1994.
12. Makiavelli N. Rassuzhdeniia o pervoi deкаде Tita Liviiia [Tit Livii First Decade (Ten-Books) Discourse] // Makiavelli N. Gosudar' [The Sovereign]. M., 2005.
13. Novgorodtsev P.I. Vvedenie v filosofiiu prava. Krizis sovremennogo pravosoznaniia [Philosophy of Law Introduction]. M., 1996.
14. Novgorodtsev P.I. Vosstanovlenie sviatyn' [Restoration of Shrines] // Novgorodtsev P.I. Ob obshchestvennom ideale [About Public Ideal]. M., 1991.
15. Novgorodtsev P.I. Kant i Gegel' v ikh ucheniakh o prave i gosudarstve [State and Law Doctrines of Kant and Gegel]. СПб., 2000.
16. Novgorodtsev P.I. Ob obshchestvennom ideale [About Public Ideal]. M., 1991.

17. Ortega-i-Gasset Kh. Vosstanie mass [The Masses Uprising]. М., 2005.
18. Trubetskoi E. N. Lektsii po entsiklopedii prava [Lectures on Encyclopaedia of Law]. М., 1917.
19. Ford G. Moia zhizn', moi dostizheniia [My Life and My Gains]. Минск, 2011.
20. Tsitseron M. T. O gosudarstve [The State]. М., 1999.
21. Chicherin B. N. Obshchee gosudarstvennoe pravo [General State Law]. М., 2006.
22. Chicherin B. N. Chto takoe okhranitel'nye nachala? [What are Protective Principles?] // Chicherin B. N. Neskol'ko sovremennykh voprosov [Several Topical Issues]. М., 2002.
23. Shtein L. Uchenie ob upravlenii i pravo upravleniia [The Authority Doctrine and Authority Law]. СПб., 1874.

Информация об авторе

Березко Владимир Эдуардович

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного управления и права МГИМО МИД России

Vladimir E. Beryozko

Assistant Professor with the Department of Public Administration and Law, MGIMO University of the Russian Ministry of Foreign Affairs
vberezko@yandex.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ КАК СРЕДСТВО РЕАГИРОВАНИЯ НА НОВЫЕ ВЫЗОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А. Г. ГУРИНОВИЧ

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы совершенствования правового регулирования государственного управления в бюджетной сфере в последние три года, связанные с необходимостью реагирования в том числе правовыми средствами на новые вызовы национальной безопасности по мере существенно усилившегося политического, экономического, военного и информационного давления на отстаивающую свои национальные интересы Россию со стороны ряда иностранных государств и развития ряда кризисных трендов во внутреннем развитии нашей страны. Ранее кем-либо в качестве предмета специального анализа в такой конкретной постановке темы данные вопросы в научных публикациях не рассматривались. В статье проанализированы актуальные изменения в бюджетном законодательстве, рассмотрены наиболее значимые правовые аспекты скорректированного с учетом современных реалий порядка формирования проекта федерального бюджета, представлены обстоятельные результаты достаточно подробного анализа внесенных в Бюджетный кодекс Российской Федерации новых правил исполнения отдельных положений принятого в конце 2016 года федерального закона о федеральном бюджете с позиций учета приоритетов в обеспечении безопасности государства в части перераспределения дополнительных бюджетных средств. В рамках проведенного исследования изучены и выделены наиболее показательные положения принятых в рассматриваемый период нормативных правовых актов, упорядочивающих деятельность федеральных органов исполнительной власти, играющих ключевую роль в выработке, нормативно-правовом регулировании и реализации бюджетной политики. В целом же в работе затронуты те важные аспекты проблемы, которые имеют наибо-*

лее существенное значение для объективной и положительной оценки предпринятых государством мер по налаживанию эффективного механизма противодействия проявившимся в последние три года вызовам национальной безопасности Российской Федерации и соответственно мотивируют субъектов нормотворческой деятельности к продолжению поиска и дальнейшему практическому использованию эффективных вариантов нейтрализации и минимизации такого рода угроз методами правового регулирования.

Ключевые слова: бюджетное законодательство, федеральный закон, федеральный бюджет, правовое регулирование, государственное управление, национальная безопасность.

Введение. В современных условиях происходит процесс формирования новой полицентричной модели мироустройства, который сопровождается ростом глобальной и региональной нестабильности. Обостряются противоречия, связанные с неравномерностью мирового развития, углублением разрыва между уровнями благосостояния стран, борьбой за ресурсы, доступом к рынкам сбыта, контролем над транспортными артериями. В борьбе за влияние на международной арене задействован весь спектр политических, финансово-экономических и информационных инструментов.

Отчетливо проявляется возрастающее влияние политических факторов на экономические процессы, налицо попытки применения отдельными государствами экономических методов, инструментов финансовой, торговой, инвестиционной и технологической политики для решения своих геополитических задач, которые ослабляют устойчивость системы международных экономических отношений. На фоне структурных дисбалансов в мировой экономике и финансовой системе, растущей суверенной задолженности, волатильности рынка энергоресурсов сохраняется высокий риск повторения масштабных финансово-экономических кризисов.

Интегрирование в мировую экономику и расширение сотрудничества со многими странами является для Российской Федерации давним и долгосрочным приоритетом: «Правительство придает приоритетное значение активизации участия страны в международном разделении труда через присоединение к существующим многосторонним соглашениям в качестве полноправного партнера, действующего в соответствии с международными правилами и нормами» [4. Гуринович, 1994, с. 77]. Однако, несмотря на такие наши намерения и усилия, определенные иностранные государства стремятся ослабить положение России, игнорируя ее интересы и провоцируя конфликтные ситуации. Проведение

Российской Федерацией самостоятельной внешней и внутренней политики вызывает противодействие со стороны США и их союзников, стремящихся сохранить свое доминирование в мировых делах. Реализуемая ими политика сдерживания России предусматривает оказание на нее политического, экономического, военного и информационного давления, что, как указано в утвержденной 31 декабря 2015 г. Указом Президента Российской Федерации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, является явной угрозой национальной безопасности¹.

Главными стратегическими угрозами национальной безопасности в области экономики являются: неблагоприятная динамика развития экономики, сохранение экспортно-сырьевой модели развития и высокая зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры, отставание в разработке и внедрении перспективных технологий, низкая конкурентоспособность, незащищенность национальной финансовой системы от действий нерезидентов и спекулятивного иностранного капитала, несбалансированность национальной бюджетной системы, нецелевое расходование бюджетных ассигнований. Негативное воздействие на экономическую безопасность оказывают введенные против Российской Федерации ограничительные экономические меры.

Теоретические основания исследования. Важнейшим инструментом обеспечения финансовой безопасности страны в условиях кризиса и санкционных ограничений является государственная бюджетная политика. Одним же из главных направлений обеспечения безопасности личности, общества, государства в экономических отношениях обоснованно признается своевременное совершенствование с учетом новых вызовов правового регулирования бюджетного процесса, направленное на повышение эффективности и качества государственного управления бюджетной сферой, снижение издержек и неэффективных бюджетных расходов, борьбу с нецелевым использованием и хищением государственных средств, укрепление финансовой системы, обеспечение ее суверенитета, обеспечение сбалансированности бюджетной системы и совершенствование межбюджетных отношений в Российской Федерации.

Порядок совершения управленческих действий участниками бюджетного процесса закреплен в бюджетном законодательстве, в нормативных правовых актах, устанавливающих статус и полномочия соответствующих

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.base.garant.ru/71296054/#ixzz4VxRIBtjQ> (дата обращения: 15.01.2017).

государственных органов, в регламентах их деятельности, в документах, закрепляющих порядок работы профильных межведомственных комиссий, советов и иных официально создаваемых для рассмотрения бюджетных вопросов совещательных и консультативных органов.

Исследование: основная часть

Методология исследования. В последние три года в рамках реагирования государства на возникшие вызовы национальной безопасности была основательно переосмыслена сложившаяся экономическая ситуация под влиянием нестандартных и динамичных изменений, наложивших существенный отпечаток на определение приоритетов и смещение акцентов в бюджетной политике России, включая ее правовую составляющую. «Однако сформировавшиеся к 2015 г. реалии международной и внутренней жизни заставили субъектов бюджетного планирования внести коррективы в механизмы и правовое регулирование бюджетного процесса» [З. Гуринович, Комарова, 2016, с. 94]. Эти действия выразились, в частности, во внесении соответствующих изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации, в конструктивное построение и содержание Федерального закона от 14 декабря 2015 г. № 381-ФЗ «О федеральном бюджете на 2016 год» и Федерального закона «О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов», в регламенты Совета Федерации и Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, в Регламент Правительства Российской Федерации, в положения о Министерстве финансов Российской Федерации, Федеральном казначействе и о других федеральных органах исполнительной власти — участниках бюджетного процесса, в оптимизации структуры Министерства финансов штатного расписания Министерства финансов, а также в упразднении Указом Президента Российской Федерации Федеральной службы финансово-бюджетного надзора и передаче ее полномочий по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере Федеральному казначейству.

Процедура исследования. Рассмотрим эти вопросы подробнее. Так, наблюдавшаяся в 2015 году повышенная неопределенность внешнеполитической и экономической конъюнктуры предопределила временную приостановку среднесрочного бюджетного планирования и переход при принятии федерального закона о бюджете на однолетний бюджет, проект которого именно на такой «короткий» период был подготовлен в связи с высокой турбулентностью и волатильностью на финансовых и сырьевых рынках, повышающих риски ошибок при прогнозировании развития экономики и планировании параметров федерального бюджета. Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 25-ФЗ «О приостановлении

действия отдельных положений Бюджетного кодекса Российской Федерации» было приостановлено до 1 января 2016 года действие абзаца четвертого пункта 4 статьи 184.1 и пункта 3 статьи 192 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее — Бюджетный кодекс), в соответствии с которыми проект федерального бюджета утверждается путем изменения параметров планового периода утвержденного бюджета и добавления к ним параметров второго года планового периода проекта бюджета². В связи с этим показатели расходов федерального бюджета на 2016 год были сформированы в виде абсолютных величин, а не путем уточнения параметров планового периода, утвержденных Федеральным законом от 1 декабря 2014 г. №384-ФЗ «О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов»³.

При формировании бюджета учитывалось, что макроэкономические условия, заложенные в основу федерального бюджета, могут впоследствии измениться под воздействием ряда внешних факторов. Сохраняющиеся риски усугубления геополитической напряженности в мире, неблагоприятных событий в международной финансовой системе и ухудшения конъюнктуры значимых для России товарных рынков могут проявиться в замедлении экономического развития, усилении волатильности инфляционной и курсовой динамики, снижении бюджетных доходов.

Поэтому именно задача снижения вероятности ошибочных оценок и допущений при формировании бюджета в условиях ограниченности финансовых резервов на купирование их негативных последствий предопределила необходимость утверждения федерального бюджета на 2016 год (без утверждения показателей планового периода).

В Федеральном законе от 14 декабря 2015 г. № 359-ФЗ «О федеральном бюджете на 2016 год» были учтены снижение цен на нефть, ослабление российского рубля, действие санкций в отношении России и ответных санкций со стороны России, уменьшение ВВП, сокращение

² Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 25-ФЗ «О приостановлении действия отдельных положений Бюджетного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.base.garant.ru/70885168/#ixzz4VxSpXjIQ> (дата обращения: 15.01.2017).

³ Федеральный закон от 1 декабря 2014 г. № 384-ФЗ «О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.base.garant.ru/70810756/1/#text#ixzz4W6Wpl000> (дата обращения: 15.01.2017); Федеральный закон от 14 декабря 2015 г. № 359-ФЗ «О федеральном бюджете на 2016 год» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.base.garant.ru/71279990/1/#text#ixzz4W6Y12t24> (дата обращения: 15.01.2017).

инвестиционного спроса, снижение промышленного производства, рост уровня потребительских цен, сокращение реальной заработной платы и реальных доходов населения, снижение оборота розничной торговли и объема платных услуг, уменьшение стоимостного объема внешней торговли — как по экспорту, так и по импорту.

Таким образом, несмотря на то, что уникальность сложившейся ситуации порождала особые требования к условиям и процедурам формирования и исполнения федерального бюджета, главный финансовый документ страны был направлен на реализацию заявленных в Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года приоритетов⁴. Например, в **подготовленном Министерством финансов Российской Федерации к заседанию Расширенной коллегии Министерства и рассмотренном 20 апреля 2016 г. объемном и содержательном** Итоговом докладе «Об основных направлениях деятельности Министерства финансов Российской Федерации в 2015 году и задачах органов финансовой системы Российской Федерации на 2016 год» отмечено: «В рамках оптимизации расходов федерального бюджета по направлению «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность» на основании предложений Минфина России в феврале 2015 года Президентом Российской Федерации В.В. Путиным принято решение о сокращении предельной штатной численности органов внутренних дел Российской Федерации. В июле 2015 года соответствующие изменения были внесены в Указ Президента Российской Федерации, численность органов внутренних дел сокращена на 110 тысяч единиц, что привело к снижению расходов на содержание ведомства в целом. При этом в истекшем году в России сохранилась положительная тенденция по уменьшению числа тяжких и особо тяжких преступлений, улучшилась их раскрываемость, что **свидетельствует о повышении эффективности использования бюджетных ассигнований** (так в тексте. — А.Г.) федерального бюджета» [1. Итоговый доклад, 2016, с. 99].

Инструментом обеспечения финансовой безопасности страны является также переформатирование бюджетного прогнозирования и планирования. Порядок разработки и утверждения, период действия, а также требования к составу и содержанию бюджетного прогноза Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования на долгосрочный период устанавливаются соответствен-

⁴ Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года (новая редакция) (утв. Правительством РФ 14 мая 2015 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.base.garant.ru /70309020/#text#ixzz4VxMRn2fs> (дата обращения: 15.01.2017).

но Правительством Российской Федерации, высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации, местной администрацией с соблюдением требований Бюджетного кодекса. Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 августа 2015 г. № 914 «О бюджетном прогнозе Российской Федерации на долгосрочный период» утверждены Правила разработки и утверждения бюджетного прогноза Российской Федерации на долгосрочный период⁵. Установлено, что бюджетный прогноз на долгосрочный период разрабатывается на 18-летний период каждые шесть лет. В 2015 г. бюджетный прогноз был разработан на период до 2030 г. И так как Правила определяют порядок, сроки и условия разработки и утверждения, требования к составу и содержанию бюджетного прогноза на долгосрочный период, распределение ответственности между министерствами по подготовке проекта бюджетного прогноза, они, несомненно, позволят обеспечить координацию долгосрочного прогнозирования параметров бюджетов бюджетной системы России, что в свою очередь будет способствовать принятию сбалансированных решений в процессе формирования федерального бюджета.

К концу 2016 года процесс подстройки российской экономики к изменившимся внешним условиям, основное бремя которого пришлось на 2015 год, в целом завершился. Благодаря накопленным в докризисные годы резервам, проведению ответственной денежно-кредитной и бюджетной политики, а также своевременной реализации пакета антикризисных мер удалось стабилизировать ситуацию на внутреннем финансовом рынке, укрепить доверие к банковской системе и национальной валюте, благополучно пройти пик выплат по внешним долговым обязательствам, стабилизировать инфляционные ожидания экономических агентов и в целом сформировать необходимые условия для оживления деловой активности и возобновления экономического роста.

С завершением адаптационного периода на первый план повестки государственной экономической политики выходит цель по обеспечению сбалансированного развития страны и расширению потенциала отечественной экономики в непростых условиях повышенной неопределенности относительно дальнейших изменений внешней конъюнктуры. Реализация этой цели потребует проведения экономической политики, обеспечивающей макроэкономическое равновесие,

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 31 августа 2015 г. № 914 «О бюджетном прогнозе Российской Федерации на долгосрочный период» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.base.garant.ru/71179722/#ixzz4W6eNZ5pq> (дата обращения: 15.01.2017).

характеризующееся низкой зависимостью от внешнеэкономической конъюнктуры, стабильностью и прогнозируемостью внутренних экономических показателей, в том числе устойчиво низкой инфляцией и низкими долгосрочными процентными ставками, а также стабильными налоговыми условиями.

На решение этих задач и будет нацелена бюджетная политика в ближайшие три года. Во второй половине 2016 года в рамках возвращения к трехлетнему бюджетному планированию произошло снижение уровня неопределенности относительно основных приоритетов, механизмов и принципов реализации бюджетной политики. Соответственно в Федеральном законе «О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов» нашла отражение адаптация федерального бюджета к изменившимся внешнеэкономическим условиям. Кроме того, в составе основных характеристик федерального бюджета на плановый период 2018 и 2019 годов не предусмотрены условно утверждаемые расходы (не распределенные в плановом периоде в соответствии с классификацией расходов бюджетов бюджетные ассигнования) в связи с приостановлением в 2016 году норм Бюджетного кодекса об их утверждении⁶. В доходах федерального бюджета учтено прогнозируемое поступление доходов от управления средствами Резервного фонда и Фонда национального благосостояния, поскольку норма о направлении этих доходов на пополнение указанных фондов приостановлена до 1 февраля 2020 года Федеральным законом от 2 июня 2016 г. №158-ФЗ «О приостановлении действия отдельных положений Бюджетного кодекса Российской Федерации и внесении и изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁷.

В целях минимизации кризисных явлений и действия санкций внесены изменения правового характера в управление бюджетно-финансовой сферой. **Так, в упомянутом выше** Итоговом докладе «Об основных направлениях деятельности Министерства финансов Российской Федерации в 2015 году и задачах органов финансовой системы Российской Федерации на 2016 год» Миссия Министерства определена сле-

⁶ Федеральный закон от 19.12.2016 № 415-ФЗ «О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.publication.pravo.gov.ru/Document/View...> (дата обращения: 15.01.2017).

⁷ Федеральный закон от 2 июня 2016 г. № 158-ФЗ «О приостановлении действия отдельных положений Бюджетного кодекса Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.base.garant.ru/71412120/#block_41#ixzz4W6m4xj00 (дата обращения: 15.01.2017).

дующим образом: «Способствовать развитию экономики, повышению качества занятости, справедливому распределению национального дохода, обеспечению финансовой стабильности и национальной безопасности через эффективное и бережное управление государственным финансами, развитие и повышение надежности финансовой системы Российской Федерации» [1. Итоговый доклад, 2016, с. 6].

В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 2004 г. № 329 «О Министерстве финансов Российской Федерации»⁸ и приказом Министерства финансов Российской Федерации от 11 мая 2016 г. № 153 «Об утверждении структуры Министерства финансов Российской Федерации»⁹ вместо Департамента долгосрочного стратегического планирования и Департамента бюджетной политики созданы Департамент бюджетной политики и стратегического планирования и Департамент правового регулирования бюджетных отношений.

Положение о Департаменте бюджетной политики и стратегического планирования утверждено приказом Министерства финансов от 9 июня 2016 г. № 195¹⁰. В части, касающейся бюджетной сферы, Департамент осуществляет, в частности, разработку основных направлений бюджетной политики на очередной финансовый год и плановый период, осуществляет разработку бюджетного прогноза Российской Федерации на долгосрочный период и обеспечивает внесение в него Правительством изменений, проводит анализ функционирования бюджетной системы Российской Федерации в целях приближения показателей качества управления бюджетной деятельностью к международным стандартам. Кроме того, именно на это структурное подразделение Министерства финансов возложены свод и обобщение данных, представляемых структурными подразделениями Министерства, и подготовка информационно-аналитических материалов о реализации Стратегии национальной

⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2004 г. № 329 «О Министерстве финансов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.base.garant.ru/12136348/#ixzz4W6onUQ77> (дата обращения: 15.01.2017).

⁹ Приказ Минфина России от 11 мая 2016 г. № 153 «Об утверждении структуры Министерства финансов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.base.garant.ru/71429672/#ixzz4W6p7ljtn> (дата обращения: 15.01.2017).

¹⁰ Приказ Минфина России от 9 июня 2016 г. № 195 «Об утверждении Положения о Департаменте бюджетной политики и стратегического планирования» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.base.garant.ru/71423846/#ixzz4W6sK32oT> (дата обращения: 15.01.2017).

безопасности Российской Федерации для формирования ежегодного доклада Президенту Российской Федерации о состоянии национальной безопасности Российской Федерации и мерах по ее укреплению¹¹.

Приказом Министерства финансов Российской Федерации от 29 июня 2016 г. № 229¹² утверждено Положение о Департаменте правового регулирования бюджетных отношений — структурном подразделении Министерства, обеспечивающим осуществление функций Министерства по выработке бюджетной политики и нормативно-правовому регулированию бюджетных правоотношений в рамках установленной Положением компетенции Департамента. Департамент осуществляет ключевые функции по обеспечению нормативно-правового регулирования вопросов исполнения бюджетов по расходам, законодательного регулирования бюджетных правоотношений (посредством совершенствования Бюджетного кодекса), нормативно-правового и методического обеспечения организации бюджетного процесса¹³.

В целях совершенствования государственного контроля и надзора в финансово-бюджетной сфере, оптимизации структуры федеральных органов исполнительной власти Указом Президента Российской Федерации от 2 февраля 2016 г. № 41 «О некоторых вопросах государственного контроля и надзора в финансово-бюджетной сфере» Федеральная служба финансово-бюджетного надзора была упразднена, а ее функции по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере были переданы Федеральному казначейству¹⁴.

Приказом Минфина России от 10 февраля 2016 г. № 47 были ликвидированы территориальные органы Федеральной службы финансово-бюджетного надзора¹⁵.

¹¹ Там же.

¹² Приказ Минфина России от 29 июня 2016 г. № 229 «Об утверждении Положения о Департаменте правового регулирования бюджетных отношений Министерства финансов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.base.garant.ru/71466270/#ixzz4W6tA0BG5> (дата обращения: 15.01.2017).

¹³ Приказ Минфина России от 29 июня 2016 г. № 229 «Об утверждении Положения о Департаменте правового регулирования бюджетных отношений Министерства финансов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.base.garant.ru/71466270/#ixzz4W6tA0BG5> (дата обращения: 15.01.2017).

¹⁴ Указ Президента Российской Федерации от 2 февраля 2016 г. № 41 «О некоторых вопросах государственного контроля и надзора в финансово-бюджетной сфере» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.base.garant.ru/71318466/#ixzz4W6vghq59> (дата обращения: 15.01.2017).

¹⁵ Приказ Минфина России от 10 февраля 2016 г. № 47 «О ликвидации территориальных органов Федеральной службы финансово-бюджетного надзора» [Элек-

В реорганизованном виде в настоящее время Федеральное казначейство является федеральным органом исполнительной власти (федеральной службой), осуществляющим в соответствии с законодательством Российской Федерации правоприменительные функции по обеспечению исполнения федерального бюджета, кассовому обслуживанию исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, предварительному и текущему контролю за ведением операций со средствами федерального бюджета главными распорядителями, распорядителями и получателями средств федерального бюджета, функции по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере, внешнему контролю качества работы аудиторских организаций, определенных Федеральным законом «Об аудиторской деятельности»¹⁶.

Федеральным законом от 30 ноября 2016 г. № 409-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» статья 217 Бюджетного кодекса дополнена пунктом 7.2, с соответствием с которым Министр финансов наделен правом вносить изменения в сводную бюджетную роспись федерального бюджета без внесения изменений в федеральный закон о федеральном бюджете в случае перераспределения бюджетных ассигнований в пределах 10 процентов от их объема (кроме ассигнований, предусмотренных на реализацию государственной программы вооружения). Такое перераспределение допускается только в пользу федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию в области обороны, в сфере внутренних дел, в сфере деятельности войск национальной гвардии, в сфере государственной охраны, в области разведывательной деятельности, функции по обеспечению исполнения Президентом Российской Федерации полномочий в сфере мобилизационной подготовки и мобилизации в Российской Федерации, специальные функции в сфере обеспечения федеральной фельдъегерской связи, а также государственное управление в области обеспечения безопасности страны (при этом не допускается увеличение ассигнований на оплату труда и уменьшение ассигнований на исполнение публичных

электронный ресурс]. URL: <http://www.base.garant.ru/71399334/#ixzz4W6x3grXX> (дата обращения: 15.01.2017).

¹⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. №703 «О Федеральном казначействе» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.base.garant.ru/12137879/#ixzz4W8hY3cZk> (дата обращения: 15.01.2017).

нормативных обязательств для увеличения иных бюджетных ассигнований)¹⁷.

Согласно дополнительно включенного в эту же статью пункта 7.3 Министерство финансов представляет такие предложения и их обоснования в Комиссию Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по рассмотрению расходов федерального бюджета, направленных на обеспечение национальной обороны, национальной безопасности и правоохранительной деятельности с соблюдением требований, установленных в соответствии с Законом Российской Федерации «О государственной тайне». Комиссия в срок не позднее одного рабочего дня со дня поступления таких предложений принимает решение о согласии или несогласии на внесение изменений, которое направляется в Министерство финансов и Счетную палату Российской Федерации. В случае же, если Комиссия не приняла решение о внесенных на ее рассмотрение предложениях в указанный срок, Министерство финансов вправе принять решение о внесении соответствующих изменений¹⁸.

В соответствии же с также дополнительно включенным в Бюджетный кодекс пунктом Министерство финансов направляет в Государственную Думу и Совет Федерации, Счетную палату информацию о внесении таких изменений в течение трех рабочих дней со дня их внесения¹⁹.

Кроме того, вышеназванным федеральным законом установлено, что образовавшиеся в связи с неполным использованием бюджетных ассигнований в ходе исполнения федерального бюджета в 2016 году остатки средств федерального бюджета на 1 января 2017 года, за исключением остатков средств федерального бюджета на начало текущего финансового года в объеме дополнительных нефтегазовых доходов федерального бюджета отчетного года используются в текущем финансовом году на формирование Резервного фонда и Фонда национально-

¹⁷ Федеральный закон от 30 ноября 2016 г. № 409-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.base.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71451622/#ixzz4W8jMMLnW> (дата обращения: 15.01.2017).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Федеральный закон от 30 ноября 2016 г. № 409-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.base.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71451622/#ixzz4W8jMMLnW> (дата обращения: 15.01.2017).

го благосостояния при достижении нормативной величины Резервного фонда (в соответствии со статьей 96.12 Бюджетного кодекса), в объеме неполного использования бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда Российской Федерации, Федерального дорожного фонда отчетного финансового года направляются соответственно на реализацию в текущем финансовом году проектов за счет средств Инвестиционного фонда Российской Федерации, на увеличение в текущем финансовом году объемов бюджетных ассигнований Федерального дорожного фонда, в объеме не более одной двенадцатой общего объема расходов федерального бюджета текущего финансового года направляются на покрытие временных кассовых разрывов, возникающих в ходе исполнения федерального бюджета в текущем финансовом году, в объеме, не превышающем сумму остатка неиспользованных бюджетных ассигнований на оплату заключенных от имени Российской Федерации государственных контрактов на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг, подлежащих в соответствии с условиями этих государственных контрактов оплате в отчетном финансовом году, в случае принятия Правительством Российской Федерации соответствующего решения направляются на увеличение соответствующих бюджетных ассигнований на указанные цели (в соответствии с пунктом 4 статьи 94 Бюджетного кодекса), направляются в 2017 году на увеличение в первую очередь сверх объемов, установленных Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов», бюджетных ассигнований на реализацию решений Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации по обеспечению отдельных мероприятий в сфере общегосударственных вопросов, национальной обороны, национальной безопасности и правоохранительной деятельности, исследования и использования космического пространства, развития оборонно-промышленного комплекса (в объеме, не превышающем сумму нераспределенного остатка бюджетных ассигнований, зарезервированных на указанные цели в 2016 году)²⁰.

Применение вышеназванных норм позволит в 2017–2018 годах обеспечить концентрацию бюджетных ресурсов на наиболее значимых направлениях в сфере национальной обороны, безопасности государства и правоохранительной деятельности в условиях существующих

²⁰ Федеральный закон от 30 ноября 2016 г. № 409-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.base.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71451622/#ixzz4W8jMMLnw> (дата обращения: 15.01.2017).

бюджетных ограничений, обеспечив при этом необходимый уровень национальной безопасности и развития Вооруженных Сил Российской Федерации и правоохранительных органов, а также будет способствовать улучшению качества бюджетного планирования.

Результаты исследования. От себя заметим: изложенное в настоящей статье позволяет утверждать, что своевременно принятые всеми участниками бюджетного процесса меры по коррекции его правового регулирования явились важнейшей составной частью совместных усилий, действительно позволивших удержать ситуацию под контролем, о чем свидетельствует наметившийся к началу января 2017 года позитивный тренд в отечественной бюджетно-финансовой сфере.

Нельзя не согласиться в этой связи с оценкой, что «в результате осуществленной правовой, административной, судебной и других реформ в России появилась новая по качеству система государственного управления, имеющая громадный потенциал для совершенствования с позиций устойчивого развития» [5. Мاستушкин, 2009, с. 45]. На сегодняшний день можно утверждать, что эта система достойно выдержала проверку кризисом, санкциями, давлением различного рода, что, как подтверждают результаты нашего исследования, нашло зримое отражение в сегменте правового регулирования государственного управления в бюджетной сфере.

Анализ результатов. Несмотря на то, что процесс подстройки российской экономики к изменившимся внешним условиям, основное бремя которого пришлось на 2015 год, в целом завершился и благодаря накопленным в докризисные годы резервам, проведению ответственной денежно-кредитной и бюджетной политики, а также своевременной реализации пакета антикризисных мер удалось в целом сформировать необходимые условия для оживления деловой активности и возобновления экономического роста, в ситуации повышенной неопределенности макроэкономических условий бюджетная политика должна сохранять готовность к адаптации, поддерживать надежность инструментов управления рисками, обеспечивать гарантии устойчивости к новым внешним шокам и вызовам национальной безопасности. Следовательно, значимость «бюджетных правил» для поддержания устойчивости федерального бюджета будет сохраняться в среднесрочной перспективе.

Заключение

В 2014–2016 гг. существенно усилилось политическое, экономическое, военное и информационное давление на Россию со стороны ведущих западных государств в целях противодействия проводимой нашей страной самостоятельной внешней и внутренней политики, что

является очевидной угрозой национальной безопасности. Как следствие, заметно обострились в этот период кризисные проявления в отечественной экономике.

Одним из действенных средств обеспечения безопасности в экономической сфере справедливо считается актуализация правового регулирования государственного управления бюджетной сферой как важного направления улучшения качества государственного управления в целом. Сформировавшиеся в стране и в мире реалии побудили субъектов бюджетного планирования инициировать внесение как соответствующих изменений в бюджетное законодательство и в профильные нормативные правовые акты, так и принять новые документы, регламентирующие в новой обстановке действие конкретных звеньев бюджетного механизма.

Изложенное в настоящей статье позволяет утверждать, что своевременно принятые меры по коррекции правового регулирования в подвергшемся нашему анализу сегменте явились значимой составной частью совместных усилий государственных органов, реально позволивших удержать ситуацию под контролем, подтверждением чему стал обозначившийся к началу 2017 года определенный позитивный тренд в российской экономике.

Использование новелл правового регулирования бюджетной сферы позволит в том числе обеспечивать в условиях существующих бюджетных ограничений оперативное перераспределение бюджетных ресурсов в целях поддержания в условиях новых вызовов должного уровня национальной безопасности российского государства.

Литература

1. Итоговый доклад «Об основных направлениях деятельности Министерства финансов Российской Федерации в 2015 году и задачах органов финансовой системы Российской Федерации на 2016 год». Расширенная коллегия Министерства финансов Российской Федерации. 2016 год. 160 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.minfin.ru> (дата обращения: 15.01.2017).
2. Гуринович А. Г. Таможенная политика США: правовые аспекты, вопросы организационного и кадрового обеспечения. М.: РИО РТА, 1994. 174 с.
3. Гуринович А. Г. О некоторых особенностях правового регулирования бюджетного процесса в Российской Федерации в текущий период / А. Г. Гуринович, Т. Л. Комарова // Юридическая мысль. 2016. № 2. С. 94–101.
4. Гуринович А. Г. Правовое обеспечение формирования рыночной экономики в России: нерешенные проблемы / А. Г. Гуринович, С. П. Удовенко // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1994. Серия 5. Экономика. Выпуск 3. С. 42–46.

5. Мاستушкин М.Ю. Императив устойчивого развития в государственном управлении // Право и управление. XXI век. 2009. № 2. С. 38–46.

IMPROVEMENT OF LEGAL REGULATION PUBLIC ADMINISTRATION IN BUDGET THE FIELD AS A MEANS OF RESPONDING TO NEW CHALLENGES TO NATIONAL SECURITY

A. G. Gurinovich

Abstract. *The article considers the issues of improvement of legal regulation of public administration in the public sector in the last three years related to the need for a response including legal means new challenges of national security as it significantly increased the political, economic, military and informational pressure on defending its national interests, Russia from several foreign countries and the development of a number of crisis trends in the internal development of our country. Informed anyone as a subject of special analysis in a concrete setting the theme data issues in scientific publications were not considered. The article analyzes the current changes in the budget law considers the most important legal aspects adjusted to reflect modern realities about the formation of the draft Federal budget submitted detailed results of a fairly detailed analysis made in the Budget code of the Russian Federation new rules of execution of certain provisions enacted by the end of 2016 of the Federal law on the Federal budget in terms of priorities in ensuring security of the state in terms of redistribution of the additional budget. In the framework of the study the article and selected the most revealing of the provisions adopted during the period under review normative legal acts, regulating the activities of Federal Executive authorities that play a key role in the development, legal regulation and implementation of fiscal policy. In General, however, the work highlighted important aspects of the problem that are most essential to objective and positive assessment made by the state of measures to establish an effective mechanism of fighting emerged during the past three years, the challenges to the national security of the Russian Federation and, accordingly, motivate entities standard-setting activities for continued research and further practical use of effective options neutralize and minimize this type of threat methods of legal regulation.*

Key words: *budgetary legislation, Federal law, the Federal budget, legal regulation, public administration, national security.*

References

1. Itgovyi doklad, (2016). Ob osnovnykh napravleniyakh deyatel'nosti Ministerstva finansov Rossiiskoi Federatsii v 2015 godu i zadachakh organov finansovoi sistemy Rossiiskoi Federatsii na 2016 god. Rasshirennaya kollegiya Ministerstva

- finansov Rossiiskoi Federatsii. [Final report «About the main directions of activities of the Ministry of Finance of the Russian Federation in 2015 and the tasks of bodies of the financial system of the Russian Federation for 2016». The expanded Board of the Ministry of Finance of the Russian Federation]. [Electronic resource. URL: <http://www.minfin.ru>]. Retrieved 15 January, 2016 from <http://www.minfin.ru>.
2. Gurinovich, A.G. (1994). Tamozhennaya politika SShA: pravovye aspekty, voprosy organizatsionnogo i kadrovogo obespecheniya [Customs policy of the United States: legal aspects, organizational issues and staffing]. Moskva: RIO RTA.
 3. Gurinovich, A.G., Komarova, T.L. (2016). O nekotorykh osobennostyakh pravovogo regulirovaniya byudzhetnogo protsessa v Rossiiskoi Federatsii v tekushchii period [About some features of legal regulation of budgetary process in the Russian Federation in the current period]. *Yuridicheskaya mysl' [Legal thought]*, 2, 94–101.
 4. Gurinovich, A.G., Udovenko, S.P. (1994). Pravovoe obespechenie formirovaniya rynochnoi ekonomiki v Rossii: nereshennyye problem [Legal support of formation of market economy in Russia: outstanding issues]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 5. Ekonomika [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 5. Economy]*, 3, 42–46.
 5. Mastushkin, M.Yu. (2009). Imperativ ustoichivogo razvitiya v gosudarstvennom [The Imperative of sustainable development in public administration]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Law and management. Twenty-first century]*, 2, 38–46.

Информация об авторе

Гуринович Александр Георгиевич

доктор юридических наук,
профессор, профессор кафедры государственного управления
и права МГИМО МИД России, Российская Федерация
E-mail: gurinovich.ag@yandex.ru

Gurinovich Alexander Georgievich

doctor of law Sciences,
Professor, Professor of chair of public administration
and law, MGIMO University, Russian Federation
E-mail: gurinovich.ag@yandex.ru

ЕВРАЗИЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ АПК КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В. И. ДОБРОСОЦКИЙ

***Аннотация.** В данной статье рассмотрены проблемы продовольственной безопасности стран Евразийского экономического союза и их взаимосвязь с системой эффективного государственного управления в сфере реализации продовольственной политики. Рассмотрена роль Продовольственной сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) в системе оказания продовольственной помощи. Проанализированы рейтинги стран, входящих в Европейский союз и Евразийский экономический союз, исходя из их индексов продовольственной безопасности. Предложены новые подходы к формированию Концепции продовольственной безопасности стран Евразийского экономического союза, а также разработаны механизмы и инструментарии государственного регулирования продовольственного рынка Евразийского экономического союза.*

***Ключевые слова:** Всемирная продовольственная программа, государственное управление, национальная безопасность, Концепция продовольственной безопасности стран Евразийского экономического союза, продовольственная безопасность, человеческий капитал.*

Введение. Проблемы продовольственной безопасности в настоящее время волнуют все страны мира, так как доступ к продовольствию является самым чувствительным фактором социального самочувствия населения, а как следствие влияет не только на внутриполитическую обстановку в отдельно взятых странах, но и на геополитический мировой климат. В условиях глобализации мы наблюдаем дефицит продовольственных ресурсов, превышение спроса над предложением на продукты питания, рост цен на важнейшие виды продовольствия с одной стороны и политизацию коммерческих сделок, укрепление мировых систем социальной защиты населения с другой стороны.

Решение этой проблемы стоит в приоритетах ООН, которая утвердила в 2015 году Цели в области устойчивого развития до 2030 года, направленные на ликвидацию нищеты, поддержание экологии и ресурсов планеты, обеспечение достойного уровня жизни населения всего мира. К данным целям относятся:

1. Ликвидация нищеты;
2. Ликвидация голода;
3. Хорошее здоровье и благополучие;
4. Качественное образование;
5. Гендерное равенство;
6. Чистая вода и санитария;
7. Недорогостоящая и чистая энергия;
8. Достойная работа и экономический рост;
9. Индустриализация, инновации инфраструктура;
10. Уменьшение неравенства;
11. Устойчивые города и населенные пункты;
12. Ответственное потребление и производство;
13. Борьба с изменением климата;
14. Сохранение морских систем;
15. Сохранение экосистем суши;
16. Мир, правосудие, эффективные институты;
17. Партнёрство в интересах устойчивого развития.

Утвержденные 17 целей имеют индикативные показатели, которые должны быть достигнуты до 2030 года. Совершенно оправданна установка ООН о консолидации усилий Правительства, бизнеса, гражданского общества и всего социума планеты для достижения целей устойчивого развития. Если предыдущие цели ООН — Цели развития тысячелетия, действующие с 2000 по 2015 годы, были направлены на решение в большей степени на решение социальных задач в развивающихся странах, то новые Цели устойчивого развития охватывают все страны мира и имеют комплексный контур, включающий в себя экономическое процветание, социальную интеграцию и защиту окружающей среды. Это подтверждает и сложный переговорный процесс с участием 193 государств — членов ООН, представителей гражданского общества, национальных сетей глобального договора, результатами которого стало принятие Целей устойчивого развития. В настоящее время 17 Целей устойчивого развития после проработки экспертов имеют 169 целевых показателей, выполнение которых основывается на государственно-частном партнерстве и идее корпоративной социальной ответственности.

Одной из главных проблем экономической устойчивости мировой системы является неэффективное государственное управление, неэффективный подбор инструментариев государственного регулирования, в том числе и в решении проблемы продовольственной безопасности. Неслучайно первые три Цели в области устойчивого развития: ликвидация нищеты, ликвидация голода и хорошее здоровье и благополучие совпадают с проблемой продовольственной безопасности.

В этой связи, в современном мире проблемы продовольственной безопасности модернизируются из традиционных задач национальной безопасности каждого государства в отдельности в систему глобального межгосударственного партнерства, которое направлено на обеспечение удовлетворения ускоренного роста спроса на продукты питания в странах Юго-Восточной Азии и предотвращение масштабирования голода в мире. Глобализация современного мироустройства только обостряет процессы конкуренции на продовольственном рынке и требует от всех государственных институтов внедрения новых форм государственного управления, способных адекватно реагировать на новые глобальные угрозы, включая голод и мировую миграцию.

Следует особо отметить, что продовольственная безопасность в современном мире рассматривается не только в контексте обеспечения населения продуктами питания, но и в контексте гуманитарной сферы — борьбы с бедностью. На наш взгляд, борьба с голодом в мире является сдерживающим фактором иммиграционной интервенции, которая несет угрозу национальной безопасности многих стран мира, когда переселение бедных людей в богатые страны полностью меняет, не только социально-экономический ландшафт этих стран, но и расшатывает политическую основу функционирования этих государств. Этот фактор предопределяет необходимость ускоренного решения вопросов борьбы с бедностью как единственного инструмента локализации глобальной иммиграционной болезни.

Мировые регуляторы в настоящее время пытаются устанавливать гармоничные глобальные и адекватные процессам «правила игры» для всего мирового сообщества для решения проблемы борьбы с голодом и поддержания продовольственной безопасности.

Главные задачи обеспечения глобальной продовольственной безопасности возложены на мировые координационные институты — Продовольственную сельскохозяйственную организацию ООН (ФАО) и Международный валютный фонд. ФАО оказывает продовольственную помощь в 75 странах мира и призвано решить проблему дефицита продуктов питания и ее лозунг «за мир без голода» определяет ее значение

в системе глобального мирового экономического регулирования продовольственной сферы. В настоящее время офисы ФАО расположены более чем в 130 странах мира и это демонстрирует формирующуюся глобальную систему управления в продовольственной сфере, которая координирует множество международных структур и является инструментом реализации глобальной международной продовольственной политики. Кроме традиционных своих функций ФАО модернизирует свою деятельность в сторону распространения инноваций, включая интервенцию самой новейшей информации, опыта и лучшей практики в области развития продовольственного рынка мира.

ФАО расширяет свои горизонты влияния в соответствии с новыми проблемами, возникающими на международной арене, и берет на себя функции исследования, контроля и освоения природных ресурсов, разрабатывает новые подходы к развитию животноводства, растениеводства, лесного хозяйства и рыболовства, включая и вопросы обеспечения продовольственной безопасности при условии соблюдения международных продовольственных стандартов. В этих целях используется не только традиционные информационные источники, но и оперативные спутниковые технологии, которые позволяют ФАО создать систему быстрого реагирования и контроля над изменяющейся продовольственной картиной мирового рынка.

В настоящее время Продовольственная сельскохозяйственная организация ООН формулирует амбициозные цели распространения и достижения «зеленой революции», способствующие кратному увеличению урожайности основных продовольственных культур в развивающихся странах. Важным направлением деятельности ФАО является внедрение современных эффективных технологий устойчивого аграрного развития во взаимосвязях с гармоничным развитием сельской местности.

Несмотря на многоплановость деятельности ФАО, основной ее целью остается снижение уровня нищеты и голода, а как следствие — детской смертности, социализация всего общества, его здоровье, борьба с различными заболеваниями, сохранение окружающей среды, развитие мирового партнёрства и сотрудничества в этих областях.

Долгосрочный проект борьбы с голодом осуществляется ФАО в рамках программы «World food program» [<https://ru.wfp.org/>]. Реализация данной программы имеет важное значение не только для стран, испытывающих недостаток в продовольствии, но и для стран — экспортеров продовольственных товаров, которые в условиях обостряющейся мировой конкуренции в сфере международной торговли используют

новые возможности для экспорта продукции в развивающиеся страны в рамках этой Программы. Согласно прогнозам ООН, население земного шара к 2050 году возрастет до 9,7 млрд человек, что увеличит количество недоедающих и голодающих в мире на сотни миллионов человек. Наиболее высокие темпы роста населения прогнозируются в странах Африки, где население удвоится к 2050 году. Всемирная продовольственная программа ФАО призвана локализовать голод среди 800 млн человек или каждого 9-го жителя нашей планеты [<http://www.interfax.ru/world/459701>]. ЕАЭС имеет также цель борьбу с голодом, которая будет отражена в Концепции продовольственной безопасности.

Глобальные вызовы, влияющие на обеспечение устойчивого развития, диктуют необходимость поиска новых парадигм не только со стороны ФАО и мировых институтов управления, но и на уровне государственных и межгосударственных объединений. Данные объединения возникают с целью увеличения роли государства в обеспечении продовольственной политики и продовольственной безопасности стран — союзников. Воздействие на ситуацию на глобальном межправительственном уровне обеспечивает рост мобильности капитала и конкуренцию трудовых ресурсов, как внутри стран — союзников, так и между ними, используя последние достижения научно-технической революции и управление на мировом продовольственном рынке для решения продовольственных проблем.

Первым эффективным объединением по поддержанию продовольственной безопасности можно назвать практику Европейского союза. Лидерами рейтинга здесь выступают: Ирландия, Австрия, Нидерланды, Швейцария, Германия, Франция (см. табл. 1), а в мире лидерами выступают США, Сингапур, Канада. Шкала имеет максимальный показатель 100 — полная безопасность. Россия занимает 43 место с коэффициентом 63,8, что является средним показателем уровня продовольственной безопасности. Индекс разработан компанией Economist Intelligence Unit при финансовой поддержке компании Du Pont, который составляется с 2012 [<http://gtmarket.ru/ratings/global-food-security-index/info>]. В странах, входящих в ЕС Продовольственная безопасность, по сути, является основной причиной возникновения Единой аграрной политики (ЕАП), которая направлена на преодоление проблем внутреннего обеспечения, но и решение глобальной продовольственной безопасности, в основном концентрируя внимание на потенциал самостоятельного продовольственного обеспечения развивающихся стран. Государства — члены Европейского Союза активно участвуют во Всемирной продовольственной программе.

Таблица 1

Рейтинг стран Европейского союза по уровню продовольственной безопасности

Рейтинг	Страна	Индекс
1	Ирландия	85.4
2	Австрия	85.1
3	Нидерланды	85.0
4	Швейцария	84.4
5	Германия	83.9
6	Франция	83.8
6	Норвегия	83.8
7	Швеция	82.9
8	Дания	82.6
9	Великобритания	81.6
10	Португалия	80.5
11	Финляндия	79.9
12	Бельгия	79.5
13	Испания	78.9
14	Италия	77.0
15	Чехия	74.9
16	Польша	74.2
17	Греция	73.5
18	Венгрия	71.4
19	Словакия	70.7
20	Румыния	63.3

Источник: Индекс продовольственной безопасности стран мира / The Global Food Security Index.

Россия также принимает участие во Всемирной продовольственной программе с одной стороны и формирует принципиально новую стратегию региональной коллективной продовольственной безопасности в рамках Евразийского экономического союза с другой. Интеграция государств, входящих в Евразийский экономический союз в области АПК нацелена на увеличение объёмов производства сельскохозяйственной

продукции и продовольствия для обеспечения потребностей населения стран государств — участников Евразийского экономического союза, а также на создание системы устойчивого экспорта продовольствия в третьи страны. Данная политика дает возможность формировать экспортную специализацию для каждой страны, входящей в Евразийский экономический союз. [<http://www.evrazes.com/about/structure>].

В тренде глобальных объединительных процессов в настоящее время формируется институциональная структура агропромышленного сегмента Евразийского экономического союза, которая призвана обеспечить продовольственную безопасность стран, входящих в Евразийский экономический союз и увеличить их экспортный потенциал.

Предполагается в рамках Евразийского экономического союза: создание общего финансового стабилизационного Фонда, единых маркетинговых интеграторов, единой товаропроводящей системы, аграрной и товарной биржи, страховых и финансовых институтов.

Особое место в реализации стратегии продовольственной безопасности Евразийского экономического союза имеет подготовка и утверждение Концепции продовольственной безопасности Евразийского экономического союза, которая базируется на положениях Договора о Таможенном союзе и едином экономическом пространстве от 26.02.1999, Договора об утверждении единого экономического сообщества от 10.10.2000 и Договора о создании единой таможенной территории и формирования Таможенного союза от 06.10.2007.

Страны, входящие в состав Евразийского экономического союза асимметричны по своей политической, экономической и социальной природе. Отличается у них и структура производства и потребления продовольствия, научно — технический уровень развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов, уровень доходов населения, потребление продуктов жизнедеятельности, природно — климатические условия. Все эти факторы влияют на место государств Евразийского экономического союза в рейтинге по уровню продовольственной безопасности (см. табл. 2) [<http://gtmarket.ru/ratings/global-food-security-index/info>].

При этом повышение качества жизни населения государств общества является главной целью их социально — экономического развития и обеспечения продовольственной безопасности. По своей политической и экономической природе продовольственная безопасность представляет собой фактор, напрямую влияющий на сохранение странами общества не только жизнеобеспечения и реализации демографической политики, улучшение здоровья нации, ее физического

Таблица 2

Рейтинг стран Евразийского экономического союза по уровню продовольственной безопасности *

Рейтинг	Страна	Индекс
1	Россия	63.8
2	Беларусь	63.5
3	Казахстан	56.8

*Киргизия и Армения в данный рейтинг не вошли.

Источник: Индекс продовольственной безопасности стран мира / The Global Food Security Index.

выживания, но и сохранения самой государственности и суверенитета государств.

Глобальные изменения в мире обостряют межстрановую конкуренцию за трудовые ресурсы, способные формировать новую инновационную экономику. Качественный человеческий капитал имеет большой спрос на едином международном рынке труда и перемещается в те страны, которые не только обеспечивают свою продовольственную независимость, но и гарантируют высокое качество и комфорт жизни. Исходя из этих новых реалий, продовольственная безопасность надеется в условиях глобализации более сложной социально — экономической философией, которая базируется на формировании социально — экономической и политической среды, способной конкурировать на едином мировом пространстве и привлекать инновационные трудовые ресурсы для проживания и работы в этих странах.

В этой связи, нам представляется крайне важным в проекте Концепции продовольственной безопасности Евразийского экономического союза предусмотреть отдельный раздел, который раскроет подходы к формированию инструментария эффективной, «агрессивной» стратегии формирования инновационного рынка труда на всем Евразийском экономическом пространстве. Расширение цели продовольственной безопасности в условиях глобализации диктует необходимость формулирования, как традиционных задач обеспечения продовольственной безопасности, так и нетрадиционных.

К первой группе задач можно отнести:

1. Обеспечение безопасности и качества пищевых продуктов;
2. Развитие внутреннего аграрного производства основных видов продовольствия, обеспечивавших продовольственную независимость Евразийского экономического союза;

3. Предотвращение внешних и внутренних угроз продовольственной безопасности, в том числе при стихийных бедствиях и чрезвычайных ситуациях, путем формирования стратегических запасов основных групп продовольствия;
4. Достижение и поддержание физической и экономической доступности продовольствия для граждан государства — членов Евразийского экономического союза в ассортименте и объеме соответствующим утверждённым национальным нормам потребления основных пищевых продуктов для активного здорового образа жизни.

Ко второй группе задач относятся:

1. Формирование комфорта и качества жизни на территории Евразийского экономического союза, соответствующие самым высоким мировым стандартам, способного формировать конкурентоспособный единый евразийский рынок инновационных трудовых ресурсов;
 2. Экспорториентированность агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов всех стран Евразийского экономического союза, как локомотив развития конкурентоспособной экономики и получения дополнительных доходов стран сообщества, обеспечивающих высокое качество жизни населения;
 3. Создание товаропроводящей и финансовой инфраструктуры агропромышленного рынка, способной на основе дотации и поддержки со стороны государств Евразийского экономического союза осуществить экспансию продовольствия в другие страны в условиях глобальной межстрановой конкуренции;
 4. Формирование на основе интеграции государств — участников Евразийского экономического союза современного конкурентоспособного кластера производителей сельскохозяйственной техники, способного обеспечивать не только внутренние потребности Евразийского экономического союза, но и осуществлять ее экспорт в другие страны.
 5. Стоит отметить, что на сегодняшний день по отдельным видам сельскохозяйственной техники от 50 до 70 процентов парка Евразийского экономического союза превысил нормативный срок эксплуатации;
 6. Проведение ревизии высокомаржинальных отраслей аграрного бизнеса, которые в настоящее время попадают под контроль иностранных компаний, и выработать комплекс стимулирующих мер для формирования национальных сегментов этих отраслей с обязательным участием государства и евразийского капитала.
- Решение вышеуказанных задач позволит не только обеспечить про-

довольственную безопасность, но и качественно улучшить ситуацию с пополнением бюджета и значительно снизить отток инвестиционного капитала за рубеж.

В соответствии с рекомендациями Продовольственной сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) предполагается, что для поддержания продовольственной безопасности, импорт продовольствия не должен превышать 16 процентов от совокупного потребления, при этом эта норма не обязательная и каждая из стран имеет возможность формировать свои национальные пороги импорта.

На евразийском пространстве политика поддержания пороговых значений продовольственной безопасности достаточно асимметрична не только в части различия стран по уровню импорта продовольствия, но и в части различия потребления продовольствия между крупными городскими агломерациями, малыми городами и сельскохозяйственными районами. Так от 50 до 79 процентов импорта продовольствия приходится на крупные промышленные и рудохозяйственных комплексов Евразийского экономического союза удовлетворить растущие запросы в продуктах питания именно городского населения государств сообщества. Сегмент жителей крупных городов является наиболее миграционно — активным и мировая борьба за трудовые ресурсы затрагивает в большей мере именно эту часть населения стран Евразийского экономического союза. В этой связи, нам представляется важным в рамках Концепции продовольственной безопасности выделить отдельный раздел, посвященный продовольственной безопасности жителей крупных городов.

Важнейшим фактором качества жизни и комфорта проживания населения в промышленных центрах и мегаполисах является не только качество продовольствия, но его доступность для населения. На сегодняшний день постоянное повышение цен на продукты питания из-за внешней конъюнктуры и курса рубля по отношению к основным валютам сформировало расходы на питание среди населения стран Евразийского экономического союза на уровне от 31 до 59 процентов от всех расходов населения на оплату товаров народного потребления и услуг. При этом сохраняется опасная тенденция опережающего роста цен на продовольствие по сравнению с другими группами товаров, практически все страны сообщества имеют отрицательное сальдо взаимной торговли продовольственными товарами и сырьем, за исключением Республики Беларусь.

Результаты исследования. Для обеспечения показателей продовольственной независимости государств — членов Евразийского

экономического союза на уровне 80 процентов годовой потребности населения необходима разработка комплекса управленческих мер и принятие соответствующих нормативно-правовых актов, способных создать целостную систему управления обеспечением продовольственной безопасности в условиях глобальной конкуренции. К ним можно отнести:

1. Создание конъюнктурного центра мониторинга состояния уровня продовольственной безопасности для анализа и прогнозирования продовольственной ситуации на Евразийском пространстве;
2. Формирование единой товаропроводящей системы Евразийского сообщества, обеспечивающей минимальные логистические издержки;
3. Утверждение единых нормативов эпизооциологической, ветеринарной и фитосанитарной безопасности;
4. Создание Фонда развития пищевой промышленности, способствующего модернизации предприятий по производству оборудования для пищевой промышленности на территории ЕАЭС;
5. Создание Единого экспортного бюро продовольствия с использованием знака качества Евразийского экономического союза, гарантирующего высокие мировые стандарты на продукты питания, произведенные на территории Евразийского экономического союза.

По мнению А. Г. Папцов, Т. Г. Бондаренко, В. И. Тарасова к таким нормативно-правовым актам можно отнести разработку единых Евразийских продовольственных балансов. [А. Г. Папцов, Т. Г. Бондаренко, В. И. Тарасов «Импортозамещение в системе мер обеспечения продовольственной безопасности ЕАЭС: направления и перспективы. Импортозамещение в АПК России: проблемы и перспективы: монография. — М.: ФГБНУ «Всероссийский НИИ экономики сельского хозяйства» (ФГБНУ ВНИИЭСХ), 2015—447 с. Москва-2015, страницы 422–432].

Глобализация диктует философию быстрых изменений продовольственной политики ЕАЭС, адекватных вызовам мировой экономики. Чтобы соответствовать скорости этих изменений Евразийскому экономическому союзу представляется важным разрабатывать:

1. Среднесрочные программы развития основных продовольственных рынков — зерна, мяса, молока, рыбы, растительного масла, плодовоовощной продукции;
2. Среднесрочные программы импортозамещения для крупных промышленных центров и мегаполисов;
3. Программы модернизации отрасли производства сельскохозяйственной техники;
4. Программы модернизации рыболовного флота;

5. Программы модернизации отрасли производства оборудования для пищевой промышленности;
6. Инструменты регулирования цен на основные продукты питания на основе балансов производства, распределения, хранения, потребления продовольствия, а также путем использования инструментов товарно — закупочных интервенций;
7. Государственные программы по финансовой поддержке внедрения новых технологий во все сферы агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов государств — членов Евразийского экономического союза с использованием специализированных инвестиционных Фондов, предоставлявших участникам рынка серьезные финансовые преференции, подобно Фонду развития промышленности, созданному в Российской Федерации;
8. Инструментарии поддержания высокого уровня доходности предприятий агропромышленного и рыбохозяйственного сектора, обеспечения импортозамещения и экспорт аграрной продукции.

Глобальный мир диктует конкуренцию не только межстрановую, но и экономических альянсов. Несмотря на скромные показатели продовольственной безопасности стран Евразийского экономического союза в мировом рейтинге, данное объединение имеет большой потенциал.

Говоря о продовольственной безопасности Евразийского экономического союза, следует отметить, что ряд товарных групп, таких как картофель, растительное масло, сахар и зерно полностью удовлетворяют потребности населения стран входящих в ЕАЭС и имеют большой экспортный потенциал. Важнейшим направлением работы ЕАЭС является активизация инвестиционной деятельности в отраслях АПК. За 2014–2020 годы только в России инвестиции в АПК должны увеличиться на 37 %, что позволит осуществить импортозамещение по основным товарным группам и достигнуть пороговых значений продовольственной независимости России определенных Доктриной продовольственной безопасности.

Совершенно очевидно, что приведенные в статье рейтинги не в полной мере объективно отражают реальную ситуацию на мировом продовольственном рынке, так как наравне с прагматичными технологическими и экономическими показателями основываются на абстрактных экспертных политических оценках. Тем не менее, используя данный мировой рейтинг, мы имеем возможность критично подойти к действующей системе управления продовольственной безопасностью, как в Евразийском экономическом союзе, так и в каждой стране, входящей в это объединение.

Анализ результатов. Именно поэтому, нам видится крайне актуальным отразить в Концепции продовольственной безопасности Евразийского экономического союза более широкое понимание продовольственной безопасности и эффективной системы управления продовольственного рынка сообщества. Такой подход позволит отразить в Концепции как управленческие новации, создание которых необходимо на современном этапе, так и новые инструменты государственного регулирования продовольственного рынка Евразийского экономического союза, способные эффективно решать цели и задачи по достижению заданных Концепцией параметров продовольственной безопасности.

Заключение. Настоящая статья не имеет своей целью раскрыть все детали формирования Концепции продовольственной безопасности Евразийского экономического союза. Концепция как система взглядов в большой степени формирует идеологию и направление движения глобальной экономики и межстрановой конкуренции и требует постоянной коррекции в условиях глобального быстроизменяющегося мира.

Литература

1. Агрпромышленная политика Евразийского экономического союза.
2. [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/APK-rus_n.pdf (дата обращения 19.01.2017).
3. Всемирная продовольственная программа ООН. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wfp.org/> (дата обращения 19.01.2017).
4. Доклад ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/world/459701> (дата обращения 19.01.2017).
5. Глобальный договор ООН в России. Сеть Глобального договора в России 2014–2017 [Электронный ресурс]. URL <http://www.globalcompact.ru/index/czeli-ustojchivogo-razvitiya.html> (дата обращения 26.01.2017).
6. Глобальный индекс продовольственной безопасности. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dupont.ru/content/dam/dupont/corporate/news-events/press-releases/documents/GFSI%20country%20profile%202016_Russia.pdf (дата обращения 19.01.2017).
7. Доклад члена Президиума РАН, директора Всероссийского НИИ экономики сельского хозяйства академик РАН И.Г. Ушачева на Международном бизнес-форуме по вопросам глобальной продовольственной безопасности (сессия «Экспортный потенциал АПК Евразийского экономического союза»). Милан, 3 июня 2015 года. [Электронный ресурс]. URL: https://www.akkor.ru/sites/default/files/ushachev_statya.doc (дата обращения 19.01.2017).

8. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации // Указ Президента РФ от 30.01.2010 № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // Система Консультант Плюс.
9. Евразийский экономический союз. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.evrazes.com/about/structure> (дата обращения 19.01.2017).
10. Индекс продовольственной безопасности стран мира. [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/global-food-security-index/info> (дата обращения 19.01.2017).
11. А. Г. Папцов, Т. Г. Бондаренко, В. И. Тарасов «Импортозамещение в системе мер обеспечения продовольственной безопасности ЕАЭС: направления и перспективы. Импортозамещение в АПК России: проблемы и перспективы: монография. — М.:ФГБНУ «Всероссийский НИИ экономики сельского хозяйства» (ФГБНУ ВНИИЭСХ), 2015–447 с. Москва-2015, страницы 422–432.
12. И. Г. Ушачев. «Экономические и социальные проблемы импортозамещения в АПК. «Научные проблемы импортозамещения и формирования экспортного потенциала в агропромышленном комплексе России. 14–38. Импортозамещение в АПК России: проблемы и перспективы: монография. — М.:ФГБНУ «Всероссийский НИИ экономики сельского хозяйства» (ФГБНУ ВНИИЭСХ), 2015–447 с. Москва-2015.
13. Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015
14. [Электронный ресурс]. URL <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/89/PDF/N1529189.pdf?OpenElement> (дата обращения 26.01.2017)

Информация об авторе
Добросотский Виктор Иванович

Заведующий кафедрой государственного управления и права Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России

Доктор экономических наук. Профессор.
dobrosotskiy@gmail.com
v.i.dobrosotskij@inno.mgimo.ru

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ УГРОЗЫ В ПОСТКОНФЛИКТНОМ МИРОСТРОИТЕЛЬСТВЕ В ЦЕНТРАЛЬНОАФРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО МЕХАНИЗМА РЕАГИРОВАНИЯ НА НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

И. Р. ЮТЯЕВА

***Аннотация.** В эпоху глобализации трансграничные угрозы приобретают всё большее значение, особенно в государствах Африки, которые часто оказываются слишком слабы, чтобы им противостоять. Незащищённость границ Центральноафриканской республики — один из ключевых факторов, препятствующих процессу постконфликтного миростроительства в этой стране.*

Проблема постконфликтного миростроительства в Центральноафриканской республике затрагивался в работах зарубежных исследователей (Анджела Майер, Ивон Локарт Смит, Рене Лемаршанд, Наталия Дукхан, Эми Коплей, Поль Кольер), однако фактор трансграничных угроз не был исследован подробно.

В своём исследовании автор поставил перед собой задачу выяснить, в чём причина неспособности Центральноафриканской республики наладить эффективный механизм реагирования на трансграничные угрозы. В ходе анализа автор применил универсальную эмпирическую модель, предложенную российским политологом Е. Ю. Мелешкиной, чтобы оценить государственную состоятельность Центральноафриканской республики. Автор также использовал концепцию центр-периферийной полярности в интерпретации норвежского политолога С. Роккана для анализа взаимодействия между периферией ЦАР и культурными центрами стран-соседей. В своём исследовании автор опирался на данные докладов международных и неправительственных организаций.

Исследовательская работа состояла из двух частей. В первой части исследования автор проанализировал три группы показателей универсальной модели, позволяющие оценить государственную со-

стоятельность ЦАР. Вторая часть работы была посвящена проблеме неблагоприятного геополитического положения ЦАР как ключевого фактора возникновения трансграничных угроз.

В ходе анализа первой группы индикаторов было установлено, что правительство Центральноафриканской республики не способно обеспечить циркуляцию общественных благ в необходимом объёме из-за нехватки финансовых средств и отсутствия инфраструктуры. Силловые структуры слабы и дезорганизованы, бюрократическая система неэффективна, институты, предназначенные для борьбы с нелегальной торговлей золотом и алмазами, коррумпированы. Государство не обладает монополией на применение силы в стране, о чём свидетельствует активность многочисленных вооружённых группировок. Геополитическое положение Центральноафриканской республики неблагоприятно, поскольку на её приграничные территории часто проникают вооружённые группировки и кочевые скотоводы из стран-соседей. Дополнительную напряжённость создаёт проблема неконтролируемых потоков беженцев. В то же время, на территории стран-соседей расположены сильные культурные центры, с которыми приграничные префектуры Центральноафриканской республики связаны больше, чем с собственной столицей.

Таким образом, в результате исследования удалось установить, что Центральноафриканская республика отличается недостаточной государственной состоятельностью и неблагоприятным геополитическим положением. Именно эти факторы не позволяют стране наладить эффективный механизм реагирования на трансграничные угрозы.

Ключевые слова. Центральноафриканская республика, трансграничные угрозы, постконфликтное миростроительство.

Введение. В эпоху глобализации трансграничные угрозы приобретают всё большее значение в вопросах обеспечения национальной безопасности. Особенно это касается африканских государств, которые зачастую оказываются слишком слабыми, чтобы противостоять трансграничным вызовам. В силу обстоятельств, связанных с историей деколонизации стран континента, границы в Африке часто проводились искусственно, в связи с чем в настоящее время 109 пограничных линий разделяют 177 культурных и этнических групп. Это даёт населению приграничных территорий стимул для неконтролируемого перемещения из одного государства в другое, при этом ситуация усугубляется тем, что около 25% общей протяжённости границ между африканскими странами до сих пор не демаркированы. Кроме того, границы между африканскими странами, как правило, плохо охраняются: известно

около 70 дорог, на которых отсутствуют таможенные посты в районе пересечения государственной границы [Okumu, 2011, p. 4].

Если в государстве, восстанавливающемся после конфликта, правительству не удаётся установить контроль над приграничными территориями, это создаёт условия для деятельности террористов, преступных группировок, торговцев наркотиками, что, в свою очередь, приводит к обострению социальных противоречий и оттоку беженцев. Примером того, как незащищённость внешних границ оказывает крайне негативное влияние на процесс постконфликтного миростроительства, может служить ситуация в Центральноафриканской республике.

На данный момент в ЦАР продолжается комплексный социально-политический конфликт, усугубляющийся общим кризисом государственной системы [Торкунов, Мельвиль, 2014, с.492]. Ситуация осложняется глубоким кризисом национальной экономики, притоком оружия из-за рубежа, а также массовым переходом военнослужащих на сторону антиправительственных групп. Ситуация в очередной раз обострилась в начале декабря 2013 года после столкновений в Банги двух группировок — «Селеки» (мусульмане) и «Анти-балаки» (христиане и анимисты). После принудительной отставки президента ЦАР Мишеля Джотодиа в начале 2014 года было создано переходное правительство во главе с нейтральной фигурой Катрин Самба-Панза. В июле 2014 года конфликтующие стороны в ЦАР при посредничестве президента Республики Конго подписали Браззавильское соглашение о перемирии, которое было нарушено в конце 2016 года в результате новых столкновений в столице страны. В мае 2015 года в ходе форума по урегулированию в ЦАР в Банги вооружённые группировки ЦАР подписали соглашение о «формальном разоружении, отказе от вооружённых столкновений как политических средств и вступлении в процесс разоружения, демобилизации, реинтеграции и репатриации» (DDRR). В 2016 году в стране состоялись президентские выборы. К участию в них не было допущено руководство страны и члены правительства переходного периода, а также лидеры боевых повстанческих группировок. Победу одержал Форстен-Арканж Туадера, бывший премьер-министр при режиме Бозизе. Переходный период формально на этом закончился, однако столкновения между различными вооружёнными группировками по-прежнему продолжаются.

Проблема постконфликтного миростроительства в африканских государствах частично затрагивалась в работах российских африканистов Г.М. Сидоровой, И.О. Абрамова, Д.М. Бондаренко. Различные аспекты урегулирования конфликта в ЦАР широко освещены в анали-

тических докладах сотрудников международных аналитических центров (Анджела Майер, Ивон Локарт Смит, Рене Лемаршанд, Наталия Дукхан, Эми Коплей), а также в отдельных трудах известных политологов (Поль Кольер). Вместе с тем, проблема трансграничных угроз в постконфликтном миростроительстве в ЦАР до сих пор не получила должного освещения в исследовательской литературе.

Теоретические основания исследования. При проведении исследования автор опирался на труды российских политологов И. В. Кудряшовой и Е. Ю. Мелешкиной, а также труд норвежского политолога С. Роккана. Анализируя государственную состоятельность Центральноафриканской республики, автор опирался на определение, предложенное И. В. Кудряшовой, которая понимает под этим термином способность государства эффективно контролировать территорию и производить общественные блага [Кудряшова, 2011, с. 22]. Исследуя проблему влияния внешних культурных центров на периферию ЦАР, автор употребляет термины «центр» и «периферия» в том значении, в котором их использовал С. Роккан, определявший центры как локусы, где принимаются самые важные решения, а периферии — как территории, которые так или иначе зависят от решений, принятых в центре [Rokkan, 1973, p. 79].

Исследование: основная часть. Гипотеза, выдвинутая автором исследования, заключается в том, что неспособность Центральноафриканской республики наладить эффективный механизм реагирования на трансграничные угрозы объясняется наличием двух ключевых обстоятельств. Первое из них — недостаточная государственная состоятельность ЦАР, второе — неблагоприятное соседство со странами, отличающимися внутренней нестабильностью, и наличие в этих странах относительно сильных культурных центров.

Методология исследования. Оценивая государственную состоятельность ЦАР, автор использовал функциональный подход, то есть, анализировал способность государства выполнять свои функции. В качестве инструмента анализа государственной состоятельности Центральноафриканской республики была избрана универсальная эмпирическая модель, предложенная российским политологом Е. Ю. Мелешкиной. Эта модель включает в себя три группы показателей: характеристики размера и объёма циркуляции общественных благ, показатели инфраструктурной способности государства и индикаторы качества государственного управления [Мелешкина, 2012, с.30].

Исследуя второе обстоятельство — в частности, влияние культурных центров, — автор применил к ситуации в ЦАР концепцию центр-периферийной полярности в интерпретации норвежского политолога

С. Роккана. В случае с ЦАР интерес представляет взаимодействие между периферией ЦАР и культурными центрами стран-соседей, а также проблема отсутствия подобного взаимодействия между столицей ЦАР и некоторыми приграничными префектурами.

Материалы исследования. В своём исследовании автор использовал данные докладов Всемирного Банка, международного Фонда Bertelsmann, британского исследовательского центра GSDRC, организации Human Rights Watch и других неправительственных организаций.

Процедура исследования. Исследовательская работа состояла из двух частей. В первой части исследования автор проанализировал три группы показателей универсальной модели, позволяющие оценить государственную состоятельность ЦАР. Вторая часть работы была посвящена проблеме неблагоприятного геополитического положения ЦАР как ключевого фактора возникновения трансграничных угроз.

Результаты исследования. В ходе анализа первой группы индикаторов было установлено, что правительство Центральноафриканской республики не способно обеспечить циркуляцию общественных благ в необходимом объёме. Налоговая нагрузка в ЦАР составляет ок. 5% ВВП, государственные расходы — ок. 14% ВВП. Если учесть, что по размеру ВВП Центральноафриканская республика занимает одно из последних мест в мировом рейтинге (3 млрд долл.), становится очевидным, что этих средств явно не достаточно для того, чтобы покрыть социальные, экономические и военные нужды государства.

Обеспечить циркуляцию общественных благ на всей территории страны правительство ЦАР тем более не в силах: под контролем государственной администрации по сути находится только столица, при этом из-за низкого качества инфраструктуры связь центра с отдельными территориями может осуществляться только посредством вертолётных перелётов. Нередки случаи, когда префекты, назначаемые в отдалённые префектуры, оказываются вынуждены вернуться в столицу, поскольку не справляются с управлением. Социальные услуги в таких префектурах оказываются не государством, а различными организациями гуманитарной помощи, или же не оказываются вовсе [Central African Republic Country Report, 2016, p. 7].

Соответственно, фактическое отсутствие государственного контроля на востоке страны позволяет боевикам «экс-Селеки» использовать ключевые районы добычи алмазов и золота в префектурах Верхнее Котто, Нижнее Котто и Уака и обогащаться за счёт контрабандной торговли с Чадом, Суданом, Камеруном и ДРК или же перепродажи алмазов и золота центральноафриканским компаниям. На юго-западе страны

значительные месторождения контролируются отрядами «Анти-балаки». Деньги, вырученные от продажи добытых алмазов и золота, руководство вооружённых группировок расходует на закупку военной техники и выплату жалованья своим солдатам.

Анализ второй группы индикаторов продемонстрировал слабость силовых структур и неэффективность бюрократической системы ЦАР. Силы безопасности республики на протяжении последних двух десятилетий демонстрировали крайнюю степень дезорганизованности и ориентировались скорее на защиту правящего режима, нежели населения страны. В 2003 году им не удалось предотвратить государственный переворот, в результате которого Франсуа Бозизе удалось свергнуть режим Анжа-Феликса Патассе, а в 2013 году вооружённые силы не смогли защитить и самого Бозизе и помешать «Селеке» захватить власть. По состоянию на 2016 год силы безопасности ЦАР насчитывают 7900 человек. При этом в активе армии лишь около 1000 солдат, в то время как 5000 человек официально разоружены, хотя и получают жалованье.

Институты, предназначенные для борьбы с нелегальной торговлей золотом и алмазами (Министерство горнорудной промышленности, Отдел по оценке и контролю продажи алмазов и золота — BECDOR, Подразделение сил безопасности по борьбе с нелегальной добычей и торговлей алмазами) определённо не справляются с поставленными задачами. В докладе Всемирного Банка, посвящённом проблеме незаконной торговли алмазами в ЦАР, констатируется слабость указанных институтов и их неспособность своевременно задействовать правоприменительные механизмы при обнаружении случаев незаконной торговли. Отмечается нехватка кадров для обеспечения мониторинга алмазных месторождений по всей стране, а также отсутствие институтов, которые могли бы решить проблему коррумпированности национальных механизмов реагирования [A Comprehensive Approach, 2010, p. 57].

В ходе анализа третьей группы индикаторов было выявлено низкое качество государственного управления в ЦАР. Переходное правительство республики (2013–2016 гг.), включавшее представителей различных враждующих группировок, часто оказывалось неспособным принять решение из-за конфликта интересов. Переходные институты не обладали всей полнотой власти и действовали, в первую очередь, при поддержке миссии ООН по стабилизации в Центральноафриканской Республике (МИНУСКА) и миссии Евросоюза в ЦАР (до 31 октября 2016 года — также при поддержке французских миротворческих сил). О том, что правительство ЦАР до сих пор фактически не обладает монополией на применение силы в стране, свидетельствует высокая

активность различных вооружённых группировок — особенно на востоке страны, где территории населены крайне редко. Безопасность в отдалённых от центра префектурах обеспечивается миротворцами или отрядами самозащиты.

Исследуя проблему неблагоприятного геополитического положения ЦАР, автор обратил внимание на то, что в условиях отсутствия политического контроля на протяжённых участках границ приграничные территории оказываются крайне уязвимыми в случае внешних вторжений. Во время конфликтов как правительственные войска, так и антиправительственные вооружённые группировки соседних государств беспрепятственно пересекают плохо контролируемые границы ЦАР. Так, например, в 2010 году Уганда проводила на территории ЦАР военную операцию с целью истребления боевиков террористической группировки «Армия Освобождения Господня». Камерун преследует на территории ЦАР боевиков Демократического фронта центральноафриканского народа (FDPC), которые промышляют грабежами на основной трассе между Банги и Яунде, что затрудняет торговлю Камеруна с ЦАР (через эту трассу проходит почти весь объём экспорта ЦАР, что позволяет Камеруну получать существенные доходы за счёт обеспечения транзита). Другой сосед ЦАР, Чад, тоже всегда был заинтересован в том, чтобы центральноафриканская территория не использовалась вооружёнными группировками чадской оппозиции в качестве убежища. В связи с этим Чад всегда придерживался прагматичной политики в отношении ЦАР и поддерживал те силы, которые демонстрировали способность взять ситуацию в стране под контроль. Так, например, в сентябре 2012 года президент Чада Идрис Деби в виду нежизнеспособности режима Бозизе отозвал свои части из Банги и стал оказывать поддержку «Селеке», обеспечивая поставки военного оборудования для нужд группировки. Кроме того, в период пребывания «Селеки» у власти правительство Чада направляло в руководящий состав группировки своих офицеров, тем самым решая проблему трудоустройства демобилизованных военных, которые не смогли адаптироваться к гражданской жизни. Чад играет активную роль в конфликте, стремясь через миротворческую миссию ЭККАС оказать содействие Народному фронту возрождения ЦАР (FPRC).

Не менее важным фактором нестабильности является наличие на территории соседних стран чёрных рынков, позволяющих сбывать контрабандные товары. Даже после того, как в 2013 году страны-участницы Кимберлийского процесса ввели запрет на выдачу ЦАР сертификатов на торговлю алмазами, сочтя, что «кровавые алмазы» являются одним

из ключевых факторов сохранения нестабильности в стране и регионе, это не остановило нелегальную добычу и контрабанду. Необработанные алмазы из ЦАР стали попадать на внешний рынок через чёрный рынок Камеруна: резко возросли объёмы необработанных алмазов, нелегально сбываемых контрабандистами из ЦАР в восточном Камеруне (города Гбитти, Кензу, Гаруа Булай и др.). Известно, что на вырученные деньги контрабандисты покупают оружие, которое продают потом вооружённым группировкам, участвующим в конфликте в ЦАР.

Кроме того, отряды «экс-Селеки» и «Анти-балаки» обогащаются за счёт рэкета: вооружённые группировки устанавливают специальные пункты на контролируемых территориях для взимания «налогов» с иностранных компаний, занимающихся разработкой месторождений или лесозаготовками на территории ЦАР. В январе 2014 года отрядам «Анти-балаки» удалось взять под контроль важный участок границы между населёнными пунктами Белоко и Гаруа Булай на границе между ЦАР и Камеруном, что позволяло им собирать «налоги» и грабить грузовой транспорт. Как только этот участок границы был занят французскими миротворцами, отряды «Анти-балаки» переместились южнее, захватив нелегальный пропускной пункт и получив возможность взимать налоги с контрабандных товаров [Weyns, 2014, p. 60].

Проблема уязвимости внешних границ ЦАР осложняется тем, что они были проведены искусственно, без учёта этнических и конфессиональных реалий. Исторически сложилось так, что многие приграничные территории ЦАР обладают более тесными связями с соседними государствами, чем с собственной столицей. Так, например, префектура Вакага на северо-востоке страны остаётся оторванной от центра как в экономическом, так и в культурном смысле. В префектуре почти не говорят на санго; большую часть населения составляют мусульмане; культурные связи населения с городами Абеше (Чад) и Ньяла (Судан) крепче, чем с Банги (ЦАР). В сезон дождей дорога, соединяющая префектуру со столицей, оказывается размытой, так что в течение полугодия транспортных связей с Банги фактически нет [The Central African Republic crisis, 2016, p. 41]. Применяя концепцию центр-периферийной полярности в интерпретации С. Роккана, можно констатировать наличие предпосылок для экономической и культурной дифференциации, которая могла бы привести к отделению префектуры в случае, если бы она обладала достаточным экономическим потенциалом. Однако с учётом того, что префектура экономически несостоятельна, её население не обозначает стремления к независимости, а политический вакуум заполняется различными вооружёнными группировками.

Ещё один фактор, создающий условия для возникновения трансграничных угроз, — распространённость кочевого скотоводства и борьба за пастбища. Кочевые скотоводы, живущие на восточных и западных границах ЦАР, часто конфликтуют из-за доступа к пастбищам между собой, а также участвуют в вооружённых столкновениях со скотоводами из Чада, которые часто нарушают границу ЦАР. Показательными являются события 2002 года, когда в одном из столкновений суданские кочевники убили духовного лидера мусульман префектуры Вакага, за что центральноафриканцы отомстили, убив 63 суданца в Бирао. Чтобы урегулировать конфликт, суданское правительство предложило воздвигнуть в префектуре памятник духовному лидеру, а также открыть школу и общественный центр. Однако всё это так и не было реализовано, поскольку средства, выделенные Суданом центральноафриканскому правительству, не были потрачены центром по назначению. Это негативно сказалось на настроениях населения префектуры Вакага, в связи с чем представители этнической группы гула, которой принадлежал убитый духовный лидер, пополнили ряды антиправительственных вооружённых группировок [State of Anarchy: Rebellion and Abuses against Civilians, 2007, p. 78].

В результате правительство ЦАР сталкивается с проблемой наличия на пограничных территориях неуправляемых сообществ со своим собственным жизненным укладом. Часто население этих территорий фактически подчиняется племенным вождям или религиозным лидерам, а экономика контролируется местными бизнес-структурами. Некоторые эксперты полагают, что следует позволить лидерам местных сообществ (в случае, если они действительно способны обеспечить защиту населению) проявлять больше инициативы в сфере обеспечения безопасности, в том числе дать им возможность самостоятельно отслеживать деятельность международных миссий. Именно лояльные центру местные лидеры должны обеспечивать правопорядок на приграничных территориях, предотвращать рекрутирование мирного населения в вооружённые группировки и принимать активное участие в урегулировании социальных конфликтов.

Одним из последствий конфликта в ЦАР стал неконтролируемый отток населения из страны: так, по состоянию на май 2015 года в соседних странах (Камерун, Чад, ДРК, Республика Конго) находилось 462 тысячи центральноафриканских беженцев [Sy, 2015, p. 16]. Массовое расселение беженцев на приграничных территориях соседних стран приводит к борьбе за ресурсы между ними и местным населением, что, в свою очередь, ещё больше дестабилизирует ситуацию на границе с ЦАР.

Так, например, количество центральноафриканских беженцев, прибывших в Чад с декабря 2013 по сентябрь 2014 года, составило около 105 тыс. человек. В связи с этим поголовье скота в приграничных районах Чада увеличилось на 60 %, что привело к ожесточённой борьбе за пастбища между представителями местных общин. В отсутствие возможности прокормить свой скот беженцы стали массово продавать его так называемым «новым скотоводам» — наиболее обеспеченным представителям военной и гражданской администрации, которые стали нанимать представителей вооружённых группировок этнической группы пеулов для защиты приобретённого скота. Это привело к учащению столкновений между военными и гражданским населением приграничных территорий, что только усугубило ситуацию на границе между ЦАР и Чадом.

Правительство ЦАР вкладывает крайне недостаточно средств в совершенствование миграционной системы и системы пограничного контроля, которые в настоящее время не соответствуют международным стандартам. Необходимо выделять больше средств на подготовку сил пограничного контроля, сотрудников миграционных органов и таможи, а также полностью обновить соответствующую инфраструктуру, в частности — оборудование пограничных пунктов.

Анализ результатов. В результате проведённого исследования было установлено, что Центральноафриканская республика не способна обеспечить на всей своей территории циркуляцию общественных благ; её силовые структуры и бюрократическая система крайне слабы и неэффективны; качество государственного управления остаётся низким. Всё это позволяет сделать вывод о недостаточной государственной состоятельности ЦАР, а следовательно — о её неспособности контролировать свои границы и приграничные территории. Это обстоятельство приводит к экономической и культурной переориентации отдалённых от центра префектур на внешние центры, делает население этих префектур крайне уязвимым в условиях постоянной угрозы вторжения с территории соседних государств.

Заключение. Таким образом, результаты проведённого исследования подтвердили гипотезу, выдвинутую автором. Центральноафриканская республика оказывается не в состоянии наладить эффективный механизм реагирования на трансграничные угрозы в силу недостаточной государственной состоятельности и своего неблагоприятного геополитического положения в кольце стран, отличающихся высоким уровнем внутренней нестабильности и наличием относительно сильных культурных центров.

Литература

1. Кудряшова И. В. Государственная состоятельность как критерий легитимации новых государств / И. В. Кудряшова // Сравнительная политика. 2011. №3. С. 22.
2. Мелешкина Е. Ю. Формирование новых государств в Восточной Европе: Монография. Москва: ИНИОН РАН, 2012. С. 30.
3. Торкунов А. В. Политические системы современных государств: Энциклопедический справочник: В 4 т. Т. 4: Африка / А. В. Торкунов, А. Ю. Мельвиль. М., 2014. 560 с.
4. A Comprehensive Approach to Reducing Fraud and Improving the Contribution of the Diamond Industry to Local Communities in the Central African Republic. World Bank Report No. 56090-CF. 2010. P. 57. [Electronic resource]. URL: <http://www.ddiglobal.org/login/resources/central-african-republic-communities-fraud-diamonds.pdf> (The date of request: 15.01.2017).
5. Central African Republic Country Report. Gütersloh: Bertelsmann Stiftung, 2016. P. 7. [Electronic resource]. URL: https://www.bti-project.org/fileadmin/files/BTI/Downloads/Reports/2016/pdf/BTI_2016_Central_African_Republic.pdf (The date of request: 15.01.2017).
6. Cities, States and Nations: A Dimensional Model for the Study of Contrasts in Development // Building states and nations: Models and data resources/ Ed. by Eisenstadt S., Rokkan S.–L.: Sage, 1973. V. 1. P. 78.
7. Dukhan N. The Central African Republic crisis. Birmingham, UK: GSDRC, University of Birmingham. 2016. P. 41. [Electronic resource]. URL: http://www.gs-drc.org/wp-content/uploads/2016/05/CAR_Jan2016.pdf (The date of request: 15.01.2017).
8. Okumu W. Border management and security in Africa. Concordis Briefing №4. Cambridge, England: Concordis International. 2011. P. 4. [Electronic resource]. URL: http://concordis.international/wp-content/uploads/2012/11/2011_Sudan_Border_Regime_Briefing_4_BORDER-MANAGEMENT-SECURITY-II_LR.pdf (The date of request: 15.01.2017).
9. State of Anarchy: Rebellion and Abuses against Civilians. Human Rights Watch. September 2007. V. 19. №14 (A). [Electronic resource]. URL: Retrieved from: <https://www.hrw.org/reports/2007/car0907/car0907web.pdf> (The date of request: 15.01.2017).
10. Sy A., Copley A. Emerging from crisis: The role of economic recovery in creating a durable peace for the Central African Republic. Brookings Institution. October 2015. [Electronic resource]. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2015/10/global_20160811_car_emerging_from_crisis.pdf (The date of request: 15.01.2017).
11. Weyns Y., Hoex L., Hilgert F., Spittaels S. Mapping Conflict Motives: the Central African Republic. IPIS. Antwerp, November 2014. P. 60. [Electronic resource]. URL:

http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/20141124_CAR.pdf (The date of request: 15.01.2017).

**CROSS-BORDER THREATS IN POSTCONFLICT PEACEBUILDING
IN THE CENTRAL AFRICAN REPUBLIC: THE PROBLEM OF BUILDING
AN EFFECTIVE RESPONSE MECHANISM ON THE NATIONAL LEVEL**

I. R. Lutiaeva

Abstract. *In the era of globalization cross-border threats become increasingly significant, especially in African states, which often turn out to be too weak to confront them. Unprotected borders are one of the key factors hindering the process of post-conflict peacebuilding in this country.*

The issue of post-conflict peacebuilding in the Central African Republic was touched in the works of many foreign researchers (Angela Meyer, Ivonne Lockhart Smith, René Lemarchand, Natalia Dukhan, Amy Copley, Paul Colier); however, the factor of cross-border threats was not analyzed thoroughly.

In the present research the author set a goal to find out what is the reason of the incapability of the Central African Republic to rectify an effective mechanism to respond to cross-border threats. In the analysis the author applied the universal empirical model suggested by the Russian political scientist E.Yu. Meleshkina in order to evaluate the stateness of the Central African Republic. The author also applied the concept of centre-periphery polarity interpreted by the Norwegian political scientists S.Rokkan in order to analyze the co-operation between the periphery of the Central African Republic and cultural centres of its neighboring countries. In the research the author used the data of reports of international and non-governmental organizations.

The research process consisted of two parts. In the first part the author analyzed three groups of indicators included into the universal model, which allowed to evaluate the stateness of the Central African Republic. The second part was devoted to the problem of the unfavorable geopolitical position of the Central African Republic as the key factor of the emergence of cross-border threats.

The analysis of the first group of indicators showed that the government of the Central African Republic is unable to ensure circulation of public goods in the right quantity because of the lack of financial resources and infrastructure. The security forces are weak and disorganized, the bureaucratic apparatus is inefficient, the anti-fraud institutions are corrupted. The state does not have a monopoly on the use of force, which is proved by the activity of numerous armed groupings. The geopolitical position of the Central African Republic is unfavorable because its borderline territories are often invaded by armed

groupings and pastoral nomads from neighboring countries. Additional tension is caused by uncontrolled flows of refugees. At the same time, neighboring countries have strong cultural centres, with which the borderline prefectures of the Central African Republic are connected stronger than with their own capital.

All in all, the research showed that the Central African Republic is characterized by insufficient stateness and unfavorable geopolitical position. These two factors prevent the country from rectifying an effective mechanism to respond to cross-border threats.

Keywords. *The South African Republic, cross-border threats, post-conflict peacebuilding.*

References

1. Kudrjashova, I.V. (2011) Gosudarstvennaja sostojatel'nost' kak kriterij legitimacii novyh gosudarstv [Stateness as a Criterion of Legitimacy of the New States] *Sravnitel'naja politika. [Comparative politics]*, 3, 22.
2. Meleshkina, E.Ju. (2012) Formirovanie novyh gosudarstv v Vostochnoj Evrope: Monografija [The Formation of New States in the Eastern Europe]. Moskva: INION RAN.
3. Torkunov A.V. (2014) Politicheskie sistemy sovremennyh gosudarstv: Jenciklopedicheskij spravocnik: V 4 t. T. 4: Afrika [Political Systems of Sovereign States] / A.V. Torkunov, A.Ju. Mel'vil'. Moskva: Aspekt Press.
4. *A Comprehensive Approach to Reducing Fraud and Improving the Contribution of the Diamond Industry to Local Communities in the Central African Republic. World Bank Report No. 56090-CF.* (2010). Retrieved 15 January, 2017 from <http://www.ddiglobal.org/login/resources/central-african-republic-communities-fraud-diamonds.pdf>.
5. *Central African Republic Country Report.* (2016) Gütersloh: Bertelsmann Stiftung. Retrieved 15 January, 2017 from https://www.bti-project.org/fileadmin/files/BTI/Downloads/Reports/2016/pdf/BTI_2016_Central_African_Republic.pdf.
6. Rokkan, S.-L. & Eisenstadt S. (1973). Cities, States and Nations: A Dimensional Model for the Study of Contrasts in Development, Eisenstein and Rokkan (eds.), *Building states and nations: Models and data resources*, Sage.
7. Dukhan, N. (2016) The Central African Republic crisis. Birmingham, UK: GS-DRC. Retrieved 15 January, 2017 from http://www.gsdr.org/wp-content/uploads/2016/05/CAR_Jan2016.pdf.
8. Okumu W. (2011) Border management and security in Africa. Concordis Briefing №4. Cambridge, England: Concordis International. Retrieved 15 January, 2017 from: http://concordis.international/wp-content/uploads/2012/11/2011_Sudan_Border_Regime_Briefing_4_BORDER-MANAGEMENT-SECURITY-II_LR.pdf.

9. *State of Anarchy: Rebellion and Abuses against Civilians*. Human Rights Watch. (2007). V. 19. №14 (A). Retrieved 15 January, 2017 from <https://www.hrw.org/reports/2007/car0907/car0907web.pdf>.
10. Sy A. & Copley A. (2015) Emerging from crisis: The role of economic recovery in creating a durable peace for the Central African Republic. Brookings Institution. Retrieved 15 January, 2017 from https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2015/10/global_20160811_car_emerging_from_crisis.pdf.
11. Weyns Y., Hoex L., Hilgert F., Spittaels S. (2014) Mapping Conflict Motives: the Central African Republic. Antwerp: IPIS. Retrieved 15 January, 2017 from: http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/20141124_CAR.pdf.

Информация об авторе:

Ютяева Ирина Романовна

Студентка магистратуры МГИМО

Россия

indigerda@mail.ru

Iutiaeva Irina Romanovna

MA student of MGIMO-University

Russia

indigerda@mail.ru

Научное издание

«25 ЛЕТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ»

Сборник материалов X Конвента РАМИ

(Москва, 8–9 декабря 2016 г.)

В пяти томах

Том 2

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР:

ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ

В двух частях

Часть 2

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция маркировке не подлежит

Компьютерная верстка
и художественное оформление А. С. Туманова

Подписано в печать 25.09.2017

Формат 60×84¹/₁₆. Усл. печ. л. 37,5. Уч.-изд. л. 33,7

Тираж экз. Заказ №

Издательство «МГИМО–Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76